

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КАТКОВА Екатерина Петровна

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ЮГОСЛАВИИ В 1980-1991 ГГ.**

Научная специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Руслан Васильевич КОСТЮК

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Внутривполитическая ситуация и её влияние на внешнеполитический курс Югославии.....	32
1.1. Особенности государственного устройства после смерти Иосипа Броз Тито.....	32
1.2. «Самоуправленческий социализм» и экономическое развитие страны.....	41
1.3. Дезинтеграционные процессы и проблема сепаратизма.....	49
1.4. Приоритетные направления внешней политики Югославии.....	62
Глава 2. Югославия как часть социалистического мира.....	90
2.1. Югославия и Советский Союз: общий потенциал отношений и противоречия.....	90
2.2. Югославия и Восточная Европа: прагматичное партнёрство.....	109
2.3. Югославия и Албания: двусторонние конфликты и попытки их разрешения.....	129
2.4. Югославия и Китай: взаимовыгодное сотрудничество.....	139
Глава 3. Движение неприсоединения и развивающиеся страны во внешней политике Югославии.....	149
3.1. Общая характеристика внешнеполитического потенциала Движения неприсоединения в 1980-е гг.....	149
3.2. Движение неприсоединения во внешней политике Югославии.....	159
3.3. Двусторонние контакты Югославии с неприсоединившимися и развивающимися странами.....	173
Глава 4. Югославия и капиталистический мир.....	192
4.1. Проблемы югославско-американских отношений.....	192
4.2. Югославия и страны Запада: сотрудничество и разногласия.....	208
4.3. Югославия и процессы европейской интеграции: ЕЭС и ЕАСТ.....	239
Заключение.....	254
Список сокращений и условных обозначений.....	258
Список использованных источников и литературы.....	261

Введение

«Югославский вопрос» является одним из наиболее комплексных и противоречивых сюжетов новейшей истории Европы. События, сопряжённые с распадом Югославии в 1991 г., носили трагичный и поистине судьбоносный для всего последующего мирополитического развития характер. Сама дезинтеграция единого государства стала закономерным явлением, отразившим кризис социалистического мира в целом и нежизнеспособность титовской модели югославизма в частности. Обострение внутривосточных проблем после смерти бессменного главы Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) Иосипа Броз Тито отвлекло коллективное руководство от выработки грамотного и предусмотрительного внешнеполитического курса, впоследствии лишив Югославию статуса «третьей силы» на европейском континенте, а также лидерского положения в Движении неприсоединения. Борьба с проявлениями республиканского сепаратизма; хорватского, боснийского, албанского и сербского национализма; глубокий экономический упадок, проблема падения престижа социалистической идеи среди собственных граждан отодвинули вопросы внешней политики на второй план.

Приход к власти в Союзе Советских Социалистических Республик М. С. Горбачева и объявление им политики «нового политического мышления» сместили акценты в международной повестке. Конкуренция за Югославию, её симпатии и нейтралитет между сверхдержавами лишилась практического смысла. Советский Союз, погрузившийся в системный кризис, не был способен оказывать политическую и экономическую поддержку даже своим непосредственным союзникам по Организации Варшавского Договора (ОВД). В то же время в глазах Соединённых Штатов Америки (США), ожидавших скорого поражения в холодной войне своего единственного значимого на тот момент противника, Югославия потеряла привлекательность в качестве противовеса Москве в социалистическом мире. Само существование социалистического мира становилось вопросом времени. Сохранение в центре Европы некапиталистического государства, обладавшего многочисленной и хорошо вооружённой армией, и США, и западноевропейским державам к исходу 1980-х гг. представлялось нежелательным и нецелесообразным. Западный мир предпочитал видеть на месте Югославии конгломерат малых демократических стран, не имеющих достаточного авторитета для оказания влияния на международные дела. СФРЮ, получавшая на протяжении десятилетий немалые дивиденды от проводившейся ей политики нейтралитета и лавирования между сверхдержавами, оказалась в ситуации отсутствия реальных союзников и была вынуждена занять более гибкую и мягкую позицию по ряду международных вопросов. Причём руководство государства долгое время отказывалось мыслить на перспективу, опасаясь

осуществить необходимый в новых условиях пересмотр устаревшей внешнеполитической концепции и зачастую действуя по привычке и наитию.

Вместе с тем, прекращение существования СФРЮ в 1991 г. не обозначало утраты геополитической значимости уже постъюгославского пространства и экономической привлекательности региона Юго-Восточной Европы (или Западных Балкан) для лидеров мирового развития. Наоборот, с конца прошлого столетия этот регион становится объектом лишь все большего интереса со стороны великих сил. К уже традиционным здесь игрокам в лице США, Германии, Австрии, России, Турции присоединяются Китай, а также государства Аравийского полуострова. В этой связи обращение к вопросам исторического прошлого региона, проблематике его международного статуса, особенностям и сложившимся внешнеполитическим традициям сохраняет важность и перспективность, позволяет составлять аналитические прогнозы относительно дальнейшей судьбы постъюгославских республик, что наряду со следующими положениями определяет **актуальность настоящего исследования**.

С исторической точки зрения представляется, что Югославия внесла весомый вклад в формирование и развитие так называемого «третьего мира» и олицетворяющего его Движения неприсоединения. О создании движения было официально объявлено на Белградской конференции в сентябре 1961 г. Немаловажным фактором в данном случае стала личность Иосипа Броз Тито и воля, проявленная им в деле отстаивания прав и свобод неприсоединившихся к Организации Североатлантического договора (НАТО) и ОВД стран мира. В 1980-е гг. участие страны в движении считалось одним из наиболее приоритетных направлений её внешней политики. Вклад Югославии в создание и успешное функционирование альтернативной двум противоборствующим блокам международной коалиции сложно переоценить. Следует подчеркнуть, что в то время как Югославия прекратила своё юридическое и фактическое существование, Движение неприсоединения все ещё продолжает работу, причём две из шести бывших республик СФРЮ принимают в ней участие на правах наблюдателей.

Стоит также заметить, что несмотря на тот факт, что балканские страны, занимая положение так называемых «малых стран», никогда не играли доминирующей роли и не обладали правом решающего голоса в европейских делах, часто именно они служили причиной общеевропейских конфликтов и противоречий, неизменно оставляя след во всех крупнейших политических событиях на континенте. Примерами этому могут служить русско-турецкие войны XVIII-XIX вв., обе мировые войны и, в конечном итоге, противоречия, возникшие между Россией и НАТО из-за Югославии в 1990-е гг., не говоря уже о том, что «балканский кризис» стал важной вехой на пути к формированию нового мирового порядка. Истоки событий конца

XX в. следует в том числе искать и в таком малосущественном на первый взгляд аспекте международных отношений как внешняя политика Югославии накануне распада.

С геополитической точки зрения, являясь важным звеном в евразийской береговой зоне, территория Югославии в титовскую и посттитовскую эпохи представляла собой буфер между двумя военно-политическими блоками. Аналогичную роль буфера, несмотря на смену международного порядка, Юго-Восточная Европа продолжает играть и по сей день.

США оказывают существенное влияние на положение дел в регионе, усиливая в нём деятельность своих дипломатических представительств, военных миссий и гуманитарных фондов. Значимость балканского направления отдельно обозначена во внешнеполитической концепции страны. Возвращение России на Балканы состоялось в 1999 г. в ходе марш-броска на аэродром Слатина. Уже тогда ослабленная хаосом внутривосточной жизни страна выразила своё намерение закрепиться в регионе. Впоследствии заинтересованность России во взаимовыгодном сотрудничестве, основанном не только на прагматизме, но и на представлениях об историко-культурной близости с балканскими славянскими народами только увеличивалась. Руководство Российской Федерации (РФ) неоднократно заявляло о значимости постъюгославского фактора в своём стратегическом планировании. Для Германии как остова Европейского Союза (ЕС) благополучие в регионе имеет принципиальное значение как с точки зрения общеевропейской безопасности, так и с точки зрения подтверждения за собой лидерского статуса внутри сообщества. Активные позиции в регионе, опираясь на своё историческое наследие и идеологическую компоненту, стремятся завоевать Австрия и Турция. Китаем в большей степени движут меркантильные интересы – слаборазвитые в экономическом и промышленном отношении страны предоставляют существенные преференции китайскому бизнесу. Для арабских стран Балканы предстают обширным полем для экспорта панисламистских идей и популяризации мусульманского миропонимания.

С учётом того факта, что в своей современной внешней политике и международно-правовом статусе, постъюгославские республики гораздо больше наследовали от СФРЮ периода 1980-х гг., нежели от титовской Югославии, изучение внешнеполитического курса страны в это десятилетие видится необходимым. Именно в 1980-е гг. югославские республики всё чаще стали проявлять себя как самостоятельные субъекты международного права. Юридическим обоснованием к этому служила Конституция 1974 г., углубившая процессы децентрализации власти и даровавшая республиканскому руководству широкие права и компетенции.

Проблема взаимодействия цивилизационных идентичностей в последние несколько десятилетий привлекает к себе всё более пристальное внимание. Притом трактуется она преимущественно в своём конфликтном аспекте, в рамках дискурса о «столкновении

цивилизаций». Сам термин «столкновение цивилизаций» связывается, прежде всего, с концептуальными идеями С. Хантингтона, представленными им в 1993 г. в одноимённой статье, а в 1996 г. и в книге¹. В качестве главных предтеч и адептов цивилизационной теории выступили русский культуролог и социолог, сторонник идеологии панславизма Н. Я. Данилевский²; советский этнограф Л. Н. Гумилёв³ и английский историк А. Тойнби⁴.

С цивилизационной точки зрения регион Юго-Восточной Европы характеризуется исключительной уникальностью, т. к. именно он в Европе является наиболее фронтальным, пограничным, причём сразу между тремя локальными историко-культурными типами: западноевропейским (романо-германским), восточно-православным (славяно-византийским) и исламским. Цивилизационный фактор неизбежно оказывал влияние на внешнюю политику Югославии в 1980-е гг. и бывших югославских республик в последующие десятилетия. С учётом всё более остро проявляющихся себя в современном мире этнических, религиозных, культурных и языковых конфликтов, обращение к аналогичному опыту Югославии и вызвавшим его предпосылкам и причинам становится особо важным и актуальным.

Таким образом, на значительность научно-исследовательских разработок по рассматриваемой теме указывает необходимость комплексно подходить к истории Югославии в последнее десятилетие её существования, уделять равноценное внимание как вопросам внутренней политики, так и внешней, изучение которой часто несправедливо игнорировалось и обосновывалось утверждением о том, что страна в 1980-е гг. была настолько сконцентрирована на внутренних проблемах, что отказалась от проведения активного самостоятельного внешнеполитического курса. Такой подход является в корне ошибочным, т. к. демонстрирует общее пренебрежение к политическому феномену и истории СФРЮ.

Степень научной разработанности темы как в отечественной, так и в зарубежной историографии представляется недостаточной и фрагментарной, что связано с широким кругом причин. До сих пор не существует фундаментального труда, в котором бы всесторонне рассматривались различные аспекты внешнеполитической активности «второй» Югославии на протяжении всего её существования, не говоря уже конкретно о 1980-х гг. Работы современных постъюгославских (а также иных балканских), англоязычных и отечественных авторов, посвящённые последнему десятилетию в истории СФРЮ, сообщают обрывочные сведения о её внешней политике, косвенно затрагивают тему в её временных пределах, однако не акцентируют на ней внимания, не вдаются в подробности и часто ограничиваются общими замечаниями.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2015.

³ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.

⁴ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2002.

Сербское профессиональное сообщество в последние годы начало проявлять особо активный интерес к коммунистическому прошлому, которое в предыдущие десятилетия в исследовательском плане часто игнорировалось. Появились общие труды о югославской эпохе и проблемные работы, затрагивающие отдельные аспекты внешней политики СФРЮ. Не уступают им хорватские и словенские исследователи. Весьма активно югославская проблематика разрабатывается болгарскими историками.

Различные сюжеты истории СФРЮ достаточно подробно рассмотрены в англоязычной историографии, однако её характеризует специфичность оценок и восприятия Югославии, а также определённая доля субъективизма и политизированности, когда речь заходит об идеологической стороне вопроса.

Современные отечественные исследования по Югославии, как правило, концентрируются на вопросах её более ранней истории или сущности конфликтов на постъюгославском пространстве и обделяют вниманием 1980-е гг. Между тем, стоит заметить, что в поздние советские годы по теме внешней политики СФРЮ и её отдельных направлений было защищено несколько диссертаций, опубликованы научно-публицистические статьи. В 1990-е гг. произошёл всплеск исследовательской и публикационной активности в отношении Югославии: историков волновали истоки югославского кризиса. В 2000-е и 2010-е гг. ряд диссертантов посвятили главы своих исследований определённым сюжетам внешнеполитического курса СФРЮ в 1980-е гг. Однако комплексные работы, рассматривающие внешнюю политику Югославии во всём многообразии её направлений на протяжении интересующего нас десятилетия, все же отсутствуют.

Таким образом, можно говорить о том, что наиболее полные и ценные фактологические сведения по теме нашего исследования содержатся в собственно югославских изданиях по отдельным аспектам внешней политики СФРЮ, опубликованным в поздние 1980-е гг., несмотря на свойственную им идеологическую окрашенность, некоторую ангажированность и однобокость. Качественно новые оценочные суждения и характеристики, в свою очередь, предлагаются в современных отечественной и англоязычной историографиях вопроса.

Следует оговориться, что в ряде случаев с целью более полного раскрытия сущности анализируемых феноменов автору приходится обращаться к работам, посвящённым более ранним этапам развития югославского государства.

Исследования, в которых в той или иной степени нашли отражение различные аспекты нашей диссертации, можно разделить на несколько тематических групп:

Работы, посвящённые основам государственного и партийного строя и общим проблемам внутренней и внешней политики Югославии накануне и в 1980-1991 гг.:

Среди русскоязычных исследований, рассматривающих вопросы внутренней политики СФРЮ, наиболее значимыми представляются многочисленные труды В. К. Волкова⁵, Е. Ю. Гуськовой⁶, А. Б. Едемского⁷, П. Е. Канделя⁸, В. М. Каменецкого⁹, В. Д. Кузнецевского¹⁰, К. В. Никифорова¹¹, Е. Г. Пономарёвой¹². В 2011 г. свет увидела коллективная монография учёных Института славяноведения РАН «Югославия в XX веке. Очерки политической истории»¹³, в которой для нас особый интерес представляет Глава 8. «Карделевская Югославия (1974-1990 гг.)», подготовленная К. В. Никифоровым. Основы социально-экономической системы Югославии, а также факторы обусловившие её неэффективность, рассматриваются в работах В. М. Кудрова¹⁴. Проблемы национальной политики СФРЮ, республиканского национализма и сепаратизма, дезинтеграционного кризиса и его этнических аспектов освещены в работах М. Ю. Мартыновой¹⁵, Р. Буквича¹⁶, Ю. В. Ивановой¹⁷, Н. А. Насоновой¹⁸, А. А. Пивоваренко¹⁹. Истоки, а также сущность «албанского» и «косовского» вопросов в Югославии объясняются в проблемных публикациях П. А. Искендерова²⁰ и Е. А. Колоскова²¹.

⁵ Например, *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.

⁶ *Гуськова Е. Ю.* Югославия. Актуальные проблемы общественного развития. М., 1980. Вып. 3., 1981. Вып. 4., 1983. Вып. 5., 1984. Вып. 6., 1985. Вып. 7.; *Она же.* Роль СКЮ в политической системе общества. М., 1983.; *Она же.* Дискуссия о кадровой политике и социально-классовой структуре СКЮ. М., 1985.; *Она же.* Югославская концепция партии в условиях самоуправления. М., 1987.; *Она же.* Идеологическая работа Союза коммунистов Югославии: Св. обзоры: / АН СССР, М., 1988.; *Она же.* От тоталитаризма к демократии: первые итоги выборов на многопартийной основе в Югославии: обзор. М., 1991.; *Она же.* История югославского кризиса. М., 2001.

⁷ Например, *Едемский А. Б.* От провала XIV съезда СКЮ к «третьей Югославии»? // Восточная Европа на историческом переломе (очерки революционных преобразований, 1989—1990 гг.). М., 1991. С. 269-290.

⁸ Например, *Кандель П. Е.* Югославская система самоуправления и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Она же.* Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979 гг.). М., 1979.

⁹ *Каменецкий В. М.* Политическая система Югославии (1950—1980 гг.). М., 1991.

¹⁰ *Кузнецевский В. Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990.

¹¹ *Никифоров К. В.* Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века. М., 2006.; *Она же.* Сербия на Балканах. XX в. М., 2012.; *Она же.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX - начало XXI в. М., 2021.

¹² *Пономарёва Е. Г.* Распад югославской модели федерализма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1995.

¹³ Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Ответ. ред. Никифоров К. В. М., 2011.

¹⁴ *Кудров В. М.* Югославия: трудный путь. М., 2001.; *Она же.* Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 90-105.

¹⁵ *Мартынова М. Ю.* Этнические аспекты современного балканского кризиса: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1996.; *Она же.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.

¹⁶ *Буквич Р.* Региональная проблема социалистической Югославии в 1945-1991 // Вестник Мордов. ун-та. 2014. № 3. С. 129-146.

¹⁷ *Иванова Ю. В.* Косовский кризис. М., 1999.

¹⁸ *Насонова С. А.* Этно-национальные и политические особенности Боснии и Герцеговины в рамках СФРЮ (ФНРЮ) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. 2011. Вып. 9. С. 62-72.

¹⁹ *Пивоваренко А. А.* Предпосылки выхода Хорватии из СФРЮ. Республиканский аспект // Вестник славянских культур. № 3 (2014). М., 2014. С. 50–68.; *Она же.* Становление Ф. Туджмана в качестве лидера хорватского национального движения // Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности, конец 60-х – 80-е гг. XX в. М., 2014. С. 596–608.

²⁰ *Искендеров П. А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 38-54.; *Она же.* Албания и кризисы на постюгославском пространстве // Албанский фактор кризиса на Балканах: Сборник научных трудов. М., 2003.

Среди трудов, посвящённых общим проблемам внешней политики Югославии, помимо уже упомянутой работы П. Е. Канделя, следует выделить диссертационное исследование В. П. Дурнева²², в котором рассматривается проблема национальных меньшинств в контексте внешней политики Югославии, а также исследование Б. А. Шмелева²³ о внешней политике Югославии в 1970-е - начале 1980-х гг. Внимание на себя обращает написанная на основе широкого круга источников и литературы диссертация Б. С. Новосельцева «Внешняя политика Югославии в 1961-1968 гг.»²⁴. Несмотря на то, что её содержание напрямую не связано с темой нашей работы, она выступает важным подспорьем для понимания сути внешней политики «второй Югославии», основы которой закладывались именно в 1960-е гг., на которые пришёлся своеобразный пик могущества югославского государства. Основные направления и проблемы внешней торговли СФРЮ, её роли в международной экономике изложены в соответствующем исследовании В. В. Чернышева²⁵.

Югославские и постъюгославские исследования, содержащие качественный анализ внутривнутриполитической ситуации сложившейся в Югославии в 1980-е гг., представлены работами Д. Биланджича²⁶, Д. Гавриловича²⁷, Д. Дашича²⁸, Б. Петрановича²⁹, М. Црнобрня³⁰, М. Царевича³¹ и др.. Противоречиям югославской модели социализма посвящён коллективный труд сербских историков «Города мы вам воздвигли»³². Вопросы республиканского сепаратизма, дезинтеграционного процесса и его этнических аспектов разрабатываются в исследованиях Д. Джокича³³, Лазо М. Костица³⁴, П. Силича³⁵, В. Стругара³⁶, С. Терзича³⁷. В этом же ряду будет логичным упомянуть монографию болгарского исследователя Крстио

²¹ Колосков Е. А. Косовский миф в сербском политическом дискурсе (1986-1991 г.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. Ответственные редакторы: Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2018. С. 124-128.

²² Дурнев В. П. Проблема национальных меньшинств во внешней политике Югославии (ноябрь 1943 - июнь 1982): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

²³ Шмелёв Б. А. Основные направления внешнеполитического курса СФРЮ в 70-е - начале 80-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

²⁴ Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии в 1961-1968 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

²⁵ Чернышев В. В. Внешнеэкономические связи СФРЮ на современном этапе. М., 1980.

²⁶ Bilandić D. Jugoslavija poslije Tito. 1980-1985. Zagreb, 1986.

²⁷ Gavrilović D. Zatočenici mitova nacionalizma i komunizma: svet i Jugoslavija. Beograd, 2010.

²⁸ Dašić D. D. Neki unutrašnji i međunarodni aspekti krize i raspada Jugoslavije // 20 godina od razbijanja SFRJ. Beograd, 2011. str. 159-183.

²⁹ Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918-1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija 1945-1988. Beograd, 1988.

³⁰ Crnobrnja M. The Yugoslav Drama. London and New York, 1996.

³¹ Carević M. Jugoslavija između etatizma i samoupravljanja. Banjaluka, 1987.

³² Gradove smo vam podigli. O protivorečnostima jugoslovenskog socializma / Ur .Knežević V. Beograd, 2018.

³³ Dokić D. Yugoslavism: Histories of a Failed Idea 1918–1992, London, 2003.

³⁴ Костић Л. М. Спорне територије Срба и Хрвата. Београд, 1990.

³⁵ Силић П. У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. Београд, 1993.

³⁶ Strugar V. Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavia. Beograd, 1992.

³⁷ Терзич С. Старая Сербия: Драма одной европейской цивилизации. М., 2015.

Манчева «Кровавый край Югославия»³⁸. Смысл экономических проблем Югославии в период её полураспада и в дальнейшем объясняется в работе Т. Поповича и С. Стаменковича³⁹.

В диссертационном исследовании хорватского историка Бранко Касало «Международный взгляд на кризис в Югославии 1980-1987 гг.»⁴⁰ освещаются точки зрения европейского и международного сообществ на суть политических, экономических и межнациональных проблем Югославии в рассматриваемый период и, что немаловажно, влияние Югославской народной армии (ЮНА) на внутривнутриполитические процессы в стране.

Достаточно подробный обзор сербско- и хорватоязычной историографии внешней политики СФРЮ даёт в своём предисловии «Историографические знаки. Историографическое наследие о внешней политике Югославии в период «холодной войны» к коллективному труду «Внешняя политика Югославии. 1950-1961 гг.» Любодраг Димич⁴¹.

Основы дипломатии и приоритеты внешней политики СФРЮ накануне и в 1980-е гг. изложены в трудах Д. Бекича⁴², В. Павловича⁴³, Р. Петковича⁴⁴. Вопросы внешней торговли и внешнеэкономического потенциала Югославии рассматриваются в издании Консорциума экономических институтов «Югославия в мировой торговле на пороге XXI века»⁴⁵. Отношениям Югославии с Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) посвящена работа Игоря Янева «Внешняя политика Югославии в отношении ЮНЕСКО»⁴⁶.

Англоязычные работы по теме включают в себя, например, исследования Кристофера Беннета «Кровавый конец Югославии: причины, ход и последствия»⁴⁷, Мари-Жанин Каник «История Югославии»⁴⁸ и «Большой котёл: история Юго-Восточной Европы»⁴⁹, Бранки Магаш «Распад Югославии: на пути к расколу (1980-1992)»⁵⁰, Сабрины П. Рамет «Три Югославии. Государственное строительство и проблемы легитимности в 1918-2005 гг.»⁵¹ и «Балканский

³⁸ Манчев К. Кървавият край на Югославия. София, 2009.

³⁹ Popović T., Stamenković S. Ekonomska drama Jugoslavije: Raspad trzista – sankcije – slom monetarnog sistema. Beograd, 1994.

⁴⁰ Kasalo B. Međunarodni pogledi na krizu u Jugoslaviji 1980.-1987. Doktorski rad. Zadar, 2017.

⁴¹ Dimić L. Istoriografski putokazi: Istoriografsko nasleđe o spoljnoj politici Jugoslavije u Hladnom ratu. Spoljna politika Jugoslavije 1950-1961: Zbornik radova. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije. str. 25-46.

⁴² Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu. Zagreb, 1988.

⁴³ Павловић В. Идеолошки корени Титове спољне политике. Југославија као део совјетске интересне сфере // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2012, стр. 223-265.

⁴⁴ Petković R. Subjektivna istorija jugoslovenske diplomatije 1943-1991. Beograd, 1995; Petković R. Novi prioriteti u spoljnoj politici Jugoslavije. Politička misao. Vol. XXVII. No. 1. 1990. str. 107-114.; Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanosti. Politička misao. Vol. XX. No. 4. 1983. str. 29-37.

⁴⁵ Jugoslavija u svetskoj privredi na pragu XXI veka. Beograd – Zagreb, 1986.

⁴⁶ Janev I. Spoljna politika Jugoslavije (SCG) prema UNESCO-u. Beograd, 2009.

⁴⁷ Bennett C. Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences. New York: New York University Press, 1995.

⁴⁸ Calic M. J. A history of Yugoslavia. Purdue, 2019.

⁴⁹ Calic M. J. The Great Cauldron: A History of Southeastern Europe. London, 2019.

⁵⁰ Magaš B. The destruction of Yugoslavia tracking the break-up. 1980-1992. London, 1993.

⁵¹ Ramet S. P. The Three Yugoslavias. State-Building and legitimation, 1918-2005. Indiana, 2006.

Вавилон: Дезинтеграция Югославии от смерти Тито до падения Милошевича»⁵², Р. М. Хайдена «Начало конца союзной Югославии»⁵³. Во всех них в той или иной степени освещаются вопросы внешней политики СФРЮ в 1980-е гг.

Работы, посвящённые вопросам взаимодействия Югославии с СССР, странами ОВД и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а также другими социалистическими странами накануне и в 1980-1991 гг.:

Отношения Югославии с Советским Союзом подробно анализируются в монографии С. А. Романенко «Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г.»⁵⁴, а также отдельных статьях, как, например, «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм». М. С. Горбачёв и судьба Югославии»⁵⁵, в которой автор приходит к выводу о желании Горбачёва воспрепятствовать распаду Югославии и отсутствию у СССР реальных рычагов и шансов для её сохранения в прежнем виде. Визиту М. С. Горбачёва в Югославию в 1988 г. посвящают специальные публикации Е. Ю. Гуськова⁵⁶ и А. Б. Эдемский⁵⁷. Политике СССР последних лет и новой России в отношении распадающейся Югославии специальное исследование посвятила Е. Ю. Гуськова⁵⁸. Среди англоязычных публикаций о югославско-советских отношениях следует выделить главу П. Драгишича «Югославия и перестройка. Между надеждой и разочарованием» в коллективном издании «Перестройка и партия. Национальные и международные взгляды на коммунистические партии Европы в эпоху советских реформ»⁵⁹.

Сотрудничество СФРЮ с социалистическими странами в рамках СЭВ рассматривается в издании «Югославия и СЭВ. Интенсификация экономического сотрудничества Югославии и СЭВ»⁶⁰, выпущенной под редакцией Любиши С. Адамовича; издании «Сотрудничество СФРЮ и СЭВ: принципы, актуальные вопросы, перспективы» под редакцией Л. Првуловича⁶¹; труде А.

⁵² Ramet S. P. *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia From The Death of Tito to The Fall of Milosevic*. London, 2002.

⁵³ Hayden R. M. *The beginning of the end of the Federal Yugoslavia: the Slovenian amendment crisis of 1989*. Pittsburg, 1992.

⁵⁴ Романенко С. А. *Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г.* М., 2011.

⁵⁵ Он же. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм». М. С. Горбачёв и судьба Югославии // *Славянский альманах*. М., 2007. С. 171-209.

⁵⁶ Гуськова Е. Ю. *Сербия ждала поддержки. Визит М. С. Горбачёва в Югославию в марте 1988 года // Новая и новейшая история*. 2019. Вып. 5. С. 128-144.

⁵⁷ Эдемский А. Б. *О визите М. С. Горбачева в Югославию в марте 1988 года // Slobodan Milošević: put ka vlasti. Osmo sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice*. Beograd, 2008.

⁵⁸ Гуськова Е. Ю. *Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985-1995)*. М., 2022.

⁵⁹ *Perestroika and the Party. National and Transnational Perspectives on European Communist Parties in the Era of Soviet Reform*. New York, 2019.

⁶⁰ Adamović L. S. *Jugoslavija I SEV Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa*. Beograd, 1985.

⁶¹ *Saradnja SFRJ – SEV: Principi, aktuelna pitanja, perspektive (zajedničko izdanje sa PKJ) / Red. Prvuović L.* Beograd, 1987.

Чирича⁶². Отношениям с Болгарией посвящена соответствующая диссертация Страшила С. Тодорова⁶³, отношениям с Польшей в обозначенный период – статья Н. Стамболии⁶⁴. Контакты Югославии с другими членами ОВД в 1980-е гг., к сожалению, пока ещё не нашли своего подробного отражения в отдельных публикациях.

Югославско-китайские отношения начиная с 1977 г. являются предметом диссертационного исследования Сани З. Арежины⁶⁵. Албанский взгляд на тему двусторонних отношений СФРЮ и Албании представлен в проблемных статьях Е. Биберай⁶⁶.

Работы, посвящённые Движению неприсоединения (ДН) в принципе, роли Югославии в нём, а также двусторонним связям Югославии с развивающимися странами накануне и в 1980-1991 гг.:

Необходимо сказать, что различные аспекты истории освободительного движения и Движения неприсоединения достаточно полно разработаны как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В бывшей Югославии за исследованиями в этой области признавалась особая важность. Назовём лишь те работы, которые непосредственно затрагивают изучаемый нами период и предшествующее ему десятилетие, чтобы отследить преемственность политики СФРЮ в этом направлении с поздней титовской эпохой. Проблема освободительного движения и участия в нём Югославии с официальных позиций освещается в сборнике статей «Антиколониальная политика и экономическая эмансипация в мире»⁶⁷. Вопрос международного статуса и влияния Движения неприсоединения в рассматриваемый период времени анализируется в трудах О. В. Бахарева⁶⁸ и Б. Тадич⁶⁹, а также в издании под редакцией Р. А. Тузмухамедова и И. И. Коваленко «Мировой социализм и Движение неприсоединения»⁷⁰. Роль Югославии в движении, специфика её двусторонних контактов с развивающимися странами и содержание позиции по локальным конфликтам в «третьем мире» отражены в работах Д. Богетича⁷¹, Р. Нибура⁷², Б. Тадич⁷³, Т. Яковины⁷⁴, причём точка зрения

⁶² Ćirić, A. Lj. Jugoslavija – SEV. Odgovornost prodavača za isporuku. Beograd, 1989.

⁶³ Тодоров С. С. Отношения между Болгарией и Югославией в 80-е и начале 90-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

⁶⁴ Stambolija N. Jugoslovensko-poljski odnosi u 1986. godini // Jugoslavsko-poljski odnosi u XX veku: Zbornik radova. Beograd, 2015.

⁶⁵ Arežina Sanja Z. Odnosi NR Kine sa Jugoslavijom i Srbijom od 1977. do 2009. godine. Doktorski rad. Beograd, 2013.

⁶⁶ Например, Biberaj E. Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // East European Quarterly. 1983. № 4. P. 173-189.

⁶⁷ Antikolonijalna politika i ekonomska emansipacija u svetu. Beograd, 1986.

⁶⁸ Бахарева О. В. Движение неприсоединения – важный фактор антиимпериалистической борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.

⁶⁹ Tadić B., Damian A. Pokret nesvrstanosti i sukobi među nesvrstanim zemljama. Beograd, 1987.

⁷⁰ Мировой социализм и Движение неприсоединения / Под ред. Тузмухамедова Р. А., Коваленко И. И. М., 1988.

⁷¹ Bogetić D. Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. Beograd, 1990.

⁷² Niebuhr R. Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // Journal of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, No. 1. P. 146-179.

⁷³ Tadić B. Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nasvrstanosti. Beograd, 1982.

⁷⁴ Jakovina T. Treća strana hladnog rata. Zagreb, 2011.

современных авторов на значимость югославского фактора для неприсоединения отличается особой рациональностью и объективностью. Одним из последних исследований по теме является диссертация Немани Р. Радонича «Образ Африки в Югославии»⁷⁵, в которой автор акцентирует внимание на африканском направлении внешней политики СФРЮ, имеющей преимущественно гуманитарный характер, а также восприятию Африки и африканцев в Югославии.

Отношениям СФРЮ и Индии в рамках Движения неприсоединения частично посвящено диссертационное исследование Халида али Шадли «Движение неприсоединения и деколонизация»⁷⁶. Конфликтам на Ближнем Востоке в 1980-е гг. и позиции Югославии по этому поводу посвящены статьи С. Янковича⁷⁷ и В. Ортаковского⁷⁸, опубликованные в журнале «Международные проблемы». Специальные работы, отражающие отношения СФРЮ с развивающимися латиноамериканскими и азиатскими странами в 1980-1991 гг., на данный момент отсутствуют.

Работы, посвящённые проблематике двусторонних и многосторонних отношений Югославии с США и другими капиталистическими странами Запада, в том числе в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС), Совета Европы (СЕ) и других международных и региональных организаций накануне и в 1980-1991 гг.

Взаимодействие СФРЮ с ЕЭС рассматривается в коллективном труде под редакцией Любиши С. Адамовича «Югославия и ЕЭС»⁷⁹, в котором даётся подробная характеристика экономических и торговых отношений Югославии как с ЕЭС в принципе, так и с некоторыми его отдельными членами, а также обосновывается мотивация Белграда в стремлении к углублению сотрудничества с Сообществом. Первая основательная попытка изучения этого вопроса в отечественной науке делается в рамках докторского исследования Е. Г. Энтиной «Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства)»⁸⁰, в котором интересующему нас периоду частично посвящена Глава 2. «Эволюция отношений ЕЭС/ЕС и Югославии». Автор в целом солидаризируется с распространённой в исторической и политологической науках точкой зрения об определённой доли вины ЕЭС в распаде СФРЮ.

⁷⁵ Радонић Н. Р. Слика Африке у Југославије (1941-1991). Докторска дисертација. Београд, 2020.

⁷⁶ Shadly K. A. Non-Aligned movement and decolonization: Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Political Science. Aligarh, 1990.

⁷⁷ Janković S. Sukobi na Bliskom istoku – osnovna obeležja // Međunarodni problemi. 2007. god. LIX, br. 2–3. str. 266–307.

⁷⁸ Ortakovski V. Rezultati i posledice izraelsko-arapskih ratova // Ibid. 1989. god. XLI, br. 2–3. str. 221–234.

⁷⁹ Adamović L. S. Jugoslavija i EEZ. Beograd, 1988.

⁸⁰ Энтина Е. Г. Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): дис. ... д-ра. полит. наук. М., 2020.

Тема сотрудничества СФРЮ с Советом Европы освещается в работе Р. Миликича «Югославия и Совет Европы (1980-2003). Югославия и Парламентская ассамблея Европы от смерти Тито до нового государства»⁸¹. Отдельный параграф монографии автор посвятил проблеме югославских мигрантов в странах Совета Европы и их социальной адаптации как за рубежом, так и после возвращения в СФРЮ. Проблема югославской рабочей миграции в странах Западной Европы также рассматривается в статьях П. Драгишича⁸².

Югославно-американские двусторонние отношения стали предметом специальных исследований Ю. Е. Бычкова⁸³, Р. Петковича⁸⁴. Обе работы несвободны от идеологических и политических предубеждений в отношении США.

Историография традиционно дружественных югославно-французских отношений обширна, когда мы говорим о периоде между двумя мировыми войнами, однако литература, посвящённая связям двух стран в титовскую и посттитовскую эпохи, весьма скудна. Взаимодействие Белграда с Парижем, в том числе в интересующие нас годы, рассматривается в труде Д. Петровича «Французско-сербские отношения. 1800-2010 гг.»⁸⁵, а также отчасти в статьях С. Сретеновича⁸⁶. Феномен югославской миграции во Франции в 1970-х –1980-х гг. проанализирован в публикации Й. Чачича и Й. Кумпеса⁸⁷.

Особенности взаимоотношений Сербии, в том числе в югославский период её истории, с Австрией являются предметом научного интереса С. Божич⁸⁸ и П. Драгишича⁸⁹, однако в своих публикациях по теме они не рассматривают или не останавливаются отдельно на периоде 1980-х гг. Тем не менее, предполагается, что их работы важны для сущностного понимания содержания югославно-австрийских отношений. Экономические контакты Югославии и Австрии в изучаемое нами десятилетие анализируются в проблемной статье В. Урбана⁹⁰.

Специфика и характер югославно-итальянских отношений нашли своё отражение в монографии П. Драгишича «Что мы знали об Италии? Взгляды из Белграда на Италию. 1955-1978 гг.»⁹¹. Несмотря на то, что работа не затрагивает непосредственно изучаемый нами

⁸¹ Миликић Р. Југославија и Савет Европе, 1980-2003. Београд, 2012.

⁸² Драгишић П. Емиграција из Србије од шездесетих година XX века до данас: квантитативни преглед // *Токви историје*. 2013. № 3/4. стр. 233-249.; Драгишић П. Југословенски економски мигранти у Аустрији од почетка 60-их година до распада Југославије // *Токви историје*. 2009. № 1/2. стр. 55-65.

⁸³ Бычков Ю. Е. Югославно-американские отношения в 80-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

⁸⁴ Петковић Р. Један век односа Југославије и САД. Београд, 1992.

⁸⁵ Петровић Д. Француско-српски односи, 1800-2010. Београд, 2011.

⁸⁶ Сретеновић С. Француско-српски односи у XIX и XX веку // *Међународни проблеми*. 2009. № 4. С. 536-558.; Сретеновић С. Француски поглед на успон Слободана Милошевића 1987-1989 // *Слободан Милошевић: пут ка власти. Осма седница СК SKS: узроци, ток и последице*. Србија 20 година касније 1987-2007. Београд, 2008.

⁸⁷ Čačić J., Kumpes J. Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku) // *Migracijske teme*. 1989. № 5. стр. 287-306.

⁸⁸ Божич С. Аустрија и Срби кроз векове – кратак преглед // *Казивања о Србима кроз векове: од Светог Стефана Немање и Светог Саве до дана*. Београд, 2015. С. 216–229.

⁸⁹ Драгишић П. Односи Југославије и Аустрије, 1945-1955. Београд, 2013.

⁹⁰ Urban W. Аустријско-југославенски привредни односи // *Политичка мисао*. 1986. No. 3. стр. 58-82.

⁹¹ Драгишић П. Шта смо знали о Италији?: погледи из Београда на Италију 1955-1978. Београд, 2019.

период, она даёт целостное и всестороннее представление об основных тенденциях двусторонних отношений, а также восприятию Италии югославами.

Необходимо обратить внимание на то, что в последние годы внешняя политика Сербии – Югославии в XX в. становится объектом специальных научно-исследовательских проектов в Сербии, которые стимулируют публикацию тематических изданий. Примерами этого могут стать актуальный проект «Сербы и Сербия в югославском и международном контексте: внутреннее развитие и положение в европейском и международном сообществе»⁹² (руководитель – доктор С. Божич), проводящийся на базе Института новой истории Сербии и проект «Сербия и современный мир: перспективы и пути укрепления внешнеполитических позиций в международном сообществе» (руководители – доктор П. Петрович и доктор Д. Димитриевич), проводившийся на базе Института международной политики и экономики с 2006 по 2010 гг.

Тем не менее, несмотря на стабильный интерес профессионального сообщества к истории Югославии и её дипломатии, период с 1980 по 1991 г. часто проходит мало освещённым в современных исторических исследованиях по истории СФРЮ, является своеобразным «белым пятном», которое выпадает из поля зрения учёных; затмевается исключительным интересом к титовской эпохе и периоду распада и военных конфликтов на территории бывшей Югославии, в то время как причины трагических событий 1990-х гг. следует искать в предшествующем десятилетии. В это же время закладывались основы внешнеполитических курсов в дальнейшем уже независимых югославских республик.

Источниковую базу исследования составляют материалы, которые условно можно разделить на *шесть* групп:

1. *Материалы цифровых архивов и библиотек;*

а) Материалы *Radio Free Europe/Radio Liberty*, или «Радио Свободная Европа»/«Радио Свобода»*, хранящиеся на бумажных носителях в *Архиве открытого общества при Центрально-Европейском университете* в Будапеште, далее – *OSA Archivum*, а также в оцифрованном виде на сайте архива⁹³. Часть коллекции, посвящённая Югославии, состоит из нескольких сот цифровых копий отчётов выпущенных с 1957 по 1991 год. При работе над исследованием использовались отчёты, датированные не ранее мая 1980 г. и не позднее июля 1991 г. Документы основаны на обширном мониторинге югославских средств массовой информации и затрагивают широкий круг тем, включая внутривнутриполитические процессы,

* здесь и далее: выполняет функции СМИ–иностранный агент

⁹² См. подробнее: Срби и Србија у југословенском и међународном контексту: унутрашњи развитак и положај у европској/светској заједници. URL: https://www.inisbgd.co.rs/cir/projekti/25/2020/02/27/srbi-i-srbija-u-jugoslovenskom-i-medjunarodnom-kontekstu_-unutrasnji-razvitak-i-polozaj-u-evropskojsvetskoj-zajednici-rukovodilac-dr-sofija-bozic.html (Дата обращения: 22.08.2022).

⁹³ Vera and Donald Blinken Open Society Archives (OSA Archivum). URL: <https://www.osaarchivum.org/> (Дата обращения: 23.08.2022).

международные отношения и повседневную жизнь СФРЮ. Отчёты за определённые годы содержат описи подписанных внешнеполитических соглашений, материалы дипломатических встреч, биографии югославских политических и государственных деятелей, а также биографии иностранных посланников в Югославии. При подготовке и написании материалов соблюдалась фактологическая точность, причём авторы старались избегать однобоких оценочных суждений, поэтому в целом, несмотря на объективные недостатки в виде неизбежной идеологизированности, отчёты служат источником достоверной информации об СФРЮ и её внешней политике.

b) Материалы *Электронной библиотеки сайта Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США*, далее – *CIA FOIA*⁹⁴, рассекреченные в соответствии со специальным приказом Президента США от 29 декабря 2009 г.⁹⁵ об автоматическом рассекречивании документов 25-летней давности и находящиеся в открытом онлайн-доступе с января 2017 г. Наибольший интерес для нас представили информационные отчёты оперативных сотрудников ЦРУ на местах и аналитические материалы управления, посвящённые Югославии, её внутривнутриполитическому развитию, контактам с иностранными государствами и международными и региональными организациями. Аналитические доклады содержат качественное рассмотрение проблемных тем, дают профессиональные оценки, обобщения и прогнозы. Эти документы до сих пор мало введены в научный оборот, а потому представляют большую исследовательскую ценность. Вместе с тем, их специфика – идеологизированность, высокий уровень скептицизма в отношении социалистических государств, неполнота и неоднородность – требуют особого, критичного подхода при работе с ними, а также перепроверки сообщаемых в них сведений.

2. Опубликованные источники и официальные документы, относящиеся к:

a) деятельности югославских государственных и партийных органов власти – Президиума СФРЮ, Союзного исполнительного веча (СИВ) СФРЮ, союзного секретариата иностранных дел СФРЮ, Союзной Скупщины СФРЮ, Союза коммунистов Югославии (СКЮ) и иных федеральных учреждений, а также республиканские нормативно-правовые акты, отражающие сущность и некоторые аспекты их внешнеполитической деятельности. К числу таковых, например, относятся стенографические записи заседаний, декларации, заявления и сообщения упомянутых органов власти; материалы пресс-конференций союзного секретариата иностранных дел, а также дипломатические ноты в адрес иностранных государств; декларации съездов СКЮ и пр. Перечисленные документы позволяют составить исторически точное

⁹⁴ Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room (CIA. FOIA). URL: <https://www.cia.gov/readingroom/home> (Дата обращения: 23.08.2022).

⁹⁵ Executive Order 13526 of December 29, 2009 // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_13526. (Дата обращения: 23.08.2022).

представление о сути, проблематике и основных тенденциях внутри- и внешнеполитического процесса в Югославии

Тексты отдельных документов государственных и партийных органов власти федерации и республик в полном или частичном виде представлены на страницах официальных общественно-политических изданий, таких как газеты «Политика» и «Борба», журнал «Коммунист, а также в сборниках: «От мира до войны: Документы Президиума СФРЮ 1991.»⁹⁶, «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века»⁹⁷, «Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990-1992)»⁹⁸.

b) деятельности международных и европейских организаций, таких как ООН, Движение неприсоединения, СБСЕ, СЭВ, Совет Европы и Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ), ЕЭС и ЕАСТ⁹⁹, а также государственных органов власти США и ФРГ. Тексты резолюций Генеральной Ассамблеи (ГА ООН) и Совета безопасности ООН (СБ ООН)¹⁰⁰, СЕ и ПАСЕ¹⁰¹, СБСЕ¹⁰², ЕЭС – ЕС¹⁰³, Бундестага ФРГ¹⁰⁴ и Конгресса США¹⁰⁵ доступны на официальных сайтах и сайтах электронных архивов и библиотек указанных организаций и учреждений. Документы Движения неприсоединения до 1979 г. представлены в сборнике «Движение неприсоединения в документах и материалах»¹⁰⁶ под редакцией Р. С. Листопадовой.

представляющие собой:

c) двусторонние и многосторонние договоры, соглашения, совместные заявления и коммюнике Югославии и её иностранных партнёров по широкому спектру областей сотрудничества. Их тексты в полном или сокращённом виде представлены на страницах общественно-политических изданий «Политика» и «Борба».

⁹⁶ Od mira do rata. Dokumenta Predsedništva SFRJ 1991. Tom 1 (januar - mart 1991). Tom 2 (jun - jul 1991). Priredile: Nikolić K., Petrović V. Beograd, 2011.

⁹⁷ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. В двух томах. Т. 1. Начало 1970-х — первая половина 1980-х гг. Т. 2. Вторая половина 1980-х - начало 1990-х гг. СПб., 2012-2013.

⁹⁸ Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990-1992). М., 1992.

⁹⁹ EFTA. Legal documents. URL: <https://www.efta.int/Legal-documents-502508> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰⁰ Организация Объединённых Наций. Документы Совета Безопасности ООН. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰¹ Parliamentary Assembly. Official documents. URL: <http://semantic-pace.net/?search=KjoqfGNvcnB1c19uYW11X2VuOiJPZmZpY2lhbCBkb2N1bWVudHMi&lang=en> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰² OSCE. Organization for Security and Co-operation in Europe E-Libraries. URL: <https://www.osce.org/resources/e-libraries> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰³ Historical Archives of the European Union. URL: <https://www.eui.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰⁴ Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰⁵ Congress. gov. Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰⁶ Движение неприсоединения в документах и материалах. Сост. Листопадова Р. С. М., 1989.

d) тексты публичных выступлений и официальных заявлений ряда государственных и политических деятелей Югославии и иных государств доступны как на страницах югославской и иностранной прессы, так и в упомянутых выше сборниках документов.

Среди ещё неупомянутых сборников документов, имевших немаловажное значение при подготовке исследования, следует отметить такие издания как «Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва в СФРЮ, 14-18 марта 1988 г. Документы и материалы»¹⁰⁷, «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы»¹⁰⁸, «Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993)»¹⁰⁹.

3. *Данные периодической печати*, почерпнутые из югославских, советских и иностранных изданий. В частности, автором был просмотрен весь архив югославской ежедневной газеты «Политика» за 1980-1991 гг., отдельные выпуски газеты «Борба» и журнала «Коммунист». Несмотря на известную тенденциозность, политизированность и некоторую субъективность официальных изданий, они выступили важным источником для воссоздания хронологической последовательности и документальной точности внешнеполитических событий, а также понимания правительственных точек зрения на суть и проблемы международных отношений рассматриваемого исторического периода.

4. *Источники личного происхождения*, представленные мемуарами, воспоминаниями и трудами известных югославских государственных, политических и военных деятелей, а также опубликованными интервью участников событий. К их числу относятся мемуары Р. Диздаревича¹¹⁰, Н. Л. Зорича¹¹¹, Б. Йовича¹¹², В. Кадиевича¹¹³, С. Месича¹¹⁴, А. Милатовича¹¹⁵, Д. Траяновского¹¹⁶, Ж. Язича¹¹⁷; печатные интервью Й. Врховца, Р. Диздаревича, В. Джурановича, Б. Йовича, Б. Лончара, А. Марковича, Б. Микулича, С. Милошевича, Л. Мойсова, М. Планинц и пр. югославских, а также иностранных государственных деятелей, опубликованные на страницах югославских периодических изданий.

Автором в полной мере учтены особенности данных источников как носящих дискуссионный и субъективный характер. Между тем, их применение видится необходимым с

¹⁰⁷ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, 14-18 марта 1988. Москва, 1988.

¹⁰⁸ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1 (1878–1997 гг.) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2006.

¹⁰⁹ Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993). М., 1993.

¹¹⁰ *Диздаревич Р.* Од смрти Тита до смрти Југославије: свједочења. Сарајево, 2000.

¹¹¹ *Zorić N. L.* Zapisi jugoslovenskog diplomate. 1948-1983. Beograd, 2011.

¹¹² *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. Београд, 1995.

¹¹³ *Кадиевич В. Д.* Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). Книга II. Москва, 2007.

¹¹⁴ *Mesić S.* The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. Budapest, 2004.

¹¹⁵ *Milatović A.* Pet diplomatskih misija. Knjiga 1. Rim – Sofija – Tirana. Knjiga 2. Bukarešt – Varšava. Ljubljana - Zagreb. 1986.

¹¹⁶ *Трајановски Д.* Дипломатски записи. Скопје, 1993.

¹¹⁷ *Jazić Ž.* Moj pogled na diplomatiju (1957-2005). Beograd, 2011.

точки зрения обеспечения репрезентативности исследования, представительности отображаемых в нём мнений и позиций.

5. *Справочные издания*, предоставляющие биографические сведения о ключевых фигурах югославской внутренней¹¹⁸ и внешней¹¹⁹ политики; а также *статистические¹²⁰ и социологических материалы¹²¹*, позволяющие оценить проблемы социально-экономического и -политического развития СФРЮ; проанализировать статистику её внешней торговли и расширить доказательную базу диссертационного исследования посредством конкретных числовых показателей; изучить состояние общественного мнения по ключевым проблемам югославского государства.

6. *Аудиовизуальные источники*, включающие в себя, в первую очередь, видеозапись встречи министров иностранных дел балканских государств 24-26 февраля 1988 г.¹²², видеозаписи выступлений С. Милошевича на «Митинге братства и единства»¹²³ («Митинг на Ушчу») 19 ноября 1988 г. в Белграде, на Косовом поле в рамках празднования 600-летия Косовской битвы в 1989 г.¹²⁴; запись XIV Съезда СКЮ в январе 1990 г.¹²⁵, телеинтервью Р. Диздаревича¹²⁶ и С. Милошевича¹²⁷.

Целью диссертационного исследования является определение основных направлений, выявление тенденций и особенностей внешнеполитического курса СФРЮ в период с мая 1980 по июнь 1991 г. путём анализа и сопоставления её отношений с социалистическими, неприсоединившимися и капиталистическими странами, а также международными и региональными организациями.

Для реализации цели работы были поставлены **следующие исследовательские задачи**:

- 1) рассмотреть особенности внутривнутриполитической обстановки сложившейся в Югославии в 1980-е гг. и оценить степень оказываемого ей влияния на внешнеполитический курс страны;

¹¹⁸ Directory of Yugoslav officials / Directorate of Intelligence. A Reference Aid. Washington DC, 1985.

¹¹⁹ Petković R. Subjektivna istorija Jugoslovenske diplomatije 1943-1991. Beograd, 1995.

¹²⁰ Jugoslavija u svetskoj privredi na pragu XXI veka / Glavni redaktor Popović T. Beograd - Zagreb, 1986.

¹²¹ Jugosloveni o društvenoj krizi (istraživanje javnog mnjenja 1985. godine). Beograd, 1989.

¹²² JRT TV Beograd 1 - Dnevnik 3, 24. februar 1988. URL: https://www.youtube.com/watch?v=k9M-Vw0yiSQ&ab_channel=ArhiVid (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

¹²³ Slobodan Milošević Ušće 1988e. URL: https://www.youtube.com/watch?v=RvXgqKWwUzk&ab_channel=StefanLazarevi%C4%87 (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

¹²⁴ 600. GODINA OD KOSOVSKE BITKE 1389-1989: Proslava i govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4a5ct7vVegk&ab_channel=DokumentarneEmisijeBalkan (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

¹²⁵ 14 Kongres SKJ + TV Dnevnik 2 (23.01.1990). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8ySnqKJKgVw> (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

¹²⁶ Например, Dizdarević: Antu Markovića pamtim kao čovjeka vizija. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0HL6jN9lxrs&ab_channel=AlJazeeraBalkans (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

¹²⁷ Например, Slobodan Milosevic - first TV interview 1989 wiht Marko Josilo. URL: https://www.youtube.com/watch?v=RWXqFBo7qAU&ab_channel=MarkoJo (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

- 2) проследить изменения в расстановке приоритетов внешней политики Югославии в рассматриваемый период;
- 3) проанализировать особенности развития югославско-советских отношениях, акцентировав внимание на их общей противоречивости;
- 4) исследовать двусторонние контакты Югославии с социалистическими странами Восточной Европы и охарактеризовать её отношение к военно-политическому блоку ОВД в принципе;
- 5) объяснить причины конфликтогенности югославско-албанских отношений;
- 6) выявить основные черты югославско-китайского партнёрства;
- 7) проследить эволюцию значения фактора Движения неприсоединения во внешней политике Югославии, а также выявить реальный статус и авторитет Югославии в рамках Движения;
- 8) уточнить особенности связей Югославии с рядом неприсоединившихся и развивающихся стран;
- 9) подвергнуть анализу сущность двусторонних отношений Югославии с США в их динамическом развитии;
- 10) изучить ключевые факторы, сформировавшие повестку двусторонних отношений Югославии с иными западными капиталистическими государствами, обозначив их проблемные места и точки соприкосновения;
- 11) обозначить роль европейских интеграционных процессов во внешнеполитическом планировании Югославии, проанализировать достижения и трудности югославской внешней политики в отношениях с ЕЭС и ЕАСТ;
- 12) выявить закономерности внешней политики Югославии в обозначенный хронологический период.

Объектом исследования является внешняя политика Югославии в период с мая 1980 г. по июнь 1991 г.

Предметом исследования выступает её практическая реализация, главные направления, а также особенности и проблемные места взаимоотношений Югославии со странами социалистического и капиталистического мира, неприсоединившимися и развивающимися государствами, международными и региональными организациями в указанный временной промежуток.

В рамках настоящего исследования автор стремится уделить равноценное внимание освещению политических, экономических, культурных, научно-технических связей Югославии с различными международными акторами для обеспечения более полного и глубокого анализа проблемы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с мая 1980 по июнь 1991 г. Смерть президента страны Иосипа Броз Тито 4 мая 1980 г. и переход власти к Президиуму СФРЮ приняты за нижнюю границу, а провозглашение независимости Словенией и Хорватией 25 июня 1991 г. и последующие за этим вооружённые столкновения между республиканскими силами Территориальной обороны (ТО) и ЮНА – за верхнюю границу работы.

Неотвратимая кончина Иосипа Броз Тито, учитывая солидный возраст югославского лидера и стремительно развивающуюся в последние годы его жизни болезнь, носила прогнозируемый характер, однако коллективное руководство страны оказалось неготовым к её последствиям. Для иностранных государств Югославия как фактор международной политики крепко ассоциировалась с именем и авторитетом Тито. Его смерть обозначила падение внешнеполитического авторитета СФРЮ, обнажила многочисленные внутривластные проблемы, которые сам Тито зачастую предпочитал не решать, а маскировать, в том числе с опорой на всестороннюю иностранную помощь. Это, например, касалось проявлений республиканского сепаратизма и «местничкового» национализма, недоработок союзного законодательства, безработицы, дефицита государственного бюджета, кризиса идеи «самоуправленческого социализма» и пр. Рост кризисных явлений в стране в последующие после смерти югославского лидера годы был вызван не столько безынициативностью руководства, которое по своей сути составляли бывшие титовские приближённые и соратники, сколько отсутствием у кого-либо из его представителей авторитета среди зарубежных правительств сопоставимого по значимости с авторитетом создателя Югославии. Этот факт прямым образом сказался на размерах предоставляемых СФРЮ денежных кредитов. Начало «перестройки» в СССР и череда «бархатных революций» в Восточной Европе и вовсе лишили дальнейшую финансовую поддержку Югославии западными странами прагматического смысла. Таким образом, закат Югославии в представлениях иностранных, главным образом западных, внешнеполитических ведомств произошёл ещё в 1980 г., т.е. за десятилетие до фактического прекращения её существования.

В 1991 г. процесс распада СФРЮ вступил в свою заключительную стадию, положив начало становлению новых европейских государств, особенности внешней политики которых выходят за рамки настоящего исследования. Тем не менее, необходимо упомянуть, что некоторые из постъюгославских республик в своём внешнеполитическом курсе наследовали многие югославские черты периода 1980-х гг.

В ряде случаев автор вынуждена выходить за обозначенные хронологические рамки, обращаясь к более ранним этапам исторического развития внешнеполитических связей Югославии как с целью обозначения преемственности внешней политики нового югославского

руководства титовскому курсу, так и для создания более полного и комплексного видения ситуации.

Географические рамки исследования, помимо самой СФРЮ, охватывают социалистический мир, включавший СССР и его восточноевропейских сателлитов, а также Албанию и Китай; так называемый «третий мир», включавший в себя неприсоединившиеся и развивающиеся страны Европы (Кипр и Мальта), Азии, Африки и Латинской Америки, а также капиталистический мир в составе США, западно- и южноевропейских стран, Турции, Японии, Австралии, Канады.

Теоретическую и методологическую основу кандидатской диссертации составили общенаучные аналитические методы и принципы исследования, а также собственные методы исторической науки и науки о международных отношениях. В рамках настоящего исследования необходимым стало привлечение методов смежных к истории культурологии, социологии и конфликтологии, что позволяет нам говорить о применении автором междисциплинарного подхода.

При написании работы соблюдались принципы истины, конкретности, историзма, научной объективности, системности и всесторонности. Сделанные автором выводы основываются на тщательном изучении исторических источников и уже сложившейся к текущему моменту историографической традиции по данной теме. Применение генетического метода способствовало хронологической систематизации исторического материала, что дало возможность последовательно раскрыть нюансы внешней политики Югославии, детально воспроизвести процесс её развития в рассматриваемый период. Применение сравнительного метода было вызвано необходимостью сопоставления внешнеполитического курса И. Б. Тито и нового коллективного руководства СФРЮ, а также выявления отличительных черт и характеристик внешней политики Югославии в сравнении с внешней политикой других социалистических государств. Критический метод нашёл своё применение в работе с историческими источниками, носящими субъективный характер. Описательный метод помог раскрыть содержание основных направлений внешнеполитической деятельности Югославии, составить объективное представление о её роли в международных событиях в 1980-е гг. Для решения отдельных задач автор использовала количественный метод и метода контент-анализа.

Теоретическая база настоящего исследования опирается на постулаты концепций классического реализма, неореализма и неолиберализма, выработанные политологами Г. Моргентау, Дж. Кеннаном, К. Уолтцем, Р. Кеохейном, Дж. Найем и пр.

Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на системный кризис и падение международного авторитета, с которыми столкнулась Югославия в 1980-е гг., её правительство продолжило уделять существенное внимание внешнеполитическим аспектам своей

деятельности. Серьёзный характер внутренних проблем способствовал выработке югославским руководством нового, более осмотрительного и осторожного внешнеполитического курса по сравнению с прошлыми десятилетиями, при котором возможность сознательного обострения отношений с крупными государствами исключалась. В целом же, категорических расхождений с титовским видением югославской дипломатии не произошло, что позволяет говорить о преемственности внешней политики СФРЮ в рассматриваемое десятилетие. Константой всего внешнеполитического процесса в 1980-е гг. стали экономические аспекты, что было вызвано сложной социально-экономической ситуацией в стране. В этом отношении Югославия выступала с позиций младшего партнёра и реципиента регулярной финансовой помощи извне, что ставило её в зависимое и часто неравноправное положение. Исходя из всего вышесказанного, распространённая в исследовательских и обывательских кругах точка зрения, согласно которой в 1980-е гг. СФРЮ не имела собственной внешней политики, является неоправданной и ошибочной. Вместе с тем, центробежные тенденции способствовали росту устремлений югославских республик к обособлению от Белграда в вопросах международной повестки. В этой связи конец 1980-х гг. можно считать временем начала формирования собственных внешнеполитических курсов Любляны, Загреба и Белграда в качестве столицы Республики Сербии.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в современной исторической науке предпринимается попытка комплексного и всестороннего анализа внешней политики «второй» Югославии в последнее десятилетие её существования.

Определённую источниковедческую новизну составило активное использование в процессе написания работы материалов югославской официальной прессы, а также документов Radio Free Europe/Radio Liberty или «Радио Свобода»* и документов Электронной библиотеки ЦРУ США, изначально предназначенных исключительно для внутреннего пользования сотрудниками. Обращение к противоположным по своей идеологической направленности официальному политическому курсу СФРЮ источникам позволяет выработать наиболее объективную и взвешенную точку зрения на особенности югославской внешней политики 1980-х гг.

Теоретическая значимость состоит в выработке особого подхода к вопросу внешней политики Югославии в 1980-е гг., согласно которому, несмотря на всеобъемлющий внутренний кризис, её правительство продолжало уделять внешнеполитической деятельности существенное внимание, стремясь развивать и углублять со всеми странами мира равноправные и взаимовыгодные отношения. Выводы и положения, полученные автором в ходе исследования,

* выполняет функции СМИ-иностранного агента

дополняют наработки отечественных и иностранных балканистов, расширяют спектр, рассмотренных ими вопросов.

Практическая значимость кандидатской диссертации выражается в возможности её применения для подготовки общих и специальных курсов по истории дипломатии и международных отношений, учебных пособий по новейшей истории и внешней политике Югославии. Отдельные положения исследования могут представлять интерес для политического и профессионального сообщества постъюгославских республик. Для российского внешнеполитического ведомства, стремящегося укрепить положение страны на Балканах, обращение к вопросам и проблемам внешней политики Югославии в 1980-е гг. могло бы способствовать более точному пониманию специфики региона и месту России в нём.

Структура работы исходит из поставленных целей и задач, когда каждая глава и параграф представляет собой детальное рассмотрение обозначенной в их названии проблемы. Работа состоит из введения, четырёх глав, включающих в себя отдельные параграфы; заключения, списка сокращений и условных обозначений и списка использованных источников и литературы.

Во введении обозначается проблема, поясняется актуальность темы исследования, описывается историографическая и источниковая базы исследования, определяются цели и задачи, предмет и объект; объясняется методологическая основа, хронологические и географические рамки; определяется гипотеза, научная новизна, теоретическая и практическая значимость; очерчивается его структура, формулируются положения, выносящиеся на защиту, а также указываются результаты его апробации.

Первая глава исследования «**Внутриполитическая ситуация и её влияние на внешнеполитический курс Югославии**» посвящена рассмотрению и анализу той внутриполитической обстановки, которая сложилась в Югославии в 1980-е гг. Без существенного понимания изменений, произошедших в Югославии со смертью И. Броз Тито, невозможно представление целостной характеристики её внешнеполитического курса. В этой же главе даётся общее описание принципов и основных направлений внешней политики страны.

В первом параграфе «Особенности государственного устройства после смерти Иосипа Броз Тито» рассматриваются претерпевшая изменения система государственной власти, положение дел в СКЮ, структура Президиума СФРЮ, представлявшего собой коллективный орган управления; перечисляются недостатки подобного порядка управления, а также сообщаются сведения об основных государственных и политических деятелях Югославии в описываемый период.

Во втором параграфе «Самоуправленческий социализм» и экономическое развитие страны» речь идёт об особенностях югославской социалистической модели, её достоинствах и

недостатках, обоснованности и эффективности данного курса в реалиях 1980-х гг., а также о причинах вызвавших экономический кризис в стране и его влиянии на югославское общество, государственную идеологию и международный статус СФРЮ. Посредством отдельного анализа экономической обстановки в стране автор стремится акцентировать внимание на взаимосвязи экономических трудностей Югославии со снижением её внешнеполитической активности.

В третьем параграфе «Дезинтеграционные процессы и республиканский сепаратизм» обращается внимание на проблему, которая стала не только центром внутривнутриполитической повести СФРЮ, но и предметом активного обсуждения на международной политической арене. Вопрос о состоятельности Югославии как единого государства озаботил как сверхдержавы и страны, имеющие с СФРЮ общие границы, так и развивающиеся государства, заинтересованные в сильной Югославии. Так называемые «албанский» и «хорватский» вопросы стали причинами демаршей западных дипломатий по отношению к Югославии, регулярных антиюгославских митингов и демонстраций в западноевропейских столицах. Тема внешней политики Югославии в 1980-е гг. должна рассматриваться исключительно в сопряжении с вопросом о дезинтеграционных тенденциях внутри страны.

В четвёртом параграфе «Приоритетные направления внешней политики Югославии» перечисляются главные векторы внешней политики СФРЮ в последнее десятилетие существования, даётся объяснение их приоритетности со стороны руководства. В 1980-е гг. в число таких направлений входили: сотрудничество с развивающимися странами в рамках Движения неприсоединения, отношения со сверхдержавами и их союзниками и сателлитами по военно-политическим блокам НАТО и ОВД, а также Китаем; выстраивание добрососедских отношений с пограничными государствами, контакты с международными и европейскими организациями, включая интеграционные объединения.

Во второй главе «Югославия как часть социалистического мира» затрагиваются сюжеты, характеризующие отношения СФРЮ с СССР, другими членами социалистического содружества, а также Албанией и Китаем; подвергаются анализу их общий потенциал, содержание, интенсивность и проблемные места.

В первом параграфе «Югославия и Советский Союз: общий потенциал отношений и противоречия» описываются и анализируются базисные черты в отношениях двух стран, причём упор делается как на политическом и экономическом сотрудничестве, так и на культурных, гуманитарных и научно-технических связях СФРЮ с одной из двух сверхдержав. Кроме того, в параграфе раскрывается суть взаимных разногласий и противоречий, а также причины их постепенного преодоления в рассматриваемый период.

Во втором параграфе «Югославия и Восточная Европа: прагматичное партнёрство» подвергаются анализу вопросы состояния и динамики развития отношений СФРЮ со странами

Восточной Европы: Венгерской Народной Республикой (ВНР), Германской Демократической Республикой (ГДР) Народной Республикой Болгарией (НРБ), Польской Народной Республикой (ПНР), Социалистической Республикой Румынией (СРР) и Чехословацкой Социалистической Республикой (ЧССР), а также то влияние, которое оказывали на эти отношения процессы демократических перемен, протекавших в указанных странах. Рассмотрение этих сюжетов закономерно подводит к общему выводу о месте и роли СФРЮ в социалистической Европе в 1980-е гг.

В третьем параграфе «Югославия и Албания: двусторонние конфликты и попытки их разрешения» освещается круг вопросов, связанных с конфликтогенным характером двусторонних отношений СФРЮ с Народной Социалистической Республикой Албанией (НСРА); вопросом албанского национального меньшинства в Югославии, статусом Социалистического автономного края (САК) Косово и попытками югославского руководства снизить градус напряжённости конфликта, который негативно сказывался на международном авторитете Югославии.

В четвёртом параграфе «Югославия и Китай: взаимовыгодное сотрудничество» рассматриваются основы сотрудничества двух стран на партийном, политическом, торгово-экономическом и гуманитарном уровнях; выдвигается гипотеза, согласно которой для Китая, воспринимавшего Югославию в предшествующие десятилетия как союзника в противостоянии с СССР, к середине 1980-х гг. СФРЮ становится обузой и препятствием на пути к экономической экспансии в страны «третьего мира».

В третьей главе «Движение неприсоединения и развивающиеся страны во внешней политике Югославии» подвергается анализу роль Движения неприсоединения в мировой политике, приводятся причины кризиса международной организации, а также фактической потери интереса Югославии к ней, несмотря на сохранение формального лидерства внутри движения, регулярное участие во всех его встречах и мероприятиях и сохранение за политикой неприсоединения статуса основы внешнеполитического курса; рассматриваются отношения Югославии с отдельными неприсоединившимися развивающимися государствами, построенные на принципах солидарности и равноправного партнёрства.

В первом параграфе «Общая характеристика внешнеполитического потенциала Движения неприсоединения в 1980-е гг.» рассматривается статус и реальная значимость, а также общее положение дел внутри Движения неприсоединения. Начавшийся десятилетием ранее кризис организации в 1980-е гг. только углубился, что повлекло в свою очередь падение внимания к нему не только со стороны мирового сообщества, но и со стороны непосредственных его членов, в т.ч. Югославии.

Во втором параграфе «Движение неприсоединения во внешней политике Югославии» акцентируется внимание на месте Движения неприсоединения во внешней политике СФРЮ и её положении внутри организации, авторитете в глазах других членов. Участие в движении в изучаемое десятилетие сохраняет за собой роль одного из приоритетных векторов внешней политики Югославии. Однако с учётом всех трудностей, с которыми пришлось столкнуться стране в 1980-е гг., она была не в состоянии исполнять роль её реального лидера.

В третьем параграфе «Двусторонние контакты Югославии с неприсоединившимися и развивающимися странами» даётся характеристика отношениям СФРЮ с Аргентиной, Египтом, Зимбабве, Индией, Ираком, Ираном, Кубой, Ливией, Мексикой, Монголией, Пакистаном, Сирией и рядом других азиатских, арабских, африканских и латиноамериканских государств.

Четвёртая глава «Югославия и капиталистический мир» посвящена рассмотрению состояния отношений СФРЮ с западными демократиями, в число которых прежде всего входят США, Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Италия, Канада, Франция, Федеративная Республика Германия, Япония и пр. В главе делается особый акцент на экономическом аспекте дву- и многосторонних отношений Югославии с капиталистическими странами; обращается внимание на то, какие изменения претерпело восприятие Югославии Западом после прихода на пост генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) М. С. Горбачёва и начала «перестройки».

В первом параграфе «Проблемы югославско-американских отношений» даётся характеристика двусторонним контактам Белграда и Вашингтона, отмечается их преимущественно нейтральный характер, несмотря на ряд идеологических противоречий, связанных в т.ч. с недовольством СФРЮ действиями США в ближневосточном регионе. В то же самое время высвечивается всё более углубившаяся зависимость СФРЮ от американских кредитов и осознание США бесперспективности дотирования экономики разваливавшейся Югославии.

Во втором параграфе «Югославия и страны Запада: сотрудничество и разногласия» оценивается потенциал югославских контактов с конкретными западными странами, выявляются причины разногласий и противоречий, заключавшиеся, как правило, в идеологии, регулировании миграционного вопроса и положения югославских гастарбайтеров за рубежом, антиюгославской деятельности югославской эмиграции, а также в вопросе о положении албанского национального меньшинства в Югославии. В этом же параграфе даётся анализ отношениям СФРЮ с такими «незападными» с точки зрения географии странами как Турция и Япония.

В третьем параграфе «Югославия и процессы европейской интеграции: ЕЭС и ЕАСТ» рассматриваются торгово-экономические и политические отношения СФРЮ с европейскими

интеграционными объединениями – ЕЭС и ЕАСТ; особенности действия Соглашения о сотрудничестве и финансовых протоколов СФРЮ с ЕЭС; нюансы инвестирования ЕЭС и ЕАСТ в югославскую экономику, а также выдвигается точка зрения, согласно которой ЕЭС была заинтересована в сохранении стабильности и мира в Балканском регионе и в то же самое время своими бескомпромиссными требованиями проведения экономических и политических реформ подтолкнула СФРЮ к углублению дезинтеграционного кризиса.

В **заключении** перечисляются основные итоги и выводы, сделанные в ходе исследования; обозначаются положения, выносимые на защиту диссертации.

Положения, выносимые на защиту:

1) Внутриполитическая обстановка, сложившаяся в Югославии после смерти И. Б. Тито, оказывала прямое влияние на её внешнеполитическую активность, престиж и авторитет на международной политической арене. Социально-экономический кризис, охвативший страну в 1980-е гг., сместил акценты внешней политики СФРЮ, заставив её активнее искать финансовой поддержки у западных правительств. Чрезмерные размеры внешних долгов способствовали тому, что Белград уже не мог выказывать свою позицию по ряду вопросов международной повестки столь же откровенно и прямолинейно, как в предшествующие десятилетия. Серьёзный ущерб международному авторитету Югославии нанесли и этнонациональные конфликты.

2) Внешнеполитический курс Президиума и СИБ СФРЮ не отличался существенным образом от титовского и даже наследовал ему. Коллективное руководство и правительство страны, многие представители которых являлись выходцами из титовской «гвардии», в своей внешней политике руководствовались заветами Тито и долгое время не решались внести принципиальные изменения в существующее положение дел. Таким образом, принципы равноудалённости от сверхдержав и сотрудничества со странами «третьего мира» продолжали оставаться основой внешнеполитического курса страны, хотя в поздние 1980-е гг. перестали приносить ей ощутимые дивиденды. По мере углубления политики «перестройки» и внутриполитического кризиса в СССР, реформ в восточноевропейских странах и череды «бархатных революций», обострения противоречий внутри Движения неприсоединения и разрушения биполярной системы международных отношений в целом данный курс лишился своего смысла. Его корректировка в сторону углубления взаимодействия с европейскими интеграционными объединениями началась после прихода на пост председателя СИБ А. Марковича и на пост союзного секретаря иностранных дел Б. Лончара.

3) Отношения СФРЮ с Советским Союзом в 1980-е гг. носили дружественный и партнерский характер. Фактор ввода войск СССР в Афганистан в 1979 г. первоначально омрачил их, но после смерти И. Б. Тито не играл существенной роли в двухсторонних

контактах, несмотря на официальную позицию осуждения Белградом действий Москвы на Среднем Востоке. Визит М. С. Горбачёва в Югославию в 1988 г. выявил отсутствие принципиальных политических разногласий. Одновременно очевидной стала незаинтересованность Советского Союза в социалистическом лагере, а, значит, и в вовлечении в него СФРЮ: основная причина предубеждений Югославии по отношению к СССР в предыдущие десятилетия исчезла. Вместе с тем, югославское правительство внимательно следило за развитием внутривосточной ситуации в Советском Союзе, тем более, что Москва продолжала оставаться главным экономическим партнёром Югославии.

4) Связи СФРЮ с другими социалистическими странами Восточной Европы основывались на принципах равноправия и взаимовыгоды. Большую роль в них играло экономическое и торговое сотрудничество. Особой интенсивностью отличались двусторонние отношения с Венгрией и Румынией. Проблемными можно назвать отношения с Болгарией, которую югославское руководство обвиняло в притеснениях македонского национального меньшинства, а также подозревало в стремлении к «великоболгарской» экспансии и притязаниях на югославскую Македонию. Контакты с прочими восточноевропейскими государствами носили преимущественно деловой и прагматический характер.

5) В 1980-е гг. следует обострение югославско-албанского конфликта, причиной которого, главным образом, являлся вопрос о положении албанского меньшинства в Югославии, или «косовский вопрос». Албания неоднократно пользовалась сложными внутривосточными обстоятельствами Югославии и сознательно шла на ухудшение двухсторонних отношений, прибегая к провокациям и антиюгославской пропаганде за рубежом.

6) В восприятии Югославии Китай мыслился как вынужденный союзник, третейский судья, к которому приходилось обращаться с целью достижения принципа равноудалённости от сверхдержав. Вместе с тем, югославско-китайские отношения неизменно базировались на принципах истинного равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга. Распад Югославии, спровоцированный сепаратистскими устремлениями национальных республик, вызвал беспокойство в Пекине, который сталкивался с аналогичными проблемами, но в то же самое время мог быть выгодным ему, поскольку обозначал самоустранение естественного соперника в «третьем мире».

7) Лидерство Югославии в Движении неприсоединения становилось скорее формальным, нежели реальным. СФРЮ больше не могла позволить себе активную экономическую поддержку неприсоединившихся и развивающихся стран, т.к. сама была вынуждена просить финансовую помощь извне. Несмотря на официальные заявления о приоритетной роли Движения неприсоединения в своей внешней политике, регулярные выступления руководителей стран-участниц организации в Белграде, показательное участие в

мероприятиях Движения, реальная его значимость для страны к исходу 1980-х гг. практически сошла на нет. Вместе с тем, необходимо принять во внимание устремления югославской дипломатии возглавить процесс модернизации Движения неприсоединения, который, однако, наталкивался на ряд трудностей, вызванный недопониманием среди членов организации. «Возрождение» Движения мыслилось Белградом как одна из возможностей для сохранения внешнеполитического авторитета в условиях меняющейся архитектуры мира.

8) Интенсивность контактов Югославии с неприсоединившимися и развивающимися странами в 1980-е гг. по сравнению с предшествующими десятилетиями начала падать, что было вызвано рядом объективных причин внутри- и внешнеполитического характера. Вместе с тем, Югославия продолжила выступать с позиции солидарности со странами и народами «третьего мира» на всех международных площадках, оказывать им посильную финансовую, гуманитарную, производственную и научно-техническую помощь, а также поддержку в освободительной борьбе против колониализма и неоколониализма.

9) Американская и западноевропейская дипломатии в указанное десятилетие изменили своё отношение к Югославии. Если раньше поддержка социалистического режима в СФРЮ соответствовала их стратегическим интересам, то в новых реалиях распада биполярной системы международных отношений дальнейшее существование Югославии, с их точки зрения, стало нецелесообразным. Такая позиция была вызвана не столько идеологическими противоречиями, сколько отсутствием практического смысла в югославском «нейтрализме». Официальная позиция западных стран заключалась в поддержке единства и территориальной целостности Югославии при условии соблюдения югославским руководством обязательств в области экономического и политического реформирования, а также соблюдения прав человека и национальных меньшинств, однако на практике ряд из них негласно поощряли сепаратистские силы на местах.

10) К концу 1980-х гг. под влиянием масштабных мирополитических сдвигов приоритетную роль во внешнеполитическом планировании СФРЮ приобрело углубление взаимодействия с европейскими интеграционными объединениями ЕЭС и ЕАСТ. Идеологи обновлённого курса А. Маркович и Б. Лончар видели в нём возможность избежать внешнеполитической изоляции Югославии и сохранить её международный авторитет.

11) Югославское правительство не сумело вовремя адаптироваться к претерпевающей стремительные изменения международной ситуации, что в конечном итоге стало одной из причин распада страны и связанных с ним гражданский войн.

Апробация и публикация результатов исследования:

По теме научного исследования к настоящему моменту автором было опубликовано в соавторстве 3 статьи в изданиях, входящих в базы ВАК, Scopus, Web of Science и РИНЦ. По

смежным к теме кандидаткой диссертации темам было опубликовано 9 статей в сборниках конференций, входящих в базу РИНЦ.

Публикации в изданиях, относящихся к перечню Scopus и Web of Science:

1) Костюк Р. В., Каткова Е. П. Франко-югославские отношения в контексте эволюции мировой политики в 1970-1980-е гг. // Вопросы истории. – 2020. – №10–4. – С. 53-66.

Публикации в изданиях, относящихся к перечню Высшей аттестационной комиссии (ВАК):

2) Костюк Р. В., Каткова Е. П. Развитие советско-югославских отношений в 1970-е гг. // Клио. – 2018. – №12 (144). – С. 122–130.

3) Каткова Е. П. Балканское направление внешней политики СФРЮ в 1980-1991 гг. // Клио. – 2022. – №11 (191). – С. 84–91.

Работы по теме диссертации, опубликованные в изданиях, входящих в национальную библиографическую базу данных научного цитирования – Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):

4) Блажевич И., Каткова Е. П. Отношения между Югославией и Советским Союзом в контексте Движения неприсоединения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологий и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. – 2020. №4. – С. 109–114.

Отдельные положения и тезисы исследования нашли своё отражение в выступлениях автора на конференциях Карлова университета в Праге («Конференция молодых славистов», 2020 г.), Института славяноведения РАН (международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» 2018, 2020, 2022 г.), Центра истории парламентаризма (Таврические чтения» 2018, 2019, 2020, 2021 г.), СПбГЭТУ «ЛЭТИ» («Информация – коммуникация – общество» 2019, 2020, 2021, 2022 г.), Военно-исторического общества Санкт-Петербурга («Военная история России в XIX-XX вв.», 2020 г.).

Глава 1. Внутриполитическая ситуация и её влияние на внешнеполитический курс Югославии

1.1. Особенности государственного устройства после смерти Иосипа Броз Тито

Смерть Иосипа Броз Тито 4 мая 1980 г. после продолжительной болезни не стала неожиданностью ни для югославских политических верхов, ни для народа. Между тем, это событие вызвало растерянность в Президиуме СФРЮ и СКЮ, которые «на практике оказались не готовы взять полную ответственность за управление государством в свои руки»¹²⁹. Причиной к этому, в том числе, явились непререкаемый авторитет и культ личности Тито, державшего все государственные вопросы под собственным контролем и не подготовившего себе достойного преемника. Устоявшаяся к тому времени система югославского федерализма, несмотря на присущую ей демократичность и децентрализованность, эффективно существовала лишь при опоре на личный авторитет Тито. Отсутствие единого харизматичного лидера привело к множественным сбоям в её работе¹³⁰.

Ещё при жизни Тито поправками к Конституции 1946 г. от 1971 г. был учреждён новый орган власти – Президиум СФРЮ, несколько реорганизованный после принятия союзной Конституции 1974 г.¹³¹ Президиум представлял собой коллективный орган правления, состоявший из девяти членов – президента СФРЮ и представителей в количестве одного от каждой из шести социалистических республик (СР) (Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии и Черногории) и двух социалистических автономных краёв (САК) (Воеводины и Косово). Представители республик и автономных краёв избирались местными парламентами сроком на пять лет с правом однократного переизбрания. Неизменным председателем Президиума до своей смерти оставался сам Тито, имевший одного заместителя, которым, согласно ст. 327 Конституции 1974 г.¹³², в соответствии с принципом ротации сроком на один год должны были становиться представители всех республик и автономных краёв в порядке очереди. Правила функционирования Президиума устанавливали следующую очерёдность занятия должности заместителя Председателя представителями республик и автономных краёв: СР Македония, СР Босния и Герцеговина, СР Словения, СР Сербия, СР Черногория, САК Воеводина и САК Косово. Ежегодное назначение нового заместителя председателя происходило строго в середине мая.

¹²⁹ *Calic M. J.* A history of Yugoslavia. Purdue, 2019. P. 251.

¹³⁰ *Кузнецовский В. Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990. С. 168.; См. подробнее: *Никифоров К. В.* Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века. М., 2006.; *Он же.* Сербия на Балканах. XX в. М., 2012.; *Он же.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX - начало XXI в. М., 2021.

¹³¹ Устав Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. Београд, 1974.

¹³² Там же. Глава IV. Част 327.

После смерти Тито поправками к Конституции от 1981 г. порядок замещения должности заместителя председателя был перенесён на должность самого председателя¹³³, причём пост заместителя был сохранён. Общее число членов Президиума в условиях ликвидации поста президента было сохранено благодаря включению в его состав председателя Президиума СКЮ (до 1988 г.). К компетенциям Президиума СФРЮ относились представительство СФРЮ в стране и за границей, решение вопросов внутренней и внешней политики, обеспечение государственной безопасности и общенародной обороны, руководство и командование вооружёнными силами страны в военное и мирное время. Основные вопросы обсуждались коллективным руководством в рамках регулярно проводившихся сессий Президиума СФРЮ.

Замысел в создании коллективного органа заключался в том, чтобы обеспечить равное представительство и участие выходцев из республик и автономных краёв в управлении единым государством, предотвратить рост сепаратистских настроений на местах и не допустить концентрации власти в одних руках, что для многонационального государства могло бы иметь плачевные последствия. В первый год после смерти И. Б. Тито югославские средства массовой информации (СМИ) неоднократно акцентировали внимание граждан на мудрости и прагматичности его решения о создании органа коллективного управления, пытаясь тем самым укрепить легитимность и авторитет послетитовского Президиума, обозначить его преемственность по отношению к бывшему президенту. С течением времени, напротив, всё чаще начала звучать критика в адрес Президиума, его председателя и членов¹³⁴, не способных эффективно отвечать на вызовы времени и отстаивавших зачастую интересы своих национальных республик, а не федерального центра.

Таким образом, новый порядок управления государством, показавший в 1980-е гг. свою крайнюю неэффективность и неповоротливость, был установлен непосредственно И. Б. Тито¹³⁵. При этом представители «лояльной Тито номенклатуры»¹³⁶ даже после смерти последнего не решились начать серьёзные преобразования в системе органов государственной власти, что не только негативно сказалось на авторитете нового руководства у югославских граждан, но и

¹³³ Начиная с 4 мая 1980 г. и по 15 мая 1991 г. в хронологической последовательности председателями Президиума были Лазар Колишевский (бывший заместитель председателя, временно исполнявший обязанности председателя с 4 по 15 мая 1980 г.), Цвиетин Миятович (1980-1981 гг.), Сергей Крайгер (1981-1982 гг.), Петар Стамболич (1982-1983 гг.), Мика Шпиляк (1983-1984 гг.), Веселин Джуранович (1984-1985 гг.), Радован Влайкович (1985- 1986 гг.), Синан Хасани (1986-1987 гг.), Лазар Мойсов (1987-1988 гг.), Раиф Диздаревич (1988-1989 гг.), Янез Дрновшек (1989-1990 гг.) и Борисав Йович (1990-1991 гг.). С мая по июль 1991 г. Югославия фактически не имела федерального руководителя, поскольку кандидатура Степана Месича, который должен был занять пост председателя в соответствии с принципом ротации, была заблокирована представителями Сербии, Воеводины, Косово и Черногории. Месич вступил в должность в июле 1991 г. только после настойчивых рекомендаций со стороны западных стран и занимал её до октября 1991 г., став, таким образом, последним Председателем Президиума СФРЮ.

¹³⁴ Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Ответ. ред. Никифоров К. В. М., 2011. С. 747.

¹³⁵ См. подробнее: *Силић П.* У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. Београд, 1993.

¹³⁶ *Stanković S.* Yugoslavia one year after Tito's death. RFE-RL* Research. RAD Background report/127 (Yugoslavia). 6 May 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0f168cdf-d953-4c51-86ca-1bec383b0bef> (Дата обращения: 20.08.2022).

привело к глубокому политическому кризису в стране. Титовские назначенцы в большинстве случаев получали должности исходя из соображений личной преданности маршалу, независимо от их способностей и практических навыков. Несмотря на искреннюю приверженность многих из них титовскому курсу и титовским заветам, они хорошо понимали, что в новых реалиях 1980-х гг. титоизм уже не мог существовать в неизменном виде. Нерешительность, отсутствие реального опыта действия в кризисных ситуациях, страх перед изменениями, а также опасения по поводу реакции граждан и международного сообщества не позволили Президиуму своевременно начать масштабные реформы в сфере управления государством¹³⁷. Регулярные заявления с высоких трибун о верности и преданности титоизму в его исконном понимании, использование титовских лозунгов, отсылки к его речам и выступлениям показывали неспособность коллективного главы государства адаптироваться к новым условиям, проводить собственную независимую эффективную политику, о чём публично в 1981 г. в одном из своих интервью заявил Милован Джилас¹³⁸. Попытки реального реформирования общественной и социально-экономической жизни в стране начались только в конце 1980-х гг., когда согласие между республиками, как и их желание бороться за единую Югославию уже оказались безвозвратно утерянными, и были инициированы не коллективным органом управления, а ЦК СКЮ и республиканским руководством Сербии.

За исключением отдельных вышеупомянутых изменений в составе и порядке функционирования Президиума система органов государственной власти СФРЮ не подверглась какому-либо существенному реформированию.

Статус высшего органа власти сохранялся за парламентом – Союзной Скупщиной СФРЮ, в ведении которой находилось принятие решений об изменении конституции СФРЮ, рассмотрение и утверждение основ внутренней и внешней политики страны, принятие союзных законов, формирование других высших органов федерации и пр. Срок её полномочий составлял четыре года. Союзная скупщина СФРЮ представляла собой двухпалатный парламент и состояла из Союзного веча в количестве 220 делегатов, избранных общинными скупщинами по 30 от каждой республики и по 20 от каждого автономного края и Веча республик и краёв в количестве 88 делегатов по 12 от каждой республиканской и по 8 от каждой краевой скупщины¹³⁹. Полномочия Союзной скупщины СФРЮ осуществлялись её палатами либо совместно (например, избрание председателя Союзной скупщины СФРЮ и его заместителей, председателя и членов Союзного исполнительного веча и пр.), либо одной из палат самостоятельно. Союзное вече принимало решения об изменении конституции и бюджета федерации, утверждало основы организации союзных органов, решало вопросы войны и мира и

¹³⁷ Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX в. М., 2012. С. 81.

¹³⁸ Los Angeles Times. 22 April 1981. P. 10.

¹³⁹ См.: Каменецкий В. М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991.

пр. Вече республик и автономных краёв на основе согласия республиканских и краевых скупщин принимало общественный план Югославии, утверждало общий объём расходов бюджета федерации и пр¹⁴⁰.

На протяжении 1980-х гг. в Югославии велись широкие дебаты по вопросу необходимости внесения поправок в конституцию: представители руководства федерации и республик образовали два политических лагеря – сторонников («уставореформаторов») и противников («уставобранителей») изменения основного закона¹⁴¹. За его реформирование выступали Сербия и Черногория, стремившиеся к расширению прав федерального центра, централизации государства и борющиеся против сепаратизма косовских албанцев. Против – Словения и Хорватия, отстаивающие свою самоуправленческую независимость в рамках единого государства. В 1988 г. Союзной скупщиной под давлением руководства Сербии всё-таки были приняты инициированные ЦК СКЮ 39 поправок конституцию Югославии, призванные «укрепить идейно-политические основы и единство государства, закрепить особый статус и положение рабочего класса и профсоюзов, поспособствовать решению накопившихся социально-экономических проблем»¹⁴². Продолжительные и активные споры вокруг Проекта поправок в Конституцию расценивались руководством СКЮ как признак высокого уровня развития югославской демократии, в подтверждение чего можно привести слова члена Президиума ЦК СКЮ, бывшего (в 1985-1986 гг.) его председателя Видоя Жарковича: «Поправки в Конституцию, как и общественные дискуссии вокруг них будут восприняты как свидетельство нашей силы и способности отвечать вызовам и требованиям времени»¹⁴³.

Основной смысл поправок сводился к созданию условий для разрешения противоречий между «бюрократическим» этатизмом и самоуправлением, усовершенствования механизма коллективного управления и отношений федерации с её составными частями, расширения пределов и чёткого разграничения компетенций различных правительственных и общественных учреждений с тем, чтобы они могли более эффективно мобилизовать ресурс для преодоления кризиса, а также «укрепления единства и стабильности югославского самоуправленческого общества на основе полного национального равноправия, братства народов и народностей, ответственности республик и краёв за развитие Югославии»¹⁴⁴. К минимуму сводились компетенции краевых властей, которые становились подотчётны республиканским органам Сербии. Поправками регулировалась деятельность и зона ответственности Президиума СФРЮ, Союзного веча и Веча республик и автономных краёв Союзной скупщины, СИВ, Союзного суда, Конституционного суда, Союза синдикатов, а также вопросы финансирования ЮНА;

¹⁴⁰ См.: *Каменецкий В. М.* Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991.

¹⁴¹ См. подробнее: *Bilandić D.* Jugoslavija poslije Tito. 1980-1985. Zagreb, 1986.

¹⁴² Промена Устава су изазов и шанса Савеза комуниста и друштва у целини // Политика. 14. јануар 1988. С. 1.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

создавалась единая финансовая, налоговая и валютная системы. Некоторой демократизации подвергалась избирательная система: непрямые по своей сути выборы делегатов в Союзную скупщину СФРЮ и различные органы рабочего самоуправления заменялись прямыми, голосование становилось тайным, увеличивалось количество кандидатов¹⁴⁵. Конституционная реформа вызвала консолидированное противодействие со стороны Словении и Хорватии, а потому не могла способствовать преодолению негативных тенденций в развитии Югославии, став своеобразным триггером для последующей эскалации межнациональных отношений. Саботирование положений федеральной конституции руководством отдельных республик привело к глубокому конституционному кризису, итогом которого стал распад СФРЮ.

Исполнительная власть была представлена правительством СФРЮ, носившем название Союзного исполнительного веча (серб. *Savezno izvršno veће* – СИВ). Председатель и члены СИВ назначались парламентом – Союзной скупщиной – сроком на четыре года. Помимо них в состав СИВ входили союзные секретари и другие руководители союзных органов управления. СИВ обеспечивало проведение политики СФРЮ во всех областях жизни страны, утверждало проекты общественного плана и бюджета федерации, координировало и направляло работу союзных органов управления. Председатель СИВ назначался Союзной скупщиной по предложению Президиума СФРЮ¹⁴⁶. В состав правительства помимо председателя и его двух заместителей входили представители республик и автономных краёв, союзные секретари, а также руководители других союзных органов управления и учреждений. Особый авторитет в правительстве имел союзный секретарь иностранных дел, роль которого, в частности, активизировалась к концу 1980-х гг.

Серьёзный правительственный кризис в Югославии разразился при Б. Микуличе (1986-1989 гг.), кабинет которого был вынужден уйти в коллективную отставку в самом конце 1988 г. Причинами к этому послужили непопулярные и жёсткие меры правительства в сфере экономики и финансов; широкое забастовочное движение, высокий уровень инфляции и безработицы, а также коррупционный скандал, в который оказался вовлечён сам Микулич. «Отсутствие ясной экономической политики, переход из одной крайности в другую, от «замораживания» цен до их «отмораживания», до сих пор невиданная инфляция, которая вышла из-под контроля и довела огромную часть граждан страны до, как там говорят, границы

¹⁴⁵ Amandmani na Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije (1988) // Викиизворник. URL: [\(https://sr.wikisource.org/sr-el/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B5_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B5_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%88%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B5_\(1988\)\)](https://sr.wikisource.org/sr-el/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B5_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B5_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%88%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B5_(1988)) (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁴⁶ В 1980-е гг. главами правительства в хронологической последовательности были Веселин Джуранович (1977-1982 гг.), Милка Планинц (1982-1986 гг.), Бранко Микулич (1986-1989 гг.) и Анте Маркович (1989-1991 гг.).

«социальной терпимости», – всё это вызвало такой гнев народа, что впервые после завершения Первой мировой войны всё правительство ушло в отставку вместе с премьером»¹⁴⁷, – именно так характеризовала происходящие в Югославии события в январе 1989 г. советская газета «Известия». Итогом кризиса стало формирование в марте 1989 г. нового правительства под началом А. Марковича, развернувшего проект рыночных реформ югославской экономики, давших кратковременный положительный эффект, но, в конечном итоге, только ускоривших распад единого экономического пространства. Острой критике деятельность премьера подвергалась со стороны Президиума СФРЮ и занявшего пост председателя в 1990 г. Б. Йовича – к 1991 г. конфликт между Президиумом и СИБ достиг своего апогея. Любопытно, что в 1989 г. именно серб Йович являлся главным конкурентом хорвата Марковича в борьбе за должность председателя СИБ. Начиная с момента её учреждения в 1963 г. представитель Сербии занимал её всего единожды, в то время как представители Хорватии – дважды, а вместе с Марковичем – трижды. В глазах сербской общественности и политического руководства СР Сербии такая ситуация выглядела несправедливой. Противодействие СИБ со стороны Сербии и Слободана Милошевича стало характерной чертой внутривнутриполитической жизни Югославии в последние годы её существования¹⁴⁸.

Органами общественного самоуправления и высшими органами власти в республиках, автономных краях и общинах являлись трёхпалатные скупщины, которые избирали и формировали свои собственные исполнительные веча и иные органы управления (секретариаты, комитеты и пр).

Роль ведущей идейно-политической силы страны продолжал исполнять Союз коммунистов Югославии (СКЮ)¹⁴⁹. По большому счёту СКЮ осуществлял государственные функции, т.к. именно он формулировал повестку дня, принимал решения, касающиеся основных направлений политического, экономического и социального развития Югославии; осуществлял идеологический контроль над жизнью государства и граждан. Высшим органом партии был периодически созываемый съезд. Он избирал Центральный комитет (ЦК) партии. С 1978 г. во главе ЦК стоял Президиум СКЮ, избиравший из своего состава исполнительных секретарей, секретаря Президиума сроком на два года и председателя сроком на один год. Пост председателя в порядке очерёдности занимали представители республик и краёв¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Цит. по: Криза владе у Југославије // Политика. 19. јануар 1989. С. 4.

¹⁴⁸ См. подробнее: *Ramet S. P. The Three Yugoslavias. State-Building and legitimation, 1918-2005.* Indiana, 2006.; *Ramet S. P. Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia From The Death of Tito to The Fall of Milosevic.* London, 2002.

¹⁴⁹ *Гуськова Е. Ю.* Роль СКЮ в политической системе общества. М., 1983.

¹⁵⁰ В 1980-е гг. Председателями Президиума ЦК СКЮ были Лазар Мойсов (1980-1981 гг.), Душан Драгосавац (1981-1982 гг.), Митя Рибичич (1982-1983 гг.), Драгослав Маркович (1983-1984 гг.), Али Шукрия (1984-1985 гг.), Видое Жаркович (1985-1986 гг.), Миланко Реновица (1986-1987 гг.), Бошко Крунич (1987-1988 гг.), Стипе Шувар (1988-1989 гг.), Милан Панчевский (1989-1990 гг.).

Действовали также республиканские и краевые Союзы коммунистов, имевшие свои съезды, ЦК и президиумы. Под руководством компартии работали общественно-политические организации – Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ), Союз профсоюзов, Союз объединений ветеранов Народно-освободительной войны, Союз социалистической молодёжи и иные.

В первые годы после смерти Тито именно ЦК СКЮ показал себя наиболее догматичным и консервативным органом государственной власти. На сессии ЦК СКЮ 12 июня 1980 г. секретарь Президиума ЦК Душан Драгосавац заявил: «Мы будем не только продолжать, но и углублять политику, которую проводили при Тито»¹⁵¹. Слова Драгосавца стали политическим лозунгом ЦК СКЮ, действовавшим на протяжении почти что целого десятилетия и заключившим в себя стремление партии к укреплению связей с рабочим классом и общественными организациями¹⁵², увеличению численности членов, усилению идеологического контроля над печатью и иными средствами массовой информации; упрочению своего положения в ЮНА, а также активизации идейно-политической борьбы против «внутренних и внешних врагов»¹⁵³. Однако это не означает того, что в партии не имелось сторонников либерализации политического курса. Дело в том, что по мере ухудшения ситуации в стране, и особенно после косовских протестов весной 1981 г., «их голоса звучали все слабее»¹⁵⁴. Приверженцы более жёсткого политического курса готовы были использовать любые рычаги для наведения порядка в стране вплоть до репрессивных.

Именно ЦК СКЮ выступил с инициативой внесения поправок в Конституцию Югославии в 1987 г. Его члены открыто критиковали сложившийся в Югославии к исходу 1980-х гг. порядок вещей и призывали к реформированию основ функционирования государства с целью противодействия сепаратизму, «четничеству», «ушастеству» и центробежным тенденциям¹⁵⁵, пытаясь подспудно закрепить при этом за собой монопольное право на определение дальнейшего политического и экономического курса. Основы же титоизма партийными руководителями первоначально не подвергались сомнениям или перспективе пересмотра – ЦК призывал лишь к корректировке курса в соответствии с вызовами новой эпохи. Позиция и методы ЦК СКЮ наталкивались на непримиримое сопротивление Союза коммунистов Словении и Хорватии, требовавших децентрализации и либерализации партийной и республиканской жизни.

¹⁵¹ Наша револуција се развија на потврђеним вредностима // Политика. 13. јун 1980. С. 1.

¹⁵² Гуськова Е. Ю. Дискуссия о кадровой политике и социально-классовой структуре СКЮ. М., 1985.

¹⁵³ Она же. Идеологическая работа Союза коммунистов Югославии: Св. обзоров: / АН СССР, М., 1988.

¹⁵⁴ Antić Z. Yugoslav Albanian polemics over Kosovo escalate. RFE-RL* Research. RAD Background report/122 (Yugoslavia). 30 April 1981. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Дата обращения: 20.08.2022).

¹⁵⁵ См.: Гуськова Е. Ю. Югославская концепция партии в условиях самоуправления. М., 1987.

Надеясь сохранить хотя бы относительное единство партии, ЦК принял решение пойти на ряд уступок республиканским органам партийного руководства, что, однако, не уберегло партию от распада. В декабре 1989 г. рабочая группа Президиума ЦК СКЮ предложила проект Декларации «Новый проект демократического социализма и Югославия», который должен был быть представлен на рассмотрение XIV чрезвычайному Съезду СКЮ. В соответствии с положениями Декларации предполагалось расширить границы политических свобод в стране: «Союз коммунистов выступает за свободу выражения мнения независимо от политических воззрений, свободу слова и собраний... за свою политическую легитимность СКЮ будет бороться на выборах и посредством других способов волеизъявления граждан»¹⁵⁶. Члены рабочей группы предлагали приступить к как можно более скорой подготовке текста новой конституции СФРЮ, а также новых программы и статута партии, призванных обновить СКЮ и придать коммунистическим идеям более современное звучание. Таким образом, партия официально признала за собой необходимость в модернизации, готовность к отказу от монополии на власть и принятию необходимых для этого шагов¹⁵⁷.

Последний как таковой и первый чрезвычайный в истории партии XIV Съезд СКЮ открылся в Белграде 20 января 1990 г. по инициативе Воеводины и был обусловлен тяжёлым положением югославского общества и необходимостью утвердить новую программу и основные направления дальнейшей деятельности СКЮ. На съезде возникла острая полемика между представителями Сербии и Словении. Делегаты из Сербии выступали за единую СКЮ, в то время как делегаты из Словении во главе с Миланом Кучаном требовали создания более свободного союза – Союза коммунистических рабочих союзов. СР Словения и её руководство были обвинены в политике «поддержки сепаратизма, терроризма, геноцида в Косово»¹⁵⁸, «стремления... к разделу Югославии и распаду югославского социализма»¹⁵⁹. 22 января в знак протеста против позиции Сербии, выражаемой, в частности, С. Милошевичем, Кучан вместе со всеми словенскими делегатами покинул Съезд. Вслед за словенцами «провалившийся» Съезд¹⁶⁰ покинула и хорватская делегация – единая СКЮ прекратила своё фактическое существование.

Особое положение и значение в условиях широкого государственного кризиса в Югославии приобретали вооружённые силы (ВС) страны в лице ЮНА, призванной защищать её единство и территориальную целостность. После смерти И. Броз Тито в роли Верховного

¹⁵⁶ За нови пројект демократског социализма, за Југославију, за свет мира, слободи и солидарности // Политика. 18. децембар 1989. С. 6.

¹⁵⁷ См. подробнее: Гуськова Е. Ю. От тоталитаризма к демократии: первые итоги выборов на многопартийной основе в Югославии: обзор. М., 1991.

¹⁵⁸ Други дан рада 14. Ванредног конгреса СКЈ // Политика. 22. јануар 1990. С. 2.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Едемский А. Б. От провала XIV съезда СКЮ к «третьей Югославии»? // Восточная Европа на историческом переломе (очерки революционных преобразований, 1989—1990 гг.). М., 1991. С. 269-290.

главнокомандующего армии выступал Президиум СФРЮ. О высоком общественном статусе ЮНА косвенно говорят не только заявления с высоких трибун югославских партийных, государственных и военных деятелей, в которых подчёркивался приоритет армии, но и масштабные ежегодные празднования Дня ЮНА, приходившегося на 22 декабря. Поправками к конституции от 1988 г. отдельно регулировались вопросы её финансирования, прописывалась возможность установления специального налога для обеспечения его стабильности.

Необходимость участия в финансировании ЮНА вызывала острое недовольство в Словении и Хорватии и являлась одной из причин конфликтов между руководством этих республик и федеральным центром. Проблема неустойчивости финансового содержания ВС негативно сказывалась на состоянии армии и её эффективности, приводила к регулярному сокращению численности военнослужащих. Так, например, весной 1988 г. гражданский состав ЮНА был сокращён на 12%, военный – на 10%, силы Территориальной обороны - 13,7 %¹⁶¹.

Руководство ЮНА формально выражало готовность поддержать общественные реформы в Югославии, а также общую демократизацию и «плюрализацию» при условии сохранения единства страны, о чём, например, в одном из своих интервью заявил последний начальник Генерального штаба ВС СФРЮ генерал Благое Анджич (1989-1991 гг.): «Общественная реформа может только позитивно сказаться на развитии нашей наступательно-оборонительной системы... модернизации и эффективности наших ВС. Что касается плюрализации общества, в этом не видим никакой негативной коннотации»¹⁶². Однако армия и её руководство продолжали мыслить себя только в рамках тесной связи с СКЮ, поэтому о её деполитизации не могло идти и речи: «Наша Армия создана в огне войны и революции под руководством Тито и Партии, и с тех пор СКЮ – неотделимый субъект её существования и силы»¹⁶³.

В целом, система органов государственной власти после смерти И. Б. Тито не подверглась существенному реформированию. Перспективные изменения были выработаны самим Тито и закреплены в Конституции 1974 г., которая выступила одной из главных причин всеобъемлющего идеологического, политического и социально-экономического кризиса в СФРЮ. Поправки к конституции, о необходимости внесения которых столь долго дискутировали и которые были приняты только в 1988 г., уже не могли остановить процесс дезинтеграции, охвативший все сферы жизни югославского общества.

Президиум СФРЮ как политический феномен не оправдал возложенных на него ожиданий и вместо того, чтобы предотвратить распад Югославии, выступил своего рода катализатором для ускорения дезинтеграционных процессов. Причинами к этому стали как объективные факторы, так и субъективные, связанные с недостатком реального опыта

¹⁶¹ Смањује се бројчани састав ЈНА // Политика. 3. март 1988. С. 1.

¹⁶² Ко се плаши чињенице да ЈНА жели јединствену Југославију // Там же. 7. децембар 1989. С. 9.

¹⁶³ Там же.

управления у Президиума, а также отсутствием у кого-либо из его членов авторитета, сопоставимого по своей силе с авторитетом Тито; политической воли и личной заинтересованности в деле сохранения единой Югославии – каждый защищал, прежде всего, интересы представляемой им республики. Вместе с тем, ни председатели Президиума, ни председатели СИБ, занимавшие эти посты во второй половине 1980-х гг., не могли соревноваться с республиканскими лидерами по уровню своей харизмы или уровню поддержки среди граждан. Реальной возможности повлиять на развитие ситуации председатели Президиума не имели и потому, что срок их пребывания на этом посту ограничивался одним годом.

Для населения национальных республик гораздо более значимыми становились решения, принимаемые не федеральными, а республиканскими органами власти. В связи с этим наиболее значимой преференцией союзного руководства становилось проведение внешней политики, основной целью которой являлся поиск политической и экономической поддержки стран Запада. По мере нарастания кризисных явлений в государстве, национальные республики всё чаще обращались к инструментам парадипломатии, начинали формировать собственную внешнеполитическую повестку в обход федерального центра. Внешнеполитические цели Югославии и некоторых национальных республик к исходу 1980-х гг. зачастую могли быть диаметрально противоположными.

1.2. «Самоуправленческий социализм» и экономическое развитие страны

Наиболее проблемный и фатальный характер в 1980-е гг. приобрели кризисные явления в экономической жизни СФРЮ, что было связано как с последствиями мирового энергетического кризиса 1979-1980 гг., ударившим по экономике ряда стран, так и с сугубо национальными причинами.

Экономические проблемы не стали чем-то новым для Югославии, но после смерти И. Броз Тито выступили на поверхность со всей своей очевидностью. Позиция неприсоединения и нейтральности во внешней политике способствовали тому, что Тито пользовался расположением как США и западноевропейских держав, так и СССР с его восточноевропейскими сателлитами (после нормализации советско-югославских отношений в середине 1950-х гг.). Соответственно экономическая помощь Югославии в виде многочисленных кредитов и предоставления разнообразных преференций поступала одновременно из двух лагерей¹⁶⁴.

¹⁶⁴ См. подробнее: *Кандель П. Е.* Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979 гг.). М., 1979.

Финансовые дотации лишь временно стабилизировали экономику СФРЮ, но не были способны разрешить её глубинных проблем, произрастающих из противоречивости концепции «самоуправленческого социализма», сочетавшей планирование и рыночные отношения. Так, например, самоуправление на предприятиях создавало перекосы на рынке труда: рабочие более сильных предприятий с высокой заработной платой противились приёму рабочей силы с неблагополучных производств на своём производстве. Это приводило «к разрывам в оплате труда для одних и тех же специальностей в зависимости от отрасли хозяйства»¹⁶⁵. Новые предприятия почти не открывались, поскольку правительство поддерживало убыточные производства, оттягивая на них ресурсы. К исходу 1970-х гг. примерно 20-30% предприятий были нерентабельными¹⁶⁶. В этих условиях рабочий часто становился заложником ситуации, из которой видел выход только в трудовой миграции.

Довольно нелепой в рамках концепции «самоуправления» могло выглядеть распределение административных должностей, причём как на уровне предприятий, так и на уровне местных административно-территориальных единиц (общин). Так, например, совершенно рядовой могла быть ситуация, при которой «бывший медицинский техник становился директором деревообрабатывающего завода», «ветеринар - директором текстильного завода», а «техник лесного хозяйства – директором медицинского центра»¹⁶⁷ и пр. Разумеется, такой административный кадр не мог иметь ни идеи, ни концепции дальнейшего развития возглавляемого им учреждения. Некомпетентность руководителя дискредитировала его в глазах подчинённых, которые естественным образом начинали задаваться вопросами о разумности «самоуправленческой» концепции.

Закономерным следствием вышеупомянутых и иных проблем общественного развития становилось то, что югославские граждане всё больше теряли веру в систему самоуправления и саму возможность реализации этой идеи на практике: «Каждый день граждане своими глазами наблюдают, как разыгрывается карта самоуправления; одни и те же люди годами призывают к самоуправлению и в то же время компрометируют его своим отношением. Это люди с двойными стандартами, не желающие признавать того, что самоуправление находится в ситуации стагнации и упадка, но при этом прочно удерживающие рычаги государственно-партийной власти, применяющие для этого всевозможные политиканско-правящие махинации и мистификации»¹⁶⁸. Таким образом, неготовность и неспособность власти к реформированию экономической системы усиливали кризис идеологии, на которой зиждилась СФРЮ.

¹⁶⁵ Carević M. Jugoslavija između etatizma i samoupravljanja. Banjaluka, 1987. S. 322.

¹⁶⁶ Ibid.

¹⁶⁷ Ibid. S. 28.

¹⁶⁸ Ibid.

Неразрешимой проблемой, усугублявшей общее недовольство союзными властями и радикализировавшей сепаратистские настроения, являлось общественно-экономическое неравенство республик СФРЮ и необходимость наиболее богатых из них дотировать наиболее бедные: развитые республики должны были отчислять порядка 2% своего валового продукта в Фонд федерации по кредитованию недостаточно развитых республик и автономного края Косово и Метохии¹⁶⁹. Саботирование этой обязанности СР Словенией и Хорватией в 1980-е гг. привело к ещё большему обнищанию слаборазвитых регионов и дестабилизации социально-экономической, а также политической обстановки как в республиках, так и в федерации в целом.

Все ещё командно-административная по своей сути, но при этом децентрализованная¹⁷⁰ экономика Югославии не могла соответствовать капиталистическим стандартам потребления югославских граждан, что приводило к регулярному дефициту в бюджете. Её перевод на полностью рыночные рельсы рано или поздно поставил бы на повестку дня вопрос о необходимости политических реформ, чего не могли допустить Президиум СФРЮ и ЦК СКЮ. Однако даже в условиях капиталистической экономики слабый хозяйственный потенциал Югославии, низкий уровень технического оснащения и темпов модернизации предприятий, а также излишняя бюрократизация и неповоротливость системы не позволили бы ей на равных конкурировать с западными производителями. Стратегической проблемой становилась технологическая зависимость Югославии, а также отсутствие развитого сектора наукоемкого производства, что негативно сказывалось, в том числе, на состоянии военно-промышленного комплекса.

В этих условиях коллективное руководство в начале 1980-х г. выработало и приняло компромиссную «Программу стабилизации экономики» страны, которая предполагала политику предельной экономии средств, роста экспорта, снижения диспропорций в уровнях экономического развития федеральных единиц, но на практике ознаменовалась лишь изысканиями новых кредитных поступлений и увеличением государственного долга СФРЮ. Долгосрочная приверженность программе стабилизации была подтверждена на XII Съезде СКЮ в 1982 г.

В феврале 1981 г. Международный валютный фонд (МВФ) при условии резкого снижения расходов, девальвации динара и либерализации цен кредитовал Югославию на сумму

¹⁶⁹ См. подробнее: *Кудров В. М.* Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 90-105.

¹⁷⁰ Конституция 1974 г. и высвобождение республик из-под опеки центра привели к слабости и размытости единой экономики и единого рынка: федеральные единицы формировали свои собственные автономные «национальные экономики».

в 2 млрд 200 млн. долларов сроком на трёхгодичный период¹⁷¹. Для МВФ эта сумма стала самой крупной за всю его предшествующую историю кредитования развивающихся стран. Первый займ в размере 275 миллионов долларов от Всемирного банка Югославия получила в 1983 г., а в 1984 г. страна получила от организации отраслевой кредит на производство искусственных удобрений в размере 90 миллионов долларов¹⁷², что, однако, для ситуации всё увеличивающихся потребностей экономики Югославии, было каплей в море. В дальнейшем руководству СФРЮ становилось всё тяжелее получать кредиты, отношения с кредиторами ухудшались, т. к. те понимали, что займы идут не на развитие хозяйства и повышение производительности труда, а на поддержание уровня жизни во избежание политического коллапса. Тем не менее, летом 1988 г. Югославия получила от Всемирного банка очередной займ на сумму в 120 миллионов долларов¹⁷³. В конце 1990 г. Белград получил от ЕЭС рекордные 1 млрд. долларов на реконструкцию дорожных и железнодорожных магистралей¹⁷⁴. Степень зависимости Югославии от иностранных денег приобретала драматический характер.

17 марта 1981 г. Скупщиной СФРЮ был принят новый общественный план страны на 1981-1985 гг.¹⁷⁵ Основные положения плана касались экономической ситуации в стране и исходили не только из необходимости её стабилизации, но и перспективного развития различных секторов экономики, а также «улучшения инвестиционного климата, уменьшения объёмов импорта и увеличения объёмов экспорта, расширения экономического сотрудничества с иностранными государствами, привлечение иностранных туристов, открытия новых рабочих мест и повышения реальных личных доходов и уровня жизни югославских граждан»¹⁷⁶. Решать проблемы в среднесрочной перспективе планировалось за счёт «полного использования имеющихся ресурсов», «максимальной экономии» и «рационального распределения общественных средств»¹⁷⁷, что нашло своё выражение во введении налогов на поездки за границу, ограничении на изъятие валюты с банковских счетов, регулировании потребления топлива и прочих антикризисных мерах.

На практике преодолеть экономические трудности оказалось гораздо сложнее. Ещё в июне 1980 г. было объявлено о девальвации югославского динара на 30% по сравнению с

¹⁷¹ *Antić Z.* Yugoslavia to receive new foreign credits. RFE-RL* Research. RAD Background report/39 (Yugoslavia). 13 February 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:8decbf0e-2dda-4280-99d0-3031e59fba9b> (Дата обращения: 20.08.2022).

¹⁷² Зашто зајмимо од Светске банке // Политика. 20. јун 1988. С. 4.

¹⁷³ Југославији одобрено 120 милиона долара // Там же. 2. јул 1988. С. 2.

¹⁷⁴ Зајам од милијарду долара за Југославију // Там же. 19. децембар 1990. С. 1.

¹⁷⁵ Усвојен Друштвени план земље од 1981. до 1985. године // Там же. 18. март 1981. С. 7.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Кредити у августу // Там же. 30. јун 1983. С. 4-5.

курсом на начало года. Рост инфляции к началу 1981 г. составил 40%¹⁷⁸. Ухудшение в экономической сфере вызывало последовательное обострение политической ситуации на местах и особенно - в наиболее бедных регионах страны, а точнее – в автономном крае Косово, по которому весной 1981 г. прокатилась волна албанских протестов.

Политика стабилизации дала краткосрочный положительный эффект, в том числе и за счёт активизации торговли СФРЮ с государствами-членами СЭВ, чей рынок оказался менее притязательным по сравнению с западноевропейским, но в среднесрочной перспективе применение рестриктивных экономических методов привело лишь к снижению показателей эффективности хозяйственного комплекса, падению уровня экспорта и импорта. В 1983 г. югославская экономика вновь показала отрицательную динамику, а к началу 1985 г. рост инфляции составил уже 100%¹⁷⁹. Реальные доходы граждан упали ровно в два раза по сравнению с показателями 1980 г.¹⁸⁰ Вместе с покупательной способностью падали мотивация и желание трудиться и производить, падала дисциплина на предприятиях.

Непреодолимой проблемой стал рост количества безработных, число которых достигло около 1 млн человек на начало 1984 г. (общая численность населения СФРЮ по данным переписи 1989 г. составляла 23,72 млн чел.)¹⁸¹. Безработица провоцировала процессы маргинализации, криминализации населения и рост социальной напряжённости, став причиной выступлений в черногорском Титограде в 1983 г., хорватском Лабине в 1987 г. и повсеместных массовых протестов в 1988 г. По данным на 1984 г. порядка 2 млн 500 тыс. граждан вовсе не были в состоянии прокормить себя самостоятельно и вынуждены были обращаться к государству за помощью¹⁸². В это число входили не только безработные, но и престарелые крестьяне, не получавшие пенсий на регулярной основе, а также студенты, оставшиеся без финансовой поддержки семьи.

Больной темой для правительства была массовая рабочая миграция в западноевропейские страны, численность которой к середине 1989 г. достигла более 1 млн. человек¹⁸³; защита прав югославских «гастарбайтеров» за рубежом, а также необходимость их адаптации после возвращения, часто вынужденного, на родину. Для этого создавались различные социальные программы, включающие в себя такие меры поддержки как упрощённое

¹⁷⁸ *Antić Z.* Yugoslavia's foreign debts. RFE-RL* Research. RAD Background report/58 (Yugoslavia). 10 March 1982. P. 4. // OSA Archive. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:dc6533ab-ee1e-45c2-a8ba-5bcf73bdf686> (Дата обращения: 20.08.2022).

¹⁷⁹ *Stanković S.* Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/1 (Yugoslavia). 24 February 1985. P. 27. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:78d37fd0-6882-4faa-9112-c62fa96e32e7> (Дата обращения: 20.08.2022).

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ *Antić Z.* Drastic decline in Yugoslav standart of living. RFE-RL* Research. RAD Background report (Yugoslavia). 24 July 1984. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:cc34f839-a8d2-478b-a5f2-de80f9c5d678> (Дата обращения: 20.08.2022).

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Гастарбайтерима не прети отпуштање // Политика. 26. децембар 1989. С. 9.

трудоустройство, открытие ремесленных мастерских, ускоренное одобрение кредитов на покупку квартир и строительство дач, обучение детей и пр. В реальности Югославия не могла самостоятельно создать приемлемые условия для социализации своих вернувшихся из-за рубежа граждан.

За рубежом «гастарбайтеры» сталкивались с множественными трудностями, главной из которых была ассимиляция в стране проживания. Семьи мигрантов часто не могли обеспечить своим детям обучение на родном языке – ощущалась острая нехватка учебников и учителей. К исходу 1980-х гг. возросла конкуренция между рабочими из Югославии и других восточноевропейских стран. Так, в ФРГ югославскую рабочую силу вытесняли кадры из Германской Демократической Республики (ГДР) и Польши, уровень квалификации которых был несопоставимо выше. Вместе с тем, югославские диаспоры (так называемые «юго-клубы») старались оказывать посильную помощь исторической родине, перечисляя деньги на благотворительные и иные цели.

К 1987 г. фактически настала «критичная фаза» в отношениях между Югославией и её основными кредиторами в лице МВФ, Всемирного банка и Парижского клуба, грозившая СФРЮ объявлением дефолта¹⁸⁴. К концу года внешний долг страны составил 19,8 миллиардов долларов¹⁸⁵. Тяжелее всего переговоры проходили с 15 государствами-членами Парижского клуба и Кувейтом, являвшимся одним из самых крупных государственных кредиторов СФРЮ.

Главным вопросом, занимавшим умы как государственных деятелей, так и простых югославских граждан, становился вопрос о том, как Югославия собирается возвращать долги. Однозначного и ясного ответа на него в 1980-х гг. не было. На переговорах с кредиторами югославское руководство задавалось двумя главными целями. Во-первых, добиться таких условий для погашения обязательств по долгам, которые позволили бы стране нормально развиваться, а также проводить необходимые структурные изменения в экономике. Во-вторых, обеспечить такую степень ликвидности, которая гарантировала бы нормальное снабжение экономики по мере её приспособления к экономическим реформам. Кроме того, Югославии было важно обеспечить минимально необходимый импорт товаров народного потребления. В этой связи СФРЮ рассчитывала не просто на реструктуризацию долгов, а на поддержку кредиторами её стабилизационной программы, которая могла бы помочь погасить долги при последующем развитии в условиях корректировки экономического курса. Не все члены Парижского клуба относились с пониманием к пожеланиям Югославии – большая их часть была готова пойти только на частичную отсрочку погашения кредитов. Обострения ситуации

¹⁸⁴ Дуг се тешко смањује // Политика. 5. април 1987. С. 3.; См. подробнее: *Кудров В. М.* Югославия: трудный путь. М., 2001.

¹⁸⁵ Незаобилазни послови конверзије дуга // Политика. 20. март. 1989. С. 4.

удалось избежать, несмотря на то, что инфляция достигла трехзначных цифр, а в 1989 г. переросла уже в четырехзначную гиперинфляцию¹⁸⁶.

Во второй половине 1980-х гг. югославская экономика оказалась в крайне затруднительном положении, характеризовавшемся 1) оттоком огромных сумм накоплений на обслуживание внешнего долга 2) снижением товарооборота и обесцениванием югославской продукции в следствие необходимости обеспечения экспорта даже по заниженным ценам 3) разрывом внутренних производственных связей 4) дальнейшей дезинтеграцией внутреннего экономического пространства 5) снижением стоимости национальной валюты и высокой инфляцией 6) высокой степенью зависимости от развитых экономик 7) массовой безработицей и ухудшением качества жизни граждан 8) общей рецессией и падением темпов производства¹⁸⁷.

Преодолеть экономический кризис путём затягивания пояса было невозможно. Югославии нужна была совершенно новая экономическая политика, инициатором которой в 1989 г. выступил председатель СИБ СФРЮ Анте Маркович. Правовой базой для реформ Марковича послужили поправки к конституции 1988 г., существенно расширившие компетенции федерации по отношению к республикам. Благоволила структурным преобразованиям в Югославии и международно-политическая ситуация, характеризовавшаяся наметившимся упадком социалистической идеи и распадом социалистического блока. Важной чертой преобразований нового премьер-министра стало активное привлечение западного капитала в югославскую экономику через выстраивание тесного сотрудничества с ЕЭС. Инвестиции, в основном, имели немецкое, австрийское и итальянское происхождение и направлялись в более благополучные Словению и Хорватию. Одновременно с этим углублялась банковская реформа, значительно расширилась практика банкротств неэффективных предприятий. К началу 1990 г. были проведены либерализация цен и конвертация нового динара, который привязали к западногерманской марке, а также снятие всяческих ограничений с импорта и экспорта. Вскоре началась масштабная приватизация общественной собственности, которая должна была быть преобразована в государственно-частную. Экономика страны приобретала все более рыночный характер.

Программа экономических реформ и мер их реализации на 1990 г., предложенная СИБ, преследовала в качестве цели ограничение спроса на потребительские товары и снижение инфляции путём временного замораживания заработной платы, но вызвала не просто резкую критику и сопротивление со стороны СР Сербии, но и призывы к отставке А. Марковича. Дело

¹⁸⁶ *Popović T., Stamenkovic S.* *Ekonomska drama Jugoslavije: Raspad trzista – sankcije – slom monetarnog sistema.* Beograd, 1994.

¹⁸⁷ См. подробнее: *Энтина Е. Г.* Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): дис... д-ра полит. наук. М., 2020.

не только в том, что, по мнению руководства Сербии, предлагаемые меры вели за собой «спад темпов производства и увеличение уровня безработицы, ложась таким образом на наиболее незащищённые слои населения»¹⁸⁸ и способствуя политической дестабилизации, но и в том, что масштабы негативных последствий этих мер для разных республик СФРЮ были несопоставимы. В заведомо проигрышном положении оказывались СР Босния и Герцеговина, СР Македония, СР Черногория и край Косово.

Экономические разногласия между республиками становились всё критичнее, а экономическое единство – всё прозрачнее и эфемернее. Ещё в конце 1987 г. республики вступили в острые прения с центром по вопросу распределения средств между федеральными единицами, следствием чего стало то, что страна вошла в 1988 г. без традиционного плана экономического развития в виде Резолюции о развитии Югославии, утверждаемой Скупщиной ежегодно в канун нового года. Проект плана по сути был заблокирован Президиумом СР Словении, заявившим, что «Словения больше не намерена участвовать в создании нереальных и неосуществимых документов»¹⁸⁹. Остальные республики отстаивали, в первую очередь, интересы своих «национальных» экономик, не желая прислушиваться к доводам центра: Македония искала реструктуризации долгов, Сербия – единства ценовой политики, Хорватия – введения валютного законодательства, либерализации цен, менее строгой кредитно-монетарной политики, Косово – реструктуризации долгов и дополнительных средств на решение общественных проблем, Черногория – консолидации экономики и банков, Босния и Герцеговина – возможностей для погашения внутреннего долга. Каждая республика считала, что «её другие грабят, что у неё кто-то что-то отбирает»¹⁹⁰, отсюда и всё возраставшее желание «отхватить побольше»¹⁹¹. В начале 1988 г. республикам всё-таки удалось достичь относительного компромисса по большинству спорных вопросов и согласовать проект валютного законодательства, а также план отпуска цен. Однако сам факт возникновения подобной кризисной ситуации означал неумолимое падение роли федерального экономического планирования в дальнейшем даже при условии конституционной реформы. Любым возможностям достижения хотя бы относительной экономической централизации препятствовала, прежде всего, республиканская этнократия.

В любом случае, Программа экономических реформ и мер их реализации на 1990 г. была принята, несмотря на противодействие Сербии, и поспособствовала снижению инфляции в 20 раз. Внешний долг СФРЮ снизился до 16 млрд. долларов к началу 1991 г.¹⁹² Однако положительный эффект от реформ Марковича не стал примирительным мотивом для республик,

¹⁸⁸ Србија не подржава мере СИВ-а // Политика. 20. децембар 1989. С. 1.

¹⁸⁹ Кад републике деле паре // Там же. 4. јануар 1988. С. 5.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² *Энтина Е. Г.* Указ. соч. С. 131.

а, наоборот, усилил центробежные тенденции в стране: начатая в 1991 г. приватизация превратилась в этническую борьбу за собственность.

В целом, предпринятые последовательным сторонником югославизма А. Марковичем шаги, не могли изменить общей негативной тенденции в югославской экономике: «По-прежнему было слишком много самодовольства и недостаточно мотивов и давления для изменений... Югославия жила за счёт былой славы и угасающего пламени титоизма»¹⁹³. Несмотря на некоторый приток иностранного капитала, общее предубеждение и недоверие западных инвесторов по отношению к СФРЮ сохранилось. Неслучайно, Белград в последние годы своего существования не получил ни одного крупного займа. МВФ и западноевропейские правительства оказывали интенсивное давление на руководство Югославии, заставляя страну урезать свои расходы, тем самым провоцируя в ней ещё большую политическую нестабильность. Совершенную незаинтересованность и даже противодействие делу реформирования федеральной экономики демонстрировали республиканские элиты. Естественным образом экономический кризис ударил по внешнеполитическому авторитету Югославии, ослабив её позиции на международной политической арене и особенно – в Движении неприсоединения.

1.3. Дезинтеграционные процессы и проблема сепаратизма

Главным испытанием для единой Югославии в 1980-е гг. стал рост сепаратизма в республиках и автономных краях и, как следствие, углубление дезинтеграционных процессов, вызванных рядом объективных и субъективных причин.

В 1974 г. в Югославии была принята третья Конституция, в соответствии с которой федеральные единицы получили беспрецедентную политическую и экономическую самостоятельность, в то время как компетенции федерального центра были существенно сужены, что превращало страну в подобие конфедерации. Многие учёные склонны считать, что именно Конституция 1974 г. является одной из главных причин, обостривших националистические настроения и центробежные тенденции в СФРЮ.

Национализм и сепаратизм росли на местах по мере ухудшения экономической ситуации. Относительно благополучные и стабильно развивающиеся Словения и Хорватия выражали недовольство федеральной экономической политикой и несправедливым распределением финансов среди республик и краёв. Дело в том, что весомая часть поступлений в федеральный бюджет происходила из СР Словении и СР Хорватии, но не возвращалась в достаточном

¹⁹³ *Crnobrnja M.* The Yugoslav Drama. London and New York, 1996. P. 91.

количестве в указанные республики, а шла на содержание слаборазвитых СР Боснии и Герцеговины, СР Македонии, СР Черногории и САК Косово, что вызывало возмущение и раздражение как со стороны местного республиканского руководства, так и со стороны обычных граждан. Вместе с тем, несмотря на значительные дотации экономическая ситуация в бедных регионах не улучшалась, что было обусловлено, в том числе, историческими особенностями их развития, низкой производительностью труда, уровнем образования и квалификации местных трудовых кадров.

Причина сепаратистских процессов также крылась в историко-культурных и этнорелигиозных различиях между югославскими нациями, игнорировавшимися титовской концепцией югославизма, главной задачей которой стало формирование единой югославской народности и размывание этнических границ внутри государства¹⁹⁴. Даже при жизни Тито этот проект нациестроительства встречал взрывоопасное сопротивление на местах (например, так называемая «Хорватская весна»)¹⁹⁵. Смерть «отца югославской нации» высвободила националистические силы, уверенные в том, что вне рамок СФРЮ их республики будут развиваться успешнее. В этой связи падение уровня популярности и привлекательности югославской идеи, поиск каждым народом своего, нового Тито в лице национальных лидеров выглядели вполне закономерными и объективными процессами.

Ухудшение межнациональных отношений в федерации вызывало большую тревогу среди югославских граждан, которые весьма здраво подходили к вопросу о причинах и вероятных последствиях происходящего. Так, согласно исследованиям общественного мнения в 1985 г. 22% респондентов в качестве основной проблемы роста национализма указывали «деятельность националистов в стране и (или) за рубежом», 20% – «экономический и политический кризис», 15% – «республиканский и краевой этатизм (политическое и экономическое «закрытие» республик и краёв)», 6% - «оторванность власти от народа и национализм руководителей», 5% – «различия в вере и деятельность религиозных организаций», 4% – «примитивизм и отсталость», 3% – «наследие прошлого и предрассудки», 3% - «культурно-языковые различия»¹⁹⁶. Из этих данных следует, что религиозные и этнические различия и противоречия всё-таки не были главным фактором, обусловившим распад Югославии.

¹⁹⁴ См.: *Bakić J.* Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma. Zrenjanin, 2004.;

Мартынова М. Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1996.; *Она же.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.; *Gavrilović D.* Zatočenici mitova nacionalizma i komunizma: svet i Jugoslavija. Beograd, 2010.

¹⁹⁵ См. подробнее: *Đokić D.* Yugoslavism: Histories of a Failed Idea 1918–1992, London, 2003.; *Strugar V.* Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavija. Beograd, 1992.; *Magas B.* The destruction of Yugoslavia tracking the break-up. 1980-1992. London, 1993.

¹⁹⁶ Jugosloveni o društvenoj krizi (istraživanje javnog mnjenja 1985. godine). Beograd, 1989. S. 86.

Наиболее слабым звеном в рамках СФРЮ с точки зрения распространения идей национализма и сепаратизма был автономный край Косово, в котором большая часть населения к 1980-м гг. была представлена албанцами. Если сербов, хорватов, словенцев, боснийских мусульман, черногорцев и македонцев роднили общее этническое и языковое происхождение, то косовские албанцы в сообществе югославянских народов ощущали себя чуждым элементом и стремились к сближению с Албанией¹⁹⁷, которая всячески поощряла их в этом.

В марте - апреле 1981 г. в автономном крае начались вооружённые столкновения между косовскими албанцами и подразделениями ЮНА, приведшие к кровавым последствиям. Выступления албанцев, зачинщиками которых стали студенты Приштинского университета, происходили под националистическими лозунгами, требовавшими преобразования Косово в республику и даже выхода края из состава СФРЮ («Косово - это республика», «Мы албанцы, мы не югославы», «В единстве с Албанией», «Да здравствует Великая Албания», «Объединение албанских земель», «Сегодня с песнями – завтра с пушками» и пр.¹⁹⁸). Участники волнений искренне считали, что «албанцы угнетаются в Югославии, а Косово экономически эксплуатируется»¹⁹⁹. Обычным делом среди демонстрантов стали осквернение государственных символов СФРЮ, в т.ч. сожжение флагов, нападение на сербов и акты вандализма. Реакция центрального руководства не заставила себя долго ждать: «Акции вражеских ирредентистских элементов рассчитаны на подрыв стабильности в нашей стране»²⁰⁰. Началось последовательное ухудшение отношений с Албанией, справедливо обвинённой в провокационной деятельности. Сепаратистские настроения имелись в крае и раньше, но националисты долгое время ожидали благоприятного повода для своего массового выступления, которым и стала смерть И. Б. Тито²⁰¹.

Албанские погромы и протесты были самым принципиальным образом осуждены властями края и его представителями в органах центральной власти, выступавшими сторонниками единства югославских народов. Так, член Президиума СФРЮ от САК Косово Фадиль Ходжа заявил: «Хочу сразу выразиться наиболее ясным образом: те недавние события, которые имели место в Приштине и других местах в Косово, имеют преднамеренный и неприятельский характер. Это дело контрреволюции. Студенческие демонстрации и другие инциденты были только прологом к организованному наступлению откровенных врагов самоуправленческой социалистической неприсоединившейся Югославии, которые не желают

¹⁹⁷ См.: *Иванова Ю. В.* Косовский кризис. М., 1999.

¹⁹⁸ *Ристановић П. Р.* Српска интелектуална елита и косовско питање 1974-1989. Докторска дисертација. Београд, 2018. С. 204.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Седница Председништва СФРЈ и Председништва ЦК СКЈ. Јединствени смо и бескомпромисни у заштити уставног поретка и територијалног интегритета СФРЈ // Политика. 4. април 1981 г. С. 1-2.

²⁰¹ См.: *Буквич Р.* Регионална проблема социјалистичке Југославије у 1945-1991 // Вестник Мордов. ун-та. 2014. № 3. С.129-146.

добра ни албанскому народу, ни другим народам Югославии»²⁰². К слову, сам Ходжа, герой социалистического труда и народный герой Югославии, будет исключён из СКЮ в 1987 г. за неосторожные высказывания о положении в Косово²⁰³.

Организаторы и участники волнений, многие из которых являлись членами запрещённых в Югославии националистических организаций (например, проалбанского ходжаистского²⁰⁴ «Красного фронта» и иных) были арестованы и осуждены. Всего было осуждено порядка 772 граждан²⁰⁵, из которых большая часть – молодые люди в возрасте до 25 лет, рабочие и студенты. В том же году был выработан и принят специальный план вывода края из кризиса, получивший название «Платформа ЦК СКЮ по Косову», предполагавший кратное увеличение экономической помощи региону и борьбу против нелегальных организаций²⁰⁶. Президиум, Скупщина и СИБ рассчитывали успокоить мятежный край не предпринимая серьёзных шагов, однако проблема албанского национализма с годами лишь обострялась.

Волнения в Косово поставили на повестку дня вопрос о необходимости внесения поправок в Конституцию СР Сербии, которые расширяли бы права республиканской власти по отношению к автономным образованиям, против чего резко выступали руководства САК Воеводины и Косово. Стремление Сербии к более сильной интеграции своих территорий поддержали Македония, опасавшаяся возможных выступлений албанцев на западе республики, и Черногория. Однако страх перед «великосербским централизмом» и возможностью изменений в федерации привели к тому, что большая часть республик выступили в поддержку Воеводины и Косово – поправки в конституции Сербии на этом этапе были отклонены.

В последующие годы обстановка в Косово ухудшалась и становилась причиной роста недоверия по отношению к коллективному руководству сербов и черногорцев, испытывавших притеснения и дискриминацию со стороны албанцев в автономном крае. Игнорирование подчас тяжкого и унижительного положения православных в Косово стало причиной для роста националистических настроений среди сербского населения СФРЮ, что было особо опасным явлением для страны, в которой именно сербы играли роль государствообразующего народа. Огромных масштабов достигла эмиграция сербов и черногорцев из САК Косово, которую косовские власти десятилетиями предпочитали замалчивать. Федеральное руководство в начале 1980-х гг. также игнорировало проблему во избежании необходимости поддержать определённую сторону конфликта – республиканскую или краевую – из опасений обострения национального вопроса. Основными причинами переселения сербов в более благополучные

²⁰² Фадиль Хоца: То је дело контрареволуције // Политика. 4. април 1981 г. С. 2.

²⁰³ Фадилу Хоци нема места у Савезу комуниста и у Савезу Федерације // Там же. 22. октобар 1987. С. 1.

²⁰⁴ В данном случае имеется в виду руководитель социалистической Албании Энвер Ходжа.

²⁰⁵ Ристановић П. Р. Указ. соч. С. 233.

²⁰⁶ Из политической платформы действий СКЮ по развитию социалистического самоуправления, братства, единства и общности в Косово (17 ноября 1981 г.) / Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы в 3-х томах. Том первый (1878-1997 гг.). М., 2006. С. 176-187.

регионы страны были как социально-экономические проблемы, так и «общая неуверенность, домогательства, оскорбления, физические расправы, драки, агрессивное отношение к женщинам и детям, попытки изнасилования и сами изнасилования, нападения на священников и монахов»²⁰⁷.

В июле 1985 г. на очередном заседании Союзного веча Скупщины Югославии член её Президиума и по совместительству союзный секретарь внутренних дел СФРЮ Добросав Чулафич оценил процесс эмиграции сербов и черногорцев как «самое опасное и самое негативное последствие албанского ирредентизма как с точки зрения политической безопасности, так и с точки зрения стратегической безопасности»²⁰⁸. В 1986 г. были опубликованы фрагменты так называемого Меморандума Сербской академии наук и искусств (САНИ)²⁰⁹, которые довели до широкой общественности реальное положение дел в крае и, хотя и вызвали широкую критику со стороны Президиума СФРЮ, Союзной скупщины, СИБ и СКЮ, побудили органы власти к действию. В декабре 1987 г. на заседании Скупщины СФРЮ была принята специальная Программа мер и действий для прекращения эмиграции сербов и черногорцев из Косово, в которой возвращение переселенцев признавалось «первоочередной и наиважнейшей задачей всех рабочих людей и граждан САК Косово, СР Сербии и СФР Югославии»²¹⁰. Программа включала в себе разнообразные меры: от усиления безопасности в регионе, повышения эффективности работы органов управления и судов, борьбы с проалбанской пропагандой до мер по стимулированию рождаемости среди сербской части населения. Сам факт принятия такого документа на федеральном уровне обозначал политическую победу руководства СР Сербии и в то же время «сужал возможности краевого руководства в отрицании серьёзности проблемы эмиграции и политических манипуляции по вопросу её причин»²¹¹. Между тем, драгоценное время в её решении уже было упущено, а федеральное руководство «было неспособно гарантировать соблюдение программы, которую само же и приняло»²¹².

На волне «косовской проблемы»²¹³ своё восхождение по карьерной лестнице начал Слободан Милошевич, занявший в 1986 г. пост председателя Президиума ЦК СК Сербии, а в 1989 г. – председателя Президиума СР Сербии. Осенью 1988 г. он инициировал

²⁰⁷ *Ристановић П. Р.* Указ. соч. С. 454.

²⁰⁸ Седница Извршног већа Скупштине Југославије. Национализам све агресивнији // Политика. 20. јун 1985. С. 5.

²⁰⁹ Из Меморандума Сербской Академии Наук и Искусств. Заключение о Косове и Метохии (сентябрь 1986 г.) / Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы в 3-х томах. Том первый (1878-1997 гг.). М., 2006. С. 192-195.

²¹⁰ Седница Скупштине СФРЈ. Програм за заустављање иселовања Срба и Црногораца са Косова // Политика. 17. децембар 1987. С. 1.

²¹¹ *Ристановић П. Р.* Југословенски програм мера и активности за заустављање иселовања Срба и Црногораца са Косова (1987) // Баштина. 2018. св. 46. С. 265.

²¹² Там же. С. 269.

²¹³ См. подробнее: *Терзич С.* Старая Сербия: Драма одной европейской цивилизации. М., 2015.

«антибюрократическую революцию» в Воеводине и Косово, результатом которой стала отставка местного руководства – на их места пришли лояльные Сербии функционеры. Весной 1989 г. Милошевич добился внесения поправок в Конституцию СР Сербии, согласно которым САК Косово и Воеводина лишались признаков государственности. Номер газеты «Политика» от 29 марта 1989 г. вышел с заголовком «Сербии возвращён суверенитет» на первой полосе издания²¹⁴.

В качестве мер для реализации своих целей глава Сербии выбрал «политическую конфронтацию и злоупотребление народным недовольством...»²¹⁵, начал активно задействовать агитационный потенциал средств массовой информации. Апофеозом политической карьеры С. Милошевича стала знаменитая речь на Косовом поле 28 июня 1989 г.²¹⁶, заключавшая в себе прямой просербский националистический посыл²¹⁷ и ставшая предвестником вооружённых конфликтов в Югославии. Репрессивные методы, выбранные им для борьбы с косовским сепаратизмом, привели к обратному эффекту: настроения среди албанцев становились всё радикальнее, забастовки и волнения – более массовыми и кровопролитными; накалялись отношения Сербии с другими республиками, видевшими угрозу своей самостоятельности в действиях сербского руководства и готовыми ради её сохранения пойти на разрушение единого государства.

Косовский «национализм» и «сепаратизм» были резко осуждены сербскими коммунистами на XIV чрезвычайном Съезде СКЮ в январе 1990 г. Прямую моральную поддержку сторонники независимости Косово получили со стороны СР Словении, к тому же клонились СР Хорватия и СР БиГ. Однако новое, лояльное Милошевичу руководство края поспешило отмежеваться от этой поддержки. Так, например, последний председатель Президиума Союза коммунистов Косова Рахман Морина считал, что «в Словении думают об албанцах только тогда, когда им требуется напасть на Сербию или Югославию»²¹⁸. На последнем съезде партии руководство вышеупомянутых республик было в открытую обвинено в принадлежности к пятой колонне и стремлению к разрушению Югославии²¹⁹. Острые противоречия, в том числе по «косовскому вопросу», непримиримая риторика сербских и словенских коммунистов привели к распаду СКЮ.

²¹⁴ Проглашен Устав Социјалистичке Републике Србије. Србији враћен суверенитет // Политика. 29. март 1989. С.1.

²¹⁵ *Ристановић П. Р.* Југословенски програм мера и активности за заустављање иселјавања Срба и Црногораца са Косова (1987) // Баштина. 2018. св. 46. С. 269.

²¹⁶ 600. GODINA OD KOSOVSKE BITKE 1389-1989: Proslava i govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4a5ct7vVcgk&ab_channel=DokumentarneEmisijeBalkan (Дата обращения: 15.05.2021 г.)

²¹⁷ См. подробнее: *Колосков Е. А.* Косовский миф...

²¹⁸ Акценти из прекјучерашње расправе на седници ПК СК Косова. У Словенији на Албанце мисле само када су им потребни напад на Србију и Југославију // Политика. 7. фебруар 1990. С. 6.

²¹⁹ Други дан рада 14. ванредног конгреса СКЈ . Помоћ сепаратизму на Косову је пета колона // Там же. 22. јануар 1990. С. 3.

1 февраля 1990 г. подразделения ЮНА в следствие регулярных нападений албанцев на сербов и черногорцев вошли в ряд косовских городов и сёл. 5 июля того же года после проведения референдума по вопросу необходимости принятия новой конституции Сербии её Скупщина приняла Закон о прекращении работы Скупщины и исполнительного веча Косово, впоследствии вызвавший широкую критику в Европейском парламенте и принятие им специальной резолюции по Косову, осуждающей нарушение прав человека в крае²²⁰. Согласно новой конституции Сербии, принятой в сентябре 1990 г., автономному краю Косово было возвращено старое название – Косово и Метохия²²¹. Край, как и вся страна, оказался на пороге гражданской войны.

Что касается положения в другом социалистическом автономном крае – Воеводине – здесь как таковых сепаратистских настроений не наблюдалось, главным образом потому что в национальном составе населения преобладали сербы, а экономическое положение было сравнительно благополучным. Тем не менее, руководство Воеводины в 1987 г. выступило резко против каких-либо конституционных изменений, касающихся автономного статуса края – инициатива республиканских властей Сербии по внесению поправок в конституцию республики была жёстко отклонена со стороны местной скупщины. В этих условиях руководством СР Сербии был инициирован митинг нескольких сот косовских сербов в Новом Саде, состоявшийся 9 июля 1988 г. с целью выражения недовольства по поводу политики властей Воеводины, обвинённых в том, что они преднамеренно «разделяют Сербию и сербский народ»²²². Митинг в Новом Саде запустил цепную реакцию: в последующие месяцы аналогичные мероприятия состоялись в остальных городах Воеводины, а также в Центральной Сербии и Черногории, причём «руководство Сербии во главе со Слободаном Милошевичем оказывало медийную и логистическую поддержку протестам, а одним из последствий их проведения стало усиление культа личности Милошевича»²²³. Последовавшие за волной митингов критика руководства Воеводины в сербских СМИ и массовые выступления воеводинских рабочих в поддержку «косовских братьев» подготовили почву для «антибюрократической революции». Вопрос оппозиционности местной власти для Милошевича был закрыт.

²²⁰ Document 51990IP1418. Resolution on human rights in Kosovo. OJ C 231, 17.9.1990 // EUR-Lex. Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A51990IP1418&qid=1661323148063> (Дата обращения: 22.08.2022 г.).

²²¹ Устав Републике Србије (1990) // Викиизворник URL: [https://sr.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%A1%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%98%D0%B5_\(1990\)](https://sr.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%A1%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%98%D0%B5_(1990)) (Дата обращения: 22.08.2022 г.).

²²² Вукадиновић И. Ђ. Масовне демонстрације и пад режима САП Војводине 1988. године // Баштина. 2020. св. 51. С. 382.

²²³ Там же.

Аналогичные по своей сути, но в это время более спокойные по своим проявлениям, нежели в САК Косово, процессы происходили в СР Хорватии, СР Боснии и Герцеговине, СР Словении²²⁴, уже на этом этапе встречавшие сочувствие и симпатии за рубежом. В 1981 г. была осуждена группа хорватских националистов, в число которых вошёл Франьо Туджман, обвинявшийся в распространении за границей идей о дискриминации и эксплуатации хорватов в СФРЮ, а также попытках пересмотра истории Второй мировой войны и тяжести преступлений, совершённых в усташском концентрационном лагере Ясеновац. Суд вызвал многочисленные антиюгославские митинги и демонстрации хорватских эмигрантов в Западной Европе, на которых активисты выкрикивали экстремистские лозунги и жгли флаги СФРЮ. В европейских столицах происходили неоднократные нападения националистов на югославских граждан, вызывавшие острый протест и требования к расследованию инцидентов со стороны югославского правительства. Как правило, требования Югославии оставались без удовлетворения, по чему уже косвенно можно судить об авторитете страны за рубежом в эти годы. Сам Туджман был досрочно освобождён в 1984 г., после чего покинул Югославию и продолжил заниматься диссидентской деятельностью уже за её пределами, однако его идеи продолжили жить и приобретать всё новых сторонников в самой Хорватии²²⁵.

3 апреля 1989 г. в редакции главной сербской газеты «Политика» в Осиеке прогремел взрыв бомбы – органы безопасности объявили о террористическом акте, в котором руководство газеты углядело попытку «разрушить Югославию»²²⁶. Нападение на редакцию «Политики», воспринимавшейся как рупор Сербии, стало предвестником эскалации в отношениях между двумя республиками. В целом, в своих сепаратистских акциях Хорватия часто оглядывалась на Словению и, поощряемая ей, усиливала давление на федеральное и сербское руководство. Так было и после запрета «Митинга правды» 1 декабря 1989 г. в словенской столице, который Ф. Туджман воспринял как свой «исторический час». Тогда же в Хорватии начали распространять печатные листовки Хорватского демократического содружества (ХДС) примерно следующего содержания: «Братья хорваты, приглашаем весь хорватский, а также другие народы, которые живут в Хорватии и у которых она в сердце, присоединиться к ХДС в её борьбе за создание свободной и независимой Хорватии»²²⁷. На учредительном съезде ХДС в конце февраля 1990 г. Туджман объявил хорватских мусульман «частью хорватского национального корпуса», а реку Дрину и устье реки Савы – «историческими и естественными границами Хорватии», что

²²⁴ См.: Насонова С. А. Этно-национальные и политические особенности Боснии и Герцеговины в рамках СФРЮ (ФНРЮ) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Вып. 9. М., 2011. С. 62-72.

²²⁵ См. подробнее: Пивоваренко А. А. Предпосылки выхода Хорватии из СФРЮ. Республиканский аспект // Вестник славянских культур. № 3 (2014). М., 2014. С. 50–68.; Он же. Становление Ф. Туджмана в качестве лидера хорватского национального движения // Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности, конец 60-х – 80-е гг. XX в. М., 2014. С. 596–608.

²²⁶ Експлозија бомбе пред дописништвом “Политике” у Осјеку // Политика. 3. април 1989. С. 1.

²²⁷ У Вуковару запаљена југословенска застава // Там же. 6. децембар 1989. С. 12.

означало претензии на территорию всей БиГ и части территорий Сербии²²⁸. Большую озабоченность среди тех, кто считал себя югославами, вызывало использование на съезде символики Независимого государства Хорватии (НГХ) и приветствий хорватских усташей.

Риторичку ХДС перенимали хорватские СМИ, которые зачастую преднамеренно нагоняли панику на граждан, развивали темы «кровопролития», «распада Югославии» и «гражданской войны»; возлагали всю вину за происходящее в стране на С. Милошевича и сербский народ, защищая и оправдывая при этом тех же словенцев. Всё активнее начинала звучать тема общего языка, который в Хорватии предлагали переименовать в «хорватосербский». Подобные эксцессы вызывали большую озабоченность среди хорватских сербов и других национальных меньшинств. Победа на первых парламентских выборах в Хорватии в июле 1990 г. ХДС развеяла все сомнения относительно возрождения идеологии «усташства» и возможности возникновения кровавых межнациональных столкновений в республике и привела к объявлению сербами своей автономии. Весной 1991 г., ещё до провозглашения Хорватией независимости, в республике началась полномасштабная война. Сама независимость была объявлена 25 июня 1991 г.

В 1983 г. в Сараево состоялся суд над Алией Изетбеговичем и ещё двенадцатью другими сторонниками исламистских идей. Обвинение гласило, что Изетбегович с двумя своими единомышленниками Иسمетом Касумагичем и Омером Бехменом в Вене искали встречи с послом «одной из исламских стран с целью изыскания помощи и поддержки в распространении идей написанной им «Мусульманской декларации»²²⁹. Тогда же была собрана группа мусульманских националистов из СР БиГ для отправки в указанную исламскую страну, где они должны были рассказать о «тяжёлой жизни мусульман в Югославии»²³⁰. По итогам суда Изетбегович был осуждён на 14 лет лишения свободы, но вышел на свободу досрочно в 1989 г. Освобождение Изетбеговича и его приход в официальную политику способствовали разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни в БиГ, где местные мусульмане никогда не отличались особой фанатичностью и усердием в следовании догматам исламской веры.

Формирование многопартийной системы в БиГ началось в середине 1990 г., когда с интервалом в несколько месяцев сначала была образована Партия демократического действия (ПДД) во главе с Алиёй Изетбеговичем, затем – Сербская демократическая партия (СДП) во главе с Радованом Караджичем и наконец отделение партии Хорватского демократического

²²⁸ Мурадбеговић М. Туђманово претварање Муслимана у “исламске Хрвате” // Политика. 17. април. 1990. С. 15.; О територијалних претензијах републик друг к другу См. подробнее: *Костић Л. М.* Спорне територије Срба и Хрвата. Београд, 1990.

²²⁹ Суђење тринаесторице националиста у окружном суду у Сарајеву. Истина о једном путовању // Политика. 26. јул. 1983. С. 10.

²³⁰ Там же.

содружества (ХДС) во главе с Мате Бобаном. Все перечисленные партия заняли жёстко националистические позиции.

Однако наиболее непримиримую позицию по отношению к федеральному центру среди всех республик в 1980-е гг. занимала Словения, не скрывавшая своих сепаратистских намерений, в особенности после избрания Милана Кучана председателем ЦК СК Словении в апреле 1986 г.

С самого начала десятилетия в Словении отдельные представители местной интеллигенции начали поступательно развивать тему исключительности словенской нации, «удревнять» её историю и историю словенского языка, тем самым играя на национальных чувствах своего народа. Одну из первых одиозных попыток в этом плане предприняли словенский писатель Матей Бор и историк Йожко Савли, заявившие, о том, что словенцы ведут своё происхождение от «венетов», якобы населявших северную Италию ещё за несколько веков до нашей эры, и не имеют никакого отношения к южным славянам. Теория, продвигаемая Бором и Савли, была признана югославскими учёными антинаучной, что не остановило распространение столь притягательной мифологии среди словенцев. Но предмет главных коллизий между Словенией и федеральным центром составила отнюдь не абстрактная история, а куда более прагматичные вопросы финансирования ЮНА, отчислений в Фонд федерации по кредитованию недостаточно развитых республик и автономного края Косово и Метохии, конституционной и партийной реформ конца 1980-х гг.

В феврале 1988 г. ряд словенских изданий, в первую очередь таких как «Mladina» (рус. «Молодёжь»), «Katedra» (рус. «Кафедра») и «Nova revija» (рус. «Новый журнал») разразились едкой критикой в адрес югославской концепции общенациональной обороны и ЮНА, назвав армию «балластом страны» и «закрытой бюрократической структурой»²³¹. В мае того же года к публикации в журнале «Mladina» готовилась ещё одна провокационная статья о якобы планируемом в СФРЮ военном перевороте. Статья в итоге не была опубликована, а передавшие редакции сведения для неё лица были арестованы. Военный суд над ними привёл к многотысячному митингам в словенской столице и обострил отношения между федеральными властями и местным населением, нанеся непоправимый имиджевый удар по ЮНА в республике. По мнению офицеров, нападки на армию осуществлялись сознательно с целью «подрыва последнего оплота братства и единства в стране»²³². На практике словенцы были неудовлетворены необходимостью перечисления средств на содержание армии, в которой численность военнослужащих словенской национальности была одной из самых низких.

²³¹ Комисија за ОНО и ДСЗ градског комитета ОСК Београда о нападама на ЈНА. Покушај растурања Југославије // Политика. 25. фебруар 1988. С. 8.

²³² Там же.

Что касается участия Словении в формировании федерального бюджета и Фонда неразвитых республик, недовольство словенских властей было оправданным, хотя они часто преувеличивали долю своих поступлений, заявляя, что именно Словения содержит всю Югославию. В действительности это было не совсем так: согласно данным на 1987 г. Сербия занимала первое место по сумме отчислений в федеральный бюджет и Фонд неразвитых республик, Словения - второе²³³. Босния и Герцеговина, Македония и Черногория принимали в два раза больше средств из бюджета, нежели отчисляли, а Косово принимало в 14 раз больше бюджетных средств, чем отчисляло²³⁴. Из Фонда неразвитых республик дотировались только БиГ, Македония, Черногория и Косово, в то время как Сербия, Словения и Хорватия являлись исключительно донорами. Федеральные власти признавали существующий перекоп в финансовых делах СФРЮ, но не знали, как действовать в сложившейся ситуации, учитывая разный экономический потенциал регионов.

В сентябре 1989 г. были утверждены поправки в Конституцию Словении, постановившие, что республика находится в составе СФРЮ «на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределения вплоть до отделения...»²³⁵. Реакция Скупщины СФРЮ на это событие была непреклонной: «Республики не могут самовольно выходить из Федерации»²³⁶. Тем временем Любляна на пути к достижению независимости начала переходить от слов к делу.

29 ноября 1989 г. произошло событие, послужившее причиной разрыва отношений между Словенией и Сербией: словенские власти закрыли республиканские границы и запретили проведение манифестаций на всей территории республики. Дело в том, что 1 декабря в Любляне должен был состояться «Митинг правды» косовских сербов и черногорцев, целью которого было донесение до словенского народа «истины» о притеснениях, чинимых лицам неалбанской национальности в Косово, т.е. решение республиканских властей от 29 ноября было направлено конкретно против указанного мероприятия под официальным предлогом предотвращения возможного кровопролития. Примечательно, но неоднократно проходившие прежде в столице Словении демонстрации албанцев никто не запрещал. Белградом это недружественное решение было расценено как «акт агрессии против прав и свобод человека»²³⁷ и откровенная демонстрация поддержки действиям косовских «сепаратистов». Ответной мерой стал призыв ко всем «институтам» и «рабочим организациям» Сербии прервать любые связи со Словенией, в первую очередь – производственные и торговые. Отдельные активисты начали

²³³ Kako se preliwa dohodak u našoj zemlji. Ko koга издржава у Југославији // Политика. 16. јануар 1989. С. 5.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Ustavni amandmani na ustav Socijalističke republike Slovenije: (Uradni list SR Slovenije, broj 32/89). Ljubljana, 1989.

²³⁶ Седница комисије Скупштине СФРЈ за уставна питања. Републике не могу самовольно излазити из Федерације // Политика. 27. септембар 1989. С. 1.

²³⁷ Савезна конференција ССРНЈ о забрани митинга у Љубљани // Там же. 7. децембар 1989. С. 1.

требовать отставки Президиума СФРЮ и его председателя словенца по национальности Янеза Дрновшека (1989-1990 гг.): «Его [Янеза Дрновшека – *Примечание автора*] случай – очередное доказательство того, что нужно отказаться от коллективного руководства и ежегодного мандата как от серьёзной ошибки политического экспериментирования»²³⁸.

Безусловную солидарность с действиями властей выказала сербская пресса, развязавшие антисловенскую истерию на своих страницах, обострявшую и без того крайне напряжённые отношения двух республик. Словенские власти в этой ситуации также выбрали путь эскалации конфликта: в течение нескольких последующих дней в республике были организованы аресты православных священников, участились случаи осквернения православных церквей. Свою деятельность безнаказанно активизировал так называемый Фронт за самостоятельную Словению, массово распространявший листовки с призывами выхода из федерации. Довольно резко словенское руководство ответило и на экономическую блокаду со стороны Сербии, что подтверждают следующие слова члена ЦК Союза коммунистов Словении Йоже Смоле: «Они уже два раза пытались ввести против нас экономическую блокаду. Первый раз – после Цанкарьева дома, второй раз – после принятия конституционных поправок в нашей Республике. В обоих случаях это не получилось, не получится и в третий раз, после запрета митинга в Любляне»²³⁹. Прословенскую позицию заняла Хорватия, расценившая запрет «Митинга правды» как «законный акт наивысшего органа власти – Скупщины СР Словении» и открыто осудившая разрыв экономических отношений с республикой со стороны Сербии.

Парадоксально, но на чрезвычайном заседании Скупщины СР Словении 11 декабря 1989 г. председатель Президиума СР Словении Янез Становник и председатель Исполнительного веча республики Душан Шинигой заявили, что никакого запрета на пересечение границ республики югославскими гражданами 1 декабря не было, а введение Сербией экономической блокады охарактеризовали как «акт агрессии против Югославии»²⁴⁰. На заседании речь зашла даже о введении отдельной словенской валюты. XI Съезд СК Словении, состоявшийся в конце декабря 1989 г., окончательно расставил все точки над «i» в вопросе о будущем Словении: СК Словении фактически провозгласил свою независимость от СКЮ, верховенство республиканской конституции над федеральной, а также «словенских национальных интересов» над югославскими²⁴¹. Особый упор был сделан на необходимости формирования в республике многопартийной системы, что готовило почву для последующей ликвидации СК

²³⁸ *Пантйћ Д.* Уместо истини о Косову, словеначки народ је добио истину о својој власти // Политика. 1. децембар 1989. С. 13.

²³⁹ Слованачке власти су спровеле своју одлуку. Позив за стварање самосталне словеначке државе // Там же. 3. децембар. С. 6.

²⁴⁰ Ванредна седница Скупштине СР Словеније. Затражена посебна словеначка валута // Там же. 12. децембар 1989. С. 9.

²⁴¹ См.: *Hayden R. M.* The beginning of the end of the Federal Yugoslavia: the Slovenian amendment crisis of 1989. Pittsburg, 1992.

Словении. В то же время закончилось институциональное оформление коалиции «Демократическая оппозиция Словении», получившей больше половины мест на первых парламентских выборах в республике в апреле 1990 г. В июле того же года местной скупщиной был рассмотрен проект Декларация о суверенитете Словении²⁴², встретивший осуждение со стороны СИВ и Президиума СФРЮ во главе с новым председателем, сербом по национальности, Б. Йовичем (1990-1991 гг.). Итогом национального референдума, прошедшего в декабре 1990 г., стало провозглашение независимости Словении 25 июня 1991 г.

Позиция федерального руководства по отношению к сепаратистским идеям формально была непримирима, но реакция на них часто запаздывала, а её принципиальность зависела от личности и национальной принадлежности председателя Президиума СФРЮ. Тем не менее, реально оно могло позволить себе только словесное осуждение сепаратизма и национализма, не располагая при этом действенными инструментами силового воздействия на подобные мероприятия местных властей. Более того, центр предпочитал откровенно не занимать ту или иную сторону конфликта, поэтому часто вообще отмалчивался или оперировал общими фразами. Бездействие союзных властей потворствовало радикализации настроений в республиках, росту межнациональных противоречий и дискредитации идеи «югославянства». Сербское руководство, выступавшее изначально с позиции необходимости сохранения единой Югославии под знаменем «сербства», по мере нарастания межнационального кризиса всё более убеждалось в иллюзорности и недостижимости этой цели, итогом чего стало пестование сербского национализма и борьба с коммунистическим наследием в республике.

Таким образом, дезинтеграционные процессы, обострившиеся после смерти И. Б. Тито, стали закономерным и ожидаемым явлением, для борьбы с которым новое коллективное руководство не смогло найти адекватные методы. Выступления сепаратистов и экстремистов в Косово, Боснии и Герцеговине, Словении и Хорватии не получили должного осуждения в западном мире. Нейтральная реакция западноевропейских правительств на организацию в их странах антиюгославских демонстраций и митингов, регулярные разбойные нападения на югославских граждан уверили федеральный центр в бесперспективности надежд на практическую, а не декларативную поддержку в деле сохранения единства Югославии. И, если для борьбы с последствиями экономического кризиса Белград получал извне масштабную финансовую помощь, то решать проблемы распространявшихся сепаратистских и националистических идей ему приходилось самостоятельно.

²⁴² Deklaracija ob neodvisnosti Slovenije // Uradni list Republike Slovenije. URL: <https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-list-rs/vsebina/1991-01-0007/deklaracija-ob-neodvisnosti> (Дата обращения: 22.08.2022 г.).

1.4. Приоритетные направления внешней политики Югославии

Как уже было отмечено выше, изучение особенностей и приоритетных направлений внешней политики СФРЮ в 1980-е гг. возможно лишь в рассмотрении их тесной взаимосвязи с внутривнутриполитическими процессами, проистекавшими в Югославии в этот период времени. Структурный кризис югославской государственности прямым образом сказывался на внешнеполитической деятельности федеральных властей, приводя к переоценке целей югославской дипломатии и корректировке самого курса в соответствии с вызовами новой эпохи. Можно говорить и о том, что международные отношения в 1980-е гг. были одним из решающих факторов внутривнутриполитической обстановки в Югославии и дальнейшей судьбы страны. Причинами к этому служили как уникальное геостратегическое и геополитическое положение СФРЮ, так и её историческое, цивилизационное, религиозное и этническое многообразие.

Внешняя политика Белграда в рассматриваемое десятилетие, с одной стороны, приобретала все более прагматичный и меркантильный характер, с другой – всё более зависимый и ведомый. Нельзя не заметить и того, что по мере углубления внутреннего кризиса, внешнеполитический курс федерального центра становился менее многогранным, падала частота встреч руководителей СФРЮ с лидерами западных государств, а позиция Югославии по ряду международных вопросов начинала отличаться невнятностью и размытостью. Если в предшествующие десятилетия СФРЮ стремилась проводить курс лавирования между НАТО и ОВД, то в 1980-е гг. она всё более склонялась к сотрудничеству с капиталистическим лагерем, несмотря на опасения перед возможной интервенцией Запада. Времена, когда фундаментом суверенной и внеблоковой внешней политики Югославии был баланс сил между двумя военно-политическими блоками, заканчивались. Вопреки последовательным заверениям официального руководства в следовании титовским принципам неприсоединения, нейтральности, политической и экономической эмансипации, дипломатия СФРЮ начинала претерпевать неизбежные изменения, вызванные конъюнктурными обстоятельствами и переменами в расстановке сил на мировой политической арене. Исходя из этого, мы можем говорить, о некотором несоответствии между теорией и практикой внешней политики «второй» Югославии в последнее десятилетие её существования.

Официальный взгляд на внешнею политику СФРЮ заключался в необходимости защищать и расширять достижения Югославии на международной арене, выстраивать отношения со всеми странами «на основе принципа равноправия и взаимного невмешательства во внутренние дела»²⁴³, развивать добрососедские отношения с государствами Балканского

²⁴³ Павловић В. Идеолошки корени Титове спољне политике. Југославија као део совјетске интересне сфере // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2012. С. 223.

полуострова, углублять общеевропейское взаимодействие в рамках СБСЕ, бороться за становление нового экономического порядка, способствовать активизации и развитию экономических связей для поддержания стабильности на внутреннем рынке, расширять всестороннее сотрудничество с неприсоединившимися странами и укреплять влияние Движения неприсоединения в мире. Многие из заявленных задач и целей уже не могли быть выполнены Белградом в полном объёме, иные же, как, например, стремление к новому экономическому порядку, и вовсе выглядели трудно достижимыми.

Принципы неприсоединения для Югославии оставались не только основой для участия в Движении, но и переносились на все важные направления её внешнеполитической активности²⁴⁴. В специальном докладе Президиума СФРЮ о внешней политике от 1983 г., например, говорилось, что «югославская политика неприсоединения является одним из наиболее важных факторов гомогенности и готовности нашего общества дать отпор всякой попытке дестабилизации как изнутри, так и снаружи»²⁴⁵, т.е. следование критериям неприсоединения рассматривалось югославским руководством как гарант независимости страны. В соответствии с этой точкой зрения за участием Югославии в Движении признавалось приоритетное направление её внешней политики, подтверждение чему можно найти не только в речах югославских лидеров на заседаниях Президиума СФРЮ, Президиума ЦК СКЮ и внешнеполитического совета при Скупщине, но и в текстах их выступлений на встречах неприсоединившихся стран в Нью-Дели в 1983 г., Хараре в 1986 г. и Белграде в 1989 г. Но, если для первой половины 1980-х гг. такой подход был ещё актуален, то к концу 1980-х гг. он стал откровенно рудиментарным и архаичным. Участие страны в Движении и борьба за эмансипацию и деколонизацию на практике уступили первое место во внешнеполитической повестке Югославии, что было связано с утратой прежнего значения Движения в целом, а также потерей за Югославией статуса сильной державы, на которую могли бы ориентироваться неприсоединившиеся страны, в частности. Однако основной причиной всё же стал меркантильный интерес СФРЮ – укрепление отношений со странами «третьего мира» в новых политических условиях не сулило сиюминутных выгод, ведь большая их часть находилась в аналогичном или ещё более тяжёлом, чем Югославия экономическом положении.

С таким прагматичным подходом, несмотря на его доминирование во внешнеполитическом дискурсе Югославии конца 1980-х гг., были солидарны отнюдь не все государственные и партийные лидеры страны: некоторые из них настаивали на недопустимости смещения традиционного акцента во внешней политике с неприсоединения на западноевропейское направление. За всемерную интенсификацию отношений с Западом, как

²⁴⁴ Председништво СФРЈ о спољној политици и међународном положају СФРЈ. Несврстаност основно опредељење // Политика. 22. фебруар 1983. С. 1.

²⁴⁵ Там же. С. 1-2.

правило, выступали представители СР Хорватии и СР Словении в федеральных органах власти, рассматривавшие Югославию уже скорее как экономическое, нежели политическое объединение, а потому искавшие для себя конкретных торговых и финансовых выгод от сотрудничества с западными странами.

Таким образом, было бы неверным говорить о том, что внешняя политика СФРЮ развивалась примерно в одном и том же русле на всём протяжении 1980-х гг. В первую половину 1980-х гг. югославская дипломатия следовала титовскому опыту и развивалась по инерции не приобретая фактически никаких новых черт. В этот период времени её приоритетными направлениями были 1) участие в Движении неприсоединения, всемерная поддержка неприсоединившихся и развивающихся стран и борьба против всех форм неокOLONиализма, сегрегации и дискриминации; 2) отношения со сверхдержавами и лавирование между двумя военно-политическими блоками; 3) активное участие в деятельности ООН и СБСЕ, сопровождавшееся призывами к демократизации международных отношений, разоружению и отказу от гонки вооружений; 5) укрепление дву- и многосторонних связей с конкретными западно- и восточноевропейскими государствами, в первую очередь – своими непосредственными соседями, в числе которых – Австрия, Албания, Болгария, Венгрия, Греция, Италия и Румыния и 6) отношения с кредиторами в лице МВФ, Всемирного банка, «Парижского клуба» и ЕЭС²⁴⁶.

Обострение внутривполитической обстановки и постепенный распад биполярного мира, приход на пост председателя СИБ А. Марковича и кризис коммунистической идеологии заставляли консервативную и догматичную по своему характеру внешнюю политику Югославии испытывать на себе влияние извне и реагировать на него наиболее рациональным образом. Необходимость отклонений от укоренившегося ещё при Тито внешнеполитического курса вызывала широкие дискуссии в государственных верхах, наталкиваясь на яркую критику среди той части политической элиты, которая была не готова к реформированию системы и всё ещё питала иллюзии по поводу возможности сохранения за Югославией той роли в международных отношениях, к которой она привыкла за годы холодной войны.

Однако не только определение приоритетов внешней политики СФРЮ вызывало коллизии в государственном руководстве, но и вопрос разделения внешнеполитических функций и компетенций между основными союзными – Президиумом, Союзной скупщиной, СИБ, ЦК СКЮ – и республиканскими органами власти, также имевшими конституционное право проводить собственные дипломатические мероприятия. Довольно часто пересекались полномочия Президиума и Скупщины таким образом, что вторая оказывалась как бы на

²⁴⁶ См.: Шмелёв Б. А. Основные направления внешнеполитического курса СФРЮ в 70-е - начале 80-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

обочине внешнеполитического процесса, хотя конституция гарантировала ей соответствующие права. Союзный секретариат по иностранным делам СИБ мог подвергаться обвинениям за то, что участвует только в реализации внешнеполитического курса, но не привносит в него «творческую инициативу», что являлось его прямой обязанностью²⁴⁷. ЦК СКЮ не предъявлял серьёзных претензий к внешнеполитическим компетенциям уже упомянутых федеральных органов власти, но выстраивание отношений и упрочение контактов с иностранными коммунистическими партиями считал своей преференцией. Существование в Югославии большого количества институтов власти, ведавших внешней политикой, неизбежно приводило к такой издержке, как слабость координации между ними. Тезис об «истинной демократизации» и «социализации» внешней политики СФРЮ, которым обычно руководство оправдывало излишнюю бюрократизацию дипломатического аппарата, не выдерживал критики.

К исходу 1980-х гг. большую актуальность приобрела проблема вклада федеральных единиц – республик и краёв – в осуществление югославской внешней политики, а также возможность проведения ими какой-то самостоятельной, отдельной дипломатической линии по отношению к своим партнёрам за рубежом. Действительно, парадипломатическая активность республик в эти годы возросла настолько, что для граждан зачастую успехи республиканских властей на дипломатическом поприще могли быть важнее внешнеполитической деятельности федерального центра. Эта проблема ставила на повестку вопрос о необходимости внесения уточнений и поправок в конституцию, которые бы закрепляли положение о так называемой «единой» внешней политике Югославии. Мнение по этому вопросу в высших кругах власти также не было солидарным. За соответствующие изменения бескомпромиссно высказывались члены Президиума ЦК СКЮ, а также руководство Социалистического союза трудового народа (ССТНЮ), считавшие, что «деятельность республик и краёв не смеет угрожать единой внешней политике Югославии»²⁴⁸ и не может «противоречить интересам страны как целого»²⁴⁹. Более мягкую позицию по вопросу занимал Президиум СФРЮ, члены которого высказывались против необходимости «серьёзных изменений» в конституции по данному поводу²⁵⁰. Что касается направлений парадипломатии республик, ситуация выглядела вполне логичной и закономерной: Словения и Хорватия последовательно развивали отношения с Австрией, Италией, Ватиканом и Германией, в то время как Сербия предпринимала попытки усилить двустороннее взаимодействие с руководством РСФСР в обход СССР.

Не стоит недооценивать важность субъективного фактора в определении приоритетов и первоочередности задач внешней политики Югославии. Личности председателей СИБ и

²⁴⁷ Ко креира спољну политику СФРЈ // Политика. 1. април 1988. С. 2.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Имамо јединствену спољну политику // Там же. 27. април 1988. С. 2.

²⁵⁰ Там же.

союзных секретарей иностранных дел (министров иностранных дел)²⁵¹ СФРЮ оказывали непосредственное влияние на особенности внешнеполитического курса страны. Так, при хорватах Й. Врховце и Б. Лончаре дипломатический курс Югославии приобретал наиболее прозападное звучание, исходя из чего можно сделать косвенный вывод о внешнеполитических взглядах и симпатиях хорватской политической элиты.

Итак, в условиях адаптации СФРЮ к новым международным реалиям происходили изменения в расстановке ей своих внешнеполитических приоритетов. Вместе с тем, руководство страны осознавало, что положение Югославии в мире становилось всё более слабым, хотя тенденция к преувеличению своей роли и значимости в решении международных проблем сохранялась. Одним из первых наиболее трезвый взгляд на действительный статус СФРЮ за рубежом в своей речи на сессии Политического актива г. Титограда в ноябре 1987 г. озвучил член Президиума ЦК СКЮ Марко Орландич: «Редко когда-либо прежде Югославию так критиковали за рубежом как в последнее время. Сказывается то впечатление, которое на иностранные государства производит наш кризис, а также наша неготовность с ним бороться. В этих негативных публикациях присутствует не только злорадство, но и обеспокоенность»²⁵². Одновременно с этим по традиции он подчеркнул тот факт, что «только сильная и стабильная социалистическая, самоуправленческая неприсоединившаяся и федеративная Югославия может гарантировать нам [Югославии – *Примечание автора*] благоприятное положение в Европе и мире, свободу и равноправность всех наших [югославских – *Примечание автора*] народов и народностей»²⁵³.

К исходу 1980-х гг. перед руководством СФРЮ встала дилемма о том, как сохранить равноправное положение страны внутри европейского и мирового сообщества в условиях всё более разраставшегося внешнего долга, закрепления за Югославией прозвища «больного человека на Балканах», повсеместных разговоров о риске балканизации страны. Единая СФРЮ представляла собой феномен «холодной войны», с окончанием которой она теряла свою политическую привлекательность и значимость как для Запада, так и для Востока, став тем участником международных отношений, мнением которого можно было пренебречь²⁵⁴.

Видение официальными властями новой приоритетности направлений югославской дипломатии в своей статье «Новые приоритеты во внешней политике Югославии» наиболее полно и ясно отразил историк Ранко Петкович. Несмотря на то, что статья была опубликована в

²⁵¹ В рассматриваемый нами период времени пост министра иностранных дел занимали четыре государственных и политических деятеля Югославии: хорват Иосип Врховец (1978 – 1982 гг.), македонец Лазар Мойсов (1982 – 1984 гг.), босниец Раиф Диздаревич (1984 – 1987 гг.) и хорват Будимир Лончар (1987 - 1991 гг.).

²⁵² Члан Председништва ЦК СКЈ Марко Орландић о међународној ситуацији и положају Југославије. Унутрашња криза слаби позицију наше земље // Политика. 11. новембар. 1987. С. 2.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ См.: *Dašić D. Đ. Neki unutrašnji i međunarodni aspekti krize i raspada Jugoslavije // 20 godina od razbijanja SFRJ. Beograd, 2011. S. 159-183.*

1990 г. и в большей степени посвящалась перспективному будущему югославской внешней политики, основные её положения, на наш взгляд, более чем применимы и ко второй половине 1980-х гг. Ведь по большому счёту все 1980-е гг. практическая внешняя политика СФРЮ дрейфовала по направлению к Западной Европе, наталкиваясь при этом на теоретическое и практическое наследие титовской дипломатии.

Изменение внешнеполитических приоритетов Югославии во второй половине 1980-х гг. заключалось, прежде всего, в постановке на первый план вопроса об укреплении отношений с западноевропейскими государствами и перспективном функциональном и институциональном вхождении страны в их интеграционные объединения – ЕЭС и ЕАСТ – не столько с целью решения собственных экономических проблем, сколько «с целью преодоления возможной изоляции и превращения в «резервацию неразвитости» на юге Европы»²⁵⁵. Серьёзность намерений руководства страны могут подтвердить статьи, выступления и интервью последнего главы югославской дипломатии Будимира Лончара²⁵⁶, в которых он часто называл Европу «нашим общим домом», а Югославию – европейской страной, которая должна стремиться к тому, чтобы занять достойное место в «новой» Европе путём последовательного участия в интеграционных процессах в регионе. Причём говоря о Европе, Лончар на самом деле всегда подразумевал Западную Европу, а его сентенции о единой Европе были обращены именно к западноевропейским партнёрам. Одновременно, по его словам, для Югославии было важным, чтобы европейские институты принимали во внимание особенности югославской дипломатии, базирующейся на принципах неприсоединения: «Для нас нет сомнений: мы будем решительно принимать участие в интеграционных процессах, но мы должны также реально смотреть на те особенности, которыми могут характеризоваться существующие объединения. Как неприсоединившаяся и развивающаяся страна, мы привержены такой общеевропейской интеграции, которая снизит различия в уровне развития и в то же время обеспечит плюрализм общественно-политических систем и международных отношений»²⁵⁷. По нашему мнению, Лончар и другие югославские дипломаты, настаивая на особых условиях для Белграда, изначально нереалистично смотрели на возможности равноправного участия Югославии в ЕЭС, которому посвящён приведённый выше пассаж.

Однако фактически до 1989 г. серьёзных шагов руководством СФРЮ на западноевропейском направлении не предпринималось, а рассуждения на тему сближения с ЕЭС носили скорее перспективный характер. Обострение внутривосточной ситуации, приход в правительство более решительных администраторов, эрозия институтов СЭВ

²⁵⁵ Petković R. Novi prioriteti u spoljnoj politici Jugoslavije // Politička misao. 1990. Vol. XXVII. No. 1. S. 109.

²⁵⁶ Косово прва брига југословенске дипломатије. Расправа о спољној политици у Скупштини СФРЈ // Политика. 27. јул 1989. С. 1-2.

²⁵⁷ Говор савезног секретара за иностране послове на Бечком састанку министара. Лончар: Европи је потребан заједнички дом // Там же. 14. мај 1988. С. 17

заставили государство перейти от слов к делу. На пути к осуществлению цели укрепления связей с ЕЭС правительство А. Марковича, последнего премьер-министра Югославии, вынуждено было пойти на ряд принципиальных уступок европейским партнёрам в виде изменения югославского законодательства, ограничения торгово-экономических отношений со странами СЭВ, постепенного перехода на западноевропейские стандарты производства и пр. Идеологический барьер к этому времени был фактически преодолён, что, с точки зрения югославского правительства и МИД, снимало возможные противоречия между Югославией и членами европейского сообщества. Вместе с тем, курс югославского руководства на европейскую интеграцию почему-то не учитывал такой немаловажный фактор, как неготовность членов ЕЭС выстраивать равноправные отношения с цивилизационно и исторически чуждой, а также политически и экономически несостоявшейся, что стало очевидным к концу 1980-х гг., Югославией.

Аналогичным образом развивались отношения Югославии с альтернативной ЕЭС – ЕАСТ. На этом направлении страна также предпринимала весьма активные действия, ставя перед собой в качестве перспективной цели вступление в организацию, причём руководство ЕАСТ вербально поддерживало устремления Югославии. Подтверждением этому могут служить, например, следующие слова генерального секретаря организации Георга Райша, сказанные им в канун заседания смешанного комитета ЕАСТ – Югославия, проводившегося в Граце в сентябре 1988 г.: «ЕАСТ стремится поддерживать и углублять эти особые отношения [с Югославией - Примечание автора]... я уверен, что те новые вызовы, с которыми сталкиваются Югославия и ЕАСТ в быстро меняющейся Европе, не ослабят наше взаимное сотрудничество, а усилят его»²⁵⁸. Однако на практике это сотрудничество выражалось лишь в некотором облегчении доступа Югославии к рынкам стран-участниц организации. Итогом же более основательных югославских инициатив стала, как и в случае с ЕЭС, благожелательная сдержанность членов ЕАСТ, не давших никаких конкретных гарантий Югославии относительно её возможного будущего в рядах организации. Причинами к этому служили глубокие различия общественно-экономических систем, статус Югославии как развивающейся европейской страны, политический и экономический кризисы в стране. Для самой ЕАСТ в это время в приоритете была совместная работа с ЕЭС на пути к оформлению общеевропейского рынка.

Эгоистическое стремление обрести своё место в западноевропейских интеграционных структурах и не лишиться его в Движении неприсоединения не способствовало упрочению авторитета Югославии среди неприсоединившихся и развивающихся стран, на которые Белград

²⁵⁸ Интервју Георга Рајша “Политици”. ЕФТА жели јачање сарадње са Југославијом // Политика. 12. септембар 1988. С. 4.

исторически делал ставку. Несовпадение завышенных ожиданий и реальности вызвало впоследствии в стране волну разочарования и упреков как в адрес органов власти, так и в адрес западноевропейских структур, в том числе потому что, двигаясь по пути интеграции, федеральное руководство не всегда учитывало интересы и возможности непосредственных производителей, т.е. югославских предприятий. И если возможность функционального участия СФРЮ в этих структурах ещё мыслилась возможной, то разговоры об институциональной интеграции были проявлением неадекватного и не соответствующего действительному положению дел оптимизма. При этом было бы ошибочно думать, что всё руководство страны было безоговорочно согласно с курсом Марковича – Дрновшека – Лончара. Проблема заключалась в том, что понимая недостижимость заявленных ими целей, скептики и критики не могли предложить стране реально работающую альтернативу.

Таким образом, западноевропейское направление с середины 1980-х гг. приобрело для внешней политики Югославии определяющее значение, однако вопрос о том, насколько оно эффективно разрабатывалось и успешно реализовывалось ответственными за внешнюю политику ведомствами является дискуссионным и будет отдельно рассмотрен в соответствующей главе.

На втором по степени значимости месте отныне находилось участие СФРЮ в акциях Движения неприсоединения. Руководство Югославии видело движение несколько в ином ракурсе, нежели ранее. Во-первых, оно должно было освободиться от «балласта идеологизированного и радикального наследия»²⁵⁹, изменить методику своего функционирования, а также видение политической ситуации в мире. Во-вторых, сама стратегия движения должны была подвергнуться модернизации в соответствии с духом нового времени. Не подлежали ревизии, с точки зрения Югославии, важнейшие цели неприсоединения, такие как борьба за дальнейшую демократизацию международных отношений, которая позволила бы странам «третьего мира» увеличить свой удельный вес в мировой политике, а также борьба за новый экономический порядок, под которым понималось создание таких условий для развивающихся стран, которые поспособствовали бы их более равноправному участию в мировой торговле, уменьшению размеров внешних долгов, решению многочисленных внутренних социально-экономических проблем, т.е. речь шла о более справедливом распределении ресурсов и финансовых потоков. основополагающие принципы неприсоединения, такие как уважение национального суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств, запрет на употребление или угрозу силой, неприкосновенность границ, неделимость мира и безопасности и др., в полной мере соответствовали национальным и стратегическим интересам Белграда.

²⁵⁹ Petković R. Novi prioriteti... S. 111.

Тема вероятных институциональных, организационных и сущностных перемен наиболее полно прозвучала на Девятой конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшейся 4-7 сентября 1989 г. в Белграде и ставшей логическим концом истории участия СФРЮ в Движении неприсоединения. Белградская конференция приобрела невиданный прежде размах и стала самой многочисленной за всю историю движения. Более того, Югославия, принявшая на себя роль главного новатора и инициатора, попыталась убедить наиболее консервативных членов организации пригласить к участию в ней все страны Совета Безопасности ООН и ЕЭС, тем самым сбросив с себя ношу идеологизированности.

Будучи сторонницей реформирования организации, как уже было отмечено выше, на этой встрече Югославия стремилась добиться выработки концепции модернизации движения, включавшей бы в себя «реальные», «практические», «конкретные» и «действенные»²⁶⁰ меры. По мнению Белграда, конфронтация между Востоком и Западом уходила в прошлое, а потому следовало отбросить старое, блоковое мышление и сосредоточиться на тесной кооперации, конкретных прагматических действиях по сокращению разрыва в развитии между глобальным Севером и глобальным Югом, борьбе с голодом и бедностью, вопросам безопасности и разоружения, а также, что немаловажно, защите человеческих прав и свобод. Решения, выработанные в ходе конференции и лёгшие в основу Белградской декларации, оценивались Белградом как многообещающие: движение по факту признало за собой необходимость преобразований. Разумеется, в долгосрочной перспективе Югославия представляла себя одним из главных проводником и бенефициаром перемен, что открывало перед её внешней политикой новые горизонты. При этом югославское руководство не считало, что его переориентация на вестернизацию внешнеполитического курса противоречит той роли, которую СФРЮ играла и планировала продолжить играть в рамках неприсоединения²⁶¹.

Третьем по степени своей важности стало балканское направление внешней политики Югославии. Выстраивание Белградом конструктивного диалога со своими балканскими соседями осложнялось наличием сложно разрешимых противоречий с Албанией, Болгарией, Грецией и Румынией, причём наибольшей напряжённостью характеризовались отношения с Тираной, оказывавшей поддержку косовским сепаратистам. Между тем, к концу 1980-х гг. риторика югославского руководства по отношению к Албании претерпела поистине «революционные» изменения: СФРЮ перестала возлагать всю вину за неудачи в двусторонних отношениях исключительно на Тирану и признала собственные ошибки на этом направлении. Впрочем, своими ошибками Югославия называла в основном те уступки, которые делала

²⁶⁰ Разговор са Будимиром Лончаром // Политика. 1. септембар 1989. С. 1.

²⁶¹ Европска компонента не противоречи улози међу несврстаних // Там же. 16. јануар. 1989. С. 2.

албанцам прежде и которые ими, по мнению югославских и сербских властей, расценивались как «слабость».

Краеугольным камнем в отношениях Белграда с Софией, Афинами и Бухарестом было непризнание ими существования югославских национальных меньшинств, а также случаи нарушения прав и свобод его представителей. По мнению Белграда, курс на игнорирование югославского меньшинства или полную его ассимиляцию в перечисленных странах указывал лишь на их нежелание углублять сотрудничество с Югославией²⁶². Стоит также признать, что, не в пример этим странам, СФРЮ действительно далеко продвинулась в деле защиты прав национальных меньшинств на своей территории, на что часто и упирала в переговорном процессе со своими соседями.

Значительным упущением внешней политики балканских государств долгое время было отсутствие площадки для взаимных многосторонних переговоров. Начиная с 1976 г. функционировали Конференции правительственных экспертов по экономическому и техническому сотрудничеству, однако их компетенции были слишком узки. В 1980-е гг. состоялись четыре такие встречи: в Софии в 1981 г., посвящённая проблемам международного транспортного сообщения; в Бухаресте в 1982 г., посвящённая энергетике и сырьевым ресурсам; в Белграде в 1984 г., посвящённая сотрудничеству в сфере промышленности; в Софии в 1987 г., посвящённая проблеме экологической защиты региона и примечательная тем, что на ней впервые присутствовали представители Албании²⁶³.

24-26 февраля 1988 г. в Белграде была проведена первая в истории Конференция министров иностранных дел балканских стран, инициатором которой выступила сама СФРЮ. Главное целью конференции было заявлено «упрочение доверия и сотрудничества»²⁶⁴ между балканскими государствами, включавшее в себя такие меры как расширение экономических и торговых связей, кооперация в вопросах транспортного сообщения, пограничного контроля, банковской сферы, туризма, энергетики, науки и культуры, здравоохранения, сельского и водного хозяйств, телекоммуникаций, спорта, а также борьбы с криминалом и терроризмом. На встрече был инициирован запрет на создание и размещение атомного и химического оружия в регионе. Конференция прошла в демократической атмосфере свободного обмена мнениями и открыла новую страницу в истории внешней политики стран региона²⁶⁵. Более того, в ней приняли участие албанская и турецкая стороны, что создало в глазах Югославии иллюзию своего триумфа как политического лидера среди государств Балканского полуострова.

²⁶² Народности у Југославији немају право на своју државу // Политика. 4. април 1989. С. 1.

²⁶³ *Lopandić D., Kronja J.* Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu. Beograd, 2010. S. 51-52.

²⁶⁴ Успех скупа зависи од свих балканских земаља // Политика. 18. фебруар 1988. С. 2.

²⁶⁵ *Lopandić D., Kronja J.* Op. cit. S. 53.

Вторая такая конференция состоялась 24-25 октября 1990 г. На ней была подтверждена готовность к дальнейшей интенсификации многосторонних отношений, а также к институциональному развитию самой конференции, включавшему перспективную организацию Балканского форума, Банка развития Балкан, Института изучения балканского экономического сотрудничества, встреч глав балканских столиц и иных форм и институтов совместной кооперации. Одновременно с этим за два года многократно возросла частота встреч, касавшихся отдельных областей и вопросов: всего с 1988 по 1990 г. было проведено свыше двадцати подобных мероприятий на правительственном уровне и порядка тридцати на неправительственном²⁶⁶.

Дезинтеграционные процессы в Югославии и её последующий распад фактически заморозили проекты по многостороннему сотрудничеству на Балканах. Эскалация обстановки внутри страны «вызывала у Югославии опасения, что некоторые балканские государства, воспользовавшись её слабостью, усилят своё давление по ряду неразрешенных вопросов, в том числе территориальных»²⁶⁷.

Нельзя не заметить того, что к концу 1980-х гг. во внешнеполитической повестке Югославии наблюдалось некоторое падение интереса к сверхдержавам в лице СССР и США, Китаю и небалканским восточноевропейским странам, вступивших в фазу масштабных политических и экономических преобразований. Можно сказать, что в это время Белград присматривался к изменениям, проистекающим внутри СССР и восточноевропейских стран, а также прислушивался к диалогу между СССР и США, чтобы впоследствии выработать стратегию своих отношений с этими государствами, определить их место в своей внешнеполитической концепции. Выстраивание конструктивных связей со своими непосредственными соседями в европейском регионе превалировало над желанием добиться условной лояльности Вашингтона, поддержки Москвы или Пекина.

Вместе с тем, югославское руководство стремилось к сохранению прежнего уровня сотрудничества с Вашингтоном, хотя градус накала в югославско-американских контактах заметно повышался, и Белград отчётливо понимал таившуюся в этом для него угрозу. В какой-то степени можно говорить о том, что СФРЮ начинала мешать США самим фактом своего существования и той претенциозностью, которую по привычке сохраняла в своей внешней политике, отсюда – некоторая непоследовательность в отношении к Белграду и уменьшение объёмов финансовой помощи югославской экономике: рейгановская директива «Политика США в отношении Югославии» стремительно теряла свою актуальность.

²⁶⁶ *Lopandić D., Kronja J.* Op. cit. S. 53.

²⁶⁷ *Каткова Е. П.* Балканское направление внешней политики СФРЮ в 1980-1991 гг. // Клио. 2022. №11 (191). С. 85.

Заинтересованность в Москве, на которую Югославия первоначально возлагала особые надежды с связи с экстраординарным ростом своей экономической и финансовой зависимости от Запада, угасла после визита в Белград в 1988 г. М. С. Горбачёва, выказавшем откровенное равнодушие к дальнейшей судьбе социалистического мира. Укреплению двусторонних отношений мешали политический и социально-экономический кризисы, с которыми столкнулись оба государства.

Югославия также приветствовала демократические революции в восточноевропейских странах и выражала полную готовность продолжать сотрудничество с ними, при необходимости – на новых организационных началах. Эти же революции, а также последующее за ними тяготение бывших сателлитов Москвы к Западу, стали одной из причин окончательной смены вектора во внешней политике СФРЮ.

Что касается Китая, с осознанием неизбежности скорого распада социалистического лагеря, а, возможно, и СССР, две страны теряли сближающую их прежде компоненту и общую мотивацию для углубления двустороннего сотрудничества. Пекин, внимательно наблюдавший за развитием внутренней обстановки в Югославии, приходил к выводу, что расширение политических контактов с Белградом лишается стратегического значения. Кроме того, в идеологическом отношении Коммунистическая партия Китая (КПК) всегда с некоторой настороженностью относилась к СКЮ. Однако вплоть до распада СФРЮ Поднебесная последовательно выступала за её территориальную целостность и единство. В этой связи неслучайно и то, что югославская дипломатия весьма сдержанно отреагировала на события на площади Тяньаньмэн 4 июня 1989 г. Давая оценку акциям протеста и их кровавому подавлению Народно-освободительной армией Китая (НОАК), министр иностранных дел Югославии Будимир Лончар предпочитал использовать обтекаемые и аккуратные формулировки, суть которых заключалась в том, что происходящее в Китае – это внутренние дела самого Китая, о которых из-за недостатка достоверной информации делать какие-то однозначные выводы невозможно, а китайский и югославский народы были, есть и будут братскими²⁶⁸. Особенно показательной эта нейтральная позиция выглядит в сопоставлении с резко осуждающей оценкой, данной югославскими властями разразившимся буквально через несколько месяцев после Тяньаньмэна событиям в румынском Тимишоаре.

Среди иных немаловажных приоритетов югославской внешней политики стоит отдельно отметить её участие в ряде ещё неупомянутых региональных и мировых организаций, таких, например, как Совет Европы и ПАСЕ, СБСЕ, ООН и некоторые её специализированные учреждения, «Группа 77», МВФ, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

²⁶⁸ Оцена збивања у Кини // Политика. 9. јун 1989. С. 2.

Достаточно богатой является и история взаимоотношений Югославии и Совета Европы, постоянного членства в котором Белград запросил в 1990 г., но так и не был принят в него по причине начавшейся в 1991 г. гражданской войны. Серьёзное изменение в отношении СФРЮ к Совету Европы произошло сразу после смерти И. Броз Тито, когда югославское руководство выразило желание расширить и усилить сотрудничество с организацией, особенно – по парламентской линии, хотя до этого Белград предпочитал лишь опосредованно взаимодействовать с ней, в большей степени на научном, культурном, спортивном и экономическом направлениях. В СИБ впоследствии даже был создан специальный совещательный орган, занимавшийся развитием отношений с СЕ.

В январе 1984 г. состоялся визит югославской парламентской делегации в Страсбург с целью переговоров на самом высоком уровне – с председателем Европейского парламента и генеральными председателями СЕ и ПАСЕ²⁶⁹. Тогда Джон Принстон, генеральный секретарь ПАСЕ, дал явственно понять югославам, что организация готова всячески интенсифицировать взаимодействие с ними, участить проведение совместных встреч, семинаров и консультаций, но институализация этих отношений невозможна до тех пор, пока в Югославии существует однопартийная система, даже с учётом того фактора, что заслуги Белграда как медиатора между Западом и Востоком не подвергались сомнениям²⁷⁰. При этом югославские официальные представители могли свободно участвовать в заседаниях комитетов ПАСЕ и даже выступать перед Ассамблеей.

В феврале 1985 г. делегация ПАСЕ во главе с её председателем Карлом Аренсом посетила Белград с ответным визитом. В состав делегации входили генеральный секретарь Дж. Принстон, председатели Комитета по политическим вопросам, Комитета по правовым вопросам и Комитета по отношениям с европейскими странами-нечленами ПАСЕ, а также представители партийных групп еврокоммунистов, христианских демократов и евродемократов в Парламентской Ассамблее²⁷¹. Состав делегации демонстрировал не только особую важность югославского фактора для ПАСЕ, но и желание высоких представителей лично ознакомиться с положением дел в стране. С югославской стороны в переговорах с делегацией ПАСЕ участие приняли первые лица страны: председатель Союзной Скупщины Душан Алимпич, член Президиума СФРЮ Й. Врховец, союзный секретарь иностранных дел Р. Диздаревич и заместитель председателя СИБ Джордж Яковлевич²⁷².

²⁶⁹ Миликић Р. Југославија и Савет Европе. Београд, 2012. С. 25.

²⁷⁰ Там же. С. 26.

²⁷¹ Разлике нису сметња сарадње // Политика. 20. фебруар. 1985. С. 2.

²⁷² Там же.

На переговорах были подтверждены намерения углублять межпарламентские связи, сотрудничество в сфере защиты прав человека и иных демократических ценностей, сферах защиты побережья и качества воды Средиземноморья, образования, культуры, науки и технологии. Югославия в очередной раз выразила свою готовность официально присоединиться к Европейской культурной конвенции Совета Европы, что произошло только после нескольких лет переговоров в октябре 1987 г. Отдельно было подчёркнуто, что СФРЮ не собирается стремиться к полноправному членству в Совете Европе, а избранная модель взаимодействия является наиболее оправданной.

Особой темой обсуждений югославских официальных лиц с руководителями Совета Европы было желание Югославии вступить в Фонд реинтеграции СЕ, реализованное уже в 1986 г. Напомним, что экономическая обстановка в Югославии стремительно ухудшалась и государству приходилось все время искать новые источники финансовой помощи. Вступление в Фонд позволило Белграду получить весьма солидный займ на поддержку вернувшихся из стран Совета Европы югославских мигрантов, выражавшейся, прежде всего, в создании для них новых рабочих мест²⁷³. Вообще, тема югославских мигрантов в условиях 1980-х гг., отмечавшихся спадом производства на Западе, была одной из центральных в отношениях между Югославией и Советом Европы. Западные страны были заинтересованы в возвращении излишков югославской рабочей силы на родину, в то время как на югославскую экономику оно ложилось тяжким бременем, грозившем социальным взрывом. Наличие обоюдоострой проблемы приводило к тому, что СФРЮ и ПАСЕ наиболее плотно сотрудничали именно по линии Комитета по делам миграции, беженцев и демографии. В январе 1988 г. на заседании ПАСЕ вниманию депутатов был отдельно представлен специальный «Доклад о проблемах югославских мигрантов и развитии отношений Югославии и Советом Европы»²⁷⁴, подготовленный упомянутым комитетом в конце 1987 г. Сам прецедент свидетельствовал о невероятном уровне кооперации между СЕ и страной, не являющейся его членом и принадлежащей к тому же к социалистическому миру.

В дальнейшем югославские представители все чаще участвовали в заседаниях ПАСЕ и её комитетов, на которых в числе прочих поднимались темы внешней политики Югославии, социально-экономической и демографической обстановки в стране, а также вопросы, связанные с соблюдением прав и свобод человека (например, «Доклад о положении церкви и свободе вероисповедания в Восточной Европе»²⁷⁵, содержащий критику в адрес Югославии и

²⁷³ Миликић Р. Указ. соч. С. 42.

²⁷⁴ Doc. 5822. Report on the problems of Yugoslavs migrants and the development of relations between Yugoslavia and the Council of Europe // Parliamentary Assembly. Official documents. URL: <https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1987/EDOC5822.pdf> (Дата обращения: 24.08.2022).

²⁷⁵ Doc. 5944. Report on the situation of the Church and freedom of religion in Eastern Europe // Ibid. URL: <https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1988/EDOC5944.pdf> (Дата обращения: 24.08.2022).

рассмотренный в октябре 1988 г. на очередном заседании ПАСЕ при участии югославского наблюдателя Хусейна Ходжича).

В апреле 1988 г. Белград во второй раз посетила делегация Парламентской Ассамблеи, результатом переговоров с которой стало издание югославской Скупщиной «Меморандума об отношениях и сотрудничестве между СФРЮ и Советом Европы». В документе были прописаны пожелания официального Белграда относительно дальнейшего углубления сотрудничества с организацией, в числе которых было «присоединение Югославию к большему числу конвенций Совета Европы», «участие Югославии на встречах и конференциях Совета Европы и Парламентской Ассамблеи, посвящённым конкретным темам», «полноправное членство в Комитете по делам миграции, беженцев и демографии», «согласие Фонда реинтеграции Совета Европы на дальнейшее финансирование открытия новых рабочих мест»²⁷⁶ и пр. Белград, в свою очередь, обязался приглашать представителей СЕ и ПАСЕ «на каждую свою конференцию, на которой будут рассматриваться вопросы европейского сотрудничества...»²⁷⁷. В рамках этого же визита состоялась поездка делегации ПАСЕ в Косово, где её сопровождал председатель Скупщины САК Косово Светислав Долашевич, обративший особое внимание визитёров на бедственное положение сербов в крае и, что было неожиданно со стороны коммунистического руководства, организовавший для них посещение сербских православных святынь.

В мае 1989 г. Югославия наравне с Советским Союзом, Польшей и Венгрией получила статус специального гостя Совета Европы. Статус специального гостя позволял странам иметь свои делегации в ПАСЕ, участвовать в заседаниях Ассамблеи и её комитетов, выступать перед ними, но не давал права голоса. В том же месяце Югославия предложила провести заседание Комитета по экономическим вопросам и развитию ПАСЕ в Белграде, что и было сделано: «это был первый случай в истории организации, когда один из её комитетов проводил свою встречу в коммунистической стране, не являвшейся к тому же кандидатом на вступление в организацию»²⁷⁸. В этот раз стороны сосредоточили своё внимание на мерах Белграда по борьбе с обострившимся экономическим кризисом: политике контроля цен и импорта, введении принципов рыночной экономики, создании смешанной формы собственности и пр. В этой связи особую значимость приобретала встреча страсбургских посланников с премьер-министром А. Марковичем, представившим их вниманию экономическую и политическую программы своего кабинета. Результатом этого заседания стала публикация комитетом «Доклада о

²⁷⁶ Меморандум о односима и сарадњи између СФРЈ и Савете Европе: ставови и предлози које је знала делегација Савезне Скупштине СФРЈ у разговорима са делегацијом Парламентарне Скупштине Савета Европе вођеним од 25. до 29. априла 1988. // *Миликић Р.* Указ. соч. С. 67.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 80.

необходимости интеграции Кипра, Мальты, Турции и Югославии в европейское экономическое пространство»²⁷⁹.

В январе 1990 г. состоялся очередной визит делегации ПАСЕ в Белград во главе с её председателем Андерсом Бьорком, в рамках которого он беседовал с председателем Президиума СФРЮ Я. Дрвношеком, председателем СИБ А. Марковичем, председателем Союзной скупщины С. Глигориевичем, министром иностранных дел Б. Лончаром и другими югославскими официальными лицами²⁸⁰. Главной причиной этого визита стало объявление Белградом своей готовности стать официальным членом Совета Европы, вызванное необратимыми демократическими процессами внутри СКЮ в канун его XIV Съезда, а также утратой коммунистами монополии на власть в стране и формированием многопартийной политической системы. Делегация осталась удовлетворена ходом политических и экономических преобразований в Югославии, дав Белграду зелёный свет на вступление в Совет Европы, которое, однако, требовало предварительной гармонизации югославского законодательства и дальнейшего политического процесса с европейскими нормами, проведения многопартийных выборов, а также ратификации Европейской конвенции по правам человека. 7 февраля 1990 г. Белград направил в Комитет министров Совета Европы прошение о полноправном членстве в организации²⁸¹.

Мы акцентировали существенное внимание на вопросе отношений СФРЮ с Советом Европы и ПАСЕ, доказывая тем самым невероятную важность участия в европейских интеграционных процессах для Белграда. Вместе с тем, как уже было отмечено выше, Югославия запросила официального членства в организации лишь тогда, когда внутренняя ситуация в стране стала критической, а конкуренцию в партнёрстве с Западной Европой создали восточноевропейские государства, бывшие члены социалистического блока. Логично предположить, что путём членства в Совете Европы югославское руководство рассчитывало преодолеть трудности, стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку и восстановить утраченный внешнеполитический авторитет с опорой на поддержку западноевропейских держав. Сам акт вступления в организацию мог иметь положительный психологический эффект для граждан страны. Этому расчёту не суждено было сбыться: 28 июня 1991 г. ПАСЕ единогласно приняла декларацию, в которой осуждалось любое применение насилия в Югославии после провозглашения независимости Словенией и Хорватией²⁸², приложив тем самым свою руку к распаду единого государства. Вскоре на повестку дня был поставлен вопрос

²⁷⁹ Doc. 6096. Need for a Southern expansion of “Economic Europe” – Integration of Cyprus, Malta, Turkey and Yugoslavia into the European economic space // Parliamentary Assembly. Official documents. URL: <https://pace.coe.int/en/files/6252> (Дата обращения: 24.08.2022).

²⁸⁰ Интервју председника Скупштине Европског Савета “Политици”. Импресиониран сам реформама у Југославији // Политика. 19. јануар 1990. С. 2.

²⁸¹ Предат званични захтев СФРЈ за пријем у Савет Европе // Там же. 8. фебруар 1990. С. 2.

²⁸² *Миликић Р.* Указ. соч. С. 103.

об отмене статуса специального гостя ПАСЕ за Югославией. Таким образом, начавшаяся гражданская война положила конец сотрудничеству объединения и «второй» Югославии, превратив её в аутсайдера среди других восточноевропейских стран, получивших доступ в Совет Европы.

СБСЕ

На европейском направлении одновременно с попытками стать полноправной участницей ЕЭС и ЕАСТ, сблизиться с Советом Европы и ПАСЕ Югославия стремилась укрепить своё положение в рамках более открытой и представительной СБСЕ, которую с момента её создания рассматривала как один из важнейших инструментов своего влияния на континенте.

В рассматриваемый нами период состоялись четыре встречи государств-членов СБСЕ: в Мадриде (1980-1983 гг.), в Стокгольме (1984 г.), в Вене (1986-1988 г.) и Париже (1990 г.), где Югославия зарекомендовала себя как активный участник общеевропейского процесса. Миротлюбивая и внеблоковая риторика СФРЮ полностью гармонировала с основными целями и задачами организации, а потому усилия Белграда на этом направлении всегда встречались с должной степенью внимания и уважения. Признавая важность создания в Европе «общего дома» из соображений безопасности, Югославия выступала против унификации и за сохранение своей идентичности каждой из стран-членов СБСЕ: «Процесс СБСЕ сам по себе фактор европейской стабильности. Конечно, он является продуктом осознания единства, но и плюрализма европейских интересов»²⁸³.

Роль нейтральных и неприсоединившихся стран в организации Югославия оценивала как конструктивную и гармонирующую. «Важная роль в процессе принадлежит европейским внеблоковым нейтральным и неприсоединившимся странам. Югославия, как и прежде, будет делать свой активный вклад в успешную деятельность группы таких стран и реализацию Хельсинкского акта в принципе. Поддержку процессу СБСЕ, как внеблоковому концепту отношений и сотрудничества в Европе ..., выражает и Движение неприсоединения в целом»²⁸⁴, – говорилось в заявлении Президиума СФРЮ по случаю 10-летнего юбилея СБСЕ. Группа нейтральных и неприсоединившихся стран действительно эффективно кооперировала друг с другом и выдвигала свои предложения, направленные на укрепление сотрудничества в Европе, оформляя их в том числе документально.

²⁸³ Говор савезног секретара за иностране послове на Бечком састанку министара. Лончар: Европи је потребан заједнички дом // Политика. 14. мај 1988. С. 1-2.

²⁸⁴ Председништво СФРЈ поводом јубилеја КЕБС-а. Хелсиншка конференција је изван и изнад блоковских подела // Там же. 30. јул 1985. С. 1.

Особый упор в своей деятельности в СБСЕ Югославия делала на необходимости демократизации международных отношений и преодоления противоречий между «европейским Севером» и «европейским Югом», причинами которых, по мнению Белграда, являлся разный уровень социально-экономического развития «североевропейских» и «южноевропейских» государств. Неудовлетворение СФРЮ также вызывали недостаточная степень экономического и научно-технического сотрудничества между европейскими государствами и слабая координация в деле совместного решения экологических проблем²⁸⁵.

В рамках организации Югославия боролась за прекращение гонки вооружений, считая, что она «достигла таких размеров, что переход за её текущие границы напрямую угрожает безопасности всего нашего [европейского – *Примечание автора*] континента»²⁸⁶, а также ставила в тяжёлое положение малые внеблоковые страны (имея в виду, в прежде всего, себя), вынужденные тратить значительные ресурсы на военные расходы, что неизбежно приводило к обострению экономических проблем. В этой связи СФРЮ неоднократно призывала к проведению конференции по разоружению, на которой были бы подписаны документы о сокращении арсеналов как конвенционального, так и ядерного оружия в Европе. Знаковым в этом плане стало Парижское совещание глав-государств и правительств государств-участников СБСЕ 19-21 ноября 1990 г., на котором были приняты Парижская хартия для новой Европы и Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), с большим воодушевлением встреченные Югославией.

Для Белграда деятельность по линии СБСЕ была столь важна ещё и потому, что от положения дел на континенте напрямую зависела её стратегическая безопасность. Более того, ключевые принципы СБСЕ, среди которых «суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету», «неприменение силы или угрозы силой», «нерушимость границ», «территориальная целостность» и пр. становились для СФРЮ гарантом невмешательства европейских держав в её внутренние дела в случае обострения дезинтеграционных процессов и начала гражданской войны. Однако ни СБСЕ, ни её базовые принципы не могли спасти Югославию от распада, ставшего серьёзным вызовом как для самой организации, так и для Европы в целом.

ООН и ЮНЕСКО

В ООН и её ключевых органах Югославия последовательно отстаивала права развивающихся стран, выступала против всех форм дискриминации, сегрегации и колониализма; за демократизацию международных отношений и мировой экономики; за

²⁸⁵ Председништво СФРЈ поводом јубилеја КЕБС-а. Хелсиншка конференција је изван и изнад блоковских подела // Политика. 30. јул 1985. С. 1.

²⁸⁶ Разоружање, императив за Европу // Там же. 21. новембар 1980. С. 1.

разрядку международной напряжённости и разоружение; за установление многополярности вместо биполярности и утверждение плюрализма общественно-политических систем, их сосуществование и равноправное сотрудничество; за свободы человека как универсальную ценность и мирное решение всех конфликтов и споров; за всеобщее равное участие в технологическом процессе в интересах человечества²⁸⁷. Роль ООН в решении глобальных политических, социально-экономических, гуманитарных проблем СФРЮ традиционно считала принципиально конструктивной. В этой связи весьма показательным является то, что в 1985 г. в Югославии достаточно широко отмечался 40-летний юбилей организации, по случаю которого множество улиц, площадей и даже некоторые населённые пункты страны были названы или переименованы в её честь²⁸⁸.

В 1987 г. Югославия, в четвёртый раз за всю историю существования ООН, была избрана непостоянным членом Совета Безопасности (СБ), получив голоса 146 из 158 стран-членов организации. Её мандат действовал с 1 января 1988 г. по 31 декабря 1989 г. В это время СФРЮ представляла в Совбезе и в других органах ООН не только свои собственные, но и интересы Движения неприсоединения, сосредоточив особое внимание на всемерной поддержке переговорного процесса между СССР и США, разоружении (в соответствии с принципом «мир и безопасность не могут быть монополией или эксклюзивным правом»²⁸⁹), введении запрета на использование химического и испытания ядерного оружия; демократизации международных отношений и углублении экономического сотрудничества; необходимости разрешения конфликтов и устранения их последствий в странах третьего мира. Большое значение Югославия придавала проблеме внешнего долга развивающихся стран, считая её одной из возможных причин дестабилизации мирового порядка в будущем, но в целом позитивно оценивая усилия международного сообщества на этом направлении: «Хорошо, что проблема долга развивающихся стран всё чаще рассматривается как глобальная. Существует понимание, что решение следует искать с помощью согласованной, ориентированной на развитие стратегии. Эффективное снижение сумм долгов развивающихся стран помогло бы преодолеть не только главное препятствие для их развития, но и для расширения мировой торговли в целом»²⁹⁰, – заметил в своём выступлении на 43-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел СФРЮ Б. Лончар.

В 1980-е гг. продолжало расширяться сотрудничество СФРЮ с ЮНЕСКО как одним из важнейших специализированных учреждений ООН. Своеобразным актом признания всесторонней и конструктивной работы Югославии в организации стало проведение в Белграде

²⁸⁷ Говор југословенског министра у генералној скупштини УН. Лончар: Хитна забрана нуклеарних проба // Политика. 30. септембар 1988. С. 2.

²⁸⁸ Име УН за тргове и улице // Там же. 20. фебруар 1985. С. 27.

²⁸⁹ Говор југословенског министра у Генералној скупштини... // Там же. 30. септембар 1988. С. 2.

²⁹⁰ Там же.

в октябре 1980 г. XXI Генеральной конференции ЮНЕСКО, в рамках которой югославская сторона внесла значительный вклад в принятие резолюций и программ деятельности учреждения на ближнесрочный (1981-1983 гг.) и среднесрочный (1984-1989 гг.) периоды. Из заявлений югославских представителей на этой конференции²⁹¹ можно, в целом, судить о приоритетах СФРЮ в деле международного сотрудничества по вопросам культуры, образования, науки, техники и коммуникаций, а также о её вкладе в функционирование ЮНЕСКО. Так, члены делегации Югославии выступали тогда, в основном, за принятие отдельных мер поддержки культурного, научного, технологического развития и просвещения в развивающихся странах, базировавшихся «на культурном равенстве и культурном сохранении самобытности каждой нации» и исключавших «стремление к доминированию и навязыванию культурных ценностей»²⁹².

В течение 1980-го г. важное значение для страны также имела деятельность ЮНЕСКО по организации помощи для восстановления пострадавших в результате землетрясения 15 апреля 1979 г. памятников культуры в Которе, Херцег-Нови, Будве, Баре и других черногорских городах. В том же году Белград добился включения в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО ряда югославских исторических памятников, в т.ч. в хорватских Дубровнике и Сплите, а также природной зоны Охридского озера.

Сотрудничество Югославии с ЮНЕСКО в последующие годы было достаточно разнообразным и всесторонним и включало в себя проведение ряда совместных проектов в сфере культуры, образования, технических, естественных и общественных наук и коммуникации. Тем не менее, интенсивность и масштабы этого сотрудничества часто не удовлетворяли югославскую сторону²⁹³. Существенный их спад наметился в 1984 г. и был связан с бюджетными ограничениями ЮНЕСКО по причине выхода из учреждения США, а следом и Великобритании. Тогда Югославия и другие неприсоединившиеся страны предприняли немалые усилия по стабилизации ситуации внутри ЮНЕСКО и недопущению выхода из учреждения других западных стран и сохранили её единство. Ещё одной причиной спада масштабов кооперации стали ограничительные меры в рамках программы стабилизации СИВ СФРЮ и серьёзный экономический кризис в стране в принципе.

В целом, в 1980-е гг. произошло стремительное усиление позиций СФРЮ и других неприсоединившихся стран в ЮНЕСКО. Несмотря на некоторые проблемы с финансированием и стагнационные тенденции, их сотрудничество не только продолжалось, но в некоторых

²⁹¹ См.: UNESCO u Jugoslaviji. Beograd, 1980. S. 157-158.

²⁹² *Janev I. Odnosi Jugoslavije sa UNESCO-m.* Beograd, 2009. S. 57.

²⁹³ *Ibid.* S. 66.

областях (например, в области образования, естественных и технических наук²⁹⁴) и углублялось.

«Группа 77»

Упоминания также заслуживает деятельность Югославии в 1980-е гг. в «Группе 77» – действовавшей в рамках ООН межгосударственной организации развивающихся стран, целями которой являлось установление равноправных и справедливых международных экономических отношений, формирование нового экономического порядка, углубление кооперации по линии «Юг – Юг» и проведение конструктивного диалога по линии «Север – Юг». Здесь позиция Югославии полностью соответствовала основным принципам её внешней политики как неприсоединившейся страны и не отличалась каким-либо новаторством. СФРЮ была последовательной сторонницей углубления и координации экономического сотрудничества между развивающимися странами, открытого обсуждения их наиболее острых проблем, грозящих «обвалом экономики»²⁹⁵; включения развивающихся стран в мировые экономические процессы и систему международного разделения труда; принятия экстренных мер по борьбе с бедностью, голодом и безработицей в странах «третьего мира». Более того, именно СФРЮ явилась одним из главных инициаторов проведения первого, Каракасского совещания членов «Группы 77» в 1981 г. и следующего за ним Буэнос-Айресского в 1983 г.

Весной 1988 г. Белград стал местом проведения министерской конференции стран-участниц «Группы 77». За несколько предшествующих лет организации не удалось сколько-нибудь продвинуться в достижении своих принципиальных задач, в то время как экономическая ситуация в странах «третьего мира» всё более ухудшалась, а развитые государства отгораживались от них различными протекционистскими мерами. Белград пока ещё надеялся на то, что ориентация на широкое сотрудничество с развивающимися странами поможет ему избежать «излишней ориентированности и зависимости от отдельных регионов или групп государств»²⁹⁶, а потому активно выступал за принятие новых инициатив и решений, позволявших укрепить их производственную и торговую кооперацию. Для этого «Группой 77» в югославской столице был подписан многосторонний договор о глобальной системе торговых преференций между развивающимися странами (ГСТП). «Мы бы хотели, чтобы этот договор был стимулом для других форм нашего сотрудничества... которые бы привнесли вклад в развитие индустриального, технологического, финансового и иного сотрудничества между развивающимися странами. Эти направления деятельности должны опираться на собственные

²⁹⁴ См.: *Ianev J.* Op. cit.

²⁹⁵ Говор Јосипа Врховца на министарском састанку “Групе 77”: Тешкоће земаља у развоју прете сломом привреда // Политика. 1. октобар 1980. С. 1.

²⁹⁶ Није лако с богатима // Там же. 11. јануар 1988. С. 4.

силы и средства самих развивающихся стран. Зато ничьи важные экономические или национальные интересы этим не будут затронуты. Большая опора на собственные силы даст развивающимся странам не просто возможность не надеяться только на милосердие или помощь при определённых условиях от богатых индустриальных стран, но и стать более серьёзным партнёром для развитого мира», – заключил на встрече Л. Мойсов.

В последние годы перед гражданской войной Югославия снизила свою активность в «Группе 77», как и во многих других организациях, но не была из неё исключена. Из бывших республик СФРЮ в дальнейшем в состав организации вошла только Босния и Герцеговина.

МВФ, ГАТТ и ОЭСР

В рассматриваемый период Югославия, имевшая статус члена в МВФ, Всемирном банке и ГАТТ, а также специальный статус при ОЭСР (в соответствии с которым могла принимать ограниченное участие в её деятельности), продолжала развивать интенсивные отношения с этими экономическими организациями.

Отношения СФРЮ с МВФ в 1980-е гг. были настолько же важными, насколько и драматичными, поскольку кредиты и поддержка МВФ имели «решающее значение для югославской экономики»²⁹⁷. МВФ не только кредитовала Югославию и оказывала последние консультационные услуги, но и активно поощряла это делать западные банки.

Только с 1981 по 1983 гг. по резервному соглашению при условии жёсткой экономии СФРЮ было предоставлено кредитов на сумму 1,8 млрд. долларов²⁹⁸. Перспективы заключения нового резервного соглашения на 1984 г. были омрачены разногласиями по поводу размеров процентных ставок, что привело к первоначальному отказу Белграда от переговоров по данному вопросу. Однако по настоянию кредиторов СФРЮ всё-таки заключила соглашение с Фондом весной 1985 г. и в обмен на резервный кредит на сумму 300 млн долларов²⁹⁹ была вынуждена продолжить курс на девальвацию динара для компенсации инфляции и более жёсткий контроль над внутренним кредитом и государственными расходами. Кроме этого, МВФ требовал от Югославии системных изменений в экономике – «повысить финансовую дисциплину на предприятиях за счёт более жёсткого применения закона о банкротстве», «прекратить субсидирование неэффективных производств», «поставить в зависимость размер заработной платы от производительности», «снизить влияние политических критериев на

²⁹⁷ Yugoslavia: Key Questions and Answers on the Debt Crisis. EUR 84-10011. January 1984. P. 7. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/0005361799> (Дата обращения: 24.08.2022).

²⁹⁸ Ibid.

²⁹⁹ Mrak M. Debt conversions in Yugoslavia. OECD/GD(92)27. Technical paper NO. 54. February 1992. P. 53. // OECD. URL: <https://www.oecd.org/development/pgd/1919414.pdf> (Дата обращения: 24.08.2022).

инвестиционные решения»³⁰⁰. Навязываемые МВФ и другими западными кредиторами меры вызвали крайнее неудовлетворение у некоторых югославских руководителей, поскольку «бросали вызов основам системы самоуправления», «противоречили этническим и региональным интересам» и «принуждали Югославию к “неоколониальному” статусу»³⁰¹. Само руководство МВФ, согласно сведениям, приводящимся в специальных докладах ЦРУ по Югославии, также сомневалось, что Белград способен провести в жизнь его требования, обвиняя его в неуступчивости и тактике затягивания переговоров³⁰².

Действительно, с конца 1985 г. Югославия пыталась в одностороннем порядке смягчить некоторые меры жёсткой экономии, в том числе снизить процентные ставки, надеясь на то, что МВФ «скорее отступит от выяснения отношений, чем нанесёт ущерб... югославской стабильности»³⁰³. Негативная реакция США и Великобритании на действия Белграда побудила последнего отказаться от своих первоначальных планов и вызвала крайнее недовольство с его стороны вплоть до конфронтации со своими кредиторами. В этой конфронтации Югославию поддержал СССР, предыдущие годы критиковавший попытки соблюдения Белградом стандартов МВФ, что вызвало опасения на Западе по поводу возможного разворота Югославии на Восток³⁰⁴. Помимо прочего, соглашения Югославии с МВФ вызвали скептицизм в стане Движения неприсоединения, подтачивая авторитет страны в организации.

Так или иначе, Югославии всё же пришлось пойти на уступки МВФ и других западных кредиторов и начать в 1988 г. для получения очередного резервного соглашения с МВФ на сумму свыше 1 млрд. долларов³⁰⁵ масштабную и амбициозную попытку экономических реформ, включавшую в себя более широкое внедрение рыночных мер, отмену большей части субсидий и льгот для предприятий; отмену контроля над ценами, повышение процентных ставок выше уровня инфляции, сокращение импортных ограничений и пр. Ценой, которую пришлось заплатить за осуществление этих мер, стал рост безработицы, падение потребления и увеличивавшееся неравенство в доходах.

Занявший в 1989 г. пост премьер-министра после Б. Микулича А. Маркович продвигал экономические требования МВФ ещё более энергично и даже добился на первоначальном этапе своей реформаторской деятельности положительной динамики показателей югославской экономики, что позволило стране получить очередные кредитные поступления в 1989 и 1990 г.

³⁰⁰ Yugoslavia: Prospects for the Economy. EURM 85-10098. May 1985. P. 4. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t01058r000202890001-5> (Дата обращения: 24.08.2022).

³⁰¹ Yugoslavia: Prospects for the Economy. EURM 85-10098. May 1985. P. 5. // Ibid. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t01058r000202890001-5> (Дата обращения: 24.08.2022).

³⁰² Ibid.

³⁰³ Yugoslavia's Anti IMF-Tactics. Memorandum, for the record. TS 863522. April 1986. P. 4. // Ibid. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp87r00529r000100060037-8> (Дата обращения: 24.08.2022).

³⁰⁴ Ibid. P. 5.

³⁰⁵ Нова фаза са Монетарним Фондом // Политика. 3 јун 1988 С. 1.

Дальнейшее кредитование Югославии руководство МВФ ставило в прямую зависимость от политической и экономической ситуации в стране³⁰⁶. На практике оказалось, что резервное соглашение от 1990 г. на сумму в 600 млн долларов стало последним (и двенадцатым по счёту за всю историю СФРЮ)³⁰⁷. К концу того же года задолженность Югославии перед МВФ достигла более 662 миллионов долларов, что составило 2,6% от совокупного внешнего долга страны³⁰⁸. Вместе с тем, будет справедливым заметить, что Югославия по части погашения задолженностей являлась одним из самых дисциплинированных партнёров МВФ.

Что же касается роли СФРЮ в структуре управления и принятия решений в МВФ, она была незначительной: «Югославия состояла в группе, возглавляемой Нидерландами и состоявшей также из Кипра, Израиля, Румынии и Болгарии, на долю которых приходилось 4,61 % от общего числа голосов в Фонде»³⁰⁹.

Действия Белграда, направленные на сохранение территориальной целостности Югославии, не вызвали понимания и одобрения в МВФ, в связи с чем уже Союзная Республика Югославия (СРЮ) в составе Сербии и Черногории в 1992 г. была исключена из него. Стоит отметить, что в сербской историографии весьма распространённой является точка зрения, согласно которой именно политика «закабаления» Югославии МВФ обострила экономические и этнические противоречия в СФРЮ, став одной из главных причин её распада.

Будучи весьма активной стороной ГАТТ, СФРЮ принимала участие во всех раундах переговоров в рамках соглашения, участвовала в деятельности большинства его комитетов (таких, например, как Комитет по реорганизации Международного торгового центра (ИТС), Комитет по торговым переговорам и пр.) комиссий и рабочих групп. Особо энергично Белград проявил себя на открывшемся в сентябре 1986 г. в Пунта-дель-Эсте Уругвайском раунде многосторонних торговых переговоров ГАТТ, в рамках которого его более других интересовали проблемы торговли сельскохозяйственной и текстильной продукцией, а также субсидирования³¹⁰. СФРЮ сделала существенный вклад в выработку документов, заложивших правовую основу Всемирной торговой организации (ВТО)³¹¹, однако ещё до учреждения последней по инициативе ЕС, опиравшегося на 21 статью ГАТТ, участие Белграда в Уругвайском раунде переговоров было приостановлено по причине начавшихся в 1991 г.

³⁰⁶ Сарадња са ММФ зависи од стања у земљи // Политика. 14. март. С. 16.

³⁰⁷ Obradović S. Stanje i perspektive odnosa MMF i SRJ // Ekonomski horizonti. 2000. № 2. S. 91.

³⁰⁸ Ibid.

³⁰⁹ Ibid. S. 92.

³¹⁰ Bjelić P. Svetska trgovinska organizacija. Beograd, 2002. S. 182.

³¹¹ Jugoslavija i Svetska trgovinska organizacija. Uslovi i mogućnosti uključivanja u svetski trgovinski sistem. Beograd. 1996. S. 10.

вооружённых столкновений в Словении и Хорватии³¹². В 1992 г. Совет ГАТТ отказал признать за СРЮ статус продолжателя СФРЮ, и Белград лишился своего места в организации.

Европейская ОЭСР в 1980-е гг. посвятила целых восемь своих аналитических исследований экономической ситуации Югославии: от 1980 г.³¹³, 1981 г.³¹⁴, 1982 г.³¹⁵, 1983 г.³¹⁶, 1984 г.³¹⁷, 1987 г.³¹⁸, 1988 г.³¹⁹ и 1990 г.³²⁰ (следующий и одновременно последний был опубликован только в 2002 г.³²¹), в которых подробно описала правительственную политику в области экономики, основные её проблемы и тенденции развития. В этих докладах ОЭСР выражала обеспокоенность и неудовлетворение в отношении экономической обстановки в СФРЮ, особенно на контрасте с остальными членами организации, чей опыт борьбы с негативными инфляционными и финансовыми трендами мало применялся югославским руководством³²². ОЭСР также приветствовала реформаторскую деятельность А. Марковича по либерализации экономики, не ожидая при этом от неё феноменальных результатов. Выступая на встрече Совета министров ОЭСР в июне 1989 г., министр иностранных дел Югославии Б. Лончар заметил: «Наш опыт показывает, что для поддержания экономического роста и увеличения занятости нет альтернативы структурным реформам. Эта парадигма в то же время должна быть главной опорой экономической политики правительства. Этим мы и

³¹² Комендантов С. В. О реализации «исключений по сооружениям национальной безопасности» в практике ГАТТ/ВТО // Образование и право. 2019. №10. С. 36-39.

³¹³ OECD economic surveys. Yugoslavia, 1980 // OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1980_eco_surveys-yucs-1980-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³¹⁴ OECD economic surveys. Yugoslavia, 1981 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1981_eco_surveys-yucs-1981-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³¹⁵ OECD economic surveys. Yugoslavia, 1982 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1982_eco_surveys-yucs-1982-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³¹⁶ OECD economic surveys 1982-1983. Yugoslavia, 1983 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1983_eco_surveys-yucs-1983-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³¹⁷ OECD economic surveys 1984-1985. Yugoslavia, 1984 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1985_eco_surveys-yucs-1985-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³¹⁸ OECD economic surveys 1986-1987. Yugoslavia, 1987 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³¹⁹ OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³²⁰ OECD economic surveys 1989-1990. Yugoslavia, 1990 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1990_eco_surveys-yucs-1990-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³²¹ OECD economic surveys 2001-2002. Federal Republic of Yugoslavia, 2002 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-federal-republic-of-yugoslavia-2002_eco_surveys-srb-2002-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³²² OECD economic surveys 1986-1987. P. 9. Yugoslavia, 1987 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en (Дата обращения: 28.08.2022).

руководствовались, когда предприняли первые меры либерализации цен, импорта и валютного рынка. Определённые эффекты уже видны»³²³.

Главной сферой взаимодействия Югославии и ОЭСР оставалась торговля. Говоря о югославском экспорте в развитые страны, надо сказать, что СФРЮ сталкивалась с трудностями проникновения на рынок ОЭСР, связанными с недостатками качества, дизайна, технологии изготовления её продукции и слабым маркетингом. В период с 1979 по 1986 г. в реальном выражении сократился и импорт товаров из стран ОЭСР в Югославию, поскольку власти в рамках программы стабилизации вводили соответствующие ограничения для экономии иностранной валюты. Некоторое увеличение показатели экспорта и импорта из/в страны ОЭСР дали в 1987 г. – 49 и 56%³²⁴ соответственно в структуре внешней торговли СФРЮ. В целом же, в сравнении с показателями 1960-1970-х гг. Югославия скорее теряла долю экспортного рынка в зоне ОЭСР (на 1964 г. доля стран ОЭСР во внешней торговле СФРЮ составляла не менее 60%³²⁵), что, кроме уже упомянутых причин, могло объясняться тем, что торговля ОЭСР включала в себя быстрорастущую торговлю внутри ЕЭС, в которую Югославия не была интегрирована, что наносило удар по югославским экспортёрам.

Югославия ожидала, что в 1991 г. ОЭСР примет решение о её полноправном членстве в организации, однако этого не случилось – на встрече Совета министров ОЭСР, состоявшейся в июне того же года в Париже, всё внимание было приковано к делегациям Польши, Венгрии и Чехословакии. Югославии же намекнули, что «укрепление связей с ОЭСР должно стать результатом экономических реформ, которые должны привести к... общему прогрессу в этой стране»³²⁶. Таким образом, ОЭСР признала недостаточность проведённых преобразований и призвала к их углублению, в то время как для Югославии приём в организацию мыслился как способ «преодоления нарастающих проблем и укрепления единства страны»³²⁷. Распад СФРЮ в 1991 г., разумеется, снял с повестки вопрос о её членстве в организации – результатом международных санкций, наложенных на СРЮ, стал разрыв отношений с ней ОЭСР.

Отдельного упоминания в рамках изучения основных приоритетов и методов внешней политики СФРЮ в 1980-е гг. заслуживает практика применения ей инструментов публичной дипломатии и «мягкой силы», среди которых в этот период времени определяющее значение имели спортивная и туристическая дипломатия.

³²³ Мере за консолидовање југословенског дуга // Политика. 2. јун 1989. С. 1.

³²⁴ OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988. P. 56 // OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_economic_surveys-yucs-1988-en (Дата обращения: 28.08.2022).

³²⁵ Singleton F. A short history of the Yugoslav peoples. Cambridge, 1989. P. 244.

³²⁶ Посебан разговор о Југославији // Политика. 4. јун 1991. С. 4.

³²⁷ Дорасли дисциплини ОЕЦД // Там же. 6. јун 1991. С. 3.

В контексте югославской спортивной дипломатии в 1980-е гг. ключевыми событиями стали Зимние Олимпийские игры – 1984 г. в Сараево и Летняя Универсиада – 1987 г. в Загребе, имевшие глобальное презентационное значение для СФРЮ и привлёкшие в страну сотни тысяч туристов со всего мира. Олимпиада в Сараево в результате оказалась первой и последней зимней олимпиадой, состоявшейся в социалистической стране, а её безупречное проведение положительно повлияло на имидж социалистического мира в целом. Всего в этих зимних олимпийских играх приняло участие 49 государств, что к тому моменту являлось рекордной цифрой за всю историю их проведения³²⁸. В Сараево также приехали и американская, и советская сборные, что стало своеобразным выражением успешности дипломатии Югославии как неприсоединившейся страны.

Участие в Летней Универсиаде – 1987 г. приняли спортсмены из 128 стран, что также на момент её проведения явилось абсолютным рекордом: «Впечатляет количество национальных флагов, которое, – отметил в своей приветственной речи по случаю открытия Универсиады председатель Президиума СФРЮ Л. Мойсов, – кроме заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, никогда нельзя было видеть в одном месте»³²⁹. Югославское руководство воспринимало этот факт как «знак укрепления доверия между народами и их желание совместно строить лучший мир и более безопасное завтра»³³⁰ и как свидетельство успеха своей внешней политики. Кроме того, оба упомянутых спортивных мероприятия стали действенным методом повышения туристической привлекательности Югославии в условиях, когда туризм оставался центральной отраслью экономики. Так, например, только в год проведения Универсиады Югославия заработала на иностранных туристах 3,181 млрд долларов³³¹.

В 1987 г. загребский Институт туризма провёл масштабное исследование, в ходе которого опросил 8350 иностранных туристов³³². Результаты исследования показали, что чаще всего на отдых в Югославию отправлялись граждане Германии, Австрии, Италии, Швейцарии и Голландии, которых привлекало «чистое море, приятный климат и великолепное географическое положение»³³³. Одновременно иностранные туристы жаловались на сервис, санитарные условия, ассортимент магазинов, еду и жильё. В среднем они тратили в Югославии порядка 38 долларов в сутки, что являлось небольшой суммой по западноевропейским меркам³³⁴.

Политика активного привлечения туристов из-за рубежа вкупе с традиционной гостеприимностью балканских народов закрепляла за Югославией имидж дружелюбной и

³²⁸ Сараево'84: XIV зимние Олимпийские игры / Сост. В. Жильцов. М., 1985.

³²⁹ Свећано отворена Универзијада-87 // Политика. 9. јул 1987. С. 1.

³³⁰ Там же.

³³¹ Три, или 1,7 милијарда долара? // Там же. 6. јануар 1988. С. 9.

³³² Немци су за одмор, Французи за забаву // Там же. 10. јануар 1988. С. 9.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

радушной страны, что позитивным образом сказывалось на общественном мнении иностранцев о Югославии. Таким образом, туристический потенциал страны формировал за ней определённый образ за рубежом, который использовался её руководством на благо внешней политики. В свою очередь успешная внутренняя и внешняя политика СФРЮ гарантировали ей приток иностранных туристов. Эта корреляция весьма чётко прослеживается на примере туристического сезона 1991 г., ставшего наихудшим за 30 предшествующих лет³³⁵. Туристы отказывались от отдыха в воюющей Югославии, воспринимая его как «авантюру». Провальный туристический сезон 1991 г. имел катастрофические последствия для экономики разваливающейся Югославии.

Подводя итог параграфу, следует сказать, что Югославия в 1980-е гг. стремилась проводить активный и разносторонний внешнеполитический курс, уделять внимание самым разнообразным его составляющим, несмотря на стремительно меняющуюся систему международных отношений, обострявшуюся внутривнутриполитическую обстановку и реальное падение своего международного авторитета. Между тем, её дипломатический ресурс становился всё более ограниченным, а потому, к исходу 1980-х гг., ей пришлось сконцентрироваться на трёх внешнеполитических приоритетах, среди которых: 1) отношения с западноевропейскими интеграционными объединениями ЕЭС и ЕАСТ и их наиболее влиятельными членами; 2) участие в Движении неприсоединения; 3) разрешение конфликтов и углубление сотрудничества с соседними государствами. Доминирование упомянутых направлений не обозначало игнорирования прочих акторов международных отношений во внешней политике Югославии – принципиальную важность для СФРЮ сохраняли отношения со сверхдержавами в лице СССР и США.

³³⁵ Долазе само верни и храбри // Политика. 11. април 1991. С. 4.

Глава 2. Югославия как часть социалистического мира

2.1. Югославия и Советский Союз: общий потенциал отношений и противоречия

Смерть И. Броз Тито и приход к власти коллективного руководства способствовали постепенной нормализации и углублению двустороннего югославско-советского сотрудничества, что, однако, не снимало предубеждений и опасений Белграда по отношению к Москве. В СФРЮ полагали, что кончина Тито обернётся усилением давления со стороны Советского Союза, возобновлением его попыток включить Югославию в сферу своего влияния. Тем не менее, эти страхи не оправдались: по мере нарастания кризисных явлений внутри страны, интерес СССР к восточноевропейским странам угасал. Югославия внимательно следила за всеми политическими изменениями, происходящими в СССР, и в своём стратегическом планировании особое внимание уделяла субъективному фактору, т.е. личностям генеральных секретарей и председателей правительства, от которых во многом зависел характер двусторонних контактов.

Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. вызвал «полное непонимание и тотальное осуждение в Югославии»³³⁶, приведя к ослаблению двустороннего взаимодействия. Югославское руководство восприняло эту акцию как недружелюбный акт по отношению ко всему «третьему миру», защитником интересов и представителем мнений которого традиционно считало себя. Советский Союз был обвинён в попрании принципов независимости, суверенности и невмешательства во внутренние дела третьих стран, а также прямой военной интервенции в государство, не угрожающее его безопасности. Югославская пресса начала новую антисоветскую информационную кампанию, которая не могла не повлиять негативным образом на общественное мнение о Советском Союзе в СФРЮ. Таким образом, 1979 г. в истории двусторонних отношений между СФРЮ и СССР стал одним из наиболее кризисных после 1948 г.

Задачей Президиума СФРЮ с мая 1980 г. стало улучшение отношений с Москвой, являвшейся важным торгово-экономическим партнёром. Мыслилось, что углубление сотрудничества должно затронуть все сферы, начиная политикой и заканчивая туризмом, и упрочить положение СФРЮ в социалистическом мире. В данном случае руководство исходило из практических и меркантильных интересов, отодвигая идеологические соображения и противоречия на задний план, что, впрочем, не отменяло их наличия. Серьёзный упор югославской дипломатией при этом делался на поощрении политики разрядки международной

³³⁶ Костюк Р. В., Каткова Е. П. Развитие советско-югославских отношений в 1970-е гг. // Клио. 2018. № 12. С. 129.

напряжённости, необходимости разоружения, упрочения роли СБСЕ и уважения принципов неприсоединения, на что Белград из раза в раз акцентировал внимание Москвы.

Особую важность Югославии во внешней политике Советского Союза было призвано подчеркнуть личное присутствие Л. И. Брежнева на похоронах И. Б. Тито, состоявшихся 8 мая 1980 г. Характер короткого обмена мнениями между генеральным секретарём ЦК КПСС и членами коллективного руководства СФРЮ обещал позитивные изменения в двусторонних отношениях.

В июле 1980 г. Югославию с официальным визитом посетила делегация Верховного Совета (ВС) СССР во главе с первым заместителем председателя его Президиума В. В. Кузнецовым³³⁷. В рамках визита состоялись встречи советской делегации с председателем Президиума СФРЮ Цвиетином Миятовичем, председателем Скупщины Драгославом Марковичем, заместителем председателя СИВ Гойко Убипарипом, председателем Совета СИВ по внешней политике Ниязом Диздаревичем, секретарём Президиума ЦК СКЮ Душаном Драгосавцем и другими государственными чинами Югославии, на которых была подтверждена приверженность курсу всестороннего сотрудничества. Стороны обменялись мнениями по вопросам внутривосточного развития двух стран, их экономической и научно-технической кооперации и подтвердили свою готовность и дальше взаимодействовать с опорой на принципы, «содержащиеся в Белградской декларации... и документах, принятых по итогам встреч товарищей Тито и Брежнева»³³⁸. Югославские лидеры выразили свою озабоченность по поводу текущей ситуации в «горячих точках» на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной и Средней Азии, что было с пониманием и спокойствием воспринято советской стороной. Газета «Политика» охарактеризовала переговоры как «сердечные» и «дружеские»³³⁹.

Действительно, в отношениях двух стран спустя более чем полгода после ввода советских войск в Афганистан наметилось заметное потепление и оживление. Так, Югославия, несмотря на крайнее несогласие с действиями СССР в среднеазиатском регионе, приняла участие в стартовавших 19 июля 1980 г. XXII летних Олимпийских Играх под своим флагом. Более того, некоторые югославские предприятия осуществляли поставки в Москву продовольственных товаров специально для нужд Олимпиады. В качестве примера можно привести сельскохозяйственный комбинат «Валево», ставший одним из основных поставщиков соковой продукции.

Важным событием явилось заключение в сентябре 1980 г., спустя менее, чем через полгода после смерти Тито, соглашения об экономической, торговой и научно-технической кооперации между двумя странами сроком на 10 лет, в котором СФРЮ и СССР обязались одни

³³⁷ Даљи развој плодне сарадње // Политика. 9. јул 1980. С. 2.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Порука Леонида Брежњева Мијатовићу и Дороњском // Там же. С. 1.

только «объёмы торговли увеличить на 60% в ближайшие 5 лет»³⁴⁰. Предполагалась задействовать некоторые югославские технологии для их внедрения на промышленных предприятиях Советского Союза, а также многократно увеличить экспорт югославских товаров народного потребления в СССР. Стороны договорились расширить сотрудничество в машиностроении, кораблестроении, строительстве, энергетике, сельском хозяйстве и прочих областях промышленности³⁴¹. Большую роль в деле упрочения двусторонних экономических и торговых связей играл смешанный югославско-советский международный комитет экономического и научно-технического сотрудничества, в задачи которого входила выработка практических мер для реализации подписанного соглашения. Одновременно с этим Москва дала согласие предоставить Югославии на выгодных условиях новый займ суммой в 900 млн долларов, к которому уже в 1981 г. добавила сверху ещё 450 млн долларов³⁴².

Необходимо заметить, что СССР на всём протяжении 1980-х гг., когда югославские товары представляли весьма скромный интерес для западного рынка, сохранял за собой статус самого важного экспортного партнёра Югославии. Впрочем, подобная зависимость СФРЮ от советского рынка вызывала тревожные настроения как внутри страны, так и среди западных государств, предполагавших, что весьма мягкая и дружелюбная по отношению к Югославии советская экономическая политика преследует конкретную цель включения Белграда в орбиту своего влияния³⁴³.

В апреле 1982 г. с официальным визитом Югославию посетил министр иностранных дел Советского Союза А. А. Громыко³⁴⁴. Первоначально этот визит должен был состояться в декабре 1981 г., но был перенесён югославским руководством по причине тотального несогласия с Москвой по вопросу польских событий. Ведь, несмотря на интенсификацию экономического, культурного, научно-технического сотрудничества, политические и идеологические противоречия между двумя странами не были сняты с повестки дня, и на многие действия СССР Югославия продолжала реагировать довольно болезненно. К таким противоречиям, главным образом, можно отнести следующие: разногласия по поводу советской интервенции в Афганистан, идеологический конфликт между КПСС и Итальянской коммунистической партией (ИКП), в котором Югославия выступила на стороне последней; разногласия по поводу введения в 1981 г. в Польше военного положения и действий генерала Войцеха Ярузельского; проблема «бюрократического правления» в коммунистических странах,

³⁴⁰ *Stanković S.* Why has Yugoslavia increased its trade with the Soviet bloc. RFE-RL* Research. RAD Background report/208 (Yugoslavia). 21 July 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:31fb564b-b420-4459-8763-988f310f0858> (Дата обращения: 21.08.2022).

³⁴¹ Програм сарадње СФРЈ и СССР-а до 1990. // Политика. 25. септембар 1980. С. 1.

³⁴² *Stanković S.* Why has Yugoslavia... // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:31fb564b-b420-4459-8763-988f310f0858> (Дата обращения: 21.08.2022).

³⁴³ Ibid.

³⁴⁴ Пчели разговори Врховец – Громико // Политика. 6. април 1982. С. 1.

за разрешение которой выступала СФРЮ и проблема Движения неприсоединения, на назначение которого стороны смотрели по-разному. Причём в отличие от Белграда Москва не считала перечисленные противоречия принципиальными и в начале 1980-х гг. избегала полемики с Югославией на страницах своей официальной прессы.

Визит А. А. Громыко как члена Политбюро КПСС и министра иностранных дел СССР стал первым официальным визитом представителя высшего советского руководства после посещения Л. И. Брежневым похорон И. Броз Тито 8 мая 1980 г., поэтому в Белграде, настаивавшем на необходимости поддержания баланса в своих отношениях с Западом и Востоком, ему придавали особую важность.

В ходе визита Громыко встретился с председателем Президиума ЦК СКЮ Душаном Драгосавцем, в «дружеском» разговоре с которым было отдельно подчёркнуто «значение продолжения встреч и обмена мнениями между представителями СКЮ и КПСС в духе взаимного уважения и признания различий»³⁴⁵, т.е. был обозначен курс на дальнейшее развитие партийных контактов, что для Советского Союза, как центра коммунистического мира, было значимым с идеологической точки зрения. Стороны выразили обоюдную обеспокоенность по поводу обострения международной ситуации, обозначали конструктивную роль коммунистического, рабочего и других прогрессивных движений в борьбе за мир и развитие международного сотрудничества в соответствии с принципами миролюбивого сосуществования и лишь опосредованно коснулись наиболее критичных вопросов двусторонних отношений. Примерно в том же ключе прошли разговоры А. А. Громыко с В. Джурановичем, С. Крайгером и И. Врховцем, от лица которого в адрес советского народа прозвучала благодарность за «уважение и внимание, которое он [советский народ – *Примечание автора*] выразил, дав имя Тито площади в Москве и улице в Омске и издав юбилейную марку с изображением Тито»³⁴⁶. Основным посылом югославских руководителей советской делегации стал тезис о необходимости преодоления опасности мировой войны и возвращении к основам разрядки.

По результатам визита было опубликовано совместное коммюнике, не содержащее полноценной конкретики относительно возможности политического урегулирования и каких-либо упоминаний о наиболее острых сюжетах югославско-советских отношений, и акцентировавшее внимание на том, что встречи в Белграде были проведены «в атмосфере дружбы, открытости и взаимного уважения»³⁴⁷. В очередной раз стороны подтвердили взаимную приверженность принципам независимости, суверенитета, территориальной целостности, равноправия и невмешательства; выразили удовлетворение уровнем двустороннего

³⁴⁵ Громыко код Драгосавца // Политика. 6. апрел 1982. С. 1.

³⁴⁶ Отклонити опасност светског рата // Там же. С. 2.

³⁴⁷ *Stanković S.* After Gromyko's visit to Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/91 (Yugoslavia). 8 April 1982. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff2421fa-4bb5-4ddd-ae21-01d32e7af273> (Дата обращения: 21.08.2022).

сотрудничества, обеспокоенность по поводу последствий гонки вооружений и надежду на успешное продолжение деятельности СБСЕ; подчеркнули особую роль ООН в деле сохранения мира и решение международных проблем путём переговоров; выказали поддержку палестинскому народу в его борьбе за самоопределение и создание независимого государства под руководством Организации освобождения Палестины (ООП); указали на необходимость более активного включения развивающихся стран в мировую политику и становления нового международного экономического порядка³⁴⁸.

Посещение А. А. Громыко Белграда, как мы видим, не ознаменовалось какими-либо революционными заявлениями или решениями, что и не рассматривалось в качестве цели Москвой. Сам факт проведения довольно открытых и основательных переговоров в условиях нового витка холодной войны обозначал достижение определённого консенсуса в двусторонних отношениях. Югославские лидеры Д. Драгосавац, С. Крайгер, В. Джуранович и И. Врховец не могли предложить советской стороне ничего кроме того, что они унаследовали от Тито. Основной задачей Громыко в этих условиях было убедить югославское руководство избежать критики Советского Союза на XII Съезде СКЮ, назначенном на июнь 1982 г., которая могла бы быть воспринята в мире как «антисоветская демонстрация»³⁴⁹.

Несмотря на всю неоднозначность двусторонних контактов, Громыко пользовался неизменным уважением в Югославии, и его визит в итоге способствовал потеплению в югославо-советских отношениях. В югославской прессе его характеризовали как одновременно твёрдого и гибкого человека и писали о нём с симпатией. Можно предположить, что, если бы, как это изначально и планировалось, на переговоры с югославскими лидерами был бы отправлен К. У. Черненко³⁵⁰, они бы имели совершенно иной исход, что подтверждает наш тезис о значимости субъективного фактора в отношениях между Югославией и Советским Союзом.

В конце апреля 1982 г. Москву посетил союзный секретарь народной обороны (министр обороны) Югославии Никола Любичич, целью визита которого стало заверение Москвы в том, что Югославия готова защищать свою независимость и территориальную целостность в войне с «любым иностранным противником»³⁵¹. Визит Любичича, с одной стороны, имел демонстративный характер, а, с другой стороны, знаменовал собой перспективную интенсификацию югославо-советского взаимодействия в военной сфере.

³⁴⁸ Заједничко југословенско-совјетско саопштење // Политика. 7. април 1982. С. 2.

³⁴⁹ *Stanković S.* After Gromyko's visit... P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff2421fa-4bb5-4ddd-ae21-01d32e7af273> (Дата обращения: 21.08.2022).

³⁵⁰ Ibid.

³⁵¹ *Stanković S.* Yugoslavia's defense minister visits Moscow. RFE-RL* Research. RAD Background report/95 (Yugoslavia). 20 April 1982. P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c23af796-05d9-42a7-b4f8-67b0541f851b> (Дата обращения: 21.08.2022).

Определённое беспокойство у югославского руководства вызвала смерть председателя Президиума ВС СССР, генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, являвшегося сторонником равноправного и конструктивного диалога с Белградом. В частности, в официальных соболезнованиях, принесённых Президиумом СФРЮ по случаю кончины Брежнева, говорилось, что «народы и народности Югославии... высоко оценивают личный вклад Леонида Ильича Брежнева в развитие югославско-советской дружбы и всестороннего сотрудничества. Его встречи с президентом Тито внесли в наши отношения дух понимания, дружбы и взаимного уважения, которые сейчас являются хребтом югославско-советского... сотрудничества»³⁵². Опасения Белграда были связаны, главным образом, с тем, что новый генсек Ю. В. Андропов, сыгравший известную роль в принятии решения о вводе советских войск в Афганистан, может попытаться усилить давление на Югославию, в том числе и военными методами.

Через год после визита А. А. Громыко, в марте 1983 г. в Югославию приехал председатель Совета министров СССР Н. А. Тихонов³⁵³. В последний раз в качестве премьер-министра СССР Югославию посещал А. Н. Косыгин в 1973 г., что свидетельствует в пользу того, что югославско-советские отношения начали преодолевать продолжавшуюся долгое время стагнацию и выходить на новый уровень своего развития. Очередные переговоры виделись необходимыми в связи со смертью Брежнева и приходом к власти в Советском Союзе Андропова, сторонника более жёсткого внешнеполитического курса по отношению к капиталистическим странам.

В Белграде встречи с Тихоновым, результатом которых стало публичное признание существования противоречий и разногласий по политическим вопросам, провели П. Стамболич и М. Планинц. Можно утверждать, что факт признания наличия этих противоречий стал прорывным для двусторонних отношений, когда прежде лидеры государств предпочитали замалчивать или уходить от прямого обсуждения спорных вопросов, концентрируясь, главным образом, вокруг экономики и гуманитарной сферы. Полное взаимопонимание стороны нашли по вопросам разоружения, позитивной роли СБСЕ и ООН в обеспечении мира и разрешении международных проблем и конфликтов. Югославские партнёры настаивали на статусе Средиземноморья и Балкан как безъядерной «зоны мира и сотрудничества»³⁵⁴, что было с пониманием встречено советским премьером.

Представители двух стран также подписали «План выполнения долгосрочной программы экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СФРЮ до 1990 г.», перечислявший конкретные меры в области двустороннего сотрудничества и

³⁵² Саучешће Председништва СФРЈ // Политика. 13. новембар 1982.

³⁵³ Сусрет Планинц – Тихонов // Там же. 23. март 1983. С. 1.

³⁵⁴ Там же.

выступивший в качестве «гаранта его стабильности»³⁵⁵. Собеседники остались «довольны объёмом торговли, однако констатировали необходимость её модернизации в новых формах: кооперации, специализации, выхода на третьи рынки»³⁵⁶. Советское правительство выразило заинтересованность в планах Югославии относительно использования атомной энергии, а также сделало заказ на постройку двадцати речных кораблей и четырёх барж на югославских предприятиях на общую сумму в 180 млн долларов с целью оказания помощи югославской экономике³⁵⁷. В рассматриваемое десятилетие практика заказа СССР продукции тяжёлой индустрии в СФРЮ стала общей и в качестве цели преследовала поддержку югославского производства и рынка, несмотря на подчас низкое качество и сорванные сроки. Югославским руководством углубление экономического сотрудничества с СССР виделось неоднозначным: с одной стороны, оно было необходимым и неизбежным, с другой – сужало возможности выхода на западноевропейский рынок.

Тем не менее, СССР продолжал оставаться самым важным торговым партнёром Югославии: только за 1983 г. совокупная сумма товарообмена между странами превысила 6,5 млрд долларов³⁵⁸. Всего же согласно Соглашению об экономическом сотрудничестве между Югославией и Советским Союзом на 1981-1985 гг. объём торговли к концу указанного срока должен был составить 32 млрд долларов³⁵⁹, что превысило бы показатели за период с 1976 по 1980 г. Аналогичные соглашения, называемые протоколами об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, регулярно заключались сроком и на 1 год с целью более точного планирования нормативов и объёмов торгового сотрудничества. Приоритетное значение в структуре двусторонней торговли имел экспорт цветных металлов, продукции машиностроения и кораблестроения, лекарств и товаров широкого потребления (мебели, трикотажа, обуви, ковров, консервированных фруктов и овощей и пр.) в СССР и импорт сырьевых ресурсов (нефти, мазута, газа, электроэнергии, удобрений, целлюлозы, хлопка, чёрных металлов и пр.) из СССР. Немаловажное место в экономическом сотрудничестве двух стран занимал туризм, причём как советский в Югославию, так и югославский в Советский Союз.

Смерть Ю. В. Андропова вызвала сдержанный оптимизм в югославском руководстве, поэтому председатель Президиума СФРЮ М. Шпиляк и председатель Президиума ЦК СКЮ Д. Маркович поспешили воспользоваться возможностью посетить Москву и возглавили

³⁵⁵ Сусрет Планинци – Тихонов // Политика. 23. март 1983. С. 1.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ *Stanković S.* After Tihonov's visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/74 (Yugoslavia). 8 April 1983. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0eda2325-b914-4abe-a5d3-8339d674550c> (Дата обращения: 21.08.2022).

³⁵⁸ Потврда добрих економских односа // Политика. 20. јануар 1984. С. 4.

³⁵⁹ Там же.

делегацию СФРЮ на похоронах генерального секретаря³⁶⁰. Результатом переговоров Шпиляк и Марковича с руководителями КПСС в феврале 1984 г. стало выражение «взаимной заинтересованности в дальнейшем развитии дружеских отношений и расширение всестороннего сотрудничества двух стран и партий»³⁶¹.

К. К. У. Черненко, в отличие от Ю. В. Андропова, в Югославии относились как к временной и заведомо проигрышной фигуре, после ухода которой СССР неизбежно вступит в полосу реформ и преобразований³⁶². Югославские лидеры ожидали прихода к власти в СССР «нового Хрущёва», который мог бы извиниться перед Югославией за «ошибки прошлого» и рассчитывали, что отчасти подобную роль исполнит Черненко. В связи с этим, неслучайно, что именно на 1984 г. пришёлся видимый прогресс в югославско-советских отношениях³⁶³.

27 февраля – 1 марта 1984 г. по приглашению ВС СССР с официальным визитом Москву посетила югославская делегация во главе с заместителем председателя Президиума СФРЮ В. Жарковичем³⁶⁴. Помимо Жарковича в состав делегации вошли союзный секретарь иностранных дел Л. Мойсов и член СИБ Йон Србован. С советской стороны переговоры возглавили первый заместитель председателя Президиума ВС СССР, временно исполняющий обязанности его председателя В. В. Кузнецов, генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко и министр иностранных дел А. А. Громыко.

В ходе переговоров стороны откровенно и прямолинейно высказывали друг другу взаимные опасения и делились ожиданиями по поводу будущего двусторонних контактов. Советское руководство заверило Жарковича в том, что Москва всецело поддерживает югославские мирные инициативы и, более того, выступает за «заключение договора о ненападении между Варшавским договором и НАТО и требует, чтобы западные страны отказались от возможности превентивного применения ядерного оружия»³⁶⁵. На встрече обсуждались все основные международные проблемы, причём советская сторона акцентировала внимание на том, что «признает и учитывает роль Югославии в Движении неприсоединения»³⁶⁶ и считает её участие в организации «важным фактором для упрочения положения Югославии в мире»³⁶⁷. Жаркович, в свою очередь, отметил, что «отношения мы [СФРЮ и СССР – *Примечание автора*] создали и укрепили совместными усилиями, руководясь

³⁶⁰ Мимоход у Сали стубова // Политика. 12. фебруар 1984. С. 1.

³⁶¹ Повольни токови сарадње // Там же. 27. фебруар 1984. С. 3.

³⁶² *Stanković S.* Belgrade *Komunist* sees Yugoslav-Soviet relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/62 (Eastern Europe). 17 April 1984. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:f27902c2-8609-429b-a3bb-870940eb4047> (Дата обращения: 21.08.2022).

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Жарковић у Москви // Политика. 28. фебруар 1984. С. 1.

³⁶⁵ Сусрет Жарковић – Черњенко // Там же. 29. фебруар 1984. С. 5.

³⁶⁶ *Stanković S.* Belgrade *Komunist* sees... P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:f27902c2-8609-429b-a3bb-870940eb4047> (Дата обращения: 21.08.2022).

³⁶⁷ Ibid.

интересами наших народов, посредством взаимного уважения различий в международном положении наших двух стран и собственных путей социалистического развития»³⁶⁸. По сути, это заключение означало отсутствие между двумя странами каких-либо принципиальных противоречий и нерешенных проблем. В очередной раз были подтверждены торговые и экономические договорённости и принято решение об увеличении объёмов взаимного импорта и экспорта.

Однако наибольшие ожидания со стороны СФРЮ возлагались на Советский Союз после прихода к власти М.С. Горбачева и объявлении им политики «перестройки» и «нового политического мышления». Предполагалось, что политические противоречия окончательно останутся в прошлом, а экономическая помощь Югославии со стороны СССР увеличится. Отношение к «перестройке» в СФРЮ было позитивным и выжидательным. Югославское руководство внимательно следило за её экономическими последствиями, равно как и за самим процессом демократизации и либерализации в Советском Союзе³⁶⁹. Несмотря на негативные экономические результаты, местные политики были впечатлены ходом демократических преобразований и решимостью Горбачева. На XIII Съезде СКЮ в июне 1986 г. занявший к этому времени пост председателя Президиума ЦК СКЮ В. Жаркович в своей речи даже советовал коммунистическим партиям Восточной Европы пересмотреть свои программы и начать перенимать опыт СССР³⁷⁰.

Первая встреча югославских лидеров с новым генеральным секретарём состоялась в Москве в марте 1985 г. в дни прощания с К. У. Черненко. Югославскую делегацию тогда по сложившейся традиции возглавили председатель Президиума СФРЮ и председатель Президиума ЦК СКЮ – В. Джуранович и Али Шукрия соответственно³⁷¹. В целом, Горбачёв произвёл на своих югославских коллег благоприятное впечатление руководителя «нового типа», с которым можно было вести конструктивный диалог и который был способен идти на компромиссы. Предполагалось, что историю югославо-советских отношений ожидает новая веха³⁷².

В июне 1985 г. в Белграде на 23-м заседании смешанного югославо-советского комитета, проходившего под председательством заместителя председателя СИБ Борислава Сребрича и первого заместителя председателя Совета министров СССР И. В. Архипова, было подписано очередное соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве

³⁶⁸ Здравнице на ручку у Кремљу // Политика. 29. фебруар 1984. С. 6.

³⁶⁹ Шеварнадзе код Мојсова // Там же. 21. јун 1987. С. 1.

³⁷⁰ Perestroika and the Party. National and Transnational Perspectives on European Communist Parties in the Era of Soviet Reform. New York, 2019. P. 107.

³⁷¹ Добра основа за већу размену // Политика. 20. јун 1985. С. 2.

³⁷² См.: Perestroika and the Party...

сроком на пять лет – с 1986 по 1990 г.³⁷³ В соответствии с ним планировалось расширение кооперации в области производства «микропроцессоров, средств автоматики, энергетики, разработки новых материалов и биотехнологий»³⁷⁴, машиностроения, судостроения, строительства, а также производства и торговли товарами народного потребления. Торговый обмен должен был достичь суммы в 40 млрд долларов к исходу 1990 г.³⁷⁵ или даже превысить её, как это было с показателями за предыдущий пятилетний период. Именно в рамках этого соглашения, например, в 1986 г. сельскохозяйственный комбинат «Белград» заключил контракт суммой в 60 млн долларов на строительство трёх заводов по изготовлению упаковки и одной кондитерской фабрики в Краснодарском крае, а также нескольких аграрных производств в Московской области³⁷⁶. В качестве ещё нескольких конкретных примеров реализации соглашения можно привести контракт между риекским судостроительным заводом «Третий Май» и московским «Судимпортом» на поставку плавучего крана; поставки оборудования, которые осуществляли югославские предприятия «Беле» и «Хемпро» для советских производств по переработке рыбного сырья и изготовления фруктовых соков³⁷⁷, а также договоры югославской фирмы «Монтекс» с СССР на строительство гостиниц в Москве и Ленинграде на сумму около 100 млн долларов³⁷⁸.

Подписанные в июне 1985 г. договорённости были закреплены на более высоком уровне 3-7 июля того же года, когда в Москву прибыла председатель СИБ М. Планинц, обсудившая задачи югославо-советского сотрудничества и актуальную международную повестку с Н. А. Тихоновым и М. С. Горбачёвым³⁷⁹ и пригласившая их посетить Югославию с ответным визитом. Таким образом, стороны и словом, и делом демонстрировали своё желание интенсифицировать всестороннее – но, в первую очередь экономическое, – сотрудничество, что, разумеется, в большей степени отвечало интересам Югославии, сталкивающейся с острой проблемой сбыта продукции и рассчитывающей использовать этот фактор в качестве рычага воздействия на западных кредиторов.

Своеобразным манифестом югославо-советских отношений на срок до 1991 г. стало совместное сообщение СССР и СФРЮ по итогам официального визита Планинц, в котором подчёркивалось «значение традиционных встреч и обмена мнениями руководителей двух стран в вопросах определения основных направлений и перспектив развития отношений СФРЮ и СССР»; утверждалось, что «две страны выступают за ликвидацию ядерной угрозы, прекращение гонки вооружений, общее и достаточное разоружение под строгим и

³⁷³ Добра основа за већу размену // Политика. 20. јун 1985. С. 2.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ ПКБ гради четири фабрике у Кубану // Там же. 11. април 1986. С. 1.

³⁷⁷ Потписан пословни уговор СФРЈ – СССР // Там же. 7. јун 1986. С. 2.

³⁷⁸ “Монтекс” ће градити хотеле у Москви и Лењинграду // Там же. 8. мај 1988. С. 2.

³⁷⁹ Сусрет Горбачова и Милке Планинц // Там же. 5. јул 1985. С. 1-2.

эффективным международным контролем и поддерживают двусторонние и многосторонние переговоры, направленные на достижение этих целей»; «Югославия и СССР считают значимым процесс советско-американских переговоров», а также «обновление процесса разрядки в Европе, радикального снижения уровня военной конфронтации, укрепления доверия и безопасности»: подтверждалось «значение СБСЕ в деле сохранения стабильности и мира на европейском континенте», «позитивное отношение к инициативе по созданию безъядерных зон», «роль Движения неприсоединения в борьбе за мир... разоружение и снижение международной напряжённости, против империализма, колониализма, неоколониализма, расизма, апартеида, как и всех видов агрессии, вмешательства, гегемонии в политической и экономических областях и за становление нового экономического порядка»³⁸⁰ и т.д.

В последующие несколько месяцев Югославию посетили председатель Совета министров РСФСР и член Политбюро В. И. Воротников и другие советские официальные лица, что подтверждает тезис об усиленной активизации югославско-советских отношений, происходившей на фоне улучшения отношений между СССР и США, с большим оптимизмом и надеждой воспринятом в Югославии.

9 января 1986 г. с визитом в СССР по приглашению советской стороны прибыл шеф югославской дипломатии Р. Диздаревич³⁸¹. В Москве он беседовал с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе и председателем Президиума Верховного Совета А. А. Громыко. Первые встречи Диздаревича и Шеварнадзе состоялись ещё в 1985 г. в Хельсинках во время подписания Протокола о сокращении выбросов серы, а затем на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке и отметились выражением взаимной симпатии, уважения и понимания³⁸². Важным итогом московских переговоров 1986 г. стало подписание очередной трёхлетней программы культурного и образовательного сотрудничества. Подобные программы подписывались раз в три года и базировались на Соглашении о культурно-образовательном сотрудничестве СССР и СФРЮ от 29 мая 1974 г. В рамках новой программы к сотрудничеству привлекались около 130 учреждений культуры обеих стран, планировался «обширный обмен» в области музыки, театра, изобразительного искусства, изучения языка, издательской деятельности и пр.³⁸³. Общее заключение по результатам встречи дублировало все основные постулаты, на которых основывались двусторонние отношения, т.е. приверженность принципам Белградской декларации 1955 г. и Московской декларации 1956 г. (30-летие которых отмечалось в 1985 и 1986 гг. соответственно), признанию и уважению различий в путях социалистического развития и месте в системе международных отношений, ориентации на

³⁸⁰ Из югословенско-советског саопштења // Политика. 8. јул 1985. С. 2.

³⁸¹ Разговори Шеварнадзе – Диздаревић // Там же. 9. јануар 1986. С. 1.

³⁸² Там же.

³⁸³ Добри и стабилни односи // Там же. 10. јануар 1986. С. 2.

углубление всестороннего сотрудничества, особенно – экономического. В том же духе прошли и переговоры Диздаревича с Громыко.

9 декабря 1986 г. в Москву прибыл председатель Президиума ЦК СКЮ Миланко Реновица³⁸⁴. В Москве и Белграде переговорам на высшем партийном уровне придавалось особое значение, поскольку «обе страны находились в условиях непосредственно после съездов, когда обе Партии прилагали огромные усилия для преодоления трудностей во внутреннем развитии»³⁸⁵. Очевидные параллели во внутривластной ситуации, сложившейся в СФРЮ и СССР, делали взаимный обмен опытом особо актуальным и ценным. Более того, по мнению югославской стороны, Советскому Союзу, «недавно признавшему независимость социалистических путей»³⁸⁶, был бы полезен обмен мнениями с югославскими коллегами, которые «давно следуют этому принципу и имеют богатый опыт сотрудничества в международном рабочем движении»³⁸⁷. В условиях «перестройки» югославские государственные деятели наконец могли чувствовать себя полностью равноправными по отношению к советскому руководству, а порой и консультировать его по отдельным вопросам, опираясь, например, на свой опыт взаимодействия с западными государствами и организациями. Разумеется, подобный расклад на заре горбачёвской «перестройки» способствовал тому, что югославы стремились всячески усилить и углубить контакты с Москвой³⁸⁸.

Однако «перестройка» рождала и негативные тенденции в югославско-советских отношениях, касавшиеся экономической стороны сотрудничества: на повестку вставал вопрос о необходимости «выравнивания взаимного торгового баланса»³⁸⁹, уменьшения зависимости Югославии от экспорта товаров и услуг в Советский Союз, оказавшегося на пороге глубокого общественного кризиса, и поиск новых «современных и качественных видов экономического сотрудничества между предприятиями двух стран»³⁹⁰. Советский Союз неоднократно предлагал увеличить поставки своих товаров, дабы преодолеть торговый дисбаланс, что раз за разом отвергалось Югославией.

20 июня 1987 г. начался рабочий визит Э. А. Шеварнадзе в Белград, в рамках которого он провёл переговоры с Р. Диздаревичем, М. Реновицей, Б. Микуличем и Л. Мойсовым³⁹¹, на которых откровенно информировал югославскую сторону о ходе «перестройки», её положительных и негативных результатах; признал прошлые ошибки Москвы в отношениях с

³⁸⁴ Повольни токови сарадње // Политика. 9. децембар 1986. С. 1.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ См. подробнее: Диздаревић Р. Од смрти Тита до смрти Југославије: свједочења. С. 121-185.

³⁸⁹ Како смањити југословенска потраживања од СССР-а // Политика. 15. мај 1987. С. 2.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Разлике обогаћују социализм // Там же. 20. јун 1987. С. 1.

Белградом «из-за попыток вмешательства в чужой опыт»³⁹², а также сообщил о твёрдом намерении М. С. Горбачёва посетить Югославию до конца текущего года. На переговорах были подтверждены решение открыть в Москве югославский культурно-информационный центр; готовность и далее расширять экономическое сотрудничество и научно-техническое сотрудничество с ориентацией на прямую кооперацию между рабочими организациями двух стран; необходимость снизить высокий уровень югославского профицита в двусторонней торговле и пр. По традиции речь зашла о процессе разоружения, положении неприсоединения, ситуации на Ближнем Востоке, в Афганистане, Кампучии и на юге Африке – по всем этим вопросам стороны выразили солидарность и полное согласие. Отдельный разговор касался Средиземноморья и его демилитаризации: Шеварнадзе выказал готовность СССР вывести 5-ю эскадру кораблей ВМФ из вод Средиземного моря, что было воспринято югославским руководством как своеобразная дипломатическая победа³⁹³. По завершении своего визита советский министр иностранных дел дал обширное интервью информационному агентству «Танюг», в котором отметил, что «контакты между Советским Союзом и социалистической Югославией развиваются равномерно стабильно в соответствии с взаимной выгодой и на основании принципов равноправности и взаимоуважения»³⁹⁴.

Долгожданный официальный визит М. С. Горбачёва в Югославию в итоге состоялся 14-18 марта 1988 г. Этому событию придавалось «чрезвычайное значение», поэтому оно более чем широко и детально освещалось как в югославской и советской, так и в иностранной прессе. Всего аккредитацию на освещение события тогда получили более 700 журналистов из разных стран мира, причём из них одних только советских – 60, а югославских – 290³⁹⁵. «Политика» ежедневно отдавала несколько полос под описание переговоров. Качественное осмысление визита содержится в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных исследователей³⁹⁶, поэтому в данной работе автор не счёл необходимым слишком подробно останавливаться на его рассмотрении и анализе.

Итак, главные ожидания общественности от визита М. С. Горбачёва в Югославию были связаны с подписанием совместной югославско-советской декларации, которая, базируясь на принципах Белградской и Московской деклараций, должна была «осовременить взгляды двух стран на взаимные отношения и наиболее актуальные долгосрочные сущностные вопросы из

³⁹² Разлике обogaђују социализм // Политика. 20. јун 1987. С. 1.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Интервју Едуарда Шеварнадзеа Тањугу // Там же. 22. јун 1987. С. 1.

³⁹⁵ Акредитовано 660 извештача // Там же. 15. март 1988. С. 2.

³⁹⁶ Например, Гуськова Е. Ю. Сербия ждала поддержки // Новая и новейшая история. 2019. №5. С. 128-144; Едемский А. Д. О визите М. С. Горбачева в Югославию в марте 1988 года // Slobodan Milosevic: put ka vlasti. Osmi sednica SK SKS: uzroci, tok i posledice, Beograd, 2008; Польшов М. Ф. Внешняя политика Горбачёва 1985-1991 годы. СПб, 2014.

области международных отношений»³⁹⁷. На основании исключительно дружелюбного настроения, с которым Горбачёв приехал в СФРЮ, югославы делали преждевременные выводы о готовности СССР и генсека лично оказывать как моральную, так и реальную поддержку Югославии в будущем. Схожесть и в чём-то даже общность процессов, происходящих в двух странах, должны были открыть перед ними новые возможности двустороннего сотрудничества: игнорируемый в Советском Союзе прежде опыт югославского самоуправления вдруг стал необычайно востребованным и насущным.

В ходе переговоров Горбачёва с председателем Президиума СФРЮ Л. Мойсовым, председателем Президиума ЦК СКЮ Бошко Круничем, председателем СИБ Б. Микуличем и министром иностранных дел Б. Лончаром произошёл обстоятельный обмен мнениями по широкому кругу вопросов, которые условно можно разделить на три группы: актуальные вопросы международных отношений, экономического сотрудничества СФРЮ и СССР и межпартийных связей СКЮ – КПСС.

Первая группа вопросов включала в себя темы разоружения, урегулирования на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на юге Африки, положения на Балканском полуострове и в средиземноморском регионе, роли Движения неприсоединения, значения общеевропейского процесса в рамках СБСЕ и пр. По результатам их рассмотрения было подчёркнуто, что «оценка современного мира Советским Союзом и Югославией совпадает»³⁹⁸, а «их политика на международной арене близка»³⁹⁹.

Обсуждались вопросы экономического сотрудничества между СССР и СФРЮ, подчёркивалась необходимость создания новых форм кооперации, в т.ч. в виде совместных предприятий. Была выражена обеспокоенность по поводу падения показателей товарооборота, которые неуклонно снижались с 1986 г. и должны были составить в конце 1988 г. всего 5,9 миллиардов долларов, а также югославского профицита в его структуре, составлявшего порядка 1,4 млрд долларов⁴⁰⁰. Т.е. сложилась нетипичная ситуация, при которой СССР был должен Югославии более 1 млрд долларов, что было связано, главным образом, с падением цен на нефть, в условиях когда 85 % советского экспорта в СФРЮ составляли именно природные ресурсы⁴⁰¹. В качестве меры преодоления этой диспропорции предлагалось уменьшить импорт из Югославии, что естественным образом вызвало возражения последней. Столь пристальное внимание к вопросам экономических контактов было неслучайным: в списке торговых

³⁹⁷ Програм боравка Горбачова у Југославији // Политика. 12. март 1988. С. 2.

³⁹⁸ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, 14-18 марта 1988. Москва, 1988. С. 5.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Горбачов данас у Београду // Политика. 14. март 1988. С. 1.

⁴⁰¹ Там же.

партнёров Югославии на 1988 г. СССР занимал первое место⁴⁰². Из 140 торговых партнёров СССР Югославия, если не учитывать шесть восточноевропейских стран-членов ОВД, занимала второе место⁴⁰³.

Межпартийные контакты Б. Круничем и М. С. Горбачёвым были оценены как «довольно развитые и очень успешные»⁴⁰⁴. Крунич отдельно выразил симпатии проводимой Горбачёвым политике «перестройки»: «Мы желаем братскому советскому народу успеха в перестройке, которая позволит наиболее полно раскрыть творческие способности, материальный и духовный потенциал общества. Это имело бы огромное значение для роста авторитета и притягательности социализма»⁴⁰⁵. Им также была артикулирована готовность и дальше развивать связи между СКЮ и КПСС, интенсифицировать свободный диалог и совместно решать глобальные международные проблемы. В свою очередь Горбачёв высказал абсолютное уважение независимому социалистическому курсу Югославии.

15 марта были подписаны совместные югославско-советские документы, в числе которых Декларация, Программа экономического сотрудничества до 2000 г., соглашение об информационно-культурном центре СФРЮ в Москве и соглашение о взаимном признании документов об образовании и учёных степеней⁴⁰⁶, а 16 марта М. С. Горбачёв выступил перед Скупщиной СФРЮ, в которой изложил своё видение истории советско-югославских отношений, судеб и проблем мирового социализма, современных международных отношений, «общеевропейского» процесса: «Советский Союз от всего сердца поддерживает новые инициативы Болгарии, Румынии, Югославии и Греции, связанные с уменьшением военной активности; согласен с выводом с полуострова иностранных войск и военных баз; готов предоставить все необходимые гарантии, если будет принято решение о создании на Балканах безъядерной зоны»⁴⁰⁷. В своём выступлении Горбачёв также подтвердил готовность СССР вывести свой военный флот из Средиземного моря и обозначил конкретные меры и сроки реализации этого решения в жизнь.

Весьма обстоятельной была беседа советского лидера с сербским руководством в лице председателя Президиума СР Сербии Петара Грачанина и председателя Президиума ЦК СК Сербии С. Милошевича, в которой особое внимание уделялось вопросам сотрудничества СР Сербии и РСФСР в сферах экономики, науки, техники, образования, культуры и спорта. «Было бы замечательно, если бы русский и сербский народы показали хороший пример другим нашим

⁴⁰² Горбачов данас у Београду // Политика. 14. март 1988. С. 1.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Разговори Крунић – Горбачов // Там же. 16. март 1988. С. 1.

⁴⁰⁵ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, 14-18 марта 1988. Москва, 1988. С. 15.

⁴⁰⁶ Разговори Крунић – Горбачов // Политика. 16. март 1988. С. 1.

⁴⁰⁷ Снага социјализма је у богатству и разноврсности искустава // Там же. 17. марта 1988. С. 2.

республикам»⁴⁰⁸, – заявил Горбачёв, давая оценку уровню двусторонних российско-сербских отношений. В руководстве Сербии ещё со времён Ивана Стамболича была распространена точка зрения, что будущее Югославии в большей степени зависит именно от СССР, поскольку он «каким-то образом способен помочь решить сербам вопрос с албанским национализмом в Косово»⁴⁰⁹. В этой связи вовсе неслучайно то, какое значение придавали визиту Горбачёва Грачанин и Милошевич и то, насколько внимательно они приняли его в Новом дворце. Градоначальником Белграда Александаром Бакочевичем Горбачев даже был награждён золотой памятной медалью города Белграда, что явилось знаком особого почтения по отношению к высокому гостю. Однако несмотря на внешнее дружелюбие, С. Милошевич, по мнению отечественного балканиста С. А. Романенко, с большим предубеждением относился к личности Горбачёва и проводимым им преобразованием⁴¹⁰.

В рамках своего визита Горбачёв также посетил Люблян и Дубровник, где встретился с руководством СР Словении и СР Хорватии, которое в гораздо большей степени симпатизировало М. С. Горбачёву и проводимым им реформам.

Интересна та оценка, которую после переговоров, главе советского государства дал председатель Президиума ЦК СКЮ Б. Крунич: «Горбачёв оставил впечатление достаточно общительного и непосредственного политика. Очевидно, что он человек широкого спектра интересов и довольно информирован. Человек с большим опытом и широким образованием, человек, который умеет слушать собеседника»⁴¹¹. Сами переговоры Крунич охарактеризовал следующим образом: «Они были полностью открытыми и дружескими. Это не была серия монологов, но непрерывный диалог, который содержал обмен мнениями и идеями, поиск лучших решений»⁴¹². Аналогичным образом высказался и председатель Президиума СФРЮ Л. Мойсов: «Не было ни одного вопроса как относящегося к нашим отношениям, так и международным в принципе, который мы бы не затронули в этом широком и открытом обмене мнениями»⁴¹³.

Из всего вышесказанного следует то, что отношения между СССР и СФРЮ после марта 1988 г. должны были выйти на новый исторический уровень. В действительности значительной интенсификации связей не произошло по той причине, что обе страны уже к исходу

⁴⁰⁸ Разговор Горбачова и Милошевића // Политика. 17. март 1988. С. 4.

⁴⁰⁹ Yugoslavia – USSR: Can Gorbachev Lure Belgrade back? EUR 87-10031L. December, 1987. P. 8. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08s01350r000300910001-4> (Дата обращения: 24.08.2022).

В. Кадиевич в своих мемуарах сообщает о том, что советское военное руководство в целом готово было поддержать планы генералитета ЮНА по предотвращению распада СФРЮ путём организации военного переворота. См.: *Кадиевич В. Д.* Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). Книга II. С. 91.

⁴¹⁰ *Романенко С. А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века - 1991 год). М., 2011.

⁴¹¹ Крунић: Дијалог, а не монолози // Политика. 19. марта 1988. С. 2.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Мойсов: Нове перспектива односа // Там же. С. 2.

десятилетия встали перед перспективой своего распада. В этих условиях двустороннее взаимодействие отошло на второй план по сравнению с налаживанием отношений с капиталистическими странами. Ослабевающий СССР не мог предоставить Югославии необходимую поддержку, а Югославия в глазах СССР представлялась малым государством, взаимосвязи с которой не могли принести ему выгоды и закрепить его место в обновлённой конфигурации европейских и мировых держав.

В сфере экономического сотрудничества проблемы и вовсе не то, чтобы не были разрешены, но обострились: к лету 1989 г. советский клиринговая задолженность перед СФРЮ составила уже 2,1 млрд долларов⁴¹⁴, что стало причиной введения Советским Союзом с 1 июня 1989 г. лицензий на импорт югославских товаров и услуг. Одной из мер по уменьшению советской задолженности явилось подписание Соглашения о консорциуме по строительству и финансированию газопроводов высокого давления в Югославии между советской фирмой «Машиноимпорт» и белградской «Инвест-импорт» на сумму около 140 млн долларов⁴¹⁵. Предполагалось, что это решение позволит избежать сокращения объёмов югославского импорта в СССР. В 1990 г. было подписано очередное Соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве на пятилетний период, согласно которому сумма торгового обмена к исходу 1995 г. должна была составить всего 30 млрд долларов⁴¹⁶, что на 10 млрд долларов меньше, чем в аналогичном договоре, подписанном в 1985 г., причём структура товарообмена не менялась – природные ресурсы взамен на оборудование, технологии и товары народного потребления. Так, например, в 1991 г. Советский Союз обязался поставить Югославии от двух до трёх миллионов тонн нефти в обмен на строительство нескольких деревообрабатывающих заводов и кондитерских фабрик, а также ремонт компрессорных станций и нефтяных скважин⁴¹⁷.

Стоит обратить внимание, что несмотря на глубокий экономический кризис и проблемы югославо-советских экономических отношений, Югославия не осталась безучастной в отношении стихийного бедствия, поразившего Армянскую ССР в декабре 1988 г., отправив в первые дни после землетрясения более 100 своих специалистов для ликвидации последствий трагедии⁴¹⁸, а также гуманитарную помощь весом в 150 тонн⁴¹⁹ (по состоянию на конец 1988 г.), включавшую многочисленные наименования лекарственных средств, медицинские материалы и

⁴¹⁴ Брига југословенских привредника // Политика. 5. јун 1989. С. 4.

⁴¹⁵ Подписан споразум о изградњи гасовода у нашој земљи // Там же. 14. јуна 1989. С. 1.

⁴¹⁶ Робна размена вредна тридесет милијарди долара // Там же. 20. јануар 1990. С. 2.

⁴¹⁷ Југославија увозе шест милиона тона нафте из СССР-а // Там же. 3. новембар 1990. С. 5.

⁴¹⁸ Југославија шаље лекове и стручњаке // Там же. 12. децембар 1988. С. 2.

⁴¹⁹ У Јерменију послато 150 хиљада тона лекова // Там же. 12. јануар. С. 1.

оборудование. Гражданами и рабочими коллективами для пострадавших было собрано более 200 млн динаров⁴²⁰.

Сохранялась традиция регулярных встреч между югославскими и советскими руководителями, не приводившая, впрочем, к качественному рывку в двусторонних отношениях. Разница с предшествующими годами заключалась в том, что отныне переговоры велись без взаимной опаски, в атмосфере открытости и согласия. В конце 1988 г. с целью обсуждения вопросов военно-экономического сотрудничества в Югославию прибыла делегация министерства обороны СССР во главе с министром Д. Т. Язовым⁴²¹. В ходе визита Язов не только беседовал с высшими чинами Югославской Народной армии Велько Кадиевичем, Жарко Вуясиновичем и Стане Броветом, но и посетил Авиационно-технический институт в Жарково и Центр высших военно-морских училищ им. Маршала Тито в Сплите. Усиление сотрудничества в военной сфере говорило о постепенном преодолении подозрений югославской стороны по отношению к СССР, причём серьёзные подвижки наметились ещё в 1985 г., когда Белград принял решение о покупке шестнадцати истребителей МиГ-29 для своих ВВС⁴²² и в 1987 г., когда он дал согласие на «ограниченное обслуживание советских военных кораблей в одном из своих адриатических портов»⁴²³. Советский Союз также всячески поощрял прохождение кадровой и технической подготовки югославских офицеров на базе советских военных образовательных учреждений. Можно предположить, что Москва рассчитывала на то, что югославское военное руководство может сыграть важную роль в случае серьёзного обострения внутривосточной обстановки в СФРЮ, поэтому уделяла вопросам военного сотрудничества особое внимание.

В ноябре 1989 г. Советский Союз посетил министр иностранных дел Югославии Б. Лончар. В Москве он беседовал с М. С. Горбачёвым и Э. А. Шеварнадзе, главным образом, о путях обновления социализма и проблемах социалистического мира. В ходе переговоров стороны пришли к заключению, что «советско-югославские отношения... совершенно не обременены идеологизацией и какими-либо предрассудками и опираются на твёрдые и реалистические принципы»⁴²⁴. Главными же итогами встреч стало подписание нового договора о культурном сотрудничестве до 1992 г. и принятие решения о формировании специальной группы для скорейшего преодоления советского дефицита в двусторонней торговле. Свои впечатления от визита Лончар выразил в следующем комментарии, данном прессе: «Достаточно долгое время я работаю в югославской дипломатии, но могу сказать, что встречи и

⁴²⁰ У Јерменију послато 150 хиљада тона лекова // Политика. 12. јануар. С. 1.

⁴²¹ Посета совјетског министра одбране // Там же. 16. новембар 1988. С. 2.

⁴²² Yugoslavia – USSR: Can Gorbachev Lure Belgrade back? EUR 87-10031L. December, 1987. P. 7. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08s01350r000300910001-4> (Дата обращения: 24.08.2022).

⁴²³ Ibid.

⁴²⁴ Сарадња без идеологизације // Политика. 1. новембар 1989. С. 2.

разговоры, которые имел здесь, одни из моих самых значимых дипломатических трофеев»⁴²⁵. Нам представляется, что эти слова более, чем красноречиво характеризуют состояние югославно-советских отношений в конце 1980-х гг. Неслучайным кажется и то, что первой европейской страной, которую счёл необходимым посетить после своего назначения в декабре 1990 г. новый министр иностранных дел СССР А. А. Бессмертных, стала именно Югославия (сам визит состоялся в апреле 1991 г.)⁴²⁶. Причина легко объяснима – общность внутренних процессов, происходивших в СССР и СФРЮ, и драматическое падение показателей торгового сотрудничества, являвшегося одним из залогов экономической стабильности СФРЮ и связанного в том числе с неудачными попытками Югославии интегрироваться в западноевропейское пространство.

Что же касается позиции СССР по поводу событий разгоревшихся в 1991 г. в СФРЮ, то она была предельно ясно выражена А. А. Бессмертных: «Советский Союз выступает за единую Югославию как страну, играющую важную и активную роль в Европе, Движении неприсоединения и в международных отношениях в целом»⁴²⁷. Советское руководство считало, что происходящее в Югославии – это её внутреннее дело, которое было бы ошибочным интернационализировать⁴²⁸. Примечательно, что во время своего визита в Югославию Бессмертных отказался от встреч с руководством СР Сербии и СР Словении, которые попытались инициировать С. Милошевич и М. Кучан, обосновав это нехваткой времени⁴²⁹.

В июне 1991 г. по приглашению югославской стороны с двухдневным визитом в Югославию прибыл советский премьер В. С. Павлов, целью которого было обсуждение всё более углублявшихся экономических проблем двустороннего сотрудничества. Стороны признали, что адекватного решения этих проблем на текущий момент найти невозможно, поскольку «обе страны проходят через период бурного развития»⁴³⁰. Вместе с тем, была артикулирована необходимость предпринимать всё новые меры для преодоления возникших сложностей, например, в виде создания совместных предприятий. Павлов ещё раз дал югославским лидерам понять, что Советский Союз не собирается вмешиваться во внутренние дела Югославии и видит её настоящее и будущее только в качестве «единой, сильной и свободной»⁴³¹ страны. Стратегия Югославии в отношении дезинтеграционных процессов в СССР не была единой: федеральный центр лишь наблюдал за происходящими событиями, но не решался давать им однозначную оценку. Сербия, скорее, негативно смотрела на процесс

⁴²⁵ Све више отворености // Политика. 3. новембар 1989. С. 2.

⁴²⁶ Данас долази Бесмертних // Там же. 8. април 1991. С. 1.

⁴²⁷ Свет о збивањима у Југославији // Там же. 20. март 1991. С. 6.

⁴²⁸ См.: Гуськова Е. Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985-1995). М., 2022.

⁴²⁹ Свет о збивањима у Југославији // Политика. 20. март 1991. С. 6.

⁴³⁰ Јачање економске сарадње две земље // Там же. 9. јун 1991. С. 1.

⁴³¹ Там же.

распада СССР, в то время как Хорватия и Словения симпатизировали деятельности Горбачёва. Более того, характер дезинтеграционных процессов в двух странах кардинально различался: если советское руководство было готово само наделять республики особыми правами и привилегиями, то югославское, наоборот, боролось за их ограничение.

Таким образом, отношениям между СССР и СФРЮ на протяжении рассматриваемого периода не была свойственна статичность. Из соображений экономической пользы титовским «наследникам» приходилось закрывать глаза на идеологические разногласия с СССР, многие из которых уже и вовсе начали терять свою актуальность. Приход к власти М.С. Горбачева и начало «перестройки» ознаменовали начало нового этапа в двусторонних отношениях, выразившегося, прежде всего, в подписании Декларации о советско-югославских отношениях 1988 г. и признании Москвой своей ответственности за события 1948 г., развитию которому не дали обострившиеся экономические проблемы и дезинтеграционные процессы внутри СФРЮ и СССР.

Гармонизация отношений с Москвой рассматривалась Белградом как дипломатическая победа, средство повышения собственного престижа в «третьем мире», возможность сосредоточиться на решении внутренних проблем, а также как инструмент давления на западные страны. В свою очередь, руководство СССР не питало иллюзий по поводу возможного отказа Югославии от своих внешнеполитических амбиций, связанных с участием в Движении неприсоединения, или от расширения сотрудничества с Западом, тем более, что две наиболее экономически состоятельные республики в этом плане были настолько категоричны, что ни в коем случае не позволили бы состояться серьёзному югославско-советскому сближению. Москва также поспешила дистанцироваться от внутренних югославских проблем, памятуя о том, что в прежние годы даже ненавязчивые советские предложения по их решению, вызывали у Белграда резкое возмущение и раздражение.

2.2. Югославия и Восточная Европа: прагматичное партнёрство

Отношения СФРЮ с Организацией Варшавского договора (ОВД) в 1980-е гг. в целом можно назвать нейтральными за исключением тех случаев, когда организацией проводились военные манёвры вблизи югославских границ и стране приходилось держать силы ЮНА в полной боевой готовности из соображений национальной безопасности. Свою политику применительно к военно-политическим блокам Югославия стремилась базировать на основе принципа балансирования и не допускать обострения ситуации в тех случаях, когда на то не имелось реальной необходимости. Вместе с тем, как и десятилетиями ранее, югославское руководство, неоднократно получавшее заверения со стороны Советского Союза в

дружелюбности намерений и отсутствии планов нападения, все ещё не исключало возможности прямого военного вторжения СССР в пределы СФРЮ. Связано это было не только со страхом перед мощью Советского Союза и недоверием к нему, но и проблематичным характером двусторонних отношений с некоторыми из членов ОВД, например, Болгарией.

В декабре 1980 г. в Москве состоялся очередное совещание стран ОВД, на проведение которого СФРЮ отреагировала весьма болезненно. По мнению югославского руководства итоговое совместное коммюнике содержало, в частности, такие формулировки, которые указывали на то, что «давление и вмешательство со стороны Москвы и её союзников <в дела своих непосредственных членов (Польши) и третьих стран> остаются возможными»⁴³². В этой связи роли ЮНА в государстве и обществе уделялось особое внимание, а кадровый офицерский состав обрастал всё новыми правами и прерогативами. Численность армии к началу 1981 г. составляла порядка 250 тыс. человек, из которых около половины являлись членами коммунистической партии⁴³³. Согласно интервью, данному министром обороны СФРЮ генералом Николой Любичичем по случаю Дня армии 22 декабря 1980 г., незадолго до своей болезни И. Б. Тито обратил особое внимание своих соратников на то, что «эффективная защита свободы и независимости страны не может быть гарантирована без сильной и хорошо организованной армии и готовности всего населения выступить в её защиту»⁴³⁴. Ещё ранее Любичич запросил у центрального руководства 5,8 % национального дохода на содержание ЮНА в 1981 г., обосновав это тем, что «можно с уверенностью говорить о том, что мир никогда не стоял так близко к новому катаклизму после Второй мировой войны, как сейчас»⁴³⁵. Идея о необходимости модернизации вооружённых сил была поддержана адмиралом Военно-морского флота Бранко Мамулой, впоследствии новым министром обороны СФРЮ, на XV пленуме ЦК СКЮ в декабре 1980 г., заявившем, что ЮНА должна иметь возможность «эффективно отразить любую агрессию и защитить страну от любых сюрпризов и потенциальных угроз в условиях современной напряжённой военно-политической ситуации»⁴³⁶. Тот факт, что слова Мамулы нашли поддержку у членов ЦК говорит о том, что югославское государственное и партийное руководство на этом этапе всерьёз рассматривало угрозу вторжения в Югославию, в том числе и в первую очередь со стороны ОВД.

⁴³² *Antić Z.* Yugoslav reactions to the Warsaw Pact summit. RFE-RL* Research. RAD Background report/297 (Yugoslavia). 12 December 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:845f1cb5-67af-4e0b-877c-56b84d4c2eee> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴³³ *Stanković S.* Yugoslavia's army: guarantor of the country's independence. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Yugoslavia). 15 January 1981. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ef5fab3b-da13-40ed-bc02-c300fafa4e32> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴³⁴ Ibid.

⁴³⁵ Ibid P. 3.

⁴³⁶ *Komunist.* 28. novembar. 1980. S. 5.

В 1981 г. в следствие польских событий опасения югославских лидеров перед вторжением ОВД выросли в разы: Югославия неоднократно выражала протест против вмешательства СССР и его сателлитов во внутренние дела Польской Народной Республики (ПНР). В конце сентября 1982 г. ОВД провёл охватившие территорию Болгарии (города Варну и Бургас) крупные манёвры «Щит-82», в которых приняли участие около 60 тысяч военных союзных армий⁴³⁷. Выбор Болгарии в качестве полигона для отработки совместных действий вызвал серьёзное беспокойство в СФРЮ. Все последующие учения военно-политического блока (и в особенности «Дружба-84» и «Щит-84»), впрочем, также способствовали настороженности со стороны СФРЮ, не зависимо от их численности и того, на территории каких стран проходили. Наиболее полный анализ манёвров ОВД в своих статьях давал югославский военный эксперт и будущий посол Сербии в России (2019-2021 гг.) Мирослав Лазански⁴³⁸.

Рассматривая ОВД как своего основного потенциального военного противника, югославское руководство уделяло значительное внимание анализу процессов, происходящих внутри блока, и во второй половине 1980-х гг. с удовлетворением констатировало, что он нуждается в «укреплении монолитности, единой внешней политике, экономической интеграции...»⁴³⁹. Одновременно с этим в самой Югославии началась волна нападков на ЮНА, особенно со стороны Словении и Хорватии, приведшая к сокращениям её кадрового состава и существенному уменьшению финансирования, что естественным образом сказывалось на обороноспособности страны. В этих условиях СФРЮ с выгодой для себя использовала начавшуюся в СССР «перестройку», пойдя на умеренное сближение с СССР, которое, впрочем, ни в коем образом не предполагало интеграцию в структуры ОВД. Ограниченное военное сотрудничество с СССР говорило о постепенном преодолении предубеждений Белграда по отношению к военно-политическому блоку. С большим энтузиазмом в начале 1989 г. в Югославии было встречено решение Советского Союза о выведении своих дивизий из восточноевропейских стран в течение двух последующих лет, а также объявление Болгарией, Венгрией, ГДР и Чехословакией сокращения численности своих войск и военных бюджетов.

Отношения СФРЮ как ассоциированного члена с СЭВ носили более благоприятный и стабильный характер и базировались на подписанном в 1964 г. Договоре об участии СФРЮ в работе органов СЭВ. Югославия состояла в 23 из 33 рабочих органах организации, имела при ней своего постоянного представителя (с июня 1982 по 1990 г. этот пост занимал Мито Пейовски⁴⁴⁰, с 1990 г. по 1991 г. – Бранимир Пайкович) и к середине 1980-х гг. подписала в

⁴³⁷ Велики маневри у Бугарској // Политика. 6. септембар. 1982. С. 2.

⁴³⁸ Например, *Lazanski M.* Kako doći do Bosfora // Danas. 28. februar 1984. S. 1.

⁴³⁹ Заоштравање монолитности // Политика. 22. јун 1985. С. 1.

⁴⁴⁰ Directory of Yugoslav officials / Directorate of Intelligence. A Reference Aid. Washington, DC, 1985. P. 135.

совокупности 130 многосторонних договоров из 550 существующих на тот момент⁴⁴¹, в основном, в области машиностроения, энергетической, деревообрабатывающей, химической, металлургической, нефтегазовой, атомной и аграрной промышленности⁴⁴². Не менее активным было участие Югославии в многосторонней научно-технической кооперации: по состоянию на 1985 г. несколько сотен югославских научных организаций сотрудничали со странами СЭВ по 600 научно-исследовательским направлениям в рамках 60 специальных договоров⁴⁴³. 32-е заседание Комитета по делам научно-технического сотрудничества СЭВ в июне 1985 г. проходило в Белграде, где делегация комитета была принята лично М. Планинц, подчеркнувшей большое значение для её страны участия в научных проектах организации⁴⁴⁴.

Фактически СЭВ, в первую очередь, в лице СССР и других восточноевропейских стран являлся главным торговым и экономическим партнёром Югославии⁴⁴⁵, хотя югославские экономисты обращали внимание на негативные тенденции в развитии организации в 1980-е гг. и понимали, что попытки создания интегрированного социалистического рынка являются бесперспективными. Однако в условиях неконкурентоспособности и незаинтересованности западного потребителя в югославской продукции наращивание темпов торговли с СЭВ виделось югославскому руководству одним из способов замедления и уменьшения масштабов внутреннего экономического кризиса. Прогнозы многосторонних и двусторонних торгово-экономических отношений со странами СЭВ до 1990 г., составленные в Югославии в начале и середине 1980-х гг., были весьма оптимистичными. В соответствии с ними СССР должен быть «продолжать оставаться самым важным партнёром Югославии»⁴⁴⁶ не только в рамках Совета, но и среди всех остальных иностранных государств. Ожидалась также интенсификация торгового сотрудничества с такими членами организации как Болгарией, Венгрией, Восточной Германией, Польшей, Румынией и Чехословакией. На практике же, начиная с 1986 г. совокупный объём торгового обмена СФРЮ с СЭВ начал неуклонно снижаться, что было вызвано как экономическим кризисом в странах «восточного блока», так и внутренними проблемами Югославии⁴⁴⁷.

Югославские экономисты отмечали, что одной из наиболее позитивных особенностей торговли с восточноевропейскими членами СЭВ являлось их централизованное планирование,

⁴⁴¹ Пораст робне размене // Политика. 17. септембар 1984. С. 2.

⁴⁴² См.: Saradnja SFRJ–SEV. Principi, aktuelna pitanja, perspektive. Materijali jugoslovenskog naučnostručnog skupa povodom 20 godina saradnje SFRJ–SEV, gl. i odg. ur. Prvulović L. Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1987.

⁴⁴³ Добри резултати сарадње Југославије и СЕВ-а // Политика. 18. јун 1985. С. 2.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ См. подробнее: Чернышев В. В. Внешнеэкономические связи СФРЮ на современном этапе. М., 1980.

⁴⁴⁶ Jugoslavija i SEV Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa, gl. i odg. ur. Adamović L. S. Beograd, 1985. S. 46.

⁴⁴⁷ См.: Životić A. Politics ahead of the economy. Yugoslavia – Associate Member of Comecon (1964-1991) // Доклад в рамках круглого стола «Экономическое сотрудничество стран СЭВ: мотивы, ресурсы и вызовы Холодной войны». НИУ ВШЭ СПб, 16 января 2020 г.

поскольку оно давало Югославии «больше элементов уверенности, чем когда вопрос вставал о планировании торгового обмена со странами с т.н. рыночной экономикой»⁴⁴⁸. С другой стороны, структура и объёмы торговли этих стран находились в прямой зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации, что не давало Югославии возможности в полной мере полагаться на своих восточноевропейских экономических партнёров. Торговля с ними характеризовалась высокой ролью сырьевого и сельскохозяйственного секторов. Так, в середине 1980-х гг. на сырьё приходилось около 52% совокупного импорта Югославии в страны СЭВ и около 74% импорта стран СЭВ в Югославию. Второе место в югославском экспорте в обозначенные страны занимали товары широкого потребления (около 35 %), третьи – промышленное оборудование (около 13 %) ⁴⁴⁹. В части импорта, на втором месте располагалось промышленное оборудование (около 16 %), а на третьем – товары широкого потребления (около 10 %) ⁴⁵⁰. Задачей югославского руководства в последующие годы являлось сохранение столь выгодной для него структуры торговли в условиях, когда страны СЭВ пытались ограничить ввоз сырья и увеличить поставки готовой продукции в Югославию. Вместе с тем, укрепление экономических отношений восточноевропейских стран с развитыми капиталистическими государствами в 1980-е гг. рождало для югославских производителей проблему обострения конкуренции на рынке СЭВ.

Что касается двусторонних отношений СФРЮ с конкретными восточноевропейскими членами ОВД и СЭВ, то здесь многое зависело от того факта, имелись ли со страной общие границы, территориальные, исторические или политические споры. Так, с *Болгарией* СФРЮ связывали наиболее проблемные и неоднозначные отношения, которые, однако, начали испытывать положительные импульсы после смерти И. Б. Тито. Тем не менее, факт постепенного налаживания отношений не обозначал окончательного разрешения противоречий, главные из которых заключались в непризнании Болгарией существования македонской нации и языка; претензиях на территорию югославской Македонии, а также в вопросе о положении почти 200-тысячного македонского национального меньшинства в Болгарии. Югославское руководство полагало, что лидеры Народной Республики Болгарии (НРБ) вынашивали планы по воплощению в жизнь проекта «Великой Болгарии» и в ряде случаев обосновывали угрозу вторжения со стороны ОВД именно возможным и вероятным давлением Болгарии на СССР, а также принципом солидарности стран организации, большая часть которых в этом конфликте занимала сторону своей непосредственной союзницы – Софии.

⁴⁴⁸ Jugoslavija i SEV... S. 44.

⁴⁴⁹ Ibid. S. 46.

⁴⁵⁰ Ibid.

В ноябре 1980 г. по приглашению своего болгарского коллеги Петра Младенова Болгарию посетил министр иностранных дел СФРЮ И. Врховец⁴⁵¹, а декабре 1980 г. ответный визит в Югославию нанёс уже член Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) Александр Лилов⁴⁵², что знаменовало собой новый, более примирительный этап в развитии двусторонних контактов. По результатам переговоров стороны констатировали, что «открытые вопросы в двусторонних отношениях не должны быть преградой для развития сотрудничества»⁴⁵³, а также признали необходимость расширения контактов между СКЮ и БКП, парламентами, правительствами и административными единицами, выразив готовность действовать в этом направлении. И для Югославии, и для Болгарии возможность улучшения отношений в условиях обострения мировой политической обстановки представлялась привлекательной.

Заверения Белградом и Софией общественности в готовности развивать двусторонние контакты по ряду направлений не снимали с повестки главного вопроса – о статусе македонской нации и македонского языка, – решение которого практически никак не продвигалось из-за нежелания стран идти на компромиссы. В 1983 г. в Югославии за авторством македонских историков Перо Корбара и Орде Ивановски сразу на пяти языках (в том числе на русском) вышла книга «Историческая правда», в которой были проанализированы взгляды т.н. «прогрессивной болгарской общественности» на македонский вопрос с 1896 по 1956 г. «Прогрессивной общественностью» назывались те представители болгарской элиты, которые выступали за предоставление независимости македонской нации. Существование иных точек зрения авторами объявлялось результатом «фальсификации» болгарских учёных и политиков. В том же году болгары, отказывавшие признавать существование македонского языка, саботировали проходившую в Москве Международную конференцию по составлению славянского лингвистического атласа⁴⁵⁴, что вызвало язвительную волну критики в югославской прессе. В публикациях того времени Болгарию обвиняли в попытках «вымыть руки в Адриатическом море, ноги – в Чёрном море, а голову – в Эгейском»⁴⁵⁵, а болгарский народ – чуть ли не в рабской покорности: «Болгары теперь спокойно ждут японцев, лилипутов, эскимосов или кого-либо ещё, кто придёт и попросит их стать их слугами в обмен на

⁴⁵¹ Врховец у Софији // Политика. 18. новембар 1980. С. 1.

⁴⁵² Moore P. Bulgarian Politburo member Aleksandur Lilov in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/300 (Bulgaria). 15 December 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:99c2ee0b-1868-4a23-8796-0ee097eabc4c> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁵³ Живков задржао Врховца на ручку // Политика. 21. новембар 1980. С. 1.

⁴⁵⁴ Stanković S. The Yugoslavs criticize Greece and Bulgaria over Macedonia. RFE-RL* Research. RAD Background report/177 (Yugoslavia). 16 August 1983. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:52240251-d990-485a-b23f-472525727251> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁵⁵ Stojkovski G. Bugari nisu makedonci // Oko, 9. jun. 1983. S. 4.

единственную плату: Македонию»⁴⁵⁶. Надо ли говорить, что применение столь воинствующей риторики с обеих сторон не способствовало разрешению двустороннего конфликта.

В июле 1984 г., главным образом, в целях конструктивного обсуждения «македонской» проблемы в Софию прибыла М. Планинц⁴⁵⁷, однако переговоры по этому вопросу завершились безрезультатно, что, впрочем, не помешало прийти к общим знаменателям по ряду других, например, торговых.

В ноябре 1985 г. состоялся ответный визит в Югославию болгарской делегации во главе с председателем Министерского совета Гришей Филиповым, в рамках которого высокие гости провели беседы с М. Планинц, Р. Влайковичем, В. Жарковичем и руководством СР БиГ⁴⁵⁸. Центральное место в переговорах на этот раз занял вопрос будущего Балкан как безъядерной зоны мира и взаимовыгодного сотрудничества, относительно которого стороны заняли солидарную позицию. Обеспечение безопасности на Балканах представляло собой обоюдный интерес и стало тем сплачивающим компонентом, который позволил Югославии и Болгарии, несмотря на ряд противоречий, успешно сотрудничать в общевалканском процессе.

В последующих встречах югославских и болгарских официальных лиц упор делался на необходимости выстраивать добрососедские отношения вопреки объективным различиям и «наследию прошлого»⁴⁵⁹. Стороны позитивно оценивали советско-американские переговоры, процесс разоружения, мирные инициативы Движения неприсоединения и выражали обеспокоенность по поводу положения в развивающихся странах.

Однако регулярная и обстоятельная критика Болгарии не исчезала со страниц югославской периодики, что не могло не омрачать отношений между двумя балканскими странами. Следует также заметить, что политические противоречия между СФРЮ и НРБ накладывали свой отпечаток и на характер и объёмы экономического сотрудничества: среди всех стран СЭВ СФРЮ имела самые слабые экономические контакты с Болгарией, несмотря на то что в сравнении с предшествующими десятилетиями в 1980-е гг. они и показывали ощутимый рост. Годовой товарооборот между странами составлял всего порядка 400 млн долларов⁴⁶⁰. Одновременно последовательно снижалось число болгарских туристов в Югославии и югославских студентов в Болгарии, вина за что югославской стороной возлагалась на Софию, которая, по их мнению, «вела агитацию против отдыха на Адриатическом побережье и

⁴⁵⁶ *Stojkovski G.* Bugari nisu makedonci // *Oko*, 9. jun. 1983. S. 4.

⁴⁵⁷ *Stanković S.* Planinc to visit Sofia: new look at old Yugoslav-Bulgarian quarrell. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (East). 16 July 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:719490d3-3694-415c-b394-078c6a09a680> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁵⁸ Размотрено укупно стање односа // *Политика*. 14. новембар 1985. С. 2.

⁴⁵⁹ Сарадња и уз разлике // *Там же*. 17. новембар 1987. С. 2.

⁴⁶⁰ *Jugoslavija i SEV...* S. 44.

притесняла югославских, а особенно македонских, студентов»⁴⁶¹. Неудовлетворение Белграда вызывало и то, что в Болгарии югославские студенты в принудительном порядке изучали историю КПСС и БКП. София также использовала в пропагандистских целях специальные телевизионные ретрансляционные станции, сигнал которых распространялся на югославские территории, благодаря чему югославы получали доступ к болгарскому телевидению⁴⁶².

Вполне закономерно, что СФРЮ, в целом, позитивно встретила новость о смещении в ноябре 1989 г. Тодора Живкова и приветствовала дальнейшие демократические преобразования в стране. Парадоксально, но эти изменения не привели к существенному прогрессу в двусторонних отношениях, которые в конце 1980-х гг. - начале 1990-х гг. вступили в полосу очередного застоя. Более того, новый президент Болгарии Желю Желев весной 1991 г. позволил себе неосторожное высказывание о «вероятном распаде Югославии», которое впоследствии был вынужден объяснить «ошибочной интерпретацией болгарской позиции по Югославии»⁴⁶³. Официальная же позиция Софии заключалась в поддержке целостности и единства СФРЮ и отсутствии к ней территориальных претензий⁴⁶⁴.

Таким образом, совершенно справедливым является вывод, сделанный в диссертационном исследовании Страхила С. Тодорова о том, что в 1980-е - нач. 1990-х гг. югославо-болгарские отношения характеризовались двумя противоположными тенденциями – «тенденциями, направленными на развитие и углубление взаимовыгодного сотрудничества, с одной стороны, и тенденциями периодических задержек и ограничения этого сотрудничества, с другой»⁴⁶⁵.

Отношениям между Югославией и *Венгрией*, как между государствами имеющим общую границу, была свойственна большая лояльность и интенсивность, что на практике подтверждалось чередой регулярных встреч в верхах. Принципиальной значимостью для последней обладал вопрос о положении венгерского национального меньшинства в Воеводине и Словении. В целом же, Будапешт признавал, что «проживающие в Югославии венгры живут намного лучше, чем венгры, проживающие в некоторых других коммунистических странах»⁴⁶⁶. В Венгрии также имелись сербское, хорватское и словенское национальные меньшинства, большой вклад в развитие страны которых неоднократно отмечало руководство республики.

⁴⁶¹ *Stanković S.* Planinc to visit Sofia... P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:719490d3-3694-415c-b394-078c6a09a680> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁶² Ibid.

⁴⁶³ Софији не одговара распад Југославије // Политика. 21. априла 1991. С. 2.

⁴⁶⁴ См.: *Манчев К.* Кървавият край на Югославия. София, 2009.

⁴⁶⁵ *Тодоров С. С.* Отношения между Болгарией и Югославией в 80-е и начале 90-х гг.: автореф... канд. ист. наук. М., 1992. С. 11.

⁴⁶⁶ *Stanković S.* Lazar Mojsov's visit to Hungary. RFE-RL* Research. RAD Background report/169 (Yugoslavia). 12 June 1981. P. 3. // OSA Archive. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c92f4cfe-bb8f-4a31-8dfa-880356b92390> (Дата обращения: 21.08.2022).

Между странами существовали и разногласия, связанные как с различиями в общественно-политических системах, так и в оценке международной ситуации. Надо сказать, что весьма неодобрительно в Венгрии оценили события в Косово в 1981 г. Так, югославские средства массовой информации подвергли резкой критике репортаж в главной партийной газете Венгерской Народной Республики (ВНР) «Népszabadság» (рус. «Народная свобода») ⁴⁶⁷, в котором, по мнению югославов, «была озвучена неправда о беспорядках в Косово» ⁴⁶⁸.

Полемика между венгерской и югославской прессой предшествовала состоявшемуся 3-5 июня 1981 г. визиту югославской партийной делегации во главе с Л. Мойсовым в Будапешт, но не оказала существенного влияния на ход двусторонних переговоров. Более того, по их итогам стороны пришли к совместному заключению, что «все коммунистические и рабочие партии, другие прогрессивные движения должны самостоятельно и суверенно определять свою политику, пути и методы осуществления своих исторических целей, исходя из социально-экономических и политических условий и национальных особенностей своих стран...» ⁴⁶⁹. Очевидно, что это заявление напрямую касалось польских событий и представляло собой упрёк в адрес Москвы.

Официальный визит генерального секретаря Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) Яноша Кадара в СФРЮ и его встречи с председателем Президиума ЦК СКЮ Д. Марковичем и председателем Президиума СФРЮ М. Шпиляком в марте 1984 г. выявили «высокий уровень взаимного согласия в оценках наиважнейших международных событий» ⁴⁷⁰. По результатам встречи было опубликовано совместное югославско-венгерское сообщение, в котором констатировалось, что «две страны позитивно оценивают югославско-венгерское сотрудничество в области науки, техники и культуры и считают возможным его дальнейшее углубление» ⁴⁷¹ и «оценивают экономическое сотрудничество как успешно развивающееся» ⁴⁷². В 1987 г. Будапешт и основанный сербами в XVII в. г. Сентендре посетила делегация СКЮ ⁴⁷³. Встреча председателя Президиума ЦК СКЮ М. Реновицы с Я. Кадаром закрепила итоги договорённостей 1984 г. Оценивая международную ситуацию, руководители двух партий «выступили за сокращение атомного и обычного вооружения, укрепление международной безопасности для всех и мирное сосуществование, за свободное и самостоятельное развитие любого народа и строительство демократических отношений между странами» ⁴⁷⁴. Во многом

⁴⁶⁷ Népszabadság. 9 április 1981.

⁴⁶⁸ Stanković S. Lazar Mojsov's visit to Hungary... P. 2. // OSA Archive. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c92f4cfe-bb8f-4a31-8dfa-880356b92390> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁶⁹ Кадар: И у будуће ћемо развијати пут пријатељства и тежити још јачој сарадњи // Политика. 3. јун 1981. С. 2.

⁴⁷⁰ Завршни југословенски-мађарски разговори. Висок степен узајамне сагласности // Там же. 9. март 1984. С. 1-2.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Задовољство стабилношћу односа // Там же. 27. фебруар 1987. С. 2.

⁴⁷⁴ На познатим принципима. Из заједничког мађарско-југословенског саопштења // Там же. 28. фебруар 1987. С. 2.

столь благожелательный характер контактов между странами базировался на титовском наследии и личном отношении Кадара к Тито, которого он высоко ценил и глубоко уважал. Очередные переговоры между югославскими и венгерскими официальными лицами, констатировавшие, что «открытых проблем» между СФРЮ и ВНР нет, состоялись в апреле 1988 г. в дни визита в Будапешт Б. Микулича⁴⁷⁵, считавшегося в прошлом одним из главных соратников маршала Тито.

Двусторонние экономические связи курировались специальной смешанной Комиссией по делам экономического сотрудничества между Югославией и Венгрией. По состоянию на 1983 г. сумма югославского экспорта в Венгрию составляла порядка 340 млн долларов, примерно столько же составлял и импорт, что в совокупности давало около 700 млн долларов⁴⁷⁶. В последующие годы эти цифры практически не менялись. Таким образом, Венгрия занимала четвёртое место в списке торговых партнёров Югославии среди всех стран СЭВ. Между государствами на конец 1980-х гг. было подписано порядка 50 договоров о кооперации в сфере промышленности⁴⁷⁷. В качестве примера плотного сотрудничества в области машиностроения можно привести активные контакты между заводами «Rabe» и «Застава». Венгрия активно пользовалась транзитными услугами через территорию Югославии, в особенности – морскими перевозками.

Что касается туризма, начиная с 1978 г. существовала тенденция к застою в развитии этой области сотрудничества, что «было вызвано разного рода ограничениями с обеих сторон»⁴⁷⁸ (например, денежными депозитами для выезжающих за рубеж югославских граждан). Для того чтобы примерно оценить туристический поток в обе стороны, приведём статистику за 1987 г.: тогда Югославию посетило 500 тыс. венгерских туристов, а Венгрию – 2, 3 млн югославских туристов⁴⁷⁹.

Помимо прочего, связи с ВНР Югославия развивала и в рамках многостороннего регионального сотрудничества четвёрки стран – соседей – Австрии, Италии, Венгрии и собственно Югославии. В ноябре 1989 г. в Будапеште была проведена встреча заместителей председателей правительств указанных государств, на которой обсуждались темы всестороннего расширения сотрудничества (начиная промышленностью и заканчивая экологией), был заключён соответствующий договор; приняты решения о формировании совместных фондов и о строительстве автомагистрали Вена – Будапешт – Белград, а также озвучены планы по возведению автомагистрали Будапешт – Балатон – Загреб⁴⁸⁰. По сути,

⁴⁷⁵ Микулић данас у Будимпешти // Политика. 10. април 1988. С. 1.

⁴⁷⁶ Jugoslavija i SEV... S. 44.

⁴⁷⁷ Ibid.

⁴⁷⁸ Ibid. S. 52.

⁴⁷⁹ Микулић данас у Будимпешти // Политика. 10. април 1988. С. 1.

⁴⁸⁰ Чвршћа сарадња четири суседа // Там же. 13. новембар 1989. С. 1.

решения, принятые на этой встрече, стали первой конкретной совместной акцией четвёрки. Аналогичные мероприятия проводились и на уровне министров иностранных дел.

Позиция посткоммунистической Венгрии по поводу дезинтеграционных процессов в СФРЮ заключалась в формальной поддержке территориальной целостности и единства страны, что не мешало ей участвовать в осуществлении нелегальных поставок оружия в Хорватию через пограничный переход «Горичан – Летенье» в 1990 г. Раскрытие этого факта обернулось скандалом, не приведшим, однако, к серьёзным последствиям для югославо-венгерских отношений. Следующим прецедентом, вызвавшим острое недовольство в Югославии, стало создание в мае 1991 г. в Венгрии на базе вооружённых сил специального штаба для мониторинга ситуации в Югославии и интенсивное консультирование с военными структурами Австрии и Италии⁴⁸¹.

Контакты СФРЮ с *Германской Демократической Республикой (ГДР)* в 1980-е гг. можно охарактеризовать как благоприятные и стабильные, несмотря на то, что Белград испытывал определённые политические предубеждения к Восточной Германии как к ближайшему союзнику СССР. Примечательно, что на страницах югославской прессы в 1980-е гг. из всех государств - членов ОВД ГДР упоминалась реже всего. Можно также говорить о том, что приоритетное выстраивание СФРЮ тесных связей с ФРГ препятствовало многосторонней интенсификации отношений с ГДР, основным содержанием которых стала экономическая составляющая.

В январе 1981 г. с официальным визитом ГДР посетил союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ И. Врховец⁴⁸². По результатам его встреч с первым секретарём ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и председателем Государственного совета ГДР Эрихом Хоннекером и министром иностранных дел ГДР Оскаром Фишером было объявлено, что основное значение в двусторонних отношениях имеет сотрудничество в области торговли, науки и техники, культуры и образования, а также «совместное содействие развитию социализма, упрочению стабильности и безопасности в мире»⁴⁸³. Аналогичными формальными и размытыми формулировками заканчивались все последующие встречи на высшем уровне, наиболее значимой из которых, на наш взгляд, была встреча председателя Президиума СФРЮ Р. Диздаревича с Э. Хоннекером в декабре 1988 г.⁴⁸⁴ Несмотря на то, что встреча проходила в условиях резко меняющейся международной обстановки, в атмосфере неуверенности относительно будущего как ГДР, так и СФРЮ, новаторскими заявлениями и предложениями она не отметилась. Страны подписали Договор об экономическом и

⁴⁸¹ Специјални штаб за Југославију // Политика. 24. мај 1991. С. 2.

⁴⁸² Заједничко саопштење о посети Врховца НДР. Велике опасности за мир // Там же. 16. јануар. 1981. С. 4.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Диздаревић у Берлину // Там же. 8. децембар 1988. С. 2.

научно-техническом сотрудничестве сроком до 2000 г., предполагавший рост объёмов торговли, усиление кооперации и специализации в производстве оборудования для рудников, рельсового транспорта, кораблей, судового оборудования, промышленных станков и пр., а также Договор о сотрудничестве в сфере информации⁴⁸⁵. «Могу с удовольствием констатировать, что наши позиции и точки зрения – и о двустороннем, и о более широком сотрудничестве – близки или идентичны»⁴⁸⁶, – заявил по итогам переговоров Диздаревич.

Экономические контакты СФРЮ и ГДР носили не вполне равноправный характер: в обмен на продукцию машиностроения Югославия поставляла Восточной Германии природные ресурсы (алюминий, цинк, медь, целлюлозу и пр.), аграрную продукцию и товары широкого потребления (преимущественно текстиль и обувь). Причём на торговлю с СФРЮ приходилось всего 2% от совокупного объёма внешней торговли ГДР⁴⁸⁷, в то время как для Югославии ГДР являлась третьим по значимости (после СССР и Чехословакии) торговым партнёром среди всех членов СЭВ. В 1980-е гг. СФРЮ неоднократно добивалась от Восточной Германии пересмотра торговых соглашений и структуры двусторонней торговли, которая, по мнению Белграда, не учитывала его долгосрочных интересов. С другой стороны, Югославия не могла многого требовать от ГДР, т.к. Берлином ей предоставлялись кредиты на развитие и стимулирование местных промышленных предприятий. Кроме того, ежегодно порядка двух тысяч югославских рабочих привлекались к строительно-монтажным работам на территории республики⁴⁸⁸, что в той или иной степени снижало нагрузку на местный рынок труда СФРЮ. К концу 1980-х гг. в двусторонних экономических отношениях образовались две проблемы: югославский профицит размером в 39 млн долларов⁴⁸⁹, закрывавший возможности для увеличения югославского экспорта, и просрочки Югославией платежей по долгосрочным кредитным договорам.

Отставка Э. Хоннекера в октябре 1989 г. была воспринята в СФРЮ как «вынужденная» мера, обусловленная «растущим недовольством народа и внутри партийной структуры из-за идеализации восточногерманского социализма и отсутствия воли к изменениям», его «личной неготовностью к политическим реформам»⁴⁹⁰, и как следствие визита М. С. Горбачева в ГДР. При этом одну из стрессовых проблем Восточной Германии Белград видел в массовой эмиграции населения, представлявшейся ему «главной раной нации»⁴⁹¹. Новому главе партии и государства Эгона Кренца здесь рассматривали как «переходную компромиссную фигуру –

⁴⁸⁵ Диздаревич и Хонекер подписали споразум о сарадњи до двехиљадите // Политика. 10. децембар 1988. С. 3.

⁴⁸⁶ Подударност интереса // Там же. 9. децембар 1988. С. 4.

⁴⁸⁷ Трговина релативно успешна, економска позиција слаби // Там же. 12. марта 1989. С. 2.

⁴⁸⁸ Диздаревич у Берлину // Там же. 8. децембар 1988. С. 2.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ После посете Горбачова и под притиском јавног мњења у НДР Ерих Хонекер поднео оставку // Там же. 19. октобар 1989. С. 1.

⁴⁹¹ Ранчић Д. После смене власти у НДР // Там же. С. 3.

некое подобие восточногерманского Черненко»⁴⁹². На падение Берлинской стены и последующее объединение Германии Белград отреагировал положительно, поскольку указанные события соответствовали концепции «общего европейского дома», поддерживаемой югославской дипломатией, и духу снижения международной напряжённости. Официальное сообщение союзного секретариата иностранных дел от 10 ноября 1989 г., в частности, гласило: «Югославия всегда выступала за свободную циркуляцию людей и идей в Европе и мире, и поэтому мы оцениваем решение правительства в Берлине как шаг вперёд в преодолении ограничений и наследия холодной войны»⁴⁹³.

Заключительным событием в истории собственно югославско-восточногерманских отношений можно считать официальный визит Б. Лончара в Берлин в январе 1990 г., где он встречался не только с главой правительства ГДР Хансом Модровым, министром иностранных дел О. Фишером и другими официальными лицами пока ещё существовавшей страны, но и представителями оппозиционного движения «Новый форум» и Социал-демократической партии в ГДР (СДП в ГДР)⁴⁹⁴. Переговоры, в основном, были посвящены вопросам демократизации Восточной Германии и процессу объединения с ФРГ.

Югославско-польские отношения в 1980-е гг. отличались невысоким уровнем развития, причиной к чему выступили сначала события 1981-1983 гг., затем «перестройка» в *Польской Народной Республике (ПНР)* и, наконец, приход к власти движения «Солидарность», для которого выстраивание связей с СФРЮ не входило в число приоритетных направлений внешнеполитической деятельности. Важно, что в условиях силового подавления оппозиции в Польше Югославия высказывалась против вмешательства во внутренние дела Варшавы и решительно осуждала инициированные СССР действия, направленные на сохранение коммунистического режима в стране посредством экстраординарных мер.

Продолжая тему «польских событий» начала 1980-х гг., надо сказать, что в первые недели забастовок Югославия отказалась от какой-либо критики руководства ПНР, заняв позицию «строгого, но благожелательного по отношению к нему нейтралитета»⁴⁹⁵, что соответствовало генеральной линии югославской внешней политики, важной составляющей которой был принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств. В конце июля 1980 г. министр иностранных дел СФРЮ И. Врховец с целью личного ознакомления с

⁴⁹² Ранчић Д. После смене власти у НДР // Политика. С. 3.

⁴⁹³ Београд: Отварање немачке границе – позитиван корак // Там же. 11. новембар 1989. С. 3.

⁴⁹⁴ Лончар код Модрова // Политика. 16. јануар 1990. С. 2.

⁴⁹⁵ Antić Z. Yugoslav reaction to Polish events. RFE-RL* Research. RAD Background report/265 (Yugoslavia). 5 November 1980. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4> (Дата обращения: 21.08.2022).

ситуацией посетил Варшаву и Гданьск, где встретился со своим польским коллегой Эмилом Войташеком⁴⁹⁶. Встреча не выявила каких-либо противоречий в двусторонних отношениях.

Однако по мере нарастания кризисных явлений в стране югославские официальные периодические издания приступили к сдержанной критике польского правительства и сложившейся в Польше общественно-политической системы вообще⁴⁹⁷. По мнению ряда югославских экспертов, причиной кризисных явлений в ПНР стала «некомпетентная экономическая» и «неадекватная информационная» политика польского руководства: «устаревшая система централизованного планирования и прямого управления экономикой не согласуется с передовым общественным сознанием польского рабочего класса»⁴⁹⁸. Причём критика польской общественно-политической системы стала быстро перерастать в критику режимов, господствующих в странах «реального социализма» в принципе. Разумеется, на контрасте с «бюрократическими» режимами восточноевропейских стран система югославского самоуправления противопоставлялась местными СМИ и политическими деятелями в качестве справедливой альтернативы. Оппозиционному движению и католической церкви в происходивших в Польше событиях югославские комментаторы ошибочно приписывали посредническую и периферийную роль⁴⁹⁹, считая, что основным их следствием станет последующее «упрочение социалистической демократии»⁵⁰⁰.

Наиболее серьёзное осуждение и едкие комментарии в Югославии вызывали попытки внешнего вмешательства во внутривосточные дела и возможность военной интервенции в страну со стороны СССР, ГДР и Чехословацкой Социалистической Республики (ЧССР). Югославские официальные лица выступали против любых подобных актов⁵⁰¹, опасаясь, главным образом, того, что «Югославия также может стать жертвой военной интервенции осуществляемой под предлогом того, что «социализму угрожает опасность»⁵⁰². «Только поляки, польский рабочий класс и ПОРП [Польская объединённая рабочая партия – *Примечание автора*] призваны найти решение тех трудностей, которые переживает страна, и путь к дальнейшему социалистическому

⁴⁹⁶ Јаћење међусобне сарадње // Политика. 31. јул 1980. С. 2.

⁴⁹⁷ Например, Комунист. 29. август 1980; Delo. 30. avgusta 1980, 6. septembra 1980; НИИ (Недељне информативне новине), 12. октобар 1980.

⁴⁹⁸ Antić Z. Yugoslav reaction to Polish events... P. 6. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁹⁹ Например, Vjesnik, 12. novembar 1989; Borba, 14. novembar 1980.

⁵⁰⁰ Antić Z. Yugoslav reaction to Polish events... P. 4. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁰¹ Antić Z. Yugoslavia worried over Moscow's behavior to Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/298 (Yugoslavia). 12 December 1980. P. 1-2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:d5b98e4a-acf6-426a-a07a-47795c97ed31> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁰² Stanković S. Yugoslav theorists on armed conflicts between communist countries. RFE-RL* Research. RAD Background report/104 (Yugoslavia). 13 April 1981. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:79183945-20ca-46b2-bd05-8974a1015233> (Дата обращения: 21.08.2022).

развитию в Польше без какого-либо вмешательства»⁵⁰³, – заявил член Президиума ЦК СКЮ и бывший министр иностранных дел Югославии Милош Минич в июне 1981 г., выразив тем самым официальную точку зрения югославского руководства по поводу политики давления ОВД на польские власти.

В июле 1985 г. с официальным визитом, по результатам которого был подписан Договор об экономическом сотрудничестве до 1990 г., Югославию посетил первый секретарь ПОРП и председатель Совета Министров ПНР Войцех Ярузельский⁵⁰⁴. В соответствии с договором за пять лет планировалось увеличить товарооборот между странами на амбициозные 60% по сравнению с периодом 1981-1985 гг. (до 5 млрд долларов в денежном выражении)⁵⁰⁵, что впоследствии, несмотря на ряд объективных трудностей, было почти реализовано. Центральными событиями двусторонних отношений в 1986 г. стал визит в конце марта председателя Президиума ЦК СКЮ В. Жарковича в Польшу и заключение трёхлетнего договора о сотрудничестве в области культуры⁵⁰⁶. В 1987 г. состоялась встреча Р. Диздаревича и министра иностранных дел Польши Мариана Ожеховского, на которой было констатировано особое значение контактов СКЮ и ПОРП, их «взаимного информирования» и «обмена опытом в построении социализма»⁵⁰⁷. Стороны выразили обеспокоенность по поводу уменьшения туристических потоков и желание активизировать работу совместной комиссии по туристическому сотрудничеству, которая в последний раз собиралась в 1981 г. Р. Диздаревич выказал полную поддержку плану постепенного сокращения вооружений в Центральной Европе В. Ярузельского.

В очередной раз Р. Диздаревич посетил Варшаву в апреле 1989 г.⁵⁰⁸ По итогам переговоров, касающихся, главным образом, системных перемен в Польше, глава югославской дипломатии заверил Ярузельского в благожелательном к ним отношении и продемонстрировал готовность Югославии укреплять отношения с Варшавой независимо от дальнейшего развития событий. Югославия одобрительно реагировала на практику организации «круглых столов» по «переформатированию» польской политической системы и положительно отнеслась к проведению первых многопартийных выборов в стране в 1990 г. В свою очередь, Польша высказывалась в поддержку территориальной целостности и единства СФРЮ.

⁵⁰³ Цит. по: *Stanković S.* Yugoslav leader against any interference in Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/190 (Yugoslavia). 6 July 1981. P. 1. // OSA Archivum.. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:eae76896-7147-4e11-b95c-f9c33dc4cb31> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁰⁴ Данас стиже Јарузелски // Политика. 8. јул 1985. С. 2.

⁵⁰⁵ Трговина већа од планиране // Там же. 8. јул 1985. С. 2.

⁵⁰⁶ См.: *Stambolija N.* Jugoslovensko-poljski odnosi u 1986 // *Jugoslovesko-poljski odnosi u XX veku.* Program rada i saopštenja učesnika. Beograd, 27-28. septembar 2018. S. 57.

⁵⁰⁷ Добри односи уз разлике // Политика. 21. јуна 1987. С. 1.

⁵⁰⁸ Польска и Југославија се прилагођавају новим условима // Там же. 14. април 1986. С. 2.

Экономическое сотрудничество СФРЮ с ПНР характеризовалось средней степенью интенсивности. В списке торговых партнёров Югославии Польша занимала 4-е место среди стран СЭВ. В 1988 г. торговый обмен между странами составил около 1,1 млрд долларов⁵⁰⁹ и стал рекордным за всю историю двусторонней торговли. Важнейшими статьями югославского импорта оставались уголь, сера и медь, экспорта – алюминий, огнеупорные материалы и аграрная продукция. Основными сферами промышленной кооперации были производство автобусов, электронных устройств и сельскохозяйственного оборудования⁵¹⁰. Успешно развивалось сотрудничество в области энергетики, автоматики, информатики, телекоммуникаций, измерительных приборов.

Югославно-румынские отношения в 1980-е гг. характеризовались высокой интенсивностью контактов, частотой двусторонних встреч и консультаций на всех партийных и государственных уровнях. Первый после похорон И. Б. Тито свой визит, ставший двенадцатым по счёту за предшествующие пятнадцать лет, президент Румынии, генеральный секретарь Румынской коммунистической партии (РКП) Николае Чаушеску нанёс в Белград уже в октябре 1980 г.⁵¹¹ Впоследствии он посещал Югославию также в апреле 1984 г. и ноябре 1987 г. Говоря о других важных событиях в двусторонних отношениях СФРЮ с режимом Чаушеску, стоит упомянуть визит председателя Президиума ЦК СКЮ Д. Драгосавца в Тимишоару в 1982 г.⁵¹² и визит председателя Президиума СФРЮ Р. Диздаревича в Бухарест в 1988 г., по результатам которого впервые не было опубликовано совместного югославно-румынского заявления⁵¹³.

Преимущественное согласие между двумя странами объяснялось их независимым подходом в оценке внешнеполитических событий и самостоятельным внутривнутриполитическим курсом. Разные национальные модели социализма и некоторые идеологические различия не мешали развитию добрососедских отношений ни при Тито, ни при его наследниках. С точки зрения югославского руководства, Румыния представляла собой не только очень удобного, но и полезного соседа, особенно в условиях нестабильности, которой отличались её отношения с Болгарией. Можно говорить о том, что внутри ОВД и СЭВ в лице Румынии Югославия имела очень надёжного друга и партнёра, готового всегда выразить ей политическую поддержку. Объединительным мотивом выступали схожие внешнеполитические подходы СКЮ и РКП, заключавшиеся в стремлении к «укреплению и последовательному уважению принципов независимости, равноправия и невмешательства в отношения между коммунистическими партиями и между всеми другими передовыми и демократическими партиями и движениями в мире.., уважению различий в точках зрения, прав любой партии самостоятельно выстраивать

⁵⁰⁹ Све ближи милијарди долара // Политика. 31. октобар 1988. С. 4.

⁵¹⁰ Jugoslavija i SEV... S. 52.

⁵¹¹ Николае Чаушеску данас у Београду // Политика. 22. октобар 1980. С. 1.

⁵¹² Заједничка жеља за проширењем сарадње // Там же. 20. март 1982. С. 1.

⁵¹³ Са Румунијом није било споразума о враћању избеглица // Там же. 8. фебруар 1990. С. 5.

свою внутреннюю и внешнюю политику и выбирать пути революционного преобразования общества в соответствии с особенностями своей страны...»⁵¹⁴.

Югославия тесно взаимодействовала с Румынией в рамках общевосточноевропейского процесса. В обсуждениях высших государственных должностных лиц двух стран тема сотрудничества на Балканах проходила красной нитью, ведь именно Румыния одной из первых предложила идею об организации конференции балканских стран, а также выдвинула предложение о создании безъядерной зоны на территории полуострова.

Что же касается перманентного румыно-венгерского конфликта по вопросу положения и прав венгерского национального меньшинства в Румынии, СФРЮ предпочла занять в нём нейтральную и беспристрастную позицию, однако на страницах официальных общественно-политических изданий часто транслировала именно точку зрения Чаушеску об «отсутствии национального вопроса в Румынии»⁵¹⁵ и вмешательстве Венгрии в её внутренние дела. Причина столь осторожного подхода Югославии к этой ситуации крылась не столько в приятельских отношениях с Румынией, сколько в существовании аналогичной проблемы, связанной с албанским национальным меньшинством и обвинениями Тираны в его притеснениях⁵¹⁶. Тема сербского и хорватского национальных меньшинств в Румынии не поднималась с 1956 г. после визита Тито в эту страну и инцидента в Тимишоаре, когда он в разговоре с местными сербами потребовал от них быть «лояльными гражданами Румынии»⁵¹⁷. Её энергичное обсуждение было спровоцировано внутривосточноевропейской дестабилизацией и революционными событиями в Румынии в 1989 г.

Вообще, к концу 1980-х гг. всё чаще на страницах югославских изданий стала звучать критика в адрес «ортодоксального» румынского государственного строя, РКП и Н. Чаушеску лично, что было связано с его нежеланием присоединиться к начавшимся в остальных странах Восточной Европы демократическим процессам⁵¹⁸. В ноябре 1989 г. произошёл неприятный инцидент, связанный с отказом в аккредитации журналиста «Танюга» Драгослава Марковича, который должен был прибыть в Бухарест для освещения XIV Съезда РКП. Дело в том, что ранее Маркович опубликовал несколько критических заметок о событиях в Румынии. Реакция Танюга не заставила себя ждать: «...решение властей в Бухаресте одновременно и странное, и

⁵¹⁴ Заједничко саопштење о разговору са СКЈ и РКП. Потврда проверених принципа // Политика. 23. октобар 1980. С. 4.

⁵¹⁵ Спор Румуна и Мађара // Там же. 10. фебруар 1988. С. 5.

⁵¹⁶ См.: Дурнев В. П. Проблема национальных меньшинств во внешней политике Югославии (ноябрь 1943 - июнь 1982): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

⁵¹⁷ Како су Срби и Хрвати постали Румуни // Политика. 16. новембар 1989. С. 7.

⁵¹⁸ См. подробнее: Bianchini S. Eastern Europe and the challenges of modernity, 1800-2000. London and New York, 2015.

неприемлемое. Оно не может поспособствовать ни лучшему взаимному ознакомлению, ни развитию добрососедских отношений»⁵¹⁹.

21 декабря 1989 г. в ответ на кровопролития в Тимишоаре и Араде СКЮ разорвал отношения с РКП и отозвал приглашение румынской делегации на свой XIV Съезд: «Президиум ЦК СКЮ считает необходимым остановить физическое насилие и все другие недемократические действия, чтобы через диалог и активность всех прогрессивных и демократических сил страны найти путь, который обеспечит демократическое развитие в соответствии с чаяниями народа»⁵²⁰. Президиум СФРЮ и СИБ выразили солидарность с «праведной борьбой»⁵²¹ румынского народа, а югославские СМИ принялись всячески очернять фигуры супругов Чаушеску и обличать «фашистский» режим бывшего президента. Притеснения сербского и других югославских национальных меньшинств в румынском Банате были названы сербскими журналистами «геноцидом», часть вины за который возлагалась на И. Б. Тито и югославскую дипломатию, которая «молчала»⁵²². Последняя была обвинена в «грязном и недостойном, непоследовательном и непостижимом ведении внешней политики по отношению к Румынии»⁵²³ и существовании тайного договора с Бухаресте о взаимной передаче всех бежавших лиц.

В первые дни Румынской революции с целью установления официальных отношений с режимом Совета Фронта национального спасения (ФНС) Бухарест посетил помощник союзного секретаря иностранных дел СФРЮ Илия Джукич. Отвечая по возвращении в Белград на вопрос журналистов об отношении Югославии к убийству четы Чаушеску, он фактически его оправдал, заметив, что «это сейчас наименьшая проблема Румынии»⁵²⁴.

В мае 1990 г. состоялся визит нового премьер-министра Румынии Петре Романа в Белград, где по результатам его переговоров с председателем Президиума СФРЮ Б. Йовичем было объявлено о переходе двусторонней торговли на неплановую, рыночную основу⁵²⁵. Особую важность имели переговоры П. Романа с С. Милошевичем, касавшиеся, в основном, принятия мер по улучшению положения сербского национального меньшинства в Румынии. 3 сентября в Белград прибыл и сам президент республики Ион Илиеску, что явилось его первым официальным визитом за рубеж с момента избрания. «Сам тот факт, что моё первое путешествие за рубеж – это визит в соседнюю Югославию, о многом говорит»⁵²⁶, – прокомментировал Илиеску своё решение. Двусторонние переговоры закрепили

⁵¹⁹ Југословенски новинар непожељан у Румунији // Политика. 20. новембар 1989. С. 2.

⁵²⁰ СКЈ прекида сарадњу са румунском партијом // Там же. 21. децембар 1989. С. 1.

⁵²¹ Солидарност са праведном борбом румунског народа // Там же. 27. децембар 1989. С. 6.

⁵²² Зашто је југословенска дипломатија ћутала // Там же. 28. децембар 1989. С. 11.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Демократизација и здрава привреда основно задаци нове власти // Там же. 29. децембар 1989. С. 2.

⁵²⁵ Упостављање реалне сарадње // Там же. 10. мај 1990. С. 1.

⁵²⁶ Данас стиже Илијеску // Там же. 3. септембар 1990. С. 2.

договорённости, достигнутые югославским и сербским руководством с премьером П. Романом. Президент Румынии также выразил полную поддержку территориальной целостности и единству СФРЮ.

В экономических отношениях со слабо развитой Румынией Югославия ощущала себя более состоявшейся и успешной. В частности, в условиях повальной безработицы и «утекания» трудовых ресурсов на Запад для работы на малооплачиваемых позициях в аграрной сфере югославская сторона привлекала румынских гастарбайтеров, трудившихся, в основном, в сербском части Баната. Работа румынских рабочих на территории Югославии «не регулировалась никакими правовыми актами и носила сезонный характер»⁵²⁷. Румынские граждане также регулярно пересекали румыно-югославскую границу из бытовых соображений, например, для покупки джинсов, блуз, приправ «Вегета» и пр. С целью нелегальной торговли общую границу пересекали и югославские граждане, в то время как объёмы межгосударственной торговли в 1980-е гг. снижались, что было связано с серьёзными масштабами экономического кризиса в обеих странах. Румыния занимала только 6-е место в списке торговых партнёров Югославии среди всех стран СЭВ с объёмом ежегодного товарооборота чуть более 400 млн долларов⁵²⁸.

С целью координации двусторонней торговли действовал смешанный югославо-румынский комитет по делам экономического сотрудничества. Наиболее результативно страны взаимодействовали в области металлургии, сельского хозяйства, электроники, транспорта и энергетики. В 1984 г. была достроена гидроэлектростанция Джердап II (Железные ворота II) на границе Сербии и Румынии, а в 1988 г. ратифицирована Конвенция об эксплуатации и обслуживании гидроэнергетических и навигационных систем ГЭС Джердап I и Джердап II⁵²⁹. Сторонами также обсуждались планы строительства новых ГЭС на Дунае до 1992 г.

Отношения с Чехословакией характеризовались общей доброжелательностью и практицизмом. Интенсивность встреч официальных югославских и чехословацких лиц была, скорее, низкой, что во многом было связано со специфичностью чехословацкого политического режима эпохи генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) и президента республики Густава Гусака; его личной преданностью Москве и, соответственно, скептическим отношением к опыту югославского самоуправления, а особенно – к посттитовскому руководству. Упоминания Чехословакии в югославской прессе, как и в случае с ГДР, были нечастными.

⁵²⁷ Stanković S. Romanian “gastarbeiter” in Yugoslavia. RFE-RL Research. RAD Background report/221 (Yugoslavia). 16 September 1983. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:1767e0bf-03cd-4b37-a61f-c9e672807803> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵²⁸ Jugoslavija i SEV... S. 32.

⁵²⁹ Ускоро ратификација конвенције о Ђердапу // Политика. 20. фебруар 1988. С. 2.

В июле 1981 г. с официальным визитом Прагу посетил И. Врховец⁵³⁰. Переговоры Врховца с Гусаком, премьер-министром Любомиром Штроугалом и министром иностранных дел Богуславом Хнёупеком выявили «успешное развитие двусторонних отношений», наиболее важными компонентами которых были признаны межпартийные и экономические связи.

Чехословакия, будучи традиционным партнёром Югославии ещё со времён окончания Первой мировой войны и существования Малой Антанты, занимала второе после СССР место по объёмам и темпам роста торговли с СФРЮ среди всех членов СЭВ⁵³¹. Среди всех торговых партнёров СФРЮ ЧССР занимала пятое место. Импорт из Чехословакии в Югославию, как более развитой в промышленном отношении страны, составлял 56% от общего объёма торговли, а оставшиеся 34% приходилось на югославский экспорт в Чехословакию⁵³². Югославия поставляла в ЧССР, в основном, цветные металлы, в то время как ЧССР в Югославию – каменноугольный кокс и продукцию машиностроения. Число чехословацких туристов в Югославии было немногочисленным, что вызывало озабоченность со стороны югославского руководства, придававшего в 1980-е гг. туризму значение одной из главных отраслей экономики.

Общая благожелательность в двухсторонних отношениях не исключала споров по идеологическим вопросам. Так, в 1984 г. в Праге в официальном издании КПЧ «Tribuna» (рус. «Трибуна») вышла статья под заголовком «Переодевание в псевдомодернизм», в которой авторы основательно и бескомпромиссно критиковали СКЮ за попытки модернизировать марксистско-ленинское учение⁵³³. Для югославского руководства статья стала неожиданностью, заставив его более внимательно следить за положением дел в ЧССР.

Югославия положительно отнеслась к экономическим реформам и общей демократизации, начавшейся в Чехословакии в 1988 г. В этих условиях наметилась некоторая интенсификация югославско-чехословацких отношений. В апреле 1989 г. Прагу с целью переговоров с президентом Г. Гусаком, генеральным секретарём ЦК КПЧ Милошем Якешем, премьер-министром Ладиславом Адамецом, министром иностранных дел Яромиллом Йоханесом и другими официальными лицами ЧССР посетил Р. Диздаревич⁵³⁴. Председатель Президиума СФРЮ был награждён Орденом Белого льва первой степени с цепью – высшей чехословацкой государственной наградой для иностранных граждан. До него из всех глав социалистической Югославии этого ордена удостоивался только Тито. По итогам переговоров сторонами были

⁵³⁰ Врховец отпутовао у Праг // Политика. 1. јул 1980. С. 1.

⁵³¹ Jugoslavija i SEV... S. 44.

⁵³² Ibid.

⁵³³ Kusiņ. Prague attacks Yugoslav ideological concepts. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Czechoslovakia). 16 July 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:5ab6bd60-6231-458b-9ef2-c5e39e42b2f0> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵³⁴ Разговори Диздаревича са Хусаком и Адамецом // Политика. 13. април 1989. С. 1.

подписаны Договор о научно-техническом сотрудничестве и Программа научно-технического сотрудничества до 2000 г.

Бархатная революция 1989 г., формирование правительства народного согласия и отставка Г. Гусака были, в целом, одобрительно восприняты официальным Белградом, хотя и не нашли широкого отклика и освещения в югославских СМИ. Одни из последних значимых переговоров между официальными лицами СФРЮ и пока ещё ЧССР состоялись в январе 1990 г. во время визита Б. Лончара в Прагу и завершились на оптимистической ноте: «Чехословакия пересматривает стратегию своих экономических отношений с миром, экономические отношения ставит на новую основу, в стране создана полностью новая ситуация..., что даёт шансы для ещё более качественного и широкого сотрудничества с Югославией»⁵³⁵, – отметил тогда министр иностранных дел Чехословакии Иржи Динстбир.

Итак, отношения СФРЮ с отдельными восточноевропейскими государствами в 1980-е гг. нельзя назвать ни идентичными, ни беспроблемными. И если контакты с Румынией носили по-дружески тесный характер, то отношения с Болгарией были отмечены высоким конфликтогенным потенциалом. Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия по разным причинам и в большинстве случаев поддерживали с Югославией нейтральные деловые контакты, интенсивность которых напрямую зависела от внутривосточной ситуации в указанных странах и в СССР. По мере распада восточного блока и снижения уровня заинтересованности советского руководства в создании единого социалистического торгово-финансового пространства степень взаимодействия восточноевропейских стран, испытывавших всё большее тяготение к Западу, с СФРЮ падала. К исходу 1980-х гг. они все ещё сохраняли важную составляющую в структуре внешней торговли СФРЮ, но были фактически исключены из югославского стратегического внешнеполитического планирования (за исключением соседних Болгарии и Румынии) и мыслились как конкуренты на пути к европейской интеграции.

2.3. Югославия и Албания: двусторонние конфликты и попытки их разрешения

Кончина И. Броз Тито, вопреки ожиданиям, не привела к перманентному потеплению в югославо-албанских отношениях, а наоборот в перспективе способствовала их обострению. Однако в 1980-е гг. акцент в двусторонних конфликтах начал всё более смещаться с их идеологической составляющей на этническую и территориальную и был связан, главным

⁵³⁵ Завершени разговори Лончара и Динстбира // Политика. 18. јануар 1990. С. 1.

образом, с «косовским вопросом». Таким образом, внутренняя ситуация в Косово могла служить надёжным индикатором отношений Югославии с Албанией»⁵³⁶.

В первые месяцы после ухода Тито из жизни отношения претерпевали одну из наиболее позитивных стадий в своей истории. В июне 1980 г. были подписаны соглашения между двумя странами о поставках электроэнергии из Косово в Народную Социалистическую Республику Албанию (НСРА)⁵³⁷, а также заключены иные экономические договоры, согласно которым объёмы двусторонней торговли на период с 1981 по 1985 гг. должны были достигнуть 720 млн долларов⁵³⁸. Одновременно Косово на постоянной основе разрешено было посещать туристическим группам из Албании. Некоторые албанские туристы пытались проводить антиюгославскую пропаганду среди местных жителей, однако впоследствии так уверенно отрицали соответствующие попытки, что доказать их вину оказалось сложно⁵³⁹.

Югославское, в т.ч. косовское руководство «признавало право НСРА на собственный особый путь во внутренней и внешней политике и выражало готовность идти на взаимные компромиссы, но угрожало албанской стороне жёсткой реакцией в случае появления любых признаков новой антиюгославской идеологической кампании»⁵⁴⁰. Тем не менее, такая кампания «не заставила себя долго ждать: уже в начале 1981 г. Албания начала предпринимать шаги по сознательному обострению отношений с Югославией, обретавшие подчас и вовсе вид провокаций (например, организация антиюгославских митингов и нападения на югославских граждан и журналистов за рубежом – в Женеве, Брюсселе и т.д.)»⁵⁴¹.

Провокационная и пропагандистская деятельность Тираны на албано-югославской границе послужила одной из причин косовских беспорядков весны 1981 г., нанёсших серьёзный удар по международному авторитету Белграда. Разгон демонстраций силами полиции и ЮНА, а также репрессивные действия югославского правительства по отношению к организаторам беспорядков привели к обвинениям Югославии в угнетении албанского меньшинства⁵⁴² и активизации антиюгославских настроений в самой Албании.

⁵³⁶ *Artisien P.* A note on Kosovo and the future of Yugoslav-Albanian relations: a Balkan perspective // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 2. P. 267.

⁵³⁷ *Zanga L.* Albania and Yugoslavia expand electric energy cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/133 (Albania). 3 June 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:29cc67af-b775-42c1-8570-dbb6f9738c71> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵³⁸ *Antić Z.* Yugoslav-Albanian relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/89 (Yugoslavia). 23 April 1980. P. 3. // *Ibid.* URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9a79fb3a-1260-4665-a89b-bcf7fc9c0db1> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵³⁹ *Ibid.*

⁵⁴⁰ *Камкова Е. П.* Балканское направление внешней политики СФРЮ в 1980-1991 гг. // *Клио*. 2022. №11 (191). С. 86.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² *Antić Z.* Yugoslav-Albanian polemics over Kosovo escalate. RFE-RL* Research. RAD Background report/122 (Yugoslavia). 30 April 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Дата обращения: 21.08.2022).; См.: *Biberaj E.* Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // *East European Quarterly*. 1983. № 4. P. 173-189.

К антиюгославской кампании тогда подключился даже всемирно известный писатель Исмаиль Кадаре, произведения которого печатались в том числе и в Югославии. В частности, он раскритиковал любое культурное сотрудничество с СФРЮ, заявив, что «в Югославии проводится лихорадочная кампания против албанской культуры, литературы и искусства»⁵⁴³, хотя в действительности дела обстояли, скорее, наоборот. Дело в том, что в предшествующее десятилетие в рамках югославско-албанского культурного сотрудничества в Косово в большом количестве ввозилась албанская литература, в то время как Албания всячески препятствовала поставкам югославской. Тирана также на протяжении более чем трёх десятилетий саботировала подписание официальной программы двустороннего культурно-образовательного сотрудничества, последняя из которых на момент описываемых событий предлагалась делегацией САК Косово НСРА в 1979 г. В 1980 г. министр культуры Албании посетила Косово, но отказалась от визита в Белград, нанеся тем самым серьёзное оскорбление принимающей стороне⁵⁴⁴.

14 мая 1981 г. югославское правительство выразило острый протест против «грубого вмешательства НСР Албании во внутренние дела Югославии»⁵⁴⁵, а в ночь на 23 мая 1981 г. на территории югославского посольства в Тиране прозвучало два взрыва⁵⁴⁶. Албанское правительство «полностью отвергло обвинения Белграда в их организации, однако сам случай вылился во всеобъемлющую критику Албании со стороны СФРЮ»⁵⁴⁷. Фактически, инцидент со взрывами привёл к отказу Белграда от дальнейших попыток преодоления напряжённости в двусторонних отношениях, от существующих форм сотрудничества и способствовал началу жёсткой полемики с Тираной. В частности, из уст члена Президиума СФРЮ, этнического албанца Фадила Ходжа тогда прозвучало обвинение Албании в том, что она стремится «превратить Балканы в пороховую бочку»⁵⁴⁸ и тем самым «потворствует реакционным силам за рубежом»⁵⁴⁹, под которым подразумевался и Советский Союз. С точки зрения Ходжи, последний был заинтересован в дестабилизации внутренней обстановки в Югославии с тем, чтобы ослабить её влияние в Движении неприсоединения и, сломив сопротивление неприсоединившихся стран, привлечь их на свою сторону⁵⁵⁰. Ходжа также акцентировал внимание албанской общественности на том, что проявления албанского национализма в

⁵⁴³ Идеологија под плаштом културе // Политика. 5. јун 1985. С. 15.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Оштар протест југословенске владе // Там же. 15. мај 1981. С. 1.

⁵⁴⁶ *Zanga L.* Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/163 (Albania). 9 June 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁴⁷ Каткова Е. П. Балканское направление внешней политики СФРЮ в 1980-1991 гг. // Клио. 2022. №11 (191). С. 86.

⁵⁴⁸ Цит. по: *Antić Z.* Yugoslav-Albanian polemics... P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁴⁹ Ibid.

⁵⁵⁰ Ibid.

конечном итоге угрожают именно «автономности и независимости Албании»⁵⁵¹, поскольку приведут к «возрастанию сербского, болгарского и греческого национализмов»⁵⁵².

Югославским правительством были наложены ограничения на сотрудничество «Радио Приштина» с «Радио Тирана» и «Радио Кукес», трансляцию телепрограмм албанского телевидения в Косово, взаимодействие Приштинского и Тиранского университетов; было принято решение о сокращении численности студентов Приштинского университета на 10% и переводе некоторых его подразделений в более отдалённые районы края, что вызвало решительное недовольство в Албании и обвинения Белграда в «шовинизме» и «мракобесии»⁵⁵³, а также беспрецедентные шаги по поощрению косовской интеллигенции к продолжению поиска сотрудничества с Тираной. Студентам албанского происхождения в Косово, Македонии и Черногории предлагалось получать образование с помощью албанского радио и телевидения, на которых было резко увеличено количество просветительских программ. На границе с Косово Албанией была даже возведена специальная радиостанция повышенной мощности⁵⁵⁴.

Последующие события выявили бесперспективность югославо-албанского урегулирования. С каждым годом градус напряжённости только возрастал, а взаимные обвинения и нападки на страницах официальных печатных изданий стали повседневной нормой. Тирана продолжала вмешиваться во внутренние дела Югославии, осуществляя пропаганду среди косовских албанцев и подстрекая их к новым волнениям. В этом отношении Албания делала ставку на косоварских интеллектуалов и молодёжь.

Югославское руководство, встревоженное событиями 1981 г., предпринимало зеркальные меры, имевшие в основном идеологический подтекст. Надо заметить, что на этом этапе федеральные власти продолжали бороться не только с албанскими «ирредентистами», но и хорватскими «ушастами» и сербскими «четниками», однако ко второй половине 1980-х гг. наметилась определённая тенденция к потворствованию росту сербских националистических настроений как в обществе, так и во власти и армии. Постепенно югославо-албанская полемика трансформировалась в сербско-албанскую, в то время как остальные республики СФРЮ предпочли выступить пассивными наблюдателями конфликта. Вместе с тем, Югославия никогда не отказывалась от попыток нормализации двусторонних отношений при условии, что они будут базироваться на принципах взаимности, уважения и равноправия.

При всей эскалации ситуации в 1981 г. Белград и Тирана попытались избежать полного разрыва отношений. Так, например, в январе 1982 г. между правительствами двух стран даже

⁵⁵¹ Цит. по.: *Antić Z.* Yugoslav-Albanian polemics... P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁵² Ibid.

⁵⁵³ *Zanga L.* Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations... P. 5. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁵⁴ Ibid.

было подписано соглашение, впервые разрешающее транзитное сообщение между Титоградом (Черногория) и Охридом (Македония) через Албанию⁵⁵⁵, что позволяло значительно сократить время пути в сравнении с традиционным объездным маршрутом. Соглашение предусматривало исключительно транзит грузов, в то время как пассажирские перевозки в него не были включены. Для того чтобы обозначить его важность для СФРЮ достаточно сказать, что стандартный маршрут через Приштину был равен 620 км, в то время как через Тирану – всего 310 км. Другой вопрос, что по состоянию на сентябрь 1982 г. этот маршрут не использовала ни одна югославская фирма, осуществляющая грузоперевозки⁵⁵⁶. При этом Албания весьма активно задействовала территорию Югославии для транспортировки своих товаров и установления регулярного сообщения со странами Европы.

15 сентября 1982 г. в своей речи по случаю 40-летия Демократического фронта Албании (ДФА) один из ближайших соратников Энвера Ходжи, член Политбюро Албанской партии труда (АПТ) Рамиз Алия обратился к югославским албанцам с призывом «продолжить сопротивление югославским лидерам»⁵⁵⁷, целью которого должно быть изменение конституции СФРЮ и преобразования мятежного края в республику. Таким образом, любые договорённости с СФРЮ воспринимались Албанией как некая формальность и не отменяли генерального курса на идеологическое и политическое противостояние. Югославия, выступавшая в данном конфликте, скорее, с позиций обороняющейся стороны, не уступала своему противнику в жёсткости и безапелляционности взаимных обвинений.

Так, например, празднование 40-летия основания органов внутренних дел в САК Косово в мае 1984 г. было использовано местными властями как повод для обнародования информации о «враждебной националистической деятельности» в крае и за рубежом. Тирану обвиняли в том, что она является главным зачинщиком и спонсором антиюгославской деятельности за границей. В частности, косовская албанская газета «Rilindja» (*рус.* Возрождение) приводила следующие данные: «В настоящее время против Югославии в зарубежных странах работают 40 тысяч эмигрантов различных национальностей. В то же время 20 тысяч албанских эмигрантов действуют в 20 организациях против нашего общественного порядка. Их можно найти в США, Канаде, Австрии, Бельгии и т.д. Из них 4 тысячи – это албанцы из Югославии... Основными организациями являются Бали Комбетар [Национальный фронт – *Примечание автора*] и Косовская лига Движения за Албанскую Социалистическую Республику в Югославии (бывший Красный Фронт)... Деятельность некоторых финансируется службами безопасности США и

⁵⁵⁵ Stanković S. An anomaly in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/196 (Eastern Europe). 28 September 1982. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2d6b98df-2fee-4bda-98dd-cd47c6403ed6> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁵⁶ Ibid.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 2.

НСРА. Их цель – отделить Косово от Югославии и создать Великую Албанию либо под руководством Энвера Ходжи, либо в виде буржуазного государства»⁵⁵⁸.

Само информационное противостояние не было статичным по уровню своего накала и сопровождалось смягчением обвинительной риторики, краткосрочными и чаще всего неудачными попытками мирного урегулирования. В частности, в начале 1984 г. между сторонами возобновились переговоры по вопросу соглашения о культурном сотрудничестве, причём Албания пошла на компромисс, отказавшись от требования, по которому культурные обмены ограничивались бы только Косово, Македонией и Черногорией. Переговоры провалились уже в октябре того же года по причине принципиальности Югославии, упирающей на то, что «любое сотрудничество должно приносить пользу югославскому национальному меньшинству в Албании»⁵⁵⁹. Тирана, в свою очередь, обвинила Белград в саботаже переговоров и искусственном создании «македонской проблемы» в НСРА⁵⁶⁰.

Между тем, проблема югославского национального меньшинства, численность которого, по данным югославских властей, достигала в Албании порядка 100 тыс. человек (60-80 тыс. – македонцы, 20 тыс. – сербы, 15-17 тыс. – черногорцы, 2-3 тыс. – боснийские мусульмане)⁵⁶¹, действительно существовала. Притеснения выражались в запрете на использование родного языка, имён, фамилий и популяризацию национальной культуры, депортациях внутри страны, экспроприациях собственности и пр.

В конце декабря 1984 г. своеобразное политическое турне по Косову совершил министр внутренних дел СФРЮ Стане Доланц, высказывания которого о будущем югославно-албанских отношений носили весьма примирительный характер: «Мы хотели бы, если это приемлемо и для албанской стороны, установить политический диалог, который является нормальным выражением добрососедских отношений»⁵⁶². Кроме того, буквально через два месяца после срыва Белградом переговоров о двустороннем культурном сотрудничестве он сделал заявление о том, что Югославия «заинтересована в развитии сотрудничества в области культуры»⁵⁶³.

⁵⁵⁸ Rilindja. 13 mund 1984. Цит по: Zanga L. Yugoslavia concerned about Albanian activities in Kosovo and abroad. RFE-RL* Research. RAD Background report/103 (Eastern Europe). 19 June 1984. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c36cd109-4095-4b05-a0eb-b486f0b38345> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁵⁹ Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement. RFE-RL* Research. RAD Background report/31 (Eastern Europe). 26 February 1988. P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶⁰ Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶¹ Сто хиљада људи изложено најбруталнијим мерама репресије // Политика. 1. март 1990. С. 17.

⁵⁶² Stanković S. Situation report. RFE-RL* Research. Yugoslavia/1. 24 January 1985. P. 32. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:78d37fd0-6882-4faa-9112-c62fa96e32e7> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶³ Ibid. P. 33.

В 1985 г. по случаю 40-летия окончания Второй мировой войны в албанских средствах массовой информации начала активно тиражироваться информация об «интернационалистическом» вкладе албанских коммунистов в разгром нацистской Германии и участии 5-й дивизии Национально-освободительной армии Албании (НОАА) под руководством Рамиза Алии в освобождении Югославии⁵⁶⁴, что вызвало большое раздражение среди государственных и партийных чиновников последней и очередной виток взаимной критики. Дело в том, что после конфликта Албании и Югославии в 1948 г., ставшего следствием советско-югославского разрыва, югославские власти начали замалчивать участие албанских коммунистов в освобождении Югославии. Столько же ревностно они реагировали и на сообщения советской прессы, посвящённые определяющему вкладу Красной Армии в исход этой военной операции.

Смерть Энвера Ходжи 11 апреля 1985 г. хоть и дала основания полагать, что в среднесрочной перспективе может начаться улучшение двусторонних отношений, не положила конец идеологической полемике между Югославией и Албанией. В пользу тезиса о возможности прогресса в югославско-албанских отношениях говорил тот факт, что в 1986 г. Тирана по своей инициативе предприняла попытку прорвать блокаду в двусторонних культурных отношениях, пригласив декана Приштинского университета на празднование 100-летия первой албанской школы и 30-летия Тиранского университета⁵⁶⁵. Приштинский университет подобных инициатив не принял, заявив о том, что ожидает подписания официального государственного соглашения о культурном сотрудничестве.

В то же самое время в информационной войне с Белградом албанская пресса начала использовать новую уловку – воспроизводить в сокращённой форме критические статьи иностранных изданий о Югославии, а также обвинять коллективное руководство страны в отходе от принципов титоизма, как бы защищая титовское наследие от «унитаристских сил» и «сербского централизма»⁵⁶⁶. Удобным поводом для критики югославских властей стало исключение из СКЮ в 1987 г. в канун Конференции министров иностранных стран балканских стран в прошлом близкого соратника Тито Фадила Ходжи, позволившее печатному органу Албанской партии труда (АПТ) газете «Zeri i popullit» (рус. «Голос народа») обвинить Белград в преднамеренной попытке срыва первого участия Тираны в подобного рода мероприятии⁵⁶⁷.

⁵⁶⁴ Zanga L. Albania hails its “internationalist” contribution to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/11 (Albania). 19 February 1985. P. 1-2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:3fc00d83-9f62-4da6-bc68-0ca2a2d857c2> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶⁵ Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶⁶ Zeri i popullit. 27 tetor 1987. Цит по: Zanga L. News media coverage of events in Kosovo. RFE-RL* Research. RAD Background report/223 (Eastern Europe). 20 November 1987. P. 3. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶⁷ Ibid.

Между тем, «пропагандистская» война никогда не приводила к полному обвалу югославо-албанских отношений. Обе стороны всячески старались предупредить выход критики из-под контроля и её перерастание в серьёзный конфликт. Албанские власти неоднократно заявляли, что дестабилизация Югославии не является их стратегической целью: «Будучи соседями Югославии, мы заинтересованы не только в судьбе наших албанских братьев там, но и в мире и безопасности на Балканах. Мы не хотим какого-либо ухудшения ситуации в Югославии и её дестабилизации»⁵⁶⁸.

В декабре 1987 г. Тирана в очередной раз попыталась инициировать начало переговоров о культурном сотрудничестве, в то время как югославы до последнего момента не проявляли особого интереса к предложению⁵⁶⁹. К его принятию СФРЮ подтолкнуло публичное выражение обеспокоенности другими балканскими странами по поводу отсутствия подобного соглашения между Югославией и Албанией в канун Конференции министров иностранных дел балканских стран. В середине февраля 1988 г. стороны всё-таки подписали культурное соглашение, ставшее важным шагом вперёд даже несмотря на то, что оно не являлось окончательным, а лишь определяло принципы будущего сотрудничества в области науки, образования и культуры. Предварительное соглашение имело большой смысл, поскольку знаменовало собой выход из продолжавшегося в течение семи лет дипломатического тупика. Будучи подписанным всего за пять дней до открытия балканской конференции, оно также имело и символическое значение, означая, что обе стороны полностью поддерживают инициативу проведения встречи и будут принимать в ней активное участие⁵⁷⁰.

Ещё одним необычным и обнадеживающим шагом в предзнаменование конференции стало объявление о том, что группа из более чем двадцати югославских туристов отправится в двухдневную поездку в Албанию, первую в своём роде за долгие годы⁵⁷¹. Взаимная полемика, столь распространённая в прошлом, также была сведена к минимуму; начала активно подчёркиваться заинтересованность в различных формах сотрудничества, главным образом, в торговле.

Сама Конференция министров иностранных дел балканских стран состоялась 24-26 февраля 1988 г. в Белграде, став первой балканской конференцией, в которой приняли участие все страны полуострова, включая начавшую выходить из состояния внешнеполитической

⁵⁶⁸ Zanga L. News media coverage of events in Kosovo. RFE-RL* Research. RAD Background report/223 (Eastern Europe). 20 November 1987. P. 4. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁶⁹ Ibid.

⁵⁷⁰ Zanga L. News media coverage of events in Kosovo... P. 3. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁷¹ Таъуғ. 16. февруар 1988. Цит. по: Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Дата обращения: 21.08.2022).

изоляции Албанию, представленную на мероприятии министром иностранных дел Реисом Малиле. Приняв приглашение к участию в ней, новый глава партии и государства Р. Алиа по сути отошёл от принципа Э. Ходжи, согласно которому Албания не должна была быть представлена на многосторонних балканских политических встречах. Логичным продолжением белградской конференции стала встреча заместителей министров иностранных дел балканских стран в январе 1989 г. в Тиране. Разумеется, Югославия расценивала эти события как многообещающие.

Однако этого положительного импульса хватило ненадолго. Новый, пиковый виток напряжения в югославно (читай: сербско)-албанских отношениях начался уже весной 1989 г. и был связан с отменой Белградом широкой автономии для Косово и беспорядками в крае, в ответ на которые Тирана начала новую широкомасштабную антиюгославскую идеологическую кампанию.

Еще в начале года Р. Диздаревич дал комментарий американским журналистам, в котором отметил, что «Албания вносит свой вклад в обострение ситуации в Косово путём поощряющей пропаганды и распространения неправды о преследованиях албанцев в Югославии, что... представляет собой поддержку созданию “Великой Албании”...»⁵⁷². Аналогичные заявления делались в докладах югославских лидеров на заседаниях Президиума СФРЮ и Президиума ЦК СКЮ. Все эти укоры по сложившейся традиции были категорически отвергнуты Тираной, а в ответ звучали обвинения в «денационализации албанского меньшинства в плане языка, культуры и албанских обычаев», «негативном мнении правительства в Белграде о албанцах в Югославии» и в том, что отношение к албанцам «противоположно заявлением официальных югославских лиц»⁵⁷³, ставшие реакцией на восстановление Сербией суверенитета над Косово и начало «антибюрократической революции» в крае⁵⁷⁴.

Сербское руководство приступило к резкой критике югославских властей за слишком «мягкую», «снисходительную» и «капитулянтскую», по его мнению, политику в отношении Косово; стало требовать принятия более жёстких мер, апеллируя к тезисам об угнетении сербов и антисербской политике федерального центра. Югославно-албанские отношения, в соответствии с требованиями СР Сербии, должны были строго базироваться на принципах международного права, включая равноправие, невмешательство во внутренние дела, взаимное уважение и взаимовыгоду⁵⁷⁵.

⁵⁷² Албанија доприноси заостравању проблема на Косову // Политика. 4. јануар 1989. С. 2.

⁵⁷³ Маљилеове изјаве нетачне и значе грубо мешање у југословенске ствари // Там же. 8. април 1989. С. 2.

⁵⁷⁴ См. подробнее: *Искендеров П. А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 38-54.; *Он же.* Албания и кризисы на постюгославском пространстве // Албанский фактор кризиса на Балканах: Сборник научных трудов. М., 2003.

⁵⁷⁵ Маљилеове изјаве нетачне и значе грубо мешање у југословенске ствари // Политика. 8. април 1989. С. 2.

Результатом политического и информационного противостояния по косовской проблематике стало то, что даже в массовых волнениях 1990 г. в Албании в результате были обвинены Югославия и Сербия⁵⁷⁶: «Ясно, что существуют силы, которые не желают Албании добра и которые не желают мириться с существованием албанской нации»⁵⁷⁷, – заявил на митинге в поддержку коммунистического режима в Албании член Политбюро и секретарь ЦК АПТ Джелиль Джони.

И всё-таки эпохальные изменения, происходящие на континенте, принуждали стороны к сотрудничеству. В октябре 1990 г. Тирану для официальных переговоров с Р. Алией и Р. Малиле посетил Б. Лончар⁵⁷⁸. Это был первый контакт между странами на столь высоком уровне за последние 48 лет⁵⁷⁹. По результатам переговоров, что немаловажно, был констатирован факт совместного участия в антифашистской борьбе. Рамиз Алиа согласился с необходимостью уважения территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела других стран, что фактически означало уважение к единству Югославии и Сербии. В ходе переговоров также были затронуты вопросы о положении албанского национального меньшинства в Югославии и югославского национального меньшинства в Албании. Сторонами была выражена готовность дальнейшего развития двусторонних отношений «в духе нового времени и демократических процессов в Европе»⁵⁸⁰. Менее чем через год после встречи, 2 июня 1991 г. в Тиране была парафирована консульская конвенция между Албанией и Югославией, ставшая первым подобного рода документом за весь послевоенный период и одним из первых двусторонних договоров после 1948 г.⁵⁸¹

Говоря об экономическом сотрудничестве СФРЮ и НСРА, надо заметить, что оно являлось наиболее стабильной составляющей двусторонних отношений и не прекращалось даже в периоды наивысшей напряжённости. Ежегодно между странами заключались протоколы о торговом сотрудничестве. В 1981 г. товарооборот составил около 120 млн долларов⁵⁸², в то время как в 1990 г. – всего 65 млн долларов⁵⁸³. Кроме того, для него был характерен высокий югославский профицит, что было связано со структурой торговли: Югославия экспортировала в Албанию стиральные машины, телевизоры, холодильники, сплавы железа, железобетон и автомобильные шины, а импортировала хромиты, пропан, бутан, газ, химические продукты, медную проволоку, фрукты и пр.

⁵⁷⁶ См. подробнее: Курбацкий В. А. Внешняя политика Албании в конце XX - начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

⁵⁷⁷ Тирана оптужује Југославију и Србију // Политика. 15. јул 1990. С. 2.

⁵⁷⁸ Поштовани интегритет Југославије и Србије // Там же. 27. октобар 1990. С. 1.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ Прва конзуларна конвенција СФРЈ и Албаније // Там же. 3. јун 1991. С. 2.

⁵⁸² Jugoslavija i SEV... S. 44.

⁵⁸³ Поштовани интегритет Југославије и Србије // Политика. 27. октобар 1990. С. 1.

Итак, можно говорить о том, что югославско-албанские отношения находились в прямой зависимости от внутренней обстановки в СФРЮ, а конкретно – в Косово. При этом этнические албанцы, проживающие в Югославии, так и не стали связующим мостом между соседними странами, на что долгое время надеялись как югославские лидеры, так и лидеры других балканских государств, заинтересованные в стабильном развитии региона. Дух балканского сотрудничества вообще был поставлен под угрозу национальным кризисом в Югославии и обострением её двусторонних отношений с Албанией.

2.4. Югославия и Китай: взаимовыгодное сотрудничество

В Китае с искренним сожалением отнеслись к новости о кончине И. Броз Тито, но, вместе с тем, увидели в этом событии для себя новые открывающиеся возможности, в частности, в являвшихся своеобразной зоной соперничества между Движением неприсоединения и Китайской Народной Республикой (КНР) странах «третьего мира». Внимательно анализируя югославскую внутривластную повестку, китайские лидеры осознавали, что начавшие обостряться после смерти Тито экономические и национальные проблемы, неизбежно приведут к снижению внешнеполитической активности Белграда, игравшего роль одного из островов неприсоединения. Вместе с тем, Пекин, находившейся в международной изоляции, придавал дружбе с Югославией особое значение и опасался возможной смены политического курса Белграда при преемниках Тито. Для Югославии отношения с Китаем «выступали гарантом усиления, укрепления и утверждения её независимого международного положения и представляли собой долгосрочный стратегический интерес»⁵⁸⁴.

В целом, отношения между СФРЮ и КНР на протяжении 1980-х гг., разве что за исключением конца десятилетия, характеризовались постоянным развитием и расширением всех видов межгосударственного и межпартийного сотрудничества. Встречи на государственном уровне являлись константой двусторонних контактов. Только в первые три года после смерти Тито их было проведено порядка 40⁵⁸⁵. Особенное значение среди них имел официальный визит в Пекин в начале ноября 1980 г. председателя СИБ В. Джурановича, задачей которого стало получение заверений китайской стороны в перспективном углублении экономического сотрудничества с СФРЮ, вставшей перед лицом системного кризиса и

⁵⁸⁴ *Arežina, Sanja Z.* Odnosi NR Kine sa Jugoslavijom i Srbijom od 1977. do 2009. godine. Doktorski rad. Beograd, 2013. S. 171.

⁵⁸⁵ *Stanković S.* Chinese foreign minister visits to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Дата обращения: 21.08.2022).

нуждающейся во всесторонней поддержке Китая⁵⁸⁶. Неслучайно, вторым после Джурановича человеком в составе югославской делегации был министр иностранной торговли Метод Ротар.

Китайское руководство, в отличие от советских и западных лидеров, к наследникам Тито относилось с большим уважением, что вносило в двусторонние отношения толику равноправия и взаимной симпатии. Центральный печатный орган ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) газета «Жэньминь жибао» (рус. «Народная ежедневная газета») по поводу визита Джурановича дословно писала, что он явился «ещё одним после визита Иосипа Броз Тито в 1977 г. счастливым событием в анналах китайско-югославских отношений»⁵⁸⁷. Югославская пресса, со своей стороны, отмечала, что оба государства роднит то, что они борются против «всех форм гегемонии»⁵⁸⁸, за «государственный суверенитет, территориальную неприкосновенность и невмешательство во внутренние дела других государств»⁵⁸⁹. Так, и Югославия, и Китай выступали с решительной критикой действий Советского Союза в Афганистане.

Сложившиеся к 1980 г. между двумя странами экономические отношения нельзя было назвать безоблачными: Югославию не устраивали объёмы торговли, а Китай – нежелание Югославии увеличивать импорт китайских товаров. Причём Югославия к этому времени на регулярной основе экспортировала в Китай тракторы, корабли, моторы, сельскохозяйственную технику, т.е. готовую промышленную продукцию. Китайский экспорт в Югославию включал в себя, главным образом, природные ископаемые – нефть, металл и уголь. В ходе двусторонних переговоров удалось наметить пути разрешения указанных противоречий: обе стороны выразили желания увеличить объёмы двусторонней торговли, а также разнообразить номенклатуру поставляемых друг другу товаров, что было достигнуто в течение нескольких последующих лет, и всячески способствовать развитию торговых контактов в дальнейшем. Координирующую роль в упорядочении и активизации двусторонней торговли при этом должен был играть смешанный китайско-югославский Комитет по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

По вопросу международной повестки страны выразили друг другу абсолютную солидарность и поддержку, причём председатель ЦК КПК Хуа Гофэн и премьер Государственного совета КНР Чжао Цзяян акцентировали внимание на «неоценимом вкладе

⁵⁸⁶ *Stanković S.* Chinese foreign minister visits to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁸⁷ Југословени привржени несврставању // Политика. 7. новембар 1980. С. 1.; *Antić Z.* Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 19 November 1980. P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁸⁸ Југословенско-кинески односи. Ђурановић данас у Пекингу // Политика. 6. новембар 1980. С. 5.

⁵⁸⁹ Там же.

Югославии в работу Движения неприсоединения»⁵⁹⁰, эффективности её «борьбы с агрессией и попытками установления гегемонии»⁵⁹¹: «Китай не является неприсоединившейся страной, но он ценит и поддерживает значение Движения неприсоединения в борьбе за мир во всём мире. Мы убеждены, что Югославия продолжит играть выдающуюся роль в нём»⁵⁹², – отметил Гофэн. Очевидно, что китайское руководство подобными заявлениями желало побудить Югославию к оживлению деятельности в Движении неприсоединения и началу более активной идеологической кампании против советской военной интервенции в различных частях мира.

Китайские лидеры обозначили заинтересованность в продолжении изучения опыта югославского «самоуправления» и практике югославской национальной политики. Китай, стремясь модернизировать свою экономику и общество, готов был учиться у всех, в том числе и у югославов. Однако переоценивать его интерес к югославской эмпирии всё же не стоит: опыт Югославии едва ли мог быть применён к такой большой и сложной стране как Китай.

По результатам визита В. Джурановича КНР и СФРЮ также обязались продолжить сотрудничество в научно-технической, культурной и гуманитарной сферах, в том числе способствовать стимуляции студенческих обменов. Китайская сторона проявила интерес к организации югославской полиции и в течение следующих лет обращалась к югославским коллегам за консультациями. В 1984 г. Югославия помогла Китаю официально вступить в Интерпол⁵⁹³.

29 мая - 2 июня 1981 г. в ответ на визит своего китайского коллеги Хуана Хуа в Белград в ноябре 1979 г. Пекин посетил министр иностранных дел СФРЮ И. Врховец⁵⁹⁴. Китай видел в этом визите не только вклад в развитие сотрудничества между двумя странами, но и уникальную возможность спустя год после смерти И. Б. Тито получить подтверждение югославской стороны в приверженности «титовскому пути во внутренней и внешней политике»⁵⁹⁵. К роли «титовского» фактора в отношениях посттитовской СФРЮ и КНР не следует относиться поверхностно, наоборот, он весьма симптоматичен: интенсификация отношений между Югославией и Китаем была следствием независимого от Советского Союза дипломатического курса Белграда, выработанного Тито и его сподвижниками. В этой связи для КНР Югославия становилась, по сути, единственным центром влияния в Восточной Европе и была важна с точки зрения стратегического внешнеполитического планирования.

⁵⁹⁰ *Stanković S.* Yugoslavia's prime-minister in China. RFE-RL* Research. RAD Background report/272 (Yugoslavia). 17 November 1980. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6dc71a72-8be1-487e-a3d6-ff895cebee75> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁹¹ Ibid.

⁵⁹² *Antić Z.* Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁹³ Ibid.

⁵⁹⁴ Врховец данас у Пекингу // Политика. 29. мај 1989. С. 3.

⁵⁹⁵ Там же.

В ходе бесед Врховца с Дэном Сяопином и Чжао Цзяньном обсуждались внутривластная обстановка в Китае и Югославии, локальные вооружённые конфликты, положение дел в Европе и процессы разрядки международной напряжённости; включение Китая в диалог глобальных Севера и Юга, перспективы становления нового экономического порядка. Белграду было исключительно важно заручиться поддержкой азиатского гиганта в деле отстаивания национальных интересов малоразвитых стран перед сверхдержавами и их союзниками. В свою очередь, Китай был заинтересован в действиях Югославии, направленных на консолидацию находящегося в кризисном состоянии и исторически игравшего роль политического противовеса СССР Движения неприсоединения.

Состояние югославско-китайских отношений, в целом, было оценено как благоприятное, причём, по замечанию Д. Сяопина, их отличало «глубокое взаимное доверие между странами и партиями, что является своеобразным знаком качества в международных отношениях вообще и тем более – в отношениях между малыми и большими государствами»⁵⁹⁶.

В мае 1983 г. в Белграде в рамках своего небольшого восточноевропейского «турне», включившего Югославию и Румынию, гостил лидер Компартии Китая Ху Яобан⁵⁹⁷. Его визит был расценён как признак желания Пекина усилить поддержку коммунистических стран⁵⁹⁸. В декабре 1983 г. Яобан принимал члена Президиума ЦК СКЮ от Словении Андрея Маринца уже в Пекине⁵⁹⁹. Накануне прибытия Маринца в газете «Beijing review» (рус. «Пекинское обозрение») были опубликованы выдержки из статьи первого посла КНР в Югославии Ву Сючуэна⁶⁰⁰ «Боевые годы в министерстве иностранных дел»⁶⁰¹, в которой говорилось, что осуждение Китаем «югославского пути» после разрыва между И. В. Сталиным и И. Б. Тито в 1948 г. как «измены» и «ереси» было неправильным, а также то, что «многое из того, что сделали югославы, послужит для нас [Китая – *Примечание автора*] хорошим ориентиром»⁶⁰². В статье подчёркивалось, что «Югославия избежала ошибки создания такого культа личности, который имел тяжёлые последствия для Советского Союза, Китая и международного коммунистического движения в целом»⁶⁰³. Особо тёплые слова Ву посвятил Тито и его гибкому внутривластическому курсу, отличавшемуся, по его мнению, меньшей степенью централизации, демократичностью и коллективным принципом выработки решений;

⁵⁹⁶ Веома успешна и корисна посета // Политика. 1. јун 1981. С. 1.

⁵⁹⁷ *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁵⁹⁸ Ibid.

⁵⁹⁹ Ibid.

⁶⁰⁰ Занимал этот пост с марта 1955 г. по май 1958 г.

⁶⁰¹ Beijing review. 1983. Vol. 26. To. 49. 5 December. P. 17-23.

⁶⁰² Цит. по: *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia... P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁶⁰³ Ibid.

делегированием полномочий исполнительным органам власти. Ву считал, что «у Китая много общего с Югославией» и одной из наиболее важных общих характеристик является тот факт, что «обе страны настаивали на равном статусе с Советским Союзом, развивая собственный социалистический путь»⁶⁰⁴.

С 28 по 31 марта 1984 г. с официальным визитом в Югославии находился министр иностранных дел КНР У Сюэцзянь⁶⁰⁵. Примечательно, что в Белграде он провёл переговоры не только с высокопоставленными югославскими партийными и государственными деятелями, но и с заместителем госсекретаря США по политическим делам, бывшим послом США в Югославии Лоуренсом Иглбергером. Парадоксально и в тот же момент закономерно, что югославская пресса, всегда уделявшая большое внимание встречам югославских и китайских лидеров, в этот раз проигнорировала визит Сюэцзяня, чтобы не вызывать дополнительную подозрительность со стороны СССР. Таким образом, сближение с Пекином для Белграда имело свои «красные линии» и было возможным лишь в том диапазоне, который бы не ставил под угрозу его отношения с Москвой.

В мае 1984 г. Китай посетил председатель Президиума ЦК СКЮ Д. Маркович, а в августе - сентябре 1984 г. с ответным визитом в Югославии находился председатель КНР Ли Сяньнянь⁶⁰⁶. Китайская сторона в очередной раз выступила с активной критикой СССР, однако югославские лидеры уже не решались столь открыто поддерживать её в этом вопросе, как делали это прежде, лишь выразив согласие с китайской делегацией в том, что касалось необходимости возвращения к истокам марксизма. Географическая близость Советского Союза и постоянно увеличивающаяся экономическая зависимость обязывали Югославию занимать более тактичную и осмотрительную позицию⁶⁰⁷.

В последующие годы интенсивность двусторонних связей несколько снизилась, что было вызвано обострением внутренней ситуации в СФРЮ, а также растущими сомнениями Китая в целесообразности интенсификации отношений с государством, чьё существование стояло под угрозой. Более того, в определённом плане Китаю мог быть даже выгоден распад единой Югославии и исчезновение соперника в «третьем мире», экспансия Пекина в который продолжала расти⁶⁰⁸. Вместе с тем, стороны с интересом относились к внутривнутриполитическим преобразованиям и внешнеполитической активности друг друга. По мнению югославского руководства, китайская внешняя политика приносила в международные отношения «необходимую миру толику стабильности и позитивных изменений», а «решительные шаги,

⁶⁰⁴ *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia... P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Дата обращения: 21.08.2022).

⁶⁰⁵ Ibid. P. 1.

⁶⁰⁶ Ibid.

⁶⁰⁷ Ibid.

⁶⁰⁸ Ibid.

которые предпринимались в деле внутреннего реформирования, экономического, общественного и социального преобразования, представляли собой драгоценный вклад в утверждении творческого подхода в развитии социализма в современном мире»⁶⁰⁹. Югославия последовательно выступала на стороне Пекина по «тайваньской проблеме» и в ответ получала поддержку в «косовском вопросе». Китайские руководители также продолжали положительно высказываться как о роли СФРЮ в Движении неприсоединения, так и об опыте югославских внутривластных реформ.

За вторую половину 1980-х гг. СФРЮ с Китаем подписала следующие важные соглашения: «О сотрудничестве в области здравоохранения и медицинских наук» (1985), «О сотрудничестве в финансово-банковской сфере» (1985), «О сотрудничестве в таможенных вопросах» (1989) и некоторые другие⁶¹⁰. Общей их чертой являлось то, что они не предлагали беспрецедентных и масштабных мер и заключались, скорее, по инерции, нежели из амбициозных устремлений всестороннего углубления двусторонних отношений. Тем не менее, за заключением экономических соглашений последовал существенный, но временный прогресс в торговом и финансовом сотрудничестве двух стран, последовательное снижение уровня китайского торгового дефицита: так, если в 1984 г. соотношение китайского импорта и экспорта в двусторонней торговле составляло 12:1, то в 1985 г. – 5,7:1, а в 1986 г. – и вовсе 1,6:1⁶¹¹.

Особняком стояло военно-техническое сотрудничество между СФРЮ и КНР, в котором, по понятным причинам, в большей степени был заинтересован Пекин. Помимо собственно югославской военной техники, китайская сторона проявляла большой интерес к сотрудничеству в производстве вооружений советских образцов, на что Белград отвечал категорическим отказом из-за обязательств по лицензионным соглашениям с СССР⁶¹². Военное сотрудничество Югославии с Китаем основывалось преимущественно на обмене опытом в области военной промышленности, образования и науки.

Из двусторонних встреч в верхах второй половины 1980-х гг. стоит отметить визит председателя Президиума СФРЮ Р. Влайковича и главы югославской дипломатии Р. Диздаревича в Китай в апреле 1986 г., в рамках которого они провели переговоры с председателем КНР Ли Сяньнянем, премьером Чжао Цзяньном и министром иностранных дел У Сюэцзянем⁶¹³. Стороны констатировали рекордный рост экономического сотрудничества: за предшествующий встрече год торговый обмен между странами достиг совокупного размера в

⁶⁰⁹ Пријатељство Кине и Југославије има чврсту основу // Политика. 6. јануар 1989. С. 2.

⁶¹⁰ *Arežina, Sanja Z.* Op. cit. S. 201.

⁶¹¹ Југословенска-кинеска економска сарадња // Политика. 6. јануар 1987. С. 2.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ Мир брига свих народа // Там же. 4. април 1986. С. 1.

189 млн долларов⁶¹⁴. Китайские лидеры выразили особую заинтересованность в заключении бартерных соглашений и артикулировали возможности по увеличению объёмов торгового обмена до показателей в 400 млн долларов к концу 1987 г.⁶¹⁵ и расширению сотрудничества в области электроники, производства строительного материала, машиностроения, химической, сельскохозяйственной и пищевой промышленности. В июле того же года с ответным визитом после своего пятидневного пребывания в Румынии Югославию посетил Чжао Цзыян⁶¹⁶, в ходе встреч которого с высшими руководством СФРЮ, были закреплены прежние договорённости.

В апреле 1988 г. в Китай нанёс визит Б. Лончар. Главным предметом обсуждений нового югославского министра иностранных дел с премьером КНР Ли Пэном и другими китайскими официальными лицами стали реформы в социалистических странах и коммунистических партиях, а также меняющаяся международная повестка. Ли Пэн сделал важное заявление относительно ценности югославского опыта развития в духе «демократизации» и «усиления реальной, рыночной экономики»⁶¹⁷, отметив его историческое значение, а министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь назвал Югославию «пионером [демократической – *Примечание автора*] реформы»⁶¹⁸. Китайское руководство также признало важную роль конференции министров иностранных дел балканских стран, состоявшейся в Белграде в феврале 1988 г. по инициативе Югославии. Подчёркнуто благожелательный и уважительный тон переговорщиков по отношению друг к другу, большая степень взаимопонимания являлись отличительной чертой двусторонних встреч на высоком и высшем уровнях в 1980-е гг.

В январе 1989 г. в СФРЮ находился министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь⁶¹⁹. В Белграде в Центре стратегических исследований он выступил со специальной лекцией на тему «внешней политики Китая в современной международной ситуации», в которой сделал прогностическое заявление о том, что «XXI в. станет веком Азии и Тихоокеанского региона»⁶²⁰. При этом риторика китайцев по вопросу внешнеполитической роли Югославии фактически не изменилась с начала 1980-х гг., подтверждение чему, в частности, можно найти и в тексте вышеупомянутой лекции Цичэня: Пекин по-прежнему ценил Югославию как одного из лидеров неприсоединения, признавая, впрочем, тот факт, что само Движение переживает кризисное состояние.

К протестным акциям на пекинской площади Тяньаньмэнь в апреле-июне 1989 г., Югославия отнеслась осторожно и осмотрительно. Несмотря на то, что события вызвали глубокую обеспокоенность руководства и широко освещались в югославской прессе,

⁶¹⁴ Мир брига свих народа // Политика. 4. април 1986. С. 1.

⁶¹⁵ Там же. С. 2.

⁶¹⁶ Сусрет Цао – Микиулић // Там же. 7. јул 1986. С. 1.

⁶¹⁷ Слични погледи Југославије и Кине // Там же. 27. април. С. 2.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Пријатељство Кине и Југославије има чврсту основу // Там же. 6. јануар 1989. С. 2.

⁶²⁰ Спорови се не могу решавати војском // Там же. 7. јануар 1989. С. 2.

однозначная и конкретная оценка со стороны государственных властей дана им не была. 9 июня 1989 г. на очередном заседании комитета по внешней политике Скупщины Б. Лончар подчеркнул, что вопрос о том, каково будущее Китая относится к «области предположений и спекуляций» и что «независимо от исхода и от того, какая концепция пути китайского развития возобладает, события в Китае неминуемо скажутся на международных отношениях»⁶²¹, переведя далее тему своего выступления на меры югославского посольства и лично посла Звоне Драгана по обеспечению безопасности югославских граждан и их эвакуации из Китая. В условиях, когда основной упор в двусторонних отношениях делался на торговле, югославы больше волновали экономические последствия политической нестабильности в КНР, а с идеологической точки зрения – исторические ошибки «социализма с китайской спецификой». Что же касается югославских периодических изданий, события в Китае ими часто интерпретировались как «трагедия», за которую китайский режим несёт ответственность перед всем миром, и описывались в патетических тонах, причём протестовавшие студенты представлялись как мученики и борцы за свободу и демократию⁶²².

Китай, в свою очередь, с беспокойством и неудовлетворением следил за дезинтеграционными событиями в СФРЮ, приобретшими к концу 1980-х гг. фатальный характер. Несостоятельность югославского политического режима, дискредитация коммунистических идей и рост национализма в качестве альтернативы социализму спровоцировали неуверенность КНР относительно перспектив сотрудничества с СФРЮ и негативно сказались на экономических отношениях между двумя странами, выступавших базисом югославо-китайской дружбы: наиболее серьёзное падение объёмов двусторонней торговли претерпела в 1990 и первой половине 1991 г. Специальным экономическим соглашением от 1985 г. утверждалось, что за 1986-1990 гг. совокупный объём торговли в оба направления должен достигать отметки в 400 млн долларов ежегодно⁶²³. Между тем, товарооборот за 1990 г. составил 208 млн долларов, причём на югославский импорт пришлось всего 27 млн долларов⁶²⁴. За первые четыре месяца 1991 г. Югославия поставила товаров в КНР и вовсе на общую сумму в 6,8 млн долларов⁶²⁵. Драматичное падение претерпевало и производственно-техническое сотрудничество двух стран. Для Югославии ситуация осложнялась ещё и процессом постепенного снятия западных экономических санкций с Китая, начавшимся в конце 1990-го года. Столь неблагоприятные тенденции двусторонней экономической кооперации волновали как Белград, так и Пекин. В начале июня 1991 г. с пятидневным визитом Югославию посетила делегация во главе с министром внешней

⁶²¹ Оцена збивања у Кини // Политика. 9. јун 1989. С. 2.

⁶²² Например, *Ранчић Д.* Кинеска драма // Там же. 10. јун 1989. С. 2.

⁶²³ Велики пад нашег извоза // Там же. 4. јун 1991. С. 4.

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ Там же.

экономических связей и торговли КНР Ли Ланьцинем, целью которой должно было стать «увеличение и сбалансирование» сотрудничества с СФРЮ⁶²⁶. Значимость переговоров и принятых на них решений была сведена на нет скорым распадом СФРЮ.

Из примеров успешного сотрудничества КНР и СФРЮ в последние полтора года существования последней стоит назвать подписание договора между сараевским «Энергоинвестом» и городом Баоцзи по созданию смешенного предприятия для изготовления грузовых автомобилей; начало производства земунской «Галеникой» препаратов китайской традиционной медицины в Белграде; соглашение между белградским «Интерэкспортом» и фирмой гонконгской «Сописа» по основанию совместной фабрики для производства цветных телевизоров в Новом Саде, а также инициативу люблянкой «Смелт» по проектированию гидроэлектростанции для Китая⁶²⁷.

Факт распада единой СФРЮ в Китае, борющемся с сепаратизмом Тибета, Синьцзяня и Тайваня, априори не мог быть воспринят положительно. Между тем, основные принципы китайской внешней политики обязывали её дипломатию отнестись к распаду Югославии как к необратимой и закономерной данности, проявив почтение и уважение к национальной югославской специфике и праву её народов самостоятельно определять своё будущее. В этой связи прекращение существования СФРЮ не вызвало в Китае ни широкой политической дискуссии, ни пристального общественного внимания, однако дальнейшее вмешательство западного блока во внутренние дела бывшей Югославии, так называемая «гуманитарная интервенция» НАТО привели к тотальному неприятию и осуждению со стороны Китая. Сама же КНР вступала в новую фазу своей истории, характеризовавшуюся более активной внешней политикой, а потому Югославия переставала для неё играть роль столь необходимого прежде «окна в Европу». Китайский прагматизм проявился и в том, что Пекин признал и поспешил установить дипломатические отношения с каждым из пяти образовавшихся на территории бывшей Югославии национальным государством. Дальнейшие связи с ними Китай развивал в соответствии с формулой «взвешенное отношение к каждому», согласно которой хорошие отношения с одной из бывших республик не должны были вредить отношениям с другой⁶²⁸.

Таким образом, отношения между СФРЮ и КНР в 1980-е гг. базировались на принципах равноправия и взаимоуважения и оказывали позитивное влияние как на внутреннее развитие двух стран, так и на их авторитет на международной политической арене. Проблемы, периодически появлявшиеся в отношениях между Белградом и Пекином, не носили принципиального и неразрешимого характера. Югославия могла положиться на Китай в тех случаях, когда речь заходила о её разногласиях с СССР и с Западом, однако, разумеется, не

⁶²⁶ Велики пад нашег извоза // Политика. 4. јун 1991. С. 4.

⁶²⁷ Там же.

⁶²⁸ *Arežina, Sanja Z.* Op. cit. S. 209.

могла надеяться на его помощь в разрешении внутренних проблем. Именно внутренние проблемы СФРЮ в результате и стали причиной всемерного упадка югославно-китайских отношений, и в первую очередь – их экономической составляющей.

Глава 3. Движение неприсоединения и развивающиеся страны во внешней политике Югославии

3.1. Общая характеристика внешнеполитического потенциала Движения неприсоединения в 1980-е гг.

В 1980-е гг. по ряду причин Движение неприсоединения (ДН) уже не представляло из себя той внешнеполитической силы, которой являлось прежде. Во-первых, этому способствовала политика сверхдержав, гораздо более занятых в последнее десятилетие «холодной войны» урегулированием двусторонних отношений и не придававшим Движению столь важного значения как ранее. Во-вторых, начавшаяся в середине 1980-х гг. «перестройка» в Советском Союзе инициировала изменение внешней политики Москвы и привела к её отказу от вмешательства во внутренние дела не только третьих государств, но и стран социалистического блока, что закономерным образом привело к временному падению интереса США к развивающимся странам. В-третьих, падению престижа и авторитета ДН способствовали внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы, с которыми пришлось столкнуться ряду её членов, в том числе и Югославии, выступавшей одним из лидеров организации. В-четвёртых, конфликты или противоречия между отдельными членами неприсоединения, например, Югославией и Кубой, Югославией и Вьетнамом, Вьетнамом и Кампучией, Ираком и Ираном, Пакистаном и Афганистаном ослабляли его изнутри⁶²⁹. Странам становилось всё сложнее координировать свои действия и вырабатывать общую позицию по тем или иным международным вопросам. Тем не менее, сохранение за Движением статуса «третьей силы» на мировой политической арене было жизненно важным для тех стран, которые мыслили участие в нём как базис для своей внешней политики.

В идеологическом плане ДН продолжало сохранять относительную сплочённость и твёрдость в артикуляции тех принципов, на которых зиждилось. Главные цели организации были перечислены в Гаванской декларации 1979 г. и включали в себя борьбу за независимость, суверенность, территориальную целостность и безопасность стран «третьего мира», справедливый политический и экономический порядок; борьбу против империализма, неоколониализма, расизма, всех форм дискриминации, гегемонии и агрессии, а также блокового мышления⁶³⁰. Для неприсоединившихся стран взаимное содействие было гарантом самостоятельности, неприкосновенности и равноудалённости от мировых держав. В этой связи

⁶²⁹ См. подробнее: *Дмитриева О. Д.* Движение неприсоединения и региональные конфликты. М., 1990.

⁶³⁰ *Тузмухамедов Р. А.* Движение неприсоединения и международное право. М., 1989. С. 23; См.: *Köchler H.* The Principles of Non-Alignment. The Non-Aligned Countries in the 80's. London, 1988.

зачастую моральная поддержка, оказываемая членами неприсоединения друг другу, значила не меньше, чем реальная практическая помощь.

Фактический раскол ДН произошёл в 1979 г. и был связан с советской интервенцией в Афганистан. Не все неприсоединившиеся государства смогли осудить Советский Союз за вмешательство во внутренние дела Афганистана, являвшегося одним из участников движения. Просоветская позиция Кубы ударила по её репутации внутри организации, привела к активной антикубинской риторике и способствовала передаче реального лидерства в руки Индии – с 1983 г. по 1986 г. пост председателя Движения занимали Индира Ганди, а после её смерти – шестой и седьмой президенты Индии Нилам Санджива Редди и Зейл Сингх. Не менее серьёзную озабоченность участников неприсоединения вызывали действия Вьетнама, пренебрегшего своим членством в организации и начавшего полномасштабное военное вторжение на территорию Камбоджи, а также ирано-иракский конфликт. Таким образом, с начала 1980-х гг. можно было говорить о начавшейся «фрагментации» и общем «регрессе» движения⁶³¹.

Большим ударом для ДН также явилась смерть в 1980 г. югославского лидера И. Броз Тито, выступившего одним из создателей движения и верных последователей его принципов и целей в своей внешней политике. Примерно в то же самое время скончались активные сторонники неприсоединения – первый президент Ботсваны Серетсе Кхама и первый президент Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) Тон Дык Тханг. Следует признать, что субъективный фактор значил многое для движения с точки зрения его эффективности, последовательности и принципиальности проводимого курса⁶³², хотя ряд исследователей, в числе которых, например, С. А. Крылов, склонны полагать, что окончание эпохи «лидерства вождей» в истории ДН было закономерной и необходимой стадией, поскольку «харизматичный тип лидерства уже не соответствовал практичным и насущным задачам стоящим перед большинством неприсоединившихся стран»⁶³³.

Одним из основных направлений деятельности неприсоединения в рассматриваемое десятилетие стала агитация за новый мировой экономический порядок (НМЭП), под которым понималось более справедливое распределение ресурсов, активное участие стран «третьего мира» в мировых экономических процессах и их избавление от бремени финансовых обязательств перед развитыми странами и их организациями, т.е. преодоление проблемы закредитованности⁶³⁴. Члены ДН считали, что империализм, колониализм и экономическая

⁶³¹ См.: Крылов С. А. Движение неприсоединения: история и современность // Обозреватель – Observer. 2018. №3. С. 26-43.

⁶³² См.: Актуальные проблемы Движения неприсоединения (от Гаваны до Дели) : реф. сб. / АН СССР, ИНИОН, Ин-т востоковедения. М., 1984.

⁶³³ Крылов С. А. Указ. соч. С. 28.

⁶³⁴ См., например: Trošić S. *Jelisavac*. The Non-Aligned Movement fight for the new international economic order // The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement. Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. Belgrade, 2021. P. 193-208; Adamović Lj. *The economics of Non-Alignment* // The economics of Non-Alignment. Edit by Adamović Lj. Belgrade, 1985. P. 73-86;

конфронтация истощают ресурсы мировой экономики, а потому усилия развитых и развивающихся стран должны быть направлены на создание благоприятных условий для сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, которое должно было базироваться, в частности, на следующих принципах: 1) неравнозначности торговых выгод между слаборазвитыми и развитыми; 2) недискриминации стран; 3) одностороннего преференциального режима развитых стран по отношению к развивающимся⁶³⁵ и пр. На практике же призывы неприсоединившихся стран к становлению нового экономического порядка, по меткому замечанию Йована Чавошки, оказывались «мёртвыми перед лицом зарождающейся неолиберальной альтернативы свободных рынков, иностранных инвестиций и частных инициатив»⁶³⁶, что подталкивало их к поиску «индивидуальных решений собственных проблем»⁶³⁷.

В этой связи значительное внимание неприсоединившиеся страны уделяли изучению национальных экономических проблем, с целью чего даже создавались совместные аналитические центры. Среди таких центров особое место занимал Международный центр по вопросам государственных предприятий в развивающихся странах в Любляне, основанный ещё в 1972 г. и получивший статус специализированного агентства ООН в 1978 г. Немалые усилия по расширению деятельности центра и привлечению в его состав развивающихся государств приложила СФРЮ, сама столкнувшаяся с беспрецедентными экономическими трудностями в 1980-е гг.

Ещё одним направлением борьбы ДН за более справедливое и безопасное мироустройство была агитация и стимулирование держав к прекращению и запрещению испытаний ядерного оружия, а также сокращению его арсеналов и расходов на оборонную промышленность в принципе⁶³⁸. На XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в 1983 г., ряд неприсоединившихся стран внесли на рассмотрение проект резолюции о начале переговоров о международной конвенции по запрещению применения ядерного оружия. ДН последовательно выступало за снижение военной активности и всеобщее разоружение, призывы к чему звучали на каждой его официальной встрече⁶³⁹, и приветствовало объявленный СССР в августе 1985 г. и январе 1986 г. односторонний мораторий на ядерные испытания. В 1986 г. неприсоединившиеся страны обратились к президенту США Рональду

Bekić D. The evolution of the political economy of Non-alignment // *The economics of Non-Alignment*. Edit by Adamović Lj. Belgrade, 1985. P. 87-92; *Движение неприсоединения в современном мире / Отв. ред. Этингер Я. Я. М., 1985.*

⁶³⁵ *Trošić S. Jelisavac.* Op. cit. P. 197.

⁶³⁶ *Čavoški J.* The evolution of the NAM's role in world affairs during the Cold War decades // *The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement*. Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. Belgrade, 2021. P. 43.

⁶³⁷ *Ibid.*

⁶³⁸ См. подробнее: *Бахарева О. В.* Движение неприсоединения – важный фактор антиимпериалистической борьбы: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1983.

⁶³⁹ См.: *Čavoški J.* *Non-Aligned Movement Summits: A History*. New York, 2022.

Рейгану и генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачёву с призывом принять «немедленные меры по предотвращению ядерной войны», достичь «скорейшей договорённости о предотвращении гонки вооружений в космосе» и «договорённости о постоянном моратории на ядерные испытания»⁶⁴⁰. Движение с воодушевлением и одобрением встретило подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) и Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), а также решение СССР о выводе войск из Восточной Европы.

Своей прямой обязанностью ДН считало борьбу с голодом, нищетой, расизмом, расовой дискриминацией и сегрегацией, разумеется, в пределах своих политических и экономических возможностей. Наиболее пострадавшей в этом отношении частью света традиционно считалась Африка, причинами к чему, по мнению стран-участниц движения, явились не столько неблагоприятные климатические условия или неспособность местных правительств бороться за равноправие своих народов, сколько колониальное прошлое континента. В этой связи империализм, колониализм и неоколониализм в глазах развивающихся стран представляли главными препятствиями к более прогрессивному и справедливому миропорядку⁶⁴¹.

В 1980-е гг. на регулярной основе продолжали проводиться совещания министров иностранных дел и глав делегаций неприсоединившихся стран, пленарные заседания неприсоединившихся стран на уровне их постоянных представителей при ООН, совещания Координационного бюро, а также Конференции (Саммиты) стран Движения неприсоединения на высшем уровне. За период с 1980 по 1991 г. состоялось три таких Конференции: 7-12 марта 1983 г. в Нью-Дели, 1-6 сентября 1986 г. в Хараре и 4-7 сентября 1989 г. в Белграде. Между тем, Конференции имели в большей степени презентационный и демонстративный, нежели стратегический характер. Как правило, на них не выработывались какие-либо новые идеи и решения, но лишь обсуждались вопросы актуальной международной повестки и подтверждались обязательства странами и далее следовать в русле внеблоковой политики. Охарактеризуем наиболее значимые, на наш взгляд, страницы в истории неприсоединения 1980-х гг., взяв за основу хронологию официальных мероприятий движения.

Среди знаковых совещаний министров иностранных дел и глав делегаций неприсоединившихся стран следует выделить совещание, состоявшееся 9-13 февраля 1981 г. в Нью-Дели⁶⁴², в ходе которого Индира Ганди выступила с вдохновляющей программной речью, в которой призвала членов движения к сплочению и недопущению раскола. Именно тогда участники постановили объявить 1 сентября Днём неприсоединения и рекомендовали его

⁶⁴⁰ The Review of International Affairs. Belgrade, Vol. XXXVII, No. 875. September 20, 1986. P. 28.

⁶⁴¹ См.: Алимов Ю. И. Неприсоединение: история, теория, проблемы. М., 1990; *Он же*. Движение неприсоединения – важный фактор современной международной жизни. М., 1985.

⁶⁴² Данас свећано отварање // Политика. 9. фебруар 1981. С. 1.

ежегодное празднование. Совещание осудило Кэмп-Дэвидские соглашения, призвало к выводу советских войск из Афганистана, выразило беспокойство по поводу ситуации в Юго-Восточной Азии и признало, что ирано-иракская война нанесла значительный ущерб Движению. Сложность данной ситуации для ДН заключалась и в том, что Иран и Ирак требовали от него занять чёткую позицию по поводу войны, т.е. выступить на той или иной стороне⁶⁴³.

На совещании 4-9 октября 1982 г., проходившем в Нью-Йорке во время XXXVII сессии генеральной Ассамблеи ООН, Движение потребовало полного вывода израильских войск из Ливана и подтвердило свою безусловную поддержку этой ближневосточной стране в вопросе обеспечения её суверенитета и территориальной целостности⁶⁴⁴. Острой критике также подверглись США за военную, политическую и финансовую поддержку Израиля в войне против арабских народов, а Великобритания – за военную агрессию против Аргентины на Фолклендских островах. Одновременно участники совещания обсудили ситуацию в Южной Африке, осудив меры расистского режима ЮАР по наращиванию своего военного потенциала и сотрудничество ряда западных стран с ним, и в Центральной Америке, народы которой испытывали на себе жёсткое давление США⁶⁴⁵.

VII Конференция Движения неприсоединения 7-12 марта 1983 г. в Нью-Дели⁶⁴⁶ прошла в дружелюбной обстановке, несмотря на назревший конфликт интересов внутри организации. Индии удалось снизить накал страстей, направив значительные усилия на достижение консенсуса путём исключения из повестки и итоговых документов «любых радикальных предложений»⁶⁴⁷ и сохранения при этом «твёрдой позиции в отношении наиболее фундаментальных вопросов»⁶⁴⁸. В этом заключалась существенная личная заслуга Индиры Ганди.

Страны пришли к заключению о необходимости продолжать сотрудничество вопреки многочисленным различиям и сами признавали, что конференция явилась не конференцией «новых ответов», но конференцией выработки «взаимной ответственности»⁶⁴⁹ и упрочения связей. Важно, что переговоры не закончились исключительно констатацией совместных успехов, но и обнажили проблемы и противоречия развития. Главная проблема заключалась в «сфере практического применения собственных принципов в собственной политике и поведении»⁶⁵⁰, а также в наличии конфликтов между отдельными участниками, приобретающих

⁶⁴³ Данас свеѓано отварање // Политика. 9. фебруар 1981. С. 1.

⁶⁴⁴ Панова И. А. Движение неприсоединения – важный фактор мировой политики XX в. // Вестник Московского государственного университета печати. № 11, 2012. С. 82-83; См.: Утегенова Д. К. ООН и Движение неприсоединения. М., 1991.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ Изначально планировалась к проведению в Багдаде.

⁶⁴⁷ Čavoški J. The evolution of the NAM's role in world affairs... P. 45.

⁶⁴⁸ Ibid.

⁶⁴⁹ Завршни документ Делхијске конференције. Путокази за бољи свет // Политика. 13. март 1983. С. 1.

⁶⁵⁰ Там же.

«хронический характер»⁶⁵¹ и становившихся большим местом для движения в принципе постольку, поскольку провоцировали давление блоков на него. В первую очередь, здесь имелись в виду случаи Кампучии, место которой на конференции в этот раз пустовало, и ирано-иракская война, явившаяся одним из центров внимания в ходе двусторонних и многосторонних переговоров лидеров неприсоединения. Бурное обсуждение вызвала и тема расистского режима Южной Африки: неприсоединившиеся страны категорически осудили политику апартеида, гонений на борцов за свободу чернокожего населения, действия Южно-Африканской Республики (ЮАР) по дестабилизации Королевства Лесото, Зимбабве и Сейшельских островов⁶⁵². Участники также подтвердили резолюции VI Конференции, касавшиеся других очагов мировой напряжённости – Западной Сахары, Карибского бассейна, Кипра, Кореи, Латинской Америки, Ливана, Палестины, Юго-Восточной, Юго-Западной Азии и пр. Главной причиной, напряжённости, конфликтов и насилия в мире при этом объявлялись «невыносимое неравенство и эксплуатация, установленные колониализмом и империализмом»⁶⁵³.

Большое значение по традиции уделялось вопросам разоружения и мирного развития, а также экономической повестке, ставшей как никогда прежде актуальной из-за углубления кризисных явлений в экономиках большей части неприсоединившихся стран. Так, Конференция призвала великие державы немедленно остановить гонку вооружений и «дрейф» в направлении ядерного конфликта.

19-21 апреля 1985 г. в Нью-Дели состоялось внеочередное министерское совещание Координационного бюро ДН по вопросу Намибии, по результатам которого были выработаны практические меры поддержки освободительной борьбе Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) против ЮАР, которые вошли в специальные Декларацию и Программу действий⁶⁵⁴, предусматривавшие разрыв дипломатических отношений, нефтяное эмбарго, запрет на хождение монет, отчеканенных в ЮАР; культурный и спортивный бойкот и ратификацию международной конвенции «О борьбе с преступлениями апартеида и наказании за него»⁶⁵⁵.

Очередное экстренное совещание Координационного бюро состоялось 6 февраля 1986 г. в Нью-Дели и касалось ситуации вокруг Ливии, а точнее – угроз Джамахирии со стороны США. Неприсоединившиеся страны предостерегли от возможных «незаконных» и «провокационных»

⁶⁵¹ Завршни документ Делхијске конференције. Путокази за бољи свет // Политика. 13. март 1983. С. 1.

⁶⁵² Там же.

⁶⁵³ *Shadly H. Ali*. Non-Aligned Movement and decolonization. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in political science. Aligarh, 1990. P. 98.

⁶⁵⁴ См.: Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1985.

⁶⁵⁵ *Shadly H. Ali*. Op. cit. P. 100-101.

действий не только США, но и Израиль⁶⁵⁶, припомнив ему атаку истребителей Военно-воздушных сил (ВВС) на самолёт ливийской авиакомпании «Libyan Arab Airlines» (рус. «Ливийские арабские авиалинии») в феврале 1973 г., унёсшей жизни 108 человек.

Министерское совещание Координационного бюро 16-19 апреля 1986 г. в числе прочих рассмотрело вопросы, связанные с Антарктидой и выразило надежды на её исключительное мирное освоение в будущем⁶⁵⁷. Тогда же в Декларацию ДН был включён специальный раздел о международном терроризме, характеризовавший его как угрозу миру, безопасности и стабильности. Неприсоединение выразило свою готовность всячески препятствовать подобной деятельности и призвало западные страны запретить вербовку, финансирование и обучение наёмников⁶⁵⁸. Резкому осуждению подвергся факт бомбардировки США территории Ливии, имевший место 15 апреля 1986 г. и интерпретированный как нарушение ливийского суверенитета.

VIII Конференция в Хараре 1-6 сентября 1986 г., пришедшаяся на год 25-летней годовщины существования ДН, приобрела особое, символическое значение. Несмотря на то, что участники признали эту конференцию «одной из самых успешных в истории движения»⁶⁵⁹, на практике она вновь не ознаменовалась выработкой по-настоящему новых подходов. Стороны лишь подтвердили решения прежних конференций, выразили решительную готовность бороться против расизма и милитаризации Южной Африки, осуждённой ими за незаконную оккупацию Намибии, и подчеркнули «легитимность борьбы намибийского народа за самоопределение всеми имеющимися средствами, включая вооружённое противостояние»⁶⁶⁰. Движение также обязалось принять меры по укреплению коллективной самостоятельности и деколонизации, способствовать установлению справедливого экономического порядка⁶⁶¹, в условиях когда экономический потенциал его членов становился всё более слабым и сомнительным.

Одновременно Конференция в Хараре ясно высветила внутренний и внешний кризис движения: она не ознаменовалась вхождением новых членов в его состав, на ней присутствовало гораздо меньше глав государств, чем на прежних, а сверхдержавы почти полностью проигнорировали событие⁶⁶². Более того, впервые в истории не было объявлено место проведения следующей конференции.

⁶⁵⁶ *Shadly H. Ali*. Op. cit. P. 103.

⁶⁵⁷ *Ibid.* P. 105.

⁶⁵⁸ *Ibid.*

⁶⁵⁹ Осми самит несврстаних у Харареу // Политика. 7. септембар 1986. С. 1.

⁶⁶⁰ *The Review of International Affairs*. Belgrade, Vol. XXXVII, No. 875. September 20, 1986. P. 45.

⁶⁶¹ *Ibid.*

⁶⁶² *Čavoški J.* The evolution of the NAM's role in world affairs... P. 46.

На внеочередном совещании министров иностранных дел 10-13 июня 1987 г.⁶⁶³ в Пхеньяне рассматривались возможности увеличения экономического сотрудничества по линиям Юг – Юг и Север – Юг; начала двусторонних и многосторонних переговоров кредиторов и их должников по вопросу введения беспроцентных отсрочек по платежам развивающихся стран до тех пор, пока они не будут в состоянии платить: по мере ухудшения финансовой обстановки в таких странах, это тема начинала приобретать центральное место в повестке движения. Министр иностранных дел Югославии Р. Диздаревич и вовсе заявил на встрече, что «долги больше не только проблема должников, а глобальная проблема, причём не только экономическая, но и политическая»⁶⁶⁴. Тогда же было принято решение о перспективном формировании валютного «фонда солидарности» развивающихся стран «Банк Юга»⁶⁶⁵.

26-31 мая 1988 г. в Гаване состоялась внеочередное совещание Координационного бюро⁶⁶⁶, посвящённое проблеме разоружения, а 4-7 июля того же года – совещание Комитета экономического сотрудничества неприсоединившихся и развивающихся стран в Хараре, на котором обсуждались возможности по введению моратория на оплату долгов по кредитам стран-должников и изменения «во многом несправедливой и негативной международной экономической системы»⁶⁶⁷, заключавшейся, в частности, в неоправданно низких ценах на сырьевые ресурсы – основную статью экспорта развивающихся стран – и неравноправном характере экономического сотрудничества развитых и развивающихся стран.

Совещание министров иностранных дел ДН 5-10 сентября 1988 г. в Никосии знаменательно тем, что на нём впервые всерьёз зашла речь о необходимости «осовременивания» и «модернизации» оказавшегося «на распутье» ДН с целью повышения его эффективности⁶⁶⁸. «Модернизация» движения должна была выразиться не только в изменении его тактики и стратегии, но и, что немаловажно, в создании постоянных руководящих органов и рабочих групп; сокращении объёмов итоговых документов совместных встреч и даже упрощении их протоколов (например, в отказе от «приветственной» декларации целей и принципов ДН) – предполагалось в целом начать постепенное избавление от отжившего свой век наследия 1960-х - начала 1980-х гг. В Никосии также было принято решение провести следующую конференцию ДН в Белграде, который изначально не выдвигал свою кандидатуру на роль места её проведения, но был единогласно предложен неприсоединившимися странами в качестве такового, что поставило СФРЮ в деликатную и затруднительную ситуацию.

⁶⁶³ Сарадња Југ – Југ угаони камен несврставања // Политика. 10. јун 1987. С. 1.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Реалност уместо илузија // Там же. 14. јун 1987. С. 1.

⁶⁶⁶ Ванредна министарска конференција несврстаних // Там же. 8. мај 1988. С. 2.

⁶⁶⁷ Заједнички мењати међународни економски систем // Там же. 4. јул 1988. С. 2.

⁶⁶⁸ Несврстаност на нов начин // Там же. 5. септембар 1988. С. 2.

Югославские лидеры восприняли предложение двояко: с одной стороны, как признак чрезвычайного доверия и высокого международного авторитета страны, своеобразный «акт символизма»⁶⁶⁹, а с другой – как дополнительное политическое и экономическое бремя в условиях внутренней нестабильности.

На IX Белградской конференции 1989 г., характер и значение которой будут более подробно рассмотрены в следующем параграфе, начался процесс переосмысления места и роли ДН в мире, фактически было признано наличие «застойных» явлений в его развитии, что стало, в первую очередь, достижением СФРЮ, являвшейся сторонницей глубокого реформирования организации. Конференция поставила перед неприсоединившимися странами две стратегические задачи: «создать лучшие условия для своего развития накануне XXI в». и «более активно влиять на обстановку в мире»⁶⁷⁰. Для этого требовалось интегрироваться в зарождающийся мировой порядок, а также обновить политическую, социальную, экономическую, гуманитарную и экологическую парадигму движения. Если говорить об основных положениях, вошедших в обновлённую концепцию ДН, то следует назвать «укрепление солидарности стран “третьего мира”», «интерпретацию общечеловеческих ценностей с точки зрения интересов развивающихся стран», «расширение движения за счёт других государств, включая европейские», «признание примата экономических проблем в политике ДН»⁶⁷¹ и пр.

Белградский саммит стал апофеозом активности движения в 1980-х гг., после которого, в 1990-1991 гг., она, наряду с частотой принципиально важных встреч и совещаний, упала. Среди последних необходимо выделить трёхстороннюю встречу министров иностранных дел Алжира (Сид Ахмед Гозали), Индии (Индер Кумар Гуджрал) и Югославии (Будимир Лончар) по вопросу обстановки в Персидском заливе 11-12 сентября 1990 г.⁶⁷² Принятие Советом Безопасности ООН резолюции № 660, осудившей иракское вторжение в Кувейт, неприсоединившиеся страны считали, прежде всего, своей заслугой. На встрече министры условились и далее проводить политику жёсткой блокады в отношении Ирака.

Освещение наиболее значимых встреч неприсоединившихся стран, на наш взгляд, было важным с точки зрения понимания тех проблем, которые вызывали беспокойство и озабоченность движения; их реакций на эти проблемы и предложений по их разрешению. Как мы увидели, принципиально новых подходов к разрешению мировых кризисов ДН в 1980-е гг. не предлагалось, и оно ограничивалось в лучшем случае бойкотами, а зачастую – просто

⁶⁶⁹ Несврстани у Европи // Политика. 12. септембар 1988. С. 2.

⁶⁷⁰ NAM and Contemporary World / Ed. By Govind N. Shrivastava. New Delhi: Indian Institute for Non-Aligned Studies, 1990. P. 11.

⁶⁷¹ Али Мохамед Салем Ба-Саад. Движение неприсоединения во второй половине 80-х – начале 90-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 12.

⁶⁷² Тројни састанак несврстаних // Политика. 11. септембар 1990. С. 2.

миротворческими призывами. Причём заявления Движения неприсоединения в 1980-е гг. носили, скорее, декларативный и рекомендательный характер.

По замечанию Й. Чавошки, движение «стало отставать от крупных мировых событий, не сумев сформулировать решительный и скоординированный ответ на различные конфликтные ситуации»⁶⁷³. Фактически не обладавшая единым бюджетом, чёткой организационной структурой и профессиональным персоналом, а также собственными вооружёнными силами; включившая в свой состав слаборазвитые и экономически несостоявшиеся государства; лишившаяся в 1980-е гг. наиболее харизматичных и авторитетных лидеров организация едва ли могла реально противодействовать империалистической политике сверхдержав. В то же самое время принцип «неблокового характера» являлся для движения доктринальным, поэтому было бы теоретически неверным проводить параллели между ним и военно-политическими блоками.

В условиях окончания «холодной войны» актуальность Движения неприсоединения, существенными недостатками которого стали безынициативность и пессимизм его многочисленных членов в отношении будущего организации, уменьшалась. Оно не обладало достаточным авторитетом даже среди самих неприсоединившихся стран, некоторые из которых в конце 1970-х-1980-е гг. неоднократно нарушали важнейшие его постулаты. Вместе с тем, движение не имело и реальных рычагов давления на таких своих членов, также как и возможностей для урегулирования возникающих конфликтов. Следование принципу невмешательства во внутренние дела государств было настолько догматичным и буквальным, что парализовало ДН. Его механизм был более и менее действенен в условиях, когда требовалось дать отпор сверхдержаве и военно-политическому блоку или снизить напряжённость в отношениях между ними, но оказался абсолютно невостребованным в условиях нарастания конфликта между самими участниками. Распад СССР и социалистического блока лишил существование движения практического смысла – в свою очередь, распад СФРЮ фактически его обезглавил. Превратившееся в «реликт биполярного мира»⁶⁷⁴ Движение неприсоединения оказалось буквально на грани выживания: «историческая необходимость в объединении неприсоединившихся стран исчерпала себя»⁶⁷⁵, в следствие чего и оптимистические надежды на то, что после Белградской конференции наступит ренессанс движения, не оправдались.

⁶⁷³ Čavoški J. The evolution of the NAM's role in world affairs... P. 46.

⁶⁷⁴ Крылов С. А. Указ. соч. С. 29.

⁶⁷⁵ Костюк Р. В. Движение неприсоединения в эпоху холодной войны // Клио. 2011. № 4. С. 37.

3.2. Движение неприсоединения во внешней политике Югославии

В рассматриваемый период Югославия усиленно пыталась сохранить за собой статус одного из лидеров Движения неприсоединения, гарантирующий ей особое положение в Европе и в мире. Вместе с тем, Белграду стало остро не хватать экономического и политического потенциала для поддержания столь ответственной роли внутри расколовшегося и находящего в состоянии стагнации ДН. Резко изменившаяся во второй половине 1980-х гг. внешнеполитическая обстановка и вовсе поставила под сомнение целесообразность подобных устремлений.

Участие в движении вплоть до конца 1980-х гг. оставалось приоритетным направлением внешней политики СФРЮ, но, прежде всего, в теоретическом и декларативном планах. На практике во второй половине 1980-х гг. она сама стала попирать принципы равноудалённости и внеблоковости, всё более тяготея к капиталистическим странам как экономически, так и политически. Подобная переориентация объяснялась конъюнктурными причинами и стала во много вынужденной, поскольку уровень сотрудничества Югославии с неприсоединившимися странами не соответствовал ни её экономическим интересам, ни её политическому престижу. К началу 1990-х гг. югославское руководство в полной мере осознало тщетность своих инициатив по реформированию движения и, как следствие, бесперспективность участия в нём.

Отсутствие единого и сильного главы государства вроде И. Б. Тито несколько умаляло значимость СФРЮ в глазах других членов организации, для которых, как для представителей «третьего мира», фактор сильной личности играл особое и в чём-то даже сакральное значение. Между тем, о снижении роли Югославии в деятельности ДН впервые в разных странах заговорили ещё при жизни Тито, поэтому было бы в корне неправильно придавать субъективному фактору в этом процессе определяющее значение. Падению престижа СФРЮ, на которую политики некоторых неприсоединившихся государств начинали смотреть не как на самую развитую и успешную среди них, но как на равную, а иногда и как на отстающую, способствовало наличие внутренних проблем, дезинтеграционных тенденций и сепаратистских настроений⁶⁷⁶. Сугубо прагматичная и осмотрительная по своему характеру внешняя политика Югославии воспринималась как оппортунистическая и явилась ещё одной причиной перехода реального лидерства в движении в руки «новых», «молодых», «революционных» и «радикальных» сил⁶⁷⁷.

В первые месяцы после смерти Тито «новое» руководство не замедлило объявить себя наследником его внешней политики, выразить абсолютное согласие и солидарность с целями и

⁶⁷⁶ См.: *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. 1983. Vol. XX. No. 4. S. 29-37.*

⁶⁷⁷ Несврстани покрет не одустаје пред тешкоћама // Политика. 18. децембар 1980. С. 2.

задачами политики неприсоединения и подтвердить намерение активизировать свою деятельность в рамках движения. «Сила нашего влияния всегда основывалась на принципиальности нашей политики, наших точек зрения по каждому международному вопросу, наших всегда точно выражаемых оценках главных тенденций мирового развития, на реализме и практической целесообразности инициатив, предложений и мнений. Если и дальше сможем сохранить эти способности, за нами останется прежняя роль в Движении неприсоединения, на которую мы никогда не смотрели как на лидерскую, но как на роль одного из наиболее его активных членов. Мы принадлежали и сейчас принадлежим к числу стран, которые своими инициативами и действиями, укрепляют движение. Глубоко убеждён, что никаких изменений в роли Югославии в Движении неприсоединения и на международной сцене в целом не произойдёт»⁶⁷⁸, – в этом заявлении бывшего министра иностранных дел СФРЮ Милоша Минича, сделанного им в декабре 1980 г., на наш взгляд, наиболее полно отражена позиция югославского руководства по вопросу роли и будущего Югославии в ДН. Стоит лишь заметить, что нежелание Минича назвать Югославию одним из лидеров движения, на наш взгляд, являлось не чем иным, как дипломатической вежливостью, в то время как на практике югославы именно так и оценивали статус СФРЮ внутри организации.

Самым важным в подтверждении приверженности политике неприсоединения был посыл о независимости внешнеполитических взглядов и суверенности СФРЮ, адресованный СССР и США. Югославское руководство не переменяло своей точки зрения и по вопросу интервенции Советского Союза в Афганистан, считая её актом агрессии и недружелюбия в отношении движения в принципе и апеллируя к праву афганского народа самостоятельно определять своё настоящее и будущее⁶⁷⁹. Последовательное и непримиримое осуждение ввода советских войск в Афганистан на первых порах помогало завоеванию Югославией международных позиций, а также симпатий со стороны капиталистических стран⁶⁸⁰. Таким образом, позиция СФРЮ по данному вопросу принесла ей как очевидные при первом рассмотрении, так и подспудные дивиденды.

Критика действий Советского Союза и его отношения к Движению неприсоединению как к гипотетическому союзнику являлась одной из определяющих черт политики Югославии как неприсоединившейся страны. Вместе с тем, эта критика всегда носила осторожный и предусмотрительный характер. Чего, например, не скажешь о критике просоветских стран внутри движения: югославско-кубинский конфликт был одной из главных причин

⁶⁷⁸ Несврстани покрет не одустаје пред тешкоћама // Политика. 18. децембар 1980. С. 2.

⁶⁷⁹ *Stanković S.* Initial Yugoslav reaction to Soviet invasion of Afghanistan. RFE-RL* Research. RAD Background report/2 (Yugoslavia). 4 January 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:36fdd911-d592-4d34-b75e-236b8780cda8> (Дата обращения: 22.08.2022).

⁶⁸⁰ См.: *Bogetić D.* Yugoslavia and the Non-aligned movement // The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement. Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. Belgrade, 2021. P. 239-255.

политического и идеологического раскола организации и развивающегося кризиса политики неприсоединения. Болезненная реакция СФРЮ на просоветские симпатии в ДН была вызвана тем, что они колебали сами основы внешней политики Белграда, равно как и движения, которое Югославией рассматривалось как её собственное детище. Куба же после VI Конференции неприсоединившихся стран в Гаване воспринималась СФРЮ как естественный противник в борьбе за лидерство в организации⁶⁸¹.

Аналогичным образом Югославия оценивала и направленные на расширение сферы влияния и носившие империалистический по своей сути характер внешнеполитические акции США, например, в Латинской Америке и Карибском регионе⁶⁸². Серьёзное осуждение со стороны Белграда вызывала та помощь, которую Вашингтон оказывал Израилю в войне против Организации освобождения Палестины (ООП), а также военная операция США против Ливии в апреле 1986 г. Необходимо добавить, что активной критике СФРЮ за политику «государственного терроризма» подвергалась и сама неприсоединившаяся Ливия.

В 1981 г. в Югославии торжественно праздновалось 20-летие Движения неприсоединения. Широкий размах мероприятий, приуроченных к юбилею движения, должен был ещё раз подчеркнуть его краеугольную значимость для внешней политики страны. Однако пессимистические прогнозы и оценки будущего ДН омрачали атмосферу праздника и побуждали югославское руководство к переосмыслению своей роли в нём, на что оно шло весьма неохотно из страха перед необходимостью всеобъемлющих изменений и пересмотра титовского наследия. Осознавая наличие объективных проблем, югославские политики, тем не менее, усиленно пытались убедить общественность в жизнеспособности и долговечности Движения неприсоединения: «Движение невозможно умертвить, так как политика неприсоединения является неуничтожимой»⁶⁸³ – заявил на заседании союзного общественного совета по международным делам в декабре 1980 г. его председатель, бывший министр иностранных дел СФРЮ М. Минич.

К числу наиболее острых внутренних проблем функционирования и развития ДН югославская дипломатия относила умножение споров и конфликтов между его участниками; ограниченность возможностей, недостаточность эффективности и динамичности в решении международных кризисов; трудности практической реализации выработанных решений, низкий уровень двусторонних и многосторонних экономических связей участников движения и пр⁶⁸⁴.

⁶⁸¹ *Stanković S.* Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/9 (Yugoslavia). 19 September 1986. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:e35a2908-628e-40a4-beda-f91b527b9649> (Дата обращения: 22.08.2022).

⁶⁸² См.: *Tadić B.* Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nesvrstanosti. Beograd, 1982.; *Niebuhr R.* Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // *Journal of Cold War Studies*. 2011. Vol. 13, No. 1. P. 146-179.; *Jakovina T.* Treća strana hladnog rata. Zagreb, 2011.

⁶⁸³ Несврстани покрет не одустаје пред тешкоћама // *Политика*. 18. децембар 1980. С. 2.

⁶⁸⁴ Там же.

Возникновение всё новых и новых проблем и противоречий между участниками движения вызывали особую озабоченность Югославии, считавшей единство неприсоединившихся стран его стратегической целью⁶⁸⁵. При этом единство в понимании югославского руководства заключалось отнюдь не в нереалистичной гомогенности и не в единообразном подходе ко всем международным проблемам, но в равноправии и «общности долгосрочных интересов»⁶⁸⁶.

В целях урегулирования существующих споров между неприсоединившимися странами югославская дипломатия ещё в конце 1970-х гг. предлагала создать соответствующий механизм в виде специальных групп по оказанию консультационных услуг конфликтующим странам, а в 1981 г. на сессии совещания министров иностранных дел в Нью-Дели выступила с собственным проектом об урегулировании конфликтов⁶⁸⁷, основанном на принципе беспрекословного следования нормам международного права. СФРЮ также выдвигала предложения о создании специальных комитетов по конфликтным ситуациям (по примеру Комитета по палестинскому вопросу) и кодекса, который способствовал бы мирному урегулированию противоречий между неприсоединившимися странами⁶⁸⁸. Усилия СФРЮ на этом направлении не увенчались успехом.

Советская интервенция в Афганистан, вьетнамская оккупация Кампучии, ирано-иракский конфликт, алжирско-марокканский конфликт в Западной Сахаре, военная конфронтация между Эфиопией и Сомали, ливийские военные кампании в Центральной Африке фактически разломили былую монолитность ДН⁶⁸⁹. Возрастание напряжённости в указанных странах Белград воспринимал на свой счёт, одновременно осознавая свою беспомощность и неспособность содействовать их реальному урегулированию. Жёсткая полемика с Кубой не способствовала упрочению международного авторитета Белграда: ни один из членов коллективного руководства СФРЮ не мог сравниться по уровню своей влиятельности с Фиделем Кастро. Активная антикубинская риторика, скорее наоборот, вела к возрастанию предубеждённости в отношении движения латиноамериканских стран, для которых Куба была ближе и понятнее во всех смыслах, нежели к закреплению за Югославией статуса неоспоримого лидера. Схожие последствия имела и обличительная критика Ливии и политики Муаммара Каддафи, обладавшего признанным авторитетом среди арабских и африканских государств.

В условиях всё более обострявшейся конфронтации внутри ДН основную возможность для реализации его интересов Югославия видела в ООН, отмечая при этом, что и она

⁶⁸⁵ См.: *Tadić B., Damian A.* Pokret nesvrstanosti i sukobi među nesvrstanim zemljama. Beograd, 1987.

⁶⁸⁶ Мировой социализм и Движение неприсоединения. М., 1988. С. 171.

⁶⁸⁷ Там же. С. 174.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ См. подробнее: *Tadić B., Damian A.* Op. cit.

переживает определённый кризис⁶⁹⁰. Необходимо заметить, что Белград выступал против кардинального изменения Устава ООН и существующих институционных форм организации и был убеждён, что именно ДН своим миротворчеством и посредничеством многое сделало для её сохранения. Большое значение Югославия придавала координированию деятельности неприсоединившихся стран в рамках всемирной организации. В частности, она выступила с инициативой образовать в Координационном бюро неприсоединившихся стран рабочую группу по проблемам укрепления роли ООН, а в Университете ООН создать кафедру политики неприсоединения⁶⁹¹. Соответствующая рабочая группа была создана в 1986 г.⁶⁹²

Само ДН, по мнению югославского руководства, на фоне объективных проблем и противоречий в стане неприсоединившихся стран, должно была взять на вооружение «политику малых шагов»⁶⁹³, которая способствовала бы уменьшению общей международной напряжённости и могла предотвратить идеологизацию, радикализацию, замыкание движения исключительно на разрешении внутренних конфликтов, а то и вовсе его распад.

Югославия являлась последовательной сторонницей демократизации взаимоотношений и развития системы консенсуса в ДН; интенсификации сотрудничества неприсоединившихся стран как на многосторонней, так и на двусторонней основе и прежде всего – в области торгово-экономических отношений. Последний пункт Белград рассматривал как стратегический, поскольку считал, что упрочение экономических связей с неприсоединившимися странами станет гарантом сохранения и укрепления независимости самой Югославии, о чём гласили, в частности, программные документы XIII Съезда СКЮ 1986 г.⁶⁹⁴. Интенсификация экономического сотрудничества между развивающимися странами также мыслилась Белградом как необходимая составляющая нового международного экономического порядка, содержание которого уже раскрывалось выше.

Большое внимание Югославией придавалось оказанию помощи национально-освободительной борьбе народов за независимость: «СФРЮ всегда ставила на первый план своей внешней политики борьбу за самоопределение и освобождение народов, за ликвидацию колониализма, расовой дискриминации и апартеида»⁶⁹⁵. В 1980-х гг. она продолжала предоставлять им не только моральную и дипломатическую поддержку, но также кадровую, материальную и гуманитарную, включавшую поставки продовольствия, одежды, лекарств и медицинского оборудования, транспортных средств; транспортировку тяжело раненых участников национально-освободительной борьбы для их дальнейшего лечения в

⁶⁹⁰ Мировой социализм и Движение неприсоединения. С. 171.

⁶⁹¹ Там же.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ Там же. С. 173.

⁶⁹⁴ Там же. С. 186.

⁶⁹⁵ Antikolonijalna revolucija, socialna politicka i ekonomska emancipacija u svetu. Beograd, 1986. S. 47.

Югославии⁶⁹⁶ и т. д., причём особое место в этом отношении занимала деятельность Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ). ССТНЮ каждый год проводил Недели солидарности с освободительными движениями, в ходе которых подводились итоги работы на этом направлении и осуществлялось всестороннее информирование граждан по поводу объёмов оказанной помощи⁶⁹⁷. Раз в несколько лет ССТНЮ проводил специальные научные круглые столы, посвящённые проблемам антиколониальных революций и движений за эмансипацию (например, в Кумровце в 1983 г. и в Скопье в 1985 г.)⁶⁹⁸. ССТНЮ также делал существенный материальный вклад в открытие политических представительств народно-освободительных движений на территории страны.

Среди основных реципиентов югославской поддержки необходимо выделить Panaфриканский конгресс Азии (ПАК), Зимбабве и Зимбабвийский африканский национальный союз (ЗАНУ), Фронт ПОЛИСАРИО, Народную организацию Юго-Западной Африки (СВАПО) и Организацию Освобождения Палестины (ООП)⁶⁹⁹.

Помимо уже упомянутого нового международного экономического порядка Югославия отводила немаловажную роль в деятельности движения борьбе за установление нового международного информационного порядка и против навязывания развивающимся странам чуждых образцов культуры и критериев ценностей: для развивающихся стран приобретение самостоятельности в области информации представляло «условие независимого и равноправного внутреннего развития»⁷⁰⁰. В 1986 г. по инициативе Югославии было принято решение об организации ЭКО-пула, который специализировался бы на обмене развивающихся стран экономической информацией⁷⁰¹. СФРЮ также оказывала помощь развивающимся странам в обучении кадров для работы в области информации и коммуникации.

Из всего следует, что в 1980-е гг. Югославия действительно довольно активно проявляла себя в ДН, в связи с чем ожидала особого отношения к себе со стороны прочих неприсоединившихся стран и сверхдержав. Конференции ДН 1983 г. и 1986 г. в Нью-Дели и Хараре, несмотря на все попытки Белграда укрепиться в роли локомотива движения, не выявили однозначного лидера внутри неприсоединения. Более того, для ряда развивающихся стран всё очевиднее начинала возрастать притягательность исторически более близкой и экономически более состоятельной Индии, получившей статус председателя ДН в 1983 г.⁷⁰² Югославия, испытывавшая серьёзные экономические трудности, не могла более предоставлять весомой финансовой поддержки неприсоединившимся странам и всё чаще ограничивалась

⁶⁹⁶ Antikolonijalna revolucija, socialna politicka i ekonomska emancipacija u svetu. Beograd, 1986. S. 48.

⁶⁹⁷ Ibid. S. 49.

⁶⁹⁸ Ibid.

⁶⁹⁹ Ibid. S. 43.

⁷⁰⁰ Мировой социализм и Движение неприсоединения. С. 185.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² См.: Shadly H. Ali. *Op. cit.*

лишь выражением дипломатической солидарности. Та гуманитарная помощь, которая в это время продолжала поступать из СФРЮ в страны «третьего мира» носила символический и явно недостаточный характер, особенно в условиях обострившейся международной обстановки. Между тем, заявления официальных югославских лиц демонстрировали повышенное внимание СФРЮ к делам движения, призванное убедить неприсоединившиеся страны в том, что европейская и всё более тяготеющая к Западу Югославия, в состоянии понять проблемы и чаяния постколониальных стран, а также специфику отношений между ними.

Вполне осознавая объективные различия между собой и большинством неприсоединившихся стран, представляющих иные континенты, Белград на всех встречах «подчёркивал значимость европейского компонента неприсоединения»⁷⁰³. Отстаивавшая точку зрения, что неприсоединение является рабочим механизмом не только «в условиях слаборазвитого мира»⁷⁰⁴, СФРЮ принимала значительные усилия для координации деятельности неприсоединившихся и нейтральных стран Европы по вопросам обеспечения безопасности и сотрудничества в регионе и особенно – в Средиземноморье. В этом плане поддержку ей оказывали неприсоединившиеся Кипр и Мальта.

В декабре 1983 г. Югославия совместно с Египтом, Кипром, Мальтой, Румынией и Тунисом внесла на рассмотрение ГА ООН проект резолюции о взаимозависимости безопасности в Средиземноморье и на Балканах, а в сентябре 1984 г. на Мальте состоялась первая встреча министров иностранных дел средиземноморских стран – участниц Движение неприсоединения⁷⁰⁵. Наиболее активным её участником, разумеется, стала именно Югославия, ставившая в неразрывную взаимосвязь безопасность в Средиземноморье со своей национальной безопасностью. Белград был всерьёз обеспокоен концентрацией вооружённых сил и вооружений в регионе и настаивал на необходимости ликвидации иностранных военных баз⁷⁰⁶.

В дальнейшем СФРЮ методически выступала за расширение сотрудничества средиземноморских стран во всех сферах, включая культуру и науку; разработку концепции и конкретных проектов по кооперации. К сожалению, и эти югославские инициативы, как правило, не приводили к каким-либо существенным результатам. Встречи министров иностранных дел десяти средиземноморских неприсоединившихся стран в июне 1987 г. на о. Бриони и в марте 1990 г. на Мальте также имели, скорее, презентационное, нежели практическое значение.

⁷⁰³ Мировой социализм и Движение неприсоединения. С. 180.

⁷⁰⁴ Там же.

⁷⁰⁵ Там же. С. 181.

⁷⁰⁶ См. подробнее: *Диздаревич Р.* Од смрти Тита до смрти Југославије: свједочења. С. 121-185.

Руководство СФРЮ в 1980-е гг. неоднократно отмечало, что неприсоединение – это политика, идеология, концепция и практика отношений между государствами, что оно «активно влияет на перестройку международных отношений на почве освобождения всех субъектов, что придаёт новый характер международному сотрудничеству»⁷⁰⁷. «Для нас в Югославии неприсоединение подразумевает богатое общественное и политическое содержание, философию международных отношений, которая является синонимом таких универсальных общечеловеческих ценностей как свобода, независимость, равноправность всех народов и государств, мир и общественный прогресс»⁷⁰⁸, – отметил председатель Союзной конференции ССТНЮ Ненад Бучин на заседании Скупщины в сентябре 1986 г., посвящённой 25-летию Белградской конференции ДН. Осознавая тот факт, что движение находится в состоянии глубокого кризиса, югославские лидеры своими зачастую высокопарными высказываниями пытались напомнить неприсоединившимся странам о его исторической миссии и необходимости вдохнуть в него новую жизнь. Одновременно отношение некоторых югославских политиков к движению и её отдельным участницам становилось более раздражительным. Так, в частности, на Конференции в Хараре бывший министр иностранных дел Югославии Коча Попович заявил: «Те [правительства – *Примечание автора*], которые не могут справиться со своими внутренними проблемами, выглядят не особо убедительными, когда просят этого от других»⁷⁰⁹. Это критическая ремарка, наверняка, относилась и к руководству посттитовской Югославии.

В преддверии XIII Съезда СКЮ 25-28 июня 1986 г. исполнительный секретарь Президиума ЦК СКЮ С. Стоянович, анализируя процессы в международном коммунистическом и рабочем движении на базе югославской концепции развития социализма как мирового процесса, сформулировал следующее положение: югославская ориентация на политику неприсоединения и вклад СФРЮ в развитие этой политики являются выражением классового подхода и интернационализма СКЮ⁷¹⁰. Это замечание кажется нам важным постольку, поскольку было явно нацелено на повышение несколько обвалившегося авторитета СКЮ в международном коммунистическом движении.

Движение неприсоединения представлялось Югославии ещё и удобной площадкой для декларации и отстаивания своих внешнеполитических интересов. Будучи одним из рупоров ДН, Югославия настаивала на необходимости становления нового мирового экономического

⁷⁰⁷ Мировой социализм и Движение неприсоединения. С. 169.

⁷⁰⁸ Са свећане седнице у Скупштини СФРЈ поводом 25-годишњице Београдске конференције несврстаности. Солидарност у борби. Из излагања Ненада Бућина, председника Савезне конференције ССРНЈ // Политика. 2. септембар 1986. С. 2.

⁷⁰⁹ Цит. по: *Stanković S.* Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/9 (Yugoslavia). 19 September 1986. P. 6. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:e35a2908-628e-40a4-beda-f91b527b9649> (Дата обращения: 22.08.2022).

⁷¹⁰ Мировой социализм и Движение неприсоединения. С. 165.

порядка, прекращения гонки вооружения, всеобъемлющего разоружения и снижения оборонных расходов в бюджетах великих держав; усиления взаимосвязи и взаимозависимости Европы и других частей мира; укрепления сотрудничества между развитыми и развивающимися странами и увеличения международной помощи последним. Требуя от сверхдержав всего вышеупомянутого от лица движения, Югославия, по сути, требовала гарантий для себя. Случай Югославии комплексен и многосложен: уязвимое географическое положение, многочисленные экономические проблемы, кризис федерации и идеи «югославизма» вкупе с завышенными внешнеполитическими амбициями приводили к двойственному положению Белграда на мировой политической сцене. Естественно, что дипломатия СФРЮ чувствовала себя гораздо увереннее, являясь одним из лидеров крупнейшего мирового сообщества развивающихся государств, чем просто дипломатией периферийной восточноевропейской страны: «Без провозглашения политики неприсоединения и широкого сотрудничества с рядом неприсоединившихся стран Югославия бы объективно занимала скромное политическое место на европейской периферии»⁷¹¹. В целом, Югославия рассматривала участие в ДН как гарант своей независимости и возможность для «активного вклада в построение стабильных и честных отношений в мире, особенно в сложных условиях современности»⁷¹².

Более других СФРЮ, как одну из основоположниц и лидеров движения, беспокоил вопрос о его перспективах и будущем месте на мировой политической арене в условиях быстроменяющейся международной повестки. Перемены в мире, особенно в отношениях между сверхдержавами, приводили неприсоединившиеся страны к замешательству и к колебаниям, поскольку требовали преодоления блокового мышления, пересмотра концепции ДН и всего его исторического наследия. Отсутствие же реального единства, дробление на группы по региональному признаку, различные политическая ориентация и экономическая мотивация, примат национальных интересов во внешней политике неприсоединившихся стран, их нежелание брать на себя коллективные обязательства и ответственность стопорили проведение в жизнь важных концептуальных и организационных решений. По мнению некоторых из них, неприсоединение являлось «продуктом противопоставления великих держав и блоков, на основании чего в эпоху достижения договорённости между ними исчезает основание политики неприсоединения»⁷¹³, а, значит, и любое его реформирование априори бессмысленно и тщетно.

⁷¹¹ *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. 1983. Vol. XX. No. 4. S. 29.*

⁷¹² Несврстаност незаменљив израз и ослонац наше независности // Политика. 19. март 1987. С. 1.

⁷¹³ Мировой социализм и Движение неприсоединения. С. 167.

В этой связи неопределима заслуга Югославии и её политических лидеров, которые одними из первых стали открыто и порой довольно резко заявлять о необходимости модернизации и повышения эффективности ДН по принципу «меньше декларативности, а больше реальной активности». Так, на целесообразность подобных преобразований указывал союзный секретарь иностранных дел Р. Диздаревич, ошибочно рассчитывавший, что отсчёт реформированию ДН положит Конференция в Хараре: «Думаю, что есть основания полагать, что Саммит в Хараре откроет новый этап в деятельности движения неприсоединения, на котором бы его акции стали менее декларативными, но более энергичными»⁷¹⁴. О назревшей потребности «перестройки» ДН неоднократно говорил и писал Л. Мойсов, однако последовательным и решительным сторонником и проводником таких преобразований стал один из наиболее влиятельных чиновников в федеральном руководстве в 1988-1991 гг., последний глава югославской дипломатии Б. Лончар.

По мнению Лончара, определяющее значение в деятельности ДН должно было придаваться международным экономическим и финансовым вопросам, а в процессе их обсуждения с развитыми странами неприсоединившимся необходимо было упираться на взаимозависимость международных экономических отношений со стабильностью и безопасностью, проявляя при этом «гибкость», «прагматичность» и «реалистичность»⁷¹⁵. Только таким образом развивающиеся страны могли достигнуть компромисса с глобальным Севером и добиться от него столь необходимых уступок. Вторым по важности направлением деятельности ДН должно было стать содействие в разрешении конфликтов в горячих точках и в первую очередь тогда, когда их участниками являлись члены ДН. Более активной должна была стать роль ДН в борьбе за человеческие права, обеспечение равного доступа к достижениям науки и техники для всего человечества; в защите окружающей среды, борьбе против терроризма, наркотрафика и смертельных болезней⁷¹⁶.

Таким образом, речь шла о смене повестки движения, его переориентации с политической на экономическую и гуманитарную составляющие. При этом Лончар отмечал, что Югославия выступает против пересмотра фундаментальных принципов и целей неприсоединения. Одновременно он высказывался за допуск нечленов ДН к участию в его работе и принятии решений, а также организацию активного диалога с постоянными членами ООН, странами ЕЭС и различными региональными организациями. Разумеется, с таким подходом могли согласиться далеко не все страны-участницы ДН, большая часть которых свою главную задачу всё ещё видела в антиимпериалистической борьбе, ведь империализм как политическая данность не исчез с завершением холодной войны. Некоторые предложения

⁷¹⁴ Несврстаност је трајно обележје и потреба савременог света // Политика. 27. јун 1986. С. 5.

⁷¹⁵ Нова доба и за несврстане // Там же. 7. јул 1988. С. 1.

⁷¹⁶ Там же.

Югославии, как, например, приглашение к участию во встречах ДН нечленов, и вовсе казались им «еретическими»⁷¹⁷. Тем более, что иные неприсоединившиеся страны были откровенно раздражены попытками Югославии интегрироваться в западноевропейское экономическое пространство. На подобные замечания Белград обычно парировал, что многие члены движения состоят в своих региональных экономических организациях и это не препятствует их участию в ДН.

Тот факт, что новаторские устремления СФРЮ оказались поняты не всеми членами движения, нисколько не умаляет ни прогрессивности и дальновидности югославских дипломатов, ни того, что в конце 1980-х гг. в условиях глубочайшего внутреннего кризиса Югославия выразила готовность взять на себя миссию по обновлению ДН, о чём свидетельствует решение Президиума СФРЮ одобрить инициативу неприсоединившихся стран о проведении IX Конференции ДН в Белграде. Напомним, что первоначально Белград не фигурировал в списке городов-кандидатов на проведение мероприятия и был предложен в качестве такого большинством членов ДН на совещании министров иностранных дел в Никосии. Президиум СФРЮ также утвердил платформу действий югославской делегации на конференции ДН, базировавшуюся на изложенных выше инициативах Б. Лончара, что означало согласие коллективного руководства с проводимым союзным секретариатом иностранных дел внешнеполитическим курсом.

С другой стороны, активно продвигать тему обновления ДН СФРЮ понуждали внешнеполитические амбиции, сформированные ещё при Тито и совершенно не соответствующие реалиям конца 1980-х гг., а также изменение отношений между сверхдержавами и объективная невозможность и нецелесообразность продолжения политики «обличения» западного империализма и экспансионизма в условиях приближающегося однополярного мира. Проведение очередной конференции ДН в Югославии рассматривалось её верхами как «большая возможность в условиях, когда о нас [о Югославии – *Примечание автора*] судят только по нашим неприятностям, стать утвердительным фактором международных отношений»⁷¹⁸, т.е. напомнить о своей былой созидательной роли в международных отношениях и предложить новое их видение сверхдержавам и остальному миру. «Перед нами стоит задача наиболее мудрым образом использовать роль одного из самых значимых членов движения как для пользы всех неприсоединившихся, так и для пользы нашей страны... У нас появляется шанс показать миру, что Югославия – это не только Косово и экономические проблемы, которые, разумеется, отягощают её международное положение,»⁷¹⁹ – отметил заместитель союзного секретаря иностранных дел Миливое Максич на совместном

⁷¹⁷ Несврстани спремају промене за Београд // Политика. 16. јануар 1989. С. 1.

⁷¹⁸ Нови прилаз несврстаних // Там же. 13. јул 1989. С. 2.

⁷¹⁹ Шта Самит доноси Југославији // Там же. 25. јул 1989. С. 2.

заседании комитета по внешней политике и комитета экономических отношений с зарубежными странами Скупщины в июле 1989 г.

Югославия, будучи сторонницей концепции взаимозависимости развитых и развивающихся государств, а также неделимости безопасности, пыталась настоять на приглашении на конференцию в качестве гостей представителей ЕЭС, однако это предложение было отклонено остальными членами ДН⁷²⁰. Особое внимание её дипломатией заострялось на необходимости включения в работу конференции темы прав и свобод человека, что, очевидно, делалось в угоду требованиям со стороны европейских интеграционных объединений: «В современных международных отношениях вопросы защиты и расширения прав человека и человеческих свобод всё более выходят на первый план... Нет и не может быть никаких сомнений в том, что существует видимая взаимосвязь между демократическим развитием каждой страны по отдельности и демократизацией международных отношений... Мы в проектах документов конференции придаём вопросам о правах человека значение символа нового времени и связующего компонента между тем, что заботит мир и должно заботить неприсоединение»⁷²¹, – заметил в своём выступлении в Скупщине СФРЮ накануне Конференции ДН Б. Лончар.

Устремления СФРЮ модернизировать и «осовременить» ДН демонстрировали то, насколько важное место оно занимало в её внешней политике и то, сколько планов с членством в нём связывалось в дальнейшем. Белград, как минимум, был убеждён, что а) без прямого участия неприсоединившихся стран и народно-освободительных движений невозможно урегулирование локальных конфликтов; б) без неприсоединившихся и развивающихся стран невозможно принятие решений в Совбезе ООН; в) без неприсоединившихся и развивающихся стран невозможно заключение глобальных договоров о нераспространении ядерного, химического и ракетного вооружения; г) без участия неприсоединившихся и развивающихся стран невозможно решение экологических проблем; д) без согласия неприсоединившихся и развивающихся стран невозможно размещение на их территории военных баз⁷²². Все эти неоспоримые аргументы способствовали восприятию Белградом ДН как некоей константы международных отношений, в рамках которой Югославия должна оставаться, дабы не потерять остатки своего внешнеполитического авторитета. В этой связи вторичное проведение конференции ДН в столице СФРЮ приобретало символическое содержание, а его успешный исход напрямую связывался с благополучием Югославии в будущем.

⁷²⁰ Шта Самит доноси Југославији // Политика. 25. јул 1989. С. 2.

⁷²¹ Косово прва брига југословенске дипломатије. Расправа о спољној политици у Скупштини СФРЈ // Там же. 27. јул 1989. С. 2.

⁷²² Шта могу несврстани данас? // Там же. 29. август 1989. С. 2.

IX Конференция неприсоединившихся стран проходила в белградском «Сава-центре» с 4 по 7 сентября 1989 г. и стала самой представительной в истории движения: в ней приняли участие 172 делегации, в числе которых – 102 делегации неприсоединившихся стран и 50 делегаций наблюдателей, оставшиеся 20 – в качестве гостей⁷²³. В число последних вошли представители 6 стран ОВД и 5 стран НАТО, присутствие которых было поистине революционным событием и в должной мере соответствовало чаяниям Югославии по поводу будущего движения. В состав югославской делегации вошли Янез Дрновшек, Анте Маркович, Будимир Лончар, Суада Муминагич, Франц Хорват, Александар Симович и Драгослав⁷²⁴ Пейич.

В центре внимания конференции оказались проблемы модернизации движения, урегулирования региональных конфликтов, разоружения и мира, экономики и долгов развивающихся стран, защиты человеческих прав, укрепления ООН и многостороннего сотрудничества; экологии и доступности достижений научно-технического прогресса. Несмотря на серьёзность стоящих на повестке вопросов эта конференция отличалась меньшей конфронтационностью и большей плюралистичностью и конструктивностью полемики. Наибольшие прения при этом вызвал подготовленный Югославией текст Заключительной декларации, названной министрами иностранных дел Танзании, Лаоса, КНДР, Вануату и Уганды «чересчур оптимистическим» и «чересчур идиллическим»⁷²⁵ по причине того, что рассматривал конфронтацию и блоковое мышление как пройденный этап в истории международных отношений. Участники конференции, в основном, сошлись во мнении, что неприсоединение должно стать, насколько это возможно, «практичнее» и начать заниматься конкретными делами, «вне какой-либо большой идеологии»⁷²⁶, при этом отвергнув идею формирования постоянного секретариата. Итогом Конференции стало принятие не только Заключительной декларации, но и Деклараций о арабско-израильском конфликте (Югославия выступала против такого названия), об Афганистане, Кампучии, Ливане, ирано-иракском конфликте, Чаде, ситуации в Южной Африке и пр. – всего 21 только политических документа⁷²⁷. Утверждение этих документов не обошлось без проблем и противоречий.

Что же касается роли Югославии, взявшей на себя бремя организатора Конференции, по словам новоиспечённого председателя ДН Я. Дрновшека, «из чувства ответственности перед движением», то она действительно выступила на ней как своеобразный «спаситель»⁷²⁸ и двигатель прогресса. Несомненен её вклад в разработку обновлённой концепции Движения

⁷²³ Од Београда до Београда // Политика. 4. септембар 1989. С. 2.

⁷²⁴ Там же.

⁷²⁵ Какве ће бити реформе // Там же. 3. септембар 1989. С. 2.

⁷²⁶ Шта треба мењати у покрету // Там же. 3. септембар 1989. С. 2.

⁷²⁷ Усвојен 21 политички документ // Там же. 9. септембар 1989. С. 3.

⁷²⁸ Там же.

неприсоединения и выработку платформы действий этого крупнейшего межгосударственного политического объединения. Именно Югославия настояла на сокращении объёмов, деидеологизации и конкретизации рабочих документов конференции; деформализации её работы.

Своей умеренностью и одновременно прямолинейностью выступления членов югославской делегации Дрновшека и Лончара задавали тон всей Конференции и намечали дальнейшие пути развития ДН: «Для того чтобы Движение неприсоединения шло в ногу с мировыми процессами, требуется включиться в них на новый манер. Перед неприсоединившимися странами помимо проблем мира, безопасности и разоружения остро стоят проблемы развития, непосредственных интересов и прав человека. С тем чтобы Движение могло ответить на все эти требования и вызовы сегодняшнего дня, необходимо его осовременивание и это одна из ключевых задач, перед которыми стоит наша Девятая конференция»⁷²⁹, – отметил в своей приветственной речи от 4 сентября Я. Дрновшек. В своём выступлении он обратил внимание глав государств на экстренную необходимость решения экономических проблем и проблемы задолженности развивающихся стран, выдвинул инициативу проведения специальной конференции для диалога представителей глобального Севера и Юга по вопросу долгов; говорил о желательности прямого участия неприсоединившихся стран в переговорах по разоружению⁷³⁰. Одно из центральных мест в его докладе заняли темы защиты прав и свобод человека, экологии, развития кооперации между развитыми и развивающимися странами и укрепления ООН.

Как новый председатель движения, СФРЮ брала на себя обязательства по осовремениванию движения, расширения его присутствия в международных отношениях, поиску «новых решений в горячих точках» и инициации «новых процессов»⁷³¹ для урегулирования существующих проблем. Перед Югославией стояла задача защиты «жизненно важных интересов целого международного сообщества»⁷³². При этом высокое доверие, оказанное Белграду неприсоединившимися странами, по мнению тех же Дрновшека и Лончара, должно было стать стимулом для устранения внутренних трудностей и противоречий.

Белградская конференция неприсоединившихся стран, казалось, дала новый импульс движению, однако, он оказался слабым и временным. В условиях распада социалистического блока и завершения холодной войны движение окончательно лишилось идеологической компоненты, обосновывающей её существование, и не смогло столь быстро сориентироваться в быстроменяющемся мире, на необходимость чего ранее неоднократно указывал Белград.

⁷²⁹ Осавремењавање покрета кључни задатак самита // Политика. 5. септембар 1989. С. 2.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Там же.

⁷³² Посебне обавезе Југославије као председавајућег покрета // Там же. 20. октобар 1989. С. 2.

Югославия, несмотря на все свои первоначальные амбиции по обновлению движения, в силу ряда внутренних проблем не была в состоянии выполнить взятые на себя обязательства и начала всё более отстраняться от его деятельности.

Таким образом, место Движении неприсоединения во внешней политике Югославии 1980-е гг. можно определить как неоднозначное. За Белградом, как за одним из создателей и организаторов движения, сохранялось формальное лидерство, в то время как практическая значимость от участия страны в движении падала как для самого неприсоединения, так и для СФРЮ. Естественным образом Югославия начала тяготеть к европейскому сообществу, способному оказать ей действенную помощь в преодолении внутренних проблем. Немаловажным в контексте падения значимости югославского фактора в Движении неприсоединения кажется и цивилизационный аспект: на фоне межафриканских и межазиатских конфликтов Югославия ощущала себя чуждой. Так и неевропейские неприсоединившиеся страны относились к Югославии как к чужеродному звену, неспособному понять и адекватно оценить суть их противоречий. Тем не менее, участие СФРЮ в Движении неприсоединения вплоть до конца 1980-х гг. мыслилось югославскими руководителями как важный фактор сохранения её независимости и недопущения попыток дестабилизации страны как извне, так и изнутри.

3.3. Двусторонние контакты Югославии с неприсоединившимися и развивающимися странами

Свои двусторонние отношения с неприсоединившимися и развивающимися странами Югославия неизменно базировала на принципах равноправия и невмешательства во внутренние дела. Вместе с тем, если в отношениях с рядом арабских государств и Индией СФРЮ действительно выступала с позиции равного, то со многими африканскими республиками ей приходилось брать на себя роль покровителя и донора⁷³³.

В рассматриваемое десятилетие Югославия поддерживала перманентные контакты с такими странами «третьего мира» как Алжир, Ангола, Афганистан, Бангладеш, Венесуэла, Египет, Индия, Ирак, Иран, Замбия, Зимбабве, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Ливия, Нигерия, Пакистан, Сирия, Сомали, Танзания, Тунис, Эфиопия и многими другими. Высоким градусом напряжённости отличались отношения с Кубой и Вьетнамом, которым Югославия вменяла в вину зависимость от Советского Союза и пренебрежение принципами неприсоединения. В данном параграфе мы отдельно рассмотрим

⁷³³ См.: *Mileta V. Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju // Politička misao. 1986. Vol. XXIII. No. 3. S. 51-57.*

двусторонние отношения СФРЮ лишь с теми из перечисленных стран, с которыми они характеризовались реальной важностью и интенсивностью.

Во время болезни и сразу же после кончины И. Броз Тито югославское руководство предприняло ряд попыток получить от лидеров неприсоединившихся и развивающихся стран заверения в продолжении следованию курсу неприсоединения⁷³⁴. С этим, в частности, связана высокая интенсивность встреч союзного секретаря по иностранным делам СФРЮ И. Врховца с государственными деятелями неприсоединившихся государств, успевшего только за весну - лето 1980 г. нанести визиты в Алжир, Бангладеш, Индию, Индонезию, Ирак, Сингапур, Шри-Ланку и несколько других стран. Путём всестороннего укрепления двусторонних контактов коллективное руководство и союзный секретариат иностранных дел Югославии надеялись не допустить укрепления позиций СССР и Кубы в «третьем мире».

Несмотря на все усилия коллективного руководства после смерти Тито отношения Югославии с неприсоединившимися и развивающимися странами постепенно пришли в упадок. В начале 1990-х гг. «третий мир» занял выжидательную позицию применительно к событиям в СФРЮ, предпочтя остаться в стороне от югославского кризиса, к чему его обязывали, в том числе, принципы неприсоединения.

Арабские страны, Израиль и Иран

Наибольшей интенсивностью и дружественностью среди всех развивающихся и неприсоединившихся стран отличались контакты СФРЮ с арабскими государствами, причём эта характеристика относилась как к политическому и в некоторых случаях межпартийному взаимодействию, так и экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству.

В политическом плане за редкими исключениями Югославия фактически не имела существенных разногласий с арабскими странами. Последовательная поддержка освободительной борьбы палестинского народа, осуждение политики израильского экспансионизма и оккупации Южного Ливана, американской агрессии против Ливии были базисом, который способствовал углублению солидарности и кооперации Югославии с этими государствами в 1980-е гг. Важное место при этом занимали совместные усилия по укреплению позиций и авторитета Движения неприсоединения в мире.

Самыми значимыми экономическими партнёрами Югославии в регионах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки выступали Ирак, Египет, Ливия, Судан и Алжир⁷³⁵. Основная часть югославского экспорта в арабские страны приходилась на продукцию машиностроения – тракторы и легковые автомобили «Застава» – и электрооборудование;

⁷³⁴ См.: *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. 1983. Vol. XX. No. 4. S. 29.*

⁷³⁵ Нов изазов већем извозу // Политика. 3. октобар 1980. С. 8.

арабского экспорта в Югославию – на природные ресурсы и продукцию сельского хозяйства⁷³⁶. Югославские рабочие активно привлекались к строительству ирригационных объектов и портов в Ираке, железных дорог в Ливии, портов в Кувейте, газопроводов в Алжире и пр., где наталкивались на всё возрастающую конкуренцию более дешёвой рабочей силы из Болгарии, Индии, Пакистана, Румынии, Турции и т.д. Вопросами развития экономических отношений между Югославией и арабскими странами ведали специальные смешанные комитеты по экономическому, научному и техническому сотрудничеству, главной задачей которых было увеличение объёмов товарооборота, что являлось стратегической задачей Движение неприсоединения в целом.

В арабо-израильских конфликтах Югославия последовательно выступала на стороне арабских государств, обвиняя Израиль в экспансионизме, прямой агрессии и потакании интересам США и империалистических кругов⁷³⁷. Официальная позиция югославского руководства заключалась в том, что «полное разрешение кризиса на Ближнем Востоке невозможно без вывода войск Израиля со всех оккупированных в 1967 г. и позднее территорий, включая и Иерусалим, и образования... палестинского государства»⁷³⁸. СФРЮ выражала полную солидарность «героической борьбе»⁷³⁹ палестинского народа за свободу, самоопределение, независимость и собственное национальное государство, признавая при этом Организацию освобождения Палестины (ООП) его «единственным легитимным представителем» и «равноправным партнёром во всех переговорах»⁷⁴⁰ по вопросу будущего *Палестины*. Неоднократно в 1980-е гг.⁷⁴¹ с официальными визитами Югославию посещал лидер ООП Ясир Арафат, всегда принимаемый с особым почётом и уважением. Ежегодно 29 ноября, в День международной солидарности с палестинским народом, югославское руководство по сложившейся традиции делало политические заявления, которые должны были продемонстрировать палестинцам поддержку неприсоединившейся СФРЮ их борьбе. Белград также выступал активным сторонником созыва Международной конференции по Ближнему Востоку под патронатом ООН и вообще любой инициативы, которая «имела бы целью стабильный и продолжительный мир в регионе»⁷⁴², но только при условии учёта интересов ООП. Одной из первых Югославия признала независимость провозглашённого 15 ноября 1988 г. Государства Палестины.

⁷³⁶ Mileta V. Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju // Politička misao. 1986. Vol. XXIII. No. 3. S. 55.

⁷³⁷ Janković S. Sukobi na Bliskom istoku – osnovna obeležja // Međunarodni problemi. 2007. god. LIX. br. 2–3. S. 266–307.; Ortakovski V. Rezultati i posledice izraelsko-arapskih ratova // Ibid. 1989. god. XLI, br. 2–3. S. 221–234.

⁷³⁸ Порука Председништва СФРЈ ОУН. Подршка Југославије борби Палестинаца // Политика. 1. децембар 1986. С.1.

⁷³⁹ Там же.

⁷⁴⁰ Све отворенија криза светских односа // Там же. 3. мај 1981. С. 2.

⁷⁴¹ Например, в октябре 1980 г., марте 1986 г., июне 1988 г., декабре 1988 г., сентябре 1989 г.

⁷⁴² На видуку преокрет на Блиском истоку // Политика. 24. јун 1988. С. 1.

В январе 1988 г. на повестку дня встал табуированный прежде вопрос о возможности и необходимости «широкого развития» отношений между Югославией и *Израилем*, который был отдельно рассмотрен на специальном заседании Совета по внешней политике Скупщины СФРЮ и вызвал острые и продолжительные дебаты⁷⁴³. Большая часть делегатов выступала против восстановления разорванных в 1967 г. дипломатических отношений, но высказывалась за постепенное укрепление экономического, туристического, научного, культурного сотрудничества и расширение контактов с «прогрессивно ориентированными силами»⁷⁴⁴ в Израиле, максимум – за возобновление консульских связей. На этом этапе риторика СФРЮ применительно к Израилю как фактору дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке не изменилась, однако «демократизация международных процессов» побуждала Белград к дальнейшему пересмотру своей позиции из прагматических соображений. Первопроходцем в деле установления диалога с Израилем был ССТНЮ.

В результате только в течение 1988 г. было предпринято ряд важных мер для восстановления контактов между двумя государствами: возобновлено авиасообщение между Белградом и Тель-Авивом, увеличено число югославских туристов, отдыхающих в Израиле; на югославском телевидении начали транслироваться интервью с известными израильскими политическими деятелями; выдвинута инициатива создания общества югославо-еврейской дружбы⁷⁴⁵.

В марте 1989 г. в Тель-Авиве состоялось открытие израильско-югославской торговой палаты, ставшее первым реальным шагом на пути к возобновлению дипломатических отношений⁷⁴⁶. К концу года израильский экспорт в СФРЮ достиг цифры в 19 млн долларов, а югославский в Израиль – около 15 млн долларов⁷⁴⁷, причём Югославия импортировала из Израиля преимущественно фруктовые соки, химическую продукцию и синтетические волокна, а Израиль из Югославии – древесину и мебель⁷⁴⁸.

Инициатива немедленного восстановления дипломатических отношений, решение о котором затягивалось федеральными властями, в итоге была выдвинута республиканским секретарём по отношениям с иностранными государствами СР Сербии Александром Прля: «...вопрос возобновления дипломатических отношений с государством Израиль не может больше откладываться. Это бы только вредило единству внешней политики Югославии, а в продолжительной перспективе, мы уверены, и совокупным международным интересам

⁷⁴³ Каква мера у односима са Израелом // Политика. 20. јануар 1988. С. 2.

⁷⁴⁴ Там же.

⁷⁴⁵ Петковић Р. Југославија и Израел // Там же. 2. октобар 1988. С. 3.

⁷⁴⁶ Основана Израелско-југословенска привредна комора // Там же. 11. март 1989. С. 2.

⁷⁴⁷ В этом же году совокупный товарооборот СФРЮ с арабскими странами составил около 5 млрд долларов.

⁷⁴⁸ Основана Израелско-југословенска привредна комора // Политика. 11. март 1989. С. 2.

Югославии»⁷⁴⁹. С 30 мая по 6 июня 1990 г. в Тель-Авиве проходила «Неделя Сербии в Израиле», в которой приняли участие порядка 200 сербских предприятий⁷⁵⁰ и которая внесла значительный вклад в дальнейшее развитие двусторонних югославско (сербско)-израильских отношений.

Разрыв дипломатических отношений в 1967 г. в конечном итоге был признан Б. Лончаром ошибкой югославской дипломатии, однако полное их восстановление состоялось только после распада СФРЮ – 31 января 1992 г. – в условиях, когда СРЮ находилась фактически в условиях международной изоляции.

Настороженно официальный Белград относился к режиму Анвара Садата в *Egipme*, считая его ненадёжным и недолговечным. Визит Садата в Иерусалим и подписание им Кэмп-Дэвидских соглашений вызвали в Югославии широкое возмущение и привели к обвинениям в адрес Египта в предательстве завоеваний Гамалы Абдель Насера и всего арабского дела. Ситуацию осложняло и то, что Каир традиционно мыслился Югославией как «самый близкий соратник» в Движении неприсоединения.

Отношения между двумя государствами были восстановлены в полном объёме после прихода к власти в арабской республике Хосни Мубарака, взявшем целенаправленный курс на вывод Египта из международной изоляции. Налаживание отношений с Югославией как одним из главных партнёров по Движению неприсоединения стало для него принципиальной задачей⁷⁵¹.

В череде двусторонних встреч отдельного внимания заслуживает визит председателя Президиума СФРЮ М. Шпиляка в Египет в феврале 1984 г., отметившийся продолжительными и интенсивными переговорами с Мубараком в «атмосфере открытости и понимания». «Двое руководителей расстались как приятели, с неподдельной сердечностью»⁷⁵², причём Мубарак сделал «необычный» жест, предоставив Шпиляку вертолёт, доставивший его прямо из президентской резиденции в аэропорт. Примечательно, что визит Шпиляка заслужил особое внимание египетских СМИ, три дня подряд посвящавших ему свои передовицы⁷⁵³. В заключительном коммюнике встречи была выражена идентичная позиция двух стран по ряду политических вопросов, удовлетворение уровнем экономического, технологического, научного и культурного сотрудничества. Подобные заключения стали константой югославско-египетских переговоров в 1980-е гг. Сам Мубарак посещал Югославию в сентябре 1982 г., июне 1983 г., в июле 1987 г, сентябре 1988 г. и сентябре 1989 г.

⁷⁴⁹ Захтев за упостављање пуних дипломатских односа са Израелом // Политика. 12. мај 1989. С. 1.

⁷⁵⁰ Како ће се привреда Србије представити Израелу // Там же. 20. мај 1990. С. 9.

⁷⁵¹ См.: *Todorović M. Srbija i Egipat. Srpsko-egipatski međukulturni odnosi. Beograd, 2021.*

⁷⁵² Пријатељи и партнери // Политика. 28. фебруар 1984. С. 2.

⁷⁵³ Там же.

Совокупный товарооборот между Югославией и Египтом составил порядка 210 млн долларов на конец 1988 г. В качестве примера успешного экономического сотрудничества можно привести договор между «Црвена Застава» и «Югоавто» и египетской «Эль Наср» о продаже автомобилей модели «застава 128» на сумму в 30 млн долларов, заключенный в 1989 г. По этому договору к концу 1989 г. Югославия должна была поставить в Египет 9500 легковых автомобилей, а к концу 1990 г. – уже 12000 автомобилей⁷⁵⁴. При этом «Црвена Застава» вообще являлась главным партнёром крупнейшей египетской автомобильной компании «Эль Наср». Большую лепту в югославо-египетскую кооперацию вносили обязательства, взятые странами по трёхстороннему договору о расширении торгового и экономического сотрудничества между Югославией, Египтом и Индией.

Важной компонентой югославо-иракских отношений являлся тот вклад, который СФРЮ делала в промышленное развитие *Ирака*. Так, к июню 1980 г. в стране трудилось порядка 13 тысяч югославских рабочих⁷⁵⁵, большая часть которых осталась здесь и после начала ирано-иракской войны. Всего в Ираке вели деятельность около 100 югославских компаний, занятых в 20 индустриальных проектах⁷⁵⁶. В качестве примеров самых значимых объектов, возведённых в 1980-е гг. при участии рабочих из Югославии, стоит назвать комбинат искусственных удобрений под Эль-Каимом и плотину Бехме на р. Верхний Заб на севере Ирака. К 1990 г. порядка 40% совокупного экономического сотрудничества Югославии с арабскими странами приходилось именно на Ирак – ежегодно в эту страну поступало югославских товаров на сумму от 350 до 400 млн долларов, за которые Ирак, как правило, расплачивался нефтью⁷⁵⁷.

В числе многочисленных двусторонних встреч необходимо отметить официальный визит в Югославию в феврале 1984 г. первого заместителя председателя правительства Ирака Тахи Ясина Рамадана, результатом которого стало совместное заявление о «беспокойстве из-за постоянного ухудшения ситуации в мире»⁷⁵⁸ в условиях, когда Ирак вёл военные действия против Ирана; осуждение Израиля за агрессивную политику в Ливане и выражение полной солидарности и поддержки ООП⁷⁵⁹. «Сердечный приём»⁷⁶⁰ Тахи Ясина Рамадана в Белграде косвенно свидетельствовал о моральной поддержке СФРЮ Ираку в войне с Ираном. Более того, отношения между двумя странами не прерывались ни разу за весь период восьмилетней войны. Официальная же позиция СФРЮ по этому поводу заключалась в призыве к немедленному прекращению огня и решению конфликта путём политических переговоров на базе Движения неприсоединения.

⁷⁵⁴ Египту још 12.000 застава // Политика. 18. март 1989. С. 2.

⁷⁵⁵ И пут је дар пустиње // Там же. 11. јун 1980. С. 13.

⁷⁵⁶ Там же.

⁷⁵⁷ Милијарде долара у Заливу у неизвесности // Там же. 10. септембар 1990. С. 2.

⁷⁵⁸ Забринутост због сталног погоршавања ситуације у свету // Там же. 18. фебруар 1984. С. 4.

⁷⁵⁹ Там же.

⁷⁶⁰ Там же.

В конечном счёте югославская дипломатия внесла немаловажный вклад в окончание ирано-иракской войны. Большая заслуга в этом деле принадлежала Р. Диздаревичу и Б. Лончару, которые «энергично за кулисами работали над завершением конфликта»⁷⁶¹, а также командиру военной наблюдательной миссии ООН в Иране и Ираке, военному дипломату генерал-майору ЮНА Славко Йовичу.

В феврале 1989 г. с целью проведения переговоров с Садамом Хусейном состоялся визит председателя президиума СФРЮ Р. Диздаревича в Багдад⁷⁶². Помимо обсуждения международной повестки и подготовки к предстоящей IX Конференции Движения неприсоединения, Диздаревича волновали возможности расширения участия югославских предприятий в восстановлении материальных мощностей Ирака после окончания войны с Ираном. Преимущественно о перспективах экономического сотрудничества шла речь и в дни визита А. Марковича в Багдад в мае 1990 г.⁷⁶³

Колоссальный урон югославской экономике нанесла как иракская агрессия против *Кувейта* в 1990 г., так и последующая за ней экономическая и военная блокада Ирака: большая часть компаний была вынуждена заморозить строительство объектов на территории Ирака и вывезти из страны своих рабочих⁷⁶⁴. Сама же оккупация иракской армией Кувейта подверглась решительному осуждению со стороны СФРЮ, поддержавшей суверенитет и территориальную целостность последнего и призвавшей Ирак немедленно вывести войска с оккупированной территории. После окончания иракской оккупации Б. Лончар стал одним из первых мировых глав дипломатических ведомств, посетивших Эль-Кувейт и предложивших арабской монархии помощь в восстановлении разрушенных объектов⁷⁶⁵.

С Ираном СФРЮ поддерживала довольно близкие, но при этом нейтральные и сугубо деловые отношения. Будучи светским государством, Югославия скептически отнеслась к исламской революции в Иране, однако следование во внешней политике принципам взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела других государств и партнёрство по Движению неприсоединения не позволяли ей допускать в адрес Тегерана некорректные и критичные замечания. В ирано-иракской войне Белград занял предельно дипломатичную позицию, осудив сам факт кровопролитного вооружённого столкновения и призывая обе стороны к его немедленному прекращению и решению спора политическим путём. Многочисленные консультации югославских дипломатов с иранскими коллегами, безусловно, сыграли положительную роль в деэскалации ситуации в Персидском заливе.

⁷⁶¹ Лончар одиграо кључну улогу // Политика. 13. август 1988. С. 2.

⁷⁶² Диздаревић у Багдаду // Там же. 4. фебруара 1989. С. 1.

⁷⁶³ Анте Марковић у Ираку. Разговори са Садамом Хусеином // Там же. 14. мај 1990. С. 1.

⁷⁶⁴ Југославија и међународне санкције против Ирака. Изузетно тешке последице // Там же. 12. август 1990. С. 1.

⁷⁶⁵ Будимир Лончар у Кувајту // Там же. 19. март 1991. С. 2.

В июле 1988 г. Югославия выразила острый протест США в связи с катастрофой принадлежавшего иранской авиакомпании «Iran Air» (рус. «Иранские авиалинии») авиалайнера Airbus A300, на борту которого находилось шесть югославских граждан⁷⁶⁶. Руководство СФРЮ высказало полную солидарность с Ираном по поводу трагедии и необходимости её дальнейшего расследования.

Глубокое непонимание в Югославии вызвали публичное проклятие и вынесенный аятоллой Хомейни приговор к смертной казни британскому писателю Салману Рушди и последовавший за этим разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Ираном. На фоне этих событий в феврале 1989 г. состоялся официальный визит Хомейни в Югославию, завершившийся пресс-конференцией, на которой он заявил, что «стрела уже летит в сердце богохульника Рушди и он должен быть повержен»⁷⁶⁷. Выступление вызвало острый протест СР Словении и неблагоприятную реакцию со стороны югославских граждан, перед которыми в итоге было вынуждено объясняться даже руководство страны и лично глава югославской дипломатии Б. Лончар. Скупщиной Словении, в частности, визит Хомейни был расценён как «поощрение терроризма»⁷⁶⁸, «имеющее последствия для сложной внутренней ситуации с учётом многонационального состава Югославии»⁷⁶⁹.

В конечном итоге, руководство федерации пресекло дальнейшие дискуссии по этому поводу замечанием, что «заявление аятоллы было сделано исходя из религиозных позиций и не имеет сущностного значения для наших государственных отношений с Ираном»⁷⁷⁰, а сам визит был охарактеризован как довольно полезный и плодотворный.

Успешно развивались югославско-иранские экономические отношения. К наиболее заметным примерам сотрудничества стоит отнести контракт о кооперации в производстве автобусов между югославской «ТАМ» и иранской «Шахаб ходро» на сумму в 36 млн долларов⁷⁷¹, заключённый в 1989 г., по которому «ТАМ» обязывалась осуществлять иранской стороне не только постановку деталей, но и передачу технологий.

Для отношений Белграда с Дамаском были характерны значительные успехи в ряде сфер и областей сотрудничества. В июле 1980 г. в рамках проекта неприсоединившихся стран по формированию нового международного информационного порядка Югославия подписала с *Сирией* договор о двухлетнем сотрудничестве в сфере информации, которым предусматривалось расширение сотрудничества, обмен кадрами и участие в

⁷⁶⁶ Протест Југославије САД // Политика. 8. јул 1988. С. 2.

⁷⁶⁷ Хамнеи и Диздаревић разговарали о Руждију // Там же. 24. фебруар 1989. С. 3.

⁷⁶⁸ Лончар: Изненадила нас изјава Хамнеија // Там же. 24. фебруар 1989. С. 3.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ Там же.

⁷⁷¹ Техеран купио аутобусе за 36 милиона долара // Там же. 18. март 1989. С. 2.

культурно-информационных мероприятиях двух стран⁷⁷². Политическое сотрудничество двух стран отличалось высокой степенью доверия и солидарности. Весьма активно развивались партийные связи между СКЮ и Партией арабского социалистического возрождения Баас. СФРЮ также выступала за возвращение Сирии Голанских высот.

Взаимной заинтересованностью и высоким потенциалом отличались отношения между Югославией и *Ливией*, включавшие в себя не только тесное политическое и экономическое сотрудничество, но и военно-техническую кооперацию. По вопросам международной повестки две страны, как правило, выказывали полную солидарность, особенно в тех случаях, когда речь шла о ситуации на Ближнем Востоке и «экспансионистской» политике Израиля.

Близость Югославии и Ливии в рассматриваемое десятилетие обуславливалась, в том числе, финансовой силой ливийского режима. Так, ещё в 1984 г. в Триполи состоялись переговоры между Югославией и рядом арабских стран по вопросу создания смешанного югославско-арабского банка, чей уставной капитал составил бы 30 млн долларов и который бы базировался в Белграде. Целью его учреждения объявлялось «укрепление финансового сотрудничества СФРЮ с арабскими странами, а особенно с Ливией»⁷⁷³. Предполагалось, что через данный банк, в том числе, Ливия сможет оказывать прямую помощь югославской экономике. Белград также безоговорочно осудил военную операцию США против Ливии в 1986 г., заявив о поддержке Муаммару Каддафи и Ливийской Джамахирии.

Противоречия же Белграда и Триполи касались, прежде всего, трёх вопросов: а) спонсирования Ливией международного исламского терроризма, который Югославия рассматривала в качестве одной из главных угроз миру и стабильности; б) вмешательства Ливии во внутренние дела Чада; в) продвигаемой Югославией модернизации Движения неприсоединения, которую ливийский вождь считал ненужной и бесперспективной.

В числе немаловажных, на наш взгляд, событий в истории отношений СФРЮ с арабским миром в 1980-е гг. стоит также упомянуть установление дипломатических отношений с *Катаром* в августе⁷⁷⁴ и *Бахрейном* в сентябре 1989 г.⁷⁷⁵

Африка южнее Сахары

Со странами Тропической Африки Югославия поддерживала активные контакты, оказывая им посильную военную и экономическую помощь и поддерживая освободительные движения на континенте. Здесь страна выступала сторонником мирного разрешения конфликтов, борьбы против колониализма, расизма и апартеида.

⁷⁷² Споразум у Дамаску // Политика. 14. јул 1980. С. 4.

⁷⁷³ Ускоро југословенско-арапска банка // Там же. 28. фебруар 1984. С. 4.

⁷⁷⁴ Успостављени дипломатски односи између СФРЈ и Катара // Там же. 25. август 1989. С. 1.

⁷⁷⁵ Успостављени дипломатски односи са Бахрејном // Там же. 1. септембар 1989. С. 2.

В 1980-е гг., в частности, СФРЮ поставляла военную помощь Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), борющейся за освобождение Намибии; Африканскому Национальному Конгрессу (АНК) и Панафриканистскому конгрессу (ПАК), борющимся за «освобождение» от апартеида в ЮАР, а также Народному движению за освобождение Анголы – Партии труда (МПЛА) и Фронту освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО).

Помимо прямой военной и экономической помощи Югославия оказывала этим движениям идеологическую и политическую поддержку, заключающуюся в открытии на своей территории их представительств, а также в их международном признании. На постоянной основе в африканских странах пребывали югославские военные и гражданские специалисты, в том числе инженеры, врачи и педагоги. Африканские студенты массово обучались в югославских вузах⁷⁷⁶.

Наибольшей интенсивностью в это время отличались двусторонние отношения СФРЮ с Замбией, Зимбабве, Нигерией, Танзанией, Эфиопией.

Буквально через месяц после смерти И. Б. Тито в июне 1980 г. в африканское турне, включившее в себя посещение *Замбии* и *Танзании*, отправилась делегация Скупщины СФРЮ во главе с её председателем Д. Марковичем. Турне показало «близость и идентичность точек зрения по всем международным вопросам., в оценке достигнутой степени двусторонних отношений, как и согласность в том, что можно и нужно сделать для того, чтобы экономическое сотрудничество соответствовало высокому уровню политических отношений»⁷⁷⁷ и было оценено как очень «успешное» и «полезное». Маркович подтвердил готовность Югославии расширить экономическую и продовольственную помощь африканским странам. Так, например, уже в июне 1980 г. Югославия передала 23 тонны продовольствия и другой гуманитарной помощи Сомали⁷⁷⁸, а Уганде в августе того же года – гуманитарной помощи на сумму в 300 тысяч долларов⁷⁷⁹.

В сентябре 1980 г. с ответным шестидневным визитом в Югославию, в ходе которого он посетил ряд производств и ближе познакомился с опытом югославского самоуправления⁷⁸⁰, находился президент Замбии Кеннет Каунда. На переговорах с первыми лицами СФРЮ речь шла о перспективах сотрудничества в рамках Движения неприсоединения и дальнейшем укреплении экономических связей. Каунда также посещал Югославию в апреле 1986 г.⁷⁸¹, когда ему было присвоено звание почётного доктора политических наук Белградского университета, и в сентябре 1989 г. в дни проведения IX Конференции ДН.

⁷⁷⁶ См: *Радонић Н. Р.* Слика Африке у Југославије (1941-1991). Докторска дисертација. Београд, 2020.

⁷⁷⁷ Потврђена блискост и идентичност гледишта // Политика. 17. јун 1980. С. 1.

⁷⁷⁸ Помоћ Југославије Сомалији // Там же. 17. јун 1980. С. 2.

⁷⁷⁹ Помоћ Југославије Уганди // Там же. 8. август 1980. С. 4.

⁷⁸⁰ Каунда у Новом Саду // Там же. 6. септембар 1980. С. 1.

⁷⁸¹ Нове акције несврстаних // Там же. 13. април 1986. С. 1.

Экономические контакты между двумя странами, разумеется, не были равнозначными и включали в себя, в основном, проектирование и строительство Югославией аграрных предприятий и предприятий по переработке сырьевых ресурсов (например, меди, фосфатов, хлопка) на территории Замбии.

С *Зимбабве*⁷⁸² Югославию отличали, пожалуй, самые крепкие отношения из всех государств континента, что определялось, в том числе, и субъективным фактором председателя Зимбабвийского африканского национального союза (ЗАНУ), премьер-министра и президента Роберта Мугабе. Югославия предоставляла значительную материальную помощь народу Зимбабве в ходе его освободительной войны и восстановления республики после её окончания. В апреле 1981 г. в страну нанёс визит председатель Президиума СФРЮ Ц. Миятович, результатами чего стало подписание договоров о торговом и экономическом, научно-техническом, образовательном и культурном сотрудничестве⁷⁸³. Переговоры также показали близость и идентичность точек зрения по ряду политических вопросов, что стало константой двусторонних отношений в 1980-е гг. Сам Р. Мугабе неоднократно посещал Югославию, где всегда сердечно и тепло принимался югославским руководством.

Экономические отношения между двумя странами не соответствовали высокому уровню политического взаимодействия. Так, например, в 1987 г. объём совокупного товарооборота составил всего 9,3 млн долларов, из которых югославский экспорт – 409 тыс. долларов⁷⁸⁴. В структуре югославского экспорта в Зимбабве доминировали при этом фармацевтические препараты и автомобильные детали, зимбабвийского экспорта в Югославию – асбестовое волокно, хлопок, табак, никель и пр. В качестве успешных примеров инвестиционного сотрудничества в 1980-е гг. стоит привести строительство югославским «Энергопроектом» конференц-центра и отеля в Хараре, восьми региональных больниц и реконструкцию резиденции президента Мугабе и здания ЦК ЗАНУ; участие рабочей организации «Партизанский путь» в возведении участков дорожной сети и пр.⁷⁸⁵

Довольно тесные отношения связывали Югославию с *Нигерией*. В октябре 1980 г., помимо уже функционирующего югославо-нигерийского «Нечо», было основано ещё одно совместное строительное предприятие «Югоброд – ПИМ – Западная Африка – Лагос»⁷⁸⁶, занимавшееся разработкой проектов и осуществлением строительных работ на всех типах гидротехнических объектов в Нигерии и Западной Африке. В инвестиционных проектах в этой стране были также заняты югославские компании «Ингра», «Раде Кончар», «Мингл», «Электромонтаж» и пр. Сотрудничество осуществлялось в сферах электрификации, энергетики,

⁷⁸² Дипломатические отношения между СФРЮ и Зимбабве были установлены в апреле 1980 г.

⁷⁸³ Слаби безбедност света // Политика. 17. април 1981. С. 4.

⁷⁸⁴ Мугабе данас у Београду // Там же. 23. јануар 1989. С. 2.

⁷⁸⁵ Там же.

⁷⁸⁶ Ново југословенско-нигерийско предузеће // Там же. 2. октобар 1980. С. 3.

строительства, сельского хозяйства и туризма. С *Эфиопией* СФРЮ развивала преимущественно военно-техническое сотрудничество, на чём лично настаивал лидер эфиопской революции и глава государства Хайле Мариам.

Расистский режим *ЮАР* подвергался непримиримой и систематической критике и обличению со стороны СФРЮ. Югославия последовательно выступала против апартеида, всех форм угнетения, дискриминации и сегрегации и приветствовала освобождение из заключения Нельсона Манделы в феврале 1990 г. В том же месяце он дал краткое телефонное интервью газете «Политика», в котором заявил следующее: «Я высоко ценю и уважаю Югославию... Передавая привет ей и её гражданам, хотел бы им посоветовать: берегите и укрепляйте своё единство, потому как, только будучи единой страной, Югославия может делать свой вклад в обеспечение мира и прогресса»⁷⁸⁷. В апреле 1991 г., спустя почти три десятилетия после разрыва всех отношений между Югославией и Южной Африкой, были установлены первые официальные югославско-южноафриканские контакты – Кейптаун и Йоханнесбург с официальным визитом посетил помощник союзного секретаря иностранных дел Бранко Луковац⁷⁸⁸. Впервые СМИ открыто заговорили о югославской общине в ЮАР, численность которой по состоянию на 1991 г. составляла примерно 30 тыс. человек⁷⁸⁹.

Латинская Америка

В первой половине 1980-х гг. СКЮ осуждал различные правоавторитарные режимы в ряде государств Южной и Центральной Америки, морально поддерживая местное левое и демократическое движение, следствием чего была недостаточная интенсивность двусторонних связей Югославии со странами континента. Реальное их упрочение было связано с падением здесь военных режимов и началось не ранее осени 1987 г., когда председатель Президиума СФРЮ Лазар Мойсов совершил латиноамериканское турне, включившее посещение им Аргентины, Мексики, Перу и Кубы. Это турне Л. Мойсова без преувеличения стало одним из важнейших событий во внешнеполитической жизни Югославии второй половины 1980-х гг.

В числе наиболее важных событий в отношениях СФРЮ с *Аргентиной* в 1980-е гг. стоит отнести заключение двусторонних договоров об отмене виз, культурном сотрудничестве и санитарной и ветеринарной защите, подписание которых состоялось в дни официального визита Л. Мойсова в Буэнос-Айрес в октябре 1987 г.⁷⁹⁰, ставшего первым визитом непосредственного руководителя Югославии в эту страну. Разумеется, этот визит не обошёлся без антиюгославских провокаций, организованных местными проушасташки настроенными

⁷⁸⁷ Ексклузивни интервју Нелсона Менделе “Политици” // Политика. 22. фебруар 1990. С. 1.

⁷⁸⁸ Кораци према сарадњи // Там же. 12. април 1990. С. 2.

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ Прва југословенска посета на највишем нивоу у Аргентини. Нове везе Југа // Там же. 26. октобар 1987. С. 2.

югославскими эмигрантами. Отмена визового режима виделась СФРЮ необходимой мерой с учётом того факта, что в Аргентине проживало порядка 250 тыс. граждан югославского происхождения⁷⁹¹. Белград и Буэнос-Айрес также связывали общие внутренние проблемы – высокий внешний долг и инфляция, – которые и стали основным предметом взаимных консультаций. В это время неслучайно довольно часто можно было услышать мнения о том, что «югославы – это европейские аргентинцы», а «аргентинцы – южноамериканские югославы»⁷⁹².

Двусторонние отношения Югославии с Кубой начали претерпевать негативные изменения после отказа последней осудить советскую военную интервенцию в Афганистан. Более того, Югославия «выражала протест против действия уже самой Кубы в Анголе и Эфиопии»⁷⁹³. Несмотря на активную полемику, страны даже в период наивысшей напряжённости в своих отношениях ни разу не прерывали официальных отношений и не оставляли попыток наладить контакт и преодолеть противоречия. Эти противоречия заключались в разных подходах к развитию мирового коммунистического движения, его политике и международным отношениям в принципе. И если межгосударственные контакты в этот период характеризовались сравнительной нейтральностью, то межпартийные связи достигли пределов своего исторического минимума. Осложняла югославско-кубинские отношения и борьба за влияние и лидерство в Движении неприсоединения, на роль и будущее которого Белград и Гавана тоже смотрели по-разному. Вместе с тем, по вопросу следования базовым принципам и ценностям политики неприсоединения страны сохраняли единодушие.

Проблемы двусторонних отношений, антикубинская пропаганда в югославских средствах массовой информации не могли серьёзным образом отразиться на авторитете Фиделя Кастро, которого в Югославии считали одним из главных лидеров коммунистического движения. В сентябре 1986 г. Ф. Кастро прибыл в Белград по приглашению Президиума СФРЮ и ЦК СКЮ и был встречен в дружественной и торжественной обстановке⁷⁹⁴. Этот визит стал первым официальным посещением Кастро Югославии после 1976 г., т.е. за десять лет. Сам факт приглашения югославской стороной председателя ЦК Коммунистической партии Кубы (КПК) обозначал пересмотр Белградом своей непримиримой позиции и готовность к нормализации отношений в условиях новых мирополитических реалий. Разговоры, как отмечала газета

⁷⁹¹ Прва југословенска посета на највишем нивоу у Аргентини. Нове везе Југа // Политика. 26. октобар 1987. С. 2.

⁷⁹² Там же.

⁷⁹³ *Stanković S.* Yugoslav-Cuban struggle over Nonaligned leadership revived. RFE-RL* Research. RAD Background report/54 (Yugoslavia). 3 March 1982. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=Yugoslav-Cuban+struggle+over+Nonaligned+leadership+revived> (Дата обращения: 22.08.2022).

⁷⁹⁴ Разговор Кастра и Мојсова // Политика. 2. новембар 1987. С. 1.

«Политика», прошли в «приятельской и сердечной атмосфере»⁷⁹⁵, а сам Кастро был награждён Орденом Югославской звезды.

Дальнейшее развитие югославо-кубинских отношений шло по пути интенсификации – с провозглашением М. С. Горбачёвым концепции «нового политического мышления» были противоречия лишены смысла. В ноябре 1987 г. с официальным визитом Кубу в рамках латиноамериканского турне посетила югославская делегация во главе с Л. Мойсовым⁷⁹⁶. Вице-президент Кубы Хуан Альмейда Боске в ходе переговоров заметил, что «отношения Югославии и Кубы развиваются в атмосфере понимания и доверия и их характеризует взаимоуважение и принятие различных взглядов на одни и те же международные вопросы, что проистекает из специфичности наших стран»⁷⁹⁷. Знаком примирения двух неприсоединившихся государств стало награждение Мойсова Орденом Хосе Марти. Впоследствии СФРЮ приветствовала решение Кубы о выводе своих войск из Анголы, присутствие которых в стране начиная с 1975 г., было одним из камней преткновения в двусторонних отношениях.

Несмотря на временные политические разногласия экономическое сотрудничество между двумя странами развивалось непрерывно и стабильно на протяжении всего десятилетия. Югославия осуждала американскую блокаду Кубы и оказывала стране посильную экономическую поддержку. Так, в 1980 г. она предоставила Кубе кредит суммой в 40 млн долларов «с целью оживить кубинские закупки, особенно промышленных товаров и оборудования»⁷⁹⁸. СФРЮ закупала у Кубы сахар, кофе, мёд, патоку, цитрусовые, табак, ром и никель, Куба же предпочитала импортировать из Югославии оборудование и технологии преимущественно для аграрных предприятий по производству фруктовых соков и консервированию фруктов. Сотрудничали страны и на рынках третьих стран, в основном, африканских.

Традиционным партнёром Югославии на континенте выступала *Мексика*. Одним из наиболее важных и продуктивных в двусторонних отношениях стал визит Л. Мойсова в Мексику в ноябре 1987 г., который он оценил следующим образом: «Этот визит произвёл на меня сильное впечатление... сквозь всю его программу можно было увидеть и почувствовать, как Югославию ценят в Мексике, о чём свидетельствует и открытие памятника товарищу Тито. На Югославию в Мексике рассчитывают не только как на друга, но и как на страну, которая открыла новые пути и взгляды на международные отношения...»⁷⁹⁹. Переговоры Л. Мойсов и Мигель де ла Мадрид, главным образом, посвятили экономическим проблемам «третьего мира». Стороны также констатировали близость подходов по фундаментальным вопросам

⁷⁹⁵ Разговори Реновица – Кастро // Политика. 14. септембар 1986. С. 1.

⁷⁹⁶ Разговор Кастро и Мойсова // Там же. 2. новембар 1987. С. 1.

⁷⁹⁷ Осведоћена блискост Кубе и СФРЈ // Там же. 2. новембар 1987. С. 2.

⁷⁹⁸ Бољи изгледи него исходи // Там же. 25. новембар 1980. С. 4.

⁷⁹⁹ Интервју Лазара Мойсова на крају путовања у Латинску Америку // Там же. 2. новембар 1987. С. 2.

международных отношений. Тогда же в знак солидарности с мексиканским народом одной из улиц в Белграде было дано название в честь Ласаро Карденаса, известного мексиканского политика и государственного деятеля⁸⁰⁰.

Дружественные отношения связывали СФРЮ с *Венесуэлой, Никарагуа, Перу*.

В июле 1986 г. в Белграде с визитом находился министр иностранных дел *Венесуэлы* Симон Консальви⁸⁰¹, а в июне 1988 г. югославскую столицу впервые посетил президент Венесуэлы Хайме Лусинчи⁸⁰². Результатом югославско-венесуэльских переговоров стало подписание протокола о торговом сотрудничестве, предполагавшем укрепление связей в области сельского хозяйства и туризма, и принятие решения об основании Комиссии по экономическому сотрудничеству, а также заключение соглашения о культурно-просветительском сотрудничестве на трёхлетний период.

В ноябре 1980 г. с официальным визитом *Перу и Никарагуа* посетила югославская делегация во главе с заместителем председателя Президиума СФРЮ С. Крайгером⁸⁰³. Крайгер стал первым мировым гостем такого уровня, посетившим Перу после второго прихода к власти Фернандо Белаунде Терри⁸⁰⁴. Результатом двусторонних переговоров явилось решение о заключении договора о сотрудничестве в области туризма. В последующем Перу в ходе своего латиноамериканского турне посещал также Лазар Мойсов, награждённый президентом Аланом Гарсией Орденом Солнца Перу.

Югославия позитивно отнеслась к итогам Сандинистской революции, а встреча С. Крайгера в ноябре 1980 г. с новым руководством *Никарагуа* в лице Серхио Рамиреса, Рафаэля Кордова и Даниэля Ортеги вообще стала первой югославско-никарагуанской встречей на столь высоком государственном уровне⁸⁰⁵. По её итогам был заключён договор о научно-техническом и культурно-просветительском сотрудничестве.

Политические причины не позволяли сколько-нибудь продуктивно развиваться отношениям Югославии и *Бразилии*. В 1981 г. СФРЮ даже пришлось закрыть свою торговую канцелярию в Рио-де-Жанейро. Первые шаги в направлении восстановления контактов были сделаны не ранее 1988 г., когда был заключён договор о сотрудничестве Белградского университета и Федерального университета Рио-де-Жанейро, по которому предполагались взаимные посещения преподавателей и студентов, проведение совместных исследований и обмен научными работами и журналами⁸⁰⁶.

⁸⁰⁰ Интервју Лазара Мојсова на крају путовања у Латинску Америку // Политика. 2. новембар 1987. С. 2.

⁸⁰¹ Диздаревић разговарао са Консалвом // Там же. 14. јул 1986. С. 1.

⁸⁰² Лусинчи у Београду // Там же. 10. јун 1988. С. 1.

⁸⁰³ Крајгер почасни грађанин града Куска // Там же. 17. новембар 1980. С. 1.

⁸⁰⁴ Први високи гост нове владе // Там же. 20. новембар 1980. С. 2.

⁸⁰⁵ Сергеј Крајгер у Никарагви // Там же. 18. новембар 1980. С. 1.

⁸⁰⁶ Први споразум о научној сарадњи Југославије и Бразила // Там же. 7. август 1988. С. 2.

Среди неприсоединившихся и развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии наиболее дружественные контакты СФРЮ поддерживала с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Монгольской Народной Республикой (МНР). Конфликтными стали отношения Югославии с *Вьетнамом*, который обвинялся Белградом в просоветской политической позиции, попрании основ и принципов неприсоединения и необоснованной интервенции в Кампучию. В конечном итоге, Югославия приветствовала принятое в 1989 г. решение о полном выводе вьетнамских войск из Кампучии, что, однако, на данном этапе не повлекло за собой восстановления прежнего уровня взаимодействия. В рассматриваемый период снизилась интенсивность связей с *Индонезией*, которая впоследствии, в отличие от большинства неприсоединившихся стран, в Гражданской войне в бывшей Югославии заняла сторону не СРЮ, а Боснии и Герцеговины. Внешнеполитическим прорывом стало установление дипломатических отношений с Республикой Корея в конце 1989 г.

Одними из наиболее активных и стабильных были отношения Югославии с *КНДР*. СФРЮ выражала полную поддержку миролюбивым инициативам Северной Кореи в деле объединения страны и корейского народа. «Никто не имеет права и не может препятствовать естественному стремлению единого народа, имеющего общую, более чем тысячелетнюю историю, культуру и цивилизацию»⁸⁰⁷, – выражая позицию Югославии по корейскому вопросу, заявил представитель СФРЮ на состоявшемся в январе 1981 г. в Белграде заседании Исполнительного комитета Международного комитета по мирному демократическому объединению Кореи, член Союзной конференции ССТНЮ и ЦК СКЮ Живан Васильевич.

В августе 1980 г. по приглашению И. Врховца в Югославии с официальным визитом находился министр иностранных дел и заместитель премьер-министра Административного Совета КНДР Хо Дам, давший состоянию югославо-северокорейских связей следующую оценку: «Пользуясь возможностью, мы выражаем удовлетворение тем, что отношения Кореи и Югославии представляют собой пример отношений между социалистическими и неприсоединившимися странами, борющихся за реализацию единых целей и идеалов»⁸⁰⁸. В октябре 1980 г. югославская государственная и партийная делегация во главе с Петаром Стамболичем в качестве гостя присутствовала на VI Съезде Трудовой Партии Кореи (ТПК)⁸⁰⁹, где была сердечно и тепло принята Ким Ир Сен. В марте 1982 г. между СФРЮ и КНДР было подписано соглашение об отмене виз для граждан, осуществляющих деловые поездки.

В июне 1984 г. Югославию посетил Ким Ир Сен, которому тогда было присвоено звание почётного гражданина Белграда, а в марте-апреле 1986 г. с ответным визитом в КНДР

⁸⁰⁷ СФРЈ за самоопредељење корејског народа // Политика. 31. јануар 1981. С. 2.

⁸⁰⁸ Хо Дам: Несврстани морају бити јединствени // Там же. 8. август 1980. С. 2.

⁸⁰⁹ Петар Стамболић отпутовао у Пјонгјанг // Там же. 8. октобар 1980. С. 1.

находился председатель Президиума СФРЮ Р. Влайкович⁸¹⁰. Итогом югославо-севернокорейских переговоров на высшем уровне стала констатация высокого уровня двусторонних политических отношений, близости точек зрения по ряду международных отношений и весьма скромного уровня экономической кооперации. КНДР с беспокойством следила за дезинтеграционными процессами в Югославии, последовательно выступая за единство и территориальную целостность СФРЮ и оказывая федеральному руководству соответствующую дипломатическую и моральную поддержку.

Отношения СФРЮ с *Монголией*, несмотря на их общую доброжелательность и постепенное сближение Улан-Батора с Движением неприсоединения, характеризовались довольно посредственной интенсивностью и развивались, в основном, на ниве экономического, технического и культурного сотрудничества. В 1985 г. правительствами двух государств было подписано соглашение об оказании СФРЮ экономической и технической помощи МНР. При этом, говоря о таком феномене как югославо-монгольское экономическое сотрудничество, стоит иметь в виду, что годовой товарооборот между странами составлял всего около 9 млн. долларов⁸¹¹. В том же 1985 г. году между Югославией и Монголией было заключено соглашение о культурном сотрудничестве, дополненное в 1989 г. конкретизирующей программой мероприятий в этой области на 1989-1991 гг.

Дипломатические отношения между СФРЮ и *Республикой Кореей* были установлены 27 декабря 1989 г., а в ноябре 1990 г. в Сеуле состоялся первый югославо-южнокорейский саммит⁸¹². Таким образом, первым руководителем Югославии, посетившим Южную Корею, стал председатель Президиума СФРЮ Б. Йович. Итогом совместных переговоров с президентом Ро Дэ У явилось подписание договоров о культурном сотрудничестве и авиационном сообщении. Что же касается экономической кооперации, она существовала и прежде: за 1989 г. двусторонний товарооборот составил около 170 млн долларов, из которых на югославский экспорт в Южную Корею пришлось лишь 10 млн долларов⁸¹³. Основной статьёй южнокорейского экспорта в Югославию была, разумеется, бытовая электроника и автомобили. Одну из задач своего визита в Сеул Б. Йович, предложивший южнокорейским бизнесменам сделать Югославию «базой своего продвижения в Центральной Европе»⁸¹⁴, видел в привлечении инвестиций в СФРЮ. Однако уже в 1991 г. Югославия стала выражать неудовольствие «агрессивной стратегией» южнокорейского бизнеса и начала принимать ряд административных мер для уменьшения колоссального дисбаланса в двусторонней торговле.

⁸¹⁰ Две далеке земље истих тежњи // Политика. 31. марта 1986. С. 1.

⁸¹¹ Jugoslavija i SEV Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa, gl. i odg. ur. Adamović L. S. Beograd, 1985. S. 42.

⁸¹² Југословенско-корејски самит. Борисав Јовић у Сеулу // Политика. 8. новембар 1990. С. 1.

⁸¹³ Там же.

⁸¹⁴ Брзо ширење веза // Там же. 9. новембар 1990. С. 1.

Со странами Южной Азии Югославия стремилась развивать доброжелательные и партнерские отношения, опираясь при этом на авторитет одного из основоположников и лидеров Движения неприсоединения. Наиболее тесные связи отличали отношения СФРЮ с Бангладешем, Индией и Пакистаном.

Белград предпочитал игнорировать нелегитимные по его мнению режимы Бабрака Кармаля и Мухаммеда Наджибуллы в *Афганистане*, окончательно не разрывая, тем не менее, контактов с Кабулом и продолжая ограниченно взаимодействовать с ним в рамках деятельности Движения неприсоединения. Югославское дипломатическое представительство в Афганистане действовало только на уровне поверенных в делах. Двусторонние визиты на высшем уровне в 1980-е гг. не наносились, однако в 1988 г. Белград посетил министр иностранных дел Афганистана Абдул-л-Вакиль, которого Раиф Диздаревич, отказав ему предварительно в традиционных дипломатических почестях, встретил весьма сухо⁸¹⁵.

Сотрудничество Югославии с *Бангладешем* характеризовалось многогранностью и включало в себя контакты в политической, экономической, научно-технической и культурной сферах. Вопросами его развития ведал смешанный комитет по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, разрабатывавший конкретные проекты в соответствии с пятилетними планами развития двух стран. Аналогичным образом развивались и отношения Югославии с *Пакистаном*, важной точкой соприкосновения между которыми стала острая критика действий Советского Союза в Афганистане и позиции Кубы относительно будущего Движения неприсоединения. Широкое общественное одобрение в Югославии вызвало назначение на пост главы правительства Пакистана Беназир Бхутто.

Отношения с *Индией* носили в высшей степени благоприятный характер, отличались отсутствием принципиальных противоречий, характеризовались регулярными встречами на государственном уровне и «основывались на настоящем понимании и доверии, равноправном сотрудничестве и взаимном уважении, солидарности в деле сохранения мира и прогресса человечества»⁸¹⁶.

В июне 1980 г. официальный визит в Нью-Дели с целью переговоров с министром иностранных дел Индии Нарасимхой Рао нанёс И. Врховец⁸¹⁷. Основным предметом обсуждений двух министров послужила ситуация в Афганистане, причём Врховец попытался добиться от Рао выражения готовности присоединиться к Югославии и категорично осудить советскую интервенцию, на что получил отказ. В сентябре того же года Индию с целью уже

⁸¹⁵ *Jakovina T.* The active coexistence of non-aligned Yugoslavia // *Yugoslavia from a historical perspective*. Belgrade, 2017. P. 500.

⁸¹⁶ Микулић отпутовао у Делхи // *Политика*. 28. јун 1986. С. 1.; См. подробнее: *Jazić Ž.* Moj pogled na diplomatiju (1957-2005). Beograd, 2011.

⁸¹⁷ Врховец у Делхију // Там же. 12. јун 1980. С. 1.

более предметного обсуждения югославско-индийского сотрудничества посетил председатель СИБ В. Джуранович⁸¹⁸. Результатом переговоров Джурановича с Индирой Ганди стало заключение соглашения об экономическом сотрудничестве сроком на пять лет, предлагавшего ряд мер по преодолению югославского дефицита в структуре двусторонней торговли, который по состоянию на 1980 г. составлял 62 млн доллара⁸¹⁹.

Действительно, двусторонние экономические связи обладали важностью для обеих стран и, особенно, для Югославии, заинтересованной в увеличении объёмов своего импорта. СФРЮ выступала для Индии партнёром в области высоких технологий и являлась поставщиком электроники, техники и пластика, однако по первым двум позициям не могла на равных конкурировать с Южной Кореей и Японией. Из Индии в Югославию главным образом поставлялись медицинские препараты, текстильная продукция, кофе, чай, специи и прочие продовольственные товары. В 1987 г. двусторонняя торговля достигла рекордной цифры почти в 202 млн долларов⁸²⁰, после чего её объёмы начали снижаться. Упомянутую же выше проблему торгового дефицита Югославии так и не удалось решить – к 1988 г. он составил уже 70 млн долларов⁸²¹.

В череде последующих двусторонних визитов и встреч на государственном уровне нужно выделить визит Бранко Микулича в Нью-Дели в июле 1986 г.⁸²², визит Раджива Ганди в Белград в июле 1988 г.⁸²³, визит Будимира Лончара в Нью-Дели в мае 1989 г.⁸²⁴ и визит Раджива Ганди в Белград в сентябре 1989 г. по случаю Конференции неприсоединившихся стран. Главными темами обсуждений в ходе каждого из перечисленных визитов были экономическое сотрудничество между двумя странами и перспективы его развития, а также положение дел внутри Движения неприсоединения.

В целом, отношения со странами «третьего мира» для Югославии представлялись особо важными в контексте её борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма. Однако не стоит преувеличивать их значимость: по мере ухудшения внутривнутриполитической обстановки в Югославии и некоторых из этих стран заинтересованность Белграда в поддержании контактов с ними падала. Это замечание касается в большей степени слаборазвитых африканских и азиатских стран и в меньшей – ближневосточных государств, с которыми Югославия из меркантильных соображений вплоть до своего распада стремилась сохранить связи на прежнем высоком уровне.

⁸¹⁸ Веселин Ђурановић отпутовао у Индију // Политика. 28. септембар 1980. С. 1.

⁸¹⁹ Там же.

⁸²⁰ Рекорд са сенкама // Там же. 24. фебруар 1988. С. 2.

⁸²¹ Там же.

⁸²² Микулић отпутовао у Делхи // Там же. 28. јул 1986. С. 2.

⁸²³ Ганди отпутовао из Југославије // Там же. 16. јул 1988. С. 6.

⁸²⁴ Дијалог Лончар – Рао // Там же. 3. мај 1989. С. 2.

Глава 4. Югославия и капиталистический мир

4.1. Проблемы югославно-американских отношений

По мере того, как в 1980-е гг. падала заинтересованность СФРЮ в укреплении связей с развивающимися странами и Движением неприсоединения, возрастало её стремление активизировать сотрудничество с Соединёнными Штатами Америки (США), что, однако, не предполагало обоюдности и взаимности; не отменяло риска возникновения новых и обострения старых проблем в двусторонних отношениях.

Югославия продолжала политику равноудаления от обеих сверхдержав и критиковала США за империалистическую внешнюю политику, вмешательство во внутренние дела третьих государств, вооружённые интервенции, выстраивание несправедливого экономического порядка и эксплуатацию глобального Юга⁸²⁵. Однако, как и в случае с СССР, Белград никогда не переходил в своей критике Соединённых Штатов безопасные и разумные границы. В Вашингтоне лояльно относились к подобным замечаниям в свой адрес, воспринимая их как должное и приемлемое. В то же самое время идеологические противоречия не препятствовали развитию экономических, научно-технических и культурных связей между государствами.

США смотрели на СФРЮ как на естественного соперника СССР в социалистическом мире и по этой причине предпочитали не дестабилизировать югославскую систему, а поддерживать её настолько, насколько это сообразовалось с американским видением будущего Восточной Европы⁸²⁶. К концу 1980-х гг. фактор Югославии утратил в глазах США свою практическую значимость, а присутствие в центре Европы социалистического государства, пусть даже готового на всестороннюю демократизацию, реформы и уступки, оказался нежелательным. СФРЮ приобрела роль «рудимента» и пережитка «холодной войны»⁸²⁷, которому не было места в новой системе международных отношений.

В последние годы жизни И. Б. Тито югославно-американские отношения достигли пика своего развития, основу к чему заложили «тёплый и сердечный» приём югославского президента в Вашингтоне в 1978 г. и сложившиеся приятельские отношения между ним и президентом Джимми Картером: лидеры двух стран даже состояли в личной переписке. В результате США стали даже более терпимы к югославской политике неприсоединения: «Соединённые Штаты видели в Югославии не только противовес злонамеренному влиянию

⁸²⁵ См. подробнее: *Petković R. Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992.*

⁸²⁶ *Kovrig B. Of Walls and Bridges: The United States & Eastern Europe. New York, 1991.*

⁸²⁷ *Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu – odnosi sa velikim silama 1945-1955. Zagreb, 1988.*

Кубы, но и полезного посредника в третьем мире»⁸²⁸. Ещё одним позитивным импульсом к укреплению контактов послужила интервенция Советского Союза в Афганистан. Дрейф югославской внешней политики в сторону США в это время был вызван убеждённостию в том, что Вашингтон возьмёт на себя роль своеобразного гаранта стабильности Югославии в условиях объективного ухудшения международной и внутренней ситуации в стране.

Стоит заметить, что Картер был одним из немногих мировых лидеров, кто не приехал на похороны Тито, обосновав своё решение ситуацией в Иране и неудачной попыткой освобождения американских заложников 24 апреля⁸²⁹. Разгоревшиеся в связи с этим пересуды и кривотолки в средствах массовой информации вынудили американского президента включить Югославию в своё европейское турне⁸³⁰.

Официальный визит Дж. Картера в Югославию 24 по 26 июня 1980 г.⁸³¹ стал одним из самых значительных событий в истории двусторонних отношений в 1980-е гг. Накануне прибытия в Белград он дал интервью югославской газете «Политика» и телеканалу «Београд», в котором особо подчеркнул, что базовой составляющей американской политики по отношению к Югославии остаётся «поддержание её независимости, территориальной целостности и единства»⁸³². По приезду в югославскую столицу Картер, очень приветливо встреченный белградцами, первым делом отдал дань памяти Тито, посетив Дом цветов, а также сделал ряд почтительных заявлений относительно личности маршала и его вклада в международные отношения: «Он был великаном, одной из величайших личностей XX в. Он был одним из немногих государственных деятелей, о которых с уверенностью можно сказать, что они формировали современный мир и ещё из более немногих, кто меняли его к лучшему...»⁸³³. Позитивной оценке со стороны американского президента удостоилась и югославская политика неприсоединения: «Югославия продолжает аутентичную политику неприсоединения, завоевавшую уважение всего мира. Особенно сейчас, когда существует угроза принципам равенства, невмешательства и территориальной неприкосновенности, югославская твёрдость в защите принципов Объединённых Наций и Движения неприсоединения приобретает новое значение»⁸³⁴.

В ходе своего визита Картер провёл переговоры с рядом югославских чиновников, среди которых были Ц. Миятович, Л. Колишевики, В. Джуранович, И. Врховец, С. Хасани, М. Максич

⁸²⁸ *Lazić M.* Unmaking detente. Yugoslavia, the United States, and the Global Cold War, 1968-1980. London, 2022. P. 239.

⁸²⁹ *Мосник J.* United States-Yugoslav Relations, 1961-80: The Twilight of Tito's Era and the Role of Ambassadorial Diplomacy in the Making of America's Yugoslav Policy: History Ph. D. Dissertation. Bowling Green State University, 2008. P. 202.

⁸³⁰ *Ibid.*

⁸³¹ Картер у Београду // Политика. 25. јун 1980. С. 1.

⁸³² Никад боли односи с Југославијом // Там же. 24. јун 1980. С. 1.

⁸³³ Изјава председника Картера // Там же. 24. јун 1980. С. 2.

⁸³⁴ Никад боли односи с Југославијом // Там же. 24. јун 1980. С. 1.

и М. Жарич⁸³⁵. Неизменно на них присутствовал на тот момент посол СФРЮ в США Б. Лончар. Речь, в основном, шла об актуальных проблемах разрядки, отношениях сверхдержав, процессах разоружения, локальных вооружённых конфликтах, «антиюгославской террористической деятельности» в США, разных аспектах двусторонних отношений. В целом, визит не отметился какими-либо прорывными договорённостями, а преследовал за собой, скорее, некий символический и демонстративный характер, призванный подчеркнуть роль Югославии и Движения неприсоединения во внешнеполитическом планировании США, а также послать определённый сигнал СССР и Кубе⁸³⁶.

1981 г. ознаменовался празднованием 100-летия установления дипломатических отношений между США и Сербией и посещением в связи с этим событием Югославии государственным секретарём США Александром Хейгом, который в своей приветственной речи высоко оценил югославскую «сильную традицию свободы и независимости»⁸³⁷, а также её «лидерскую роль в Движении неприсоединения»⁸³⁸. В ходе встреч Хейга с югославскими лидерами обсуждались все основные вопросы международной повестки: советская интервенция в Афганистан, ситуация в Польше, ближневосточный кризис, диалог по линии Север-Юг и переговоры о разоружении между Москвой и Вашингтоном. В ряде случаев стороны выражали согласие друг с другом.

Любопытно, что Хейг в одном из своих тостов заявил следующее: «...мы (американцы) восхищаемся югославскими сынами и дочерьми, которые, будучи уже американскими югославами, внесли вклад в богатство и разнообразие нашей собственной страны»⁸³⁹. Югославская диаспора в США, действительно, отличалась многочисленностью и влиятельностью. Между тем, проблема «антиюгославских изгнанников» и их провокационной деятельности в США оставалась одной из самых серьёзных в отношениях между Белградом и Вашингтоном. Югославское руководство небезосновательно опасалось, что их пропагандистская активность может раскачать сепаратистские настроения в СФРЮ. Вашингтон же был недоволен репрессивными методами Белграда в отношении организаторов косовских беспорядков весны 1981 г., а также некоторых хорватских диссидентов. Уже в начале 1980-х гг. коллективное руководство СФРЮ осознавало ту деструктивную роль, которую могли сыграть США в популяризации сепаратистских движений внутри Югославии.

По возвращении в Вашингтон Хейг заметил, что рейгановская администрация, как и её предшественники, будет продолжать традиционную американскую политику существенной

⁸³⁵ Никад бољи односи с Југославијом // Политика. 24. јун 1980. С. 1.

⁸³⁶ *Petković R.* Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992. S. 120.

⁸³⁷ *Stanković S.* The US Secretary of State visits Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 28 September 1981. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:7d9d27ac-c713-4f46-a879-05ed1c97c482> (Дата обращения: 23.08.2022).

⁸³⁸ Ibid.

⁸³⁹ Ibid.

поддержки «югославской независимости, территориальной целостности и национального единства»⁸⁴⁰: «Мы верим, что независимая, по-настоящему неприсоединившаяся Югославия является позитивным фактором в обеспечении европейской безопасности и мира во всём мире»⁸⁴¹. В этих словах, пожалуй, заключается суть и содержание американской политики в отношении СФРЮ. По мнению Хейга, различные оценки некоторых международных событий не отменяли того, что и США, и Югославия преследуют одни и те же фундаментальные цели, разделяя в качестве основополагающих человеческих ценностей «стремление к миру, свободе и прогрессу»⁸⁴². Для наследников Тито слова Хейга были хорошим знаком: они означали, что США готовы и дальше кредитовать слабую югославскую экономику взамен на «перетягивание» от Москвы её потенциальных союзников в странах «третьего мира».

В сентябре 1982 г. Белым домом была утверждена директива по решениям о национальной безопасности «Политика США в отношении Восточной Европы» (NSDD 54)⁸⁴³. Документ касался отношений с Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией и Чехословакией. Югославия же должна была стать предметом рассмотрения отдельной директивы, что подчёркивало отношение США к СФРЮ как к государству, имеющему особое значение для американской внешней политики. Такая директива, получившая название «Политика США в отношении Югославии» (NSDD 133)⁸⁴⁴ и базировавшаяся на секретных донесениях ЦРУ о состоянии дел в стране, была подписана президентом Рональдом Рейганом в марте 1984 г. В ней утверждалось что суверенная, единая, экономически развитая и сильная в военном отношении СФРЮ служит национальным интересам Соединённых Штатов и Запада постольку, поскольку является «преградой для советской экспансии в Южной Европе»⁸⁴⁵ и «положительным примером дружественных отношений с Западом для стран Восточной Европы»⁸⁴⁶. Иными словами, «сохранение независимости и территориальной целостности Югославии, способствование её постепенной либерализации и интеграции с Западом»⁸⁴⁷ отвечало стратегическим интересам США.

⁸⁴⁰ *Stanković S.* The US Secretary of State... P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:7d9d27ac-c713-4f46-a879-05ed1c97c482> (Дата обращения: 23.08.2022).

⁸⁴¹ Ibid.

⁸⁴² Ibid.

⁸⁴³ National Security Decision Directive 54 «United States Policy Toward Eastern Europe». September 2, 1982. // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

⁸⁴⁴ National Security Decision Directive 133 «United States Policy Toward Yugoslavia». March 19, 1984. // Ibid. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm> (Дата обращения: 28.08.2022).

⁸⁴⁵ Ibid.

⁸⁴⁶ Ibid.

⁸⁴⁷ Yugoslavia – Considerations of Assistance Measures. Secret/ sensitive discussion paper. 82-12423. November 5, 1982. P. 6. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83M00914R000500110012-6.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

В конце мая - начале июня 1985 г. в США официальный визит нанесла М. Планинц⁸⁴⁸, принятая в стране «с большим почтением»⁸⁴⁹. В течение двух дней, проведённых ей в Вашингтоне, с ней встретились все ведущие должностные лица американской администрации, включая президента Р. Рейгана. Югославские издания отмечали, что «подобное здесь встречается не часто и происходит только для малого количества иностранных посетителей»⁸⁵⁰. Суммируя итоги переговоров, касавшихся преимущественно экономических вопросов и долгов Югославии, государственный секретарь Джордж Шульц высоко оценил значение, которое США придают Югославии, назвав её «источником стабильности и влияния в мировых делах»⁸⁵¹, а сами встречи – «открытыми, информативными и проведёнными в атмосфере дружбы и сотрудничества»⁸⁵². Говоря же лично о Планинц, он добавил, что она «стала одним из самых интересных собеседников, которых он встречал на мировой сцене»⁸⁵³.

В июле 1987 г. Вашингтон, Нью-Йорк и Сент-Луис посетила югославская правительственная делегация во главе с заместителем председателя СИБ, многолетним председателем «Югобанка» Милошем Милосавлевичем. Здесь он провёл переговоры с госсекретарем Дж. Шульцем, министром финансов Джеймсом Бейкером, министром торговли Малкольмом Болджриджем, министром сельского хозяйства Ричардом Лингом, представителями Всемирного банка и ММФ, американских коммерческих банков, итоги которых оценил следующим образом: «В откровенных разговорах с представителями правительства США и высокопоставленными представителями МВФ и Всемирного банка выражена высокая степень понимания наших трудностей и полная готовность к сотрудничеству в решении проблемы нашей задолженности в этом и ближайшие годы с целью поспособствовать более быстрому и стабильному развитию югославской экономики»⁸⁵⁴.

В мае 1988 г. по приглашению Р. Рейгана с кратким визитом в США находилась югославская делегация во главе с членом Президиума СФРЮ И. Врховцом⁸⁵⁵. Переговоры Врховца с высокопоставленными американскими чиновниками прошли в «приятельской», «искренней» и «конструктивной» атмосфере. Государственный секретарь Дж. Шульц в числе достижений двусторонних отношений последних лет упомянул договор о двойном гражданстве, консульскую конвенцию, значительное увеличение товарооборота, успешный переговорный процесс о борьбе против терроризма⁸⁵⁶ и торговли наркотиками. Позитивно было оценено

⁸⁴⁸ Посета са отвореним дијалогом // Политика. 2. јун 1985. С. 1.

⁸⁴⁹ Там же.

⁸⁵⁰ Там же.

⁸⁵¹ Там же.

⁸⁵² Там же.

⁸⁵³ Там же.

⁸⁵⁴ Висок степен разумевања // Там же. 9. јул 1987. С. 2.

⁸⁵⁵ Разговори Шулц – Врховец // Там же. 7 мај. 1988. С. 1.

⁸⁵⁶ США неоднократно выражали Югославии демарши, обвиняя её в поддержке радикальных палестинских террористических группировок. Их результатом стала высылка из Белграда в середине 1980-х гг. сотрудников

решение СФРЮ о заключении договора о реструктуризации долга с МВФ. Руководитель Бюро по делам Европы и Канады Государственного департамента США Томас Саймон, в частности, заявил на этот счёт следующее: «Мы уважаем политическую храбрость, которая была необходимо для вхождения в программу МВФ. Для её осуществления понадобятся новые деньги. США, как и другие кредиторы, будут приглашены к участию. Мы готовы»⁸⁵⁷.

Как и прежде, в 1980-е гг. наиболее ощутимая финансовая помощь в Югославию поступала именно из США, несмотря на то, что ряд партийных теоретиков предупреждали руководство о том, что это может привести к «нежелательным последствиям»⁸⁵⁸. В 1984 г. Р. Рейган выказал намерение участвовать в рефинансировании долгов СФРЮ, что на тот момент времени полностью отвечало национальным интересам США⁸⁵⁹. Вашингтон не только предоставлял Белграду денежные кредиты, но и допускал на свой рынок югославскую продукцию, несмотря на её заведомую неконкурентоспособность. Самым известным примером югославского товара на американском рынке стал автомобиль модели «Југо-55», изготавливаемый на заводе «Црвена Застава» в Крагуевце. Договор об импорте продукции югославского автопрома, по которому ожидалось, что ежегодно в США будет поставаться 35 тысяч автомобилей⁸⁶⁰, был заключён в 1984 г.

На регулярной основе, дважды в год, проводились заседания Американско-югославского экономического совета, включавшего в себя около 150 компаний из двух стран и призванного расширить пределы двустороннего торгового сотрудничества. На практике деятельность Совета не всегда отвечала заявленным целям, а позиция американских представителей и их отношение к СФРЮ как к младшему партнёру периодически вызывали острое неудовлетворение югославской стороны.

Главное неудовольствие СФРЮ провоцировал хронический югославский торговый дефицит в торговле с США. Дело в том, что, например, в 1986 г. американский экспорт в Югославию на 107 млн долларов превышал югославский экспорт в США⁸⁶¹, что для Белграда явилось основанием обвинить Вашингтон в неравноправном ведении торговли, тем более, что чуть ранее американская администрация ввела строгие условия для ввоза югославской мебели в

боевого подразделения Группы Хавари Движения за национальное освобождение Палестины (ФАТХ). В ответ на неудовольствие Вашингтона по поводу «неправомерного» использования северокорейскими агентами югославской территории в канун взрыва южнокорейского авиалайнера после ноября 1987 г. началось сокращение официального присутствия КНДР в СФРЮ.

См.: Yugoslavia: status and outlook. EUR M 89-20114. July 21, 1989. P. 9. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP90T00103R000400060002-9.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

⁸⁵⁷ Разговори Шуц – Врховец // Политика. 7 мај. 1988. С. 1.

⁸⁵⁸ Antić Z. Western banks willing to help Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/20 (Yugoslavia). 27 January 1983. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:efb72f98-47c8-401a-a84b-7a815cdd1251> (Дата обращения: 23.08.2022).

⁸⁵⁹ См.: Lebovic J. H. National Interests and US Foreign Aid: The Carter and Reagan Years // Journal of Peace Research. Vol. 25, Issue 2. 1988. P. 115-135.

⁸⁶⁰ “Југо-55” у Америци // Политика. 11. септембар 1984. С. 5.

⁸⁶¹ Протекционизам штети свима // Там же. 2. јун 1987. С. 1.

США⁸⁶². Разрешить проблему предлагалось путём резкого увеличения югославского импорта в Соединённые Штаты и уменьшения американского в СФРЮ на целых 20%⁸⁶³. Сложность же заключалась в том, что американцы не были заинтересованы в поставках других, кроме автомобилей «Југо», товаров, тогда как югославский Союзный секретариат по финансам предлагал включить в их номенклатуру тракторы, модульные дома, продукцию лесной и деревообрабатывающей промышленности, текстиль, вина, продовольствие и пр. Однако ситуацию всё-таки удалось энергично и быстро исправить – уже в 1988 г. американский дефицит в торговле с Югославией составил 391 млн долларов⁸⁶⁴, что привело к новым, ещё более щепетильным трудностям в двусторонних отношениях.

В мае 1987 г., впервые за семь лет, Югославию посетила миссия частных инвесторов из США⁸⁶⁵. Целью организованного Корпорацией частных зарубежных инвестиций (ОРИС)⁸⁶⁶ визита было обсуждение возможностей для совместных инвестиций американских и югославских фирм, причём Югославия подготовила для американских партнёров около 210 подобных предложений, из которых основная часть – в области аграрной, химической промышленности и в сфере электроники⁸⁶⁷. По итогам переговоров американские инвесторы выразили готовность к поставкам своих высоких технологий и компьютеров на югославский рынок, при этом предупредив коллег о том, что существующие темпы инфляции и политические риски могут стать препятствием для дальнейшего сотрудничества⁸⁶⁸. Югославия же брала на себя обязательствакратно увеличить цифры приёма американских туристов.

К концу 1988 г. количество посетивших Югославию американских туристов достигло цифры в 300 тыс. человек⁸⁶⁹. По сравнению с 1986 г. рост турпотока из США составил целых 74%.⁸⁷⁰ Увеличивалось количество туристических фирм, занимающихся организацией отдыха американских туристов в Югославии; отмечался рост интереса к историческим памятникам и особенно монастырям, а излюбленным местом граждан США стало герцеговинское селение Междугорье, где в 1980-е гг. фиксировались явления Девы Марии. Однако возможности по дальнейшему наращиванию потока довольно требовательных туристов из США у Югославии объективно отсутствовали, тем более, что в американской прессе в конце 1980-х г. всё чаще

⁸⁶² Протекционизам штети свима // Политика. 2. јун 1987. С. 1.

⁸⁶³ Пораст нашег извоза // Там же. 27. новембар 1986. С. 1.

⁸⁶⁴ САД ограничивају извоз из Југославије? // Там же. 3. мај 1989. С. 1.

⁸⁶⁵ Мисија приватних инвестора САД у нашој земљи // Там же. 19. фебруара 1987. С. 2.

⁸⁶⁶ *Overseas Private Investment Corporation* – агентство при Правительстве США, цель которого – содействовать американскому бизнесу в осуществлении вложений в новые и развивающиеся рынки путём предоставления кредитов и гарантий. Соглашение о сотрудничестве ОРИС с СФРЮ было подписано в январе 1973 г. и стало первым подобного рода соглашением между США и коммунистической страной. См. подробнее: Investing in Yugoslavia with OPIIC Assistance. Overseas Private Investment Corporation. Library of Congress. 1973.

⁸⁶⁷ Мисија приватних инвестора САД у нашој земљи // Политика. 19. фебруара 1987. С. 2.

⁸⁶⁸ Најсигурније путем “југо” // Там же. 30. мај 1987. С. 2.

⁸⁶⁹ Наше туристичке шанце у САД. Како привући Американце // Там же. 6. марта 1989. С. 2.

⁸⁷⁰ Там же.

появлялись критические заметки о СФРЮ, служившие антирекламой для курортных и экскурсионных поездок в эту страну.

Первый тревожный звонок в югославско-американских отношениях прозвенел в декабре 1988 г., когда по обвинению в отмывании денег и шпионаже в пользу «восточного блока» были задержаны генеральный консул Югославии в Чикаго Бахрудин Биедич и директор нью-йоркского филиала Люблянского банка Винко Мир⁸⁷¹. Посольство Югославии в Вашингтоне заявило, что его официальные лица «глубоко потрясены арестом генерального консула Югославии в Чикаго г-на Бахрудина Биедича»⁸⁷², на что Государственный департамент ответил, что дело возбуждено против конкретного лица и не имеет под собой оснований для обвинения в чём-либо югославского правительства. Официальное сообщение посольства СФРЮ в США по этому поводу гласило: «Государственный департамент ясно дал понять, что действия были направлены исключительно против лиц, указанных в обвинительном заключении, а не против дипломатических и консульских представительств Югославии в Соединённых Штатах и югославского правительства»⁸⁷³. Тем не менее, сама ситуация спровоцировала массовые инсинуации со стороны средств массовой информации против доброго имени югославских дипломатов в США, как и имиджа Югославии в принципе.

В мае 1989 г. правительство США опубликовало официальный документ под названием «Барьеры в иностранной торговле», в котором огласило список из 34 стран, создающих, по его мнению, «неоправданные» препятствия ввозу американских товаров, но при этом пользующихся преференциями на американском рынке, среди которых оказалась и Югославия. Причиной к этому послужил уже упомянутый выше американский дефицит в двусторонней торговле, возникший к исходу 1988 г. Югославии, в частности, вменялось в вину, что путём введения таможенных тарифов государство «увеличивает свои доходы и защищает отечественных производителей»⁸⁷⁴. Белград также обвинялся в установлении количественных квот на ряд американских сельскохозяйственных товаров и отсутствии адекватной защиты собственников патентов по соответствующему закону от 1981 г. Всё это грозило Югославии введением ограничений на ввоз её продукции в США и требовало внесения поправок и дополнений в федеральный закон о защите изобретений и интеллектуальной собственности. Одновременно Соединённые Штаты продолжали заверять югославскую сторону в том, что «экономически сильная Югославия – в интересах США»⁸⁷⁵.

⁸⁷¹ Наш генерални конзул оптужен за криминал // Политика. 3. децембар 1988. С. 2.

⁸⁷² Federal "Sting" Nets Yugoslav Consul, Banker: Money - Laundering Plan Involved Drugs, Possible Spying, Officials says // Los Angeles Times. December 2, 1988.

⁸⁷³ "Прање" за милион долара // Политика. 4. децембар 1988. С. 1.

⁸⁷⁴ САД ограничувају извоз из Југославије? // Там же. 3. мај 1989. С. 1.

⁸⁷⁵ Протекционизам штети свима // Там же. 2. јун 1987. С. 1.

Большое одобрение американцев вызвала деятельность кабинета А. Марковича, отменившего ряд препятствий для иностранной торговли и инвестиций и выразившего готовность дальнейшего устранения барьеров для перехода югославской экономики на рыночные основы. Примечательно, но на очередном заседании Американско-югославского экономического совета в Цавтате 30 мая 1989 г. заместитель министра торговли США Ричард Джонстон даже заявил, что «Югославия не входит ни в какой чёрный список»⁸⁷⁶: готовность Марковича идти на уступки благоприятно сказывалась на двусторонних отношениях. Тем не менее, к этому моменту объёмы югославо-американской торговли фактически перестали расти и приостановились на отметке в «солидные, но всё равно скромные 1,5 млрд долларов»⁸⁷⁷, что было далеко от цели их удвоения к исходу 1990-го года, поставленной на заседании совета в 1987 г. в том же Цавтате. «Существует две главные причины для опасений американских бизнесменов. Первая – политический климат. Бизнесмены, которые следят по телевидению за огромными демонстрациями, должны себя спросить, каким будет деловой климат в Югославии. Другая озабоченность – головокружительный темп инфляции»⁸⁷⁸, – заявил на заседании председатель совета и заместитель главы американской «Pratt & Whitney»⁸⁷⁹ Ричард Чепмен. А заместитель министра США по экономическому росту Ричард Т. Маккормак добавил: «Некоторые другие страны, особенно Венгрия, Польша и в некоторой мере СССР исследуют почву для нового экономического и политического мышления. Если Югославия не ускорится, прогресс в этих странах может лишить Югославию роли «окна на Восток»...»⁸⁸⁰. Подобные недвусмысленные намёки и ремарки вызывали раздражение и смятение югославской стороны. Американские партнёры также вменяли в вину югославским коллегам непунктуальность, регулярный срыв сроков договоров, внесение неожиданных изменений в деловые контракты после их вступления в силу, небрежность в оформлении документации, пренебрежение деловой перепиской, т.е. как такое отсутствие сформированной деловой культуры.

14 июня 1989 г. в Вашингтоне перед зданием Конгресса состоялась очередная албанская демонстрация, в которой приняли участие около 100 человек⁸⁸¹. Демонстрация прошла под лозунгами «свобода Косово» и «свобода Азему Власи» и призывами к «долгой и тяжёлой борьбе»⁸⁸². Этот митинг не отличался бы ничем от всех прежних, если бы не одна деталь: на нём присутствовали и выступали шесть американских конгрессменов, а ещё один – влиятельный лидер республиканского меньшинства в Сенате Роберт «Боб» Доул – послал письмо со словами поддержки. Все они осудили «попрание» прав человека в Югославии,

⁸⁷⁶ Смели и нови кораци доносе успех // Политика. 30. мај 1988. С. 2.

⁸⁷⁷ Там же.

⁸⁷⁸ Там же.

⁸⁷⁹ «Pratt & Whitney» – американский производитель авиационных двигателей для гражданской и военной авиации.

⁸⁸⁰ Смели и нови кораци доносе успех // Политика. 30. мај 1988. С. 2.

⁸⁸¹ Демонстрације у режији пропалог конгресмена // Там же. 20. јун 1989. С. 2.

⁸⁸² Там же.

призывали к введению санкций против югославского правительства, мотивируя это резолюцией «Выражение серьёзной озабоченности Конгресса в связи с нарушениями прав человека в Социалистической Федеративной Республике Югославии», вынесенной на рассмотрение Конгрессом 13 июня Томом Лантосом. Наиболее активную деятельность при этом развил бывший конгрессмен от Нью-Йорка и сотрудник Американско-албанской гражданской лиги Джозеф Диогарди, добивавшийся от Джорджа Буша и Джеймса Бейкера официального выступления против «репрессивных акций югославского правительства»⁸⁸³.

Стоит заметить, что за один только 1989 г. Конгресс США рассмотрел порядка десятка резолюций, посвящённых проблеме нарушения прав человека в Югославии, преимущественно – албанского национального меньшинства, а также политических заключённых⁸⁸⁴. Более того, в июле по предложению сенатора от Южной Дакоты Лари Преслера была принята поправка в законопроект о помощи иностранным странам, в котором осуждалась внутренняя политика югославского правительства⁸⁸⁵. Руководство СФРЮ объясняло подобные эксцессы незнанием истории и плохой осведомлённостью американцев о ситуации в Югославии и видело в происходящем «противоречие с текущим приятельским состоянием двусторонних отношений»⁸⁸⁶. Заседание Совета по внешней политике Скупщины СФРЮ, созванное специально для обсуждения поправки, вынесло следующий вердикт: «Поправка... является антиюгославской, несправедливой и вредит отношениям между СФРЮ и США»⁸⁸⁷. Было заявлено, что причина того, что Запад не говорил о ситуации в Косово в 1981 г., состояла в недавней смерти И. Б. Тито, в то время как нынешнее обострение используется им в стратегических целях давления на Югославию. В качестве способа борьбы против антиюгославской пропаганды было предложено распространение правдивой информации о Косово и приглашение американских конгрессменов в республику для личного ознакомления с происходящим, как и формирование югославской делегации для выступления в американском конгрессе.

15 июля председатель Президиума СФРЮ Я. Дрновшек в Париже, где находился в числе приглашённых на праздничные мероприятия по случаю двухсотлетней годовщины Французской революции, имел содержательные беседы с Джорджем Бушем, перед которым прямо поставил вопрос упомянутых поправок. Ответ Буша заключался в том, что «вопрос ещё не находится в его компетенции»⁸⁸⁸ и он в целом доволен процессом отмены чрезвычайных

⁸⁸³ Демонстрације у режији пропагала конгресмена // Политика. 20. јун 1989. С. 2.

⁸⁸⁴ См.: Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/search?q=%7B%22source%22%3A%22legislation%22%2C%22search%22%3A%22yugoslavia%22%2C%22congress%22%3A101%7D> (Дата обращения: 28.08.2022).

⁸⁸⁵ Амандман о Косову и у Сенату // Политика. 14. јул 1989. С. 2.

⁸⁸⁶ *Petković R.* Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992. S. 129.

⁸⁸⁷ Амандман Сената САД штети односима са СФРЈ // Политика. 15. јул 1989. С. 2.

⁸⁸⁸ Буш изразио задовољство развојем догађаја на Косову // Там же. 16. јул 1989. С. 1.

мер в Косово. Однако последующие события, такие как, например, принятие Конгрессом резолюции о Доброславе Параге, заставили югославское руководство усомниться в искренности американского президента. Никогда ранее за историю югославно-американских отношений не наблюдалось столько антиюгославских выпадов и не принималось столько резолюций, сколько за один 1989 г. На повестку вставал вопрос: почему отношения с Югославией стали настолько маловажными, что никто с американской стороны не пытается ничего противопоставить антиюгославским провокациям в Конгрессе? Американская администрация была обвинена в политике двойных стандартов по отношению к Белграду⁸⁸⁹.

С 9 по 14 октября 1989 г. с официальным визитом в США находился председатель СИБ Анте Маркович, миссия которого заключалась в изыскании очередной иностранной «поддержки» суммой более чем в миллиард долларов для «вхождения в новый цикл развития, базирующийся на обновлённой структуре, которая будет гораздо более эффективной и иначе ориентированной с точки зрения качества и включенности в мировые процессы»⁸⁹⁰. Двусторонние переговоры также должны были коснуться таких вопросов как передача американских технологий Югославии, введение мер для облегчения югославского импорта в США и оказание помощи США для подготовки югославских менеджеров⁸⁹¹.

Безусловно, визит югославского премьер-министра в Соединённые Штаты стал одним из центральных событий внешней политики СФРЮ в 1989 г. и привлёк немалое внимание со стороны мировых СМИ. Серьёзные надежды на него возлагала югославская общественность, рассчитывавшая на реальную помощь Вашингтона, особенно – после по факту безрезультатного и «безучастного» визита М. С. Горбачёва в 1988 г. в Югославию. В интервью, данном накануне своего приезда американской газете «Нью-Таймс», Маркович дал следующую характеристику текущему состоянию двусторонних югославно-американских отношений: «Наши отношения на протяжении долгих лет очень хорошие. Это выражается не только в тесном межгосударственном и политическом сотрудничестве, военной кооперации, но также и трансфере технологий, крепком сотрудничестве в финансовом секторе, росте торговли и товарооборота. Наша оценка заключается в том, что в последнее время отмечается падение интереса США к Югославии, что, вероятно, происходит из мнения о том, что в некоторых других частях света процессы происходят интенсивнее, чем в нашей стране. Нам кажется, что это ошибочная оценка»⁸⁹². Объясняя цель своей поездки, Маркович всегда акцентировал

⁸⁸⁹ Двострука политика САД према Југославији // Политика. 16. август 1989. С. 2.

⁸⁹⁰ Југославији потребна подршка од милијарду долара // Там же. 9. октобар 1989. С. 2.

⁸⁹¹ Марковић у Њујорку // Там же. 10. октобар 1989. С. 2.

⁸⁹² Там же.

внимание на том, что «Югославия не ищет ни от кого помощи, но только поддержку в решении проблем своего развития»⁸⁹³.

В Нью-Йорке и Вашингтоне югославского премьера ожидала весьма плотная и интенсивная программа, включавшая в себя встречи с сотрудниками югославских фирм в США, бывшим государственным секретарём Генри Киссенджером, исполнительным директором МВФ Мишелем Камдессю и президентом Всемирного банка Барбером Конэблом, председателем Федеральной резервной системы (ФРС) Аланом Гринспеном, спикером палаты представителей Конгресса Томом Фоли, министром финансов Робертом Мосбахером, министром торговли Николасом Брейди, министром иностранных дел Джеймсом Бейкером, министром обороны Диком Чейни и, наконец, президентом Джорджем Бушем⁸⁹⁴. Для американского руководства визит Марковича выполнял две задачи: с одной стороны, должен был поспособствовать более точному и глубокому пониманию развития Югославии и масштаба её политико-экономического кризиса. С другой стороны, он имел значение с точки зрения осознания необходимости дальнейшей поддержки югославских реформ исходя из соображений внешнеполитической выгоды и целесообразности. Иными словами, возможности для оказания поддержки напрямую зависели от того, насколько Югославия в своём внутреннем развитии поспевала за изменениями в Европе и мире⁸⁹⁵.

Итак, на всех встречах Марковича с представителями американского истеблишмента основное внимание уделялось особенностям программы реформ югославского правительства. Прения же касались, как правило, методов, приоритетов и темпов их проведения. При этом американцы сходились в готовности оказать «энергичную поддержку усилиям по модернизации югославской экономики»⁸⁹⁶ при условии углубления экономической реформы, новой девальвации национальной валюты, сокращении расходов, замораживании роста заработной платы и пр. – «выгодные экономические отношения с Соединёнными Штатами не могли заменить надёжные и эффективные... меры, инициированные самой страной»⁸⁹⁷.

В переговорах американская сторона упирала не только на необходимости упомянутых экономических мер, но и на немедленном проведении политической реформы, заключающейся, в первую очередь, в формировании многопартийной системы. Маркович в ответ на эти рекомендации парировал, что опасается формирования партий по национальному принципу и, как следствие, усиления этнической напряжённости, однако его замечания по сути были проигнорированы. Малоприятный разговор о нарушении прав человека в Югославии, деле

⁸⁹³ Марковић: “Тражимо подршку, не помоћ” // Политика. 11. октобар. 1989. С. 1.

⁸⁹⁴ Там же.

⁸⁹⁵ *Lampe J. R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.*

⁸⁹⁶ Сусрет Буш – Марковић // Политика. 14. октобар 1989. С. 1.

⁸⁹⁷ *Lampe J. R., Prickett R. P., Adamović L. S. Yugoslav-American Economic Relations Since World War II. Durham: Duke University Press, 1990. P. 204.*

Доброслава Параги и конституционной реформе в СР Сербии ожидал главу правительства с председателем Комитета по иностранным делам Палаты представителей Данте Фасселом и группой из одиннадцати конгрессменов. Вместе с тем, итоговое сообщение Белого Дома о визите Анте Марковича гласило, что США выражают «сильную поддержку независимости, единству и суверенитету Югославии»⁸⁹⁸, что фактически обозначало признание легитимности действий федерального правительства по разгону албанских протестов в Косово и выражение готовности оказывать запрошенную инвестиционную поддержку. При этом американцы не скрывали того, что их помощь Югославии исходит из национальных интересов США на Балканах и в Средиземноморье⁸⁹⁹.

В дальнейшем степень вовлеченности США в югославские события, а вместе с ней и количество визитов югославских чиновников разного уровня в Вашингтон, а американских высокопоставленных лиц в Белград стали кратно увеличиваться. Уже в январе 1990 г. в Югославию для ознакомления с ходом политической и экономической реформы прибыла группа из пятнадцати американских конгрессменов⁹⁰⁰. В феврале в Вашингтон для получения консультаций отправился заместитель председателя СИБ Живко Прегл. Любопытная деталь, но с журналистами вице-премьер уже общался, как одобрительно отмечала югославская пресса, на «довольно хорошем английском языке»⁹⁰¹. В том же месяце Югославию посетил заместитель госсекретаря и бывший посол США в СФРЮ Лоуренс Иглбергер, в ходе своего визита встретившийся с главами «альтернативных» партий из всех частей Югославии, но при этом в очередной раз напомнивший федеральному руководству о поддержке единства, территориальной целостности и суверенитета Югославии Соединёнными Штатами: «Мы и дальше поддерживаем единую Югославию»⁹⁰². В октябре 1990 г. в Нью-Йорке на полях заседания Генеральной Ассамблеи ООН состоялись официальные переговоры Йович – Буш и Лончар – Бейкер⁹⁰³, в которых президент и госсекретарь США вновь выразили поддержку югославскому единству. Американские представители из раза в раз повторяли эту заученную формулу, в то время как реальные действия Вашингтона входили в противоречие с формальными заявлениями.

Что же касается экономической реальности, то на 16 заседании Американско-югославского экономического совета 28 мая 1990 г. в Опатии югославская сторона была вынуждена констатировать, что в соответствии с данными, полученными при применении югославской методики подсчёта, по состоянию на конец 1989 г. двусторонний

⁸⁹⁸ Мање резерви према Југославији // Политика. 13. октобар 1989. С. 1.

⁸⁹⁹ Lees L. M. Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. University Park: Pennsylvania State University, 1997.

⁹⁰⁰ Источна Европа не претиче Југославију // Политика. 4. јануар 1990. С. 9.

⁹⁰¹ Прегл: Југославија се суштински мења // Там же. 23. фебруар 1990. С. 2.

⁹⁰² Иглбергер: Пуна подршка југословенској реформи // Там же. 28. фебруар 1990. С. 2.

⁹⁰³ Подршка демократској Југославији // Там же. 3. октобар 1990. С. 2.

товарооборот снизился на 3%⁹⁰⁴. При этом югославский импорт в США упал на 9,7%, а американский в Югославию вырос на 4,3%⁹⁰⁵. Таким образом, ситуация кратковременного югославского профицита в товарообороте вновь сменилась дефицитом суммой в 60 млн долларов⁹⁰⁶. Американские инвестиции, составив 12,7% от совокупных иностранных инвестиций в югославскую экономику, тоже оказались весьма скромными⁹⁰⁷. В 1990 г. МВФ заморозил своё соглашение с СФРЮ, по которому должен был кредитовать её на сумму в 600 млн долларов⁹⁰⁸. Примеру МВФ последовали Всемирный банк и Парижский клуб. США фактически прекратили оказание какой-либо серьёзной финансовой помощи Югославии. С другой стороны, в том же году был открыт первый смешанный американско-югославский банк, основателями которого стали белградский «Югобанк» и нью-йоркский «Сити корпорейшн».

Политические отношения в 1990 г. также отметились несколькими неприятными инцидентами. Так, в мае в Косово по личной инициативе приехал американский конгрессмен Том Лантош, сделавший впоследствии резонансные антисербские заявления⁹⁰⁹. Проблема состояла в том, что этот визит он совершил в сопровождении сотрудника американского посольства в СФРЮ, предоставившего ему также дипломатический автомобиль и охрану. Подобными же резкими выпадами в адрес Сербии и Югославии в том же году отметился имевший албанское происхождение американский сенатор Роберт Доул, заявивший, в частности, в интервью хорватскому телевидению что ситуация в Косово «недостойна Европы»⁹¹⁰. Одновременно в Вашингтоне начали принимать лидеров оппозиционных партий, не скрывающих своих сепаратистских намерений. Так, например, в сентябре с продолжительным визитом в США находился Франьо Туджман, принятый лично президентом Бушем⁹¹¹.

Регулярные поездки американских конгрессменов в Югославию, в конечном итоге, начали вызывать раздражение югославской, а особенно сербской, черногорской и македонской общественности. В августе 1990 г. македонская Партия югославов подала официальное обращение в адрес Президиума СФРЮ, в котором задавалась вопросом о том, на каком основании американские конгрессмены посещают разные республики СФРЮ, действуя при этом на правах «надзирателей» и «опекунов». «Партия югославов просит объяснить следующее: осуществляются ли эти визиты на основании договорённостей с каким-либо союзным или другим официальным органом Югославии или же они являются «результатом официальных

⁹⁰⁴ Зашто опада размена // Политика. 29. мај 1990. С. 2.

⁹⁰⁵ Там же.

⁹⁰⁶ Там же.

⁹⁰⁷ Там же.

⁹⁰⁸ Помоћи практично није било // Там же. 22. мај 1990. С. 1.

⁹⁰⁹ Лантош није говорио у име владе САД // Там же. 31. мај 1990. С. 2.

⁹¹⁰ Срамна изјава америчких конгресмена // Там же. 1. септембар 1990. С. 21.

⁹¹¹ Демантује и Буша // Там же. 3. октобар 1990. С. 2.

американских запросов?»⁹¹², – говорилось в тексте обращения. Подписантов также интересовало, почему американские конгрессмены свои сообщения по результатам поездок по Югославии, а, в основном, по Сербии и Косово, публикуют в Загребе, а не в Белграде или Приштине. Подобное поведение, по их мнению, оказывало негативное влияние на традиционно доброжелательные отношения СФРЮ и США.

24 октября 1990 г. Палата представителей США большинством голосов (362 против 55) проголосовала против рассмотрения резолюции, в которой осуждалось положение в Косово и запрашивалось прямое политическое вмешательство США в дела Сербии и Югославии. Вынесение резолюции на рассмотрение было расценено как «продукт албанского лобби», который «не соответствует интересам Соединённых Штатов»⁹¹³. Однако уже в ноябре Палата представителей по предложению сенатора Дона Никлса приняла антиюгославскую поправку в Закон о выделении средств для операций за границей, по которому запрещалась любая помощь Югославии, за исключением тех югославских республик, в которых прошли демократические выборы и не нарушаются права человека⁹¹⁴. Процедура вступления поправки в силу предполагала шестимесячный наблюдательный период, в течение которого должно было быть принято окончательное решение. Тогда же последовал ультиматум Госдепа США о многопартийных выборах в СФРЮ, продемонстрировавший «неискренность официальной политики США»⁹¹⁵. Сторонниками единой Югославии этот акт был расценён как очевидное поощрение правых и националистических сил на местах: «Выглядит так, что Соединённым Штатам, вопреки всем своим предшествующим заявлениям, нет никакого дела до единства и стабильности Югославии, а, наоборот – они подталкивают Югославию к братоубийственной войне и распаду»⁹¹⁶.

Одновременно в США резко увеличилось количество журналистских и академических исследований, предрекающих конец СФРЮ⁹¹⁷. «Зная историю, может ли появление плюралистической демократии, связанной с национальной государственностью, преодолеть как националистическое, так и коммунистическое стремление к централизму и унитаризму?»⁹¹⁸, – задавался риторическим вопросом один из главных специалистов по Югославии в Америке, профессор Йельского университета хорватского происхождения Иво Банац. Своеобразную точку в этих рассуждениях поставило ЦРУ, подготовившее солидный аналитический доклад по

⁹¹² Ко позива “супервизоре” из Америке // Политика. 1. септембар 1990. С. 21.

⁹¹³ Одбачена резолуција против Југославије // Там же. 25. октобар 1990. С. 1.

⁹¹⁴ Изгласан антијугословенски и антисрпски амандман // Там же. 26. октобар 1990. С. 2.

⁹¹⁵ Грубо мешање у унутрашње послове Југославије // Там же. 14. новембар 1990. С. 15.

⁹¹⁶ Там же.

⁹¹⁷ См.: *Bakić J.* Jugoslavija: razaranje i njegovi tumači. Beograd, 2011.

⁹¹⁸ *Banac I.* Political Change and National Diversity // *Daedalus*. 1990. Vol. 119, No. 1. P. 143.

Югославии⁹¹⁹, в котором прогнозировался распад страны в течение двух лет⁹²⁰. Этот доклад прямым образом сказался на дальнейшей политике Белого Дома в отношении Белграда. В новых условиях перед США стояла задача не столько сохранить единство СФРЮ, сколько умело воспользоваться её дезинтеграцией в своих национальных интересах.

6 мая 1991 г. вступила в силу уже упомянутая выше поправка Никлса – администрация Дж. Буша приостановила экономическую помощь Югославии, включая и поддержку в международных кредитных организациях. Принятие этого решения пресс-секретарь Госдепартамента Маргарет Татвайлер объяснила следующим образом: «Проблема Югославии заключается в политике руководства Республики Сербии, которое использует репрессивные меры в Косово, которое не провело достаточно свободных выборов и сейчас действует в направлении дестабилизации югославского президиума...»⁹²¹. Посол США в СФРЮ Уоррен Циммерманн и вовсе прямо заявил, что условием для получения американской помощи является избрание на пост председателя Президиума СФРЮ Стипе Месича, что членами коллективного руководства было воспринято как вмешательство во внутренние дела Югославии. Одновременно в Конгрессе шли дискуссии о необходимости и возможности предоставления помощи «противостоящим сербскому большевизму» Хорватии и Словении в обход федерального правительства: «Советскому Союзу и Югославии нужно прекратить любую помощь и оказывать её только тем силам, которые борются против коммунистической власти в этих странах»⁹²², – предложил конгрессмен Дана Рорехахер. Заместитель председателя СИБ СФРЮ Александр Митрович всё происходящее назвал «глупостью американской политики»⁹²³.

20 июня 1991 г. в Белград в рамках своего европейского турне прибыл госсекретарь Дж. Бейкер, визит которого в дипломатических кругах характеризовали как «какой угодно, но не рутинный» и связывали с предстоящим отделением Словении и Хорватии от СФРЮ и эволюцией позиции Вашингтона по поводу югославского кризиса. В Белграде Бейкер провёл переговоры не только с А. Марковичем и Б. Лончаром, но и президентами всех шести югославских республик, в ходе которых М. Кучан и Ф. Туджман были безуспешно призваны к отказу или хотя бы приостановке процесса отделения. Общим итогом переговоров стало подтверждение американской традиционной дипломатической линии по отношению к СФРЮ и её политическому будущему: «Мы ясно дали понять премьеру и союзному секретарю

⁹¹⁹ National Intelligence Estimate 15-90 «Yugoslavia Transformed». October 18, 1990. // Office of the Director of National Intelligence. URL: http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub34_NIE_15-90.pdf (Дата обращения: 28.08.2022).

⁹²⁰ См. подробнее об анализе ЦРУ о положении дел в СФРЮ: *Kasalo B. Međunarodni pogledi na krizu u Jugoslaviji. Doktorski rad. Zadar, 2017.*

⁹²¹ Два лица једне политике // Политика. 22. мај 1991. С. 2.

⁹²² Америчка расправа о Југославији // Там же. 13. јун 1991. С. 2.

⁹²³ “Вашингтон пост”: Југословени се ујединили // Там же. 24. мај 1991. С. 2.

иностраных дел, что США любым образом готовы помочь Югославии стать демократичнее, обеспечить уважение к правам человека и сохранить единство страны»⁹²⁴. Однако отныне, как можно заметить, принцип территориальной целостности СФРЮ для США играл второстепенное значение – главным требованием к федеральному руководству стала демократизация Югославии любыми средствами и любой ценой, поэтому неслучайно и то, что Бейкер выступил категорически против сохранения Югославии с помощью военной силы. Фактически же, госсекретарь дал понять республиканским лидерам, что их попытки отделиться не встретят реального противодействия и сопротивления США⁹²⁵.

Итак, несмотря на довольно интенсивное экономическое сотрудничество, отношения между СФРЮ и США в 1980-е гг. сложно назвать подлинно дружественными. Жёсткая позиция Р. Рейгана по отношению к социалистическому миру не делала исключения для Белграда, соответственно планы США по дестабилизации и «демократизации» восточного блока распространялись и на Югославию⁹²⁶. Важно заметить, что после приезда Дж. Картера в 1980-м году СФРЮ не удостоилась ни единого посещения американскими президентами, что обозначало уменьшение её роли в стратегическом планировании Вашингтона на практике или, по меткому выражению, сербского историка Предрага Й. Марковича, «маргинализацию» Белграда в двусторонних отношениях⁹²⁷. С началом «перестройки» в Советском Союзе и череды «бархатных революций» в странах Восточной Европы Югославия, выполнявшая прежде роль «положительного примера альтернативного коммунизма», утратила статус «фаворита» США в социалистическом мире: появление конкурентов в лице Венгрии, Польши и Чехословакии вытеснили Югославию на обочину американской внешней политики.

4.2. Югославия и страны Запада: сотрудничество и разногласия

Внеблоковая позиция СФРЮ и её военный нейтралитет способствовали активному укреплению связей Белграда с западно- и южноевропейскими столицами, воспринимающими Югославию как преграду для советского влияния на континенте. В 1980-е гг. Югославия поддерживала регулярные отношения со всеми странами региона, уделяя особое внимание контактам с Австрией, Бельгией, Великобританией, Грецией, Италией, Францией и ФРГ. Их интенсивность не была одинаковой и зависела от ряда факторов. Разногласия между Югославией и государствами Западной Европы в основном, касались идеологических моментов,

⁹²⁴ Одлучна пордшка очувању јединства Југославије // Политика. 22. јун 1991. С. 1.

⁹²⁵ Paquin D. Understanding US Foreign Policy Toward Emerging Secessionist States: a Close Look at the Balkan Regional Context. P. 26. URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Paquin.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

⁹²⁶ Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. Београд, 1995. С. 77.

⁹²⁷ Марковић П. Ј., Антић Ч. Алтернативна историја Србије. Београд, 2021. С. 184.

вопросов борьбы против гегемонии и неокOLONиализма, а также действий НАТО в странах «третьего мира».

В рассматриваемое десятилетие Югославия также поддерживала систематические контакты с такими странами Запада как Австралия и Канада. В этом же параграфе мы считаем возможным рассмотреть отношения СФРЮ с такими «незападными» в географической отношении, но входившими в орбиту влияния Запада, государствами как Турция и Япония.

С *Австрией* СФРЮ сближал военный нейтралитет и свобода от обязательств перед военно-политическими блоками. Таким образом, Югославия и Австрия «образовывали мост между нейтральными странами Европы и Движением неприсоединения»⁹²⁸. На встрече с В. Джурановичем в апреле 1981 г. австрийский канцлер Бруно Крайский заметил: «Югославия играет огромную интегрирующую роль в этой части Европы [имеются в виду нейтральные и неприсоединившиеся страны Европы – *Примечание автора*], особенно с учётом её федерального характера, объединённых в рамках одного общества народов. В интересах Австрии, чтобы это общество и дальше стабильно развивалось»⁹²⁹.

Особняком в двусторонних отношениях стоял вопрос о положении хорватского и словенского национальных меньшинств в Австрии, которые должны были играть позитивную роль «моста для укрепления взаимопонимания двух стран и народов и значительного фактора в развитии добрососедских отношений»⁹³⁰. СФРЮ выражала всяческую поддержку требованиям югославских нацменьшинств, держа вопрос их правового положения, являвшийся причиной разногласий между двумя странами в предыдущие десятилетия, на особом контроле. То же самое касалось и положения югославских рабочих в Австрии, численность которых к концу 1988 г. достигла примерно 120 тыс. человек⁹³¹, причём у 70% из них отсутствовали сбережения, а 62% проживали в неудовлетворительных условиях⁹³². Вопросом защиты прав и организации досуга таких гастарбайтеров здесь занимался югославский клуб «Единство», оказывавший также широкую финансовую и гуманитарную поддержку самой СФРЮ⁹³³.

Экономическое сотрудничество включало в себя, главным образом, непосредственную торговлю, производственную и инвестиционную кооперацию⁹³⁴. Дисбаланс по линии «импорт-экспорт», ставший результатом отмены Веной импортных преференций для Югославии ещё в 1977 г., лишь отчасти преодолевался за счёт денежных переводов

⁹²⁸ Детант није мртав // Политика. 4. април 1981. С. 3.

⁹²⁹ Там же.

⁹³⁰ Мањине – мост јачања узајамног разумевања // Там же. 5. април 1981. С. 2.

⁹³¹ Визе забринуле Беч // Там же. 12. март 1989. С. 3.

⁹³² Мимозе стижу у Бећ // Там же. 12. октобар 1988. С. 17.

⁹³³ См. подробнее: *Dragišić P.* Emigriranje iz Srbije od šezdesetih godina XX veka do danas: kvantitativni pregled // *Tokovi istorije*. 2013. № 3/4. S. 233-249.; *Dragišić P.* Jugoslovenski ekonomski migranti u Austriji od početka 60-ih godina do raspada Jugoslavije // *Tokovi istorije*. 2009. № 1/2. S. 55-65.

⁹³⁴ См.: *Urban W.* Austrijsko-jugoslavenski privredni odnosi // *Politička misao*. 1986. No. 3. S. 58-82.

югославских граждан из Австрии и трат австрийских туристов на Адриатическом побережье, представляя собой существенную проблему двусторонней торговли. Так, например, по состоянию на 1986 г. австрийский экспорт в Югославию составил 396 млн долларов, в то время как югославский в Австрию – 224 млн долларов, т.е. коэффициент покрытия экспорта импортом был равен всего 56,8 %⁹³⁵. Неслучайно, сложности экономической кооперации, являлись главным предметом всех двусторонних переговоров на государственном уровне.

СФРЮ поставляла в Австрию топливо, продукцию цветной и чёрной металлургии, цемент, продовольственные товары, холодильники, электрические печи и стиральные машины. Австрия ввозила в Югославию промышленное оборудование, транспортные средства, целлюлозу, продукцию из железа и стали. К концу 1988 г. совокупный югославо-австрийский товарооборот превысил отметку в 1 млрд долларов⁹³⁶. «Драгоценные импульсы»⁹³⁷, по замечанию австрийского канцлера Франца Враницкого, двусторонним отношением придавало сотрудничество в рамках рабочего сообщества Альпы – Адриатика⁹³⁸. Одним из наиболее амбициозных совместных проектов в перспективе должно было стать строительство автотрассы Шентиль – Марибор – Загреб, отдельно обсуждавшееся в дни визитов Б. Микулича в Австрию в сентябре 1988 г.⁹³⁹ и вице-канцлера и министра иностранных дел Австрии Алоиза Мока в Белград в марте 1989 г.⁹⁴⁰

Процессы внутренней дестабилизации Югославии и перспективы гражданской войны в этой стране вызывали обоснованное беспокойство Австрии, поскольку, как минимум, грозили ей волной беженцев. Оценивая положение дел в СФРЮ австрийский канцлер Ф. Враницкий в одном из своих телевизионных интервью в октябре 1990 г. заметил, что «у живущих в ней народов возникла необходимость перестроить свои отношения и отказаться от централизованно управляемого государства»⁹⁴¹. Таким образом, австрийское руководство считало наилучшим вариантом развития событий конфедеративное переустройство СФРЮ. Вместе с тем, формально оно продолжало поддерживать территориальную целостность и единство Югославии. Говоря об австрийско-югославских отношениях, Враницкий гарантировал: «Мы предпримем всё..., чтобы быть стабильным и надёжным соседом **Югославии**»⁹⁴².

В начале 1991 г. Австрия на федеральном уровне и в приграничных Каринтии и Штирии сформировала несколько кризисных штабов с целью отслеживания обстановки в Югославии, а

⁹³⁵ Сусрет суседа на Бледу // Политика. 11. февруар 1987. С. 1.

⁹³⁶ Шира сарадња са Аустријом // Там же. 30. март 1989. С. 2.

⁹³⁷ Подршка нашим реформама // Там же. 30. септембар 1988. С. 3.

⁹³⁸ См. подробнее: *Vukadinović R.* Jugoslovensko-austrijski odnosi: od napetnosti do razumijevanja // *Politička misao*. Vol. XXVI. No. 4. 1989. S. 123.

⁹³⁹ Подршка нашим реформама // Политика. 30. септембар 1988. С. 3.

⁹⁴⁰ Шира сарадња са Аустријом // Там же. 30. март 1989. С. 2.

⁹⁴¹ Немешање и добросуседство // Там же. 22. октобар 1990. С. 2.

⁹⁴² Там же.

в мае привела свои вооружённые силы в состояние высшей боевой готовности⁹⁴³. Министр обороны Вернер Фасслабенд примерно тогда же выразил удовлетворение тем, что «Словения, оставаясь вне кровавых событий, обеспечила Австрии буферную зону»⁹⁴⁴. Отдельные австрийские политики и журналисты заговорили о «неудачной политике федерального правительства, поддерживавшего единое югославское государство»⁹⁴⁵ и о необходимости воссоздания проекта Дунайской федерации⁹⁴⁶.

Официальная Вена всё решительнее выступала на стороне северо-западных республик СФРЮ, призывая союзное правительство принять их проект преобразования Югославии в союз суверенных государств, однако на этом этапе выражала готовность признать независимость Словении и Хорватии только «в тандеме с Римом»⁹⁴⁷. Одними из наиболее активных сторонников более активного и решительного содействия сепаратистским намерениям Словении и Хорватии в Австрии выступали президент Курт Вальдхайм⁹⁴⁸ и министр иностранных дел Алоиз Мок.

Отношения СФРЮ с *Бельгией*, несмотря на их общую нейтральность, осложнялись регулярными антиюгославскими выступлениями и провокациями албанских и хорватских эмигрантов в этой стране. Так, например, в 1980-1981 гг. были организованы нападения на представительство югославской авиакомпании «JAT Airways»⁹⁴⁹ и югославские клубы в Брюсселе; совершён поджог здания клуба югославских граждан албанского происхождения «Абдулах Краснич» в городе Намюре⁹⁵⁰. В июле 1981 г. нападению подверглось посольство СФРЮ, в результате которого тяжёлые ранения получили двое сотрудников⁹⁵¹. В августе в витрину магазина народного творчества и деликатесов «Дом Югославии» была брошена зажигательная бомба⁹⁵². В том же месяце вооружённый мужчина в ресторане застрелил бухгалтера югославского посольства Стояна Джерича⁹⁵³. С высокой частотой в бельгийской столице проходили антиюгославские митинги, сопровождавшиеся сожжением государственных флагов СФРЮ.

⁹⁴³ С прстом на пулсу догађаја // Политика. 13. мај 1991. С. 2.

⁹⁴⁴ Там же.

⁹⁴⁵ Там же.

⁹⁴⁶ Речь идёт, например, о губернаторе Каринтии и главе Австрийской партии свободы (АПС) Йорге Хайдере и ряде представителей Австрийской народной партии (АНП).

⁹⁴⁷ Беч би признао Словенију само у договору са Римом // Политика. 9. јун 1991. С. 2.

⁹⁴⁸ Президент Австрии Курт Вальдхайм (1986-1992 гг.) имел нацистское прошлое и принимал участие в военных действиях на территории Югославии, а также преступлениях против югославского населения в годы Второй мировой войны, что явилось причиной того, что официальные лица СФРЮ воздерживались от каких-либо прямых контактов с ним.

⁹⁴⁹ Рус. «Югославский аэротранспорт».

⁹⁵⁰ Уништена зграда удружења “Абдулах Краснићи” // Политика. 9. јул 1981. С. 2.

⁹⁵¹ Оштар протест југословенске владе // Там же. 13. јул 1981. С. 2.

⁹⁵² A gunman shot and killed a member of the Yugoslav Embassy staff // UPI.com. URL: <https://www.upi.com/Archives/1981/08/04/A-gunman-shot-and-killed-a-member-of-the/6937365745600/> (Дата обращения: 28.08.2022).

⁹⁵³ Убијен службеник амбасаде Стојан Ђерић // Политика. 5. август 1981. С. 1.

Бельгийские официальные власти каждый раз уверяли Белград, что предпримут «соответствующие эффективные»⁹⁵⁴ меры по защите югославских граждан, представительств и иных учреждений, в то время как количество подобных инцидентов только увеличивалось. Белград, в свою очередь, обвинял бельгийскую сторону в бездействии: «Не припомнится, чтобы в какой-либо другой европейской столице доходило до таких драматических террористических акций, направленных против официальных лиц другой страны, как сейчас в Бельгии против югославов... Что ещё должно произойти, чтобы бельгийские власти предприняли меры, к которым их обязывает не только внутреннее, но и международное право?»⁹⁵⁵.

Вместе с тем, Бельгия оказывала поддержку Югославии в её устремлениях к включению в процессы европейской экономической и технической интеграции. Так, в ходе встречи с Б. Лончаром в апреле 1989 г. бельгийский премьер-министр Вильфрид Мартенс заявил о готовности Брюсселя поддержать предоставление Югославии специального статуса в ЕЭС и ЕАСТ, а также предложение ЕАСТ по созданию совместного с ЕЭС фонда финансовой поддержки реструктуризации югославской экономики⁹⁵⁶. Со своей стороны Лончар обещал углубление демократических процессов в СФРЮ, а особенно в Косово, положение дел в котором вызывало особую заинтересованность Бельгии.

Отношения СФРЮ и *Великобритании* в 1980-е гг. можно охарактеризовать как «традиционно хорошие»⁹⁵⁷ и дружественные, несмотря на фактор премьер-министра Маргарет Тэтчер, непримиримо относившейся к мировому социализму, и различные подходы к оценке международной действительности. Необходимо заметить, что Британия последовательно выступала с поддержкой территориальной целостности, единству и независимости Югославии, солидаризируясь с позицией США по этому вопросу, и препятствовала осуществлению антиюгославской деятельности на своей территории. Югославия, в свою очередь, сдержанно отнеслась к действиям Британии на Фолклендских островах. Обе страны, столкнувшиеся в 1980-е гг. с беспрецедентным экономическим кризисом, внимательно изучали опыт друг друга по борьбе с преодолением его негативных последствий.

Официальный визит М. Тэтчер в СФРЮ, включивший в себя кроме Белграда посещение Смедерова, Скопье и Дубровника, проходил с 24 по 26 сентября 1980 г. и стал первым официальным визитом британского премьер-министра в Югославию в истории двусторонних отношений⁹⁵⁸. По прибытии в Белград глава британского правительства выразила признание СФРЮ, представлявшую собой, по её мнению, «сильную, единую и неприсоединившуюся страну, которая пользуется уважением людей разных убеждений и

⁹⁵⁴ Уништена зграда удружења “Абдулах Краснићи” // Политика. 9. јул 1981. С. 2.

⁹⁵⁵ Убијен службеник амбасаде Стојан Ђерић // Там же. 5. август 1981. С. 1.

⁹⁵⁶ Там же.

⁹⁵⁷ Ђурановић у Лондону // Там же. 23. март 1988. С. 2.

⁹⁵⁸ Посета изражава успон сарадње // Там же. 23. септембар 1980. С. 1.

вызывает искреннее восхищение Великобритании»⁹⁵⁹. Диалог между М. Тэтчер и председателем Президиума СФРЮ В. Джурановичем прошёл в подчёркнуто уважительной атмосфере, на что особое внимание обратил глава Югославии: «... чаще гораздо важнее, как взаимодействуют страны, когда их взгляды различаются, присутствует ли в их отношениях уважение и доверие, а также понимание, что только сосуществование и совместные усилия могут обеспечить общие интересы...»⁹⁶⁰. Итогом переговоров стало выражение готовности создать условия для более быстрого и динамичного развития двусторонних отношений, прежде всего – экономических, текущим состоянием которых были недовольны обе стороны.

Главной проблемой экономического сотрудничества являлся югославский дефицит в двустороннем товарообороте. Так, например, в 1981 г. совокупный товарооборот составил порядка 660 млн долларов, из которых на югославский экспорт в Британию приходилось 102 млн доллара, а на британский в Югославию – 452 млн доллара⁹⁶¹. Таким образом, торговый дефицит Югославии составил 352 млн долларов, а покрытие экспортом импорта – всего 22 %⁹⁶². СФРЮ экспортировала в Британию преимущественно текстиль, мебель, вино, обувь, медицинские препараты, автомобили, однако такие факторы как высокие цены и в ряде случаев некачественная упаковка делали эти товары неконкурентноспособными на британском рынке⁹⁶³. Югославия и Британия также активно взаимодействовали на рынках третьих стран, в сферах производственной кооперации и передачи технологий. Популярностью среди британцев пользовались югославские курорты – так, в 1981 г. Югославию посетило более 350 тыс. британских туристов⁹⁶⁴. Британия также оказывала финансовую поддержку программе экономической стабилизации, принятой югославским руководством.

Довольно энергичные связи страны поддерживали в области культуры и науки. В 1981 г. в Лондоне были открыты югославский культурно-информационный центр и Союз клубов югославских граждан, в задачи которого входило оказание содействия и поддержание связей эмигрантов из СФРЮ с родиной⁹⁶⁵. Британские и югославские учёные особенно тесно кооперировали в области медицины, осуществляя совместные исследования, в частности, на базе медицинского факультета Университета в Новом Саде.⁹⁶⁶

Среди наиболее важных двусторонних встреч стоит упомянуть визит Й. Врховца в Лондон в 1981 г., министра иностранных дел Великобритании Фрэнсиса Пима в Белград в июле

⁹⁵⁹ Маргарет Тачер у Београду // Политика. 25. септембар 1980. С. 1.

⁹⁶⁰ Дијалог уз поштовање и поверење // Там же. 26. септембар 1980. С. 1.

⁹⁶¹ Шта продати Енглежима // Там же. 15. март 1982. С. 1.

⁹⁶² Там же.

⁹⁶³ Там же.

⁹⁶⁴ Шта продати Енглежима // Там же. 15. март 1982. С. 1.

⁹⁶⁵ Основан савез Југословена у Великој Британији // Там же. 8. јун 1981. С. 1.

⁹⁶⁶ Европски научни центар у Новом Саду // Там же. 16. августа 1990. С. 7.

1982 г.⁹⁶⁷, визит М. Планинц в Лондон в ноябре 1983 г.⁹⁶⁸, визит министра иностранных дел Великобритании Джеффри Хау в Белград в марте 1986 г.⁹⁶⁹, визит Б. Лончара в Британию в мае 1987 г. по случаю празднования 150-летия установления дипломатических отношений между Сербией и Великобританией⁹⁷⁰; визит В. Джурановича в Лондон в марте 1988 г.⁹⁷¹, визит Б. Лончара в Лондон в апреле 1989 г.⁹⁷² Переговоры, как правило, не выявляли «спорных политических проблем»⁹⁷³ и касались вопросов дальнейшей интенсификации экономических отношений, внутренней ситуации в Югославии, особенно – в Косово; деятельности Движения неприсоединения и международной повестки. Британская сторона выражала особый интерес к процессам демократизации и либерализации в СФРЮ.

По вопросу дезинтеграции и сепаратистских намерений отдельных республик СФРЮ Великобритания в этот период времени заняла достаточно чёткую позицию, заключающуюся в поддержке территориальной целостности и единства страны и догмате о равной вине Сербии, Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины в происходящих событиях. Неслучайно, именно в Лондоне стали возможны мирные демонстрации против распада Югославии, которые на протяжении нескольких месяцев ежедневно проводил югославский художник Марко Степанов напротив здания посольства СФРЮ⁹⁷⁴. Одним из мотивов прагматической Великобритании могло быть желание сохранить дружественные отношения с Сербией как наиболее важной в политическом и экономическом отношениях частью бывшей Югославии.

С Грецией СФРЮ связывали добрососедские отношения, основывавшиеся на «похожей исторической судьбе»⁹⁷⁵ и взаимной заинтересованности в поддержании стабильной обстановки в Балканском и Средиземноморском регионах. Совместно Белград и Афины выступали инициаторами усиления многостороннего сотрудничества балканских стран и организации регулярных встреч и консультаций их представителей.

СФРЮ являлась последовательным поборником мирного решения кипрской проблемы, которым бы были обеспечены независимость, территориальная целостность, суверенитет, единство и политика неприсоединения Республики Кипр. Идентичное видение будущего Палестины как независимого государства было ещё одним объединительным мотивом в отношениях Югославии и Греции. С высокой степенью уважения и признания Афины относились к деятельности Движения неприсоединения и той роли, которую играл Белград как

⁹⁶⁷ Пим данас у Београду // Политика. 5. јул 1982. С. 1.

⁹⁶⁸ Милка Планинц данас у Лондону // Там же. 15. новембар 1983. С. 1.; Любопытно, что в это время Планинц и Тэтчер были единственными женщинами, занимающими премьерские посты в Европе.

⁹⁶⁹ Садржајан и отворен дијалог // Там же. 25. март 1987. С. 1.

⁹⁷⁰ Чаша за економско здравље // Там же. 13. мај 1987. С. 2.

⁹⁷¹ Прилике у Југославији у првом плану // Там же. 22. април 1989. С. 1.

⁹⁷² Там же.

⁹⁷³ Пим данас у Београду // Там же. 5. јул 1982. С. 1.

⁹⁷⁴ Штрајк глађу због могућег распада домовине // Там же. 6. јун 1991. С. 2.

⁹⁷⁵ Отпутовао Караманлис // Там же. 8. новембар 1980. С. 1.

один из его основателей и лидеров. В конце 1980-х гг. Греция оказывала поддержку СФРЮ в её стремлении к сближению с ЕЭС.

Из наиболее важных двусторонних встреч на государственном уровне в 1980-е гг. стоит упомянуть визит президента Греции Константиноса Караманлиса⁹⁷⁶ в СФРЮ в ноябре 1980 г., подтвердивший важность того импульса, который придал югославно-греческим отношениям И. Броз Тито, и готовность и впредь работать над их развитием. Переговоры выявили сближение сторон по поводу Движения неприсоединения, о котором греческий президент прежде нелестно отзывался, что вызывало закономерное неудовлетворение Югославии⁹⁷⁷.

В январе 1986 г. Р. Влайкович принимал в Белграде греческого премьер-министра, лидера Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) Андреаса Папандреу⁹⁷⁸, награждённого председателем Президиума СФРЮ Орденом югославской звезды с лентой «за вклад в развитие дружественного сотрудничества»⁹⁷⁹. Тогда же состоялась встреча А. Папандреу с председателем ЦК СКЮ В. Жарковичем, выявившая «необходимость дальнейшего всестороннего укрепления традиционно добрых отношений между СКЮ и ПАСОК»⁹⁸⁰. В октябре 1987 г. Афины посетил Р. Диздаревич, участвовавший здесь в переговорах с президентом Христосом Сардзетакисом, премьером А. Папандреу и министром иностранных дел Каролосом Папульясом⁹⁸¹. Речь на них шла не только о состоянии двусторонних отношений, но и о предстоящей встрече министров иностранных дел балканских стран, названной Папульясом «историческим этапом на Балканах»⁹⁸². Неоднократно с К. Папульясом и другими греческими лидерами встречался Б. Лончар. Премьер-министр Греции с апреля 1990 г. и лидер партии «Новая демократия» Константинос Мицотакис, с приходом к власти которого югославно-греческие отношения начали стремительно ухудшаться из-за активизации «македонской проблемы», посетил Белград с официальным визитом в феврале 1990 г.⁹⁸³

Экономическое сотрудничество между двумя странами можно назвать приемлемым и достаточным. Так, например, к концу 1990 г. совокупный товарооборот составил около 400 млн долларов⁹⁸⁴, причём Греция была одной из немногих европейских стран, в которую Югославия ввозила больше товаров, нежели вывозила⁹⁸⁵. Большое значение для греческой экономики также имел туристический поток из СФРЮ – ежегодно здесь отдыхали от 300 до 700 тыс.

⁹⁷⁶ Дијалог разумевања // Политика. 7. новембар 1980. С. 1.

⁹⁷⁷ *Stanković S.* After Karamanlis's visit to Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background Report/273 (Yugoslavia), 17 November 1980. Р. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:be70feec-4aa2-420a-8531-dec2a32328ed> (Дата обращения: 23.08.2022).

⁹⁷⁸ Пријатељство дуге традиције // Политика. 17. јануар 1986. С. 2.

⁹⁷⁹ Там же.

⁹⁸⁰ За свестрану сарадњу СКЈ и ПАСОК-а // Там же. 17. јануар 1986. С. 2.

⁹⁸¹ Диздаревић у Атини // Там же. 19. октобар 1987. С. 1.

⁹⁸² Там же.

⁹⁸³ Подршка југословенској политици на Косову // Там же. 21. фебруар 1990. С. 2.

⁹⁸⁴ Суседи јачају везе // Там же. 17. април 1991. С. 2.

⁹⁸⁵ Југославија предлаже политички дијалог са ЕЗ // Там же. 18. новембар 1988. С. 2.

югославских туристов⁹⁸⁶. В целом, для Греции СФРЮ являлась самым главным экономическим и финансовым партнёром среди всех балканских стран⁹⁸⁷.

Несмотря на общий добрососедский характер отношений двух стран, они имели и больные места. Одним из них являлся статус Македонии и македонской нации, а также положение югославского меньшинства в Греции, существование которого официальными Афинами отрицалось. Греция не признавала за югославской Македонией ни её названия, ни апелляций македонских югославов к исторической Македонии, настаивая на том, что «македонское имя не может носить ни одна славянская нация»⁹⁸⁸. Открытыми также оставались вопросы о возможностях отмены визового режима, к которой призывала югославская сторона, считавшая заведённый порядок выдачи виз неравноправным⁹⁸⁹; функционирования транзитного сообщения между Грецией и Западной Европой через территорию Югославии и реставрации расположенного на г. Афон сербского монастыря Хиландар.

Серьёзная напряжённость в югославно-греческих отношениях возникла в 1988 г. и была связана с перспективой экологической катастрофы на Дойранском озере, из которого Греция продолжала осуществлять перекачку воды сверх установленной нормы, несмотря на неоднократные просьбы Югославии следовать достигнутым ранее договорённостям⁹⁹⁰. В 1990 г. Греция ввела рестриктивные меры против югославских туристов, обязав их иметь не менее тысячи долларов наличных денег при прохождении пограничного контроля⁹⁹¹. Эти ограничения распространялись даже на ветеранов Салоникского фронта, следующих на союзническое кладбище Зейтенлинк в Салониках. Одновременно Югославия резко сократила число выдаваемых транзитных удостоверений для грузовых автомобилей, осуществляющих перевозки из Греции в западноевропейские страны, и прекратила выдачу виз греческим гражданам. Межгосударственная граница фактически оказалась под взаимной блокадой⁹⁹².

Позиция Афин по косовскому вопросу заключалась в том, что «Югославия много сделала в плане наделения свободами албанского меньшинства»⁹⁹³, а потому требования косовских албанцев являются чрезмерными и неадекватными. В межреспубликанском конфликте в СФРЮ Греция заняла сторону Сербии. В то время как югославно-греческие отношения переживали не лучшие времена, сербско-греческие отношения

⁹⁸⁶ За улаз у Грчку хиљаду долара // Политика. 18. јун 1990. С. 5.

⁹⁸⁷ Суседи јачају везе // Там же. 17. април 1991. С. 2.

⁹⁸⁸ Сусрет министара доведен у питање // Там же. 26. мај 1990. С. 2.

⁹⁸⁹ Дело в том, что греческим гражданам Югославия выдавала визы непосредственно на границе, в то время как югославские граждане были обязаны получать греческие визы заблаговременно, до поездки.

⁹⁹⁰ Порука Лончара Папуљасу // Там же. 30. август 1988. С. 1.

⁹⁹¹ За улаз у Грчку хиљаду долара // Там же. 18. јун 1990. С. 5.; Греция настаивала на том, что эта мера стала ответной по отношению к аналогичному требованию Югославии, принятой двумя днями ранее, 14 июня 1990 г. Белград отрицал подобные нововведения со своей стороны. В действительности между странами возникло недопонимание по вине югославского сотрудника паспортного контроля на югославно-греческой границе.

⁹⁹² Све мање Југословена // Там же. 22. јун 1990. С. 2.

⁹⁹³ Подршка југословенској политици на Косову // Там же. 21. фебруар 1990. С. 2.

интенсифицировались, что явственно продемонстрировал официальный визит С. Милошевича в Грецию в апреле 1991 г.⁹⁹⁴ В этой связи вполне логично, что Афины поддерживали усилия Сербии по сохранению единства и территориальной целостности Югославии.

В 1980-е гг. официальные контакты между Югославией и *Испанией* находились на ранней стадии своего развития, поскольку дипломатические отношения между государствами были установлены лишь 27 января 1977 г., спустя чуть более чем через год после смерти каудильо Франсиско Франко. Между тем, к началу рассматриваемого нами периода две страны уже имели солидную историю экономического сотрудничества, а СКЮ permanently поддерживала тесные и дружественные отношения с испанскими коммунистами – Коммунистической партией народов Испании (КПНИ) и Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП). Положительную роль в последующем укреплении двусторонних связей сыграла деятельность Содружества югославских добровольцев испанского республиканского войска 1936-1939 гг., активно поддерживавшего процесс демократизации в Испании и занимавшегося просветительской работой в самой Югославии⁹⁹⁵.

Несмотря на разный внешнеполитический статус две страны выражали сходные точки зрения относительно многих проблем международных отношений, таких, например, как арабо-израильские войны и недостаточность Кемп-Дэвидских соглашений, необходимость деколонизации Южной Африки и решения проблемы задолженности стран «третьего мира», процесс разрядки и разоружения, создание зоны мира и стабильности в Средиземноморье и пр. Конструктивными факторами явились также симпатии Испании, получившей статус наблюдателя в 1979 г., к деятельности Движения неприсоединения и её критичное отношение к попыткам Ф. Кастро сблизить его с ОВД⁹⁹⁶.

В мае 1980 г. премьер-министр Испании Адольфо Суарес посетил похороны И. Б. Тито, что стало первым посещением главой правительства Испании СФРЮ⁹⁹⁷. Короткие разговоры, который Суарес имел с В. Джурановичем, были посвящены предстоящей Мадридской встрече государств-участников СБСЕ.

22 мая 1985 г. в Белград с визитом прибыли испанский король Хуан Карлос и королева София – начались первые в истории югославско-испанских отношений официальные переговоры на высшем уровне⁹⁹⁸, которые, по замечанию газеты «Политики», являлись «недостающим элементом в мозаике динамичных отношений двух стран на протяжении последних восьми лет»⁹⁹⁹. Приезд Хуана Карлоса сопровождали 54 только испанских

⁹⁹⁴ Односи Грчке и Србије у новој фази // Политика. 17. април 1991. С. 1.

⁹⁹⁵ *Matuћ Д.* Дипломатски односи између Шпаније и Југославије (1975-1980). Београд, 2021. С. 89.

⁹⁹⁶ Там же. С. 155.

⁹⁹⁷ Там же. С. 165.

⁹⁹⁸ Допутовао шпански краљ // Политика. 23. мај 1985. С. 1.

⁹⁹⁹ Там же.

журналиста, что подчёркивало его историческое значение¹⁰⁰⁰. Темами для обсуждения испанского короля с председателем Президиума СФРЮ Р. Влайковичем стали не только двухсторонние отношения, но и комплекс международных проблем, а также совместные усилия на пути к снижению напряжённости в мире.

5 апреля 1988 г. начался первый в истории двусторонних отношений визит главы СФРЮ Л. Мойсова в Испанию¹⁰⁰¹. Переговоры Мойсова с премьером Фелипе Гонсалесом, выявившие «идентичность» точек зрения по ряду вопросов¹⁰⁰², в первую очередь, касались «неиспользованных возможностей» югославско-испанских отношений, необходимости «их расширения и качественного развития»¹⁰⁰³ и общего положения дел в Европе и Средиземноморье.

Степень заинтересованности Югославии в укреплении контактов с Мадридом возрастала с повышением международного престижа Испании, ставшей в 1986 г. членом ЕЭС и в том же году избранной в качестве хозяйки Летних Олимпийских игр – 1992 г. В свою очередь Испания выражала готовность оказывать столкнувшейся с системным кризисом Югославии посильную поддержку. «Испания уже сделала достаточно в плане поддержки югославских устремлений по отношению к Европейскому сообществу. Испания, как вы знаете, не Германия, но мы настроены и дальше серьёзно поддерживать развитие ваших отношений с Европейским сообществом и вносить вклад в облегчение вашего экономического положения и проблемы внешнего долга»¹⁰⁰⁴, – отметил в дни визита Мойсова в интервью газете «Политика» министр иностранных дел Испании Франсиско Ордоньес.

Имеющийся «символический»¹⁰⁰⁵ уровень экономических и торговых связей не устраивал ни одну из сторон. Совокупный товарооборот по состоянию, например, на конец 1987 г. составил лишь 97 млн. долларов и характеризовался югославским профицитом¹⁰⁰⁶. Югославия экспортировала в Испанию преимущественно дрова, мясную продукцию, бокситы и цемент, а Испания в Югославию – суда, цветные металлы, автомобильные шины, текстильные волокна, масла, цитрусовые и пр. Важной составляющей экономической кооперации являлся туризм. Так, например, в 1987 г. Испанию посетило 45 тыс. югославов, а Югославию – 80 тыс. испанцев¹⁰⁰⁷. Одновременно СФРЮ крайне интересовал опыт «испанского экономического чуда» и возможности инвестирования испанского государственного и частного капитала в югославскую экономику.

¹⁰⁰⁰ Допутовао шпански краљ // Политика. 23. мај 1985. С. 1.

¹⁰⁰¹ Мојсов данас у Мадриду // Там же. 5. април 1988. С. 1.

¹⁰⁰² Веома успешна посета // Там же. 8. април 1988. С. 1.

¹⁰⁰³ Там же.

¹⁰⁰⁴ Мојсов срдачно дочекан у Мадриду // Там же. 6. април 1988. С. 1.

¹⁰⁰⁵ Интерес за шпанска улагања у Југославију // Там же. 25. фебруар 1990. С. 2.

¹⁰⁰⁶ Мојсов данас у Мадриду // Там же. 5. април 1988. С. 1.

¹⁰⁰⁷ Там же. С. 2.

Мадрид внимательно отслеживал процессы, происходившие в Югославии на рубеже 80-х и 90-х гг., выступая в поддержку «демократического, европейского и стабильного развития»¹⁰⁰⁸ страны и считая сохранение единства и территориальной целостности СФРЮ важным условием стабильности в Средиземноморском регионе.

Отношения с *Италией*, главным образом, базировались на культурном сотрудничестве и культурном влиянии Рима на Белград. В глазах югославских граждан Италия представала в качестве образца для подражания и своеобразного «окна» в Европу¹⁰⁰⁹. С этой точки зрения её можно считать одним из самых важных соседей Югославии. Позитивный образ страны в СФРЮ, несмотря на существование территориальных и политических разногласий, создавался посредством фильмов, музыки и туризма.

По основным проблемам международных отношений в 1980-е гг. стороны занимали «более и менее схожие или даже идентичные позиции»¹⁰¹⁰, придавая особое значение мирным инициативам и процессу разоружения. Сближающую роль в двусторонних отношениях играли национальные меньшинства – словенское в Италии и итальянское в Югославии – и совместные усилия по обеспечению их прав. Традиционно добрые отношения СКЮ поддерживала с Итальянской коммунистической партией (ИКП) и Итальянской социалистической партией (ИСП).

В череде регулярных и многочисленных двусторонних встреч и консультаций на всех уровнях выделим лишь несколько наиболее, на наш взгляд, важных. Й. Врховец посетил Италию в июле 1980 г.¹⁰¹¹, где был принят не только президентом Сандро Пертини и другими высшими должностными лицами, но и папой римским Иоанном Павлом II. В разговоре с Врховцем папа римский подчеркнул «позитивную роль политики неприсоединения в мире» и Югославии в международных отношениях, выразив безусловную поддержку её единству и стабильности¹⁰¹². В совместном югославско-итальянском сообщении по результатам визита Врховца констатировалось, что «отношения между Югославией и Италией достаточно успешно развиваются в духе приятельства и добрососедства, взаимоуважения и взаимопонимания»¹⁰¹³ и базируются на Озимском договоре, закрепившем раздел Свободной территории Триест между двумя государствами.

17-19 декабря 1980 г. в Италии с визитом находился председатель Президиума СФРЮ Ц. Миятович¹⁰¹⁴. Преимущественное внимание в переговорах стороны уделили вопросу безопасности в Средиземноморье и кипрской проблеме. 28 января 1988 г. начался визит

¹⁰⁰⁸ Интерес за шпанска улагања у Југославију // Политика. 25. фебруар 1990. С. 2.

¹⁰⁰⁹ См.: *Dragišić P. Šta smo znali o Italiji?: pogledi iz Beograda na Italiju 1955-1978.* Beograd, 2019.

¹⁰¹⁰ Разговор о приликама у свету // Политика. 19. децембар 1980. С. 1.

¹⁰¹¹ Сарадња на чврстој основи // Там же. 11. јул 1980. С. 1.

¹⁰¹² Јосип Врховец код папе // Там же. 14. јул 1980. С. 1.

¹⁰¹³ Југославија и Италија желе даље унапређење односа и сарадње // Там же. 13. јул 1980. С. 2.

¹⁰¹⁴ Разговор о приликама у свету // Там же. 19. децембар 1980. С. 1.

премьер-министра СФРЮ Б. Микулича в Рим, ставший первым официальным визитом югославского премьер-министра в Италию за целых два десятилетия¹⁰¹⁵. В канун этого исторического для двусторонних отношений события итальянский министр иностранных дел Джулио Андреотти отметил, что «итальянское правительство в полной мере осознаёт важность роли Югославии в Европе и в мире. В связи с этим оно намерено выступить за ещё большее укрепление отношений с соседом и помочь ему преодолеть текущие трудности»¹⁰¹⁶. Итогом переговоров Микулича со своим итальянским коллегой Джованни Гория стало подписание Меморандума об экономическом сотрудничестве сроком на три года, предполагавшего оказание Италией Югославии финансовой помощи и выдачу кредитов на благоприятных условиях сроком на 20 лет под символические 1,75%; инвестиционную поддержку югославской экономике, а также трансфер технологий и передачу технического оборудования¹⁰¹⁷.

17 сентября 1989 г. в хорватский Умаг с официальным визитом в новом статусе премьер-министра Италии прибыл Дж. Андреотти¹⁰¹⁸. Его переговоры с А. Марковичем были посвящены, главным образом, интеграционным процессам в Европе и итогам белградской конференции Движения неприсоединения. Тогда же была подписана декларация о намерениях по укреплению сотрудничества, получившая название «Адриатической инициативы». В рамках инициативы стороны обязывались создать совместный план по экологической защите акватории Адриатического моря, интенсифицировать взаимодействие в областях транспортного сообщения, туризма, инфраструктуры, науки и техники.

Экономические отношения включали в себя активное торговое, промышленное (особенно в сфере рыболовства), финансовое и пограничное сотрудничество. На протяжении долгих лет экономическую кооперацию осложняло отсутствие договора, регулирующего рыбную ловлю в приграничных водах. В конечном итоге, договор о рыболовстве в Триестском заливе был заключён в 1983 г и ратифицирован в 1987 г., что стало «точкой в одной из последних спорных страниц в отношениях между двумя странами»¹⁰¹⁹. В 1989 г. двусторонний товарооборот составил около 3,6 млрд долларов¹⁰²⁰ и был отмечен югославским профицитом суммой в 520 млн. долларов¹⁰²¹. Югославия также являлась излюбленным местом итальянских туристов. В целях увеличения туристического потока в 1990 г. югославское руководство даже позволило итальянским гражданам осуществлять въезд в СФРЮ по внутренним идентификационным документам¹⁰²².

¹⁰¹⁵ Микулић данас у Риму // Политика. 28. јануар 1988. С. 1.

¹⁰¹⁶ Там же.

¹⁰¹⁷ Там же.

¹⁰¹⁸ Сусрет Марковића и Андреотија // Там же. 18. септембар 1989. С. 2.

¹⁰¹⁹ Утврђене рибарске зоне // Там же. 19. фебруар 1988.

¹⁰²⁰ Капитал притиче, уговори се множе // Там же. 4. април 1990. С. 4.

¹⁰²¹ Там же.

¹⁰²² Италијани у Југославију уз личну карту // Там же. 11. мај 1990. С. 1.

Осложняли югославско-итальянские отношения несколько факторов. Во-первых, проблемным местом являлся статус словенского национального меньшинства в Италии. Югославия настаивала на принятии специального закона о глобальной защите итальянских словенцев, однако Рим годами откладывал это решение, к которому его обязывал Озимский договор 1975 г. Югославия также затягивала реализацию возложенных на себя по этому договору обязательств в части строительства автомагистрали по свою сторону перевалов Фернетти, Рабуезе и Песек.

Во-вторых, существенной была проблема югославских мигрантов в Италии, примерно 80% из которых являлись нелегальными¹⁰²³. В соответствии со статистическими данными от 1987 г. в Италии на временной основе проживало около 30 тыс. югославских граждан, причём 75% из них имели цыганское происхождение¹⁰²⁴. Большое количество югославских цыган занимались здесь криминальной деятельностью. Югославы, в принципе, среди всех иностранцев, проживающих в Италии, лидировали по количеству совершённых преступлений, что негативно сказывалось на образе СФРЮ¹⁰²⁵ среди итальянцев.

В-третьих, Белград был не удовлетворён позицией, занимаемой *Ватиканом* в отношении внутренних процессов, происходящих в Югославии, и был склонен обвинять его в попытках «насаждения» католичества в Словении и Хорватии. В 1984 г. по этой причине был отменён запланированный по случаю 1300-летия принятия словенцами и хорватами христианства визит папы римского Иоанна Павла II в Югославию¹⁰²⁶. В качестве официальной причины отмены визита были названы «протокольные трудности». Дело в том, что югославское правительство настаивало на определении маршрута Иоанна Павла II и возложении им венка на могилу Тито, являвшегося обязательной частью протокола посещения главами иностранных государств Югославии, что для папы было «немыслимо»¹⁰²⁷. Визит папы римского, по требованиям югославской стороны, также не должен был включить в себя открытого посещения им могилы хорватского кардинала Алоизие Степинаца, осуждённого в 1946 г. за сотрудничество с немецкими оккупационными властями в годы Второй мировой войны. Сложные отношения между католической и Сербской православной церковью (СПЦ) стали ещё одним непреодолимым препятствием для его приезда, поставившего в очередной раз на повестку дня вопрос о причастности католического епископата в Хорватии к массовым убийствам в концентрационном лагере Ясеновац. Главной же причиной отмены визита стала «обеспокоенность правительства тем, что встреча папы с тысячами хорватских католиков

¹⁰²³ Близу 80 одсто илегалци // Политика. 9. фебруар 1987. С. 3.

¹⁰²⁴ Там же.

¹⁰²⁵ Там же.

¹⁰²⁶ *Antić Z.* Pope John Paul II's visit to Yugoslavia canceled. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-599, 22 March 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:723240bc-09b8-47ce-8495-41cf55b7760f> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰²⁷ Ibid.

создаст условия для проявления хорватского национализма»¹⁰²⁸. Для сравнения стоит заметить, что в октябре того же 1984 г. Югославию беспрепятственно посетила делегация Русской православной церкви (РПЦ) во главе с патриархом Пименом, принятым Л. Мойсовым и другими югославскими официальными лицами¹⁰²⁹.

С течением времени со стороны отдельных югославских политиков и средств массовой информации в адрес Рима множились упрёки по поводу поддержки им сепаратизма в упомянутых выше северо-западных республиках СФРЮ: итальянская столица стала местом регулярных визитов М. Кучана и Ф. Туджмана. Вместе с тем, итальянский министр иностранных дел Джанни де Микелис 16 июня 1991 г., за несколько дней до провозглашения независимости Словенией и Хорватией, в интервью югославским журналистам заявил: «Наша позиция, а это и позиция и других европейских стран, особенно граничащих с Югославией, заключается в поддержке единой и демократической Югославии. Никакие другие интерпретации не имеют оснований... Италия и ЕЭС с самого начала имеют идентичную точку зрения о Югославии... Итальянская позиция остаётся неизменной и после всех визитов представителей Хорватии и Словении... Мы против односторонних решений и унитаристских тенденций. Мы не за ту или иную республику, а за мирное решение, которое примут сами югославы...»¹⁰³⁰.

Несмотря на ряд политических¹⁰³¹ и идеологических разногласий, отношения между Югославией и *Турцией* в 1980-1991 гг. в целом можно назвать дружественными. Стороны придерживались близких позиций по ряду международных вопросов и выступали за активное развитие многостороннего сотрудничества на Балканах. Так, они выражали солидарность друг с другом относительно положения дел на Ближнем Востоке, палестинской и иракской проблем; необходимости установления «нового мирового экономического порядка». Турция с симпатией относилась к деятельности Движения неприсоединения и в поздние 1970-е гг. даже проявляла заинтересованность в получении статуса наблюдателя в организации. Анкара также оказывала поддержку Югославии в её устремлениях к полноправному членству в Совете Европы¹⁰³². Позитивную роль «моста дружбы» в двусторонних контактах играли турецкое национальное меньшинство в Югославии и иммигранты югославского происхождения в Турции.

¹⁰²⁸ Antić Z. Pope John Paul II's visit to Yugoslavia canceled. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-599, 22 March 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:723240bc-09b8-47ce-8495-41cf55b7760f> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰²⁹ Antić Z. Patriarch Pimen of Russia visits Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-602, 11 October 1984. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9e1be416-d3d9-458a-aaef-1a641ee8a08f> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰³⁰ Де Микелис: Нисмо за распарчавање // Политика. 17. јун 1991. С. 1-2.

¹⁰³¹ СФРЈ занимала предельно ясную позицию по поводу кипрской проблемы, поддерживая независимость, территориальную целостность, суверенитет и политику неприсоединения Республики, а также переговорный процесс между греками-киприотами и турками-киприотами, направленный на достижение мира и стабильности.

¹⁰³² Турска и СФРЈ против употребе силе // Политика. 8. август 1990. С. 3.

Вместе с тем, югославно-турецкие контакты не отличались достаточной интенсивностью и развивались преимущественно в экономической и технологической плоскостях. Стороны сотрудничали в сфере промышленности, энергетики, нефтепереработки, кораблестроения и транспортного сообщения. Ежегодный товарооборот составлял около 100-150 млн долларов¹⁰³³ и характеризовался постоянным югославским профицитом.

Среди наиболее важных встреч на государственном уровне стоит выделить подтвердившие отсутствие серьёзных противоречий между странами визиты в Югославию министра иностранных дел Турции Ильтера Тюркмена в июне 1981 г.¹⁰³⁴ и президента Турции Кенана Эврена в сентябре 1982 г.¹⁰³⁵. В августе 1990 г. турецкую столицу посетил Б. Лончар¹⁰³⁶, а в апреле 1991 г. в Анкару с официальным визитом прибыл председатель Президиума СФРЮ Б. Йович¹⁰³⁷. По результатам переговоров последнего с президентом Тургуттом Озалом и премьер-министром Йылдырымом Акбулутом были приняты решения организовать сотрудничество в сферах туризма и строительной деятельности в странах «третьего мира»¹⁰³⁸. Со стороны Турции к Югославии также поступило предложение стать членом региональной черноморской инициативы сотрудничества. Президент Озал выразил уверенность в том, что «Югославия успешно преодолит свои текущие проблемы и сохранится как единая страна, имеющая важное значение не только в отношениях на Балканах, но и шире»¹⁰³⁹.

Экстраординарным событием в истории двусторонних отношений явилось совершённое 9 марта 1983 г. в Белграде убийство турецкого посла в СФРЮ Галипа Балкара, организованное Бойцами за справедливость в отношении геноцида армян. При поимке преступников героизм проявили несколько югославских граждан, по поводу чего турецкая сторона выразила признательность и благодарность СФРЮ: «Большое количество турецких граждан звонило в посольство, чтобы выразить благодарность и сочувствие Югославии, её правительству и народу»¹⁰⁴⁰. По мнению сербского историка Ненада Ж. Петровича¹⁰⁴¹, Белград для совершения политического убийства армянскими террористами был выбран отнюдь не случайно. Во-первых, в те же самые дни проходила Конференция Движения неприсоединения, одним из лидеров которого являлась СФРЮ, поэтому убийство в Белграде должно было привлечь особое внимание мировой общественности к проблематике геноцида армян. Во-вторых, убийство

¹⁰³³ Размена veћа од сто милиона долара // Политика. 5. август 1980. С. 2.

¹⁰³⁴ *Antić Z.* Turkish head of State Kenan Evren visits Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background Report/203 (Yugoslavia) 30 September 1982. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:570344dd-86a9-4ba4-8c93-c8cdb7bb41f6> (Дата обращения: 23.08.2022).

¹⁰³⁵ Ibid.

¹⁰³⁶ Турска и СФРЈ против употребе силе // Политика. 8. август 1990. С. 3.

¹⁰³⁷ Јовић допутовао у Анкару // Там же. 11. април 1991. С. 1.

¹⁰³⁸ Договор Турске и Југославије // Там же. 12. април 1991. С. 2.

¹⁰³⁹ Там же.

¹⁰⁴⁰ См.: *Petrović N. Ž.* Ubijstvo turskog ambasadora u Beogradu 1983. godine i jugoslovensko-turski odnosi // Istorija 20. veka, 2/2017. S. 119-133.

¹⁰⁴¹ Ibid. S. 130.

могло быть вызвано недовольством армян посещением К. Энвером Белграда в 1982 г., а также высоким потенциалом югославско-турецких отношений.

Принципиальной важностью для СФРЮ обладали отношения с *Францией*, которые можно охарактеризовать как дружественные и партнерские, но не идиллические¹⁰⁴². Несмотря на схожесть позиций двух стран по ряду международных вопросов, порой они наталкивались на противоречия в их оценках¹⁰⁴³. При этом Югославия выступала с позиции государства, представляющего социалистический мир и Движение неприсоединения, а Франция – капиталистический лагерь, что в принципе исключало возможности для абсолютной гармонии и взаимопонимания. Так, Париж и Белград имели неодинаковые точки зрения по поводу ситуации на Ближнем Востоке и в отдельных регионах Африки, где Франция, по мнению Белграда, «продолжала попытки проведения неокOLONИАЛЬНОЙ политики»¹⁰⁴⁴. СФРЮ также выражала протест в связи с антиюгославскими акциями албанских и хорватских диссидентов, имевшим место на территории Франции. Довольно остро стоял вопрос о визовом режиме, который был вновь введён Францией для югославских граждан в 1986 г. и на отмене которого настаивал Белград, в то время как Париж старался всячески избегать этой темы¹⁰⁴⁵.

В 1981 г. в Белграде приветствовали победу Франсуа Миттерана и приход социалистов к власти¹⁰⁴⁶. С 13 по 16 декабря 1983 г. французский президент совершил официальный визит в СФРЮ и был сердечно принят югославским руководством¹⁰⁴⁷, о чём, в том числе, свидетельствовало присвоение ему звания почётного гражданина Белграда. В дни нахождения в столице СФРЮ Миттеран дал интервью югославскому телевидению, в котором высказал уважение к югославскому народу и его внешней политике, а также той роли, которая играет СФРЮ в Движении неприсоединения; он также особым образом подчеркнул важность развития двусторонних отношений в торговой, банковской и гуманитарной сферах.

В ноябре-декабре 1988 г. во Франции с официальным визитом находился Б. Лончар, переговоры которого с французским министром иностранных дел Роланом Дюма и президентом Ф. Миттераном касались наиболее важных международных вопросов, в числе которых – снижение напряжённости между Западом и Востоком, разоружение, процессы модернизации Движения неприсоединения и балканского сотрудничества, – а также внутренней ситуации в Югославии, основам двустороннего сотрудничества и перспектив участия Белграда

¹⁰⁴² См. подробнее: *Југословенско-француски односи*. Зборник радова / одг. ур. Терзић С. Београд, 1990.

¹⁰⁴³ См.: *Sretenović S. Francusko-srpski odnosi u XIX i XX veku // Međunarodni problemi*. 2009. № 2. S. 536-558.

¹⁰⁴⁴ См.: *Petković D. Francusk-srpski odnosi, 1800-2010*. Београд, 2011.

¹⁰⁴⁵ 1 июля 1990 г. был отменён визовый режим между Францией и Венгрией, а также Францией и Чехией со Словакией, что вызвало болезненную реакцию в Югославии, в течение предшествующих четырёх лет упорно добивавшейся его упразднения для своих граждан.

¹⁰⁴⁶ *Задовољство због победе француске левице // Политика*. 9. јул 1981. С. 1.

¹⁰⁴⁷ См. подробнее: *Костюк Р. В., Каткова Е. П. Франко-југославские отношения в контексте эволюции мировой политики в 1970-80-е гг. Вопросы истории*. М.: 2020. №10 (4). С. 53-67.

в европейских интеграционных проектах¹⁰⁴⁸. Дюма и Миттеран указали на значение, которое Франция придавала развитию сотрудничества с Югославией как с неприсоединившейся страной, имеющей особое геополитическое положение. В очередной раз югославской стороной была поднята тема о положении югославских гастарбайтеров во Франции, численность которых на тот момент составляла около 100 тыс. человек¹⁰⁴⁹. Лончар также заметил, что дальнейшее развитие сотрудничества Югославия видит, прежде всего, в усилении долгосрочной промышленной кооперации, инвестициях и совместном продвижении на рынках третьих стран¹⁰⁵⁰.

В условиях системного кризиса и масштабных внутренних перемен Югославию в декабре 1989 г. посетил французский премьер-министр Мишель Рокар¹⁰⁵¹, недвусмысленно намекнувший Белграду, что «для получения французской финансовой помощи ему необходимо предпринять новые шаги в направлении к демократии»¹⁰⁵²: к исходу «холодной войны» это условие стало обязательным для получения Югославией кредитов от капиталистических стран. Вместе с тем, Рокар отметил, что «его страна поддерживает Югославию в попытках преодоления трудностей, в которых она находится», выразил «полную поддержку югославскому правительству в осуществлении глубоких реформ»¹⁰⁵³ и усилиям страны в получении статуса члена Совета Европы.

Югославно-французские экономические отношения базировались на торговом, промышленном, технологическом и финансовом сотрудничестве. Наиболее плотно две страны сотрудничали в области сельского хозяйства, энергетики и транспорта. В списке торговых партнёров Франции Югославия занимала скромное 43 место, в то время как для Югославия она была третьим по величине и значимости партнёром в Западной Европе¹⁰⁵⁴. Из Франции Югославия импортировала машины и транспортные средства, химическую продукцию и сырьё, экспортируя при этом мебель, овощи и фрукты, алюминий, автомобили, текстиль и обувь¹⁰⁵⁵. Двусторонний товарооборот характеризовался постоянным югославским дефицитом. Так, например, в 1986 г. покрытие импорта экспортом составляло примерно 69%¹⁰⁵⁶. Совокупный объём товарооборота также не отвечал возможностям и желаниям двух стран¹⁰⁵⁷. В связи с этим

¹⁰⁴⁸ Француска даје велики значај односима са Југославијом // Политика. 1. децембар 1988. С. 1.

¹⁰⁴⁹ Там же.

См. подробнее о югославской эмиграции во Франции: *Čačić J., Kumpes J.* Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku) // Migracijske teme. 1989. № 5. S. 287-306.

¹⁰⁵⁰ Француска даје велики значај односима са Југославијом // Политика. 1. децембар 1988. С. 1.

¹⁰⁵¹ Мишел Рокар у Београду // Там же. 7. децембар 1989. С. 1.

¹⁰⁵² *Костюк Р. В., Каткова Е. П.* Франко-југославские отношения в контексте эволюции мировой политики в 1970-80-е гг. Вопросы истории. М.: 2020. №10 (4). С. 64.

¹⁰⁵³ Подршка укључивању Југославије у Европу // Политика. 8. децембар 1989. С. 1.

¹⁰⁵⁴ Приближавање које обећава // Там же. 9. мај 1987. С. 1.; После ФРГ и Италији.

¹⁰⁵⁵ Незадовољавајуће треће место // Там же. 8. мај 1990. С. 2.

¹⁰⁵⁶ Подршка укључивању Југославије у Европу // Там же. 8. децембар 1989. С. 1.

¹⁰⁵⁷ Приближавање које обећава // Там же. 9. мај 1987. С. 1.

в 1987 г. в дополнение к югославско-французскому смешанному экономическому комитету был создан югославско-французский экономический совет, в задачи которого входило увеличение и сбалансирование двусторонней торговли¹⁰⁵⁸. Итогом его работы стало то, что по состоянию на конец 1988 г. товарообмен достиг отметки в 1 млн долларов¹⁰⁵⁹. Что касается сотрудничества в сфере туризма, то здесь дела обстояли весьма скромно: максимума туристический поток из Франции в Югославию достиг в 1985 г., составив 450 тыс. человек¹⁰⁶⁰, в то время как в 1987 г. цифра упала уже до 400 тыс. человек¹⁰⁶¹ и продолжила уменьшаться впоследствии.

Важной составляющей двусторонних отношений являлись контакты в области культуры, образования, науки и техники. Раз в три года заключались договоры о научно-техническом и культурном сотрудничестве, включавшие обширную программу совместных культурных и научных мероприятий. Новым словом в этом плане стал договор от 1986 г., предполагавший более тесные контакты французских регионов с югославскими республиками и учреждениями в обход федерального центра¹⁰⁶².

По отношению к дезинтеграционным событиям в СФРЮ Франция заняла позицию «оказания полной поддержки усилиям по сохранению целостности Югославии»¹⁰⁶³, в чём был заверен Б. Лончар в ходе переговоров с М. Рокаром в феврале 1990 г.¹⁰⁶⁴ и А. Маркович в дни своего официального визита в Париж в мае 1991 г.¹⁰⁶⁵ Сторонником такого подхода являлся и лично президент Пятой республики Ф. Миттеран. На этом этапе Париж считал, что будущее Югославии должны определить сами югославы в ходе «демократического диалога»¹⁰⁶⁶ и без какого-либо вмешательства со стороны.

Первостепенной важностью для Югославии обладали отношения с *Федеративной Республикой Германией (ФРГ)*, носившие в целом дружественный и конструктивный характер. Бонн с уважением относился к той роли в международных отношениях, которую Югославия играла как неприсоединившееся государство. Обе стороны на мировой политической арене выступали с позиций необходимости обеспечения мира и стабильности, продолжения процессов снижения международной напряжённости и разоружения, более эффективного сотрудничества по линии Север – Юг. ФРГ была заинтересована в политической и экономической стабильности, единстве и территориальной целостности Югославии и её независимой внешнеполитической позиции, являвшихся важным условием для поддержания

¹⁰⁵⁸ Приближавање које обећава // Политика. 9. мај 1987. С. 1.; В сравнении: в 1979 г. эта цифра составляла 938 млн долларов.

¹⁰⁵⁹ Ел Ниш гради фабрику телефонских централа // Там же. 6. децембар 1989. С. 1.

¹⁰⁶⁰ Чекајући пола милиона Француза // Там же. 4. јул 1988. С. 3.

¹⁰⁶¹ Там же.

¹⁰⁶² Француски циклотрон за Винчу // Там же. 28. април 1986. С. 1.

¹⁰⁶³ Сепаратичко деловање на Косову је против демократског развоја Југославије // Там же. 2. фебруар 1990. С. 2.

¹⁰⁶⁴ Там же.

¹⁰⁶⁵ Париз подржава наше реформе // Там же. 24. мај 1991. С. 2.

¹⁰⁶⁶ Там же.

общеевропейской безопасности, и «использовала своё влияние в ЕЭС, чтобы побудить других членов Сообщества помогать югославам»¹⁰⁶⁷.

Высокой частотой в 1980-е гг. отличались межгосударственные контакты между Югославией и ФРГ, с регулярной периодичностью проходили переговоры и консультации на уровне министров и глав правительств, реже – глав государств. В феврале 1981 г. официальный визит в ФРГ с целью проведения переговоров с канцлером Гельмутом Шмидтом нанёс председатель СИБ В. Джуранович¹⁰⁶⁸. На встрече обсуждались перспективы дальнейшего двустороннего сотрудничества как на федеральном, так и на региональном уровне. Шмидт выразил одобрение тому, что Югославия и дальше продолжает следовать «путём Тито»; уверенность в том, что она пройдёт через текущие экономические трудности и признание её «ключевой» роли в Движении неприсоединения¹⁰⁶⁹.

Многokrатно на протяжении 1980-х гг. с министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером встречались Р. Диздаревич¹⁰⁷⁰ и Б. Лончар¹⁰⁷¹, уделявшие в совместных переговорах пристальное внимание проблемам экономической кооперации и европейской интеграции. Премьеры Югославии М. Планинц¹⁰⁷² и Б. Микулич¹⁰⁷³ также неоднократно встречались и проводили переговоры со своим западногерманским коллегой Гельмутом Колем.

В начале декабря 1989 г. с официальным визитом ФРГ посетил председатель Президиума СФРЮ Я. Дрновшек¹⁰⁷⁴. Переговоры Дрновшека с президентом ФРГ Рихардом фон Вайцеккером и канцлером Г. Колем были посвящены интеграционным процессам на европейском континенте и отношениям Югославии с ЕЭС; положению дел в Движении неприсоединения, внутренней обстановке в Югославии и двустороннему сотрудничеству. В разговоре с главой СФРЮ Вайцеккер заметил: «Наше желание состоит в том, чтобы Югославия была сильной, централизованной страной»¹⁰⁷⁵. Г. Коль пообещал, что ФРГ

¹⁰⁶⁷Western Europe and Post-Tito Yugoslavia. EUR M-83 10193. 12 July 1983 P. 7. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000501700001-0.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

¹⁰⁶⁸ Политички разgovori Ђурановић – Шмит // Политика. 11. фебруар 1981. С. 1.

¹⁰⁶⁹ Гост Штутгарта и хиљада Југословена // Там же. 14. фебруар 1981. С. 1.

¹⁰⁷⁰ Р. Диздаревич и Х.-Д. Геншер официјално встречались в феврале 1985 г. в Белграде, в январе 1986 г. в Боне и т.д.; Сусрет Диздаревић – Геншер // Политика. 1. фебруар 1985. С. 1.; Сарадња, препреке и обећања // Политика. 21. јануар 1986. С. 1.

¹⁰⁷¹ Б. Лончар с 1973 по 1977 гг. являлся послом СФРЮ в ФРГ. См. подробнее в биографии Б. Лончара: *Jakovina T. Budimir Lončar – od preka do vrha svijeta*. Zaprješić, 2020.

¹⁰⁷² М. Планинц и Г. Коль встречались в дни официјалного визита последнего в Югославию 4-6 июня 1985 г.; Кол сутра у Београду // Политика. 3. јун 1985. С. 2.

¹⁰⁷³ Б. Микулич и Г. Коль официјално встречались в марте 1987 г. в Боне и в апреле 1988 г. на открытии промышленной выставки в Ганновере, где Югославия в числе прочих стран в своём павильоне представила продукцию своих крупнейших производителей; Уважавање и подршка // Политика. 28. март 1987. С. 1.; Бон подржава потребу Југославије за “свежим новцем” // Там же. 21. април 1988. С. 1

¹⁰⁷⁴ Стабилна Југославија је значајна за читаву Европу // Там же. 6. децембар 1989. С. 2.

¹⁰⁷⁵ Там же.

останется «преданным защитником Югославии»¹⁰⁷⁶ в ЕЭС, при этом позитивно оценив ход югославской экономической и политической реформ.

Более иного югославскую сторону интересовала та экономическая помощь, которую Бонн мог оказывать и оказывал Югославии взамен на гарантии стабильности на Балканском полуострове. В январе 1981 г. во Франкфурте между Народным банком Югославии и консорциумом немецких банков во главе с «Дойче банк» было заключено очередное кредитное соглашение на сумму в 500 млн немецких марок¹⁰⁷⁷. Таким образом, с учётом предоставленных тогда же коммерческого кредита и кредита на закупку оборудования общая сумма немецких вложений в стабилизационную программу югославского правительства только на начало 1981 г. составила рекордные 1,4 млрд марок¹⁰⁷⁸: ни одна другая европейская страна не могла сравниться по объёмам кредитования Югославии с ФРГ. В дальнейшем одним из важнейших условий для кредитования югославской экономики со стороны ФРГ, как и поддержки Бонном запросов СФРЮ по реструктуризации долгов перед Парижским клубом и МВФ, становилась её рыночная переориентация и либерализация. В этой связи ФРГ приветствовала югославскую экономическую реформу и начинания А. Марковича.

Среди западноевропейских экономических партнёров Югославии ФРГ неизменно занимала первое место. Ежегодный товарооборот обычно составлял более 11 млрд долларов, из которых примерно 6 млрд приходилось на западногерманский экспорт в Югославию и 5 млрд – на югославский в ФРГ¹⁰⁷⁹. Таким образом, двусторонней торговле был свойственен перманентный югославский дефицит, что вызывало серьёзную озабоченность Белграда и инициацию им попыток, в основном безуспешных, по его частичному преодолению. Стороны также интенсифицировали промышленное, инвестиционное и технологическое сотрудничество, причём Белград в его рамках традиционно выступал реципиентом. Бонн вкладывал средства в туристическую отрасль Югославии и стимулировал своих туристов к посещению югославских курортов: на протяжении многих лет западные немцы занимали первое место по численности среди всех туристов в СФРЮ; в строительство автомагистралей и инфраструктурных объектов. В 1989 г., на год позже, чем в США, на западногерманском рынке появились югославские автомобили марки «Застава», цена которых здесь варьировалась от 12 до 19 тыс. марок¹⁰⁸⁰ в зависимости от модели¹⁰⁸¹.

Важной составляющей югославско-западногерманских отношений являлся вопрос о положении югославских трудовых мигрантов и их семей в ФРГ, защиты интересов которых

¹⁰⁷⁶ Стабилна Југославија је значајна за читаву Европу // Политика. 6. децембар 1989. С. 2.

¹⁰⁷⁷ Стабилизациони кредити СР Немачке Југославији // Там же. 22. јануар 1981. С. 1.

¹⁰⁷⁸ Там же.

¹⁰⁷⁹ Подршка Бона нашим захтевима // Там же. 26. новембар 1987. С. 2.

¹⁰⁸⁰ Дешевле стоили только автомобили марок “Лада” и “Шкода”.

¹⁰⁸¹ “Југо” наступа у Франкфурту // Политика. 15. септембар 1989. С. 1.

пытался добиться Белград¹⁰⁸². Несмотря на то, что в своих речах западногерманские политики всегда подчёркивали уважение к тем югославским рабочим, которые трудились в Германии, в реальности их жизнь в стране не отличалась благополучием и спокойствием. Страна была создана специальная Смешанная комиссия по вопросам югославских граждан в ФРГ, неоднократно фиксирующая нарушения их прав. В основном они заключались в рисках югославов лишиться трудового места без объяснения причин, а также временных ограничениях на пребывание на территории ФРГ, что не позволяло им планировать свою жизнь на долгосрочный период. По этой причине в Югославию, часто не по своей воле, ежегодно были вынуждены возвращаться около 20 тыс. работников и членов их семей, что дестабилизировало рынок труда в стране и повышало уровень безработицы¹⁰⁸³. Всего по состоянию на 1987 г. в ФРГ проживало и трудилось более 590 тыс. югославских мигрантов и членов их семей, из которых лишь около 35% имело разрешение на постоянное пребывание в стране¹⁰⁸⁴. В 1990 г. ФРГ и СФРЮ заключили договор о сотрудничестве в сфере профессиональной реинтеграции югославских граждан, находившихся или находящихся на временной работе в ФРГ и желающих открыть частные предприятия в Югославии, в рамках которого Белград в том же году получил 2,5 млн марок на переподготовку рабочих и создание новых рабочих мест¹⁰⁸⁵.

Кризисным событием стали начавшиеся в конце 1988 г. внутригерманские дискуссии о необходимости одностороннего введения визового режима с Югославией¹⁰⁸⁶, которые, по мнению Белграда, «не соответствовали совокупному развитию и достигнутому уровню двусторонних отношений».¹⁰⁸⁷ При этом позиция канцлера Г. Коля заключалась в том, что эта мера никак не навредит сотрудничеству двух стран, а Белград, если желает не допустить её введения, должен сам ввести ограничения для нелегальной миграции своих граждан в ФРГ¹⁰⁸⁸. Решимость западногерманского руководства в этом направлении вызвала большую озабоченность в СФРЮ и спровоцировала почти панические настроения как федеральных властей, так и общественности¹⁰⁸⁹.

¹⁰⁸² См. подробнее: *Ilić A. Socialno in ekonomsko življenje migrantov iz nekdanje SFRJ v Berlinu pred padcem zidu in po tem. Diplomska naloga. Berlin, 2010.*

¹⁰⁸³ Све више несигурности // Политика. 18. јул 1987. С. 2.

¹⁰⁸⁴ Там же.

¹⁰⁸⁵ Немачки кредити за југословенске повратнике // Там же. 1. јул 1990. С. 12.

¹⁰⁸⁶ Визовый режим между двумя странами был отменён ещё в 1968 г. Дискуссии о повторном введении виз были вызвано наплывом в ФРГ граждан СФРЮ, имевших, в основном, цыганское и косово-албанское происхождение и, по мнению Бонна, злоупотреблявших правом получения статуса политического беженца – в 1988 г. статус политических беженцев в ФРГ запросили порядка 10 тыс. граждан СФРЮ, большая часть из которых не соответствовала требованиям, предъявляемым для его получения. Инициатива исходила от министерства внутренних дел ФРГ и его главы Фридриха Циммермана, в то время как министерство иностранных дел выступало против введения подобной меры, апеллируя к важности стратегического партнёрства ФРГ и СФРЮ.

¹⁰⁸⁷ Порука Лончара Геншеру о визама // Политика. 7. јануар 1989. С. 2.

¹⁰⁸⁸ Кол: Пријатељски разговор о визама за Југословене // Там же. 12. јануар 1989. С. 3.

¹⁰⁸⁹ См. подробнее: *Pavlica B. Izbeglice azilanti iz Jugoslavije u SR Nemačkoj // Strani pravni život. 2005. Br. 3. S. 85-102.*

Одновременно отношения осложнялись очередной активизацией антиюгославского движения в ФРГ, состоявшего преимущественно из представителей хорватской и албанской диаспор: участились случаи нападений на югославские клубы и югославов проправительственной ориентации – подобные террористические акции и прежде составляли одну из серьёзнейших проблем двусторонних отношений¹⁰⁹⁰. Белград регулярно протестовал против того, что «Бонн терпимо относится к националистическим и антикоммунистическим эмигрантским группам»¹⁰⁹¹ и не препятствует их деятельности.

СФРЮ в соответствии с правом немцев на самоопределение приветствовала объединение Германии, считая его логичным актом, углубляющим интеграционные процессы на европейском континенте. Необходимо подчеркнуть, что СФРЮ была единственной страной в Европе, которой удавалось поддерживать хорошие отношения как с ФРГ, так и с ГДР. Югославская дипломатия полагала, что Германия, «долгое время являвшаяся объектом холодной войны, получила шанс стать субъектом преодоления её последствий»¹⁰⁹². Белград также ожидал, что объединение принесёт ему выгоды в экономическом плане, открыв югославским фирмам доступ к участию в строительстве, реконструкции и модернизации промышленных и инфраструктурных объектов на территории Восточной Германии¹⁰⁹³. Вместе с тем, объединение Германии стало причиной новых осложнений в двусторонних отношениях, вызванных тем, что союзный секретариат по иностранным делам поднял на повестку вопрос о немецких репарациях в пользу Югославии, ставший предметом раздражённой, почти «гневной», по оценкам югославов, реакции ФРГ¹⁰⁹⁴.

ФРГ заняла двойственную позицию по вопросу дезинтеграционных процессов в Югославии. С одной стороны, в первой половине 1991 г. Германия **декларативно** поддерживала единство и территориальную целостность СФРЮ, что находит подтверждение в заявлениях ряда немецких политиков. В частности, посол ФРГ в Югославии Хансьерг Айф в интервью газете «Воскресная Далмация», данном в первой половине марта, на прямой вопрос относительно официальной позиции Германии по поводу настоящего и будущего Югославии ответил: «Во всех сферах Югославия является одним из самых важных наших партнёров среди стран-нечленов Европейского сообщества. Моя страна выступает за сохранение Югославии и развитие новых форм совместной жизни её народов и республик на основе демократии,

¹⁰⁹⁰ См. подробнее: *Ivanović V.* Ekstremna emigracija u SR Nemačkoj i Jugoslavija // *Istorija 20. veka.* 2009. Br. 1. S. 139-147.

¹⁰⁹¹ Western Europe and Post-Tito Yugoslavia. EUR M-83 10193.12 July 1983. P. 8. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000501700001-0.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

¹⁰⁹² Разговори о процесу немачког уједињења // *Политика.* 17. јануар 1990. С. 2.

¹⁰⁹³ Шансе веће од ризика // Там же. 27. септембар 1990. С. 2.

¹⁰⁹⁴ Оштри напади на Југославију // Там же. 27. фебруар 1990. С. 2.

принципов правового государства и миролюбивого ненасильственного диалога, в котором уважаются права народов, человека и меньшинств»¹⁰⁹⁵.

С другой стороны, по мнению ряда исследователей балканского кризиса, реальные действия Бонна свидетельствовали об ином. Американский политолог Сьюзен Л. Вудворд указывает на то, что с «самого начала югославского кризиса Германия тайно поддерживала и поощряла словенские и хорватские сепаратистские устремления»¹⁰⁹⁶. Весна Станкович-Пейнович считает, что объективная западногерманская стратегия заключалась в том, чтобы путём продвижения экономических и политических реформ вызвать конфликты в Югославии, которые бы впоследствии стали предлогом для открытой интервенции¹⁰⁹⁷. По её мнению, в отношении государств Восточной Европы Германия преднамеренно «использовала лозунг «самоопределения» ради восстановления статуса сверхдержавы»¹⁰⁹⁸. Похожих точек зрения придерживаются и отечественные специалисты Е. Ю. Гуськова¹⁰⁹⁹, Е. Н. Гросс¹¹⁰⁰, Е. Г. Пономарёва¹¹⁰¹, Е. Г. Энтина¹¹⁰² и др.

18 июня 1991 г. депутаты Бундестага приняли два документа, непосредственно касавшихся Югославии, – «О кризисе в Югославии»¹¹⁰³ и «О ситуации в Косове»¹¹⁰⁴. Основной посыл первого документа заключался в том, что только демократическая и плюрастическая Югославия как правовое государство, в котором гарантируются права человека и национальных меньшинств, в соответствии со стратегическими интересами Европейского сообщества может рассчитывать на поддержку во включении в европейские интеграционные процессы. В нём Бундестаг подтверждал стремление к мирному ненасильственному решению югославского кризиса и утверждал право югославских народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой. В документе констатировалось, что прежняя форма государственного устройства СФРЮ не удовлетворяет её народы и поэтому неминуемо заключение нового договора, в котором единство Югославии может базироваться исключительно на свободной воле проживающих в

¹⁰⁹⁵ Немачка се залаже за очување југославије // Политика. 14. март 1991. С. 14.

¹⁰⁹⁶ Woodward S. Balkanska tragedija: kaos i raspad posle hladnog rata. Beograd, 1997. S. 159.

¹⁰⁹⁷ Станковић-Пејновић В. Утицај САД и Немачке на распад Југославије // Српска политичка мисао. 2009. Бр. 3. С. 111-137.

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 124.

¹⁰⁹⁹ Например, Гуськова Е. Г. Югославия. Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования. СПб., 2020.; Она же. История югославского кризиса. М., 2001.

¹¹⁰⁰ Например, Гросс Е. Н. ФРГ и Балканский кризис на рубеже XX и XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007.

¹¹⁰¹ Например, Пономарёва Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007.; Она же. Распад югославской модели федерализма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1995.

¹¹⁰² Например, Энтина Е. Г. Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): дис. ... д-ра. полит. наук. М., 2020.

¹¹⁰³ Drucksache 12-795 – Antrag: Zur Krise in Jugoslawien, 18.06.1991 // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200795.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

¹¹⁰⁴ Drucksache 12-797 – Antrag: Zur Lage im Kosovo, 18.06.1991 // Ibid. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200797.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

ней народов. Второй документ настаивал на необходимости «беспристрастного расследования нарушений прав»¹¹⁰⁵ как албанцев, так и сербов в Косово и начале сербско-албанского диалога при посредничестве европейских институтов по согласованию с правительством СФРЮ и правительством Республики Сербии. На практике сразу же после объявления Словенией и Хорватией независимости Германия стала наиболее активным лоббистом их признания в качестве суверенных субъектов международных отношений¹¹⁰⁶.

Доброжелательный характер носили *югославно-шведские* отношения. Давая им общую оценку, премьер-министр Швеции Турбьёрн Фельдин в 1980 г. заметил, что он «не видит ни одной области, в которой бы имелись особые трудности между... двумя странами»¹¹⁰⁷. Тем не менее, двусторонние отношения периодически всё же наталкивались на определённые проблемы и открытые вопросы, главными из которых были антиюгославская деятельность хорватских и албанских эмигрантов в Швеции и перманентный югославский торговый дефицит, что, однако, не препятствовало их всестороннему развитию. Являясь нейтральной европейской страной, Швеция симпатизировала Движению неприсоединения и высоко ценила роль Югославии как одного из лидеров организации.

В сентябре 1980 г. Швецию с официальным визитом посетил председатель СИБ В. Джуранович¹¹⁰⁸. Важное место в деловой программе югославского премьер-министра заняла встреча со шведским министром по делам миграции Карин Андресон, в которой впервые приняли участие представители югославских обществ и клубов¹¹⁰⁹ – в Швеции трудилось порядка 40 тыс. югославских граждан¹¹¹⁰, значительная часть которых тяжело проходила через адаптацию к местному менталитету¹¹¹¹. Джуранович также встретился с лидерами Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) илевой партии – коммунистов Швеции (ЛПК) – Улофом Пальме и Ларсом Вернером соответственно¹¹¹², с которыми СФРЮ поддерживала традиционно дружественные отношения.

Стоит заметить, что визит У. Пальме в качестве премьер-министра Швеции в Белград в 1975 г. был последним официальным визитом главы шведского правительства в СФРЮ – в 1980-е гг. подобных визитов не осуществлялось. Своеобразным потрясением для югославской общественности стало убийство шведского премьер-министра и лидера СДРПШ в феврале 1986

¹¹⁰⁵ Drucksache 12-797 - Antrag: Zur Lage im Kosovo, 18.06.1991. P. 2. // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200797.pdf> (Дата обращения: 28.08.2022).

¹¹⁰⁶ Mesić S. The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. Budapest, 2004. P. 31.

¹¹⁰⁷ Односи са Југославијом одлични // Политика. 2. септембар 1980. С. 2.

¹¹⁰⁸ Ђурановић данас у Шведској // Там же. 4. септембар 1980. С. 1.

¹¹⁰⁹ Разговори о положају наших радника // Там же. 6. септембар 1980. С. 1.

¹¹¹⁰ Повратак с пензијом // Там же. 25. октобар 1980. С. 1.

¹¹¹¹ Там же.

¹¹¹² Разговори о положају наших радника // Там же. 6. септембар 1980. С. 1.

г., в котором отдельные мировые средства массовой информации видели след усташских организаций в Швеции¹¹¹³.

По отношению к югославскому кризису официальный Стокгольм занял конструктивную позицию, заключающуюся в поддержке единства и территориальной целостности СФРЮ и оказанию её экономике инвестиционной помощи¹¹¹⁴.

Отношения Югославии с *Австралией* на протяжении большей части 1980-х гг. оставались слаборазвитыми и существенно осложнялись антиюгославской деятельностью хорватской эмиграции¹¹¹⁵ в этой стране. Непродолжительный импульс им придали визиты союзного секретаря иностранных дел Л. Мойсова в Австралию в феврале 1984 г.¹¹¹⁶ и австралийского премьер-министра Роберта Хоука в СФРЮ 24-26 октября 1987 г.¹¹¹⁷. В феврале 1988 г. Австралию посетила югославская парламентская делегация во главе с председателем Народной скупщины Марьяном Рожичем, целью которой было обсуждение перспектив культурно-просветительского, научно-технического и информационного сотрудничества¹¹¹⁸. Однако в том же 1988 г. в отношениях между двумя странами разразился дипломатический кризис.

4 июля на территорию югославского культурного центра в Аделаиде было брошено четыре «коктейля Молотова», что привело к серьёзному пожару¹¹¹⁹. Председатель Центра Момир Дацич тогда отметил, что «это нападение не на Югославию, а на Австралию, а точнее, на австралийцев югославского происхождения, чей «грех» состоит лишь в том, что они сохраняют традиции своих югославских предков и таким образом вносят вклад в построение австралийского мультикультурного общества»¹¹²⁰. Годом ранее аналогичному нападению подвергся югославский культурный центр в Канберре, причём австралийская полиция не смогла найти его организаторов и исполнителей¹¹²¹. Упомянутые акции не были чем-то единичным и экстраординарным – в период с 1971 по 1988 г. экстремисты организовали 15 нападений на югославские представительства в Австралии¹¹²².

¹¹¹³ Штампa оптужује усташе // Политика. 8. март 1986. С. 2.; Речь, в первую очередь, шла о сопричастности к преступлению хорватского националиста Миро Барешича, одного из организаторов убийства югославского посла в Швеции Владимира Роловича в 1971 г.

¹¹¹⁴ Југословени добри партнери // Там же. 7. јануар 1989. С. 4.

¹¹¹⁵ Всего в Австралии к 1988 г. проживало порядка 400 тыс. граждан югославского происхождения. Странники ультраправых взглядов, последователи хорватских усташей и сербских четников, объединялись в антиюгославские организации, наиболее многочисленными и влиятельными из которых были «Хорватское революционное братство», «Хорватская революционная организация», «Хорватская молодёжь», «Сербское молодёжное движение за родину» и иные.

¹¹¹⁶ Лазар Мојсов код премијера Хока // Политика. 18. фебруар 1984. С. 4.

¹¹¹⁷ Заједно за праведнији свет // Там же. 24. октобар 1987. С. 2.

¹¹¹⁸ Марјан Рожић у Сиднеју // Там же. 15. фебруар 1988. С. 2.

¹¹¹⁹ Запаљен део Југословенског центра у Аделаиду // Там же. 5. јул 1988. С. 3.

¹¹²⁰ Там же.

¹¹²¹ Там же.

¹¹²² Терористи са маском // Там же. 3. децембар 1988. С. 2.

27 ноября 1988 г., за два дня до Дня Республики Югославии, хорватская диаспора провела антиюгославскую демонстрацию перед консульством СФРЮ в Сиднее, в ходе которой несколько молодых людей попытались сорвать государственный флаг Югославии и проникнуть в здание¹¹²³. В ответ на эти действия сотрудник службы безопасности консульства Зоран Матьяш произвёл выстрел, ранив одного из провокаторов – Йозефа Токича. Австралийские власти поставили ультиматум югославскому правительству и потребовали экстрадиции Матьяша к 1 декабря, на что получили отрицательный ответ Белграда.

2 декабря министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс издал приказ о закрытии югославского консульства в Сиднее, в результате чего все югославские дипломаты и их семьи были вынуждены покинуть территорию Австралии¹¹²⁴. Правительство СФРЮ выразило острый протест в связи с произошедшими событиями, потребовав от Канберры «положить конец террористической деятельности, которая направлена против Югославии и хороших отношений двух стран»¹¹²⁵, обвинив её в недостаточном обеспечении защиты дипломатических представительств¹¹²⁶ и принятии «необоснованных»¹¹²⁷ решений. Ответной мерой Белграда стала высылка троих австралийских дипломатов из СФРЮ¹¹²⁸. Министр иностранных дел СФРЮ Б. Лончар отреагировал на события следующим образом: «Инцидент вреден для как для югославо-австралийских отношений, так и для репутации австралийского правительства в плане его отношения к международным нормативным документам, особенно когда речь идёт о международном терроризме»¹¹²⁹. В эти дни страницы югославской прессы также были полны критических замечаний в адрес австралийских властей: «Независимо от того, как дальше будет развиваться ситуация, весьма очевидны высокомерие и крайне неискреннее отношение австралийской стороны к этому инциденту, что подтверждает то, что хорошие отношения между нашими странами было результатом движения с одной страны – с нашей»¹¹³⁰.

Решение о возобновлении работы консульства СФРЮ в Сиднее было принято австралийскими властями спустя почти два года после инцидента – в июле 1990 г.¹¹³¹ Несмотря на то, что экономическое сотрудничество между странами на этот период не прерывалось¹¹³², политические контакты были фактически приостановлены.

¹¹²³ Аустралија одговорна за терористе // Политика. 3. децембар 1988. С. 2.

¹¹²⁴ Australia shuts Yugoslav mission in dispute // The New York Times. December 4, 1988. P. 33.

¹¹²⁵ Аустралија одговорна за терористе // Политика. 3. децембар 1988. С. 2.

¹¹²⁶ Сви службеници конзулата напустили Сиднеј // Там же. 5. децембар 1988. С. 1.

¹¹²⁷ Аустралија одговорна за терористе // Там же. 3. децембар 1988. С. 2.

¹¹²⁸ Непожелна три аустралијска дипломата у Београду // Там же. 6. децембар 1988. С. 1.

¹¹²⁹ Сви службеници конзулата напустили Сиднеј // Там же. 5. децембар 1988. С. 1.

¹¹³⁰ Лончар: Професионално и патриотски обављен посао // Там же. 6. децембар 1988. С. 2.

¹¹³¹ Конзулат СФРЈ у Сиднеју // Там же. 3. јул 1990. С. 2.

¹¹³² Ежегодный товарообмен между двумя странами составлял примерно 90 млн долларов и характеризовался перманентным югославским дефицитом. См.: Лазар Мојсов код примијера Хока // Там же. 18. фебруар 1984. С. 4.

К проблематике дезинтеграционных событий в СРФЮ, по мнению хорватского исследователя Альберта Бинга¹¹³³, подробно проанализировавшего материалы местной прессы за 1990-1991 гг., в Австралии отнеслись весьма «поверхностно»¹¹³⁴, что обосновывалось в том числе и географической удалённостью двух стран. Вина за эскалацию обстановки при этом вменялась как хорватским и словенским, так и сербским националистам и политическим экстремистам, однако по мере обострения ситуации симпатии австралийской общественности смещались в сторону северо-западных республик. В большей степени ход происходивших в Югославии событий интересовал югославских эмигрантов, которые в зависимости от своего этнического происхождения поддерживали ту или иную сторону в разразившемся конфликте. Большое количество австралийских югославов, преимущественно хорватов, на волне патриотического подъёма приняли решение о репатриации.

Благожелательными являлись отношения Югославии с *Канадой*, периодически, впрочем, осложнявшиеся антиюгославской деятельностью отдельных представителей югославской эмиграции, общая численность которой составляла порядка 120 тыс. человек¹¹³⁵.

В июне 1982 г. Югославию посетил канадский премьер-министр Пьер Эллиот Трюдо¹¹³⁶, а в ноябре 1984 г. – министр внешней торговли Джеймс Келлехер¹¹³⁷, посвятившие свои переговоры с М. Планинц в основном экономическим аспектам сотрудничества. Одним из наиболее значительных событий в двусторонних отношениях в 1980-е гг. явился визит Б. Микулича в Канаду в феврале 1988 г.¹¹³⁸, отметившийся обстоятельными и плодотворными переговорами между югославским премьером и его канадским коллегой Брайаном Малруни. Стоит заметить, что визит Микулича стал первым в истории официальным визитом премьер-министра СРФЮ в Канаду¹¹³⁹. По словам Малруни, это событие играло для него особую роль и «по личным причинам» – его супруга Мила имела югославское происхождение и эмигрировала вместе с семьёй в Канаду из боснийского Мостара в малолетнем возрасте. Он также заметил, что «полагает, что их четверо детей вносят свой скромный вклад в

¹¹³³ Bing A. "Croatia down under": australski tisak o izbijanju rata u Hrvatskoj i raspadu Jugoslavije 1990.-1991. // Časopis za suvremenu povijest. 2003. Vol. 35. No. 3. S. 769-802.

¹¹³⁴ Ibid. S. 770.

¹¹³⁵ Премијери позивају привреднике // Политика. 12. фебруар 1988. С. 1.

¹¹³⁶ Званични разговори Милке Планинц, председника СИБ-а, са канадским премијером Пјером Елиот Трудоом, Палата Федерације, Београд, 11. јун 1982. // Архив Југославије, 377, ЗФ / СР. http://www.arhivyu.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/izlozbe/izlozbe_arhiva/iyl_yu_can.html

¹¹³⁷ Zabeleška o razgovoru predsednika Saveznog izvršnog veća Milke Planinc sa ministrom spoljne trgovine Kanade James Kelleher-om na dan 15. novembra 1984. g.u 12.15 čas // Arhiv Jugoslavije. 803-823-505. Br. 320/84. S. 1. http://www.arhivyu.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/izlozbe/izlozbe_arhiva/iyl_yu_can.html

¹¹³⁸ Микулић у Квебеку // Политика. 13. фебруар 1988. С. 1.

¹¹³⁹ Там же.

распространение югославской культуры в Канаде»¹¹⁴⁰ и отдал дань уважения югославской общине, которая «обогастила и укрепила культурный характер»¹¹⁴¹ Канады.

И Микулич, и Малруни акцентировали внимание «на схожести двух стран в плане федеральной организации власти, мультикультурализма и равноправии народов и языков, а также точек зрения на многие международные вопросы»¹¹⁴². В ходе встречи было предложено основать смешанный югославо-канадский экономический комитет, а югославская сторона выразила готовность принять участие в строительстве гидротехнического комплекса в рамках проекта «Залив Джеймс» в Квебеке¹¹⁴³.

Экономические связи включали в себя торговое, финансовое, промышленное, технологическое и инвестиционное сотрудничество. Югославия осуществляла в Канаду поставки сельскохозяйственной и пищевой продукции, закупая при этом промышленное оборудование, технологии и авиационный транспорт (например, самолёты-амфибии типа СL-215, предназначенные для тушения лесных пожаров). Двусторонний товарооборот характеризовался постоянным югославским дефицитом¹¹⁴⁴, что признавалось существенной проблемой, препятствовавшей углублению кооперации.

В дезинтеграционных событиях в СФРЮ Канада поддержала Словению и Хорватию и, по словам канадского историка Николаса Гаммера, «отказалась от строгого соблюдения неприкосновенности государственного суверенитета, приняв более интервенционистский подход к разрешению конфликтов»¹¹⁴⁵, что связывается им с внешнеполитическими амбициями Оттавы и лично премьера Малруни.

Отношениям между Югославией и Японией, необремененным серьёзными политическими разногласиями, были свойственны общая дружественность и стабильность. Токио не раз подчёркивал, что высоко ценит политику неприсоединения и тот вклад, который Белград вносит в сохранение мира и стабильности. Белград, в свою очередь, с большим уважением относился к экономическим и научно-техническим успехам Японии. Вместе с тем, интенсификации двусторонних отношений, по мнению сербского япониста Драгана Миленковича¹¹⁴⁶, могли препятствовать неграмотная кадровая политика СФРЮ¹¹⁴⁷ и объективная разница менталитетов.

¹¹⁴⁰ Микулич у Квебеку // Политика. 13. фебруар 1988. С. 1.

¹¹⁴¹ Там же.

¹¹⁴² Там же. С. 2.

¹¹⁴³ Там же.

¹¹⁴⁴ Zabeleška o razgovoru predsednika Saveznog izvršnog veća Milke Planinc sa ministrom spoljne trgovine Kanade James Kelleher-om na dan 15. novembra 1984. g.u 12.15 čas // Arhiv Jugoslavije. 803-823-505. Br. 320/84. S. 1. http://www.arhivju.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/izlozbe/izlozbe_arhiva/iyl_yu_can.html

¹¹⁴⁵ Gamber N. From Peacekeeping to Peacemaking: Canada's Response to the Yugoslav Crisis. McGill-Queen's Press - MQUP, 2001. P. 3-14.

¹¹⁴⁶ Milenković D. 136 godina odnosa Srbije i Japana // <http://www.japanorama.rs/2018/01/13/136-godina-odnosa-srbije-japana/> (Дата обращения: 7.08.2022 г.)

¹¹⁴⁷ Например, как пишет Д. Миленкович, никто из югославских послов в Японии не владел японским языком.

В мае 1981 г. Японию с официальным визитом посетил И. Врховец¹¹⁴⁸. Его переговоры с министром иностранных дел Сунао Сонодой, министром финансов Митио Ватанабэ и премьером Дзэнко Судзуки были посвящены, в основном, вопросам расширения экономического сотрудничества между двумя странами, прежде всего – финансового¹¹⁴⁹. В январе 1987 г. Белград посетил японский премьер-министр Ясухиро Накасонэ, что стало первым событием подобного порядка в истории двусторонних отношений¹¹⁵⁰. Примечательно, что в разговорах с С. Хасани и Б. Микуличем японский премьер выразил желание, чтобы «Югославия стала «мостом» для сотрудничества Японии с развивающимися странами, особенно – неприсоединившимися»¹¹⁵¹.

В октябре 1989 г. в Токио находился Б. Лончар, принятый премьером Тосики Кайфу¹¹⁵² и императором Акихито¹¹⁵³. Японская сторона выразила широкий интерес в отношении югославской экономической реформы, а также готовность оказать поддержку обращениям СФРЮ в адрес мировых финансовых институтов и организаций. В очередной раз были подняты темы о перспективах открытия прямой авиалинии между Белградом и Токио, препятствием к чему выступала ограниченная пропускная способность токийского аэропорта, и о увеличении туристического потока из Японии в СФРЮ¹¹⁵⁴.

В мае 1990 г. Югославию посетил министр иностранных дел Японии Таро Накаяма¹¹⁵⁵, чьи переговоры с Б. Лончаром отметились особой конкретикой. Речь шла об отмене двойного налогообложения, инвестициях японских фирм¹¹⁵⁶ в югославскую экономику, поддержке Японией Югославии в ряде финансовых институтов, оказании Японией технической помощи Югославии, в т.ч. кадровой; увеличении количества стипендий для обучения югославских специалистов в Японии и пр.¹¹⁵⁷ Накаяма также высоко оценил усилия югославского правительства, предпринятые в рамках «современных экономических процессов в мире»¹¹⁵⁸.

Первостепенное значение в экономических отношениях играло торговое сотрудничество, для которого был свойственен перманентный югославский дефицит в товарообороте, объясняемый японцами низким уровнем качества и дизайна продукции из СФРЮ¹¹⁵⁹. Югославия экспортировала в Японию в основном сырье, полуфабрикаты и вино, в то время как

¹¹⁴⁸ Разговори о унапређењу економских односа // Политика. 24. мај 1981. С. 1.

¹¹⁴⁹ Там же.

¹¹⁵⁰ Успешни разговори у Београду // Там же. 16. јануар 1987. С. 1.

¹¹⁵¹ Там же.

¹¹⁵² Исцрпни разговори Лончара у Токију // Там же. 25. октобар 1989. С. 2.

¹¹⁵³ Цар Акихито примио Лончара // Там же. 26. октобар 1989. С. 2.

¹¹⁵⁴ Несмотря на постоянные обсуждения этой темы на двусторонних переговорах количество японских туристов в Югославии оставалось постоянным и составляло около десяти тысяч в течение года.

¹¹⁵⁵ Јапан спреман да инвестира у Југославију // Политика. 5. мај 1990. С. 1.

¹¹⁵⁶ Таких, например, как “Мицубиси”, “Сони”, “Тошиба”, “Канемацу” и “Тайота”. Между тем, главы указанных корпораций оказались не готовы делать существенные капиталовложения в югославскую экономику.

¹¹⁵⁷ Јапан спреман да инвестира у Југославију // Политика. 5. мај 1990. С. 1.

¹¹⁵⁸ Там же.

¹¹⁵⁹ Понуђена 72 програма // Там же. 19. мај 1987. С. 1.

многие товары народного потребления югославского производства просто не находили применения среди японских граждан. Объёмы торгового обмена оставались весьма скромными – так, в 1986 г. он составил всего 168 млн долларов¹¹⁶⁰, что не устраивало ни одну из сторон.

С целью разрешения текущих трудностей кооперации в мае 1987 г. в СФРЮ прибыла японская государственная экономическая делегация¹¹⁶¹, посетившая все югославские республики и ознакомившаяся на месте с порядком функционирования ряда предприятий. Задачи японской миссии состояли в рассмотрении возможности для «увеличения югославского экспорта в Японию, активации югославской промышленности посредством японского капитала и знаний... помощи во вступлении на третьи рынки»¹¹⁶², при этом особенный интерес японцев вызывала югославская туристическая отрасль, а также свободные таможенные зоны на Адриатике и Дунае. На заседании Комитета по экономическому сотрудничеству Югославии и Японии 24 мая 1987 г. были констатированы успешные результаты работы делегации¹¹⁶³. В 1989 г. двусторонний товарооборот составил уже 275 млн долларов¹¹⁶⁴, однако какого-либо стабильного прогресса в разрешении проблемы югославского дефицита не наблюдалось – покрытие импорта экспортом в том же году составляло всего 17%¹¹⁶⁵.

Весьма тесно стороны взаимодействовали в области культуры, науки и образования. В 1989 г. было создано общество югославо-японской дружбы¹¹⁶⁶, первым президентом которого был избран бывший посол СФРЮ в Японии Илья Топаловски. В течение рассматриваемого десятилетия Япония также на безвозмездной основе предоставляла Югославии денежные средства на закупку оборудования для Университетов Белграда и Нови-Сада. Тесно между собой кооперировали Белградский и Токийский университеты.

Официальный Токио являлся сторонником единства и территориальной целостности СФРЮ, в чём, в частности, лично премьером Тосики Кайфу был заверен председатель Президиума СФРЮ Борисав Йович, посетивший Японию в ноябре 1990 г. по случаю коронации императора Акихито¹¹⁶⁷. Независимые японские СМИ стремились к непредвзятому и взвешенному описанию конфликтов в Югославии и отказу от демонизации одной из его сторон.

Из всего вышесказанного следует, что в 1980-е гг. Югославия продолжала свою традиционную линию на выстраивание дружественных и партнерских отношений с западными

¹¹⁶⁰ Понуђена 72 програма // Политика. 19. мај 1987. С. 1.

¹¹⁶¹ Там же.; В предыдущий раз такая делегация посещала Югославию в 1972 г.

¹¹⁶² Там же.

¹¹⁶³ Там же.

¹¹⁶⁴ У центру пажње економска сарадња // Там же. 28. април 1990. С. 2.

¹¹⁶⁵ Тржиште, па инвестиције // Там же. 6. септембар 1990. С. 4.

¹¹⁶⁶ У центру пажње економска сарадња // Там же. 28. април 1990. С. 2.

¹¹⁶⁷ Јовић разговарао са премијером Каифуом // Там же. 12. новембар 1990. С. 1.

государствами. В большинстве случаев они не наталкивались на какие-либо непреодолимые и принципиальные трудности. К числу факторов несколько осложнявших их можно отнести антиюгославскую деятельность югославской эмиграции, проблему югославской трудовой миграции и негласную поддержку рядом таких стран сепаратистских устремлений Словении и Хорватии. Всё более углублявшаяся экономическая зависимость Югославии от своих западных партнёров делала эти отношения неравноправными.

4.3. Югославия и процессы европейской интеграции: ЕЭС и ЕАСТ

Вектор, направленный на развитие и углубление отношений с европейскими интеграционными объединениями, и в первую очередь с ЕЭС, в 1980-е гг. становится одним из центральных во внешней политике СФРЮ. Это было связано, главным образом, со множественными экономическими проблемами в стране, а также постоянными изысканиями югославским руководством источников новых кредитных займов. Именно ЕЭС, заинтересованное в поддержании политической стабильности в регионе, являлось одним из самых крупных кредиторов СФРЮ. Вместе с тем, по мере ослабления югославского режима, расширения дезинтеграционных явлений в стране, а также распада социалистического лагеря интерес Европейского сообщества к единой Югославии падал, причём оно начинало предъявлять к Белграду всё более высокие требования, связанные с необходимостью широкомасштабного реформирования и демократизации общества.

Со стороны СФРЮ интерес к ЕЭС, напротив, год от года лишь возрастал вплоть до стремления получить статус ассоциированного члена, что обосновывалось желанием решить свои внутренние трудности за счёт экономически и политически сильного и стабильного партнёра, а также не остаться на периферии интеграционных процессов в Европе, особенно – с учётом начавшегося в конце 1980-х гг. сближения ЕЭС со странами СЭВ¹¹⁶⁸. Отношения по линии СФРЮ – ЕЭС в целом нельзя назвать беспроблемными и равноправными.

Уже к концу 1979 г. долг Югославии перед ЕЭС переступил психологически комфортную отметку. Дефицит платёжного баланса заставлял страну брать всё новые кредиты у Сообщества. К этому же побуждали неорганизованные и необдуманые траты уже взятых в кредит денежных средств. В целях преодоления внушительного дисбаланса в двусторонней торговле 2 апреля 1980 г. между сторонами был заключено очередное, третье по счёту торговое

¹¹⁶⁸ См. подробнее: *Kovač O., Popović T. Yugoslavia and the European Union: the past and the future. Belgrade, 1996.*

соглашение¹¹⁶⁹, явившееся преференциальным и предусматривавшее постепенную отмену ввозных пошлин на некоторую югославскую продукцию¹¹⁷⁰.

Несмотря на то, что к 1981 г. югославский дефицит в товарообороте был снижен на 20%¹¹⁷¹, экспорт в страны ЕЭС продолжил падать и в 1982 г. составил всего 17% от совокупного экспорта СФРЮ¹¹⁷². Негативным образом в этом плане сказался приём в ЕЭС Греции в 1981 г., которая, заменив Югославию, стала главным поставщиком сельскохозяйственной продукции в страны Сообщества. Присоединение к ЕЭС Испании и Португалии в 1986 г. и вовсе лишило его потребности импортировать аграрные продукты из СФРЮ. В дальнейшем погашение югославских кредитов перед ЕЭС шло именно за счёт уменьшения югославского, зачастую низкокачественного, экспорта в страны сообщества, что негативным образом сказывалась на развитии промышленности в стране, т.к. лишало её стимула повышать качество выпускаемой продукции.

Вступление в апреле 1983 г. в силу заключённого в 1980 г. между СФРЮ и ЕЭС Соглашения привело их экономические отношения к некоторому оживлению. В 1984-1985 гг. наблюдалась положительная динамика в двусторонних экономических контактах, связанная с увеличением объёмов югославского экспорта в ЕЭС и несущественным уменьшением торгового дисбаланса, который все же оставался высоким. В 1984 г. югославский экспорт в ЕЭС составил 24%, а импорт из ЕЭС – около 30% от совокупного¹¹⁷³. Высокий торговый дефицит Югославия покрывала положительным сальдо на рынке услуг, денежных переводов и кредитов. Одновременно протекционистская политика ЕЭС, включавшая частое применение антидампинговых мер против югославских предприятий, мешала качественному рывку в отношениях Сообщества и СФРЮ.

Большую роль в экономических отношениях со странами Сообщества для Югославии играл туризм. В 1983-1985 гг. численность туристов из западноевропейских стран составляла 65% от общего их числа¹¹⁷⁴, несмотря на тот факт, что качество предоставляемых югославскими курортами услуг стремительно падало. Основными их потребителями являлись малосостоятельные граждане ФРГ, Австрии, Италии и Великобритании, ценившие в местных курортах дешевизну. Разумеется, на югославском побережье туристы за один день пребывания тратили гораздо меньше средств, чем в Греции, Италии или Испании.

После туризма наибольший приток иностранной валюты из ЕЭС приходился на транспортные перевозки в связи с тем, что некоторые члены Сообщества, например, Греция и

¹¹⁶⁹ Соглашение базировалось на Белградской декларации 1976 г.

¹¹⁷⁰ *Энтина Е. Г.* Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): дис... д-ра. полит. наук. М., 2020. С. 108.

¹¹⁷¹ Први резултати споразума Југославија – Европска заједница // Политика. 16. јануар 1981. С. 4.

¹¹⁷² *Adamović L. S.* Jugoslavija i EEZ. Beograd, 1988. S. 53.

¹¹⁷³ Делегација Скупштине СФРЈ отпутовала у Стразбур // Политика. 16. јануар 1984. С. 2.

¹¹⁷⁴ *Adamović L. S.* Op. cit. S. 55.

Италия, были вынуждены пользоваться югославскими железными дорогами. Использование европейскими странами железнодорожного, воздушного, морского и речного югославского транспорта могло бы приносить в разы больше доходов СФРЮ, если бы она занималась его модернизацией и регулярным ремонтом. Низкая эффективность и продуктивность, а также плохое обслуживание заставляли европейские государства постепенно отказываться от эксплуатации югославских транспортных сетей с торговыми целями.

Перспективным компонентом отношений между Югославией и ЕЭС являлось научно-техническое и научно-исследовательское сотрудничество, на интенсификации которого всегда особо настаивал Белград и масштабы которого его всегда не удовлетворяли. Югославия лишь ограниченно участвовала в запущенной в 1985 г. программе европейских стран в области научных исследований и опытно-конструкторских разработок «EUREKA»¹¹⁷⁵ и выражала справедливое раздражение этим фактом: «Красивые речи об открытости его [ЕЭС – *Примечание автора*] программ для наших фирм остались... на бумаге»¹¹⁷⁶. В рамках программы югославские инициативы зачастую и вовсе блокировались, а включение страны в новые проекты затягивалось. К исходу 1990-х гг. Югославия при поддержке ФРГ участвовала лишь в трёх проектах «EUREKA» – по защите окружающей среды посредством контроля над тропосферой, по защите прибрежных вод европейских морей и по корреляции югославской системы переноса данных (ЈУПАК¹¹⁷⁷) с аналогичной европейской. В качестве причин такого положения дел югославская сторона называла не только экономические, но и политические предрассудки.

Стороны неоднократно подчёркивали важность и необходимость тесного контакта и систематических консультаций для развития сотрудничества и решения возникающих трудностей и проблем. С этой целью ежегодно проводились заседания Совета по сотрудничеству между ЕЭС и СФРЮ; нередкими гостями в Белграде были комиссары Комиссии Европейских Сообществ. На регулярной основе проходили предполагавшие обмен мнениями по широкому кругу вопросов встречи делегаций Скупщины СФРЮ и Европейского парламента, которым югославская сторона придавала исключительно высокое значение.

Одна из важнейших таких встреч состоялась в январе 1984 г. в Страсбурге¹¹⁷⁸ и касалась в большей степени даже политической, нежели экономической повестки. Официальные представители ЕЭС положительно оценили внешнюю политику СФРЮ, обратив внимание на то, что позиция неприсоединения «стала составной частью югославского естества и в полной мере подтвердила оправданность ориентации Югославии на проведение активной,

¹¹⁷⁵ European Research Coordination Agency.

¹¹⁷⁶ Отвореност само на папиру // Политика. 11. јануар 1988. С. 2.

¹¹⁷⁷ Југословенска пакетска комуникација.

¹¹⁷⁸ Нови импулси сарадњи СФРЈ – ЕЗ // Политика. 13. јануар 1984. С. 2.

самостоятельной и миролюбивой политики на международной арене»¹¹⁷⁹, а сама Югославия «внесла огромный вклад в дело мира»¹¹⁸⁰. Председатель Комиссии Европейских Сообществ по сотрудничеству с Югославией Енцо Бетица особо подчеркнул, что «западные страны и Югославия делят единую судьбу, что должно их стимулировать к углублению взаимопонимания»¹¹⁸¹. Для югославских лидеров подобные заявления обладали принципиальной важностью, поскольку демонстрировали готовность ЕЭС выстраивать сотрудничество с СФРЮ на равноправной основе и оказывать ей поддержку во включении в систему международного разделения труда (МРТ). Не меньшим значением обладал визит делегации Скупщины СФРЮ в Страсбург в марте 1989 г., в рамках которого югославские и европейские парламентарии обменялись своим видением ситуации в Косово и Словении¹¹⁸².

В 1984 г. долг СФРЮ перед иностранными государствами составил 19 миллиардов долларов, из которых 50% приходилось на страны ЕЭС¹¹⁸³. Перед Югославией стояла сложная задача его уменьшения как минимум на 3 миллиарда до 1990 г. В соответствии с планом нормализации внешней ликвидности, принятым в 1985 г. СИБ СФРЮ, планировалось сделать особый упор на увеличение югославского экспорта в страны ЕЭС, а также притока иностранной валюты из этих стран. Свои корректировки в этот план внесло вступление в ЕЭС 1 января 1986 г. Испании и Португалии, для которых был характер высокий уровень безработицы, в следствие чего граждане этих государств стали естественными конкурентами югославских мигрантов на европейском рынке труда. Количество денежных переводов из стран ЕЭС в СФРЮ начало уменьшаться, что привело к очередному росту торгового дисбаланса. Кроме того, принятие Испании и Португалии в ЕЭС привело и к падению привлекательности югославских курортов среди граждан стран Сообщества.

Естественно, что ранее югославская сторона неоднократно выказывала свою обеспокоенность по поводу приёма в ЕЭС Испании и Португалии западноевропейским партнёрам, на что получала заверения, что «до негативных последствий не дойдёт, и, напротив, можно рассчитывать на расширение экспортного рынка»¹¹⁸⁴. На третьем заседании Совета по сотрудничеству ЕЭС с Югославией, прошедшем в Люксембурге в июне 1985 г., делегация СФРЮ во главе с Р. Диздаревичем даже поставила вопрос ребром, потребовав гарантий по увеличению объёмов торговли и расширению экспортного режима с целью обеспечения долгосрочной стабильности отношений между Сообществом и Белградом¹¹⁸⁵. 19 июня 1985 г. в рамках заседания был подписан Протокол о финансовом сотрудничестве между ЕЭС и СФРЮ

¹¹⁷⁹ Признање југословенској спољној политици // Политика. 19. јануар 1984. С. 4.

¹¹⁸⁰ Там же.

¹¹⁸¹ Там же.

¹¹⁸² Истина се пробија // Там же. 26. март 1989. С. 1.

¹¹⁸³ *Adamović L. S. Op. cit. S. 57.*

¹¹⁸⁴ Југославија очекује бољу сарадњу са ЕЗ // Политика. 16. јул 1985. С. 2.

¹¹⁸⁵ Там же.

сроком на пять лет, по которому Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) обязывался предоставить Югославии кредит на сумму в 380 млн эю (около 300 млн долларов)¹¹⁸⁶, что явилось компромиссным решением.

Однако проблема лишь усугублялась: в 1986 г. югославский торговый дефицит в отношениях с ЕЭС составил уже 1 млрд 261 млн долларов или 87% от совокупного торгового дефицита СФРЮ¹¹⁸⁷. Доля югославской продукции в совокупном импорте ЕЭС была равна всего 0,4%¹¹⁸⁸, причём 70% отправлялось на рынки ФРГ и Италии, ещё 10% – Франции, а оставшиеся 20% распределялись между остальными девятью членами ЕЭС¹¹⁸⁹. В то же самое время на страны ЕЭС приходилось 2/3 всех югославских долгов. Главные причины такого положения дел югославская сторона видела в несправедливом экспортном режиме ЕЭС: около 50% экспорта СФРЮ покрывалось разными ограничительными мерами, в первую очередь, это касалось сельскохозяйственных товаров и текстиля. В 1987 г. на долю сельскохозяйственной продукции приходилось всего 11% всех экспортируемых из Югославии в ЕЭС товаров¹¹⁹⁰, причём благоприятные условия распространялись лишь на экспорт вина и ограниченно – телятины.

В июле 1987 г. были обновлены торговый протокол к Соглашению от 1980 г. и Протокол о финансовом сотрудничестве до 1991 г.¹¹⁹¹ В соответствии с договором ЕЭС брало на себя обязательство обеспечить место югославским компаниям на своём рынке, но только при условии улучшения качества югославской продукции¹¹⁹². Так, Сообщество согласилось ослабить тарифные потолки для импорта 34 из категории «чувствительных товаров», среди которых – автомобильные шины и прицепы, электродвигатели и генераторы, текстиль и пр; до 1993 г. отменило таможенные пошлины на югославские вина и увеличило количественный лимит на их импорт до 546 гектолитров¹¹⁹³. Вместе с тем, некоторые требования Югославии, например, в отношении увеличения объёмов экспорта телятины, так и не были удовлетворены.

В части финансов Совет министров ЕЭС принял решение кредитовать Югославию на 640 млн долларов из средств ЕИБ для проложения новых и реконструкции уже имеющихся автомагистралей и железных дорог¹¹⁹⁴, что соответствовало интересам обеих сторон. В целом,

¹¹⁸⁶ Следует обратить внимание, что по предыдущему протоколу на период с 1980 по 1985 гг. ЕИБ кредитовал Югославию на существенно меньшую сумму в 200 млн эю; Повећани кредити Југославији // Политика. 20 јун. 1985. С. 2.

¹¹⁸⁷ Югославия экспортировала товаров на сумму в 2,6 млн долларов, а импортировала – в 3,8 млрд долларов; Шта смо сад добили од ЕЗ // Там же. 30. мај 1987. С. 4.

¹¹⁸⁸ Више простора за наш извоз // Там же. 12. јул 1987. С. 2.

¹¹⁸⁹ Там же.

¹¹⁹⁰ Там же.

¹¹⁹¹ Нова етапа са ЕЗ // Там же. 13. јул 1987. С. 2.; Оба документа были ратифицированы Скупщиной СФРЮ 30 декабря 1987 г.

¹¹⁹² Више простора за наш извоз // Там же. 12. јул 1987. С. 2.

¹¹⁹³ Више степен брзине са ЕЗ // Там же. 27. јун 1987. С. 4.

¹¹⁹⁴ Нова етапа са ЕЗ // Там же. 13. јул 1987. С. 2.

однако, добиваться выделения средств югославскому руководству становилось всё тяжелее: их неэффективное расходование со стороны СФРЮ заставляло ФРГ и Великобританию, как наиболее состоятельных членов ЕЭС, сомневаться в целесообразности их дальнейшего выделения Белграду. ЕЭС также принципиально не одобряло Югославии займы непосредственно из своего собственного бюджета.

Одновременно зелёный свет был дан доступу Югославии к технологиям Сообщества и развитию ведущих современных отраслей в югославской промышленности, особенно тех, которые бы дополняли аналогичные отрасли промышленности ЕЭС. Всё в совокупности позволяло Югославии интерпретировать происходящее как «начало новой фазы в отношениях с ЕЭС»¹¹⁹⁵.

Стоит обратить внимание на то, что отношения между СФРЮ и ЕЭС нельзя рассматривать исключительно через призму экономического измерения – они имели и очевидный политический подтекст. Так, достаточно чувствительным, несмотря на обратные заверения, для западноевропейских стран был статус Югославии, определяющей себя как «неприсоединившуюся», «развивающуюся», «средиземноморскую» и лишь потом «европейскую» страну. Кроме того, некоторые из двусторонних соглашений могли поднимать тему прав человека и их уважения в Югославии, что вызывало тихий протест со стороны последней. На встрече с председателем Комиссии Европейских Сообществ Жаком Делором, посетившим Белград с официальным визитом в июле 1987 г.¹¹⁹⁶, председатель Президиума Л. Мойсов неслучайно акцентировал внимание на необходимости «преодоления идеологических противоречий и предрассудков во имя создания новых перспектив сотрудничества и прогресса, на благо всех государств»¹¹⁹⁷. Делор тогда же заметил, что «у ЕЭС есть *политическая воля* для усиления сотрудничества с Югославией»¹¹⁹⁸.

В январе 1988 г. в Европейском парламенте рассматривался вызвавший оживлённые дебаты проект резолюции об экономических и торговых отношениях ЕЭС и СФРЮ¹¹⁹⁹. Большая часть участвующих в них депутатов выступила в поддержку резолюции, выразив понимание как в отношении особого статуса Югославии как неприсоединившейся, средиземноморской и европейской страны, так и в отношении потребностей находящейся в угрожающей ситуации её экономики. Так, итальянский коммунист Джорджо Росети отметил, что несмотря на все трудности югославские власти «нацелены на то, чтобы исправить ситуацию», а потому ЕЭС не может бездействовать, ведь в его интересах «избежать беспорядка

¹¹⁹⁵ Нова етапа са ЕЗ // Политика. 13. јул 1987. С. 2.

¹¹⁹⁶ Приоритет сарадњи са ЕЗ // Там же. 25. јул 1987. С. 2.

¹¹⁹⁷ Там же.

¹¹⁹⁸ Там же.

¹¹⁹⁹ ЕЗ жели јаку Југославију // Там же. 21. јануар 1988. С. 1.

на Балканах»¹²⁰⁰. С другой стороны, депутат от ФРГ, член Христианско-демократического союза (ХДС) Ганс Дирген Захорка обратил внимание присутствующих на то, что разрешение внутренних проблем зависит исключительно от самих югославов и СФРЮ в делах по вопросу западноевропейской интеграции не может рассчитывать на статус развивающейся страны. Он также отметил, что «не следует тешиться иллюзиями, что в руке, протянутой Югославии, есть новые деньги»¹²⁰¹. Всё это указывает на неоднородность и в некоторых случаях даже полярность взглядов на будущее отношений ЕЭС – СФРЮ внутри самого Сообщества.

В декабре 1988 г. в Брюсселе одновременно с очередным заседанием Совета по сотрудничеству ЕЭС – СФРЮ состоялась и первая серия официальных сугубо политических консультаций между ЕЭС, в лице Совета министров, и Югославией. До этого момента политического формата отношений ЕЭС – СФРЮ никогда не существовало. Югославская дипломатия во главе с Б. Лончаром верила, что «наступил момент, когда Европейское сообщество с большим пониманием, нежели в некоторых относительно недавних случаях рассмотрит и примет специфическое положение и проблемы Югославии...»¹²⁰². «Мы должны и далее распространять понимание, что именно такая, европейская, средиземноморская и неприсоединившаяся Югославия соответствует наибольшему интересу всего нашего континента и Западной Европы... В этом смысле мы должны повлиять на то, чтобы неприсоединившаяся Югославия воспринималась на Западе не как некий груз или причина конфронтации, но как возможность для новых стимулов и широкой открытости»¹²⁰³, – отметил Лончар накануне своей поездки в Брюссель.

Брюссельские переговоры Б. Лончара и председателя Совета министров ЕЭС Карлоса Папульяса коснулись ряда политических проблем, среди которых были неприсоединившаяся позиция Югославии, перспективный диалог между ЕЭС и Движением неприсоединения, проблемы юга Европы и Средиземноморья, обострение отношений между Югославией и Грецией, Югославией и Австралией и др. Их итогом стало признание специфического положения Югославии и её роли в деле снижения напряжённости на европейском континенте, чего и добивался Лончар: «Мы хотим как можно большего, постоянного и богатого сотрудничества с ЕЭС, но при этом можем и должны остаться особенными»¹²⁰⁴.

Совет министров Сообщества также публично поддержал югославскую реформу и усилия югославского правительства, направленные на преодоление кризиса. Б. Лончар следующим образом оценил значимость более тесного сотрудничества, проистекающего из этого решения ЕЭС: «В долгосрочной исторической проекции, насколько я могу предвидеть,

¹²⁰⁰ ЕЗ жели јаку Југославију // Политика. 21. јануар 1988. С. 1.

¹²⁰¹ Там же.

¹²⁰² Почине политички дијалог Југославије и ЕЗ // Там же. 19. децембар 1988. С. 1.

¹²⁰³ Там же.

¹²⁰⁴ Односи Југославије са ЕЗ никад нису били ближи // Там же. 21. децембар 1988. С. 3.

мы сталкиваемся с в некоторой степени одинаковой ключевой проблемой: ЕЭС – с проблемой того, чтобы не превратиться в крепость, обнесённую высокими стенами.; Югославия – с проблемой того, чтобы не быть вытолкнутой на обочину европейских экономических, технологических интеграционных процессов, тем самым став осуждённой на непоправимый застой в своём совокупном развитии... Из этого исторического, но и политического поля зрения прорастают долгосрочные родственные интересы. Они заключаются в том, чтобы быть открытыми. Чтобы вы были открыты к Европе, которая от вас этого ожидает, а мы к вам, к Европейскому Сообществу...»¹²⁰⁵.

Тогда же союзный секретарь иностранных дел СФРЮ и еврокомиссар по вопросам средиземноморской политики и развития интеграции между Севером и Югом Клод Шессон подписали договор о технологическом и научном сотрудничестве между ЕЭС и Югославией, причём для Сообщества это был первый такого рода договор, заключённый со страной-нечленом. Его главной особенностью было «обеспечение правовых и экономических основ для двусторонних стимулов в поиске возможностей для укрепления технологического сотрудничества»¹²⁰⁶. На встрече с Лончаром глава Комиссии европейских Сообществ Ж. Делор основное внимание уделил вопросам присоединения Югославии к процессам стандартизации экспорта и защиты окружающей среды.

Можно говорить о том, что контакты ЕЭС и СФРЮ никогда прежде не отличались подобной степенью открытости и готовности к дальнейшему сближению и углублению кооперации. Вместе с тем, общий положительный исход консультаций не решал всех проблем двусторонних отношений, среди которых, с точки зрения Белграда, наиболее чувствительными были применение антидемпинговых мер против ряда югославских предприятий, дисбаланс торговли и визовая политика ЕЭС.

В марте 1989 г. новое союзное правительство А. Марковича начало масштабную экономическую реформу, которая была направлена на постепенное преобразование самоуправленческой модели югославской экономики в рыночную по западному образцу и её сближение с ЕЭС. Перспективы создания единого экономического, политического, социального и культурного пространства западноевропейских стран, запланированного на 1992 г., грозили Белграду рядом новых проблем и побуждали активнее менять внутриэкономическую и внутривнутриполитическую реальность. Естественным образом вставал вопрос о том, какое место может занять СФРЮ в отношениях с объединённой Западной Европой: страна не могла оставаться вне процесса, поскольку он обладал значительной важностью как для её внутреннего развития, так и для её положения в Европе и Средиземноморье.

¹²⁰⁵ Лончар: Одлучни смо да отворимо нашу привреду према Европи и свету // Политика. 20. децембар 1988. С. 1.

¹²⁰⁶ Там же.

В представлениях Б. Лончара, являвшегося одним из самых активных сторонников евроинтеграции в руководстве СФРЮ, Европа после 1992 г. мыслилась «большим урбанизированным селом, в котором имеются здания различной величины»¹²⁰⁷. Самым большим зданием предстало бы «здание Европейского сообщества, а ключи от его ворот, что логично, имели бы только члены его семьи»¹²⁰⁸. Стратегия Югославии в этих условиях заключалась в том, чтобы, будучи средиземноморской страной, получить специальный статус в отношениях с Сообществом и как следствие – расширить финансовое сотрудничество, «пробудить интерес ЕС к строительству инфраструктуры»¹²⁰⁹, присоединиться ко всем конвенциям Сообщества, углубить сотрудничество с Европейским парламентом и войти в состав ЕАСТ. Тактика Югославии на пути достижения указанных целей должна была включить в себя создание единого рынка и конвертацию динара, модернизацию промышленности, переход к политическому плюрализму, либерализацию отношений с внешним миром, омоложение дипломатических кадров и т.д.

По мнению директора Института экономических наук Белграда и одновременно главы Консорциума югославских экономических институтов, готовившего в тот период времени амбициозное исследование «Включение Югославии в структурные и институциональные изменения в Европе», профессора Томислава Поповича, Югославия могла стать частью единого западноевропейского пространства только путём обеспечения для неё трёх условий со стороны ЕЭС: 1) либерализации рынка труда, включая свободную циркуляцию рабочей силы и равные права для всех на трудоустройство в странах Сообщества; 2) либерализации рынка капитала; 3) либерализации рынка технологий¹²¹⁰. Сама же СФРЮ, прежде всего, должна была озаботиться повышением конкурентноспособности предприятий, эффективности труда и качества товаров. Препятствия на пути к сближению Югославии с Сообществом Попович видел не только в многопартийной системе её членов (на контрасте с СФРЮ) или том, что подавляющее их число является членами НАТО, но и в «серьёзных различиях в системах ценностей»¹²¹¹, под которыми понимал объективную разницу между индустриальным западноевропейским обществом и развивающимся югославским.

В 1989 г. Б. Лончар открыто и прямо объявил о намерении СФРЮ получить статус ассоциированного члена Сообщества¹²¹². Со стороны ЕЭС это заявление вызвало сдержанную и озабоченную реакцию, поскольку оно объективно не было готово к приёму новых членов, тем более в лице проблемной и нестабильной Югославии. Конкретная финансовая помощь же

¹²⁰⁷ Пуним једрима у европска кретања // Политика. 15. фебруар 1989. С. 2.

¹²⁰⁸ Там же.

¹²⁰⁹ Там же.

¹²¹⁰ Како закорачити у Европу // Там же. 14. јун 1989. С. 10.

¹²¹¹ Там же.

¹²¹² *Никишић С.* Југославија жели да се “придружи” // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989. С. 31.

Белграду обещалась только взамен на политические и экономические реформы – формирование плюралистичной атмосферы в обществе, многопартийности, проведение приватизации государственной собственности, либерализации внутренней и внешней торговли, «глобализации» югославской экономики и пр. Однако кредит доверия к югославскому правительству за последнее десятилетие настолько исчерпал себя, что Европейское сообщество не верило заверениям Марковича в перспективах успешной реализации реформы, что, в конечном итоге, способствовало проявлению большей жёсткости и нетерпеливости ЕЭС по отношению к Югославии.

Экономическая реформа А. Марковича не могла увенчаться успехом не только потому, что её форсировал ЕЭС, но и по причине сопротивления, которое она вызвала на местах. Так, С. Милошевич полагал, что слишком тесное сотрудничество правительства А. Марковича с ЕЭС является подготовкой к отделению Хорватии и Словении и их вхождению в Европейское сообщество. Аналогичное недоверие она вызывала и в Хорватии со Словенией, более занятых вопросами создания национальных государств, нежели европейской интеграции. Таким образом, реформа обострила недоверие республиканских правительств друг к другу и приблизила Югославию к гражданской войне¹²¹³.

17 января 1990 г. Союзная Скупщина приняла вызвавшую широкую полемику стратегическую Декларацию о европейской интеграции¹²¹⁴, а 8 мая, выступая в ПАСЕ, Я. Дрновшек весьма самоуверенно, учитывая всё более обостряющуюся обстановку внутри страны, заявил о том, что Югославия «посредством сегодняшних темпов экономических и политических изменений в течение двух-трёх лет обеспечит условия, которые позволят ей претендовать на полноправное членство в Европейском сообществе»¹²¹⁵. Стоит отметить, что подобным чрезмерно оптимистическим заверениям уже мало верили даже простые югославы.

По вопросу дезинтеграционных процессов и обострения обстановки в СФРЮ ЕЭС выражало серьёзную обеспокоенность, поскольку видело в них угрозу для стабильности и благополучия континента. Только в первой половине 1991 г. этот вопрос отдельно обсуждался не менее, чем на пяти заседаниях Европейского парламента¹²¹⁶. Итогом заседания 14-15 марта 1991 г. стало выражение готовности путём подписания нового, третьего финансового протокола и начала переговоров об ассоциированном членстве помочь «такой единой Югославии, в

¹²¹³ Энтина Е. Г. Указ. соч. С. 135.

¹²¹⁴ Интеграција у Европу – суштинско питање опстанка партије // Политика. 23. јануар 1990. С. 2.

¹²¹⁵ Говор Јанеза Дрновшека у Парламентарној скупштини Савета Европе. Место Југославије у Европи будућности // Там же. 9. мај 1990. С. 2.

¹²¹⁶ Viola Donatella M. European Foreign Policy and the European Parliament in the 1990s. An Investigation into the Role and Voting Behavior of the European Parliament's Political Groups. London, New York, 2019. P. 315.

которой бы посредством уважения прав человека были найдены позитивные демократические решения текущего кризиса»¹²¹⁷.

Резолюцию о ситуации в Югославии¹²¹⁸, содержащую вышеуказанный подход, при этом подписали депутаты от всех европейских партий¹²¹⁹, кроме крайне правых, Консервативной партии Великобритании и итальянской Федерации зелёных «Радуга». Она также содержала специальный раздел, посвящённый Косово, в котором отмечалось, что решение кризиса с применением вооружённых сил нанесёт существенный вред отношениям СФРЮ и ЕЭС. Народы Югославии призывались к отказу «от тяжело примиряемых этнических и национальных требований»¹²²⁰, поскольку их выдвижение противоречило будущему объединённой Европы, а республики – к уважению признанных международных и внутренних границ СФРЮ.

Таким образом, парламентское большинство поддержало единство и территориальную целостность Югославии, в то время как отдельные евродепутаты весьма радикально высказывались о федерации в целом и о Сербии в частности. Так, например, представительница ХДС Гизела Пак заявила, что «сербы хотят доминировать в большей части страны»¹²²¹, а депутат от немецких крайне правых Франц Шёнхубер обратился с вопросом к левым, для чего они хотят сохранить «эту лживую страну на Балканах»¹²²² и т.д. Отчётливо звучали голоса в поддержку независимости Словении и Хорватии, однако большая часть евродепутатов считала, что поощрять сепаратистские силы в республиках «преждевременно, если не опасно»¹²²³, а любые действия в направлении их возможного признания со стороны Сообщества и её отдельных членов могут «только увеличить риск распада страны»¹²²⁴. В то же самое время все последующие переговоры с Югославией, по их мнению, должны были вестись исключительно в тесном сопряжении с вопросами о демократизации государства и обеспечении прав человека в Косово.

В мае с целью личного ознакомления с ситуацией СФРЮ посетили Ж. Делор¹²²⁵, который уже в начале июня представил обстоятельный доклад о положении дел в стране на прошедшем в Дрездене заседании министров иностранных дел стран-членов ЕЭС¹²²⁶. Суть

¹²¹⁷ Осуда сваког сепаратизма // Политика. 15. март 1991. С. 1.

¹²¹⁸ Resolution on the situation in Yugoslavia, 15.03.1991 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1660748888435&uri=CELEX%3A51991IP0395> (Дата обращения: 17.08.2022).

¹²¹⁹ Социалистических, коммунистических, либеральных, зелёных, европейских демократических республиканцев (деголистов) и христианских демократов.

¹²²⁰ Цит. по: Осуда сваког сепаратизма // Политика. 15. март 1991. С. 1.

¹²²¹ Европа гласа за Југославију // Там же. 15. март 1991. С. 1.

¹²²² Там же. С. 2.

¹²²³ Опасно признавање појединих република // Там же. 20. април 1991. С. 2.

¹²²⁴ Там же.

¹²²⁵ Европа за јединствену и демократску Југославију // Там же. 4. јул 1991. С. 1.

¹²²⁶ ЕЗ условила помоћ Југославији // Там же. 5. јун 1991. С. 2.

доклада сводилась к тому, что Югославия оказалась в угрожающей ситуации, из которой должна найти выход самостоятельно. Делор также уведомил участников заседания о том, что А. Маркович обратился к нему с просьбой предоставить югославскому правительству дополнительную помощь в размере 4-5 млрд долларов¹²²⁷.

Министры иностранных дел стран-членов Сообщества по итогам заседания высказались в поддержку единства и территориальной целостности СФРЮ, но предупредили Белград о том, что он лишится международной поддержки в случае, если дело дойдёт до распада страны. Помимо этого, Югославии были выдвинуты четыре условия для дальнейшего получения финансовой помощи: 1) необходимость придерживаться конституции, что подразумевало и традиционную ротацию в органах власти; 2) необходимость уважения прав человека и прав национальных меньшинств; 3) необходимость проведения демократического диалога, который «не должен подлежать торгу»; 4) необходимость продолжения экономической реформы¹²²⁸.

24 июня 1991 г. – за день до одностороннего провозглашения независимости Словенией и Хорватией – между СФРЮ и ЕЭС был подписан третий по счёту финансовый протокол сроком на пять лет¹²²⁹. Совокупная сумма, предоставляемая по нему Югославии, составляла 807 млн экю (910 млн долларов), из которых 580 млн экю представляли собой кредит ЕИБ на строительство транспортной инфраструктуры, ещё 150 млн – на проекты в области промышленности, защиты окружающей среды, телекоммуникации и энергетики. Оставшиеся 77 млн экю, предназначенные для бонификации процента, ЕЭС впервые выделило из своего собственного бюджета на безвозмездной основе¹²³⁰. Фактически, это событие стало заключительным в более чем тридцатилетней истории отношений ЕЭС со «второй Югославией».

Углубление и расширение кооперации с ЕАСТ мыслилось Белградом как важная ступень на пути к интеграции в ЕЭС и поэтому обладало несколько меньшей стратегической значимостью в сравнении с отношениями с Сообществом. Югославия являлась единственной страной вне пределов Европейского сообщества, с которой ЕАСТ имела институциональные отношения, однако реальные шаги в направлении укрепления связей с Ассоциацией СФРЮ начала предпринимать не ранее 1988 г., когда в качестве перспективной цели её руководством было заявлено вступление в организацию.

Преимущества СФРЮ в отношениях с ЕАСТ основывались на преференциальном режиме ГАТТ. Важно также акцентировать внимание на политическом аспекте партнёрства СФРЮ – ЕАСТ: четыре из шести стран-членов организации являлись европейскими

¹²²⁷ ЕЗ условила помоћ Југославији // Политика. 5. јун 1991. С. 2.

¹²²⁸ Там же.

¹²²⁹ Велики кредит Југославији // Там же. 25. јун 1991. С. 1.

¹²³⁰ Там же.

нейтральными странами, с которыми Югославия тесно взаимодействовала в рамках группы неприсоединившихся и нейтральных стран СБСЕ.

Экономическое сотрудничество между Югославией и ЕАСТ координировал созданный в 1978 г. специальный смешанный комитет, в задачи которого входило увеличение объёмов торговли между СФРЮ и членами Ассоциации – Австрией, Исландией, Норвегией, Португалией (до 1986 г.), Швейцарией, Швецией, Финляндией, – а также интенсификация связей в сферах транспорта, туризма и промышленности. По состоянию на сентябрь 1983 г., например, товарооборот между Югославией и Ассоциацией составлял 942 млн долларов и характеризовался югославским дефицитом суммой в 272 млн долларов¹²³¹. На Австрию, Швейцарию и Швецию при этом приходилось 90% торговли СФРЮ с ЕАСТ¹²³². Описанная ситуация сохранялась на всём протяжении 1980-х гг., при этом сумма торгового дефицита Югославии колебалась в большую или меньшую сторону, но сам факт его наличия был неизменным.

Важной вехой в развитии отношений явилось подписание 3 июня 1983 г. в норвежском Бергене Декларации о развитии экономического сотрудничества между ЕАСТ и СФРЮ, в которой члены Ассоциации выразили поддержку югославской программе экономической стабилизации. В декларации также заявлялась необходимость упрочить сотрудничество в сферах промышленности, техники, туризма, транспорта и капиталовложений в югославские предприятия с целью совместного выхода на рынки развивающихся стран, с которыми Югославия имела дружественные отношения. Дальнейшее сотрудничество Югославии и ЕАСТ базировалось именно на Бергенской декларации.

ЕАСТ признавала за Югославией статус значимого партнёра и с пониманием и деликатностью относилась к экономическому кризису в стране, но, вместе с тем, не могла уделять отношениям с ней повышенное внимание – основной задачей Ассоциации во второй половине 1980-х гг. было углубление взаимодействия с ЕЭС на пути к оформлению общеевропейского рынка. Тем не менее, 12 декабря 1989 г. ЕАСТ по инициативе Швейцарии с целью поддержки рыночной экономической реформы основала специальный Фонд для развития Югославии с капиталом более чем в 100 млн долларов¹²³³, которыми планировалось кредитовать югославские малые и средние предприятия. В Белграде это решение было воспринято как «большая моральная и политическая поддержка»¹²³⁴. Кроме того, посетивший столицу СФРЮ в сентябре того же года генеральный секретарь ЕАСТ Георг Райш пообещал Югославии дополнительную помощь в развитии маркетинга, повышении качества товаров и

¹²³¹ Privredna saradnja Jugoslavija – EFTA // Međunarodna politika. 1983. Br. 808, God. XXXIV. S. 16.

¹²³² Велики кредит Југославији // Политика. 25. јун 1991. С. 1.

¹²³³ ЕФТА основала Фонд за Југославију // Там же. 13. децембар 1989. С. 2.

¹²³⁴ Приближавање Европи // Там же. 14. децембар 1989. С. 5.

технических стандартов производства, которые должны были увеличить конкурентноспособность югославских предприятий¹²³⁵.

На очередном ежегодном, тринадцатом по счёту, заседании смешанного комитета СФРЮ – ЕАСТ 20-21 февраля 1990 г. в Белграде делегация ЕАСТ во главе с председателем Совета министров Анитой Градин выразила полную поддержку взятому правительством А. Марковича экономическому и политическому курсу¹²³⁶. «Экономические и политические реформы в Югославии являются основной платформой для сотрудничества между Югославией и странами-членами ЕАСТ, особенно в экономических и социальных областях – туризме, научных исследованиях, транспорте»¹²³⁷, – отметила Градин. Само заседание, проходившее в условиях широкомасштабных перемен как в Югославии, так и в Европе, по мнению югославской стороны, должно было открыть новую, более интенсивную главу в истории сотрудничестве СФРЮ с ЕАСТ. Продолжительные консультации членов делегации ЕАСТ с руководителями югославских предприятий и фирм, в целом, подтверждали готовность обеих сторон к конкретным действиям в этом направлении.

12-13 ноября 1990 г. были начаты переговоры о заключении договора о вхождении Югославии в ЕАСТ, которые по расчётам сторон должны были завершиться к концу 1991 г.¹²³⁸ Отвечая в канун их старта на вопрос журналистов о том, с кем будут вестись переговоры – с Югославией как единым государством или с её отдельными частями – Г. Райш весьма чётко и категорично ответил, что исключительно с Югославией, причём федеративной или конфедеративной – «не его дело»¹²³⁹.

28 февраля 1991 г. в Женеве завершилось заседание комитета по сотрудничеству СФРЮ – ЕАСТ, главным предметом которого стал будущий договор о свободной торговой зоне между Югославией и Ассоциацией. Принципиальная важность этой встречи заключалась в подтверждении ЕАСТ своей уже прежде заявленной позиции по поводу происходящих в Югославии событий, заключающейся в готовности вести переговоры только с единой СФРЮ и поддержке мирного, демократического и цивилизованного разрешения её внутреннего конфликта. Одновременно неуверенность ЕАСТ относительно будущего Югославии выражалась хотя бы в отсутствии каких-либо конкретных договорённостей по итогам заседания. Фактически же, уже в марте переговорный процесс между ЕАСТ и СФРЮ был заморожен: продолжать консультации в условиях распада страны стало бессмысленно.

Итак, в 1980-е гг. СФРЮ видела жизненно важную необходимость в более тесном сотрудничестве с европейскими интеграционными объединениями, прежде всего – с ЕЭС.

¹²³⁵ Проширење сарадње са ЕФТА // Политика. 16. септембар 1989. С. 11.

¹²³⁶ Засадање Комитета ЕФТА – Југославија // Там же. 21. фебруар 1990. С. 2.

¹²³⁷ Добра веза са Европом // Там же. 22. фебруар 1990. С. 2.

¹²³⁸ Пуно поверење у јединствену Југославију // Там же. 31. октобар 1990. С. 2.

¹²³⁹ Там же.

Основной мотивацией к включению в интеграционные процессы на континенте при этом выступало стремление занять более прочную и уверенную позицию в будущей расстановке сил в Европе, а также заручиться осязаемой экономической и политической поддержкой в выводе страны из затяжного кризиса, что гарантировало бы сохранение её единства и территориальной целостности. Главными проводниками обновлённой стратегии Югославии в отношении ЕЭС и ЕАСТ выступило федеральное руководство в лице А. Марковича и Б. Лончара, сторонников концепции «единого европейского дома». Одновременно курс на сближение Югославии с Европейским сообществом вызвал сопротивление республиканских властей, поскольку ставил под угрозу их планы на создание независимых национальных государств. В конечном итоге, ЕЭС оказалось бессильно перед лицом внутриюгославских коллизий и конфликта интересов в своих собственных рядах.

Заключение

Проведённое автором исследование позволило прийти к следующим обобщениям и выводам.

Внутриполитическая обстановка, сложившаяся в Югославии в 1980-1991 гг., оказывала прямое влияние на её внешнюю политику. Системный кризис не позволял Белграду, как в прошлые десятилетия, позиционировать себя в качестве одного из мировых политических полюсов силы. Глубокий экономический кризис, галопирующий рост сепаратистских тенденций и популярности националистических идей приводили к неизбежному падению престижа страны, сомнениям относительно её будущего и устойчивого развития в мировом сообществе. Неэффективный и неповоротливый механизм коллективной главы государства ставил вопрос о корректности выбранного пути и состоятельности государственной политической системы. Албанские волнения в Косово, активизация исламистов в Боснии и Герцеговине, а также хорватских, словенских и сербских националистов подрывали безопасность не только СФРЮ, но и Балканского региона в принципе.

Внешняя политика СФРЮ в период с 1980 по 1991 г. не была статичной и закономерным образом реагировала на те изменения, которые происходили на мировой политической арене. В первой половине 1980-х гг. она продолжала сохранять традиционный вектор развития, унаследованный от И. Броз Тито, когда её базисом являлась политика неприсоединения. В этом своём качестве она удовлетворяла обе мировые сверхдержавы. Во второй половине 1980-х гг. начала всё более усиливаться её прозападная направленность, что было связано с совокупностью объективных и субъективных причин, среди которых – распад социалистического блока, падение авторитета Движения неприсоединения, все более углублявшийся внутриполитический и -экономический кризис, углубление интеграционных процессов на европейском континенте, зависимость от западных кредиторов, а также личные убеждения и симпатии югославских руководителей, в частности, А. Марковича и Б. Лончара.

Несмотря на официальные заверения федерального руководства в приверженности титовскому наследию во внешней политике и политике равноудалённости, во второй половине 1980-х гг. дипломатический курс страны начал претерпевать всё больший крен в западную сторону. Именно западное, а точнее – западноевропейское направление стало наиболее приоритетным в югославской дипломатии. Этому способствовала, в первую очередь, экономическая помощь, предоставляемая ЕЭС СФРЮ, причём политические и идеологические противоречия отступали на второй план. Вторым по важности направлением внешней политики Югославии в рассматриваемый период являлось участие страны в Движении неприсоединения, которое приобретало всё более формальный и условный характер. Третьим – балканское

направление, играющее особую роль в обеспечении стратегической безопасности СФРЮ. Лишь следующим по значимости вектором югославской дипломатии стало сохранение доброжелательных и лояльных отношений с СССР, небалканскими членами социалистического лагеря, Китаем и США.

Отношения Югославии с СССР в 1980-1991 гг. носили противоречивый, но преимущественно нейтральный характер. В начале 1980-х гг. СФРЮ все ещё опасалась военной интервенции Советского Союза, а также пыталась найти его след в событиях 1981 г. в Косово. Особую озабоченность югославского руководства вызывала возможная поддержка Москвой «великоболгарских» устремлений. Однозначную критику со стороны Белграда вызвали ввод советских войск в Афганистан, поддержка режима В. Ярузельского в Польше, катастрофа корейского Boeing 747 над Сахалином, а также иные действия Советского Союза. Вместе с тем, политические и идеологические противоречия ни коим образом не сказывались на качестве и объёмах экономического сотрудничества между двумя странами. В 1980-е гг. СССР продолжил оставаться главным экономическим партнёром Югославии, на долю которого приходилось более половины югославского экспорта. Именно в открытии советского рынка для югославской продукции и заключалась основная помощь Москвы Белграду в преодолении его экономических проблем. С приходом к власти в СССР М. С. Горбачёва в отношениях между странами наметилось всемерное потепление, не приведшее, однако, к реальной их интенсификации.

Отношения Белграда с социалистическими странами Восточной Европы, за некоторыми исключениями, можно охарактеризовать как положительные. Высокой интенсивностью отличались отношения СФРЮ с Румынией и Венгрией, являющимися для неё соседними государствами. С ГДР и Чехословакией, как с более развитыми в экономическом и прочих отношениях государствами, отношения складывались по принципу делового партнёрства и сталкивались с некоторыми трудностями в области торгового сотрудничества. Двусторонние контакты с Польшей были ограничены по причине тех внутривнутриполитических преобразований, с которыми столкнулась последняя. Отношения с Болгарией сохранили свой конфликтогенный потенциал, связанный с вопросом о статусе македонской нации и македонского языка.

Отношения Югославии с Албанией находились в прямой зависимости от внутренней обстановки в СФРЮ, а конкретно – в Косово. Поддержка Тираной сепаратистских устремлений косовских албанцев, активная антиюгославская информационная компания в Албании и аналогичная по своей принципиальности антиалбанская риторика в Югославии способствовали кратной эскалации в отношениях двух стран в 1980-е гг. При этом этнические албанцы, проживающие в Югославии, так и не стали связующим мостом между соседними странами, на

что долгое время надеялись как югославские лидеры, так и лидеры других балканских государств, заинтересованные в стабильном развитии региона.

Югославно-китайские отношения в 1980-е гг. отметились динамикой и более высоким уровнем политических, партийных и экономических контактов по сравнению с предшествующими десятилетиями. В целом, их характеризовало реальное равноправие и взаимоуважение. Китай воздерживался от вмешательства во внутриюгославские дела и оказывал Белграду посильную финансовую помощь, упрочивая своё экономическое присутствие в регионе. Вместе с тем, к концу 1980-х гг. Китай, как и прочие участники международных отношений, потерял интерес в поддержании политической стабильности и территориальной целостности Югославии, являвшейся для него к тому же конкурентом в странах «третьего мира».

Движение неприсоединения и его принципы оставались тем, на чём зиждилась вся внешняя политика Югославии, поэтому объективное снижение его роли в мировой политике не могло привести к пересмотру значения неприсоединения в дипломатии Белграда. СФРЮ продолжала оставаться активным участником организации, инициировавшим и поддерживающим её модернизацию и «осовременивание». Реальный же вклад Югославии в развитие движения становился всё более номинальным. Можно говорить о том, что в 1980-е гг. СФРЮ и Движение неприсоединения переживали синхронный и взаимозависимый кризис внешнеполитического влияния.

Отношения со странами «третьего мира» для Югославии представлялись особо важными в контексте её борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма. Однако не стоит преувеличивать их значимость: по мере ухудшения внутривнутриполитической обстановки в Югославии и некоторых из этих стран, а также в результате безрезультатности и бесплодности усилий по интенсификации торговых и финансовых связей заинтересованность Белграда в поддержании контактов с ними падала.

Двусторонние контакты Югославии с США в 1980-1991 гг. также претерпевали период стагнации. В ранние 1980-е гг. Югославии продолжила сохранять важную роль в стратегическом планировании США, целью которого было недопущение роста влияния СССР как в Европе, так и в развивающемся мире. В этих условиях Югославия выступала в роли своеобразного магнита, притягивающего к себе потенциальных союзников Москвы. Однако по мере распада восточного блока существование социалистической страны в сердце Европы, с точки зрения США, становилось всё более неоправданным и невыгодным. К исходу 1980-х гг. СФРЮ предстала в глазах США в качестве пережитка «холодной войны», которому не было места в будущем однополярном мире. С этим связана все более взыскательная экономическая политика США к СФРЮ, а также неоднократные отказы в предоставлении ей финансовой

помощи. Вместе с тем, югославно-американские отношения в рассматриваемое десятилетие можно охарактеризовать в целом как стабильно доброжелательные.

Дружественные отношения СФРЮ имела с другими западными государствами, причём особым значением для неё обладали двусторонние контакты с Австрией, Италией, Францией и ФРГ. Указанные страны выступали важными экономическими партнёрами Югославии, а также основными местами трудовой эмиграции югославских рабочих, что не лишало общий положительный потенциал их отношений проблемных мест и противоречий. К числу таких противоречий необходимо отнести антиюгославскую деятельность югославской (в основном, хорватской и албанской) эмиграции, проблему прав югославских мигрантов и негласную поддержку некоторыми западными странами сепаратистских устремлений Словении и Хорватии.

Отношения Белграда с интеграционными европейскими объединениями, ЕЭС и ЕАСТ, нельзя было назвать равноправными: югославская продукция не просто не выдерживала конкуренции на европейском рынке, но и вовсе была на нём нежеланной. Главный же предмет отношений СФРЮ с ЕЭС и ЕАСТ составляли вопросы кредитования югославской экономики, положения югославских мигрантов в Западной Европе и кооперация в сфере транспортных путей. Мотивацией к включению в интеграционные процессы на континенте при этом выступало стремление Белграда занять более прочную и уверенную позицию в будущей расстановке сил в Европе, а также заручиться осязаемой экономической и политической поддержкой в выводе страны из затяжного кризиса, что гарантировало бы сохранение её единства и территориальной целостности.

Итак, внешняя политика СФРЮ в последнее десятилетие своего существования отличалась разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, югославское руководство старалось продолжать титовский внешнеполитический курс, избегая при этом внесения в него существенных корректировок и изменений. С другой стороны, этим устремлениям Президиума и СИБ СФРЮ не соответствовала складывавшаяся политическая конъюнктура, когда мир вступил в заключительную стадию «холодной войны» и требовал от Югославии изменения дипломатических подходов. В этих условиях СФРЮ, представлявшаяся лидерам мирового развития пережитком блокового противостояния, теряла логическое обоснование своему существованию. Интерес ведущих мировых держав к Югославии падал так же непреодолимо, как и международный авторитет посттитовской СФРЮ.

Список сокращений и условных обозначений

- АНК – Африканский национальный конгресс
АНП – Австрийская народная партия
АПС – Австрийская партия свободы
АПТ – Албанская партия труда
БиГ – Босния и Герцеговина
БКП – Болгарская коммунистическая партия
ВВС – Военно-воздушные силы
ВНР – Венгерская Народная Республика
ВСРП – Венгерская социалистическая рабочая партия
ВС СССР – Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик
ВТО – Всемирная торговая организация
ГА – Генеральная Ассамблея
ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГСТП – Глобальная система торговых преференций между развивающимися странами
ДН – Движение неприсоединения
ДОВСЕ – Договор об обычных вооружённых силах в Европе
ДФА – Демократический фронт Албании
ЕАСТ – Европейская ассоциация свободной торговли
ЕИБ – Европейский инвестиционный банк
ЕЭС – Европейское экономическое сообщество
ЗАНУ – Зимбабвийский африканский национальный союз
ИКП – Итальянская коммунистическая партия
ИСП – Итальянская социалистическая партия
КНР – Китайская Народная Республика
КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
КПК – Коммунистическая партия Китая
КПК – Коммунистическая партия Кубы
КПНИ – Коммунистическая партия народов Испании
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
ЛПК – Левая партия – коммунисты Швеции
МВФ – Международный валютный фонд

МИД – Министерство иностранных дел
МНР – Монгольская Народная Республика
МПЛА – Народное движение за освобождение Анголы – Партия труда
МРТ – Международное разделение труда
НАТО – Организация Североатлантического договора
НГХ – Независимое государство Хорватия
НМЭП – Новый международный экономический порядок
НОАА – Национально-освободительная армия Албании
НОАК – Народно-освободительная армия Китая
НСРА – Народная Социалистическая Республика Албания
НРБ – Народная Республика Болгария
ОВД – Организация Варшавского договора
ООН – Организация Объединенных Наций
ООП – Организация освобождения Палестины
ОЭСР – Организация экономического развития и сотрудничества
ПАК – Панафриканский конгресс Азании
ПАСОК – Всегреческое социалистическое движение
ПАСЕ – Парламентская ассамблея Совета Европы
ПДД – Партия демократического действия
ПНР – Польская Народная Республика
ПОЛИСАРИО – Сагия-эль-Хамра и Рио-де-Оро
ПОРП – Польская объединённая рабочая партия
РКП – Румынская коммунистическая партия
РПЦ – Русская православная церковь
РСМД – Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
САДР – Сахарская Арабская Демократическая Республика
САК – Социалистический автономный край
САНИ – Сербская академия наук и искусств
СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединённых Наций
СБСЕ – Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВАПО – Народная организация Юго-Западной Африки
СДП – Сербская демократическая партия
СДП в ГДР – Социал-демократическая партия в Германской Демократической Республике
СДРПШ – Социал-демократическая рабочая партия Швеции

СЕ – Совет Европы
СЕПГ – Социалистическая единая партия Германии
СИВ – Союзное Исполнительное Вече
СКЮ – Союз коммунистов Югославии
СМИ – Средства массовой информации
СНВ-1 – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений
СПЦ – Сербская православная церковь
СР – Социалистическая республика
СРВ – Социалистическая Республика Вьетнам
СРР – Социалистическая Республика Румыния
СРЮ – Социалистическая Республика Югославия
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
США – Соединённые Штаты Америки
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ТО – Территориальная оборона
ТПК – Трудовая партия Кореи
ФАТХ – Движение за национальное освобождение Палестины
ФНС – Фронт национального спасения (Румыния)
ФРГ – Федеративная Республика Германия
ФРЕЛИМЕ – Фронт освобождения Мозамбика
ФРС – Федеральная резервная система
ХДС – Хорватское демократическое содружество
ХДС – Христианско-демократический союз Германии
ЦК – Центральный комитет
ЦРУ – Центральное разведывательное управление
ЧССР – Чехословацкая Социалистическая Республика
ЮАР – Южно-Африканская Республика
ЮНА – Югославская народная армия
ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЛУПАК – Югославская пакетная сеть
EUREKA – Европейское агентство координации исследований
ОРИС – Корпорация частных зарубежных инвестиций

Список использованных источников и литературы

Использованные источники

Материалы цифровых архивов и библиотек

Vera and Donald Blinken Open Society Archives

*Документы Radio Free Europe/Radio Liberty, или «Радио Свободная Европа»/«Радио Свобода»**

1. Antić Z. Drastic decline in Yugoslav standart of living. RFE-RL* Research. RAD Background report (Yugoslavia). 24 July 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:cc34f839-a8d2-478b-a5f2-de80f9c5d678>
2. Antić Z. Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 19 Novembar 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102>
3. Antić Z. Patriach Pimen of Russia visits Yugoslavia. RFE-RL* Reasearch. RAD X/5 East, F-602, 11 October 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9e1be416-d3d9-458a-aaef-1a641ee8a08f>
4. Antić Z. Pope John Paul II's visit to Yugoslavia canceled. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-599, 22 March 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:723240bc-09b8-47ce-8495-41cf55b7760f>
5. Antić Z. Turkish head of State Kenan Evren visits Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Backgraund Report/203 (Yugoslavia) 30 September 1982. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:570344dd-86a9-4ba4-8c93-c8cdb7bb41f6>
6. Antić Z. Yugoslav-Albanian polemics over Kosovo escalate. RFE-RL* Research. RAD Background report/122 (Yugoslavia). 30 April 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3>
7. Antić Z. Yugoslav-Albanian relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/89 (Yugoslavia). 23 April 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9a79fb3a-1260-4665-a89b-bcf7fc9c0db1>
8. Antić Z. Yugoslavia's foreign debts. RFE-RL* Research. RAD Background report/58 (Yugoslavia). 10 March 1982. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:dc6533ab-ee1e-45c2-a8ba-5bcf73bdf686>

9. Antić Z. Yugoslav reaction to Polish events. RFE-RL* Research. RAD Background report/265 (Yugoslavia). 5 November 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4>
10. Antić Z. Yugoslav reactions to the Warsaw Pact summit. RFE-RL* Research. RAD Background report/297 (Yugoslavia). 12 December 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:845f1cb5-67af-4e0b-877c-56b84d4c2eee>
11. Antić Z. Yugoslavia to receive new foreign credits. RFE-RL* Research. RAD Background report/39 (Yugoslavia). 13 February 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:8decbf0e-2dda-4280-99d0-3031e59fba9b>
12. Antić Z. Yugoslavia worried over Moscow's behavior to Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/298 (Yugoslavia). 12 December 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:d5b98e4a-acf6-426a-a07a-47795c97ed31>
13. Antić Z. Western banks willing to help Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/20 (Yugoslavia). 27 January 1983. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:efb72f98-47c8-401a-a84b-7a815cdd1251>
14. Kusin. Prague attacks Yugoslav ideological concepts. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Czechoslovakia). 16 July 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:5ab6bd60-6231-458b-9ef2-c5e39e42b2f0>
15. Moore P. Bulgarian Politburo member Aleksandur Lilov in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/300 (Bulgaria). 15 December 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:99c2ee0b-1868-4a23-8796-0ee097eabc4c>
16. Stanković S. After Gromyko's visit to Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/91 (Yugoslavia). 8 April 1982. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff2421fa-4bb5-4ddd-ae21-01d32e7af273>
17. Stanković S. After Karamanlis's visit to Belgrade. RAD Background Report/273 (Yugoslavia), 17 Novembar 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:be70feec-4aa2-420a-8531-dec2a32328ed>
18. Stanković S. After Tihonov's visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/74 (Yugoslavia). 8 April 1983. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0eda2325-b914-4abe-a5d3-8339d674550c>
19. Stanković S. An anomaly in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/196 (Eastern Europe). 28 September 1982. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. –

- Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2d6b98df-2fee-4bda-98dd-cd47c6403ed6>
20. Stanković S. Belgrade Komunist sees Yugoslav-Soviet relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/62 (Eastern Europe). 17 April 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:f27902c2-8609-429b-a3bb-870940eb4047>
 21. Stanković S. Chinese foreign minister visits to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408>
 22. Stanković S. Initial Yugoslav reaction to Soviet invasion of Afghanistan. RFE-RL* Research. RAD Background report/2 (Yugoslavia). 4 January 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:36fdd911-d592-4d34-b75e-236b8780cda8>
 23. Stanković S. Lazar Mojsov's visit to Hungary. RFE-RL* Research. RAD Background report/169 (Yugoslavia). 12 June 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archive. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c92f4cfe-bb8f-4a31-8dfa-880356b92390>
 24. Stanković S. Planinc to visit Sofia: new look at old Yugoslav-Bulgarian quarrell. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (East). 16 July 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:719490d3-3694-415c-b394-078c6a09a680>
 25. Stanković S. Romanian "gastarbeiter" in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/221 (Yugoslavia). 16 September 1983. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:1767e0bf-03cd-4b37-a61f-c9e672807803>
 26. Stanković S. Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/1 (Yugoslavia). 24 February 1985. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:78d37fd0-6882-4faa-9112-c62fa96e32e7>
 27. Stanković S. Situation repor. RFE-RL* Research. RAD Background report/9 (Yugoslavia). 19 September 1986. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:e35a2908-628e-40a4-beda-f91b527b9649>
 28. Stanković S. The US Secretary of State visits Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 28 September 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:7d9d27ac-c713-4f46-a879-05ed1c97c482>
 29. Stanković S. The Yugoslavs criticize Greece and Bulgaria over Macedonia. RFE-RL* Research. RAD Background report/177 (Yugoslavia). 16 August 1983. [Электронный ресурс] // OSA

- Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:52240251-d990-485a-b23f-472525727251>
30. Stanković S. Yugoslav leader against any interference in Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/190 (Yugoslavia). 6 July 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:eae76896-7147-4e11-b95c-f9c33dc4cb31>
31. Stanković S. Yugoslav theorists on armed conflicts between communist countries. RFE-RL* Research. RAD Background report/104 (Yugoslavia). 13 April 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:79183945-20ca-46b2-bd05-8974a1015233>
32. Stanković S. Yugoslavia's prime-minister in China. RFE-RL* Research. RAD Background report/272 (Yugoslavia). 17 November 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6dc71a72-8be1-487e-a3d6-ff895cebee75>
33. Stanković S. Yugoslavia's army: guarantor of the country's independence. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Yugoslavia). 15 January 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ef5fab3b-da13-40ed-bc02-c300fafa4e32>
34. Stanković S. Yugoslavia's defense minister visits Moscow. RFE-RL* Research. RAD Background report/95 (Yugoslavia). 20 April 1982. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c23af796-05d9-42a7-b4f8-67b0541f851b>
35. Stanković S. Yugoslavia one year after Tito's death. RFE-RL* Research. RAD Background report/127 (Yugoslavia). 6 May 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0f168cdf-d953-4c51-86ca-1bec383b0bef>
36. Stanković S. Yugoslav-Cuban struggle over Nonaligned leadership revived. RFE-RL* Research. RAD Background report/54 (Yugoslavia). 3 March 1982. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=Yugoslav-Cuban+struggle+over+Nonaligned+leadership+revived>
37. Stanković S. Why has Yugoslavia increased its trade with the Soviet bloc. RFE-RL* Research. RAD Background report/208 (Yugoslavia). 21 July 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:31fb564b-b420-4459-8763-988f310f0858>
38. Zanga L. Albania and Yugoslavia expand electric energy cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/133 (Albania). 3 June 1980. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. –

- Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:29cc67af-b775-42c1-8570-dbb6f9738c71>
39. Zanga L. Albania hails its «internationalist» contribution to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/11 (Albania). 19 February 1985. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:3fc00d83-9f62-4da6-bc68-0ca2a2d857c2>
40. Zanga L. News media coverage of events in Kosovo. RFE-RL* Research. RAD Background report/223 (Eastern Europe). 20 November 1987. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0>
41. Zanga L. Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/163 (Albania). 9 June 1981. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582>
42. Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement. RFE-RL* Research. RAD Background report/31 (Eastern Europe). 26 February 1988. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement>
43. Zanga L. Yugoslavia concerned about Albanian activities in Kosovo and abroad. RFE-RL* Research. RAD Background report/103 (Eastern Europe). 19 June 1984. [Электронный ресурс] // OSA Archivum. – Режим доступа:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c36cd109-4095-4b05-a0eb-b486f0b38345>

*** выполняет функции СМИ–иностранного агента**

Электронная библиотека ЦРУ США

44. Yugoslavia – Considerations of Assistance Measures. Secret/ sensitive discussion paper. 82-12423. November 5, 1982. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа:
<https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83M00914R000500110012-6.pdf>
45. Yugoslavia: Key Questions and Answers on the Debt Crisis. EUR 84-10011. January 1984. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа:
<https://www.cia.gov/readingroom/document/0005361799>
46. Yugoslavia: Prospects for the Economy. EURM 85-10098. May 1985. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа:
<https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t01058r000202890001-5>

47. Yugoslavia: status and outlook. EUR M 89-20114. July 21, 1989. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP90T00103R000400060002-9.pdf>
48. Yugoslavia – USSR: Can Gorbachev Lure Belgrade back? EUR 87-10031L. December, 1987. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08s01350r000300910001-4>
49. Yugoslavia's Anti IMF-Tactics. Memorandum, for the record. TS 863522. April 1986. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp87r00529r000100060037-8>
50. Western Europe and Post-Tito Yugoslavia. EUR M-83 10193. 12 July 1983. [Электронный ресурс] // CIA FOIA. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000501700001-0.pdf>

Официальные документы международных и региональных организаций, а также государственных и правительственных учреждений отдельных стран

51. Deklaracija ob neodvisnosti Slovenije [Электронный ресурс] // Uradni list Republike Slovenije. – Режим доступа: <https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-list-rs/vsebina/1991-01-0007/deklaracija-ob-neodvisnosti>
52. Document 51990IP1418. Resolution on human rights in Kosovo. OJ C 231, 17.9.1990. [Электронный ресурс] // EUR-Lex. Access to European Union law. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A51990IP1418&qid=1661323148063>
53. Doc. 5822. Report on the problems of Yugoslavs migrants and the development of relations between Yugoslavia and the Council of Europe [Электронный ресурс] // Paliamentary Assembly. Official documents. – Режим доступа: <https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1987/EDOC5822.pdf>
54. Doc. 5944. Report on the situation of the Church and freedom of religion in Eastern Europe [Электронный ресурс] // Paliamentary Assembly. Official documents. – Режим доступа: <https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1988/EDOC5944.pdf>
55. Drucksache 12-795 - Antrag: Zur Krise in Jugoslawien, 18.06.1991. [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. – Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200795.pdf>
56. Drucksache 12-797 - Antrag: Zur Lage im Kosovo, 18.06.1991. [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. – Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200797.pdf>

57. Doc. 6096. Need for a Southern expansion of “Economic Europe” – Integration of Cyprus, Malta, Turkey and Yugoslavia into the European economic space [Электронный ресурс] // Parliamentary Assembly. Official documents. – Режим доступа: <https://pace.coe.int/en/files/6252>
58. Mrak M. Debt conversions in Yugoslavia. OECD/GD(92)27. Technical paper NO. 54. February 1992. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/development/pgd/1919414.pdf>
59. National Intelligence Estimate 15-90 «Yugoslavia Transformed». October 18, 1990. [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence. – Режим доступа: http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub34_NIE_15-90.pdf
60. National Security Decision Directive 54 «United States Policy Toward Eastern Europe». September 2, 1982. [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. – Режим доступа: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf>
61. National Security Decision Directive 133 «United States Policy Toward Yugoslavia». March 19, 1984. [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. – Режим доступа: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm>
62. OECD economic surveys. Yugoslavia, 1980. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1980_eco_surveys-yucs-1980-en
63. OECD economic surveys. Yugoslavia, 1981. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1981_eco_surveys-yucs-1981-en
64. OECD economic surveys. Yugoslavia, 1982. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1982_eco_surveys-yucs-1982-en
65. OECD economic surveys 1982-1983. Yugoslavia, 1983 [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1983_eco_surveys-yucs-1983-en
66. OECD economic surveys 1984-1985. Yugoslavia, 1984. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1985_eco_surveys-yucs-1985-en
67. OECD economic surveys 1986-1987. Yugoslavia, 1987. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа:

- https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en
68. OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en
69. OECD economic surveys 1989-1990. Yugoslavia, 1990. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1990_eco_surveys-yucs-1990-en
70. OECD economic surveys 2001-2002. Federal Republic of Yugoslavia, 2002. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-federal-republic-of-yugoslavia-2002_eco_surveys-srb-2002-en
71. OECD economic surveys 1986-1987. P. 9. Yugoslavia, 1987. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en
72. OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988. [Электронный ресурс] // OECD. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en
73. Resolution on the situation in Yugoslavia, 15.03.1991. [Электронный ресурс] // EUR-Lex. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1660748888435&uri=CELEX%3A51991IP0395> =

Сборники документов

1. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. В 4-х томах. Т. 1 (1878–1997 гг.) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. – М.: Индрик, 2006. – 307 с.
2. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. В 2-х томах. Т. 1. Начало 1970-х — первая половина 1980-х гг. Т. 2. Вторая половина 1980-х - начало 1990-х гг. – СПб.: Алетейя, 2012-2013. – 602 с., 862 с.

3. Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990-1992). – М.: Экспертинформ, 1992. – 372 с.
4. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, 14-18 марта 1988. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1988. – 94 с.
5. Движение неприсоединения в документах и материалах. Сост. Листопадова Р. С. – М.: Наука, 1989. – 496 с.
6. Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993). – М.: Славянская летопись, 1993. – 505 с.
7. Od mira do rata. Dokumenta Predsedništva SFRJ 1991. Tom 1 (januar - mart 1991.) / Priredile: Nikolić K., Petrović V. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2011. – 480 str.

Периодическая издания (газеты, журналы)

1. Политика. 1980-1991.
2. Beijing review. 1983.
3. Borba. 1989-1991.
4. Komunist. 1980.
5. Los Angeles Times. 1981-1988.
6. The New York Times. 1988.
7. Rilindja. 1984.
8. Tribuna. 1984.
9. Zeri i Popullit. 1987.

Источники личного происхождения

1. Диздаревић Р. Од смрти Тита до смрти Југославије: свједочења. – Сарајево: Свјетлост, 2000. – 461 стр.
2. Кадиевич В. Д. Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). Книга II. – Москва: Московский Издательский дом, 2007. – 191 с.
3. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. – Београд: Политика, 1995. – 487 стр.
4. Трајановски Д. Дипломатски записи. – Скопје: Студентски збор, 1993. – 270 стр.
5. Jazić Ž. Moj pogled na diplomatiju (1957-2005). – Beograd: Čigoja štampa N. Jazić, 2011. – 243 str.
6. Mesić S. The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. – Budapest: CEU Press, 2004. – 432 p.

7. Milatović A. Pet diplomatskih misija. Knjiga 1. Rim – Sofija – Tirana. Knjiga 2. Bukarešt – Varšava. – Ljubljana-Zagreb: Cankarjeva založba, 1985-1986. – 381 str., 262 str.
8. Zorić N. L. Zapisi jugoslovenskog diplomate. 1948-1983. – Beograd: Službeni glasnik, 2011. – 560 str.

Справочные, социологические и статистические материалы

1. Directory of Yugoslav officials. Directorate of Intelligence. A Reference Aid. – Washington DC, 1985. – 143 p.
2. Jugosloveni o društvenoj krizi (istraživanje javnog mnjenja 1985. godine). – Beograd: Izdavački centar Komunist, 1989. – 220 str.

Аудиовизуальные источники

1. JRT TV Beograd 1 – Dnevnik 3, 24. februar 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=k9M-Vw0yiSQ&ab_channel=ArhiVid
2. Slobodan Milošević Ušće 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=RvXgqKWwUzk&ab_channel=StefanLazarevi%C4%87
3. 600. godina od Kosovske bitke 1389-1989: Proslava i govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=4a5ct7vVcgk&ab_channel=DokumentarneEmisijeBalkan
4. 14 Kongres SKJ + TV Dnevnik 2 (23.01.1990). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=8ySnqJKgVw>
5. Dizdarević: Antu Markovića pamtim kao čovjeka vizija. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=0HL6jN9lxrs&ab_channel=AlJazeeraBalkans
6. Slobodan Milosevic – first TV interview 1989 wiht Marko Josilo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=RWXqFBo7qAU&ab_channel=MarkoJo

Использованная литература

Монографии и статьи

1. Актуальные проблемы Движения неприсоединения (от Гаваны до Дели): реф. сб. – М.: АН СССР, ИНИОН, Ин-т востоковедения, 1984. – 238 с.
2. Алимов Ю. И. Движение неприсоединения – важный фактор современной международной жизни. – М.: Знание, 1985. – 64 с.

3. Алимов Ю. И. Неприсоединение: история, теория, проблемы. – М.: Прогресс, 1990. – 328 с.
4. Божић С. Аустрија и Срби кроз векове – кратак преглед // Казивања о Србима кроз векове: од Светог Стефана Немање и Светог Саве до дана. – Београд: Драслар партнер, 2015. – С. 216–229.
5. Буквич Р. Региональная проблема социалистической Югославии в 1945-1991 // Вестник Мордов. ун-та. – 2014. – № 3. – С.129-146.
6. Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Индрик, 2000. – 367 с.
7. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 279 с.
8. Гуськова Е. Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985-1995). – М.: Владимир Даль, 2022. – 457 с.
9. Гуськова Е. Ю. Дискуссия о кадровой политике и социально-классовой структуре СКЮ: Науч.-аналит. обзор / АН СССР, ИНИОН. – М.: ИНИОН. 1985. – 47 с.
10. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. – М.: Рус. нац. фонд: А. Соловьев, 2001. – 717 с.
11. Гуськова Е. Ю. Идеологическая работа Союза коммунистов Югославии: Св. обзор: / АН СССР, ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1988. – 176 с.
12. Гуськова Е. Ю. Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования. – СПб: Владимир Даль, 2020. – 512 с.
13. Гуськова Е. Ю. От тоталитаризма к демократии: первые итоги выборов на многопартийной основе в Югославии: обзор – М.: ИНИОН, 1991. – 39 с.
14. Гуськова Е. Ю. Роль СКЮ в политической системе общества: Науч.-аналит. обзор. – М.: ИНИОН, 1983. – 39 с.
15. Гуськова Е. Ю. Сербия ждала поддержки. Визит М. С. Горбачёва в Югославию в марте 1988 года // Новая и новейшая история. – 2019. – Вып. 5. – С. 128-144.
16. Гуськова Е. Ю. Югославская концепция партии в условиях самоуправления. – М.: ИНИОН, 1987. – 55 с.
17. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Академический проект, 2015. – 608 с.
18. Движение неприсоединения в современном мире / Отв. ред. Этингер Я. Я. – М.: Междунар. отношения, 1985. – 287 с.
19. Дмитриева О. Д. Движение неприсоединения и региональные конфликты. – М.: ГПСИ ИМЭМО, 1990. – 42 с.

20. Едемский А. Д. О визите М. С. Горбачева в Югославию в марте 1988 года // Slobodan Milosevic: put ka vlasti. Osma sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice. – Beograd: Stirling, 2008. – С. 229-256.
21. Едемский А. Д. От провала XIV съезда СКЮ к «третьей Югославии»? // Восточная Европа на историческом переломе (очерки революционных преобразований, 1989—1990 гг.). Отв. ред. Ю. С. Новопашин. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – С. 269-290.
22. Иванова Ю. В. Косовский кризис. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1999. – 22 с.
23. Искендеров П. А. История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 38-54.
24. Искендеров П. А. Албания и кризисы на постюгославском пространстве // Албанский фактор кризиса на Балканах: Сборник научных трудов / Ответ. ред. Е. Ю. Гуськова. – М.: ИНИОН, 2003. – С. 110-124.
25. Каменецкий В. М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). – М.: Наука, 1991. – 116 с.
26. Кандель П. Е. Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979 гг.). – М.: Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, 1979. – 164 с.
27. Каткова Е. П. Балканское направление внешней политики СФРЮ в 1980-1991 гг. // Клио. – 2022. – №11 (191). – С. 84-91.
28. Кудров В. М. Югославия: трудный путь. – М.: Экслибрис, 2001. – 76 с.
29. Кудров В. М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 90-105.
30. Колосков Е. А. Косовский миф в сербском политическом дискурсе (1986-1991 г.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры / Ответ. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. – М., Ин-т славяноведения, 2018. – С. 124-128.
31. Костић Л. М. Спорне територије Срба и Хрвата. – Београд: Досије, 1990. – 318 стр.
32. Комендантов С. В. О реализации «исключений по сооружениям национальной безопасности» в практике ГАТТ/ВТО // Образование и право. – 2019. – № 10. – С. 36-39.
33. Костюк Р. В., Каткова Е. П. Развитие советско-югославских отношений в 1970-е гг. // Клио. – 2018. – № 12. – С. 122-130.
34. Костюк Р. В., Каткова Е. П. Франко-югославские отношения в контексте эволюции мировой политики в 1970-80-е гг. // Вопросы истории. – 2020. – № 10 (4). – С. 53-67.

35. Костюк Р. В. Движение неприсоединения в эпоху холодной войны // Клио. – 2011. – № 4. – С. 32-37.
36. Крылов С. А. Движение неприсоединения: история и современность // Обозреватель – Observer. – 2018. – № 3. – С. 26-43.
37. Кузнечевский В. Д. Эволюция югославской концепции социализма. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. – 186 с.
38. Манчев К. Кървавият край на Югославия. – София: Парадигма, 2009. – 359 стр.
39. Марковић П. Ј., Антић Ч. Алтернативна историја Србије. – Београд: Laguna, 2021. – 264 стр.
40. Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. – 465 с.
41. Матић Д. Дипломатски односи између Шпаније и Југославије (1975-1980). Младеновац: Литера, 2021. – 195 стр.
42. Миликић Р. Југославија и Савет Европе, 1980-2003. Југославија и Парламентарна скупштина Савета Европе од Титове смрти до нове државе. – Београд: Службени гласник, 2012. – 256 стр.
43. Мировой социализм и Движение неприсоединения / Под ред. Тузмухамедов Р. А., Коваленко И. И. – М.: Международные отношения, 1988. – 254 с.
44. Насонова С. А. Этно-национальные и политические особенности Боснии и Герцеговины в рамках СФРЮ (ФНРЮ) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. – 2011. – Вып. 9. – С. 62-72.
45. Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX в. М.: Индрик, 2012. – 176 с.
46. Никифоров К. В. От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX - начало XXI в. – М.: Индрик, 2021. – 280 с.
47. Никифоров К. В. Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века. – М.: Наука, 2006. – С. 347-386.
48. Павловић В. Идеолошки корени Титове спољне политике. Југославија као део совјетске интересне сфере // Два века модерне српске дипломатије. Одг. уред. Д. Т. Батаковић. – Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. – С. 223-265.
49. Панова И. А. Движение неприсоединения – важный фактор мировой политики XX в. // Вестник Московского государственного университета печати. – 2012. – № 11. – С. 65-85.
50. Пивоваренко А. А. Предпосылки выхода Хорватии из СФРЮ. Республиканский аспект // Вестник славянских культур. – 2014. – № 3. – С. 50–68.
51. Пивоваренко А. А. Становление Ф. Туджмана в качестве лидера хорватского национального движения // Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности, конец 60-х – 80-е гг. XX в. – М.: Ин-т славяноведения, 2014. С. 596–608.

52. Полынов М. Ф. Внешняя политика Горбачёва 1985-1991 годы. – СПб.: Алетейя, 2015. – 504 с.
53. Пономарёва Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 233 с.
54. Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1012 с.
55. Романенко С. А. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм». М. С. Горбачёв и судьба Югославии // Славянский альманах. 2006. – М.: Индрик, 2007. – С. 171-209.
56. Сараево'84 : XIV зимние Олимпийские игры / Сост. В. Жильцов. — М.: Физкультура и спорт, 1985. — 191 с.
57. Силић П. У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. Београд: Филип Вишњић, 1993. – 181 стр.
58. Станковић-Пејновић В. Утицај САД и Немачке на распад Југославије // Српска политичка мисао. – 2009. – Бр. 3. – С. 111-137.
59. Терзич С. Старая Сербия: Драма одной европейской цивилизации. – М.: Вече, 2015. – 480 с.
60. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 592 с.
61. Тузмухамедов Р. А. Движение неприсоединения и международное право. – М.: Наука, 1989. – 190 с.
62. Утегенова Д. К. ООН и Движение неприсоединения. – М.: Наука, 1991. – 188 с.
63. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 602 с.
64. Чернышев В. В. Внешнеэкономические связи СФРЮ на современном этапе. – М.: Наука, 1980. – 192 с.
65. Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Ответ. ред. Никифоров К. В. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
66. Југословенско-француски односи. Зборник радова / одг. ур. Терзић С. – Београд: Историјски институт, 1990. – 415 стр.
67. Antikolonijalna revolucija, socijalna politička i ekonomska emancipacija u svetu / Odbor Predsedništva Savezne konf. SSRNJ za pomoć oslobodilačkim pokretima i žrtvama agresije. Ured. odbor. R. Petković. – Beograd: Međunar. politika, 1986. – 230 str.
68. Artisien P. A note on Kosovo and the future of Yugoslav-Albanian relations: a Balkan perspective // Soviet Studies. – 1984. – Vol. 36. – No. 2. – P. 267- 276.
69. Bakić J. Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma, 1918-1941: sociološko-istorijska studija. – Zrenjanin: Gradska narodna biblioteka “Žarko Zrenjanin”, 2004. – 599 str.

70. Bakić J. Jugoslavija: razaranje i njegovi tumači. – Beograd: Službeni glasnik, 2011. – 734 s.
71. Banac I. Political Change and National Diversity // *Daedalus*. – 1990. – Vol. 119. – No. 1. – P. 141-159.
72. Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu – odnosi sa velikim silama 1945-1955. – Zagreb: Globus, 1988. – 767 str.
73. Bennett C. Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences. – New York: New York University Press, 1995. – 296 p.
74. Bianchini S. Eastern Europe and the challenges of modernity, 1800-2000. – London and New York: Routledge, 2015. – 270 p.
75. Biberaj E. Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // *East European Quarterly*. – 1983. – № 4. – P. 173-189.
76. Bing A. «Croatia down under»: australski tisak o izbijanju rata u Hrvatskoj i raspadu Jugoslavije 1990.-1991. // *Časopis za suvremenu povijest*. – 2003. – Vol. 35. – No. 3. – S. 769-802.
77. Bjelić P. Svetska trgovinska organizacija. – Beograd: Prometej, 2002. – 259 str.
78. Bilandić D. Jugoslavija poslije Tito. 1980-1985. – Zagreb: Globus, 1986. – 145 str.
79. Bogetić D. Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1990. – 251 str.
80. Calic M. J. A history of Yugoslavia. – Purdue: Purdue University Press, 2019. – 442 p.
81. Calic M. J. The Great Cauldron: A History of Southeastern Europe. – Cambridge/London: Harvard University Press, 2019. – 736 str.
82. Carević M. Jugoslavija između etatizma i samoupravljanja. – Banjaluka: Glas, 1987. – 426 p.
83. Čačić J., Kumpes J. Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku) // *Migracijske teme*. – 1989. – № 5. – S. 287-306.
84. Čavoški J. Non-Aligned Movement Summits: A History. – New York: Bloomsbury, 2022. – 312 p.
85. Dašić D. Đ. Neki unutrašnji i međunarodni aspekti krize i raspada Jugoslavije // 20 godina od razbijanja SFRJ. – Beograd: Institut za uporedno pravo, 2011. – S. 159-183.
86. Dragišić P. Emigriranje iz Srbije od šezdesetih godina XX veka do danas: kvantitativni pregled // *Tokovi istorije*. – 2013. – № 3/4. – S. 233-249.
87. Dragišić P. Jugoslovenski ekonomski migranti u Austriji od početka 60-ih godina do raspada Jugoslavije // *Tokovi istorije*. – 2009. – № 1/2. – S. 55-65.
88. Dragišić P. Odnosi Jugoslavije i Austrije, 1945-1955. – Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2013. – 205 str.
89. Dragišić P. Šta smo znali o Italiji?: pogledi iz Beograda na Italiju 1955-1978. – Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2019. – 319 str.

90. Dimić L. Istoriografski putokazi: Istoriografsko nasleđe o spoljnoj politici Jugoslavije u Hladnom ratu // Spoljna politika Jugoslavije 1950-1961: Zbornik radova. – Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2008. – S. 25-46.
91. Gavrilović D. Zatočenici mitova nacionalizma i komunizma: svet i Jugoslavija. – Beograd: Kairos, 2010. – 141 str.
92. Hayden R. M. The beginning of the end of the Federal Yugoslavia: the Slovenian amendment crisis of 1989. – Pittsburg: REES, 1992. – 37 p.
93. Investing in Yugoslavia with OPIC Assistance. Overseas Private Investment Corporation. – Washington: Library of Congress, 1973. – 77 p.
94. Ivanović V. Ekstremna emigracija u SR Nemačkoj i Jugoslavija // Istorija 20. veka. – 2009. – Br. 1. – S. 139-147.
95. Jakovina T. Budimir Lončar – od preka do vrha svijeta. – Zaprešić: Fraktura, 2020. – 770 s.
96. Jakovina T. The active coexistence of non-aligned Yugoslavia // Yugoslavia from a historical perspective. – Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights in Serbia, 2017. – P. 461-515.
97. Jakovina T. Treća strana hladnog rata. – Zagreb: Fraktura, 2011. – 782 p.
98. Janev I. Spoljna politika Jugoslavije (SCG) prema UNESCO-u. – Beograd: Institut za političke studije, 2009. – 306 str.
99. Janković S. Sukobi na Bliskom istoku – osnovna obeležja // Međunarodni problemi. – 2007. – br. 2–3. – S. 266–307.
100. Jugoslavija i EEZ / gl. i odg. ur. Adamović L. S. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1988. – 258 str.
101. Jugoslavija i SEV. Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa / gl. i odg. ur. Adamović L. S. – Beograd: Privredni pregled, 1985. – 197 str.
102. Jugoslavija i Svetska trgovinska organizacija. Uslovi i mogućnosti uključivanja u svetski trgovinski sistem. – Beograd: Institut ekonomskih nauka, 1996. – 227 str.
103. Jugoslavija u svetskoj privredi na pragu XXI veka. – Beograd – Zagreb: Informator, 1986. – 467 str.
104. Gradove smo vam podigli. O protivorečnostima jugoslovenskog socializma / Ur. Kneživic V. – Beograd: Centar za kulturnu dekontaminaciju, 2018. – 315 s.
105. Köchler H. The Principles of Non-Alignment. The Non-Aligned Countries in the 80's. – London: International Progress Organization, 1988. – 281 p.
106. Kovač O., Popović T. Yugoslavia and the European Union: the past and the future. – Belgrade, 1996. – 184 str.
107. Kovric B. End Of Walls and Bridges: The United States & Eastern Europe. – New York: New York University Press, 1991. – 440 p.

108. Lampe J. R., Prickett R. P., Adamović L. S. *Yugoslav-American Economic Relations Since World War II*. – Durham: Duke University Press, 1990. – 251 p.
109. Lampe J. R. *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 512 p.
110. Lazić M. *Unmaking detente. Yugoslavia, the United States, and the Global Cold War, 1968-1980*. – London, 2022. – 304 p.
111. Lebovic J. H. *National Interests and US Foreign Aid: The Carter and Reagan Years* // *Journal of Peace Research*. – 1988. – Vol. 25. – Issue 2. – P. 115-135.
112. Lees L. M. *Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War*. – University Park: Pennsylvania State University, 1997. – 268 p.
113. Libal M. *The Limits of Persuasion: Germany and the Yugoslav Crisis, 1991-1992*. – Westport: Praeger, 1997. – 224 p.
114. Lopandić D., Kronja J. *Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu*. – Beograd: Friedrich Ebert Stiftung, 2010. – 316 p.
115. Mileta V. *Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju* // *Politička misao*. – 1986. – Vol. XXIII. – No. 3. – S. 51-57.
116. *NAM and Contemporary World* / Ed. By Govind N. Shrivastava. – New Delhi: Indian Institute for Non-Aligned Studies, 1990. – 211 p.
117. Niebuhr R. *Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics* // *Journal of Cold War Studies*. – 2011. – Vol. 13. – No. 1. – P. 146-179.
118. Obradović S. *Stanje i perspektive odnosa MMF i SRJ* // *Ekonomski horizonti*. – 2000. – № 2. – P. 89-96.
119. Ortakovski V. *Rezultati i posledice izraelsko-arapskih ratova* // *Međunarodni problemi*. – 1989. – god. XLI. – br. 2-3. – S. 221-234.
120. Paquin D. *Understanding US Foreign Policy Toward Emerging Secessionist States: a Close Look at the Balkan Regional Context*. – Montreal, 2005. – 249 p.
121. Pavlica B. *Izbeglice azilanti iz Jugoslavije u SR Nemačkoj* // *Strani pravni život*. – 2005. – Br. 3. – P. 85-102.
122. *Perestroika and the Party. National and Transnational Perspectives on European Communist Parties in the Era of Soviet Reform*. – New York: Berghahn Books, – 2019. – 348 p.
123. Petković D. *Francusk-srpski odnosi, 1800-2010*. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 2011. – 372 str.
124. Petković R. *Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD*. – Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992. – 172 str.

125. Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. – 1983. – Vol. XX. – No. 4. – S. 29-37.
126. Petković R. Subjektivna istorija jugoslovenske diplomatije 1943-1991. – Beograd: Službeni list SRJ, 1995. – 236 str.
127. Petković R. Novi prioriteti u spoljnoj politici Jugoslavije // Politička misao. – 1990. – Vol. XXVII. – No. 1. – S. 107-114.
128. Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918-1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija 1945-1988. – Beograd: Nolit Beograd, 1988. – 492 str.
129. Petrović N. Ž. Ubijstvo turskog ambasadora u Beogradu 1983. godine i jugoslovensko-turski odnosi // Istorija 20. veka. – 2017. – № 2. – S. 119-133.
130. Popović T., Stamenkovic S. Ekonomska drama Jugoslavije: Raspad trzista – sankcije – slom monetarnog sistema. – Beograd: Institut ekonomskih nauka, 1994. – 93 p.
131. Ramet S. P. The Three Yugoslavias. State-Building and legitimation, 1918-2005. – Indiana University Press, 2006. – 784 p.
132. Ramet S. P. Balkan Babel: The Disintegration Of Yugoslavia From The Death Of Tito To The Fall Of Milosevic. – London: Routledge, 2002. – 449 p.
133. Saradnja SFRJ–SEV. Principi, aktuelna pitanja, perspektive. Materijali jugoslovenskog naučnostručnog skupa povodom 20 godina saradnje SFRJ–SEV / gl. i odg. ur. Prvulović L. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1987. – 413 str.
134. Singleton F. A short history of the Yugoslav peoples. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 324 str.
135. Sretenović S. Francusko- srpski odnosi u XIX i XX veku // Međunarodni problemi. – 2009. – № 4. – Str. 536-558.
136. Sretenović S. Francuski pogled na uspon Slobodana Miloševića 1987-1989 // Slobodan Milošević: Road to Power. – Belgrade, Institut za savremenu istoriju, 2008. – S. 256- 267.
137. Stambolija N. Jugoslovensko-poljski odnosi u 1986. godini // Jugoslavsko-poljski odnosi u XX veku: Zbornik radova. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2015. – P. 57-59.
138. Strugar V. Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavia. – Beograd: Stručna knjiga, 1992. – 368 p.
139. Tadić B., Damian A. Pokret nesvrstanosti i sukobi među nesvrstanim zemljama. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1987. – 206 str.
140. Tadić B. Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nesvrstanosti. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1982. – 190 str.
141. The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement / Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. – Belgrade: Institute of International Politics and Economics , 2021. – 509 str.

142. The economics of Non-Alignment / Edit by Adamović Lj. – Belgrade: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1985. – 230 str.
143. Todorović M. Srbija i Egipat. Srpsko-egipatski međukulturni odnosi. – Beograd: Porta Mundi, 2021. – 206 str.
144. Urban W. Austrijsko-jugoslavenski privredni odnosi // Politička misao. – 1986. – No. 3. – S. 58-82.
145. Viola Donatella M. European Foreign Policy and the European Parliament in the 1990s. An Investigation into the Role and Voting Behavior of the European Parliament's Political Groups. – London, New York: Routledge, 2019. – 364 p.
146. Vukadinović R. Jugoslovensko-austrijski odnosi: od napetosti do razumijevanja // Politička misao. – 1989. – Vol. XXVI. – No. 4. – P. 117-127.
147. Woodward S. Balkanska tragedija: kaos i raspad posle hladnog rata. – Beograd: Filip Vičnjić, 1997. – 491 str.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Али Мохамед Салем Ба-Саад. Движение неприсоединения во второй половине 80-х – начале 90-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1993. – 23 с.
2. Бахарева О. В. Движение неприсоединения – важный фактор антиимпериалистической борьбы: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1983. – 20 с.
3. Бычков Ю. Е. Югославско-американские отношения в 80-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 18 с.
4. Гросс Е. Н. ФРГ и Балканский кризис на рубеже XX и XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Тула, 2007. – 202 с.
5. Дурнев В. П. Проблема национальных меньшинств во внешней политике Югославии (ноябрь 1983 - июнь 1982): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ДА МИД СССР, 1983. – 16 с.
6. Кандель П. Е. Югославская система самоуправления и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 24 с.
7. Курбацкий В. А. Внешняя политика Албании в конце XX - начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2017. – 207 с.
8. Мартынова М. Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М. 1996. – 42 с.
9. Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии в 1961-1968 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 295 с.

10. Пономарёва Е. Г. Распад югославской модели федерализма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1995. – 20 с.
11. Радонић Н. Р. Слика Африке у Југославије (1941-1991): Докторска дисертација. – Београд, 2020. – 442 стр.
12. Ристановић П. Р. Српска интелектуална елита и косовско питање 1974-1989. Докторска дисертација. – Београд, 2018. – 776 стр.
13. Тодоров С. С. Отношения между Болгарией и Югославией в 80-е и начале 90-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 13 с.
14. Шмелёв Б. А. Основные направления внешнеполитического курса СФРЮ в 70-е - начале 80-х годов: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1986. – 20 с.
15. Энтина Е. Г. Особенности и пределы интеграционной политики Европейского Союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2020. – 498 с.
16. Arežina, Sanja Z. Odnosi NR Kine sa Jugoslavijom i Srbijom od 1977. do 2009. godine: Doktorski rad. – Beograd, 2013. – 543 str.
17. Kasalo B. Međunarodni pogledi na krizu u Jugoslaviji 1980.-1987.: Doktorski rad. – Zadar, 2017. – 249 str.
18. Mocnik J. United States-Yugoslav Relations, 1961-80: The Twilight of Tito's Era and the Role of Ambassadorial Diplomacy in the Making of America's Yugoslav Policy: History Ph. D. Dissertation. – Bowling Green State University, 2008. – 227 p.
19. Shadly H. Ali. Non-Aligned Movement and decolonization: Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Political Science. – Aligarh, 1990. – 467 p.

Электронные ресурсы

1. Архив Југославије [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arhivyu.gov.rs/>
2. Јапанорама [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japanorama.rs/>
3. UPI. com [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <https://www.upi.com/>

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copy

KATKOVA Ekaterina Petrovna

**THE MAIN DIRECTIONS AND TRENDS OF THE FOREIGN POLICY OF YUGOSLAVIA
IN 1980-1991**

Scientific specialty: 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

Dissertation is submitted for the degree of candidate of historical sciences

Translation from Russian

Scientific supervisor:
Doctor of Historical Sciences,
Professor Ruslan V. Kostiuk

Saint-Petersburg
2023

CONTENTS

INTRODUCTION.....	283
CHAPTER 1. THE INTERNAL POLITICAL SITUATION AND ITS INFLUENCE ON THE FOREIGN POLICY OF YUGOSLAVIA.....	309
1.1. Features of the state structure after the death of Josip Broz Tito.....	309
1.2. "Self-governing socialism" and the economic development of the country.....	317
1.3. Disintegration processes and the problem of separatism.....	324
1.4. Priority directions of the foreign policy of Yugoslavia.....	336
CHAPTER 2. YUGOSLAVIA AS THE SOCIALIST WORLD PART.....	362
2.1. Yugoslavia and the Soviet Union: the general potential of relations and contradictions.....	362
2.2. Yugoslavia and Eastern Europe: pragmatic partnership.....	379
2.3. Yugoslavia and Albania: bilateral conflicts and attempts for overcoming.....	397
2.4. Yugoslavia and China: mutually beneficial cooperation.....	406
CHAPTER 3. THE NON-ALIGNED MOVEMENT AND DEVELOPING COUNTRIES IN THE FOREIGN POLICY OF YUGOSLAVIA.....	415
3.1. General potential of the Non-Aligned Movement in the 1980's.....	415
3.2. The Non-Aligned Movement in the foreign policy of Yugoslavia.....	423
3.3. Bilateral contacts of Yugoslavia with non-aligned and developing countries.....	436
CHAPTER 4. YUGOSLAVIA AND THE CAPITALIST WORLD.....	454
4.1. Problems of Yugoslav-American relations.....	454
4.2. Yugoslavia and Western countries: cooperation and disagreement.....	469
4.3. Yugoslavia and European integration processes: EEC and EFTA.....	496
CONCLUSION.....	510
LIST OF ABBREVIATIONS AND ACRONYMS.....	514
SOURCES AND BIBLIOGRAPHY.....	517

INTRODUCTION

The “Yugoslav question” is one of the most complex and conflicting plots of the latest history of Europe. Events associated with the collapse of Yugoslavia in 1991 were tragic and truly fateful for all subsequent world political development. The disintegration of a single state itself has become a logical phenomenon that reflected the crisis of the socialist world as a whole and the non-vulgarity of the Tito’s model of Yugoslavism in particular. The aggravation of domestic political problems after the death of the permanent head of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (SFRY) Josip Broz Tito distracted the collective leadership from developing a competent and prudent foreign policy, subsequently depriving Yugoslavia with the status of a “third force” on the European continent, as well as the leadership provision in the Non-Aligned Movement (NAM). The struggle against the manifestations of republican separatism; the Croatian, Bosniak, Albanian and Serbian nationalism; a deep economic decline, the problem of the fall in the prestige of the socialist idea among citizens pushed the issues of foreign policy to the background.

The coming to power in the Union of the Soviet Socialist Republics (USSR) M. S. Gorbachev and his declaration of the policy of “new political thinking” was shifted by emphasis on the international agenda. Competition for Yugoslavia, its sympathy and neutrality between the superpowers has lost its practical meaning. The Soviet Union, plunged into a systemic crisis, was not able to provide political and economic support even to its immediate allies in the Warsaw Treaty Organization (WTO). At the same time, in the eyes of the United States of America (USA), who were waiting for a quick defeat in the Cold War of their only enemy at that time, Yugoslavia lost attractiveness as a counterweight to Moscow in the socialist world. The very existence of the socialist world became a matter of time. The preservation of a non-capitalist state in the center of Europe, which had a large and well-armed army, seemed undesirable and inappropriate both by the USA and the Western European powers by the end of the 1980’s. The Western world preferred to see the conglomerate of small democratic countries on the site of Yugoslavia that did not have sufficient authority to influence international affairs. The SFRY, which for decades received considerable dividends from the policy of neutrality and maneuvering between the superpowers, ended up in a situation of the absence of real allies and was forced to take a more flexible and soft position on a number of international issues. Moreover, the state leadership for a long time refused to think for the future, fearing to carry out the revision of the outdated foreign policy concept in the new conditions and often acting out of habit and hunch.

At the same time, the termination of the existence of the SFRY in 1991 did not mean the loss of the geopolitical significance of the post-Yugoslav space and the economic attractiveness of the region of Southeastern Europe (or Western Balkans) for world development leaders. On the contrary, from the end of the last century, this region has become an object of only more and more interest from great

forces. China, as well as the states of the Arabian Peninsula, join to the already traditional players here in the person of the United States, Germany, Austria, Russia and Turkey. In this regard, the appeal to the issues of the historical past of the region, the problems of its international status, the characteristics and the existing foreign policy traditions retains importance and perspective, allows us to make analytical forecasts regarding the further fate of the post-Yugoslav republics, which, along with the following provisions, determines **the relevance of this study**.

From a *historical point of view*, it seems that Yugoslavia has made a significant contribution to the formation and development of the so-called “third world” and the Non-Alignment Movement. The creation of the Movement was officially declared at the Belgrade conference in September 1961. In this case, the personality of Josip Broz Tito and the will, which he showed in the case of defending the rights and freedoms of countries that did not joined to the North-Atlantic Treaty (NATO) and the WTO played a special role. In the 1980’s the country’s participation in the Movement was considered one of the most priority areas of its foreign policy. The contribution of Yugoslavia to the creation and successful functioning of the alternative to two opposing blocks of the international coalition is difficult to overestimate. It should be emphasized that while Yugoslavia has ceased its legal and actual existence, the NAM still continues to work, and two of the six former republics of the SFRY take part in it on the rights of observers.

It is also worth noting that despite the fact that the Balkan countries, occupying the position of the so-called “small countries”, never played a dominant role and did not have the right to decide in European affairs, they often served as the cause of pan-European conflicts and contradictions invariably leaving a mark on all the largest political events on the continent. Examples of this are the Russian-Turkish wars of the 18-19th centuries, both world wars and, ultimately, the contradictions that arose between Russia and the NATO because of Yugoslavia in the 1990’s, not to mention the fact that “Balkan Crisis” has become an important milestone on the way to the formation of a new world order. The origins of the events of the late 20th century should also be sought in such an aspect of international relations as the foreign policy of Yugoslavia on the eve of the collapse.

From a *geopolitical point of view*, being an important link in the Eurasian coastal zone, the territory of Yugoslavia in the Tito’s and post-Tito’s era was a buffer between two military-political blocs. The southeastern Europe continues to play a similar role of the bufer, despite the change in international order.

The United States has a significant impact on the situation in the region, strengthening in it the activities of its diplomatic and military missions and humanitarian funds. The significance of the Balkan direction is separately indicated in the foreign policy concept of the country. The return of Russia to the Balkans took place in 1999 during the march at the Slatina airport. Even then, the country weakened by the chaos of domestic life expressed its intention to gain a foothold in the region.

Subsequently, Russia's interest in mutually beneficial cooperation, based not only on pragmatism, but also on ideas about historical and cultural proximity with the Balkan Slavic peoples only increased. The leadership of the Russian Federation (RF) has repeatedly declared the significance of the post-Yugoslav factor in its strategic planning. For Germany, as a skeleton of the European Union (EU), well-being in the region is of fundamental importance both from the point of view of pan-European security and from the point of view of confirming the leadership status within the community. Active positions in the region, relying on their historical heritage and ideological component, are striving to win Austria and Turkey. The mercantile interests are more driven by China – the country's poorly developed in economic and industrial terms provide significant preferences from Chinese business. For the Arab countries, the Balkans appear to be an extensive field for the export of Pan-Islamism ideas and the popularization of Muslim worldview.

Taking into account the fact that in their modern foreign policy and international legal status, the post-Yugoslav republics inherited much more from the SFRY of the 1980's than from Tito's Yugoslavia, it seems necessary to study the country's foreign policy in this decade. In the 1980's the Yugoslav republics increasingly began to manifest themselves as independent subjects of international law. The 1974 Constitution served as a legal justification for this, deepening the processes of decentralization of power and granting broad rights and competencies to the republican leadership.

The problem of the interaction of civilizational identities in the last few decades has attracted more and more attention. Moreover, it is interpreted mainly in its conflict aspect, within the framework of the discourse on the “clash of civilizations”. The very term “clash of civilizations” is associated, first of all, with the conceptual ideas of S. Huntington, presented by him in 1993 in the article of the same name, and in 1996 in the book¹²⁴⁰. The main forerunners and adherents of civilizational theory were the Russian culturologist and sociologist, a supporter of the ideology of Pan-Slavism N. Ya. Danilevsky¹²⁴¹, soviet ethnographer L. N. Gumilyov¹²⁴² and the English historian A. Toynbee¹²⁴³.

From *a civilizational point of view*, the region of Southeastern Europe is characterized by exceptional uniqueness, being the most frontier, borderline region in Europe, immediately between three local historical and cultural types: Western European (Romano-Germanic), Eastern Orthodox (Slavic-Byzantine) and Islamic. The civilizational factor inevitably influenced the foreign policy of Yugoslavia in the 1980's and the former Yugoslav republics in subsequent decades. Taking into account the ethnic, religious, cultural and linguistic conflicts that are becoming more acute in the contemporary world, an appeal to the similar experience of Yugoslavia and the prerequisites and reasons that caused it becomes especially important and relevant.

¹²⁴⁰ *Huntington S.* The Clash of Civilizations. Moscow, 2003. [in Russian]

¹²⁴¹ *Danilevsky N. Ya.* Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance. Moscow, 2015. [in Russian]

¹²⁴² *Gumilyov L. N.* Geography of the ethnos in the historical period. Leningrad, 1990. [in Russian]

¹²⁴³ *Toynbee A. J.* Civilization before the court of history. Moscow, 2002. [in Russian]

Thus, the importance of research developments on the topic under consideration is indicated by the need to take a comprehensive approach to the history of Yugoslavia in the last decade of its existence, to pay equal attention to both domestic and foreign policy issues, the study of which was often unfairly ignored and justified by the assertion that the country in the 1980's was so focused on internal problems that it refused to pursue an active independent foreign policy course. This approach is fundamentally erroneous, because it demonstrates a general disregard for the political phenomenon and history of the SFRY.

The degree of scientific development of the topic both in Russian and foreign historiography seems to be insufficient and fragmentary, which is due to a wide range of reasons. Until now, there is no fundamental work that would comprehensively consider various aspects of the foreign policy activity of the "second" Yugoslavia throughout its existence, not to mention specifically about the 1980's. The works of modern post-Yugoslav (as well as other Balkan), English-speaking and Russian authors, dedicated to the last decade in the history of the SFRY, provide fragmentary information about its foreign policy, indirectly touch on the topic within its time limits, but do not focus on it, do not go into details and are often limited to general remarks.

The Serbian professional community in recent years has begun to show a particularly active interest in the communist past, which in previous decades was often ignored in terms of research. There were general works on the Yugoslav era and problematic works affecting certain aspects of the foreign policy of the SFRY. Croatian and Slovenian researchers are not inferior to them. Yugoslav problems are being actively developed by Bulgarian historians.

Various plots of the history of the SFRY are considered in sufficient detail in English-language historiography, but it is characterized by the specificity of assessments and perception of Yugoslavia, as well as a certain amount of subjectivity and politicization when it comes to the ideological side of the issue.

Modern Russian researches on Yugoslavia, as a rule, concentrates on questions of its earlier history or the nature of conflicts in the post-Yugoslav space and deprives the attention of the 1980's. Meanwhile, it is worth noting that in the late Soviet years, several dissertations were defended on the topic of the foreign policy of the SFRY and its individual areas, scientific and journalistic articles were published. In the 1990's there was a surge of research and publication activity in relation to Yugoslavia: historians were worried about the origins of the Yugoslav crisis. In the 2000's and 2010's a number of dissertators devoted chapters of their researches to certain subjects of the foreign policy of the SFRY in the 1980's. However, there are still no comprehensive works examining the foreign policy of Yugoslavia in all its diversity during the decade of interest to us.

Thus, we can say that the most complete and valuable factual information on the topic of our study is contained in the Yugoslav publications proper on certain aspects of the foreign policy of the

SFRY, published in the late 1980's, despite their inherent ideological coloring, some bias and one-sidedness. Qualitatively new value judgments and characteristics, in turn, are offered in modern Russian and English-language historiographies of the issue.

It should be noted that in some cases, in order to more fully disclose the essence of the analyzed phenomena, the author has to turn to works devoted to earlier stages of the development of the Yugoslav state.

The studies, which to some extent reflect various aspects of our dissertation, can be divided into several thematic groups:

Works devoted to the foundations of the state and party system and general problems of domestic and foreign policy of Yugoslavia on the eve and in 1980-1991.:

Among the Russian-language studies considering the domestic policy of the SFRY, the most significant are the numerous works of V. K. Volkov¹²⁴⁴, E. Yu. Guskova¹²⁴⁵, A. B. Edemsky¹²⁴⁶, P. E. Kandel¹²⁴⁷, V. M. Kamenetsky¹²⁴⁸, V. D. Kuznechevsky¹²⁴⁹, K. V. Nikiforov¹²⁵⁰, E. G. Ponomareva¹²⁵¹. In 2011 by scientists from the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences there was published a collective monograph “Yugoslavia in the 20th century. Essays on political history”¹²⁵², in which Chapter 8. “Kardel’s Yugoslavia (1974-1990)”, prepared by K. V. Nikiforov, is of particular interest to us. The foundations of the socio-economic system of Yugoslavia, as well as the factors that caused its inefficiency, are considered in the works of V. M. Kudrov¹²⁵³. The problems of the national policy of the SFRY, republican nationalism and separatism, the disintegration crisis and its ethnic aspects are covered in the works of M. Yu. Martynova¹²⁵⁴, R. Bukvic¹²⁵⁵, Yu. V. Ivanova¹²⁵⁶, N. A.

¹²⁴⁴ For example, *Volkov K. V.* Key problems of the recent history of the countries of Central and South-Eastern Europe. Moscow, 2000. [in Russian]

¹²⁴⁵ *Guskova E. Yu.* Yugoslavia. Actual problems of social development. Moscow, 1980. Issue. 3., 1981. Issue. 4., 1983. Issue. 5., 1984. Issue. 6., 1985. Issue. 7.; The role of the SKU in the political system of society. Moscow, 1983.; Discussion about personnel policy and the social-class structure of the SKJ. Moscow, 1985.; The Yugoslav concept of the party in terms of self-government. Moscow, 1987.; The ideological work of the Union of Communists of Yugoslavia: St. Reviews: / USSR Academy of Sciences, Moscow, 1988.; From Totalitarianism to Democracy: The First Results of the Yugoslav Multi-Party Elections: A Review. Moscow, 1991.; History of the Yugoslav Crisis. Moscow, 2001. [in Russian]

¹²⁴⁶ For example, *Edemsky A. B.* From the failure of the XIV Congress of the SKJ to the “third Yugoslavia”? // Eastern Europe at a historical turning point (essays on revolutionary transformations, 1989-1990). Moscow, 1991. pp. 269-290. [in Russian]

¹²⁴⁷ For example, *Kandel P. E.* The Yugoslav system of self-government and the main directions of the foreign policy of the SFRY (1949-1979): author. dis. ... cand. hist. sciences. M., 1979; Yugoslav self-government and the main directions of the foreign policy of the SFRY (1949-1979). Moscow, 1979. [in Russian]

¹²⁴⁸ *Kamenetsky V. M.* The political system of Yugoslavia (1950–1980). Moscow, 1991. [in Russian]

¹²⁴⁹ *Kuznechevsky V. D.* Evolution of the Yugoslav concept of socialism. Moscow, 1990. [in Russian]

¹²⁵⁰ *Nikiforov K. V.* Yugoslav experiment // Power - society - reforms: Central and South-Eastern Europe, the second half of the twentieth century. Moscow, 2006.; Serbia in the Balkans. 20th century M., 2012.; He is. From Serbia to Serbia. In search of modernization. Late 19th - early 21st century Moscow, 2021. [in Russian]

¹²⁵¹ *Ponomareva E. G.* The collapse of the Yugoslav model of federalism: author. dis. ... cand. polit. sciences. Moscow, 1995. [in Russian]

¹²⁵² Yugoslavia in the XX century. Essays on political history / Ed. Nikiforov K. V. Moscow, 2011. [in Russian]

¹²⁵³ *Kudrov V. M.* Yugoslavia: a difficult path. Moscow, 2001.; Yugoslavia: Farewell Economic and Statistical Portrait // Social Sciences and Modernity. 2002. No. 1. pp. 90-105. [in Russian]

¹²⁵⁴ *Martynova M. Yu.* Ethnic aspects of the modern Balkan crisis: author. dis. ... dr. hist. sciences. Moscow, 1996.; The Balkan Crisis: Peoples and Politics. Moscow, 1998. [in Russian]

Nasonova¹²⁵⁷, A. A. Pivovarenko¹²⁵⁸. The origins, as well as the essence of the “Albanian” and “Kosovo” issues in Yugoslavia are explained in the problematic publications of P. A. Iskenderov¹²⁵⁹ and E. A. Koloskov¹²⁶⁰.

Among the works devoted to the general problems of the foreign policy of Yugoslavia, in addition to the already mentioned work of P. E. Kandel, one should highlight the dissertation research of V. P. Durnev¹²⁶¹, which examines the problem of national minorities in the context of the foreign policy of Yugoslavia, as well as the study of B. A. Shmelev¹²⁶² on the foreign policy of Yugoslavia in the 1970's - early 1980's. B. S. Novoseltsev's dissertation “Foreign policy of Yugoslavia in 1961-1968”¹²⁶³, written on the basis of a wide range of sources and literature, draws particular attention to itself. Despite the fact that its content is not directly related to the topic of our work, it is an important tool for understanding the essence of the foreign policy of the ‘second Yugoslavia’, the foundations of which were laid precisely in the 1960's, which had a peculiar peak of the power of the Yugoslav state. The main directions and problems of foreign trade of the SFRY, its role in the international economy are set out in the corresponding study by V. V. Chernyshev¹²⁶⁴.

Yugoslav and post-Yugoslav studies containing a qualitative analysis of the internal political situation that developed in Yugoslavia in the 1980s are represented by the works of D. Bilanjic¹²⁶⁵, D. Gavrilovic¹²⁶⁶, D. Dasic¹²⁶⁷, B. Petranovic¹²⁶⁸, M. Crnobrnja¹²⁶⁹, M. Charevic¹²⁷⁰ and others. The collective work of Serbian historians “We have built cities for you”¹²⁷¹ is devoted to the contradictions

¹²⁵⁵ Bukvic R. Regional problem of socialist Yugoslavia in 1945-1991 // Bulletin of Mordov. university 2014. No. 3. pp. 129-146. [in Russian]

¹²⁵⁶ Ivanova Yu. V. Kosovo crisis. Moscow, 1999. [in Russian]

¹²⁵⁷ Nasonova S. A. Ethno-national and political features of Bosnia and Herzegovina within the framework of the SFRY (FPRY) // Problems of the new and recent history of foreign countries. 2011. Issue 9. pp. 62-72. [in Russian]

¹²⁵⁸ Pivovarenko A. A. Prerequisites for the withdrawal of Croatia from the SFRY. Republican aspect // Bulletin of Slavic cultures. No. 3 (2014). Moscow, 2014. pp. 50-68.; Formation of F. Tudjman as the leader of the Croatian national movement // Dissent in the conditions of “real socialism”: The search for a new statehood, the end of the 60's - 80's. XX century. Moscow, 2014. pp. 596-608. [in Russian]

¹²⁵⁹ Iskenderov P. A. The history of Kosovo in the scope of discussions // Questions of history. 2010. No. 3. pp. 38-54.; Albania and crises in the post-Yugoslav space // Albanian factor of the crisis in the Balkans: Collection of scientific papers. Moscow, 2003. [in Russian]

¹²⁶⁰ Koloskov E. A. Kosovo myth in the Serbian political discourse (1986-1991) // Slavic world: commonality and diversity. Abstracts of the youth scientific conference within the framework of the Days of Slavic Literature and Culture. Managing editors: E. S. Uzeneva, O. V. Khavanova. 2018. Moscow, pp. 124-128. [in Russian]

¹²⁶¹ Durnev V. P. The problem of national minorities in the foreign policy of Yugoslavia (November 1943 - June 1982): abstract dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 1983. [in Russian]

¹²⁶² Shmelev B. A. The main directions of the foreign policy of the SFRY in the 70s - early 80s: dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 1986. [in Russian]

¹²⁶³ Novoseltsev B. S. Foreign policy of Yugoslavia in 1961-1968: dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 2015. [in Russian]

¹²⁶⁴ Chernyshev V. V. Foreign economic relations of the SFRY at the present stage. Moscow, 1980. [in Russian]

¹²⁶⁵ Bilandić D. Jugoslavija poslije Tito. 1980-1985. Zagreb, 1986.

¹²⁶⁶ Gavrilović D. Zatočenici mitova nacionalizma i komunizma: svet i Jugoslavija. Beograd, 2010.

¹²⁶⁷ Dašić D. Đ. Neki unutrašnji i međunarodni aspekti krize i raspada Jugoslavije // 20 godina od razbijanja SFRJ. Beograd, 2011. str. 159-183.

¹²⁶⁸ Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918-1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija 1945-1988. Beograd, 1988.

¹²⁶⁹ Crnobrnja M. The Yugoslav Drama. London and New York, 1996.

¹²⁷⁰ Carević M. Jugoslavija između etatizma i samoupravljanja. Banjaluka, 1987.

¹²⁷¹ Gradove smo vam podigli. O protivorečnostima jugoslovenskog socializma / Ur. Knežević V. Beograd, 2018.

of the Yugoslav model of socialism. The issues of republican separatism, the disintegration process and its ethnic aspects are developed in the studies of D. Djokic¹²⁷², Lazo M. Kostic¹²⁷³, P. Silic¹²⁷⁴, V. Strugar¹²⁷⁵, S. Terzic¹²⁷⁶. In the same row, it would be logical to mention the monograph of the Bulgarian researcher Krstio Manchev “The Bloody Land of Yugoslavia”¹²⁷⁷. The meaning of the economic problems of Yugoslavia during its half-life and later is explained in the work of T. Popovic and S. Stamenkovic¹²⁷⁸.

In the dissertation research of the Croatian historian Branko Kasalo¹²⁷⁹ “An international view of the crisis in Yugoslavia 1980-1987” highlights the points of view of the European and international communities on the essence of the political, economic and interethnic problems of Yugoslavia in the period under review and, importantly, the influence of the Yugoslav People's Army (YPA) on the internal political processes in the country.

A fairly detailed review of the Serbian- and Croatian-language historiography of the foreign policy of the SFRY is given in the Ljubodrag Dimic’s preface “Historiographic signs. Historiographic heritage about the foreign policy of Yugoslavia during the Cold War¹²⁸⁰” to the collective work “Foreign policy of Yugoslavia. 1950-1961”.

Fundamentals of diplomacy and foreign policy priorities of the SFRY on the eve and in the 1980’s set out in the works of D. Bekic¹²⁸¹, V. Pavlovic¹²⁸², R. Petkovic¹²⁸³. Issues of foreign trade and the foreign economic potential of Yugoslavia are discussed in the publication of the Consortium of Economic Institutions “Yugoslavia in world trade on the threshold of the 21st century”¹²⁸⁴. Yugoslavia's relations with the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) are the subject of Igor Yanev's work “Yugoslavia’s Foreign Policy towards UNESCO”¹²⁸⁵.

English-language works on the topic include, for example, Christopher Bennett’s “Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences”¹²⁸⁶, Marie-Janine Canic’s “History of Yugoslavia”¹²⁸⁷

¹²⁷² *Dokić D.* Yugoslavism: Histories of a Failed Idea 1918–1992, London, 2003.

¹²⁷³ *Kostuh J. M.* Спорне територије Срба и Хрвата. Београд, 1990.

¹²⁷⁴ *Силић П.* У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. Београд, 1993.

¹²⁷⁵ *Strugar V.* Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavia. Beograd, 1992.

¹²⁷⁶ *Terzic S.* Old Serbia: The drama of one European civilization. Moscow, 2015.

¹²⁷⁷ *Манчев К.* Кървавият край на Югославия. София, 2009.

¹²⁷⁸ *Popović T., Stamenković S.* Ekonomska drama Jugoslavije: Raspad trzista – sankcije – slom monetarnog sistema. Beograd, 1994.

¹²⁷⁹ *Kasalo B.* Međunarodni pogledi na krizu u Jugoslaviji 1980.-1987. Doktorski rad. Zadar, 2017.

¹²⁸⁰ *Spoljna politika Jugoslavije 1950-1961: Zbornik radova.* Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije. str. 25-46.

¹²⁸¹ *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Zagreb, 1988.

¹²⁸² *Павловић В.* Идеолошки корени Титове спољне политике. Југославија као део совјетске интересне сфере // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2012, стр. 223-265.

¹²⁸³ *Petković. R.* Subjektivna istorija jugoslovenske diplomatije 1943-1991. Beograd, 1995; Novi prioriteti u spoljnoj politici Jugoslavije. Politicka misao. Vol. XXVII. no. 1. 1990. str. 107-114.; Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanosti. Politicka misoa. Vol. XX. no. 4. 1983. str. 29-37.

¹²⁸⁴ *Jugoslavija u svetskoj privredi na pragu XXI century.* Beograd-Zagreb, 1986.

¹²⁸⁵ *Janev I.* Spoljna politika Jugoslavije (SCG) prema UNESCO-u. Beograd, 2009.

¹²⁸⁶ *Bennett C.* Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences. New York: New York University Press, 1995.

and “The Great Cauldron: A History of Southeastern Europe”¹²⁸⁸, Branka Magaš’ “The collapse of Yugoslavia: on the way to a split (1980-1992)”¹²⁸⁹, Sabrina P. Ramet’s “Three Yugoslavias. State building and problems of legitimacy in 1918-2005”¹²⁹⁰ and “Balkan Babylon: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to The Fall of Milosevic”¹²⁹¹”, R. M. Hayden’s “The beginning of the end of Federal Yugoslavia”¹²⁹². All of them to some extent cover the foreign policy of the SFRY in the 1980’s.

Works devoted to the issues of interaction between Yugoslavia and the USSR, the countries of the Warsaw Treaty Organization (WTO) and the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA, Comecon), as well as other socialist countries on the eve and in 1980-1991:

The relations of Yugoslavia with the Soviet Union are analyzed in detail in the monograph by S. A. Romanenko “Between ‘proletarian internationalism’ and ‘Slavic brotherhood’. Russian-Yugoslav relations in the context of ethno-political conflicts in Central Europe. From the beginning of the 20th until 1991”¹²⁹³, as well as in his individual articles, such as, for example, “‘Perestroika’ and / or ‘self-governing socialism’. M. S. Gorbachev and the fate of Yugoslavia”¹²⁹⁴, in which the author comes to the conclusion about Gorbachev's desire to prevent the disintegration of Yugoslavia and the lack of real leverage and chances for the USSR to preserve it in its former form. The visit of M. S. Gorbachev to Yugoslavia in 1988 is described in special publications by E. Yu. Guskova¹²⁹⁵ and A. B. Edemsky¹²⁹⁶. E. Yu. Guskova devoted a special study to the policy of the USSR and new Russia in relation to the disintegrating Yugoslavia¹²⁹⁷. Among the English-language publications on Yugoslav-Soviet relations, P. Dragisic's chapter “Yugoslavia and Perestroika. Between Hope and Disappointment” in the collective publication “Perestroika and the Party. National and international views on the communist parties of Europe in the era of Soviet reforms”¹²⁹⁸ must be noted.

¹²⁸⁷ *Calic M. J.* A history of Yugoslavia. Purdue, 2019.

¹²⁸⁸ *Calic M. J.* The Great Cauldron: A History of Southeastern Europe. London, 2019.

¹²⁸⁹ *Magaš B.* The destruction of Yugoslavia tracking the break-up. 1980-1992. London, 1993.

¹²⁹⁰ *Ramet S. P.* The Three Yugoslavias. State-Building and legitimation, 1918-2005. Indiana, 2006.

¹²⁹¹ *Ramet S. P.* Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia From The Death of Tito to The Fall of Milosevic. London, 2002.

¹²⁹² *Hayden R. M.* The beginning of the end of the Federal Yugoslavia: the Slovenian amendment crisis of 1989. Pittsburg, 1992.

¹²⁹³ *Romanenko S. A.* Between “proletarian internationalism” and “Slavic brotherhood”. Russian-Yugoslav relations in the context of ethno-political conflicts in Central Europe. From the beginning of the twentieth century. until 1991. Moscow, 2011. [in Russian]

¹²⁹⁴ *Romanenko S. A.* “Perestroika” and / or “self-governing socialism”. M. S. Gorbachev and the fate of Yugoslavia” // Slavic Almanac. Mosciw, 2007. pp. 171-209. [in Russian]

¹²⁹⁵ *Guskova E. Yu.* Serbia was waiting for support. M. S. Gorbachev's visit to Yugoslavia in March 1988 // New and recent history. 2019. Issue. 5. pp. 128-144. [in Russian]

¹²⁹⁶ *Edemsky A. B.* On the visit of M.S. Gorbachev to Yugoslavia in March 1988 // Slobodan Milošević: put ka vlasti. Osma sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice. Beograd, 2008.

¹²⁹⁷ *Guskova E. Yu.* Russia's foreign policy during the Yugoslav crisis (1985-1995). Moscow, 2022. [in Russian]

¹²⁹⁸ Perestroika and the Party. National and Transnational Perspectives on European Communist Parties in the Era of Soviet Reform. New York, 2019.

Cooperation between the SFRY and the socialist countries within the framework of the CMEA is discussed in the publication “Yugoslavia and CMEA. Intensification of economic cooperation between Yugoslavia and CMEA”¹²⁹⁹ edited by Lyubisha S. Adamovic; publication “Cooperation between the SFRY and the CMEA: principles, current issues, prospects”¹³⁰⁰ edited by L. Prvulovic; in A. Ćirić’s work¹³⁰¹. The corresponding dissertation of Strakhil S. Todorov¹³⁰² is devoted to the relations between Yugoslavia and Bulgaria. Relations with Poland in the designated period are considered in the article of N. Stambolija¹³⁰³. Yugoslavia’s contacts with other members of the Warsaw Pact in the 1980’s, unfortunately, have not yet been reflected in detail in individual publications.

Yugoslav-Chinese relations since 1977 have been the subject of a dissertation research by Sanja Z. Arežina¹³⁰⁴. Albanian perspective on bilateral relations between the SFRY and Albania is presented in problematic articles by E. Biberaj¹³⁰⁵.

Works devoted to the Non-Aligned Movement (NAM) in principle, the role of Yugoslavia in it, as well as Yugoslavia’s bilateral relations with developing countries on the eve and in 1980-1991:

It must be said that various aspects of the history of the liberation movement and the Non-Aligned Movement are quite fully developed both in Russian and foreign historiography. In the former Yugoslavia, researches in this area were recognized as being of particular importance. Let us name only those works that directly affect the period we are studying and the decade preceding it, in order to trace the continuity of the SFRY policy in this direction with the late Tito’s era. The problem of the liberation movement and participation of Yugoslavia in it from an official position is covered in the collection of articles “Anti-colonial policy and economic emancipation in the world”¹³⁰⁶. The issue of the international status and influence of the Non-Aligned Movement in the period under review is analyzed in the works of O. V. Bakhareva¹³⁰⁷ and B. Tadić¹³⁰⁸, as well as in the publication edited by R. A. Tuzmukhamedov and I. I. Kovalenko “World Socialism and the Non-Aligned Movement”¹³⁰⁹. The role of Yugoslavia in the movement, the specifics of its bilateral contacts with developing countries and the content of the position on local conflicts in the “third world” are reflected in the

¹²⁹⁹ Adamović L. S. Jugoslavija i SEV Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa. Beograd, 1985.

¹³⁰⁰ Saradnja SFRJ – SEV: Principi, aktuelna pitanja, perspektive (zajedničko izdanje sa PKJ) / Red. Prvulović L. Beograd, 1987.

¹³⁰¹ Ćirić, A. Lj. Jugoslavija – SEV. Odgovornost prodavača za isporuku. Beograd, 1989.

¹³⁰² Todorov S. S. Relations between Bulgaria and Yugoslavia in the 80s and early 90s: author. dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 1992. [in Russian]

¹³⁰³ Stambolija N. Jugoslovensko-poljski odnosi u 1986. godini // Jugoslavsko-poljski odnosi u XX veku: Zbornik radova. Beograd, 2015.

¹³⁰⁴ Arežina Sanja Z. Odnosi NR Kine sa Jugoslavijom i Srbijom od 1977. do 2009. godine. Doktorski rad. Beograd, 2013.

¹³⁰⁵ For example, Biberaj E. Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // East European Quarterly. 1983. No. 4. pp. 173-189.

¹³⁰⁶ Antikolonijalna politika i ekonomska emansipacija u svetu. Beograd, 1986.

¹³⁰⁷ Bakhareva O. V. The non-aligned movement is an important factor in the anti-imperialist struggle: author. dis. ... dr. hist. sciences. Moscow, 1983.

¹³⁰⁸ Tadić B., Damian A. Pokret nesvrstanosti i sukobi među nesvrstanim zemljama. Beograd, 1987.

¹³⁰⁹ World Socialism and the Non-Aligned Movement / Ed. Tuzmukhamedov R. A., Kovalenko I. I. Moscow, 1988. [in Russian]

works of D. Bogetić¹³¹⁰, Niebuhr R.¹³¹¹, B. Tadić¹³¹², T. Jakovina¹³¹³, and the point of view of modern authors on the significance of the Yugoslav factor for non-alignment is particularly rational and objective. One of the latest studies on the topic is the dissertation of Nemanja R. Radonić “The Image of Africa in Yugoslavia”¹³¹⁴, in which the author focuses on the African direction of the foreign policy of the SFRY, which is predominantly humanitarian in nature, as well as the perception of Africa and Africans in Yugoslavia.

The dissertation research of Khalid ali Shadly “Non-Aligned movement and decolonization”¹³¹⁵ is partly devoted to the relations between the SFRY and India within the framework of the Non-Aligned Movement. Conflicts in the Middle East in the 1980’s and the position of Yugoslavia on this issue are considered in the articles of S. Janković¹³¹⁶ and V. Ortakovski¹³¹⁷, published in the journal “International Problems”. There are currently no special works reflecting the relations of the SFRY with the developing Latin American and Asian countries in 1980-1991.

Works devoted to the problems of bilateral and multilateral relations of Yugoslavia with the United States and other capitalist countries of the West, including within the framework of the European Economic Community (EEC), the Council of Europe (CE) and other international and regional organizations on the eve and in 1980-1991.

The interaction of the SFRY with the EEC is considered in the collective work edited by Lyubisha S. Adamović “Yugoslavia and the EEC”¹³¹⁸, which gives a detailed description of the economic and trade relations of Yugoslavia both with the EEC in principle and with some of its individual members, and also substantiates Belgrade's motivation in striving to deepen cooperation with the Community. The first thorough attempt to study this issue in Russian researches is made within the framework of a doctoral study by E. G. Entina “Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the post-Yugoslav space)”¹³¹⁹, in which Chapter 2. “Evolution of relations between the EEC / EU and Yugoslavia” is partially devoted to the period of our interest. The author, on the whole, agrees with the point of view widespread in historical and political sciences about a certain share of the EEC's guilt in the collapse of the SFRY.

¹³¹⁰ Bogetić D. Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. Beograd, 1990.

¹³¹¹ Niebuhr R. Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // Journal of Cold War Studies. 2011 Vol. 13, no. 1. pp. 146-179.

¹³¹² Tadić B. Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nasvrstanosti. Beograd, 1982.

¹³¹³ Jakovina T. Treća strana hladnog rata. Zagreb, 2011.

¹³¹⁴ Radonić N. P. Слика Африке у Југославије (1941-1991). Докторска дисертација. Београд, 2020.

¹³¹⁵ Shadly K. A. Non-Aligned movement and decolonization: Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Political Science. Aligarh, 1990.

¹³¹⁶ Janković S. Sukobi na Bliskom istoku - osnovna obeležja // Međunarodni problemi. 2007. god. LIX, br. 2-3. str. 266-307.

¹³¹⁷ Ortakovski V. Rezultati i posledice izraelsko-arapskih ratova // Ibid. 1989. god. XLI, br. 2-3. str. 221-234.

¹³¹⁸ Adamović L. S. Jugoslavija i EEZ. Beograd, 1988.

¹³¹⁹ Entina E. G. Features and limits of the integration Policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the post-Yugoslav space): dis. ... dr. polit. sciences. Moscow, 2020. [in Russian]

The topic of cooperation between the SFRY and the Council of Europe is covered in R. Milikic's work "Yugoslavia and the Council of Europe (1980-2003). Yugoslavia and the Parliamentary Assembly of Europe from the death of Tito to the new state"¹³²⁰. The author devoted a separate paragraph of the monograph to the problem of Yugoslav migrants in the countries of the Council of Europe and their social adaptation both abroad and after returning to the SFRY. The problem of Yugoslav labor migration in Western Europe is also discussed in the articles of P. Dragisic¹³²¹.

Yugoslav-American bilateral relations have become the subject of special studies by Yu. E. Bychkov¹³²², R. Petkovic¹³²³. Both works are not free from ideological and political prejudices against the United States.

The historiography of the traditionally friendly Yugoslav-French relations is extensive when we talk about the period between the two world wars, but the literature on the relations of the two countries in the Tito's and post-Tito's eras is very scarce. The interaction of Belgrade with Paris, including in the years of our interest, is considered in the work of D. Petrovic "French-Serbian relations. 1800-2010"¹³²⁴ and also partly in the articles of S. Sretenovic¹³²⁵. The phenomenon of Yugoslav migration in France in the 1970's-1980's analyzed in the publication of J. Cacic and J. Kumpes¹³²⁶.

Features of relations between Serbia, including in the Yugoslav period of its history, with Austria are the subject of scientific interest of S. Bozic¹³²⁷ and P. Dragisic¹³²⁸, however, in their publications on the topic, they do not consider or dwell separately on the period of the 1980's. However, it is assumed that their work is important for an essential understanding of the content of the Yugoslav-Austrian relations. Economic contacts between Yugoslavia and Austria in the decade we are studying are analyzed in the problematic article by W. Urban¹³²⁹.

The specifics and nature of Yugoslav-Italian relations are reflected in P. Dragisic's monograph "What did we know about Italy? Views from Belgrade on Italy. 1955-1978"¹³³⁰. Despite the fact that

¹³²⁰ *Milikuć P.* Jugoslavija i Savet Evrope, 1980-2003. Beograd, 2012.

¹³²¹ *Dragišić P.* Emigriranje iz Srbije od šezdesetih godina XX century do danas: kvantitativni pregled // Tokovi istorije. 2013. No. 3/4. str. 233-249.; *Dragišić P.* Jugoslovenski ekonomski migranti u Austriji od početka 60-ih godina do raspada Jugoslavije // Tokovi istorije. 2009. No. 1/2. str. 55-65.

¹³²² *Bychkov Yu. E.* Yugoslav-American relations in the 80s: author. dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 1988. [in Russian]

¹³²³ *Petković R.* Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992

¹³²⁴ *Petrović D.* Francusko-srpski odnosi, 1800-2010. Beograd, 2011.

¹³²⁵ *Sretenović S.* Francusko- srpski odnosi u XIX and XX veku // Međunarodni problemi. 2009. No. 4. S. 536-558.; Francuski pogled na uspon Slobodana Miloševića 1987-1989 // Slobodan Milošević: put ka vlasti. Osma sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice. Srbija 20 godina kasnije 1987-2007. Beograd, 2008.

¹³²⁶ *Čačić J., Kumpes J.* Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku) // Migracijske teme. 1989. No. 5. str. 287-306.

¹³²⁷ *Božić S.* Austrija i Srbi kroz vekove – kratak pregled // Kazivanja o Srbima kroz vekove: od Svetog Stefana Nemađe i Svetog Save do dana. Beograd, 2015. str. 216–229.

¹³²⁸ *Dragišić P.* Odnosi Jugoslavje i Austrije, 1945-1955. Beograd, 2013.

¹³²⁹ *Urban W.* Austrijsko-jugoslavenski privredni odnosi // Politička misao. 1986 No. 3. str. 58-82.

¹³³⁰ *Dragišić P.* Šta smo znali o Italiji?: pogledi iz Beograda na Italiju 1955-1978. Beograd, 2019.

the work does not directly affect the period we are studying, it gives a holistic and comprehensive picture of the main trends in bilateral relations, as well as the perception of Italy by the Yugoslavs.

It is necessary to pay attention to the fact that in recent years the foreign policy of Serbia – Yugoslavia in the 20th century becomes the object of special research projects in Serbia, which stimulate the publication of thematic publications. Examples of this can be the current project “Serbs and Serbia in the Yugoslav and international context: internal development and position in the European and international community”¹³³¹ (supervisor – Dr. S. Bozic), conducted on the basis of the Institute of New History of Serbia and the project “Serbia and the Modern World: Perspectives and Ways to Strengthen Foreign Policy Positions in the International Community” (headed by Dr. P. Petrovic and Dr. D. Dimitrievic), which was held on the basis of the Institute of International Politics and Economics from 2006 to 2010.

Nevertheless, despite the stable interest of the professional community to the history of Yugoslavia and its diplomacy, the period from 1980 to 1991 often goes uncovered in modern historical research on the history of the SFRY, is a kind of “blank spot” that falls out of the field of view of researchers; is overshadowed by exceptional interest to the Tito’s era and the period of disintegration and military conflicts on the territory of the former Yugoslavia, while the causes of the tragic events of the 1990’s. should be looked for in the previous decade. At the same time the foundations of the foreign policy courses of the later independent Yugoslav republics were laid.

The source base of the study is made up of materials that can be conditionally divided into six groups:

1. Materials of digital archives and libraries;

a) Materials of Radio Free Europe/Radio Liberty, or Radio Free Europe/Radio Liberty*, stored on paper in the Open Society Archive at the Central European University in Budapest, hereinafter referred to as OSA Archivum, as well as in digitized form on the website archive¹³³². The part of the collection devoted to Yugoslavia consists of several hundred digital copies of reports issued from 1957 to 1991. When working on the study, reports were used that were dated no earlier than May 1980 and no later than July 1991. The documents are based on extensive monitoring of the Yugoslav media and cover a wide range of topics, including domestic political processes, international relations and the daily life of the SFRY. Reports for certain years contain inventories of signed foreign policy agreements, materials of diplomatic meetings, biographies of Yugoslav political and state figures, as well as biographies of foreign envoys in Yugoslavia. In preparing and writing materials, factual accuracy was observed, and

* performs the functions of a foreign agent

¹³³¹ See more: Срби и Србија у југословенском и међународном контексту: унутрашњи развитак и положај у европској/светској заједници. URL: https://www.inisbgd.co.rs/cir/projekti/25/2020/02/27/srbi-i-srbija-u-jugoslovenskom-i-medjunarodnom-kontekstu_-unutrasnji-razvita-k-i-polozaj-u-evropskojsvetskoj-zajednici-rukovodilac-dr-sofija-bozic.html (Accessed: 22.08.2022).

¹³³² Vera and Donald Blinken Open Society Archives (OSA Archivum). URL: <https://www.osaarchivum.org/> (Accessed: 23.08.2022).

the authors tried to avoid one-sided value judgments, therefore, in general, despite objective shortcomings in the form of inevitable ideologization, the reports serve as a source of reliable information about the SFRY and its foreign policy.

b) *Materials of the Digital Library of the site of the Central Intelligence Agency (CIA) of the United States, hereinafter - CIA FOIA*¹³³³, declassified pursuant to the Special Order of the President of the United States of December 29, 2009¹³³⁴ on the automatic declassification of 25-year-old documents that have been openly available online since January 2017. Of greatest interest to us were the information reports of CIA operational officers on the ground and analytical materials of the department dedicated to Yugoslavia, its internal political development, contacts with foreign states and international and regional organizations. Analytical reports contain a qualitative consideration of problematic topics, give professional assessments, generalizations and forecasts. These documents are still little introduced into study circulation, and therefore are of great research value. At the same time, their specificity – ideologization, a high level of skepticism towards socialist states, incompleteness and heterogeneity – require a special, critical approach when working with them, as well as rechecking the information reported in them.

2. *Published sources and official documents related to:*

a) the activities of the Yugoslav state and party authorities – the Presidium of the SFRY, the Federal Executive Council of the SFRY, the Federal Secretariat for Foreign Affairs of the SFRY, the Federal Assembly of the SFRY, the League of Communists of Yugoslavia (LCY) and other federal institutions, as well as republican regulatory legal acts, reflecting the essence and some aspects of their foreign policy activities. These include, for example, verbatim records of meetings, declarations, statements and communications of the mentioned authorities; materials of press conferences of the Federal Secretariat for Foreign Affairs, as well as diplomatic notes addressed to foreign states; declarations of the congresses of the LCY, etc. The listed documents allow one to get a historically accurate idea of the essence, problems and main trends of the domestic and foreign political process in Yugoslavia

The texts of individual documents of state and party authorities of the federation and republics are presented in full or in part form on the pages of official socio-political press, such as the “Politika” and “Borba” newspapers, the “Kommunist” magazine, as well as in the collections: “From Peace to War: Documents of the Presidium of the SFRY 1991”¹³³⁵, “Anatomy of conflicts. Central and South-Eastern

¹³³³ Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act Electronic Reading Room (CIA. FOIA). URL: <https://www.cia.gov/readingroom/home> (Accessed: 23.08.2022).

¹³³⁴ Executive Order 13526 of December 29, 2009 // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_13526. (Accessed: 23.08.2022).

¹³³⁵ Od mira do rata. Dokumenta Predsedništva SFRJ 1991. Volume 1 (januar - march 1991). Tom 2 (jun-jul 1991). Priredile: Nikolić K., Petrović V. Beograd, 2011.

Europe. Documents and materials of the last third of the 20th century”¹³³⁶, “Yugoslavia is on fire. Documents, facts, comments (1990-1992)”¹³³⁷.

b) the activities of international and European organizations such as the United Nations (UN), the Non-Aligned Movement, the Commission on Security and Cooperation in Europe (CSCE), CMEA, the Council of Europe and the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE), the EEC and the European Free Trade Association (EFTA)¹³³⁸, as well as the US and German government authorities. Texts of resolutions of the General Assembly (UNGA) and the UN Security Council (UNSC)¹³³⁹, CE and PACE¹³⁴⁰, CSCE¹³⁴¹, EEC – EU¹³⁴², the German Bundestag¹³⁴³ and the US Congress¹³⁴⁴ are available on the official websites and websites of electronic archives and libraries of these organizations and institutions. Documents of the Non-Aligned Movement until 1979 are presented in the collection “Non-Aligned Movement in Documents and Materials” edited by R. S. Listopadov¹³⁴⁵.

representing:

c) Bilateral and multilateral treaties, agreements, joint statements and communiqués by Yugoslavia and its foreign partners in a wide range of areas of cooperation. Their texts in full or abbreviated form are presented on the pages of the socio-political press “Politics” and “Borba”.

d) the texts of public speeches and official statements by a number of state and political figures of Yugoslavia and other states are available both on the pages of the Yugoslav and foreign press, and in the collections of documents mentioned above.

Among the still unmentioned collections of documents that were of no small importance in the preparation of the study, it should be noted such publications as “Visit of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M. S. Gorbachev to the SFRY, March 14-18, 1988. Documents and materials”¹³⁴⁶, “The Albanian factor in the development of the crisis in the territory of the former

¹³³⁶ Anatomy of conflicts. Central and South-Eastern Europe. Documents and materials of the last third of the 20th century. In two volumes. Vol. 1. Early 1970’s - first half of the 1980’s. Vol. 2. The second half of the 1980’s - the beginning of the 1990’s. Saint-Petersburg, 2012-2013. [in Russian]

¹³³⁷ Yugoslavia is on fire. Documents, facts, comments (1990-1992). Moscow, 1992. [in Russian]

¹³³⁸ EFTA. Legal documents. URL: <https://www.efta.int/Legal-documents-502508> (Accessed: 23.08.2022).

¹³³⁹ United Nations. Documents of the United Nations Security Council. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions> (Accessed: 23.08.2022).

¹³⁴⁰ Parliamentary Assembly. official documents. URL: <http://semantic-pace.net/?search=KjoqfGNvcnB1c19uYW11X2VuOiJPZmZpY2lhbCBkb2N1bWVudHMi&lang=en> (Accessed: 23.08.2022).

¹³⁴¹ OSCE. Organization for Security and Co-operation in Europe E-Libraries. URL: <https://www.osce.org/resources/e-libraries> (Accessed: 23.08.2022).

¹³⁴² Historical Archives of the European Union. URL: <https://www.eui.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (Accessed: 23.08.2022).

¹³⁴³ Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/> (Accessed: 23.08.2022).

¹³⁴⁴ Congress. gov. Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/> (Accessed: 23.08.2022).

¹³⁴⁵ Non-Aligned Movement in Documents and Materials. Comp. Listopadov R. S. Moscow, 1989. [in Russian]

¹³⁴⁶ Visit of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M. S. Gorbachev to the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, March 14-18, 1988. Moscow, 1988. [in Russian]

Yugoslavia. Documents”¹³⁴⁷, “The Yugoslav Crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990-1993)”¹³⁴⁸.

3. *Data from periodicals* taken from Yugoslav, Soviet and foreign press. In particular, the author reviewed the entire archive of the Yugoslav daily newspaper “Politika” for 1980-1991, separate issues of the “Borba” newspaper and the “Kommunist” magazine. Despite the well-known tendentiousness, politicization and some subjectivity of official publications, they were an important source for recreating the chronological sequence and documentary accuracy of foreign policy events, as well as understanding government points of view on the essence and problems of international relations of the historical period under consideration.

4. *Sources of personal origin*, presented by memoirs of famous Yugoslav statesmen, political and military figures, as well as published interviews of participants in the events. Among them are the memoirs of R. Dizdarevic¹³⁴⁹, N. L. Zoric¹³⁵⁰, B. Jovic¹³⁵¹, V. Kadievic¹³⁵², S. Mesic¹³⁵³, A. Milatovic¹³⁵⁴, D. Trajanovsky¹³⁵⁵, J. Jazic¹³⁵⁶; printed interviews of J. Vrhovets, R. Dizdarevic, V. Djuranovic, B. Jovic, B. Loncar, A. Markovic, B. Mikulic, S. Milosevic, L. Moiso, M. Planinc and other Yugoslav, as well as foreign state figures published on the pages of Yugoslav periodicals. The author fully takes into account the features of these sources as debatable and subjective. Meanwhile, their application is seen as necessary in terms of ensuring the representativeness of the study, the representativeness of the opinions and positions reflected in it.

5. *Reference publications* providing biographical information about key figures in Yugoslav domestic¹³⁵⁷ and foreign policy¹³⁵⁸; as well as *statistical*¹³⁵⁹ and *sociological*¹³⁶⁰ materials that make it possible to assess the problems of the socio-economic and political development of the SFRY; analyze the statistics of its foreign trade and expand the evidence base of the dissertation research through specific numerical indicators; to study the state of public opinion on the key problems of the Yugoslav state.

6. *Audiovisual sources*, including, first of all, a video recording of the meeting of the Ministers of

¹³⁴⁷ The Albanian factor in the development of the crisis in the territory of the former Yugoslavia. The documents. Vol. 1 (1878–1997) / Ed. by E.Yu. Guskova. Moscow, 2006. [in Russian]

¹³⁴⁸ The Yugoslav Crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990-1993). Moscow, 1993. [in Russian]

¹³⁴⁹ *Dizdarević P.* Od smrti Tita do smrti Jugoslavije: svjedočenja. Sarajevo, 2000.

¹³⁵⁰ *Zorić N. L.* Zapisi jugoslovenskog diplomate. 1948-1983. Beograd, 2011.

¹³⁵¹ *Jović B.* Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. Београд, 1995.

¹³⁵² *Kadievich V. D.* Countertrudar (My view on the collapse of Yugoslavia). Book II. Moscow, 2007. [in Russian]

¹³⁵³ *Mesić S.* The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. Budapest, 2004.

¹³⁵⁴ *Milatović A.* Pet diplomatskih misija. Knjiga 1. Rim-Sofia-Tirana. Knjiga 2. Bukarešt – Varšava. Ljubljana - Zagreb. 1986.

¹³⁵⁵ *Trajanovsky D.* Diplomatic records. Skopje, 1993.

¹³⁵⁶ *Jazić Ž.* Moj pogled na diplomatiju (1957-2005). Beograd, 2011.

¹³⁵⁷ Directory of Yugoslav officials / Directorate of Intelligence. A Reference Aid. Washington DC, 1985.

¹³⁵⁸ *Petković R.* Subjektivna istorija Jugoslovenske diplomatije 1943-1991. Beograd, 1995.

¹³⁵⁹ Jugoslavija u svetskoj privredi na pragu XXI veka / Glavni redaktor Popović T. Beograd - Zagreb, 1986.

¹³⁶⁰ Jugosloveni o društvenoj krizi (istraživanje javnog mnjenja 1985. godine). Beograd, 1989.

Foreign Affairs of the Balkan states on February 24-26, 1988¹³⁶¹, video recordings of S. Milosevic's speeches at the "Meeting of Brotherhood and Unity" on November 19, 1988 in Belgrade¹³⁶², on Kosovo field as part of the celebration of the 600th anniversary of the Battle of Kosovo in 1989¹³⁶³; record of the 14th Congress of the LCY in January 1990¹³⁶⁴, TV interview with R. Dizdarevic¹³⁶⁵ and S. Milosevic¹³⁶⁶.

The purpose of the dissertation research is to identify the main directions, trends and features of the foreign policy of the SFRY in the period from May 1980 to June 1991 by analyzing and comparing its relations with socialist, non-aligned and capitalist countries, as well as international and regional organizations.

To achieve the goal of the work, the **following research objectives** were set:

- 1) to consider the features of the internal political situation that developed in Yugoslavia in the 1980's and assess the extent of its influence on the foreign policy of the country;
- 2) to trace the changes in the prioritization of Yugoslavia's foreign policy in the period under review;
- 3) to analyze the features of the development of Yugoslav-Soviet relations, focusing on their general inconsistency;
- 4) to investigate Yugoslavia's bilateral contacts with the socialist countries of Eastern Europe and to characterize its attitude towards the military-political bloc of the Warsaw Pact in principle;
- 5) to explain the reasons for the conflict potential of Yugoslav-Albanian relations;
- 6) to identify the main features of the Yugoslav-Chinese partnership;
- 7) to trace the evolution of the significance of the factor of the Non-Aligned Movement in the foreign policy of Yugoslavia, as well as to identify the real status and authority of Yugoslavia within the framework of the Movement;
- 8) to clarify the specifics of Yugoslavia's ties with a number of non-aligned and developing countries;
- 9) to analyze the essence of bilateral relations between Yugoslavia and the United States in their dynamic development;
- 10) to study the key factors that shaped the agenda of Yugoslavia's bilateral relations with other

¹³⁶¹ JRT TV Beograd 1 - Dnevnik 3, 24. februar 1988. URL: https://www.youtube.com/watch?v=k9M-Vw0yiSQ&ab_channel=ArhiVid (Accessed: 15.05.2021)

¹³⁶² Slobodan Milošević Ušće 1988e. URL: https://www.youtube.com/watch?v=RvXgqKWwUzk&ab_channel=StefanLazarevi%C4%87 (Accessed: 15.05.2021)

¹³⁶³ 600. GODINA OD KOSOVSKE BITKE 1389-1989: Proslava i govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4a5ct7vVcgk&ab_channel=DokumentarneEmisijeBalkan (Accessed: 15.05.2021)

¹³⁶⁴ 14 Kongres SKJ + TV Dnevnik 2 (23.01.1990). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8ySnqKJKgVw> (Accessed: 15.05.2021)

¹³⁶⁵ For example, Dizdarević: Antu Markovića pamtim kao čovjeka vizija. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0HL6jN9lxrs&ab_channel=AlJazeeraBalkans (Accessed: 15.05.2021)

¹³⁶⁶ For example, Slobodan Milosevic – first TV interview 1989 wiht Marko Josilo. URL: https://www.youtube.com/watch?v=RWXqFBo7qAU&ab_channel=MarkoJo (Accessed: 15.05.2021)

Western capitalist states, identifying their problem areas and points of contact;

11) to outline the role of European integration processes in the foreign policy planning of Yugoslavia, analyze the achievements and difficulties of Yugoslav foreign policy in relations with the EEC and EFTA;

12) to identify the patterns of Yugoslav foreign policy in the designated chronological period.

The object of the study is the foreign policy of Yugoslavia in the period from May 1980 to June 1991.

The subject of the study is its practical implementation, the main directions, as well as the features and problem areas of relations between Yugoslavia and the countries of the socialist and capitalist world, non-aligned and developing states, international and regional organizations in the specified time period.

Within the framework of this study, the author seeks to pay equal attention to highlighting the political, economic, cultural, scientific and technical ties of Yugoslavia with various international actors in order to provide a more complete and in-depth analysis of the problem.

The chronological framework of the study covers the period from May 1980 to June 1991. The death of President Josip Broz Tito on May 4, 1980 and the transfer of power to the Presidium of the SFRY are taken as the lower border, and the declaration of independence by Slovenia and Croatia on June 25, 1991 and subsequent armed clashes between the republican forces of the Territorial Defense and the YPA – beyond the upper limit of work.

The inevitable death of Josip Broz Tito, given the advanced age of the Yugoslav leader and the rapidly developing illness in the last years of his life, was predictable, but the collective leadership of the country was unprepared for its consequences. For foreign states, Yugoslavia, as a factor in international politics, was strongly associated with the name and authority of Tito. His death marked the fall of the foreign policy authority of the SFRY, exposed numerous domestic political problems, which Tito himself often preferred not to solve, but to mask, including relying on comprehensive foreign assistance. This, for example, concerned manifestations of republican separatism and “parochial” nationalism, shortcomings in union legislation, unemployment, state budget deficits, the crisis of the idea of the “self-governing socialism”, etc. The growth of crisis phenomena in the country in the years following the death of the Yugoslav leader was caused not so much by lack of initiative leadership, which in its essence was made up of former Tito's confidants and associates, as much as the lack of any of its representatives of authority among foreign governments comparable in importance to the authority of the creator of Yugoslavia. This fact had a direct impact on the amount of cash loans provided by the SFRY. The beginning of “perestroika” in the USSR and a series of “velvet revolutions” in Eastern Europe completely deprived Western countries of further financial support for Yugoslavia of pragmatic meaning. Thus, the decline of Yugoslavia in the views of foreign, mainly

Western, foreign policy departments occurred as early as 1980, i.e. a decade before the actual cessation of its existence.

In 1991 the disintegration of the SFRY entered its final stage, marking the beginning of the formation of new European states, the features of whose foreign policy are beyond the scope of this study. However, it should be mentioned that some of the post-Yugoslav republics have inherited many of the Yugoslav features of the 1980's in their foreign policy.

In a number of cases, the author is forced to go beyond the designated chronological framework, referring to the earlier stages of the historical development of Yugoslav foreign policy relations, both in order to indicate the continuity of the foreign policy of the new Yugoslav leadership to the Tito's course, and to create a more complete and comprehensive vision of the situation.

The geographical scope of the study, in addition to the SFRY itself, covers the socialist world, which included the USSR and its Eastern European satellites, as well as Albania and China; the so-called "third world", which included the non-aligned and developing countries of Europe (Cyprus and Malta), Asia, Africa and Latin America, as well as the capitalist world consisting of the USA, Western and Southern European countries, Turkey, Japan, Australia, Canada.

The theoretical and methodological basis of the Ph. D. thesis was made up of general scientific analytical methods and principles of research, as well as own methods of history and the theory of international relations. In the framework of this study, it became necessary to involve methods related to the history of cultural studies, sociology and conflictology, which allows us to talk about the use of an interdisciplinary approach by the author.

When writing the work, the principles of truth, concreteness, historicism, scientific objectivity, consistency and comprehensiveness were observed. The conclusions made by the author are based on a thorough study of historical sources and the historiographic tradition on this topic that has already developed by the current moment. The use of the genetic method contributed to the chronological systematization of historical material, which made it possible to consistently reveal the nuances of Yugoslav foreign policy and reproduce in detail the process of its development in the period under review. The application of the comparative method was caused by the need to compare the foreign policy of J. B. Tito and the new collective leadership of the SFRY, as well as to identify the distinctive features and characteristics of Yugoslav foreign policy in comparison with the foreign policy of other socialist states. The critical method has found its application in working with historical sources that are subjective in nature. The descriptive method helped to reveal the content of the main directions of Yugoslavia's foreign policy activity, to form an objective idea of its role in international events in the 1980's. For solving separate problems, the author used the quantitative method and the method of content analysis.

The theoretical basis of this study is based on the postulates of the concepts of classical realism,

neorealism and neoliberalism developed by political scientists G. Morgenthau, J. Kennan, C. Waltz, R. Keohane, J. Nye, etc.

The main hypothesis of the study is that, despite the systemic crisis and the decline in international prestige that Yugoslavia faced in the 1980's, its government continued to pay significant attention to the foreign policy aspects of its activities. The serious nature of internal problems contributed to the development by the Yugoslav leadership of a new, more prudent and cautious foreign policy course compared to previous decades, in which the possibility of a deliberate aggravation of relations with large states was excluded. In general, there were no categorical disagreements with Tito's vision of Yugoslav diplomacy, which allows us to speak about the continuity of the foreign policy of the SFRY in the decade under review. The constant of the entire foreign policy process in the 1980's became economic aspects, which was caused by the difficult socio-economic situation in the country. In this regard, Yugoslavia acted from the position of a junior partner and recipient of regular financial assistance from outside, which placed it in a dependent and often unequal position. Based on the foregoing, a common point of view in research and philistine communities, according to which in the 1980's SFRY did not have its own foreign policy, is unjustified and erroneous. At the same time, centrifugal tendencies contributed to the growth of the aspirations of the Yugoslav republics to separate themselves from Belgrade in matters of the international agenda. In this regard, the end of the 1980's can be considered the time of the beginning of the formation of own foreign policies of Ljubljana, Zagreb and Belgrade as the capital of the Republic of Serbia.

The scientific novelty of the dissertation lies in the fact that for the first time in contemporary historical studies an attempt to comprehensively analyze the foreign policy of the "second" Yugoslavia in the last decade of its existence is taken.

A certain source study novelty was the active use in the process of writing the work of materials from the Yugoslav official press, as well as documents from Radio Free Europe / Radio Liberty or Radio Liberty* and documents from the US CIA Digital Library, originally intended exclusively for internal use by employees. Turning to sources that are opposite in their ideological orientation to the official political course of the SFRY allows us to develop the most objective and balanced point of view on the features of the Yugoslav foreign policy of the 1980's.

The theoretical relevance lies in the development of a special approach to the issue of Yugoslav foreign policy in the 1980's, according to which, despite the comprehensive internal crisis, her government continued to pay significant attention to foreign policy, seeking to develop and deepen equal and mutually beneficial relations with all countries of the world. The conclusions and provisions obtained by the author in the course of the study complement the developments of Russian and foreign

* performs the functions of a foreign agent

Balkanists, expand the range of issues they considered.

The practical relevance of the Ph.D. thesis is expressed in the possibility of its application for the preparation of general and special courses on the history of diplomacy and international relations, textbooks on recent history and foreign policy of Yugoslavia. Certain provisions of the study may be of interest to the political and professional community of the post-Yugoslav republics. For the Russian Foreign Ministry, seeking to strengthen the country's position in the Balkans, addressing the issues and problems of Yugoslavia's foreign policy in the 1980's could contribute to a more accurate understanding of the specifics of the region and Russia's place in it.

The structure of the study is based on the goals and objectives set, when each chapter and paragraph is a detailed consideration of the problem indicated in their title. The work consists of an introduction, four chapters, including separate paragraphs; conclusion, a list of abbreviations and symbols and a list of sources and literature used.

The introduction identifies the problem, explains the relevance of the research topic, describes the historiographic and source base of the research, defines the goals and objectives, subject and object; explains the methodological basis, chronological and geographical framework; the hypothesis, scientific novelty, theoretical and practical significance are determined; its structure is outlined, provisions submitted for defense are formulated, and the results of its approbation are indicated.

The first chapter of the study “**The internal political situation and its influence on the foreign policy of Yugoslavia**” is devoted to the consideration and analysis of the internal political situation that developed in Yugoslavia in the 1980's. Without an essential understanding of the changes that have taken place in Yugoslavia with the death of J. Broz Tito, it is impossible to present a holistic description of its foreign policy. The same chapter provides a general description of the principles and main directions of the country's foreign policy.

The first paragraph “Features of the state structure after the death of Josip Broz Tito” examines the changed system of state power, the state of affairs in the LCY, the structure of the Presidium of the SFRY, which was a collective governing body; lists the shortcomings of such a management order, and also provides information about the main state and political figures of Yugoslavia in the described period.

The second paragraph “Self-governing socialism” and the economic development of the country” deals with the features of the Yugoslav socialist model, its advantages and disadvantages, the validity and effectiveness of this course in the realities of the 1980's, as well as the reasons that caused the economic crisis in the country and its impact on the Yugoslav society, the state ideology and the international status of the SFRY. Through a separate analysis of the economic situation in the country, the author seeks to focus on the relationship between the economic difficulties of Yugoslavia and the decrease in its foreign policy activity.

In the third paragraph, “Disintegration processes and the problem of separatism” attention is drawn to the problem, which has become not only the center of the internal political story of the SFRY, but also the subject of active discussion in the international political arena. The question of the viability of Yugoslavia as a single state has concerned both the superpowers and countries that have common borders with the SFRY, as well as developing states interested in a strong Yugoslavia. The so-called “Albanian” and “Croatian” issues became the reasons for the demarches of Western diplomacy in relation to Yugoslavia, regular anti-Yugoslav rallies and demonstrations in Western European capitals. The theme of Yugoslav foreign policy in the 1980’s should be considered exclusively in conjunction with the question of disintegration tendencies within the country.

The fourth paragraph “Priority directions of the foreign policy of Yugoslavia” lists the main vectors of the foreign policy of the SFRY in the last decade of its existence, gives an explanation of their priority on the part of the leadership. In the 1980’s these areas included: cooperation with developing countries within the framework of the Non-Aligned Movement, relations with superpowers and their allies and satellites in the military-political blocs of NATO and the Warsaw Pact, as well as China; building good neighborly relations with border states, contacts with international and European organizations, including integration associations.

The second chapter “Yugoslavia as part of the socialist world” touches upon the plots that characterize the relations of the SFRY with the USSR, other members of the socialist community, as well as Albania and China; their overall potential, content, intensity and problem areas are analyzed.

The first paragraph “Yugoslavia and the Soviet Union: the general potential of relations and contradictions” describes and analyzes the basic features in the relations between the two countries, with the emphasis on both political and economic cooperation, as well as on cultural, humanitarian, scientific and technical ties between the SFRY and one of the two superpowers. In addition, the paragraph reveals the essence of mutual disagreements and contradictions, as well as the reasons for their gradual overcoming in the period under review.

In the second paragraph “Yugoslavia and Eastern Europe: pragmatic partnership” the issues of the state and dynamics of development of relations between the SFRY and the countries of Eastern Europe are analyzed: the Hungarian People's Republic (HPR), the German Democratic Republic (GDR), the People's Republic of Bulgaria (PRB), the Polish People's Republic (PPR), the Socialist Republic of Romania (SRR) and the Czechoslovak Socialist Republic (CSSR), as well as the impact that the processes of democratic changes that took place in these countries had on these relations. Consideration of these subjects naturally leads to a general conclusion about the place and role of the SFRY in socialist Europe in the 1980’s.

The third paragraph “Yugoslavia and Albania: bilateral conflicts and attempts to resolve them” highlights a range of issues related to the conflict-prone nature of bilateral relations between the SFRY

and the People's Socialist Republic of Albania (PSRA); the issue of the Albanian national minority in Yugoslavia, the status of the Socialist Autonomous Province (SAP) of Kosovo and the attempts of the Yugoslav leadership to reduce the degree of tension of the conflict, which had a negative impact on the international authority of Yugoslavia.

The fourth paragraph "Yugoslavia and China: mutually beneficial cooperation" examines the foundations of cooperation between the two countries at the party, political, trade, economic and humanitarian levels; a hypothesis is put forward according to which for China, which perceived Yugoslavia in previous decades as an ally in the confrontation with the USSR, but by the mid-1980's. the SFRY becomes a burden and an obstacle on the way to Chinese economic expansion to the countries of the "third world".

The third chapter, "The Non-Aligned Movement and Developing Countries in the Foreign Policy of Yugoslavia", analyzes the role of the Non-Aligned Movement in world politics, gives the reasons for the crisis of the international organization, as well as the actual loss of Yugoslavia's interest in it, despite the preservation of formal leadership within the movement, regular participation in all its meetings and events and maintaining the status of the basis of foreign policy for the policy of non-alignment; the relations of Yugoslavia with individual non-aligned developing states, built on the principles of solidarity and equal partnership, are considered.

In the first paragraph "General potential of the Non-Aligned Movement in the 1980's" considers the status and real significance, as well as the general state of affairs within the Non-Aligned Movement. The organizational crisis that began a decade earlier in the 1980's only deepened, which in turn led to a drop in attention to it not only from the world community, but also from its direct members, incl. Yugoslavia.

In the second paragraph, "The Non-Aligned Movement in the foreign policy of Yugoslavia" focuses on the place of the Non-Aligned Movement in the foreign policy of the SFRY and its position within the organization, authority in the eyes of other members. Participation in the movement in the decade under study retains the role of one of the priority vectors of Yugoslav foreign policy. However, given all the difficulties that the country had to face in the 1980's, it was not able to play the role of its real leader.

The third paragraph "Bilateral contacts of Yugoslavia with non-aligned and developing countries" characterizes the relations of the SFRY with Argentina, Egypt, Zimbabwe, India, Iraq, Iran, Cuba, Libya, Mexico, Mongolia, Pakistan, Syria and a number of other Asian, Arab, African and Latin American states.

The fourth chapter "Yugoslavia and the capitalist world" is devoted to the state of relations between the SFRY and Western democracies, which primarily include the United States, Australia, Austria, Belgium, Great Britain, Italy, Canada, France, the Federal Republic of Germany, Japan, etc.

The chapter makes special emphasis on the economic aspect of Yugoslavia's bilateral and multilateral relations with the capitalist countries; attention is drawn to what changes the perception of Yugoslavia by the West underwent after M. S. Gorbachev came to the post of General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CC CPSU) and the beginning of “perestroika”.

The first paragraph of “Problems of Yugoslav-American Relations” characterizes the bilateral contacts between Belgrade and Washington, notes their predominantly neutral character, despite a number of ideological contradictions related, incl. with the dissatisfaction of the SFRY with the actions of the United States in the Middle East region. At the same time, the increasingly deepened dependence of the SFRY on American loans and the US awareness of the futility of subsidizing the economy of the collapsing Yugoslavia are highlighted.

The second paragraph “Yugoslavia and Western countries: cooperation and disagreement” assesses the potential of Yugoslav contacts with specific Western countries, identifies the causes of disagreements and contradictions, which, as a rule, consisted in ideology, regulation of the migration issue and the position of Yugoslav guest workers abroad, anti-Yugoslav activities of the Yugoslav emigration, as well as on the issue of the situation of the Albanian national minority in Yugoslavia. The same paragraph analyzes the relations of the SFRY with such “non-Western” countries in terms of geography as Turkey and Japan.

The third paragraph “Yugoslavia and European integration processes: EEC and EFTA” examines the trade, economic and political relations of the SFRY with the European integration associations – the EEC and EFTA; features of the Agreement on cooperation and financial protocols of the SFRY with the EEC; the nuances of investing the EEC and EFTA in the Yugoslav economy, as well as a point of view according to which the EEC was interested in maintaining stability and peace in the Balkan region and at the same time, with its uncompromising demands for economic and political reforms, pushed the SFRY to deepen the disintegration crisis.

The conclusion presents the results and conclusions of the dissertation study to be defended.

Conclusions to be defended:

1) The internal political situation that developed in Yugoslavia after the death of J. B. Tito had a direct impact on its foreign policy activity, prestige and authority in the international political arena. The socio-economic crisis that swept the country in the 1980's shifted the focus of the foreign policy of the SFRY, forcing it to more actively seek financial support from Western governments. Excessive amounts of external debts contributed to the fact that Belgrade could no longer express its position on a number of issues on the international agenda as frankly and straightforwardly as in previous decades. Serious damage to the international prestige of Yugoslavia was also caused by ethno-national conflicts.

2) The foreign policy course of the Presidium and the Executive Council of the SFRY did not

differ significantly from Tito's and even inherited it. The collective leadership and government of the country, many of whose representatives came from Tito's "guards", were guided by Tito's precepts in their foreign policy and for a long time did not dare to make fundamental changes to the existing state of affairs. Thus, the principles of equidistance from the superpowers and cooperation with the countries of the "third world" continued to be the basis of the country's foreign policy, although in the late 1980's ceased to bring her tangible dividends. With the deepening of the policy of "perestroika" and the internal political crisis in the USSR, reforms in Eastern European countries and a series of "velvet revolutions", the aggravation of contradictions within the Non-Aligned Movement and the destruction of the bipolar system of international relations as a whole, this course lost its meaning. Its adjustment in the direction of deepening interaction with European integration associations began after A. Markovic came to the post of chairman of the government and B. Loncar to the post of union secretary of foreign affairs.

3) Relations of the SFRY with the Soviet Union in the 1980's were friendly and collaborative. The factor of the entry of Soviet troops into Afghanistan in 1979 initially overshadowed them, but after the death of J. B. Tito did not play a significant role in bilateral contacts, despite the official position of Belgrade condemning Moscow's actions in the Middle East. The visit of M. S. Gorbachev to Yugoslavia in 1988 revealed the absence of fundamental political disagreements. At the same time, the disinterest of the Soviet Union in the socialist camp, and, therefore, in involving the SFRY in it, became obvious: the main reason for Yugoslavia's prejudice towards the USSR in the previous decades disappeared. The Yugoslav government closely followed the development of the internal political situation in the Soviet Union, especially since Moscow continued to be the main economic partner of Yugoslavia.

4) The connections of the SFRY with other socialist countries of Eastern Europe were based on the principles of equality and mutual benefit. Economic and trade cooperation played an important role in them. Bilateral relations with Hungary and Romania were particularly intense. Problematic relations can be called relations with Bulgaria, which the Yugoslav leadership accused of oppressing the Macedonian national minority, and also suspected of striving for a "Great Bulgarian" expansion and claims to Yugoslav Macedonia. Contacts with other Eastern European states were predominantly businesslike and pragmatic.

5) In the 1980's the aggravation of the Yugoslav-Albanian conflict follows, the cause of which was mainly the question of the situation of the Albanian minority in Yugoslavia, or the "Kosovo question". Albania repeatedly took advantage of the difficult internal political circumstances of Yugoslavia and deliberately went to the deterioration of bilateral relations, resorting to provocations and anti-Yugoslav propaganda abroad.

6) In the perception of Yugoslavia, China was conceived as a forced ally, an arbitrator, who had

to be contacted in order to achieve the principle of equidistance from the superpowers. At the same time, Yugoslav-Chinese relations were invariably based on the principles of true equality and non-interference in each other's internal affairs. The collapse of Yugoslavia, provoked by the separatist aspirations of the national republics, caused concern in Beijing, which faced similar problems, but at the same time could be beneficial to it, since it meant the self-elimination of a natural rival in the "third world".

7) Yugoslav leadership in the Non-Aligned Movement became more formal than real. The SFRY could no longer afford active economic support for non-aligned and developing countries, because she herself was forced to ask for financial assistance from outside. Despite the official statements about the priority role of the Non-Aligned Movement in its foreign policy, the regular honoring of the leaders of the member countries of the organization in Belgrade, the exemplary participation in the events of the Movement, its real significance for the country by the end of the 1980's practically vanished. However, it is necessary to take into account the desire of Yugoslav diplomacy to lead the process of modernization of the Non-Aligned Movement, which, however, ran into a number of difficulties caused by misunderstanding among the members of the organization.

8) The intensity of Yugoslavia's contacts with non-aligned and developing countries in the 1980's compared with previous decades, began to fall, which was caused by a number of objective reasons of a domestic and foreign policy nature. At the same time, Yugoslavia continued to act from a position of solidarity with the countries and peoples of the "third world" at all international platforms, to provide them with all possible financial, humanitarian, industrial, scientific and technical assistance, as well as support in the liberation struggle against colonialism and neo-colonialism.

9) American and Western European diplomacy in this decade changed their attitude towards Yugoslavia. If earlier the support of the socialist regime in the SFRY corresponded to their strategic interests, then in the new realities of the collapse of the bipolar system of international relations, the continued existence of Yugoslavia, from their point of view, became inexpedient. This position was caused not so much by ideological contradictions as by the lack of practical meaning in Yugoslav "neutralism". The official position of the Western countries was to support the unity and territorial integrity of Yugoslavia, subject to the Yugoslav leadership's obligations in the field of economic and political reform, as well as respect for human rights and national minorities, but in practice a number of them tacitly encouraged separatist forces on the ground.

10) By the end of the 1980's under the influence of large-scale world political shifts, the deepening of interaction with the European integration associations of the EEC and EFTA acquired a priority role in the foreign policy planning of the SFRY. The ideologists of the renewed course, A. Markovic and B. Loncar, saw it as an opportunity to avoid Yugoslavia's foreign policy isolation and preserve its international prestige.

11) The Yugoslav government failed to adapt in time to the rapidly changing international situation, which ultimately became one of the reasons for the collapse of the country and the civil wars associated with it.

Approbation and publication of the results of the dissertation study:

On the topic of the study the author has co-authored 3 articles in journals included in the Higher Attestation Commission (HAC), Scopus, Web of Science and Russian Scientific Citation Index (RSCI) databases. On aspects related to the topic of the dissertation 10 articles were published in the collections of conferences included in the RSCI database.

Publications in journals related to the list of Scopus and Web of Science:

1) Kostiuk R. V., Katkova E. P. Franko-yugoslavskiy otnosheniya v kontekste evolyutsiy mirovoy politiki v 1970-1980-ye gg. [Franco-Yugoslav relations in the context of the evolution of world politics in the 1970's-1980's] / R. V. Kostiuk, E. P. Katkova // Questions of history. – 2020. – No. 10-4. – pp. 53-66. [in Russian]

Publications in journals related to the list of the Higher Attestation Commission (HAC):

2) Kostiuk R. V., Katkova E. P. Razvitiye sovetko-yugoslavskikh otnosheniy v 1970-ye gg. [The development of Soviet-Yugoslav relations in the 1970's] / R. V. Kostiuk, E. P. Katkova // Clio. – 2018. – No. 12 (144). – pp. 122-130. [in Russian]

3) Katkova E. P. Balkanskoye napravleniye vneshney politiki SFRYU v 1980-1991 gg. [The Balkan direction of the foreign policy of the SFRY in 1980-1991] / E. P. Katkova // Clio. – 2022. – No. 11 (191). – pp. 84-91. [in Russian]

Other works on the topic of the dissertation published in journals included in the national bibliographic database of scientific citation – the Russian Science Citation Index (RSCI):

4) Blazhevich I., Katkova E. P. Otnosheniya mezhdru Yugoslaviyey i Sovetskim Soyuzom v kontekste Dvizheniya neprisoedineniya [Relations between Yugoslavia and the Soviet Union in the context of the Non-Aligned Movement] / I. Blazevic, E. P. Katkova // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art history. Philological Sciences. – 2020. – №4. – pp. 109-114. [in Russian]

Separate provisions and theses of the research were reflected in the author's speeches at the conferences of Charles University in Prague ("Conference of Young Slavists", 2020), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (International scientific conference "Slavic World: Commonality and Diversity", 2018, 2020, 2022), Center for the History of Parliamentarism ("Taurian Readings", 2018, 2019, 2020, 2021), St. Petersburg Electrotechnical University "LETI" ("Information – Communication – Society", 2019, 2020, 2021, 2022), Military Historical Society of St. Petersburg ("Military history of Russia in the 19-20th centuries", 2020).

CHAPTER 1. THE INTERNAL POLITICAL SITUATION AND ITS INFLUENCE ON THE FOREIGN POLICY OF YUGOSLAVIA

1.1. Features of the state structure after the death of Josip Broz Tito

The death of Josip Broz Tito on May 4, 1980, after a long illness, did not come as a surprise either to the Yugoslav political leaders or to the people. Meanwhile, this event caused confusion in the Presidium of the SFRY and the League of Communists of Yugoslavia (LCY), who “in practice were not ready to take full responsibility for running the state into their own hands”¹³⁶⁸. The reason for this, among other things, was the unquestioned authority and personality cult of Tito, who kept all state issues under his own control and did not prepare a worthy successor for himself. The system of Yugoslav federalism that had been established by that time, despite its inherent democracy and decentralization, existed effectively only when relying on Tito's personal authority. The absence of a single charismatic leader led to multiple failures in its work¹³⁶⁹.

Even during Tito's lifetime, amendments to the Constitution of 1946 adopted in 1971 established a new authority – the Presidium of the SFRY, somewhat reorganized after the adoption of the Union Constitution of 1974¹³⁷⁰. The Presidium was a collective governing body, consisting of nine members – the President of the SFRY and representatives in the amount of one from each of the six socialist republics (SR) (Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Serbia, Slovenia, Croatia and Montenegro) and two socialist autonomous provinces (SAP) (Vojvodina and Kosovo). Representatives of the republics and autonomous regions were elected by local parliaments for a period of five years with the right to a single re-election. Tito himself remained the unchanging chairman of the Presidium until his death, having one deputy, who, according to Part. 327 of the Constitution of 1974¹³⁷¹, in accordance with the principle of rotation for a period of one year, representatives of all republics and autonomous regions were to take this position in turn. The Rules for the functioning of the Presidium established the following order in which representatives of the republics and autonomous regions took the position of Deputy Chairman: SR Macedonia, SR Bosnia and Herzegovina, SR Slovenia, SR Serbia, SR Montenegro, SAP Vojvodina and SAP Kosovo. The annual appointment of a new vice-chairman took place strictly in mid-May.

After the death of Tito, by amendments to the Constitution of 1981, the procedure for replacing

¹³⁶⁸ *Calic M. J.* A history of Yugoslavia. Purdue, 2019. P. 251.

¹³⁶⁹ *Kuznechevsky V. D.* Evolution of the Yugoslav concept of socialism. Moscow, 1990. P. 168.; See more: *Nikiforov K. V.* Yugoslav Experiment // Power – Society – Reforms: Central and South-Eastern Europe, the second half of the 20th century. Moscow, 2006.; *Serbia in the Balkans. 20th century.* Moscow, 2012.; *From Serbia to Serbia. In search of modernization. Late 19th - early 21st century.* Moscow, 2021. [in Russian]

¹³⁷⁰ Устав Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. Београд, 1974.

¹³⁷¹ Ibid. Глава IV. Част 327.

the position of deputy chairman was transferred to the position of the chairman himself¹³⁷² and the post of deputy was retained. The total number of members of the Presidium in the conditions of the liquidation of the presidency was preserved due to the inclusion in its composition of the chairman of the Presidium of the LCY (until 1988). The competence of the Presidium of the SFRY included the representation of the SFRY in the country and abroad, resolving issues of domestic and foreign policy, ensuring state security and public defense, leadership and command of the country's armed forces in wartime and peacetime. The main issues were discussed by the collective leadership within the regular sessions of the Presidium of the SFRY.

The idea in creating a collective body was to ensure equal representation and participation of people from the republics and autonomous regions in the management of a single state, to prevent the growth of separatist sentiments on the ground and to prevent the concentration of power in one hand, which could have disastrous consequences for a multinational state. In the first year after the death of J. B. Tito, the Yugoslav mass media repeatedly focused the attention of citizens on the wisdom and pragmatism of his decision to create a collective management body, thereby trying to strengthen the legitimacy and authority of the post-Tito Presidium, to indicate its continuity with respect to the ex-president. Over time, on the contrary, more and more criticism began to be heard against the Presidium, its chairman and members¹³⁷³, unable to effectively respond to the challenges of the time and often defending the interests of their national republics, and not the federal center.

Thus, the new order of government, which showed in the 1980's its extreme inefficiency and sluggishness, was established directly by J. B. Tito¹³⁷⁴. At the same time, representatives of the "loyal Tito's nomenklatura"¹³⁷⁵ even after his death did not dare to start serious transformations in the system of public authorities, that not only negatively affected the authority of the new leadership among the Yugoslav citizens, but also led to a deep political crisis in the country. Tito's appointees in most cases received positions based on considerations of personal loyalty to the marshal, regardless of their abilities and practical skills. Despite the sincere commitment of many of them to the Tito's course and the Tito's covenants, they well understood that in the new realities of the 1980's titoism could no longer exist unchanged. Indecisiveness, lack of real experience of action in crisis situations, fear of

¹³⁷² From May 4, 1980 to May 15, 1991, in chronological order, the chairmen of the Presidium were Lazar Koliszewski (former deputy chairman, acting chairman from May 4 to May 15, 1980), Tsvietin Mijatovic (1980-1981), Sergei Kraiger (1981-1982), Petar Stambolic (1982-1983), Mika Spiljak (1983-1984), Veselin Djuranovic (1984-1985), Radovan Vlajkovic (1985-1986), Sinan Hasani (1986-1987), Lazar Moisev (1987-1988), Raif Dizdarevic (1988-1989), Janez Drnovsek (1989-1990) and Borisav Jovic (1990-1991). From May to July 1991, Yugoslavia had virtually no federal leader, since the candidacy of Stjepan Mesic, who was supposed to take the post of chairman in accordance with the principle of rotation, was blocked by representatives of Serbia, Vojvodina, Kosovo and Montenegro. Mesic took office in July 1991 only after persistent recommendations from Western countries and held it until October 1991, thus becoming the last Chairman of the Presidium of the SFRY.

¹³⁷³ Yugoslavia in the 20th century. Essays on political history / Ed. Nikiforov K. V. Moscow, 2011. P. 747. [in Russian]

¹³⁷⁴ See for more details: *Судић П.* У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. Београд, 1993.

¹³⁷⁵ *Stanković S.* Yugoslavia one year after Tito's death. RFE-RL* Research. RAD Background report/127 (Yugoslavia). 6 May 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0f168cdf-d953-4c51-86ca-1bec383b0bef> (Accessed: 20.08.2022).

changes, as well as fears about the reaction of citizens and the international community did not allow the Presidium to start large-scale reforms in the field of state administration in a timely manner¹³⁷⁶. Regular statements from high tribunes about fidelity and devotion to titoism in its primordial understanding, the use of Tito's slogans, references to his speeches showed the inability of the collective head of state to adapt to new conditions, to pursue its own independent effective policy, about which publicly in 1981 in one of his interviews stated Milovan Djilas¹³⁷⁷. Attempts to really reform the social and socio-economic life in the country began only in the late 1980's, when the agreement between the republics, as well as their desire to fight for a united Yugoslavia, had already been irretrievably lost, and were initiated not by a collective governing body, but by the Central Committee (CC) of the LCY and the republican leadership of Serbia.

With the exception of some of the aforementioned changes in the composition and functioning of the Presidium, the system of state authorities of the SFRY has not undergone any significant reform.

The status of the highest authority was retained by the parliament – the Federal Assembly of the SFRY, which was in charge of making decisions on changing the constitution of the SFRY, considering and approving the foundations of the country's domestic and foreign policy, adopting federal laws, forming other supreme bodies of the federation, etc. Its term of office was four years. The Federal Assembly of the SFRY was a bicameral parliament and consisted of the Union Council in the amount of 220 delegates elected by the community assemblies, 30 from each republic and 20 from each autonomous region and the Council of the republics and autonomous regions in the amount of 88 delegates, 12 from each republican and 8 from each regional assembly¹³⁷⁸. The powers of the Federal Assembly of the SFRY were exercised by its chambers either jointly (for example, the election of the chairman of the Federal Assembly of the SFRY and his deputies, the chairman and members of the Union Executive Council, etc.), or by one of the chambers independently. The Union Council made decisions to change the constitution and budget of the federation, approved the foundations for organizing federal bodies, resolved issues of war and peace, etc. The Council of the republics and autonomous provinces, on the basis of the consent of the republican and regional assemblies, adopted the public plan of Yugoslavia, approved the total amount of expenditures of the federation budget, etc¹³⁷⁹.

Throughout the 1980's in Yugoslavia, there were extensive debates on the need to amend the constitution: representatives of the leadership of the federation and the republics formed two political camps – supporters and opponents of changing the basic law¹³⁸⁰. Serbia and Montenegro advocated for its reform, striving to expand the rights of the federal center, centralize the state and fight against the

¹³⁷⁶ *Nikiforov K. V.* Serbia in the Balkans. 20th century Moscow, 2012. P. 81. [in Russian]

¹³⁷⁷ Los Angeles Times. April 22, 1981. P. 10.

¹³⁷⁸ See: *Kamenetsky V. M.* The political system of Yugoslavia (1950–1980). Moscow, 1991. [in Russian]

¹³⁷⁹ See: *Ibid.*

¹³⁸⁰ See more: *Bilandić D.* Jugoslavija poslije Tito . 1980-1985. Zagreb, 1986.

separatism of the Kosovo Albanians. Against – Slovenia and Croatia, defending their self-governing independence within a single state. In 1988, the Federal Assembly, under pressure from the leadership of Serbia, adopted 39 amendments to the constitution of Yugoslavia initiated by the CC of the LCY, designed to “strengthen the ideological and political foundations and unity of the state, consolidate the special status and position of the working class and trade unions, and contribute to the solution of accumulated socio-economic problems”¹³⁸¹. Prolonged and active disputes around the Draft Amendments to the Constitution were regarded by the leadership of the LCY as a sign of a high level of development of Yugoslav democracy, as evidenced by the words of a member of the Presidium of the CC of the LCY, the former (in 1985-1986) its chairman, Vidoje Zarkovic: “Amendments to the Constitution, as well as public discussions around them will be perceived as evidence of our strength and ability to meet the challenges and requirements of the time”¹³⁸².

The main point of the amendments was to create conditions for resolving contradictions between “bureaucratic” etatism and self-government, improving the mechanism of collective management and relations between the federation and its constituent parts, expanding the limits and clearly delineating the competences of various government and public institutions so that they could more effectively mobilize a resource for overcoming the crisis, as well as “strengthening the unity and stability of the Yugoslav self-governing society on the basis of full national equality, the brotherhood of peoples and nationalities, the responsibility of the republics and territories for the development of Yugoslavia”¹³⁸³. The competences of the regional authorities, which became accountable to the republican authorities of Serbia, were reduced to a minimum. The amendments regulated the activities and area of responsibility of the Presidium of the SFRY, the Union Council and the Council of the republics and autonomous provinces of the Federal Assembly, the Federal Executive Council, the Federal Court, the Constitutional Court, the Union of Syndicates, as well as issues of financing the YPA; a unified financial, tax and currency system was created. The electoral system was subjected to some democratization: inherently indirect elections of delegates to the Federal Assembly of the SFRY and various bodies of workers’ self-government were replaced by direct ones, voting became secret, the number of candidates increased¹³⁸⁴. The constitutional reform caused a consolidated opposition from Slovenia and Croatia, and therefore could not contribute to overcoming the negative trends in the development of Yugoslavia, becoming a kind of trigger for the subsequent escalation of interethnic

¹³⁸¹ Промена Устава су изазов и шанса Савеза комуниста и друштва у целини // Политика. 14. јануар 1988. С. 1.

¹³⁸² Ibid.

¹³⁸³ Ibid.

¹³⁸⁴ Amandmani na Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije (1988) // Викиизворник. URL: [https://sr.wikisource.org/sr-el/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B5_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B5_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%88%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B5_\(1988\)_\(Accessed: 23.08.2022\).](https://sr.wikisource.org/sr-el/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B5_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B5_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%88%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B5_(1988)_(Accessed: 23.08.2022).)

relations. Sabotage of the provisions of the federal constitution by the leadership of individual republics led to a deep constitutional crisis, the result of which was the collapse of the SFRY.

The executive power was represented by the government of the SFRY, which was called the Federal Executive Council – FEC (*Serbo-Croatian*, *Savezno izvršno veće – SIV*). The chairman and members of the FEC were appointed by the parliament – the Federal Assembly – for a period of four years. In addition to them, the FEC included allied secretaries and other heads of allied governments. The FEC ensured the implementation of the policy of the SFRY in all areas of the country's life, approved the projects of the public plan and the budget of the federation, coordinated and directed the work of the federal government bodies. the chairman of the FEC was appointed by the Federal Assembly at the suggestion of the Presidium of the SFRY¹³⁸⁵. In addition to the chairman and his two deputies, the government included representatives of the republics and autonomous provinces, federal secretaries, as well as heads of other federal government bodies and institutions. The federal secretary of foreign affairs had special authority in the government, in particular, in the end of the 1980's.

A serious government crisis in Yugoslavia erupted under B. Mikulic (1986-1989), whose cabinet was forced to resign collectively at the very end of 1988. The reasons for this were unpopular and harsh government measures in the field of economics and finance; a broad strike movement, high inflation and unemployment, as well as a corruption scandal in which Mikulic himself was involved. “The absence of a clear economic policy, the transition from one extreme to another, from “freezing” prices to their “un-freezing”, hitherto unprecedented inflation that got out of control and brought a huge part of the country's citizens to, as they say, borders of “social tolerance” – all this aroused such anger among the people that for the first time since the end of the First World War, the entire government resigned along with the prime minister¹³⁸⁶, – this is how the events taking place in Yugoslavia in January 1989 were characterized by the Soviet newspaper “Izvestia”. The result of the crisis was the formation in March 1989 of a new government under the leadership of A. Markovic, who launched a project of market reforms of the Yugoslav economy, which gave a short-term positive effect, but, in the end, only accelerated the collapse of the single economic space. The activities of the premier were sharply criticized by the Presidium of the SFRY and B. Jovic, who took over as chairman in 1990 – by 1991 the conflict between the Presidium and the FEC reached its climax. It is curious that in 1989 it was the Serb Jovic who was the main competitor of the Croatian Markovic in the struggle for the post of chairman of the FEC. Since its establishment in 1963, the Serbian representative has occupied it only once, while the Croatian representatives twice, and together with Markovic three times. In the eyes of the Serbian public and the political leadership of the SR of Serbia, this situation looked unfair. The opposition of the FEC from Serbia and Slobodan Milosevic became a

¹³⁸⁵ In the 1980's the heads of government in chronological order were Veselin Djuranovic (1977-1982), Milka Planinc (1982-1986), Branko Mikulic (1986-1989) and Ante Markovic (1989-1991).

¹³⁸⁶ Quoted from: Криза владе у Југославије // Политика. 19. јануар 1989. С. 4.

characteristic feature of the internal political life of Yugoslavia in the last years of its existence¹³⁸⁷.

The bodies of public self-government and the highest authorities in the republics, autonomous provinces and communities were tricameral assemblies, which elected and formed their own executive council and other governing bodies (secretariats, committees, etc.).

The role of the country's leading ideological and political force continued to be played by the League of Communists of Yugoslavia (LCY)¹³⁸⁸. In fact, the LCY carried out state functions, because it formulated the agenda, made decisions concerning the main directions of the political, economic and social development of Yugoslavia; exercised ideological control over the life of the state and citizens. The party's supreme organ was the periodically convened congress. It elected the Central Committee (CC) of the party. Since 1978, the Presidium of the LCY was at the head of the Central Committee, electing from among its members the executive secretaries, the secretary of the Presidium for a period of two years, and the chairman for a period of one year. The post of chairman in order of priority was occupied by representatives of the republics and provinces¹³⁸⁹.

There were also republican and provincial Leagues of Communists, which had their own congresses, central committees and presidiums. Social and political organizations worked under the leadership of the Communist Party – the Socialist Alliance of Working People of Yugoslavia (SSRNJ), the Union of Trade Unions, the Union of Associations of Veterans of the People's Liberation War, the Union of Socialist Youth and others.

In the first years after Tito's death, it was the Central Committee of the LCY that proved to be the most dogmatic and conservative body of state power. At the session of the Central Committee of the LCY on June 12, 1980, the secretary of the Presidium of the Central Committee, Dusan Dragosavac, declared: "We will not only continue, but also deepen the policy that we pursued under Tito"¹³⁹⁰. The words of Dragosavac became the political slogan of the Central Committee of the LCY, which was in effect for almost a whole decade and included the party's desire to strengthen ties with the working class and public organizations¹³⁹¹, an increase in the number of members, strengthening ideological control over the press and other media; strengthening its position in the YPA, as well as intensifying the ideological and political struggle against "internal and external enemies"¹³⁹². However, this does not mean that there were no supporters of the liberalization of the political course in the party. The fact is that as the situation in the country worsened, and especially after the Kosovo protests in the spring

¹³⁸⁷ See more: *Ramet S. P.* The Three Yugoslavias. State-building and legitimation, 1918-2005. Indiana, 2006.; *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia From The Death of Tito to The Fall of Milosevic*. London, 2002.

¹³⁸⁸ *Guskova E. Yu.* The role of the LCY in the political system of society. Moscow, 1983. [in Russian]

¹³⁸⁹ In the 1980's the post was occupied by Lazar Moisev (1980-1981), Dusan Dragosavats (1981-1982), Mitja Ribicic (1982-1983), Dragoslav Markovic (1983-1984), Ali Shukria (1984-1984- 1985), Vidoje Zarkovic (1985-1986), Milanko Renovica (1986-1987), Bosko Krunic (1987-1988), Stipe Suvar (1988-1989), Milan Panchevski (1989- 1990).

¹³⁹⁰ Наша револуција се развија на потврђеним вредностима // Политика. 13. јун 1980. С. 1.

¹³⁹¹ *Guskova E. Yu.* Discussion on personnel policy and the social class structure of the LCY. Moscow, 1985. [in Russian]

¹³⁹² *Guskova E. Yu.* The ideological work of the League of Communists of Yugoslavia: St. Reviews: / USSR Academy of Sciences, Moscow, 1988. [in Russian]

of 1981, “their voices sounded weaker and weaker”¹³⁹³. Adherents of a tougher political course were ready to use any leverage to restore order in the country, up to repressive ones.

It was the Central Committee of the LCY who initiated the introduction of amendments to the Constitution of Yugoslavia in 1987. Its members openly criticized the prevailing in Yugoslavia by the end of the 1980’s order of things and called for reforming the foundations of the functioning of the state in order to counteract separatism, “chetnichestvo”, “ustashevism” and centrifugal tendencies¹³⁹⁴, while trying to implicitly consolidate the monopoly right to determine the further political and economic course. The party leaders initially did not question the foundations of titoism or the prospect of revision – the Central Committee called only for course correction in accordance with the challenges of the new era. The position and methods of the CC of the LCY ran into irreconcilable resistance from the League of Communists of Slovenia and Croatia, which demanded decentralization and liberalization of party and republican life.

Hoping to preserve at least the relative unity of the party, the Central Committee decided to make a number of concessions to the republican bodies of the party leadership, which, however, did not save the party from disintegration. In December 1989, the working group of the Presidium of the Central Committee of the SKY proposed a draft Declaration “A New Project of Democratic Socialism and Yugoslavia”, which was to be submitted to the 14th Extraordinary Congress of the LCY. In accordance with the provisions of the Declaration, it was supposed to expand the boundaries of political freedoms in the country: “The Union of Communists stands for freedom of expression, regardless of political views, freedom of speech and assembly ... for its political legitimacy, the LCY will fight in elections and through other ways of expressing the will of citizens”¹³⁹⁵. Members of the working group proposed to begin as soon as possible the preparation of the text of the new constitution of the SFRY, as well as the new program and statute of the party, designed to renew the LCY and give communist ideas a more modern sound. Thus, the party officially recognized the need for modernization, its readiness to abandon the monopoly on power and take the steps¹³⁹⁶ necessary for this.

The last as such and the first emergency 14th Congress of the LCY in the history of the party opened in Belgrade on January 20, 1990 at the initiative of Vojvodina and was due to the difficult situation of the Yugoslav society and the need to approve a new program and main directions for the further activities of the LCY. A sharp controversy arose between the representatives of Serbia and

¹³⁹³ *Antić Z.* Yugoslav Albanian polemics over Kosovo escalate. RFE-RL* Research. RAD Background report/122 (Yugoslavia). 30 April 1981. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Accessed: 20.08.2022).

¹³⁹⁴ See: *Guskova E. Yu.* Yugoslav concept of the party in self-government. Moscow, 1987. [in Russian]

¹³⁹⁵ За нови пројект демократског социализма, за Југославију, за свет мира, слободe и солидарности // Политика. 18. децембар 1989. С. 6.

¹³⁹⁶ See more: *Guskova E. Yu.* From totalitarianism to democracy: the first results of elections on a multi-party basis in Yugoslavia: a review. М., 1991. [in Russian]

Slovenia at the congress. Delegates from Serbia advocated a unified LCY, while delegates from Slovenia, led by Milan Kucan, demanded the creation of a looser league, the League of Communist Workers' Unions. SR Slovenia and its leadership were accused of the policy of "supporting separatism, terrorism, genocide in Kosovo"¹³⁹⁷, "aspirations ... for the division of Yugoslavia and the collapse of Yugoslav socialism"¹³⁹⁸. On January 22, in protest against the position of Serbia, expressed, in particular, by S. Milosevic, Kucan left the Congress together with all the Slovenian delegates. Following the Slovenes, the Croatian delegation also left the "failed" Congress¹³⁹⁹ – the unified LCY ceased to exist.

In the context of a broad state crisis in Yugoslavia, the armed forces of the country represented by the YPA, designed to protect its unity and territorial integrity, acquired a special position and importance. After the death of J. Broz Tito, the Presidium of the SFRY acted as the Supreme Commander of the Army. The high public status of the YPA is indirectly indicated not only by the statements from the high rostrums of the Yugoslav party, state and military figures, which emphasized the priority of the army, but also by the large-scale annual celebrations of the YPA Day, which fell on December 22. Amendments to the constitution of 1988 separately regulated the issues of its financing, prescribed the possibility of establishing a special tax to ensure its stability.

The need to participate in the financing of the YPA caused acute discontent in Slovenia and Croatia and was one of the causes of conflicts between the leadership of these republics and the federal center. The problem of the instability of the financial content of the Armed Forces had a negative impact on the state of the army and its effectiveness, led to a regular reduction in the number of military personnel. So, for example, in the spring of 1988, the civilian composition of the YPA was reduced by 12%, the military – by 10%, the Territorial Defense Forces – 13.7%¹⁴⁰⁰.

The leadership of the YPA formally expressed its readiness to support social reforms in Yugoslavia, as well as general democratization and "pluralization", provided that the country's unity was preserved, which, for example, was stated in one of his interviews by the last Chief of the General Staff of the SFRY Armed Forces, General Blagoe Andzic (1989-1991): "Public reform can only have a positive impact on the development of our offensive-defensive system ... the modernization and effectiveness of our Armed Forces. As for the pluralization of society, we do not see any negative connotations in this"¹⁴⁰¹. However, the army and its leadership continued to think of themselves only within the framework of close ties with the LCY, so there could be no question of its depoliticization: "Our Army was created in the fire of war and revolution under the leadership of Tito and the Party,

¹³⁹⁷ Други дан рада 14. Ванредног конгреса СКЈ // Политика. 22. јануар 1990. С. 2.

¹³⁹⁸ Ibid.

¹³⁹⁹ *Edemsky A. B.* From the failure of the XIV Congress of the SKJ to the "third Yugoslavia"? // *Eastern Europe at a historical turning point (essays on revolutionary transformations, 1989-1990)*. Moscow, 1991. pp. 269-290. [in Russian]

¹⁴⁰⁰ Смањује се бројчани састав ЈНА // Политика. 3. март 1988. С. 1.

¹⁴⁰¹ Ко се плаши чињенице да ЈНА жели јединствену Југославију // Ibid. 7. децембар 1989. С. 9.

and since then the LCY has been an inseparable subject of its existence and power”¹⁴⁰².

In general, the system of public authorities after the death of J. B. Tito did not undergo significant reform. Perspective changes were developed by Tito himself and enshrined in the Constitution of 1974, which was one of the main reasons for the comprehensive ideological, political and socio-economic crisis in the SFRY. The amendments to the constitution, the need for which had been discussed for so long and which were adopted only in 1988, could no longer stop the process of disintegration that covered all spheres of life in Yugoslav society.

The Presidium of the SFRY, as a political phenomenon, did not justify the expectations placed on it and, instead of preventing the collapse of Yugoslavia, acted as a kind of catalyst to accelerate the disintegration processes. The reasons for this were both objective and subjective factors related to the lack of real management experience of the Presidium, as well as the lack of any of its members of authority comparable in strength to that of Tito; political will and personal interest in preserving a united Yugoslavia – each defended, first of all, the interests of the republic he represented. At the same time, neither the chairmen of the Presidium, nor the chairmen of the FEC, who held these posts in the second half of the 1980's, could compete with the republican leaders in terms of their level of charisma or the level of support among citizens. The chairmen of the Presidium did not have a real opportunity to influence the development of the situation, also because their term of office was limited to one year.

For the population of the national republics, decisions made not by federal, but by republican authorities became much more significant. In this regard, the most significant preference of the allied leadership was the conduct of a foreign policy, the main purpose of which was to seek political and economic support from Western countries. As the crisis in the state grew, the national republics increasingly turned to the tools of paradiplomacy, began to form their own foreign policy agenda, bypassing the federal center. Foreign policy goals of Yugoslavia and some national republics by the end of the 1980's could often be diametrically opposed.

1.2. "Self-governing socialism" and the economic development of the country

The most problematic and fatal character in the 1980's acquired crisis phenomena in the economic life of the SFRY, which was associated both with the consequences of the global energy crisis of 1979-1980, which hit the economies of a number of countries, and with purely national reasons.

Economic problems were not something new for Yugoslavia, but after the death of J. Broz Tito came to the surface with all their obviousness. The position of non-alignment and neutrality in foreign policy contributed to the fact that Tito enjoyed the favor of both the United States and Western

¹⁴⁰² Ко се плаши чињенице да ЈНА жели јединствену Југославију // Политика. 7. децембар 1989. С. 9.

European powers, and the USSR with its Eastern European satellites (after the normalization of Soviet-Yugoslav relations in the mid-1950's). Accordingly, economic assistance to Yugoslavia in the form of numerous loans and the provision of various preferences came simultaneously from two camps¹⁴⁰³.

Financial subsidies only temporarily stabilized the economy of the SFRY, but were not able to solve its underlying problems, which grew out of the inconsistency of the concept of "self-governing socialism", which combined planning and market relations. For example, self-management at enterprises created distortions in the labor market: workers of stronger enterprises with high wages opposed the recruitment of labor from disadvantaged industries in their production. This led to "gap gaps in wages for the same specialties depending on the sector of the economy"¹⁴⁰⁴. New enterprises almost did not open, as the government supported unprofitable production, pulling resources to them. By the end of the 1970's approximately 20-30% of enterprises were unprofitable¹⁴⁰⁵. Under these conditions, the worker often became a hostage to a situation from which he saw a way out only in labor migration.

The distribution of administrative positions, both at the level of enterprises and at the level of local administrative-territorial units (communities), could look rather ridiculous within the framework of the concept of "self-government". So, for example, it could be a completely ordinary situation in which "a former medical technician became the director of a woodworking factory", "a veterinarian became the director of a textile factory" and "a forestry technician became the director of a medical center"¹⁴⁰⁶, etc. Of course, such an administrative cadre could not have had either an idea or a concept for the further development of the institution he headed. The leader's incompetence discredited him in the eyes of his subordinates, who naturally began to ask questions about the reasonableness of the "self-management" concept.

A natural consequence of the above and other problems of social development was that Yugoslav citizens increasingly lost faith in the system of self-government and the very possibility of putting this idea into practice: "Every day, citizens watch with their own eyes how the card of self-government is played; the same people have been calling for self-government for years and at the same time compromising it with their attitude. These are people with double standards, who do not want to admit that self-government is in a situation of stagnation and decline, but at the same time they firmly hold the levers of state-party power, using all kinds of political-ruling machinations and hoaxes for this"¹⁴⁰⁷. Thus, the unpreparedness and inability of the authorities to reform the economic system intensified the

¹⁴⁰³ See more: *Kandel P. E.* Yugoslav self-government and the main directions of the foreign policy of the SFRY (1949-1979). Moscow, 1979. [in Russian]

¹⁴⁰⁴ *Carević M.* Jugoslavija između etatizma i samoupravljanja. Banjaluka, 1987. S. 322.

¹⁴⁰⁵ Ibid.

¹⁴⁰⁶ Ibid. S. 28.

¹⁴⁰⁷ Ibid.

crisis of the ideology on which the SFRY was based.

An insoluble problem that aggravated the general dissatisfaction with the federal authorities and radicalized separatist sentiments was the socio-economic inequality of the republics of the SFRY and the need for the richest of them to subsidize the poorest: the developed republics had to deduct about 2% of their gross product to the Federation Fund for Lending to Underdeveloped Republics and autonomous province of Kosovo and Metohija¹⁴⁰⁸. Sabotage of this duty by the SR's Slovenia and Croatia in the 1980's led to even greater impoverishment of underdeveloped regions and destabilization of the socio-economic and political situation both in the republics and in the federation as a whole.

Still command-administrative in its essence, but at the same time decentralized¹⁴⁰⁹ economy of Yugoslavia could not meet the capitalist standards of consumption of Yugoslav citizens, which led to regular budget deficits. Its transfer to a fully market-based rails would sooner or later put on the agenda the question of the need for political reforms, which the Presidium of the SFRY and the Central Committee of the SKY could not permit. However, even in the conditions of a capitalist economy, the weak economic potential of Yugoslavia, the low level of technical equipment and the pace of modernization of enterprises, as well as the excessive bureaucratization and sluggishness of the system, would not allow it to compete on equal terms with Western manufacturers. The technological dependence of Yugoslavia, as well as the lack of a developed sector of science-intensive production, became a strategic problem, which negatively affected, among other things, the state of the military-industrial complex.

Under these conditions, in the early 1980's, the collective leadership worked out and adopted a compromise "Economic Stabilization Program" for the country, which included a policy of marginal savings, growth in exports, and a reduction in disproportions in the levels of economic development of federal units, but in practice was marked only by the search for new credit revenues and an increase in the state debt of the SFRY. The long-term commitment to the stabilization program was confirmed at the 12th Congress of the LCY in 1982.

In February 1981, the International Monetary Fund (IMF), subject to a sharp reduction in spending, devaluation of the dinar and liberalization of prices, credited Yugoslavia in the amount of \$2 billion 200 million for a period of three years¹⁴¹⁰. For the IMF, this amount was the largest in its entire previous history of lending to developing countries. Yugoslavia received its first loan of \$275 million from the World Bank in 1983, and in 1984 the country received an industry loan from the organization

¹⁴⁰⁸ See more details: *Kudrov V. M.* Yugoslavia: a farewell economic and statistical portrait // Social sciences and modernity. 2002. No. 1. S. 90-105. [in Russian]

¹⁴⁰⁹ The 1974 Constitution and the release of the republics from the tutelage of the center led to the weakness and blurring of the single economy and the single market: federal units formed their own autonomous "national economies".

¹⁴¹⁰ *Antić Z.* Yugoslavia to receive new foreign credits. RFE-RL* Research. RAD Background report/39 (Yugoslavia). 13 February 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:8decbf0e-2dda-4280-99d0-3031e59fba9b> (Accessed: 20.08.2022).

for the production of artificial fertilizers in the amount of \$90 million¹⁴¹¹, which, however, for the situation of the ever-increasing needs of the Yugoslav economy, was a drop in the ocean. In the future, the leadership of the SFRY became more and more difficult to receive loans, relations with creditors worsened, because they understood that loans were not used to develop the economy and increase labor productivity, but to maintain living standards in order to avoid political collapse. Nevertheless, in the summer of 1988, Yugoslavia received another loan from the World Bank in the amount of \$120 million¹⁴¹². At the end of 1990, Belgrade received a record \$1 billion from the EEC for the reconstruction of roads and railways¹⁴¹³. The extent of Yugoslavia's dependence on foreign money was becoming dramatic.

On March 17, 1981, the Assembly of the SFRY adopted a new social plan for the country for 1981-1985.¹⁴¹⁴ The main provisions of the plan concerned the economic situation in the country and proceeded not only from the need to stabilize it, but also from the prospective development of various sectors of the economy, as well as “improving the investment climate, reducing imports and increasing exports, expanding economic cooperation with foreign countries, attracting foreign tourists, opening new jobs and increasing real personal incomes and living standards of Yugoslav citizens”¹⁴¹⁵. It was planned to solve problems in the medium term through “full use of available resources”, “maximum savings” and “rational distribution of public funds”¹⁴¹⁶, which was reflected in the introduction of taxes on travel abroad, restrictions on the withdrawal of currency from bank accounts, regulation of fuel consumption and other anti-crisis measures.

In practice, overcoming economic difficulties turned out to be much more difficult. Back in June 1980, the devaluation of the Yugoslav dinar by 30% was announced compared to the rate at the beginning of the year. The growth of inflation by the beginning of 1981 amounted to 40%¹⁴¹⁷. The deterioration in the economic sphere caused a consistent aggravation of the political situation on the ground and especially in the poorest regions of the country, or rather, in the autonomous province of Kosovo, which was swept through by a wave of Albanian protests in the spring of 1981.

The stabilization policy gave a short-term positive effect, including due to the intensification of trade between the SFRY and the CMEA member states, whose market turned out to be less demanding compared to the Western European one, but in the medium term, the use of restrictive economic methods only led to a decrease in the efficiency of the economic complex, a fall level of exports and

¹⁴¹¹ Зашто зајмимо од Светске банке // Политика. 20. јун 1988. С. 4.

¹⁴¹² Југославији одобрено 120 милиона долара // Ibid. 2. јул 1988. С. 2.

¹⁴¹³ Зајам од милијарду долара за Југославију // Ibid. 19. децембар 1990. С. 1.

¹⁴¹⁴ Усвојен Друштвени план земље од 1981. до 1985. године // Ibid. 18. март 1981. С. 7.

¹⁴¹⁵ Ibid.

¹⁴¹⁶ Кредити у августу // Ibid. 30. јун 1983. С. 4-5.

¹⁴¹⁷ *Antić Z.* Yugoslavia's foreign debts. RFE-RL* Research. RAD Background report/58 (Yugoslavia). 10 March 1982. P. 4. // OSA Archive. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:dc6533ab-ee1e-45c2-a8ba-5bcf73bdf686> (Accessed: 20.08.2022).

imports. In 1983, the Yugoslav economy again showed a negative trend, and by the beginning of 1985 inflation was already 100%¹⁴¹⁸. The real incomes of citizens fell by exactly two times compared to the indicators of 1980¹⁴¹⁹. Along with the purchasing power, motivation and the desire to work and produce fell as well as the discipline at enterprises.

An insurmountable problem was the increase in the number of unemployed, whose number reached about 1 million people at the beginning of 1984 (the total population of the SFRY, according to the 1989 census, was 23.72 million people)¹⁴²⁰. Unemployment provoked the processes of marginalization, criminalization of the population and the growth of social tension, causing speeches in Montenegrin Titograd in 1983, Croatian Labin in 1987 and widespread mass protests in 1988. According to data for 1984, about 2 million 500 thousand citizens were not at all able to feed themselves on their own and were forced to turn to the state for help¹⁴²¹. This number included not only the unemployed, but also elderly peasants who did not receive pensions on a regular basis, as well as students who were left without financial support from their families.

A sore point for the government was the mass labor migration to Western European countries, the number of which by mid-1989 had reached more than 1 million people¹⁴²²; protection of the rights of Yugoslav “guest workers” abroad, as well as the need for their adaptation after returning, often forced, to their homeland. For this, various social programs were created, including such support measures as simplified employment, the opening of craft workshops, accelerated approval of loans for the purchase of apartments and the construction of summer cottages, education of children, etc. In reality, Yugoslavia could not independently create acceptable conditions for the socialization of its returnees from abroad citizens.

Abroad “guest workers” faced multiple difficulties, the main of which was assimilation in the country of residence. Migrant families often could not provide their children with education in their native language – there was an acute shortage of textbooks and teachers. By the end of the 1980’s increased competition between workers from Yugoslavia and other Eastern European countries. Thus, in the West Germany, the Yugoslav labor force was forced out by personnel from the German Democratic Republic (GDR) and Poland, whose skill level was incomparably higher. At the same time, the Yugoslav diasporas (the so-called ‘yugo clubs’) tried to provide all possible assistance to their historical homeland, transferring money for charitable and other purposes.

¹⁴¹⁸ *Stanković S.* Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/1 (Yugoslavia). 24 February 1985. P. 27. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:78d37fd0-6882-4faa-9112-c62fa96e32e7> (Accessed: 20.08.2022).

¹⁴¹⁹ Ibid.

¹⁴²⁰ *Antić Z.* Drastic decline in Yugoslav standart of living. RFE-RL* Research. RAD Background report (Yugoslavia). 24 July 1984. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:cc34f839-a8d2-478b-a5f2-de80f9c5d678> (Accessed: 20.08.2022).

¹⁴²¹ *Antić Z.* Drastic decline in Yugoslav standart of living. RFE-RL* Research. RAD Background report (Yugoslavia). 24 July 1984. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:cc34f839-a8d2-478b-a5f2-de80f9c5d678> (Accessed: 20.08.2022).

¹⁴²² Гастарбајтерима не прети отпуштање // Политика. 26. децембар 1989. С. 9.

By 1987, in fact, a “critical phase” had begun in relations between Yugoslavia and its main creditors represented by the IMF, the World Bank and the Paris Club, which threatened the SFRY with a default¹⁴²³. By the end of the year, the country’s external debt amounted to \$19.8 billion¹⁴²⁴. The most difficult negotiations were with the 15 member states of the Paris Club and Kuwait, which was one of the largest state creditors of the SFRY.

The main question that occupied the minds of both statesmen and ordinary Yugoslav citizens was the question of how Yugoslavia was going to repay its debts. There was no unambiguous and clear answer to it in the 1980’s. In negotiations with creditors, the Yugoslav leadership set itself two main objectives. First, to achieve such conditions for paying off debt obligations that would allow the country to develop normally, as well as to carry out the necessary structural changes in the economy. Secondly, to provide such a degree of liquidity that would guarantee the normal supply of the economy as it adapts to economic reforms. In addition, it was important for Yugoslavia to ensure the minimum necessary imports of consumer goods. In this regard, the SFRY counted not just on debt restructuring, but on creditor support for its stabilization program, which could help pay off debts during subsequent development in the context of an economic course adjustment. Not all members of the Paris Club were sympathetic to the wishes of Yugoslavia – most of them were ready to accept only a partial deferral of loan repayments. The aggravation of the situation was avoided, despite the fact that inflation reached three-digit figures, and in 1989 it grew into a four-digit hyperinflation¹⁴²⁵.

In the second half of the 1980’s the Yugoslav economy found itself in an extremely difficult situation, characterized by 1) the outflow of huge amounts of savings to service external debt 2) a decrease in trade and the depreciation of Yugoslav products due to the need to ensure exports even at low prices 3) a rupture of internal production ties 4) further disintegration of the internal economic space 5) a decrease in the value of the national currency and high inflation 6) a high degree of dependence on developed economies 7) mass unemployment and a deterioration in the quality of life of citizens 8) a general recession and a drop in production rates¹⁴²⁶.

It was impossible to overcome the economic crisis by tightening the belt. Yugoslavia needed a completely new economic policy, which was initiated in 1989 by Ante Markovic, chairman of the FEC of SFRY. The amendments to the constitution of 1988 served as the legal basis for Markovic's reforms, which significantly expanded the competencies of the federation in relation to the republics. Favored structural transformations in Yugoslavia and the international political situation, characterized by the

¹⁴²³ Дуг се тешко смањује // Политика. 5. април 1987. С. 3.; See more: *Kudrov V. M.* Yugoslavia: a difficult path. Moscow, 2001. [in Russian]

¹⁴²⁴ Незаобилазни послови конверзије дуга // Ibid. 20. март. 1989. С. 4.

¹⁴²⁵ *Popović T., Stamenković S.* Ekonomska drama Jugoslavije: Raspad trzista – sankcije – slom monetarnog sistema. Beograd, 1994.

¹⁴²⁶ See for more details: *Entina E. G.* Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the post-Yugoslav space): thesis ... of dr. polit. sciences. Moscow, 2020. [in Russian]

emerging decline of the socialist idea and the collapse of the socialist bloc. An important feature of the transformations of the new prime minister was the active attraction of Western capital to the Yugoslav economy through building close cooperation with the EEC. Investments were mainly of German, Austrian and Italian origin and were directed to more prosperous Slovenia and Croatia. At the same time, banking reform was deepened, and the practice of bankruptcies of inefficient enterprises expanded significantly. By the beginning of 1990, prices were liberalized and the new dinar was converted, which was tied to the West German mark, as well as the removal of all restrictions on imports and exports. Soon began a large-scale privatization of public property, which was supposed to be transformed into public-private. The country's economy was becoming increasingly market-oriented.

The program of economic reforms and measures for their implementation for 1990, proposed by the FEC, pursued as a goal the restriction of demand for consumer goods and the reduction of inflation by temporarily freezing wages, but caused not only sharp criticism and resistance from the SR of Serbia, but also calls for resignation of A. Markovic. The point is not only that, according to the leadership of Serbia, the proposed measures led to “a decline in production rates and an increase in unemployment, thus falling on the most vulnerable segments of the population”¹⁴²⁷ and contributing to political destabilization, but also in the fact that the scale of the negative consequences of these measures for different republics of the SFRY were not comparable. SR Bosnia and Herzegovina, SR Macedonia, SR Montenegro and the SAP Kosovo were in a deliberately losing position.

Economic disagreements between the republics became more and more critical, and economic unity became more and more illusory and ephemeral. As early as the end of 1987, the republics entered into a heated debate with the center on the distribution of funds between federal units, which resulted in the fact that the country entered in 1988 without a traditional economic development plan in the form of a Resolution on the development of Yugoslavia, approved by the Federal Assembly annually on the eve of New Year. The draft plan was essentially blocked by the Presidium of the SR Slovenia, which stated that “Slovenia no longer intends to participate in the creation of unrealistic and impracticable documents”¹⁴²⁸. The rest of the republics defended, first of all, the interests of their “national” economies, not wanting to listen to the arguments of the center: Macedonia was looking for debt restructuring, Serbia – the unity of pricing policy, Croatia – the introduction of currency legislation, price liberalization, a less stringent monetary policy; Kosovo – debt restructuring and additional funds to solve social problems; Montenegro – the consolidation of the economy and banks, Bosnia and Herzegovina – opportunities to repay domestic debt. Each republic believed that “others

¹⁴²⁷ Србија не подржава мере СИВ-а // Политика. 20. децембар 1989. С. 1.

¹⁴²⁸ Кад републике деле паре // Ibid. 4. јануар 1988. С. 5.

are robbing it, that someone is taking something away from it”¹⁴²⁹, hence the ever-increasing desire to “grab more”¹⁴³⁰. At the beginning of 1988, the republics nevertheless managed to reach a relative compromise on most controversial issues and agree on a draft currency legislation, as well as a price release plan. However, the very fact of the emergence of such a crisis meant an inexorable decline in the role of federal economic planning in the future, even under the condition of constitutional reform. Any possibility of achieving at least relative economic centralization was hindered, first of all, by the republican ethnocracy.

In any case, the Program of Economic Reforms and Measures for their Implementation for 1990 was adopted despite the opposition of Serbia, and contributed to a 20-fold reduction in inflation. The external debt of the SFRY fell to \$16 billion by the beginning of 1991¹⁴³¹. However, the positive effect of Markovic’s reforms did not become a conciliatory motive for the republics, but, on the contrary, strengthened the centrifugal tendencies in the country: the privatization begun in 1991 turned into an ethnic struggle for property.

In general, the steps taken by A. Markovic, a consistent supporter of Yugoslavism, could not change the general negative trend in the Yugoslav economy: “There was still too much complacency and not enough motives and pressure for changes ... Yugoslavia lived off its former glory and the dying flame of Titoism»¹⁴³².

Despite some influx of foreign capital, the general prejudice and mistrust of Western investors towards the SFRY persisted. It is no coincidence that Belgrade has not received a single large loan in the last years of its existence. The IMF and Western European governments put intense pressure on the Yugoslav leadership, forcing the country to cut its spending, thereby provoking even more political instability in it. Complete disinterest and even opposition to the cause of reforming the federal economy was demonstrated by the republican elites. Naturally, the economic crisis hit the foreign policy authority of Yugoslavia, weakening its position in the international political arena, and especially in the Non-Aligned Movement.

1.3. Disintegration processes and the problem of separatism

The main test for a united Yugoslavia in the 1980’s was the growth of separatism in the republics and autonomous provinces and, as a result, the deepening of disintegration processes caused by a number of objective and subjective reasons.

In 1974, the third Constitution was adopted in Yugoslavia, according to which the federal units

¹⁴²⁹ Кад републике деле паре // Политика. 4. јануар 1988. С. 5.

¹⁴³⁰ Ibid.

¹⁴³¹ Entina E. G. Op. cit. P. 131.

¹⁴³² Crnobrnja M. The Yugoslav Drama. London and New York, 1996. P. 91.

received unprecedented political and economic independence, while the competences of the federal center were significantly narrowed, which turned the country into a kind of confederation. Many scholars tend to believe that the 1974 Constitution is one of the main reasons that exacerbated nationalist sentiments and centrifugal tendencies in the SFRY.

Nationalism and separatism grew locally as the economic situation worsened. Relatively prosperous and steadily developing Slovenia and Croatia expressed dissatisfaction with the federal economic policy and the unfair distribution of finances among the republics and territories. The fact is that a significant part of the revenues to the federal budget came from the SR of Slovenia and the SR of Croatia, but did not return in sufficient quantities to these republics, and went to the maintenance of the underdeveloped SR of Bosnia and Herzegovina, the SR of Macedonia, the SR of Montenegro and the SAP of Kosovo, which caused indignation and irritation both from the local republican leadership and from ordinary citizens. At the same time, despite significant subsidies, the economic situation in poor regions did not improve, which was due, among other things, to the historical features of their development, low labor productivity, and the level of education and qualifications of local labor personnel.

The reason for the separatist processes also layed in the historical, cultural and ethno-religious differences between the Yugoslav nations, which were ignored by the Tito concept of Yugoslavism, the main task of which was the formation of a single Yugoslav people and the blurring of ethnic boundaries within the state¹⁴³³. Even during Tito's lifetime, this nation-building project met with explosive resistance on the ground (for example, the so-called "Croatian Spring")¹⁴³⁴. The death of the "father of the Yugoslav nation" released the nationalist forces, confident that their republics would develop more successfully outside the framework of the SFRY. In this regard, the fall in the level of popularity and attractiveness of the Yugoslav idea, the search by each nation for its own, new Tito in the person of national leaders looked like quite natural and objective processes.

The deterioration of interethnic relations in the federation caused great concern among the Yugoslav citizens, who were very sensible in their approach to the question of the causes and likely consequences of what was happening. Thus, according to public opinion surveys in 1985, 22% of respondents indicated "the activities of nationalists in the country and (or) abroad" as the main problem of the growth of nationalism, 20% – "the economic and political crisis", 15% – "republican and regional statism (political and economic "closure" of republics and territories)", 6% – "separation of power from the people and nationalism of leaders", 5% – "differences in faith and the activities of

¹⁴³³ See: *Bakić J.* Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma. Zrenjanin, 2004.; *Martynova M. Yu.* Ethnic aspects of the modern Balkan crisis: author. dis. ... dr. hist. sciences. Moscow, 1996.; *The Balkan Crisis: Peoples and Politics.* Moscow, 1998. [in Russian]; *Gavrilović D.* Zatočnici mitova nacionalizma i komunizma: svet i Jugoslavija. Beograd, 2010.

¹⁴³⁴ See more: *Đokić D.* Yugoslavism: Histories of a Failed Idea 1918–1992, London, 2003.; *Strugar V.* Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavija. Beograd, 1992.; *Magaš B.* The destruction of Yugoslavia tracking the break-up. 1980-1992. London, 1993.

religious organizations”, 4% – “primitivism and backwardness”, 3 % – “legacy of the past and prejudices”, 3% – “cultural and linguistic differences”¹⁴³⁵. From these data it follows that religious and ethnic differences and contradictions were not the main factor that caused the collapse of Yugoslavia.

The weakest link within the SFRY from the point of view of the spread of ideas of nationalism and separatism was the autonomous province of Kosovo, in which most of the population by the 1980’s represented by the Albanians. If the Serbs, Croats, Slovenes, Bosnian Muslims, Montenegrins and Macedonians were related by a common ethnic and linguistic origin, then the Kosovo Albanians in the community of Yugoslav peoples felt like an alien element and strove for rapprochement with Albania¹⁴³⁶, which strongly encouraged them in this.

In March – April 1981, armed clashes began in the autonomous province between Kosovo Albanians and YPA units, which led to bloody consequences. The protests of the Albanians, instigated by students from the University of Pristina, took place under nationalist slogans that demanded the transformation of Kosovo into a republic and even the withdrawal of the province from the SFRY (“Kosovo is a republic”, “We are Albanians, we are not Yugoslavs”, “In unity with Albania” , “Long live Great Albania”, “Unification of Albanian lands”, “Today with songs – tomorrow with guns”, etc.¹⁴³⁷ The participants in the unrest sincerely believed that “Albanians are being oppressed in Yugoslavia, while Kosovo is being economically exploited”¹⁴³⁸. The desecration of state symbols of the SFRY, incl. burning flags, attacks on Serbs and acts of vandalism became the norm. The reaction of the central leadership was not long in coming: “The actions of the enemy irredentist elements are designed to undermine stability in our country”¹⁴³⁹. A gradual deterioration of relations with Albania began, rightly accused of provocative activities. There were separatist sentiments in the province before, but the nationalists for a long time expected a favorable occasion for their mass action, which became the death of J. B. Tito¹⁴⁴⁰.

The Albanian pogroms and protests were most fundamentally condemned by the authorities of the province and its representatives in the central authorities, who were supporters of the unity of the Yugoslav peoples. Thus, Fadil Hoxha, a member of the Presidium of the SFRY from the SAP Kosovo, said: “I want to immediately express myself in the clearest way: the recent events that took place in Pristina and other places in Kosovo are of a deliberate and hostile nature. This is a matter of counter-revolution. Student demonstrations and other incidents were only a prologue to the organized

¹⁴³⁵ Jugosloveni o društvenoj krizi (istraživanje javnog mnjenja 1985. godine). Beograd, 1989. S. 86.

¹⁴³⁶ See: *Ivanova Yu. V.* The Kosovo Crisis. Moscow, 1999. [in Russian]

¹⁴³⁷ *Ристановић П. Р.* Српска интелектуална елита и косовско питање 1974-1989. Докторска дисертација. Београд, 2018. С. 204.

¹⁴³⁸ Ibid.

¹⁴³⁹ Седница Председништва СФРЈ и Председништва ЦК СКЈ. Јединствени смо и бескомпромисни у заштити уставног поретка и територијалног интегритета СФРЈ // Политика. 4. април 1981 г. С. 1-2.

¹⁴⁴⁰ See: *Bukvic R.* The regional problem of socialist Yugoslavia in 1945-1991 // Bulletin of Mordov. University. 2014. No. 3. pp.129-146. [in Russian]

offensive of outright enemies of the self-governing socialist non-aligned Yugoslavia, who do not wish good either to the Albanian people or to other peoples of Yugoslavia¹⁴⁴¹. By the way, Hoxha himself, a hero of socialist labor and a people's hero of Yugoslavia, will be expelled from the LCY in 1987 for careless statements about the situation in Kosovo¹⁴⁴².

The organizers and participants of the unrest, many of whom were members of nationalist organizations banned in Yugoslavia (for example, the pro-Albanian Hoxhaist¹⁴⁴³ Red Front and others) were arrested and convicted. In total, about 772 citizens were convicted¹⁴⁴⁴, of which the majority are young people under the age of 25, workers and students. In the same year, a special plan was developed and adopted to bring the region out of the crisis, called the "Platform of the Central Committee of the LCY for Kosovo", which assumed a multiple increase in economic assistance to the province and the fight against illegal organizations and communities in Kosovo¹⁴⁴⁵. The Presidium, the Federal Assembly and the FEC hoped to calm the rebellious land without taking serious steps, but the problem of Albanian nationalism only worsened over the years.

The unrest in Kosovo put on the agenda the question of the need to amend the Constitution of the SR of Serbia, which would expand the rights of the republican government in relation to autonomous entities, which was sharply opposed by the leadership of the SAP of Vojvodina and Kosovo. Serbia's desire for a stronger integration of its territories was supported by Macedonia, which was afraid of possible Albanian uprisings in the west of the republic, and Montenegro. However, the fear of "great-Serbian centralism" and the possibility of changes in the federation led most of the republics to come out in support of Vojvodina and Kosovo – amendments to the Serbian constitution at this stage were rejected.

In subsequent years, the situation in Kosovo deteriorated and became the reason for the growth of distrust towards the collective leadership of the Serbs and Montenegrins, who experienced harassment and discrimination from the Albanians in the autonomous province. Ignoring the sometimes difficult and humiliating situation of the Orthodox in Kosovo became the reason for the growth of nationalist sentiments among the Serbian population of the SFRY, which was a particularly dangerous phenomenon for a country in which the Serbs played the role of a state-forming people. The emigration of Serbs and Montenegrins from the SAP of Kosovo reached a huge scale, which the Kosovo authorities preferred to hush up for decades. Federal leadership in the early 1980's also ignored the problem in order to avoid the need to support a certain side of the conflict – the republican or provincial – for fear of exacerbating the national question. The main reasons for the resettlement of

¹⁴⁴¹ Фадиљ Хоџа: То је дело контрареволуције // Политика. 4. април 1981 г. С. 2.

¹⁴⁴² Фадиљу Хоџи нема места у Савезу комуниста и у Савезу Федерације // Ibid. 22. октобар 1987. С. 1.

¹⁴⁴³ In this case, we mean the leader of socialist Albania Enver Hoxha.

¹⁴⁴⁴ Ристановић П. Р. Оп. cit. P. 233.

¹⁴⁴⁵ From the political platform of action of the SKJ for the development of socialist self-government, brotherhood, unity and community in Kosovo (November 17, 1981) / The Albanian factor in the development of the crisis in the territory of the former Yugoslavia. Documents in 3 volumes. Volume One (1878-1997). Moscow, 2006. pp. 176-187. [in Russian]

Serbs in more prosperous regions of the country were both socio-economic problems, and “general uncertainty, harassment, insults, physical reprisals, fights, aggressive attitude towards women and children, rape attempts and rapes themselves, attacks on priests and monks”¹⁴⁴⁶.

In July 1985, at a regular meeting of the Union Council of the Federal Assembly of Yugoslavia, a member of its Presidium and part-time federal secretary of the interior of the SFRY Dobrosav Culafic assessed the process of emigration of Serbs and Montenegrins as “the most dangerous and most negative consequence of Albanian irredentism, both from the point of view of political security and from the point of view of strategic security”¹⁴⁴⁷. In 1986, fragments of the so-called Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SANU) were published¹⁴⁴⁸, which brought to the general public the real state of affairs in the province and, although they caused widespread criticism from the Presidium of the SFRY, the Federal Assembly, the FEC and the LCY, prompted the authorities to act. In December 1987, at a meeting of the Federal Assembly of the SFRY, a special Program of Measures and Actions was adopted to stop the emigration of Serbs and Montenegrins from Kosovo, in which the return of immigrants was recognized as “the primary and most important task of all working people and citizens of the SAP of Kosovo, the SR of Serbia and the SFR of Yugoslavia”¹⁴⁴⁹. The program included a variety of measures: from strengthening security in the region, increasing the efficiency of government bodies and courts, combating pro-Albanian propaganda to measures to stimulate the birth rate among the Serbian part of the population. The very fact of the adoption of such a document at the federal level meant a political victory for the leadership of the SR of Serbia and at the same time “narrowed the possibilities of the provincial leadership in denying the seriousness of the problem of emigration and political manipulations on the issue of it under rank”¹⁴⁵⁰. Meanwhile, precious time had already been lost in its decision, and the federal leadership “was unable to guarantee compliance with the program, which it itself adopted”¹⁴⁵¹.

On the Wave of the “Kosovo problem”¹⁴⁵² Slobodan Milosevic, who in 1986 took the post of Chairman of the Presidium of the Central Committee of the SR of Serbia, and in 1989 – Chairman of the Presidium of the SR of Serbia, began his ascent up the career ladder. In the autumn of 1988, he initiated an “anti-bureaucratic revolution” in Vojvodina and Kosovo, which resulted in the resignation of the local leadership – functionaries loyal to Serbia took their places. In the spring of 1989,

¹⁴⁴⁶ Ристановић П. Р. Op. cit. С. 454.

¹⁴⁴⁷ Седница Извршног већа Скупштине Југославије. Национализам све агресивнији // Политика. 20. јун 1985. С. 5.

¹⁴⁴⁸ From the Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Conclusion on Kosovo and Metohija (September 1986) / The Albanian factor in the development of the crisis in the territory of the former Yugoslavia. Documents in 3 volumes. Volume One (1878-1997). Moscow, 2006. pp. 192-195. [in Russian]

¹⁴⁴⁹ Седница Скупштине СФРЈ. Програм за заустављање исељавања Срба и Црногораца са Косова // Политика. 17. децембар 1987. С. 1.

¹⁴⁵⁰ Ристановић П. Р. Југословенски програм мера и активности за заустављање исељавања Срба и Црногораца са Косова (1987) // Баштина. 2018. св. 46. С. 265.

¹⁴⁵¹ Ibid. С. 269.

¹⁴⁵² See for more details: Terzic S. Old Serbia: The Drama of a European Civilization. Moscow, 2015. [in Russian]

Milosevic achieved amendments to the Constitution of the SR of Serbia, according to which the SAP of Kosovo and Vojvodina were deprived of statehood. The issue of the newspaper “Politika” dated March 29, 1989 came out with the headline “Sovereignty returned to Serbia” on the front page of it¹⁴⁵³.

As measures to achieve his goals, the head of Serbia chose “political confrontation and abuse of popular discontent...”¹⁴⁵⁴, began to actively use the propaganda potential of the media. The apotheosis of the political career of S. Milosevic was the famous speech on the Kosovo field on June 28, 1989¹⁴⁵⁵, which included a direct pro-Serbian nationalist message¹⁴⁵⁶ and became a harbinger of armed conflicts in Yugoslavia. The repressive methods he chose to fight Kosovo separatism led to the opposite effect: moods among Albanians became more radical, strikes and unrest more massive and bloody; Serbia’s relations with other republics were heating up, they saw a threat to their independence in the actions of the Serbian leadership and were ready to destroy the united state in order to preserve it.

Kosovo “nationalism” and “separatism” were sharply condemned by the Serbian communists at the 14th Extraordinary Congress of the LCY in January 1990. The supporters of Kosovo’s independence received direct moral support from the SR of Slovenia, in addition, SR of Croatia and SR of B&H were inclined. However, the new leadership of the province, loyal to Milosevic, hastened to disassociate itself from this support. So, for example, the last chairman of the Presidium of the League of Communists of Kosovo, Rahman Morina, believed that “in Slovenia they think about Albanians only when they need to attack Serbia or Yugoslavia”¹⁴⁵⁷. At the last party congress, the leadership of the aforementioned republics was openly accused of belonging to the fifth column and striving for the destruction of Yugoslavia¹⁴⁵⁸. Acute contradictions, including on the “Kosovo issue”, the irreconcilable rhetoric of the Serbian and Slovenian communists led to the collapse of the LCY.

On February 1, 1990, YPA units, as a result of regular attacks by Albanians on Serbs and Montenegrins, entered a number of Kosovo cities and villages. On July 5 of the same year, after a referendum on the need to adopt a new constitution for Serbia, the Assembly adopted the Law on the termination of the Assembly and the Executive Council of Kosovo, which subsequently caused widespread criticism in the European Parliament and the adoption of a special resolution on Kosovo, condemning the violation of human rights in the province¹⁴⁵⁹. According to the new constitution of

¹⁴⁵³ Проглашен Устав Социјалистичке Републике Србије. Србији враћен суверенитет // Политика. 29. март 1989. С.1.

¹⁴⁵⁴ *Ристановић П. Р.* Југословенски програм мера и активности за заустављање исељавања Срба и Црногораца са Косова (1987) // Баштина. 2018. св. 46. С. 269.

¹⁴⁵⁵ 600. GODINA OD KOSOVSKE BITKE 1389-1989: Proslava i govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4a5ct7vVcgk&ab_channel=DokumentarneEmisijeBalkan (Accessed: 15.05.2021).

¹⁴⁵⁶ See more: *Koloskov E. A.* The Kosovo myth ... [in Russian]

¹⁴⁵⁷ Акценти из прекјучерашње расправе на седници ПК СК Косова. У Словенији на Албанце мисле само када су им потребни напад на Србију и Југославију // Политика. 7. фебруар 1990. С. 6.

¹⁴⁵⁸ Други дан рада 14. ванредног конгреса СКЈ . Помоћ сепаратизму на Косову је пета колона // Ibid. 22. јануар 1990. С. 3.

¹⁴⁵⁹ Document 51990IP1418. Resolution on human rights in Kosovo. OJ C 231, 17.9.1990 // EUR-Lex. Access to European Union law. URL:

Serbia, adopted in September 1990, the old name of Kosovo and Metohija¹⁴⁶⁰ was returned to the autonomous province of Kosovo. The region, like the whole country, was on the verge of civil war.

As for the situation in another socialist autonomous province – Vojvodina – there were no separatist sentiments as such, mainly because Serbs prevailed in the national composition of the population, and the economic situation was relatively prosperous. Nevertheless, the leadership of Vojvodina in 1987 strongly opposed any constitutional changes regarding the autonomous status of the province – the initiative of the republican authorities of Serbia to amend the constitution of the republic was strongly rejected by the local assembly. Under these conditions, the leadership of the Serbian SR initiated a rally of several hundred Kosovo Serbs in Novi Sad, which took place on July 9, 1988, in order to express dissatisfaction with the policy of the Vojvodina authorities, accused of deliberately “separating Serbia and the Serbian people”¹⁴⁶¹. The rally in Novi Sad set off a chain reaction: in the following months, similar events took place in other cities of Vojvodina, as well as in Central Serbia and Montenegro, and “the leadership of Serbia, led by Slobodan Milosevic, provided media and logistical support to the protests, and one of the consequences of their holding was strengthening of the personality cult of Milosevic”¹⁴⁶². The criticism of the leadership of Vojvodina in the Serbian media and the mass demonstrations of Vojvodina workers in support of the “Kosovo brothers” that followed a wave of rallies paved the way for an “anti-bureaucratic revolution”. The issue of opposition of the local authorities was closed for Milosevic.

Similar in essence, but at that time more calm in their manifestations than in the SAP of Kosovo, processes took place in the Republic of Croatia, the Republic of Bosnia and Herzegovina, the Republic of Slovenia¹⁴⁶³, already at this stage met with sympathy abroad. In 1981, a group of Croatian nationalists was convicted, including Franjo Tudjman, who was accused of spreading ideas abroad about discrimination and exploitation of Croats in the SFRY, as well as attempts to revise the history of World War II and the severity of the crimes committed in the Ustasha’s Jasenovac concentration camp. The court triggered numerous anti-Yugoslav rallies and demonstrations by Croatian emigrants in Western Europe, at which activists shouted extremist slogans and burned SFRY flags. In European capitals, there were repeated attacks by nationalists on Yugoslav citizens, causing sharp protest and demands for an investigation of incidents by the Yugoslav government. As a rule, the demands of

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A51990IP1418&qid=1661323148063> (Accessed: 22.08.2022).

¹⁴⁶⁰ Устав Републике Србије (1990) // Викизворник URL: [https://sr.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%A1%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%98%D0%B5_\(1990\)](https://sr.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%D0%A1%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%98%D0%B5_(1990))

(Accessed: 22.08.2022).

¹⁴⁶¹ Вукадиновић И. Ђ. Масовне демонстрације и пад режима САП Војводине 1988. године // Баштина. 2020. св. 51. С. 382.

¹⁴⁶² Ibid.

¹⁴⁶³ See: *Nasonova S. A.* Ethno-national and political features of Bosnia and Herzegovina within the framework of the SFRY (FPRY) // Problems of the new and recent history of foreign countries. Issue. 9. Moscow, 2011. pp. 62-72. [in Russian]

Yugoslavia remained unsatisfied, by which one can already indirectly judge the authority of the country abroad in these years. Tudjman himself was released early in 1984, after which he left Yugoslavia and continued to engage in dissident activities outside of it, but his ideas continued to live and gain new supporters in Croatia itself¹⁴⁶⁴.

On April 3, 1989, a bomb exploded in the editorial office of the main Serbian newspaper “Politika” in Osijek – the security authorities announced a terrorist act, in which the newspaper's officials saw an attempt to “destroy Yugoslavia”¹⁴⁶⁵. The attack on the editorial office of “Politika”, perceived as the mouthpiece of Serbia, became a harbinger of an escalation in relations between the two republics. In general, in its separatist actions, Croatia often looked back at Slovenia and, encouraged by it, increased pressure on the federal and Serbian leadership. So it was after the ban on the “Meeting of Truth” on December 1, 1989 in the Slovenian capital, which F. Tudjman took as his “historical hour”. At the same time, printed leaflets of the Croatian Democratic Union (HDZ) began to be distributed in Croatia with the following content: “Brothers Croats, we invite all Croatian, as well as other peoples who live in Croatia and who have it in their hearts, to join the HDZ in its struggle to create free and independent Croatia”¹⁴⁶⁶. At the founding congress of the HDZ at the end of February 1990, Tudjman declared the Croatian Muslims “part of the Croatian national corps”, and the Drina River and the mouth of the Sava River – the “historical and natural borders of Croatia”, which meant claims to the territory of the whole of B&H and part of the territories of Serbia¹⁴⁶⁷. Of great concern among those who considered themselves Yugoslavs was the use at the congress of the symbols of the Independent State of Croatia (NDH) and the greetings of the Croatian Ustashe.

The rhetoric of the HDZ was adopted by the Croatian media, which often deliberately panicked citizens, developed the themes of “bloodshed”, “disintegration of Yugoslavia” and “civil war”; they laid all the blame for what was happening in the country on S. Milosevic and the Serbian people, while defending and justifying, for example, Slovenes. The theme of a common language began to sound more and more actively, which in Croatia was proposed to be renamed into “Croatian-Serbian”. Such excesses caused great concern among Croatian Serbs and other national minorities. The victory in the first parliamentary elections in Croatia in July 1990 by the HDZ dispelled all doubts about the revival of the Ustasha ideology and the possibility of bloody interethnic clashes in the republic and led to the Serbs declaring their autonomy. In the spring of 1991, even before Croatia declared independence, a

¹⁴⁶⁴ See for more details: *Pivovarenko A. A.* Prerequisites for the withdrawal of Croatia from the SFRY. Republican aspect // *Bulletin of Slavic cultures*. No. 3 (2014). Moscow, 2014. pp. 50–68.; *Formation of F. Tudjman as the leader of the Croatian national movement // Dissent in the conditions of “real socialism”: The search for a new statehood, the end of the 60's - 80's. XX century Moscow, 2014. pp. 596–608. [in Russian]*

¹⁴⁶⁵ Експлозија бомбе пред дописништвом “Политике” у Осијеку // *Политика*. 3. април 1989. С. 1.

¹⁴⁶⁶ У Вуковару запаљена југословенска застава // *Ibid.* 6. децембар 1989. С. 12.

¹⁴⁶⁷ *Мурадбеговић М.* Туђманово претварање Муслимана у “исламске Хрвате” // *Ibid.* 17. април. 1990. С. 15.; On the territorial claims of the republics to each other See in more detail: *Костић Ј. М.* Спорне територије Срба и Хрвата. Београд, 1990.

full-scale war began in the republic. Independence itself was declared on June 25, 1991.

In 1983, a trial was held in Sarajevo against Aliya Izetbegovic and twelve other supporters of Islamist ideas. The accusation stated that Izetbegovic, with two of his associates Ismet Kasumagic and Omer Behmen, were looking for a meeting in Vienna with the ambassador of “one of the Islamic countries in order to seek help and support in disseminating the ideas of the “Muslim Declaration” written by Izetbegovic¹⁴⁶⁸. At the same time, a group of Muslim nationalists from the SR B&H was assembled to be sent to the indicated Islamic country, where they were supposed to talk about the “hard life of Muslims in Yugoslavia”¹⁴⁶⁹. As a result of the trial, Izetbegovic was sentenced to 14 years in prison, but was released early in 1989. The release of Izetbegovic and his entry into official politics contributed to inciting interethnic and interreligious hatred in B&H, where local Muslims have never been particularly fanatical and zealous in following tenets of the Islamic faith.

The formation of a multi-party system in B&H began in mid-1990, when, at intervals of several months, the Party of Democratic Action (SDA) led by Alija Izetbegovic was first formed, then the Serb Democratic Party (SDS) led by Radovan Karadzic and finally a branch of the party Croatian Democratic Union (HDZ), led by Mate Boban. All of these parties have taken hard nationalist positions.

However, the most irreconcilable position in relation to the federal center among all the republics in the 1980's took Slovenia, which did not hide its separatist intentions, especially after the election of Milan Kucan as chairman of the Central Committee of the League of Communists of Slovenia in April 1986.

From the very beginning of the decade in Slovenia, individual representatives of the local intelligentsia began to progressively develop the theme of the exclusivity of the Slovenian nation, “ancientize” its history and the history of the Slovenian language, thereby playing on the national feelings of their people. One of the first odious attempts in this regard was made by the Slovenian writer Matej Bor and the historian Jozko Savli, who stated that the Slovenes descended from the “Venets”, who allegedly inhabited northern Italy several centuries before our era, and had nothing to do with to the South Slavs. The theory promoted by Bor and Savli was recognized by Yugoslav scholars as unscientific, which did not stop the spread of such an attractive mythology among Slovenes. But the subject of the main conflicts between Slovenia and the federal center was by no means an abstract history, but much more pragmatic issues of financing the YPA, deductions to the Federation Fund for lending to the underdeveloped republics and the autonomous province of Kosovo and Metohija, constitutional and party reforms of the late 1980's.

In February 1988, a number of Slovenian publications, primarily such as “Mladina” (*English*

¹⁴⁶⁸ Суђење тринаестице националиста у окружном суду у Сарајеву. Истина о једном путовању // Политика. 26. јул. 1983. С. 10.

¹⁴⁶⁹ Ibid.

“Youth”), “Katedra” (*English* “Department”) and “Nova revija” (*English* “New Journal”) burst into caustic criticism of the Yugoslav concept of national defense and the YPA, calling the army “the ballast of the country” and “a closed bureaucratic structure”¹⁴⁷⁰. In May of the same year, another provocative article about a military coup allegedly planned in the SFRY was being prepared for publication in the “Mladina” magazine. As a result, the article was not published, and the persons who provided the editorial information for it were arrested. The military trial of them led to thousands of rallies in the Slovenian capital and aggravated relations between the federal authorities and the local population, inflicting an irreparable image blow on the YPA in the republic. According to the officers, the attacks on the army were deliberately carried out with the aim of “undermining the last stronghold of brotherhood and unity in the country”¹⁴⁷¹. In practice, the Slovenes were dissatisfied with the need to transfer funds for the maintenance of the army, in which the number of servicemen of Slovene nationality was one of the lowest.

As for Slovenia's participation in the formation of the federal budget and the Fund for the Undeveloped Republics, the dissatisfaction of the Slovenian authorities was justified, although they often exaggerated the share of their income, declaring that it was Slovenia that contained all of Yugoslavia. In reality, this was not entirely true: according to data for 1987, Serbia ranked first in terms of the amount of deductions to the federal budget and the Fund for the Undeveloped Republics, Slovenia – the second¹⁴⁷². Bosnia and Herzegovina, Macedonia and Montenegro received twice as much budgetary funds as they allocated, and Kosovo received 14 times more budgetary funds than they allocated¹⁴⁷³. Only B&H, Macedonia, Montenegro and Kosovo were subsidized from the Undeveloped Republics Fund, while Serbia, Slovenia and Croatia were exclusively donors. The federal authorities recognized the existing imbalance in the financial affairs of the SFRY, but did not know how to act in this situation, taking into mind the different economic potential of the regions.

In September 1989, amendments to the Constitution of Slovenia were approved, declaring that the republic is part of the SFRY “on the basis of the permanent, integral and inalienable right of the Slovenian people to self-determination up to secession...”¹⁴⁷⁴. The reaction of the Federal Assembly of the SFRY to this event was adamant: “Republics cannot arbitrarily leave the Federation”¹⁴⁷⁵. Meanwhile, Ljubljana, on the way to achieving independence, began to move from words to deeds.

On November 29, 1989, an event occurred that caused a break in relations between Slovenia and

¹⁴⁷⁰ Комисија за ОНО и ДСЗ градског комитета ОСК Београда о нападима на ЈНА. Покушај растурања Југославије // Политика. 25. фебруар 1988. С. 8.

¹⁴⁷¹ Ibid.

¹⁴⁷² Како се прелива доходак у нашој земљи. Ко кога издржава у Југославији // Ibid. 16. јануар 1989. С. 5.

¹⁴⁷³ Ibid.

¹⁴⁷⁴ Ustavni amandmani na ustav Socijalističke republike Slovenije: (Uradni list SR Slovenije, broj 32/89). Ljubljana, 1989.

¹⁴⁷⁵ Седница комисије Скупштине СФРЈ за уставна питања. Републике не могу самовољно излазити из Федерације // Политика. 27. септембар 1989. С. 1.

Serbia: the Slovenian authorities closed the republican borders and banned demonstrations throughout the republic. The fact is that on December 1, in Ljubljana, a “Meeting of Truth” of Kosovo Serbs and Montenegrins was to be held, the purpose of which was to convey to the Slovenian people the “truth” about the oppression inflicted on people of non-Albanian nationality in Kosovo, i.e. the decision of the republican authorities of November 29 was directed specifically against the event under the official pretext of preventing possible bloodshed. It is noteworthy, but no one forbade the demonstrations of Albanians that had repeatedly taken place before in the capital of Slovenia. This unfriendly decision was regarded by Belgrade as “an act of aggression against human rights and freedoms”¹⁴⁷⁶ and a frank demonstration of support for the actions of the Kosovo “separatists”. The retaliatory measure was an appeal to all “institutions” and “workers’ organizations” of Serbia to cut off any ties with Slovenia, in the first place – production and trade. Individual activists began to demand the resignation of the Presidium of the SFRY and its chairman, Janez Drnovsek (1989-1990), a Slovene by nationality: “His [Janez Drnovsek – *Author’s note*] case is another proof that collective leadership and the annual mandate should be abandoned as a serious mistakes of political experimentation”¹⁴⁷⁷.

Unconditional solidarity with the actions of the authorities was shown by the Serbian press, which unleashed anti-Slovenian hysteria on its pages, which aggravated the already extremely tense relations between the two republics. In this situation, the Slovenian authorities also chose the path of escalating the conflict: over the next few days, arrests of Orthodox priests were organized in the republic, and cases of desecration of Orthodox churches became more frequent. The so-called Front for an Independent Slovenia stepped up its activities with impunity, massively distributing leaflets calling for secession from the federation. The Slovenian leadership also responded rather harshly to the economic blockade by Serbia, which is confirmed by the following words of the member of the Central Committee of the League of Communists of Slovenia Joze Smole: “They have already tried to impose an economic blockade against us twice. The first time – after the Tsankariev house, the second time – after the adoption of constitutional amendments in our Republic. In both cases, it did not work out, and it will not work out for the third time, after the ban on the meeting in Ljubljana¹⁴⁷⁸. The pro-Slovenian position was taken by Croatia, which regarded the ban on the “Meeting of Truth” as “a legal act of the highest authority – the Assembly of the SR of Slovenia” and openly condemned the rupture of economic relations with the republic by Serbia.

Paradoxically, at an extraordinary meeting of the Assembly of the SR of Slovenia on December 11, 1989, the chairman of the Presidium of Slovenia, Janez Stanovnik, and the chairman of the Executive Council of the Republic, Dusan Shinigoy, stated that there was no ban on crossing the

¹⁴⁷⁶ Савезна конференција ССРНЈ о забрани митинга у Љубљани // Политика. 7. децембар 1989. С. 1.

¹⁴⁷⁷ Пантвић Д. Уместо истини о Косову, словеначки народ је добио истину о својој власти // Ibid. 1. децембар 1989. С. 13.

¹⁴⁷⁸ Слованачке власти су спровеле своју одлуку. Позив за стварање самосталне словеначке државе // Ibid. 3. децембар. С. 6.

borders of the republic by Yugoslav citizens on December 1, and the introduction of an economic blockade by Serbia was characterized as “an act of aggression against Yugoslavia”¹⁴⁷⁹. At the meeting, they even discussed the introduction of a separate Slovenian currency. The 11th Congress of the League of Communists of Slovenia, held at the end of December 1989, finally concluded on the question of the future of Slovenia: the League of Communists of Slovenia actually proclaimed its independence from the LCY, the supremacy of the republican constitution over the federal one, and also “Slovenian national interests” over Yugoslav¹⁴⁸⁰. Particular emphasis was placed on the need to form a multi-party system in the republic, which paved the way for the subsequent liquidation of the League of Communists of Yugoslavia. At the same time, the institutionalization of the coalition “Democratic Opposition of Slovenia”, which received more than half of the seats in the first parliamentary elections in the republic in April 1990, was completed. In July of the same year, the draft Declaration on the Sovereignty of Slovenia¹⁴⁸¹ was considered by republican assembly, that met with condemnation from the FEC and the Presidium of the SFRY, headed by the new chairman, Serb by nationality, B. Jovic (1990-1991). The result of the national referendum held in December 1990 was the proclamation of the independence of Slovenia on June 25, 1991.

The position of the federal officials in relation to separatist ideas was formally irreconcilable, but the reaction to them was often late, and its adherence to principles depended on the personality and nationality of the chairman of the Presidium of the SFRY. However, in reality, it could only afford a verbal condemnation of separatism and nationalism, while not having effective tools for coercive influence on such events of local authorities. Moreover, the center preferred not to openly take one or another side of the conflict, so it often kept silent or operated with general phrases. The inaction of the allied authorities condoned the radicalization of sentiments in the republics, the growth of interethnic contradictions and the discrediting of the idea of “Yugoslavism”. The Serbian leadership, which initially spoke from the position of the need to preserve a united Yugoslavia under the banner of “Serbism”, as the interethnic crisis grew, became more and more convinced of the illusory nature and unattainability of this goal, which resulted in the nurturing of Serbian nationalism and the fight against the communist legacy in the republic.

Thus, the disintegration processes that escalated after the death of J. Broz Tito became a natural and expected phenomenon, to combat which the new collective leadership could not find adequate methods. The performances of separatists and extremists in Kosovo, Bosnia and Herzegovina, Slovenia and Croatia have not received due condemnation in the Western world. The neutral reaction

¹⁴⁷⁹ Ванредна седница Скупштине СР Словеније. Затражена посебна словеначка валута // Политика. 12. децембар 1989. С.9.

¹⁴⁸⁰ See more: *Hayden R. M.* The beginning of the end of the Federal Yugoslavia: the Slovenian amendment crisis of 1989. Pittsburg, 1992.

¹⁴⁸¹ Deklaracija ob neodvisnosti Slovenije // Uradni list Republike Slovenije. URL: <https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-list-rs/vsebina/1991-01-0007/deklaracija-ob-neodvisnosti> (Accessed: 22.08.2022).

of Western European governments to the organization of anti-Yugoslav demonstrations and rallies in their countries, regular robbery attacks on Yugoslav citizens assured the federal center of the futility of hopes for practical, rather than declarative support in preserving the unity of Yugoslavia. And, if in order to combat the consequences of the economic crisis, Belgrade received large-scale financial assistance from outside, then it had to solve the problems of spreading separatist and nationalist ideas on its own.

1.4. Priority directions of the foreign policy of Yugoslavia

As noted above, the study of the features and priority areas of the foreign policy of the SFRY in the 1980's is possible only in considering their close relationship with the internal political processes that took place in Yugoslavia during this period of time. The structural crisis of Yugoslav statehood directly affected the foreign policy activities of the federal authorities, leading to a reassessment of the goals of Yugoslav diplomacy and an adjustment of the course itself in accordance with the challenges of the new era. We can also say that international relations in the 1980's were one of the decisive factors in the internal political situation in Yugoslavia and the future fate of the country. The reasons for this were both the unique geostrategic and geopolitical position of the SFRY, and its historical, civilizational, religious and ethnic diversity.

The foreign policy of Belgrade in the decade under the fall, on the one hand, became more and more pragmatic and mercantile, on the other hand, more and more dependent and driven. It is impossible not to notice that as the internal crisis deepened, the foreign policy of the federal center became less multifaceted, the frequency of meetings between the leaders of the SFRY and the leaders of non-Western states fell, and Yugoslavia's position on a number of international issues began to be vague. If in the previous decades the SFRY sought to pursue a course of maneuvering between NATO and the Warsaw Pact, then in the 1980's it was increasingly inclined to cooperate with the capitalist camp, despite fears of possible Western intervention. The times when the balance of power between the two military-political blocs was the foundation of Yugoslavia's sovereign and non-bloc foreign policy were coming to an end. Contrary to the consistent assurances of the official leadership in following the Tito principles of non-alignment, neutrality, political and economic emancipation, the diplomacy of the SFRY began to undergo inevitable changes caused by opportunistic circumstances and changes in the balance of power in the world political arena. Based on this, we can talk about some discrepancy between the theory and practice of the foreign policy of the "second" Yugoslavia in the last decade of its existence.

The official view of the foreign policy of the SFRY was the need to protect and expand the achievements of Yugoslavia in the international arena, to build relations with all countries "based on

the principle of equality and mutual non-interference in internal affairs”¹⁴⁸², to develop good-neighborly relations with the states of the Balkan Peninsula, to deepen European cooperation within the CSCE, to fight for the establishment of a new economic order, to promote the activation and development of economic ties to maintain stability in the domestic market, to expand comprehensive cooperation with non-aligned countries and strengthen the influence of the Non-Aligned Movement in the world. Many of the declared tasks and goals could no longer be fully achieved by Belgrade, while others, such as the desire for a new economic order, looked even difficult to achieve.

The principles of non-alignment for Yugoslavia remained not only the basis for participation in the Movement, but were also transferred to all important areas of its foreign policy activity¹⁴⁸³. In a special report of the Presidium of the SFRY on foreign policy of 1983, for example, it was said that “the Yugoslav policy of non-alignment is one of the most important factors in the homogeneity and readiness of our society to repulse any attempt to destabilize both from within and without”¹⁴⁸⁴, i.e. following the criteria of non-alignment was considered by the Yugoslav leadership as a guarantor of the country’s independence. In accordance with this point of view, the participation of Yugoslavia in the Movement was recognized as a priority direction of its foreign policy, confirmation of which can be found not only in the speeches of the Yugoslav leaders at meetings of the Presidium of the SFRY, the Presidium of the Central Committee of the LCY and the Foreign Policy Council under the Federal Assembly, but also in the texts of their speeches at meetings of non-aligned countries in New Delhi in 1983, Harare in 1986 and Belgrade in 1989. But if for the first half of the 1980’s this approach was still relevant, then by the end of the 1980’s it became frankly rudimentary and archaic. The participation of the country in the Movement and the struggle for emancipation and decolonization in practice gave way to the first place in the foreign policy agenda of Yugoslavia, which was associated with the loss of the former significance of the Movement as a whole, as well as the loss of the status of a strong power for Yugoslavia, which non-aligned countries could orient themselves to, in particular. However, the main reason was still the mercantile interest of the SFRY – strengthening relations with the countries of the “third world” in the new political conditions did not promise momentary benefits, because most of them were in a similar or even more difficult economic situation than Yugoslavia.

Such a pragmatic approach, despite its dominance in the foreign policy discourse of Yugoslavia in the late 1980’s, was by no means in agreement with all state and party leaders of the country: some of them insisted on the inadmissibility of shifting the traditional focus in foreign policy from non-alignment to the Western European direction. The all-round intensification of relations with the West, as a rule, was advocated by representatives of the SR of Croatia and the SR of Slovenia in the

¹⁴⁸² Павловић В. Идеолошки корени Титове спољне политике. Југославија као део совјетске интересне сфере // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2012. С. 223.

¹⁴⁸³ Председништво СФРЈ о спољној политици и међународном положају СФРЈ. Несврстаност основно опредељење // Политика. 22. фебруар 1983. С. 1.

¹⁴⁸⁴ Ibid. S. 1-2.

federal authorities, who considered Yugoslavia more as an economic than a political association, and therefore sought for themselves specific trade and financial benefits from cooperation with Western countries.

Thus, it would be wrong to say that the foreign policy of the SFRY developed in approximately the same direction throughout the 1980's. In the first half of the 1980's Yugoslav diplomacy followed the Tito's experience and developed by inertia without actually acquiring any new features. During this period of time, its priority areas were 1) participation in the Non-Aligned Movement, all-round support for non-aligned and developing countries and the fight against all forms of neo-colonialism, segregation and discrimination; 2) relations with superpowers and maneuvering between the two military-political blocs; 3) active participation in the activities of the UN and the CSCE, accompanied by calls for the democratization of international relations, disarmament and renunciation of the arms race; 5) strengthening bilateral and multilateral ties with specific Western and Eastern European states, primarily with their immediate neighbors, including Austria, Albania, Bulgaria, Hungary, Greece, Italy and Romania, and 6) relations with creditors represented by the IMF, the World Bank, the "Paris Club" and the EEC¹⁴⁸⁵.

The aggravation of the internal political situation and the gradual disintegration of the bipolar world, the arrival of A. Markovic as chairman of the FEC and the crisis of communist ideology forced the conservative and dogmatic foreign policy of Yugoslavia to be influenced from outside and react to it in the most rational way. The need to deviate from the foreign policy course that had taken root under Tito caused widespread discussions at the top of the government, encountering fierce criticism among that part of the political elite that was not ready to reform the system and still harbored illusions about the possibility of Yugoslavia retaining that role in international relations, to which she had become accustomed during the years of the Cold War.

However, not only the definition of foreign policy priorities of the SFRY caused conflicts in the state leadership, but also the issue of the division of foreign policy functions and competencies between the main allied ones – the Presidium, the Federal Assembly, the FEC, the Central Committee of the LCY – and the republican authorities, which also had the constitutional right to conduct their own diplomatic events. Quite often, the powers of the Presidium and the Federal Assembly intersected in such a way that the latter found itself, as it were, on the sidelines of the foreign policy process, although the constitution guaranteed it the corresponding rights. The Federal Secretariat for Foreign Affairs of the FEC could be accused of participating only in the implementation of the foreign policy course, but not bringing "creative initiative" to it, which was its direct responsibility¹⁴⁸⁶. The Central Committee of the LCY did not make serious claims to the foreign policy competencies of the already

¹⁴⁸⁵ See: *Shmelev B. A.* The main directions of the foreign policy of the SFRY in the 70's - early 80's: dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 1986. [in Russian]

¹⁴⁸⁶ Ко креира спољну политику СФРЈ // Политика. 1. април 1988. С. 2.

mentioned federal authorities, but it considered building relationships and strengthening contacts with foreign communist parties to be its preference. The existence in Yugoslavia of a large number of institutions of power that were in charge of foreign policy inevitably led to such a cost as the weakness of coordination between them. The thesis about “true democratization” and “socialization” of the foreign policy of the SFRY, which the leadership usually used to justify the excessive bureaucratization of the diplomatic apparatus, did not stand up to criticism.

By the end of the 1980's the problem of the contribution of federal units – the republics and provinces – to the implementation of Yugoslav foreign policy, as well as the possibility of them carrying out some kind of independent, separate diplomatic line in relation to their partners abroad, has acquired great urgency. Indeed, the paradiplomatic activity of the republics in these years increased so much that for citizens the successes of the republican authorities in the diplomatic field could often be more important than the foreign policy activities of the federal center. This problem put on the agenda the question of the need to introduce clarifications and amendments to the constitution, which would consolidate the provision on the so-called “unified” foreign policy of Yugoslavia. The opinion on this issue in the highest circles of power was also not unanimous. Members of the Presidium of the Central Committee of the LCY, as well as the leadership of the Socialist Alliance of Working People of Yugoslavia (SSRNJ), spoke uncompromisingly for the corresponding changes, believing that “the activities of the republics and provinces do not dare to threaten the united foreign policy of Yugoslavia”¹⁴⁸⁷ and cannot “contradict the interests of the country as the whole”¹⁴⁸⁸. A softer position on the issue was taken by the Presidium of the SFRY, whose members spoke out against the need for “serious changes” in the constitution on this issue¹⁴⁸⁹. As for the directions of paradiplomacy of the republics, the situation looked quite logical and natural: Slovenia and Croatia consistently developed relations with Austria, Italy, Vatican and Germany, while Serbia made attempts to strengthen bilateral cooperation with the leadership of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), bypassing the USSR.

One should not underestimate the importance of the subjective factor in determining the priorities of Yugoslav foreign policy tasks. The personalities of the chairmen of the FEC and the federal secretaries of foreign affairs (foreign ministers)¹⁴⁹⁰ of the SFRY had a direct influence on the peculiarities of the country's foreign policy. Thus, under the Croats J. Vrhovec and B. Loncar, the diplomatic course of Yugoslavia acquired the most pro-Western sound, on the basis of which one can draw an indirect conclusion about the foreign policy views and sympathies of the Croatian political

¹⁴⁸⁷ Ко креира спољну политику СФРЈ // Политика. 1. април 1988. С. 2.

¹⁴⁸⁸ Имамо јединствену спољну политику // Ibid. 27. април 1988. С. 2.

¹⁴⁸⁹ Ibid.

¹⁴⁹⁰ In the period under consideration, the post of minister of foreign affairs was held by four state and political figures of Yugoslavia: Croat Josip Vrhovec (1978-1982), Macedonian Lazar Moisov (198 -1984), Bosnian Raif Dizdarevic (1984-1987) and Croat Budimir Loncar (1987-1991).

elite.

So, in the context of the adaptation of the SFRY to the new international realities, there were changes in the arrangement of its foreign policy priorities. At the same time, the country's leadership was aware that Yugoslavia's position in the world was becoming increasingly weak, although the tendency to exaggerate its role and significance in solving international problems persisted. One of the first most sober views on the real status of the SFRY abroad in his speech at a session of the political activist of the city of Titograd in November 1987 was voiced by a member of the Presidium of the Central Committee of the LCY Marko Orlandic: "Rarely has Yugoslavia been so criticized abroad as recently . The impression our crisis makes on foreign states, as well as our unwillingness to deal with it, is having an effect. In these negative publications, there is not only gloating, but also concern"¹⁴⁹¹. At the same time, by tradition, he emphasized the fact that "only a strong and stable socialist, self-governing, non-aligned and federal Yugoslavia can guarantee us [Yugoslavia – *Author's note*] a favorable position in Europe and the world, freedom and equality of all our [Yugoslav – *Author's note*] peoples and nationalities"¹⁴⁹².

By the end of the 1980's the leadership of the SFRY was faced with a dilemma about how to maintain an equal position of the country within the European and world community in the face of an ever-increasing external debt, assigning to Yugoslavia the nickname "sick man in the Balkans", widespread talk about the risk of balkanization of the country. The unified SFRY was a phenomenon of the Cold War, with the end of which it lost its political attractiveness and significance for both the West and the East, becoming that actor in international relations whose opinion could be neglected¹⁴⁹³.

The vision of the official authorities of the new priority of the directions of Yugoslav diplomacy in his article "New Priorities in the Foreign Policy of Yugoslavia" was most fully and clearly reflected by the historian Ranko Petkovic. Despite the fact that the article was published in 1990 and was mostly devoted to the promising future of Yugoslav foreign policy, its main provisions, in our opinion, are more than applicable to the second half of the 1980's. After all, the entire 1980's the practical foreign policy of the SFRY drifted towards Western Europe, while encountering the theoretical and practical legacy of Tito's diplomacy.

Changes in Yugoslavia's foreign policy priorities in the second half of the 1980's consisted, first of all, *in bringing to the fore the issue of strengthening relations with the Western European states and the prospective functional and institutional entry of the country into their integration associations* – the EEC and EFTA – not so much with the aim of solving economic problems, but "in order to overcome possible isolation and transformation into a "reservation of underdevelopment" in the south

¹⁴⁹¹ Члан Председништва ЦК СКЈ Марко Орландић о међународној ситуацији и положају Југославије. Унутрашња криза слаби позицију наше земље // Политика. 11. новембар. 1987. С. 2.

¹⁴⁹² Ibid.

¹⁴⁹³ See: *Dašić D. Đ. Neki unutrašnji i međunarodni aspekti krize i raspada Jugoslavije // 20 godina od razbijanja SFRJ. Beograd, 2011. S. 159-183.*

of Europe”¹⁴⁹⁴. The seriousness of the intentions of the country’s leadership can be confirmed by articles, speeches and interviews of the last head of Yugoslav diplomacy, Budimir Loncar¹⁴⁹⁵, in which he often called Europe “our common home”, and Yugoslavia – a European country that should strive to take its rightful place in the “new” Europe through consistent participation in integration processes in the region. Moreover, speaking of Europe, Loncar actually always meant Western Europe, and his maxims about a united Europe were addressed specifically to Western European partners. At the same time, according to him, it was important for Yugoslavia that European institutions take into account the peculiarities of Yugoslav diplomacy, based on the principles of non-alignment: “There is no doubt for us: we will decisively take part in the integration processes, but we must also look realistically at the features that can characterize existing associations. As a non-aligned and developing country, we are committed to a pan-European integration that will reduce differences in development levels and at the same time ensure pluralism in socio-political systems and international relations”¹⁴⁹⁶. In our opinion, Loncar and other Yugoslav diplomats, while insisting on special conditions for Belgrade, were initially unrealistic about the possibility of Yugoslavia’s equal participation in the EEC, to which the passage cited above is dedicated.

However, in fact, until 1989, the leadership of the SFRY did not take serious steps in the Western European direction, and discussions on the topic of rapprochement with the EEC were rather promising. The aggravation of the internal political situation, the arrival of more decisive administrators in the government, the erosion of the CMEA institutions forced the state to move from words to deeds. On the way to achieving the goal of strengthening ties with the EEC, the government of A. Markovic, the last Prime Minister of Yugoslavia, was forced to make a number of fundamental concessions to European partners in the form of changing Yugoslav legislation, limiting trade and economic relations with the CMEA countries, and a gradual transition to Western European production standards etc. By this time, the ideological barrier had actually been overcome, which, from the point of view of the Yugoslav government and the Foreign Ministry, removed possible contradictions between Yugoslavia and members of the European community. At the same time, for some reason, the course of the Yugoslav leadership towards European integration did not take into account such an important factor as the unwillingness of the EEC members to build equal relations with the civilizationally and historically alien, as well as politically and economically failed Yugoslavia.

Yugoslavia's relations with the alternative to EEC – EFTA – developed in a similar way. In this direction, the country also took very active steps, setting itself a long-term goal of joining the organization, and the EFTA leadership verbally supported the aspirations of Yugoslavia. This can be

¹⁴⁹⁴ *Petković R.* Novi prioriteti u spoljnoj politici Jugoslavije // *Politička misao*. 1990. Vol. XXVII. No. 1. S. 109.

¹⁴⁹⁵ Косово прва брига југословенске дипломатије. Расправа о спољној политици у Скупштини СФРЈ // *Политика*. 27. јул 1989. С. 1-2.

¹⁴⁹⁶ Говор савезног секретара за иностране послове на Бечком састанку министара. Лончар: Европи је потребан заједнички дом // *Ibid.* 14. мај 1988. С. 17

confirmed, for example, by the following words of the Secretary General of the organization Georg Reisch, said by him on the eve of the meeting of the EFTA–Yugoslavia Joint Committee, held in Graz in September 1988: “EFTA seeks to maintain and deepen this special relationship [with Yugoslavia – *Author’s note*]... I am sure that the new challenges that Yugoslavia and EFTA face in a rapidly changing Europe will not weaken our mutual cooperation, but will strengthen it”¹⁴⁹⁷. However, in practice, this cooperation was expressed only in some simplification of Yugoslavia’s access to the markets of the member countries of the organization. The result of the more solid Yugoslav initiatives, as in the case of the EEC, was the benevolent restraint of the EFTA members, who did not give any specific guarantees to Yugoslavia regarding its possible future in the ranks of the organization. The reasons for this were the deep differences in socio-economic systems, the status of Yugoslavia as a developing European country, the political and economic crises. For the EFTA itself at that time, the priority was to work together with the EEC on the way to the formation of a common European market.

The selfish desire to find its place in the Western European integration structures and not lose it in the Non-Aligned Movement did not contribute to the strengthening of the authority of Yugoslavia among the non-aligned and developing countries, on which Belgrade historically staked. The discrepancy between high expectations and reality subsequently caused a wave of disappointment and reproaches in the country both against the authorities and Western European structures, including because, moving along the path of integration, the federal leadership did not always take into account the interests and capabilities of direct producers, i. e. Yugoslav companies. And if the possibility of the functional participation of the SFRY in these structures was still thought possible, then the talk about institutional integration was a manifestation of inadequate optimism and not corresponding to the actual state of affairs. At the same time, it would be a mistake to think that the entire leadership of the country was unconditionally in agreement with the course of Markovic – Drnovsek – Loncar. The problem was that, realizing the unattainability of their stated goals, skeptics and critics could not offer the country a really working alternative.

Thus, the Western European direction since the mid-1980’s has acquired decisive importance for Yugoslavia’s foreign policy, but the question of how effectively it was developed and successfully implemented by the departments responsible for foreign policy is debatable and will be considered separately in the corresponding chapter.

The participation of the SFRY in the actions of the Non-Aligned Movement occupied *the second most important place*. The leadership of Yugoslavia saw the movement in a slightly different perspective than before. Firstly, it had to get rid of the “ballast of the ideologized and radical

¹⁴⁹⁷ Интервју Георга Рајша “Политици”. ЕФТА жели јачање сарадње са Југославијом // Политика. 12. септембар 1988. С. 4.

heritage”¹⁴⁹⁸, change the methodology of its functioning, as well as the vision of the political situation in the world. Secondly, the strategy of the movement itself had to be modernized in accordance with the spirit of the new time. From the point of view of Yugoslavia, the most important goals of non-alignment were not subject to revision, such as the struggle for the further democratization of international relations, which would allow the countries of the ‘third world’ to increase their share in world politics, as well as the struggle for a new economic order, which was understood as the creation of such conditions for developing countries that would contribute to their more equal participation in world trade, reduce the size of foreign debts, and solve numerous domestic socio-economic problems, i.e. it was about a more equitable distribution of resources and financial flows. The fundamental principles of non-alignment, such as respect for national sovereignty, territorial integrity, non-interference in the internal affairs of other states, the prohibition on the use or threat of force, the inviolability of borders, the indivisibility of peace and security, etc., fully corresponded to the national and strategic interests of Belgrade.

The topic of possible institutional, organizational and substantive changes was heard most fully at the 9th Conference of Heads of State and Government of the Non-Aligned Countries, held on September 4-7, 1989 in Belgrade and which became the logical end of the history of the participation of the SFRY in the Non-Aligned Movement. The Belgrade conference acquired an unprecedented scale and became the most numerous in the entire history of the movement. Moreover, Yugoslavia, which assumed the role of the main innovator and initiator, tried to convince the most conservative members of the organization to invite all the countries of the UN Security Council and the EEC to participate in it, thereby throwing off the burden of ideologization.

As a supporter of reforming the organization, as noted above, at this meeting Yugoslavia sought to achieve the development of a concept for the modernization of the movement, which would include “real”, “practical”, “concrete” and “effective”¹⁴⁹⁹ measures. According to Belgrade, the confrontation between the East and the West was a thing of the past, and therefore it was necessary to discard the old bloc thinking and focus on close cooperation, concrete pragmatic actions to reduce the gap in development between the global North and the global South, the fight against hunger and poverty, and security issues and disarmament, as well as, importantly, the protection of human rights and freedoms. The decisions developed during the conference and which formed the basis of the Belgrade Declaration were evaluated by Belgrade as promising: the movement, in fact, recognized the need for change. Of course, in the long term, Yugoslavia presented itself as one of the main agents and beneficiaries of change, which opened up new horizons for its foreign policy. At the same time, the Yugoslav leadership did not believe that its reorientation to the westernization of the foreign policy

¹⁴⁹⁸ *Petković R.* Novi prioriteti... S. 111.

¹⁴⁹⁹ Разговор са Будимиром Лончаром // Политика. 1. септембар 1989. С. 1.

course contradicted the role that the SFRY played and planned to continue playing within the framework of non-alignment¹⁵⁰⁰.

The third in terms of its importance was the Balkan direction of Yugoslav foreign policy. Belgrade's building a constructive dialogue with its Balkan neighbors was complicated by the presence of intractable contradictions with Albania, Bulgaria, Greece and Romania, and relations with Tirana, which supported the Kosovo separatists, were the most tense. Meanwhile, by the end of the 1980's the rhetoric of the Yugoslav leadership in relation to Albania has undergone truly "revolutionary" changes: the SFRY has ceased to place all the blame for the failures in bilateral relations solely on Tirana and acknowledged its own mistakes in this direction. However, Yugoslavia called its mistakes mainly those concessions that it had made to the Albanians before and which, in the opinion of the Yugoslav and Serbian authorities, they regarded as "weakness".

The cornerstone in Belgrade's relations with Sofia, Athens and Bucharest was their non-recognition of the existence of Yugoslav national minorities, as well as cases of violation of the rights and freedoms of their representatives. According to Belgrade, the policy of ignoring the Yugoslav minority or its complete assimilation in these countries indicated only their unwillingness to deepen cooperation with Yugoslavia¹⁵⁰¹. It is also worth recognizing that, unlike these countries, the SFRY has indeed made great progress in protecting the rights of national minorities on her territory, which it often relied on in the negotiation process with her neighbors.

A significant omission in the foreign policy of the Balkan states for a long time was the lack of a platform for mutual multilateral negotiations. Since 1976, the Conferences of Governmental Experts on Economic and Technical Cooperation have functioned, but their competences were too narrow. In the 1980's four such meetings were held: in Sofia in 1981, dedicated to the problems of international transport communication; in Bucharest in 1982, dedicated to energy and raw materials; in Belgrade in 1984, dedicated to industrial cooperation; in Sofia in 1987, dedicated to the problem of environmental protection of the region and notable for the fact that it was attended by representatives of Albania for the first time¹⁵⁰².

On February 24-26, 1988, the first ever Conference of Foreign Ministers of the Balkan countries was held in Belgrade, initiated by the SFRY herself. The main goal of the conference was declared to be "strengthening of trust and cooperation"¹⁵⁰³ between the Balkan states, which included such measures as the expansion of economic and trade ties, cooperation in matters of transport, border control, banking, tourism, energy, science and culture, health, agriculture and water management, telecommunications, sports, as well as the fight against crime and terrorism. The meeting initiated a

¹⁵⁰⁰ Европска компонента не противоречи улози међу несврстаних // Политика. 16. јануар. 1989. С. 2.

¹⁵⁰¹ Народности у Југославији немају право на своју државу // Ibid. 4. април 1989. С. 1.

¹⁵⁰² Lopandić D., Kronja J. Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu. Beograd, 2010. S. 51-52.

¹⁵⁰³ Успех скупа зависи од свих балканских земаља // Политика. 18. фебруар 1988. С. 2.

ban on the creation and deployment of nuclear and chemical weapons in the region. The conference was held in a democratic atmosphere of free exchange of views and opened a new page in the history of the foreign policy of the countries of the region¹⁵⁰⁴. Moreover, Albania and Turkey took part in it, which created in the eyes of Yugoslavia the illusion of her triumph as a political leader among the states of the Balkan Peninsula.

The second such conference took place on October 24-25, 1990. It confirmed the readiness for further intensification of multilateral relations, as well as for the institutional development of the conference itself, which included the promising organization of the Balkan Forum, the Balkan Development Bank, the Institute for the Study of Balkan Economic Cooperation, meetings of the heads of the Balkan capitals and other forms and institutions of joint cooperation. At the same time, over two years, the frequency of meetings related to certain areas and issues has increased many times over: in total, from 1988 to 1990, more than twenty such events were held at the governmental level and about thirty at the non-governmental level¹⁵⁰⁵.

The disintegration processes in Yugoslavia actually froze multilateral cooperation projects in the Balkans. The escalation of the situation inside the country “caused Yugoslavia to fear that some Balkan states, taking advantage of her weakness, would increase their pressure on a number of unresolved issues, including territorial ones”¹⁵⁰⁶.

It is impossible not to notice that by the end of the 1980’s in the foreign policy agenda of Yugoslavia, there was a slight drop in interest in the superpowers represented by the USSR and the USA, China and non-Balkan Eastern European countries, which entered a phase of large-scale political and economic transformations. It can be said that at that time Belgrade was keeping an eye on the changes taking place within the USSR and Eastern European countries, and also listening to the dialogue between the USSR and the USA in order to subsequently develop a strategy for its relations with these states, to determine their place in its foreign policy concept. Building constructive ties with its immediate neighbors in the European region prevailed over the desire to achieve conditional loyalty from Washington, support from Moscow or Beijing.

At the same time, the Yugoslav leadership sought to maintain the previous level of cooperation with Washington, although the degree of tension in Yugoslav-American contacts was noticeably increasing, and Belgrade clearly understood the threat lurking in this. To some extent, we can say that the SFRY became a factor of irritation for the United States by the very fact of her existence and the pretentiousness that she habitually retained in foreign policy, hence some inconsistency in relation to Belgrade and a decrease in financial assistance to the Yugoslav economy: the Reagan directive “The

¹⁵⁰⁴ *Lopandić D., Kronja J.* Op. cit. S. 53.

¹⁵⁰⁵ *Ibid.*

¹⁵⁰⁶ *Katkova E. P.* Balkanskoye napravleniye vneshney politiki SFRYU v 1980-1991 gg. [The Balkan direction of the foreign policy of the SFRY in 1980-1991] // *Clio*. 2022. No. 11 (191). P. 85. [in Russian]

US policy towards Yugoslavia” was rapidly losing its relevance.

Interest in Moscow, on that Yugoslavia initially pinned special hopes due to the extraordinary growth of its economic and financial dependence on the West, faded after a visit to Belgrade in 1988 by M. S. Gorbachev, who showed frank indifference to the future fate of the socialist world. The strengthening of bilateral relations was hampered by the political and socio-economic crises that both states faced.

Yugoslavia also welcomed the democratic revolutions in the Eastern European countries and expressed its full readiness to continue cooperation with them, if necessary, on a new organizational basis. These same revolutions, as well as the ensuing attraction of the former satellites of Moscow to the West, became one of the reasons for the final change in the vector in the foreign policy of the SFRY.

As for China, with the realization of the inevitability of the imminent collapse of the socialist camp, and, possibly, the USSR, the two countries lost the component that brought them together before and the common motivation for deepening bilateral cooperation. Beijing, which closely watched the development of the internal situation in Yugoslavia, came to the conclusion that the expansion of political contacts with Belgrade was losing strategic importance. In addition, ideologically, the Chinese Communist Party (CCP) has always been somewhat wary of the LCY. However, until the collapse of the SFRY, the Celestial Empire consistently stood for its territorial integrity and unity. In this regard, it is no coincidence that Yugoslav diplomacy reacted very restrainedly to the events on Tiananmen Square on June 4, 1989. In assessing the protests and their bloody suppression by the People's Liberation Army of China (PLA), Yugoslav foreign minister Budimir Loncar preferred to use streamlined and accurate wording, the essence of which was that what is happening in China is the internal affairs of China herself, about which, due to the lack of reliable information, it is impossible to draw any unambiguous conclusions, and the Chinese and Yugoslav peoples were, are and will be fraternal¹⁵⁰⁷. This neutral position is especially indicative in comparison with the sharply condemning assessment given by the Yugoslav authorities to the events that erupted just a few months after Tiananmen in Romanian Timisoara.

Among other important priorities of the Yugoslav foreign policy, it is worth noting its participation in a number of yet unmentioned regional and world organizations, such as, for example, the Council of Europe and PACE, the CSCE, the UN and some of its specialized agencies, the Group of 77, the IMF, the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), Organization for Economic Cooperation and Development (OECD).

¹⁵⁰⁷ Оцена збивања у Кини // Политика. 9. јун 1989. С. 2.

Council of Europe and PACE

The history of relations between Yugoslavia and the Council of Europe is also quite rich, in which Belgrade requested permanent membership in 1990, but was never admitted to it due to the civil war that began in 1991. A serious change in the attitude of the SFRY to the Council of Europe occurred immediately after the death of J. Broz Tito, when the Yugoslav leadership expressed a desire to expand and strengthen cooperation with the organization, especially along the parliamentary line, although before that Belgrade preferred to interact only indirectly with it, to a greater extent on scientific, cultural, sports and economic areas. In the FEC a special advisory body was subsequently created to develop relations with the Council of Europe.

In January 1984, a Yugoslav parliamentary delegation visited Strasbourg for the purpose of negotiations at the highest level – with the President of the European Parliament and the General Presidents of the Council of Europe and PACE¹⁵⁰⁸. Then John Princeton, Secretary General of PACE, made it clear to the Yugoslavs that the organization was ready to intensify cooperation with them in every possible way, to increase the frequency of holding joint meetings, seminars and consultations, but the institutionalization of these relations is impossible as long as there is a one-party system in Yugoslavia, even taking into account the factor that the merits of Belgrade as a mediator between the West and the East were not in doubt¹⁵⁰⁹. At the same time, Yugoslav officials could freely participate in meetings of PACE committees and even speak before the Assembly.

In February 1985, a PACE delegation headed by its chairman, Karl Ahrens, paid a return visit to Belgrade. The delegation included Secretary General J. Princeton, chairmen of the Committee on Political Affairs, the Committee on Legal Affairs and the Committee on Relations with European Non-PACE Member States, as well as representatives of the party groups of Eurocommunists, Christian Democrats and Eurodemocrats in the Parliamentary Assembly¹⁵¹⁰. The composition of the delegation demonstrated not only the special importance of the Yugoslav factor for PACE, but also the desire of high representatives to personally get acquainted with the state of affairs in the country. From the Yugoslav side, the first persons of the country took part in the negotiations with the PACE delegation: Chairman of the Federal Assembly Dusan Alimpic, member of the Presidium of the SFRY J. Vrhovets, Federal Secretary of Foreign Affairs R. Dizdarevic and Deputy Chairman of the FEC George Jakovlevic¹⁵¹¹.

At the talks, intentions were confirmed to deepen inter-parliamentary ties, cooperation in the field of protecting human rights and other democratic values, protecting the coast and water quality of the Mediterranean, education, culture, science and technology. Yugoslavia once again expressed its

¹⁵⁰⁸ Миликић Р. Југославија и Савет Европе. Београд, 2012. С. 25.

¹⁵⁰⁹ Ibid. С. 26.

¹⁵¹⁰ Разлике нису сметња сарадње // Политика. 20. фебруар. 1985. С. 2.

¹⁵¹¹ Ibid.

readiness to officially join the European Cultural Convention of the Council of Europe, which happened only after several years of negotiations in October 1987. It was separately emphasized that the SFRY was not going to seek full membership in the Council of Europe, and the chosen model of interaction was the most justified.

A special topic of discussion between Yugoslav officials and the leaders of the Council of Europe was the desire of Yugoslavia to join the Council of Europe Reintegration Fund, which was implemented already in 1986. Let us recall that the economic situation in Yugoslavia was rapidly deteriorating and the state had to constantly look for new sources of financial assistance. Joining the Fund allowed Belgrade to receive a very solid loan to support Yugoslav migrants who returned from the countries of the Council of Europe, expressed primarily in creating new jobs for them¹⁵¹². In general, the topic of Yugoslav migrants in the conditions of the 1980's, marked by a decline in production in the West, was one of the central issues in relations between Yugoslavia and the Council of Europe. Western countries were interested in returning the surplus Yugoslav labor to their homeland, while it placed a heavy burden on the Yugoslav economy, threatening a social explosion. The presence of a double-edged problem led to the fact that the SFRY and PACE most closely cooperated precisely through the Committee on Migration, Refugees and Demography. In January 1988, at a PACE meeting, a special "Report on the problems of Yugoslav migrants and the development of relations between Yugoslavia and the Council of Europe"¹⁵¹³ was presented. The precedent itself testified to the incredible level of cooperation between the Council of Europe and a country that was not a member of it and, moreover, belonged to the socialist world.

In the future, Yugoslav representatives increasingly participated in meetings of PACE and its committees, at which, among others, the topics of Yugoslav foreign policy, the socio-economic and demographic situation in the country, as well as issues related to the observance of human rights and freedoms were raised (for example, "Report on the situation of the Church and freedom of religion in Eastern Europe"¹⁵¹⁴, containing criticism of Yugoslavia and considered in October 1988 at a regular PACE meeting with the participation of the Yugoslav observer Hussein Hodzic).

In April 1988, a delegation of the Parliamentary Assembly visited Belgrade for the second time, the result of negotiations with which was the publication by the Yugoslav Assembly of the "Memorandum on Relations and Cooperation between the SFRY and the Council of Europe". The document spelled out the wishes of official Belgrade regarding the further deepening of cooperation with the organization, including "Yugoslavia's accession to a greater number of Council of Europe

¹⁵¹² Милкић П. Оп. cit. С. 42.

¹⁵¹³ Doc. 5822. Report on the problems of Yugoslav migrants and the development of relations between Yugoslavia and the Council of Europe // Parliamentary Assembly. Official documents. URL: <https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1987/EDOC5822.pdf> (Accessed: 24.08.2022).

¹⁵¹⁴ Doc. 5944. Report on the situation of the Church and freedom of religion in Eastern Europe // Parliamentary Assembly. Official documents. URL: <https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1988/EDOC5944.pdf> (Accessed: 24.08.2022).

conventions”, “Yugoslavia's participation in meetings and conferences of the Council of Europe and the Parliamentary Assembly on specific topics”, “full membership in the Committee on Migration, Refugees and Demography”, “consent of the Council of Europe Reintegration Fund to further finance the creation of new jobs”¹⁵¹⁵ etc. Belgrade, in turn, undertook to invite representatives of the Council of Europe and PACE “to each of its conferences, which will consider issues of European cooperation...”¹⁵¹⁶. As part of the same visit, the PACE delegation traveled to Kosovo, where it was accompanied by the chairman of the Assembly of the SAP of Kosovo, Svetislav Dolasevic, who drew special attention of the visitors to the plight of the Serbs in the region and, which was unexpected from the communist leadership, organized visits to Serbian Orthodox shrines for them.

In May 1989, Yugoslavia, along with the Soviet Union, Poland and Hungary, received the status of a special guest of the Council of Europe. The status of a special guest allowed countries to have their own delegations in PACE, participate in meetings of the Assembly and its committees, speak before them, but did not give the right to vote. In the same month, Yugoslavia offered to hold a meeting of the PACE Committee on Economic Affairs and Development in Belgrade, which was done: “this was the first time in the history of the organization when one of its committees held its meeting in a communist country that was not also a candidate to join the organization”¹⁵¹⁷. This time, the parties focused their attention on Belgrade’s measures to combat the aggravated economic crisis: the policy of price and import control, the introduction of the principles of a market economy, the creation of a mixed form of ownership, etc. In this regard, the meeting of the Strasbourg envoys with Prime Minister A. Markovic, who presented to their attention the economic and political programs of his cabinet. The outcome of this meeting was the publication by the committee of a “Report on the need for the integration of Cyprus, Malta, Turkey and Yugoslavia into the European Economic Area”¹⁵¹⁸.

In January 1990, another visit of the PACE delegation to Belgrade, headed by its chairman Anders Bjork, took place, during which he talked with the chairman of the Presidium of the SFRY J. Drvnosek, the chairman of the FEC A. Markovic, the chairman of the Federal Assembly S. Gligorievic, the Minister of Foreign Affairs B. Loncar and other Yugoslav officials¹⁵¹⁹. The main reason for this visit was Belgrade’s announcement of its readiness to become an official member of the Council of Europe, caused by the irreversible democratic processes within the LCY on the eve of its 14th Congress, as well as the loss of the communists’ monopoly on power in the country and the

¹⁵¹⁵ Меморандум о односима и сарадњи између СФРЈ и Савета Европе: ставови и предлози које је изнала делегација Савезне Скупштине СФРЈ у разговорима са делегацијом Парламентарне Скупштине Савета Европе вођеним од 25. до 29. априла 1988. // *Миликић П.* Оп. cit. С. 67.

¹⁵¹⁶ *Ibid.*

¹⁵¹⁷ *Миликић П.* Оп. cit. С. 80.

¹⁵¹⁸ Doc. 6096. Need for a Southern expansion of “Economic Europe” – Integration of Cyprus, Malta, Turkey and Yugoslavia into the European economic space // Parliamentary Assembly. Official documents. URL: <https://pace.coe.int/en/files/6252> (Accessed: 24.08.2022).

¹⁵¹⁹ Интервју председника Скупштине Европског Савета “Политици”. Импресиониран сам реформама у Југославији // Политика. 19. јануар 1990. С. 2.

formation of a multi-party political system. The delegation was satisfied with the course of political and economic transformations in Yugoslavia, giving Belgrade the green light to join the Council of Europe, which, however, required the preliminary harmonization of Yugoslav legislation and the further political process with European norms, the holding of multi-party elections, as well as the ratification of the European Convention on Human Rights . On February 7, 1990, Belgrade sent a petition to the Committee of Ministers of the Council of Europe for full membership in the organization¹⁵²⁰.

We focused significant attention on the issue of relations between the SFRY and the Council of Europe and PACE, thus proving the incredible importance of participation in European integration processes for Belgrade. At the same time, as noted above, Yugoslavia requested official membership in the organization only when the internal situation in the country became critical, and competition in partnership with Western Europe was created by the Eastern European states, former members of the socialist bloc. It is logical to assume that by the membership in the Council of Europe, the Yugoslav leadership hoped to overcome difficulties, stabilize the domestic political situation and restore the lost foreign policy authority, relying on the support of the Western European powers. The very act of joining an organization could have a positive psychological effect on the citizens of the country. This calculation was not destined to come true: on June 28, 1991, PACE unanimously adopted a declaration condemning any use of violence in Yugoslavia after the declaration of independence by Slovenia and Croatia¹⁵²¹, thereby putting its hand to the collapse of a single state. Soon, the issue of canceling the status of a special guest of PACE for Yugoslavia was put on the agenda. Thus, the outbreak of the civil war put an end to cooperation between the organization and the “second” Yugoslavia, turning her into an outsider among other Eastern European countries that gained access to the Council of Europe.

CSCE

In the European direction, along with attempts to become a full member of the EEC and EFTA, to get closer to the Council of Europe and PACE, Yugoslavia sought to strengthen its position within the framework of a more open and representative CSCE, which, from the moment of its creation, was considered as one of the most important instruments of its influence on the continent.

During the period under consideration, four meetings of the CSCE member states were held: in Madrid (1980-1983), in Stockholm (1984), in Vienna (1986-1988) and Paris (1990), where Yugoslavia recommended herself as an active participant in the pan-European process. The peace-loving and non-bloc rhetoric of the SFRY was in complete harmony with the main goals and objectives of the organization, and therefore Belgrade’s efforts in this direction have always been met with the due

¹⁵²⁰ Предат званични захтев СФРЈ за пријем у Савет Европе // Политика. 8. фебруар 1990. С. 2.

¹⁵²¹ *Миликић Р.* Оп. cit. С. 103.

degree of attention and respect. Recognizing the importance of creating a “common home” in Europe for security reasons, Yugoslavia opposed the unification and for the preservation of its identity by each of the CSCE member countries: “The CSCE process is in itself a factor in European stability. Of course, it is a product of the awareness of the unity, but also of the pluralism of European interests”¹⁵²².

The role of neutral and non-aligned countries in the organization was assessed by Yugoslavia as constructive and harmonious. “An important role in the process belongs to European non-bloc neutral and non-aligned countries. Yugoslavia, as before, will make its active contribution to the successful activities of a group of such countries and the implementation of the Helsinki Act in principle. Support for the CSCE process, as a non-bloc concept of relations and cooperation in Europe..., is also expressed by the Non-Aligned Movement as a whole”¹⁵²³ was said in a statement of the Presidium of the SFRY on the occasion of the 10th anniversary of the CSCE. The group of neutral and non-aligned countries really effectively cooperated with each other and put forward their proposals aimed at strengthening cooperation in Europe, including documenting them.

In its activities in the CSCE, Yugoslavia placed particular emphasis on the need to democratize international relations and overcome the contradictions between the “European North” and the “European South”, the reasons for which, according to Belgrade, were the different levels of socio-economic development of the “Northern European” and “South European” states . The SFRY was also dissatisfied with the insufficient degree of economic, scientific and technical cooperation between the European states and weak coordination in the joint solution of environmental problems¹⁵²⁵.

Within the framework of the organization, Yugoslavia fought to end the arms race, believing that it “has reached such proportions that crossing its current borders directly threatens the security of our entire [European – *Author's note*] continent”¹⁵²⁶, and also put small non-bloc countries (meaning, first of all, herself) in a difficult situation, forced to spend significant resources on military spending, which inevitably led to an aggravation of economic problems. In this regard, the SFRY has repeatedly called for a conference on disarmament, at which documents would be signed on reducing the arsenals of both conventional and nuclear weapons in Europe. Significant in this regard was the Paris Conference of the Heads of State and Government of the CSCE participating States on November 19-21, 1990, at which the Charter of Paris for a New Europe and the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (CFE) were adopted, which were met with great enthusiasm by Yugoslavia .

For Belgrade, CSCE activity was so important also because its strategic security directly

¹⁵²² Говор савезног секретара за иностране послове на Бечком састанку министара. Лончар: Европи је потребан заједнички дом // Политика. 14. мај 1988. С. 1-2.

¹⁵²³ Председништво СФРЈ поводом јубилеја КЕБС-а. Хелсиншка конференција је изван и изнад блоковских подела // Политика. 30. јул 1985. С. 1.

¹⁵²⁵ Ibid.

¹⁵²⁶ Разоружање, императив за Европу // Ibid. 21. новембар 1980. С. 1.

depended on the state of affairs on the continent. Moreover, the key principles of the CSCE, including “sovereign equality, respect for the rights inherent in sovereignty”, “non-use of force or threat of force”, “inviolability of borders”, “territorial integrity”, etc., became for the SFRY a guarantor of non-interference of European powers in its internal cases in the event of an aggravation of disintegration processes and the outbreak of a civil war. However, neither the CSCE nor its basic principles could save Yugoslavia from disintegration, which became a serious challenge both for the organization itself and for Europe as a whole.

UN and UNESCO

In the UN and its key bodies, Yugoslavia consistently defended the rights of developing countries, opposed all forms of discrimination, segregation and colonialism; for the democratization of international relations and the world economy; for detente of international tension and disarmament; for the establishment of multipolarity instead of bipolarity and the assertion of the pluralism of socio-political systems, their coexistence and equal cooperation; for human freedoms as a universal value and peaceful resolution of all conflicts and disputes; for universal equal participation in the technological process in the interests of mankind¹⁵²⁷. The role of the UN in solving global political, socio-economic and humanitarian problems was traditionally considered by the SFRY to be fundamentally constructive. In this regard, it is very significant that in 1985 the 40th anniversary of the organization was widely celebrated in Yugoslavia, on the occasion of which many streets, squares and even some settlements of the country were named or renamed in its honor¹⁵²⁸.

In 1987, Yugoslavia, for the fourth time in the history of the UN, was elected a non-permanent member of the Security Council (SC), receiving the votes of 146 of the 158 member countries of the organization. Her mandate was valid from January 1, 1988 to December 31, 1989. At that time, the SFRY represented in the Security Council and other UN bodies not only its own, but also the interests of the Non-Aligned Movement, focusing on all-round support for the negotiation process between the USSR and the USA, disarmament (in accordance with the principle “peace and security cannot be a monopoly or an exclusive right”¹⁵²⁹), the introduction of a ban on the use chemical and nuclear weapons testing; democratization of international relations and deepening of economic cooperation; the need to resolve conflicts and eliminate their consequences in third world countries. Yugoslavia attached great importance to the problem of the external debt of developing countries, considering it one of the possible causes of destabilization of the world order in the future, but on the whole positively assessing the efforts of the international community in this direction: “It is good that the

¹⁵²⁷ Говор југословенског министра у генералној скупштини УН. Лончар: Хитна забрана нуклеарних проба // Политика. 30. септембар 1988. С. 2.

¹⁵²⁸ Име УН за тргове и улице // Ibid. 20. фебруар 1985. С. 27.

¹⁵²⁹ Говор југословенског министра у Генералној скупштини... // Ibid. 30. септембар 1988. С. 2.

problem of the debt of developing countries is increasingly seen as global. There is an understanding that the solution should be sought through a coherent, development-oriented strategy. An effective reduction in the amount of debts of developing countries would help to overcome not only the main obstacle to their development, but also to the expansion of world trade as a whole”¹⁵³⁰, – noted in his speech at the 43rd meeting of the UN General Assembly, Minister of Foreign Affairs of the SFRY B. Loncar.

In the 1980’s cooperation between the SFRY and UNESCO as one of the most important specialized agencies of the United Nations continued to expand. A peculiar act of recognition of the comprehensive and constructive work of Yugoslavia in the organization was the holding in Belgrade in October 1980 of the 11th General Conference of UNESCO, in which the Yugoslav side made a significant contribution to the adoption of resolutions and programs of activities of the institution for the short-term (1981-1983) and medium-term (1984-1989) periods. From the statements of the Yugoslav representatives at this conference¹⁵³¹ one can, in general, judge the priorities of the SFRY in international cooperation on culture, education, science, technology and communications, as well as its contribution to the functioning of UNESCO. Thus, the members of the Yugoslav delegation then mainly advocated the adoption of separate measures to support cultural, scientific, technological development and education in developing countries, based “on cultural equality and the cultural preservation of the identity of each nation” and excluding “the desire to dominate and impose cultural values”¹⁵³².

During 1980, UNESCO’s activities in organizing assistance for the restoration of cultural monuments in Kotor, Herceg Novi, Budva, Bar and other Montenegrin cities that were damaged by the earthquake on April 15, 1979, were also of great importance for the country. In the same year, Belgrade achieved the inclusion in the UNESCO World Heritage List of a number of Yugoslav historical monuments, incl. The city centers of Croatian Dubrovnik and Split, as well as the natural area of Lake Ohrid.

Cooperation between Yugoslavia and UNESCO in subsequent years was quite diverse and comprehensive and included a number of joint projects in the field of culture, education, technical, natural and social sciences and communication. However, the intensity and scope of this cooperation often did not satisfy the Yugoslav side¹⁵³³. Their significant decline was outlined in 1984 and was associated with the budgetary constraints of UNESCO due to the withdrawal of the United States from the institution, followed by the UK. Then Yugoslavia and other non-aligned countries made considerable efforts to stabilize the situation within UNESCO and prevent other Western countries

¹⁵³⁰ Говор југословенског министра у Генералној скупштини... // Политика. 30. септембар 1988. С. 2.

¹⁵³¹ See: UNESCO u Jugoslaviji. Beograd, 1980. S. 157-158.

¹⁵³² *Janev I.* Odnosi Jugoslavije sa UNESCO-m. Beograd, 2009. S. 57.

¹⁵³³ *Ibid.* S. 66.

from leaving the institution and preserved its unity. Another reason for the decline in the scale of cooperation was the restrictive measures within the framework of the stabilization program of the FEC of the SFRY and the serious economic crisis in the country in general.

In general, in the 1980's there was a rapid strengthening of the positions of the SFRY and other non-aligned countries in UNESCO. Despite some funding problems and stagnation, their cooperation not only continued, but in some areas (for example, in education, natural and technical sciences) deepened¹⁵³⁴.

“Group 77”

The activities of Yugoslavia in the 1980's also deserve mention. In the “Group of 77”, an interstate organization of developing countries operating within the UN, whose goals were to establish equal and fair international economic relations, form a new economic order, deepen cooperation along the “South-South” line and conduct a constructive dialogue along the “North-South” line. Here the position of Yugoslavia was in full compliance with the basic principles of its foreign policy as a non-aligned country and was not distinguished by any innovation. The SFRY was a consistent supporter of deepening and coordinating economic cooperation between developing countries, an open discussion of their most acute problems that threaten a “collapse of the economy”¹⁵³⁵; inclusion of developing countries in world economic processes and the system of international division of labor; taking urgent measures to combat poverty, hunger and unemployment in the countries of the “third world”. Moreover, it was the SFRY that was one of the main initiators of the first, Caracas meeting of the members of the “Group of 77” in 1981 and the following Buenos Aires meeting in 1983.

In the spring of 1988, Belgrade became the venue for the ministerial conference of the member countries of the “Group of 77”. Over the previous few years, the organization failed to make any progress in achieving its fundamental tasks, while the economic situation in the countries of the “third world” was deteriorating more and more, and developed states were fenced off from them by various protectionist measures. Belgrade still hoped that the focus on broad cooperation with developing countries would help it avoid “excessive orientation and dependence on individual regions or groups of states”¹⁵³⁶, and therefore actively advocated the adoption of new initiatives and decisions that would strengthen their production and trade cooperation. To this end, the “Group of 77” in the Yugoslav capital signed a multilateral agreement on a global system of trade preferences among developing countries (GSTP). “We would like this treaty to be a stimulus for other forms of our cooperation ... which would contribute to the development of industrial, technological, financial and other

¹⁵³⁴ См.: *Ianev J.* Op. cit.

¹⁵³⁵ Говор Јосипа Врховца на министарском састанку “Групе 77”: Тешкоће земаља у развоју прете сломом привреда // Политика. 1. октобар 1980. С. 1.

¹⁵³⁶ Није лако с богатима // Политика. 11. јануар 1988. С. 4.

cooperation among developing countries. These areas of activity should rely on the own forces and means of the developing countries themselves. But nobody's important economic or national interests will be affected by this. Greater self-reliance will give developing countries not only the opportunity not only to rely on mercy or assistance under certain conditions from rich industrial countries, but also to become a more serious partner for the developed world," – L. Moisov concluded at the meeting.

In the last years before the civil war, Yugoslavia reduced its activity in the "Group of 77", as in many other organizations, but was not excluded from it. Of the former republics of the SFRY, only Bosnia and Herzegovina later joined the organization.

IMF, GATT and OECD

During the period under review, Yugoslavia, which had the status of a member of the IMF, the World Bank and the GATT, as well as a special status with the OECD (according to which she could take a limited part in its activities), continued to develop intensive relations with these economic organizations.

Relations of the SFRY with the IMF in the 1980's were as important as they were dramatic, as IMF loans and support were "crucial to the Yugoslav economy"¹⁵³⁷. The IMF not only provided Yugoslavia with loans and advisory services, but also actively encouraged Western banks to do so.

Only from 1981 to 1983 under the standby agreement, subject to austerity, the SFRY was granted loans in the amount of \$1.8 billion¹⁵³⁸. The prospects for a new standby agreement for 1984 were clouded by disagreements over interest rates, leading to Belgrade's initial refusal to negotiate the issue. However, at the insistence of creditors, the SFRY nevertheless concluded an agreement with the Fund in the spring of 1985 and in exchange for a standby loan in the amount of \$300 million¹⁵³⁹ was forced to continue the policy of devaluing the dinar to compensate for inflation and tighter controls on domestic credit and government spending. In addition, the IMF demanded systemic changes in the economy from Yugoslavia – "improve financial discipline at enterprises through a more stringent application of the bankruptcy law", "stop subsidizing inefficient industries", "make wages dependent on productivity", "reduce the influence of political criteria for investment decisions"¹⁵⁴⁰. The measures imposed by the IMF and other Western creditors caused extreme dissatisfaction among some Yugoslav leaders, as they "challenged the foundations of the self-government system", "contradicted ethnic and regional interests", and "forced Yugoslavia to a "neo-colonial" status"¹⁵⁴¹. The leadership of the IMF

¹⁵³⁷ Yugoslavia: Key Questions and Answers on the Debt Crisis. EUR 84-10011. January 1984. P. 7. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/0005361799> (Accessed: 24.08.2022).

¹⁵³⁸ Ibid.

¹⁵³⁹ Mrak M. Debt conversions in Yugoslavia. OECD/GD(92)27. Technical paper NO. 54. February 1992. P. 53. // OECD. URL: <https://www.oecd.org/development/pgd/1919414.pdf> (Accessed: 24.08.2022).

¹⁵⁴⁰ Yugoslavia: Prospects for the Economy. EURM 85-10098. May 1985. P. 4. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t01058r000202890001-5> (Дата обращения: 24.08.2022).

¹⁵⁴¹ Ibid. P. 5.

itself, according to information cited in the special CIA reports on Yugoslavia, also doubted that Belgrade was able to implement its demands, accusing it of intransigence and tactics of dragging out negotiations¹⁵⁴².

Indeed, since late 1985, Yugoslavia has attempted unilaterally to ease some of its austerity measures, including lowering interest rates, hoping that the IMF would “rather retreat from showdown than damage ... Yugoslav stability”¹⁵⁴³. The negative reaction of the United States and Great Britain to the actions of Belgrade prompted the latter to abandon his original plans and caused extreme discontent on his part, up to a confrontation with its creditors. In this confrontation, Yugoslavia was supported by the USSR, which in previous years had criticized Belgrade’s attempts to comply with IMF standards, which caused fears in the West about Yugoslavia’s possible turn to the East¹⁵⁴⁴. Among other things, Yugoslavia’s agreements with the IMF caused skepticism in the camp of the Non-Aligned Movement, undermining the country’s authority in the organization.

One way or another, Yugoslavia still had to make concessions to the IMF and other Western creditors and start in 1988 in order to obtain another standby agreement with the IMF in the amount of more than \$1 billion¹⁵⁴⁵ a large-scale and ambitious attempt at economic reform, which included the wider introduction of market-based measures, the abolition of most subsidies and incentives for enterprises; the abolition of price controls, raising interest rates above inflation, reducing import restrictions, etc. The price that had to be paid for the implementation of these measures was an increase in unemployment, falling consumption and increasing income inequality.

A. Markovic, who took the post of prime minister after B. Mikulic in 1989, promoted the economic demands of the IMF even more vigorously and even achieved positive dynamics in the Yugoslav economy at the initial stage of his reform activities, which allowed the country to receive regular loan proceeds in 1989 and 1990. Further lending to Yugoslavia was made by the IMF leadership directly dependent on the political and economic situation in the country¹⁵⁴⁶. In practice, it turned out that the standby agreement of 1990 in the amount of \$600 million was the last (and the twelfth in a row in the history of the SFRY)¹⁵⁴⁷. By the end of that year, Yugoslavia’s debt to the IMF reached more than \$662 million, which amounted to 2.6% of the country’s total external debt¹⁵⁴⁸. At the same time, it would be fair to note that Yugoslavia was one of the most disciplined partners of the IMF in terms of debt repayment.

¹⁵⁴² Yugoslavia: Prospects for the Economy. EURM 85-10098. May 1985. P. 4. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t01058r000202890001-5> (Дата обращения: 24.08.2022).

¹⁵⁴³ Yugoslavia’s Anti IMF-Tactics. Memorandum, for the record. TS 863522. April 1986. P. 4. // Ibid. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp87r00529r000100060037-8> (Дата обращения: 24.08.2022).

¹⁵⁴⁴ Ibid. P. 5.

¹⁵⁴⁵ Нова фаза са Монетарним Фондом // Политика. 3 јун 1988 С. 1.

¹⁵⁴⁶ Сарадња са ММФ зависи од стања у земљи // Ibid. 14. март. С. 16.

¹⁵⁴⁷ Obradović S. Stanje i perspektive odnosa MMF i SRJ // Ekonomski horizonti. 2000. № 2. S. 91.

¹⁵⁴⁸ Ibid.

As for the role of the SFRY in the governance and decision-making structure of the IMF, it was insignificant: “Yugoslavia was in a group led by the Netherlands and also consisting of Cyprus, Israel, Romania and Bulgaria, which accounted for 4.61% of the total vote in the Foundation”¹⁵⁴⁹.

Belgrade’s actions aimed at preserving the territorial integrity of Yugoslavia did not arouse understanding and approval in the IMF, in connection with which the Federal Republic of Yugoslavia (FRY) as part of Serbia and Montenegro was excluded from it in 1992. It is worth noting that in Serbian historiography, the point of view is very common, according to which it was the policy of “enslavement” of Yugoslavia by the IMF that exacerbated economic and ethnic contradictions in the SFRY, becoming one of the main reasons for its collapse.

Being a very active part of the GATT, the SFRY took part in all rounds of negotiations under the agreement, participated in the activities of most of its committees (such as, for example, the Committee for the Reorganization of the International Trade Center (ITC), the Committee for Trade Negotiations, etc.), commissions and working groups. Belgrade showed itself particularly energetically at the Uruguay Round of multilateral trade negotiations of the GATT, which opened in Punta del Este in September 1986, in which it was more interested in the problems of trade in agricultural and textile products, as well as subsidies¹⁵⁵⁰. The SFRY made a significant contribution to the development of documents that laid the legal basis for the World Trade Organization (WTO)¹⁵⁵¹, however, even before the establishment of the latter, on the initiative of the EU, based on Article 21 of the GATT, Belgrade’s participation in the Uruguay Round of negotiations was suspended due to the armed clashes that began in 1991 in Slovenia and Croatia¹⁵⁵². In 1992, the GATT Council refused to recognize the FRY as the successor to the SFRY, and Belgrade lost its place in the organization.

European OECD in the 1980’s devoted as many as eight of her analytical studies of the economic situation of Yugoslavia: from 1980¹⁵⁵³, 1981¹⁵⁵⁴, 1982¹⁵⁵⁵, 1983¹⁵⁵⁶, 1984¹⁵⁵⁷, 1987¹⁵⁵⁸, 1988¹⁵⁵⁹ and

¹⁵⁴⁹ Obradović S. Stanje i perspektive odnosa MMF i SRJ // Ekonomski horizonti. 2000. № 2. S. 91.

¹⁵⁵⁰ Bjelić P. Svetska trgovinska organizacija. Beograd, 2002. S. 182.

¹⁵⁵¹ Jugoslavija i Svetska trgovinska organizacija. Uslovi i mogućnosti uključivanja u svetski trgovinski sistem. Beograd. 1996. S. 10.

¹⁵⁵² Komendantov S. V. On the implementation of “exceptions on national security structures” in the practice of GATT / WTO // Education and Law. 2019. No. 10. pp. 36-39.

¹⁵⁵³ OECD economic surveys. Yugoslavia, 1980 // OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1980_eco_surveys-yucs-1980-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁵⁴ OECD economic surveys. Yugoslavia, 1981 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1981_eco_surveys-yucs-1981-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁵⁵ OECD economic surveys. Yugoslavia, 1982 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1982_eco_surveys-yucs-1982-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁵⁶ OECD economic surveys 1982-1983. Yugoslavia, 1983 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1983_eco_surveys-yucs-1983-en (Accessed: 28.08.2022).

1990¹⁵⁶⁰ (the next and at the same time the last was published only in 2002¹⁵⁶¹), in which she described in detail the government policy in the field of economy, its main problems and development trends. In these reports, the OECD expressed concern and dissatisfaction with the economic situation in the SFRY, especially in contrast to the rest of the organization, whose experience in dealing with negative inflationary and financial trends was little used by the Yugoslav leadership¹⁵⁶². The OECD also welcomed A. Markovic's reform efforts to liberalize the economy, while not expecting phenomenal results from it. Speaking at a meeting of the OECD Council of Ministers in June 1989, the Minister of Foreign Affairs of Yugoslavia, B. Loncar, remarked: "Our experience shows that there is no alternative to structural reforms to maintain economic growth and increase employment. This paradigm should at the same time be the main pillar of the government's economic policy. We were guided by this when we took the first measures to liberalize prices, imports and the foreign exchange market. Certain effects are already visible"¹⁵⁶³.

Trade remained the main area of interaction between Yugoslavia and the OECD. Speaking of Yugoslav exports to developed countries, it must be said that the SFRY faced difficulties in penetrating the OECD market due to shortcomings in the quality, design, manufacturing technology of its products and weak marketing. Between 1979 and 1986, imports of goods from OECD countries to Yugoslavia also declined in real terms, as the authorities imposed appropriate restrictions in the framework of the stabilization program to save foreign exchange. Some increase in exports and imports from / to the OECD countries was given in 1987 - 49 and 56%¹⁵⁶⁴ respectively in the foreign trade structure of the SFRY. In general, in comparison with the indicators of the 1960-1970's. Yugoslavia was more likely to lose its export market share in the OECD zone (in 1964, the share of the

¹⁵⁵⁷ OECD economic surveys 1984-1985. Yugoslavia, 1984 // OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1985_eco_surveys-yucs-1985-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁵⁸ OECD economic surveys 1986-1987. Yugoslavia, 1987 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁵⁹ OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁶⁰ OECD economic surveys 1989-1990. Yugoslavia, 1990 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1990_eco_surveys-yucs-1990-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁶¹ OECD economic surveys 2001-2002. Federal Republic of Yugoslavia, 2002 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-federal-republic-of-yugoslavia-2002_eco_surveys-srb-2002-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁶² OECD economic surveys 1986-1987. P. 9. Yugoslavia, 1987 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en (Accessed: 28.08.2022).

¹⁵⁶³ Мере за консолидовање југословенског дуга // Политика. 2. јун 1989. С. 1.

¹⁵⁶⁴ OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988. P. 56 // Ibid. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en (Accessed: 28.08.2022).

OECD countries in the foreign trade of the SFRY was at least 60%¹⁵⁶⁵), which, besides the reasons already mentioned, could be explained by the fact that OECD trade included a rapidly growing trade within the EEC, in which Yugoslavia was not integrated, which dealt a blow to Yugoslav exporters.

Yugoslavia expected that in 1991 the OECD would decide on its full membership in the organization, but this did not happen – at the meeting of the OECD Council of Ministers, held in June of that year in Paris, all attention was focused on the delegations of Poland, Hungary and Czechoslovakia. Yugoslavia was hinted that “strengthening ties with the OECD should be the result of economic reforms that should lead to... general progress in the country”¹⁵⁶⁶. Thus, the OECD recognized the insufficiency of the reforms carried out and called for their deepening, while for Yugoslavia admission to the organization was conceived as a way to “overcome the growing problems and strengthen the unity of the country”¹⁵⁶⁷. The collapse of the SFRY in 1991, of course, removed the issue of its membership in the organization from the agenda – the result of international sanctions imposed on the FRY was the severance of relations with it by the OECD.

A separate mention in the framework of the study of the main priorities and methods of the foreign policy of the SFRY in the 1980's deserves the practice of using the tools of public diplomacy and “soft power”, among which during this period of time sports and tourism diplomacy played a decisive role.

In the context of Yugoslav sports diplomacy in the 1980's the key events were the Winter Olympic Games - 1984 in Sarajevo and the Summer Universiade - 1987 in Zagreb, which had a global presentation value for the SFRY and attracted hundreds of thousands of tourists from all over the world to the country. As a result, the Sarajevo Olympics turned out to be the first and last Winter Olympics held in a socialist country, and its impeccable conduct had a positive impact on the image of the socialist world as a whole. In total, 49 states took part in these Winter Olympic Games, which by that time was a record figure in the entire history of their holding¹⁵⁶⁸. Both the American and Soviet teams also came to Sarajevo, which became a kind of expression of the success of Yugoslav diplomacy as a non-aligned country.

Athletes from 128 countries took part in the Summer Universiade - 1987, which was also an absolute record at the time of its holding: “The number of national flags is impressive, which, – said L. Moisov, Chairman of the Presidium of the SFRY, in his welcoming speech on the occasion of the opening of the Universiade, – except for the meetings of the UN General Assembly, it was never

¹⁵⁶⁵ Singleton F. A short history of the Yugoslav peoples. Cambridge, 1989. P. 244.

¹⁵⁶⁶ Посебан разговор о Југославији // Политика. 4. јун 1991. С. 4.

¹⁵⁶⁷ Дорасли дисциплини ОЕЦД // Ibid. 6. јун 1991. С. 3.

¹⁵⁶⁸ Sarajevo'84: XIV Winter Olympic Games / Comp. V. Zhiltsov. M., 1985.

possible to see in one place”¹⁵⁶⁹. The Yugoslav leadership perceived this fact as “a sign of strengthening trust between peoples and their desire to jointly build a better world and a more secure tomorrow”¹⁵⁷⁰ and as evidence of the success of their foreign policy. In addition, both of these sporting events have become an effective method of increasing the tourist attractiveness of Yugoslavia in an environment where tourism has remained a central sector of the economy. So, for example, only in the year of the Universiade, Yugoslavia earned \$3.181 billion from foreign tourists¹⁵⁷¹.

In 1987, the Zagreb Institute of Tourism conducted a large-scale study, during which it interviewed 8350 foreign tourists¹⁵⁷². The results of the study showed that most often citizens of Germany, Austria, Italy, Switzerland and Holland went on vacation to Yugoslavia, who were attracted by the “clear sea, pleasant climate and excellent geographical position”¹⁵⁷³. At the same time, foreign tourists complained about the service, sanitary conditions, assortment of shops, food and housing. On average, they spent about \$38 a day in Yugoslavia, which was a small amount by Western European standards¹⁵⁷⁴.

The policy of actively attracting tourists from abroad, coupled with the traditional hospitality of the Balkan peoples, secured the image of a friendly and welcoming country for Yugoslavia, which had a positive effect on the public opinion of foreigners about Yugoslavia. Thus, the country’s tourism potential formed a certain image for it abroad, which was used by its leadership for the benefit of foreign policy. In turn, the successful domestic and foreign policy of the SFRY guaranteed it an influx of foreign tourists. This correlation is very clearly seen in the example of the tourist season of 1991, which became the worst in the previous 30 years¹⁵⁷⁵. Tourists refused to rest in warring Yugoslavia, perceiving it as an “adventure”. The disastrous tourist season of 1991 had awful consequences for the economy of the collapsing Yugoslavia.

Summing up the paragraph, it should be said that Yugoslavia in the 1980’s sought to pursue an active and diversified foreign policy course, to pay attention to its most diverse components, despite the rapidly changing system of international relations, the aggravated domestic political situation and the real decline in its international authority. Meanwhile, her diplomatic resource became more and more limited, and therefore, by the end of the 1980’s, she had to concentrate on three foreign policy priorities, including: 1) relations with the Western European integration associations of the EEC and EFTA and their most influential members; 2) participation in the Non-Aligned Movement; 3) conflict resolution and deepening cooperation with neighboring states. The dominance of the aforementioned areas did not mean ignoring other actors of international relations in the foreign policy of Yugoslavia –

¹⁵⁶⁹ Свећано отворена Универзијада-87 // Политика. 9. јул 1987. С. 1.

¹⁵⁷⁰ Ibid.

¹⁵⁷¹ Три, или 1,7 милијарда долара? // Ibid. 6. јануар 1988. С. 9.

¹⁵⁷² Немци су за одмор, Французи за забаву // Ibid. 10. јануар 1988. С. 9.

¹⁵⁷³ Ibid.

¹⁵⁷⁴ Ibid.

¹⁵⁷⁵ Долазе само верни и храбри // Ibid. 11. април 1991. С. 4.

relations with the superpowers represented by the USSR and the USA remained of fundamental importance for the SFRY.

CHAPTER 2. YUGOSLAVIA AS THE SOCIALIST WORLD PART

2.1. Yugoslavia and the Soviet Union: the general potential of relations and contradictions

The death of J. Broz Tito and the coming to power of the collective leadership contributed to the gradual normalization and deepening of bilateral Yugoslav-Soviet cooperation, which, however, did not remove Belgrade's prejudices and fears towards Moscow. The SFRY believed that the death of Tito would result in increased pressure from the Soviet Union, the resumption of his attempts to include Yugoslavia in his sphere of influence. However, these fears did not come true: as the crisis within the country grew, the USSR's interest in the Eastern European countries faded. Yugoslavia closely followed all the political changes taking place in the USSR, and in its strategic planning paid special attention to the subjective factor, i.e. the personalities of the general secretaries and prime ministers, on whom the nature of bilateral contacts largely depended.

The entry of Soviet troops into Afghanistan in 1979 caused "complete misunderstanding and total condemnation in Yugoslavia"¹⁵⁷⁶, leading to a weakening of bilateral interaction. The Yugoslav leadership perceived this action as an unfriendly act in relation to the entire "third world", the defender of the interests and representative of whose opinions they traditionally considered themselves. The Soviet Union was accused of violating the principles of independence, sovereignty and non-interference in the internal affairs of third countries, as well as direct military intervention in a state that does not threaten its security. The Yugoslav press launched a new anti-Soviet information campaign, which could not but negatively affect public opinion about the Soviet Union in the SFRY. Thus, 1979 in the history of bilateral relations between the SFRY and the USSR became one of the most critical after 1948.

The task of the Presidium of the SFRY from May 1980 was to improve relations with Moscow, which was an important trade and economic partner. It was thought that the deepening of cooperation should affect all areas, from politics to tourism, and strengthen the position of the SFRY in the socialist world. In this case, the leadership proceeded from practical and mercantile interests, pushing ideological considerations and contradictions into the background, which, however, did not cancel their presence. At the same time, Yugoslav diplomacy placed a serious emphasis on encouraging the policy of detente in international tension, the need for disarmament, strengthening the role of the CSCE and respect for the principles of non-alignment, which Belgrade repeatedly focused Moscow's attention on.

The special importance of Yugoslavia in the foreign policy of the Soviet Union was called upon to emphasize the personal presence of L. I. Brezhnev at the funeral of J. B. Tito, which took place on

¹⁵⁷⁶ *Kostiuk R. V., Katkova E. P.* The development of Soviet-Yugoslav relations in the 1970's // *Clio*. 2018. No. 12. P. 129.

May 8, 1980. The nature of the short exchange of views between the General Secretary of the Central Committee of the CPSU and members of the collective leadership of the SFRY promised positive changes in bilateral relations.

In July 1980, a delegation of the Supreme Soviet (SC) of the USSR headed by the first deputy chairman of its Presidium V. V. Kuznetsov paid an official visit to Yugoslavia¹⁵⁷⁷. During the visit, meetings of the Soviet delegation with the Chairman of the Presidium of the SFRY Tsvietin Mijatovic, the Chairman of the Federal Assembly Dragoslav Markovic, the Deputy Chairman of the FEC Gojko Ubiparip, the Chairman of the FEC on Foreign Policy Nijaz Dizdarevic, the Secretary of the Presidium of the Central Committee of the LCY Dusan Dragosavac and other state officials of Yugoslavia were held, at which it was confirmed commitment to the course of comprehensive cooperation. The parties exchanged views on the internal political development of the two countries, their economic, scientific and technical cooperation and reaffirmed their readiness to continue to interact based on the principles “contained in the Belgrade Declaration ... and the documents adopted following the meetings of Comrades Tito and Brezhnev”¹⁵⁷⁸. The Yugoslav leaders expressed their concern about the current situation in the “hot spots” in the Middle East, Southeast and Central Asia, which was accepted with understanding and calmness by the Soviet side. The “Politika” newspaper described the talks as “cordial” and “friendly”¹⁵⁷⁹.

Indeed, more than six months after the entry of Soviet troops into Afghanistan, there has been a noticeable warming and revival in relations between the two countries. Thus, Yugoslavia, despite its extreme disagreement with the actions of the USSR in the Central Asian region, took part in the XXII Summer Olympic Games that started on July 19, 1980 under its own flag. Moreover, some Yugoslav enterprises supplied food products to Moscow specifically for the needs of the Olympics. An example is the Valevo agricultural plant, which has become one of the main suppliers of juice products.

An important event was the conclusion in September 1980, less than six months after the death of Tito, an agreement on economic, trade and scientific and technical cooperation between the two countries for a period of 10 years, in which the SFRY and the USSR pledged “to increase the volume of trade by 60% in the next 5 years”¹⁵⁸⁰. It was supposed to use some Yugoslav technologies for their implementation at the industrial enterprises of the Soviet Union, as well as to multiply the export of Yugoslav consumer goods to the USSR. The parties agreed to expand cooperation in mechanical engineering, shipbuilding, construction, energy, agriculture and other areas of industry¹⁵⁸¹. An important role in strengthening bilateral economic and trade ties was played by the mixed

¹⁵⁷⁷ Даљи развој плодне сарадње // Политика. 9. јул 1980. С. 2.

¹⁵⁷⁸ Ibid.

¹⁵⁷⁹ Порука Леонида Брежњева Мијатовићу и Дороњском // Ibid. С. 1.

¹⁵⁸⁰ *Stanković S.* Why has Yugoslavia increased its trade with the Soviet bloc. RFE-RL* Research. RAD Background report/208 (Yugoslavia). 21 July 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:31fb564b-b420-4459-8763-988f310f0858> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁵⁸¹ Програм сарадње СФРЈ и СССР-а до 1990. // Политика. 25. септембар 1980. С. 1.

Yugoslav-Soviet international committee for economic, scientific and technical cooperation, whose task was to develop practical measures for the implementation of the signed agreement. At the same time, Moscow agreed to provide Yugoslavia on favorable terms with a new loan in the amount of \$900 million, to which already in 1981 it added \$450 million on top¹⁵⁸².

It should be noted that the USSR throughout the 1980's, when Yugoslav goods were of very modest interest to the Western market, retained the status of Yugoslavia's most important export partner. However, such a dependence of the SFRY on the Soviet market caused alarm both within the country and among Western states, who assumed that the Soviet economic policy, which was very soft and friendly towards Yugoslavia, pursued the specific goal of including Belgrade in the orbit of its influence¹⁵⁸³.

In April 1982, the Minister of Foreign Affairs of the Soviet Union A. A. Gromyko paid an official visit to Yugoslavia¹⁵⁸⁴. Initially, this visit was to take place in December 1981, but was postponed by the Yugoslav leadership due to total disagreement with Moscow on the issue of Polish events. After all, despite the intensification of economic, cultural, scientific and technical cooperation, political and ideological contradictions between the two countries were not removed from the agenda, and Yugoslavia continued to react quite painfully to many actions of the USSR. Such contradictions mainly include the following: disagreements over the Soviet intervention in Afghanistan, the ideological conflict between the CPSU and the Italian Communist Party (PCI), in which Yugoslavia took the Italian side; disagreements over the imposition of martial law in Poland in 1981 and the actions of General Wojciech Jaruzelski; the problem of "bureaucratic rule" in the communist countries, for the resolution of which the SFRY advocated, and the problem of the Non-Aligned Movement, the appointment of which the parties looked at differently. Moreover, unlike Belgrade, Moscow did not consider these contradictions to be fundamental and in the early 1980's avoided polemics with Yugoslavia in the pages of its official press.

The visit of A. A. Gromyko as a member of the Politburo of the CPSU and Minister of Foreign Affairs of the USSR was the first official visit of a representative of the top Soviet leadership after L. I. Brezhnev's visit to the funeral of J. Broz Tito on May 8, 1980, therefore, in Belgrade, who insisted on the need to maintain a balance in its relations with the West and the East, it was given special importance.

During the visit, Gromyko met with the chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY Dusan Dragosavac, in a "friendly" conversation with whom he separately emphasized "the importance of continuing meetings and exchange of opinions between representatives of the LCY and

¹⁵⁸² *Stanković S.* Why has Yugoslavia... // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:31fb564b-b420-4459-8763-988f310f0858> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁵⁸³ Ibid.

¹⁵⁸⁴ Почели разговори Врховец - Громико // Политика. 6. април 1982. С. 1.

the CPSU in the spirit of mutual respect and recognition of differences”¹⁵⁸⁵, i.e. a course was outlined for the further development of party contacts, which for the Soviet Union, as the center of the communist world, was significant from an ideological point of view. The parties expressed mutual concern about the aggravation of the international situation, outlined the constructive role of the communist, workers’ and other progressive movements in the struggle for peace and the development of international cooperation in accordance with the principles of peaceful coexistence, and only indirectly touched upon the most critical issues of bilateral relations. Approximately in the same vein, A. A. Gromyko’s conversations with V. Djuranovic, S. Kreiger and J. Vrhovec went on, on behalf of whom gratitude was expressed to the Soviet people for “the respect and attention that he [the Soviet people – *Author’s note*] expressed, giving the name of Tito to a square in Moscow and a street in Omsk and issuing a commemorative stamp with the image of Tito”¹⁵⁸⁶. The main message of the Yugoslav leaders to the Soviet delegation was the thesis about the need to overcome the danger of a world war and return to the foundations of detente.

As a result of the visit, a joint communiqué was published, which did not contain full-fledged specifics regarding the possibility of a political settlement and any mention of the most acute issues of Yugoslav-Soviet relations, and focused on the fact that the meetings in Belgrade were held “in an atmosphere of friendship, openness and mutual respect”¹⁵⁸⁷. Once again, the parties reaffirmed their mutual commitment to the principles of independence, sovereignty, territorial integrity, equality and non-intervention; expressed satisfaction with the level of bilateral cooperation, concern over the consequences of the arms race and hope for the successful continuation of the activities of the CSCE; stressed the special role of the United Nations in maintaining peace and solving international problems through negotiations; expressed support for the Palestinian people in their struggle for self-determination and the establishment of an independent state under the leadership of the Palestine Liberation Organization (PLO); pointed out the need for a more active inclusion of developing countries in world politics and the formation of a new international economic order¹⁵⁸⁸.

A. A. Gromyko’s visit to Belgrade, as we see, was not marked by any revolutionary statements or decisions, which was not considered as a goal by Moscow. The very fact of holding rather open and thorough negotiations in the conditions of a new round of the Cold War meant that a certain consensus had been reached in bilateral relations. The Yugoslav leaders D. Dragosavac, S. Kreiger, V. Djuranovic and J. Vrhovec could not offer the Soviet side anything other than what they had inherited from Tito. Gromyko’s main task under these conditions was to convince the Yugoslav

¹⁵⁸⁵ Громико код Драгосавца // Политика. 6. април 1982. С. 1.

¹⁵⁸⁶ Отклонити опасност светског рата // Ibid. С. 2.

¹⁵⁸⁷ *Stanković S.* After Gromyko’s visit to Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/91 (Yugoslavia). 8 April 1982. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff2421fa-4bb5-4ddd-ae21-01d32e7af273> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁵⁸⁸ Заједничко југословенско-совјетско саопштење // Политика. 7. април 1982. С. 2.

leadership to avoid criticism of the Soviet Union at the 12th Congress of the LCY, scheduled for June 1982, which could be perceived in the world as an “anti-Soviet demonstration”¹⁵⁸⁹.

Despite all the ambiguity of bilateral contacts, Gromyko enjoyed invariable respect in Yugoslavia, and his visit eventually contributed to a thaw in Yugoslav-Soviet relations. In the Yugoslav press, he was characterized as both a hard and flexible person and wrote about him with sympathy. It can be assumed that if, as it was originally planned, K. U. Chernenko¹⁵⁹⁰ had been sent to negotiations with the Yugoslav leaders, they would have had a completely different outcome, which confirms our thesis about the significance of the subjective factor in relations between Yugoslavia and the Soviet Union .

At the end of April 1982, the Federal Secretary of National Defense (Minister of Defense) of Yugoslavia Nikola Ljubicic visited Moscow, the purpose of which was to assure Moscow that Yugoslavia was ready to defend its independence and territorial integrity in a war with “any foreign adversary”¹⁵⁹¹. The visit of Ljubicic, on the one hand, had a demonstrative character, and, on the other hand, marked a promising intensification of Yugoslav-Soviet cooperation in the military sphere.

The death of the Chairman of the Presidium of the USSR Supreme Council, General Secretary of the Central Committee of the CPSU L. I. Brezhnev, who was a supporter of an equal and constructive dialogue with Belgrade, caused a certain concern among the Yugoslav leadership. In particular, the official condolences brought by the Presidium of the SFRY on the occasion of the death of Brezhnev said that “the peoples of Yugoslavia ... highly appreciate the personal contribution of Leonid Ilyich Brezhnev to the development of Yugoslav-Soviet friendship and all-round cooperation. His meetings with President Tito brought into our relations the spirit of understanding, friendship and mutual respect, which are now the backbone of the Yugoslav-Soviet ... cooperation”¹⁵⁹². Belgrade’s fears were mainly related to the fact that the new Secretary General Yu. V. Andropov, who played a well-known role in the decision to send Soviet troops into Afghanistan, might try to increase pressure on Yugoslavia, including by military methods.

A year after the visit of A. A. Gromyko, in March 1983, Chairman of the Council of Ministers of the USSR N. A. Tikhonov arrived in Yugoslavia¹⁵⁹³. The last time A. N. Kosygin visited Yugoslavia as Prime Minister of the USSR was in 1973, which testifies in favor of the fact that Yugoslav-Soviet relations began to overcome the stagnation that had lasted for a long time and reach a new level of development. The next negotiations were seen as necessary in connection with the death of Brezhnev and the coming to power in the Soviet Union of Andropov, a supporter of a tougher foreign policy towards the capitalist countries.

¹⁵⁸⁹ Stanković S. After Gromyko’s visit... P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff2421fa-4bb5-4ddd-ae21-01d32e7af273> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁵⁹⁰ Ibid.

¹⁵⁹¹ Ibid.

¹⁵⁹² Саучешће Председништва СФРЈ // Политика. 13. новембар 1982.

¹⁵⁹³ Сусрет Планинц – Тихонов // Ibid. 23. март 1983. С. 1.

In Belgrade, meetings with Tikhonov, which resulted in a public recognition of the existence of contradictions and disagreements on political issues, were held by P. Stambolic and M. Planinc. It can be argued that the fact of recognizing the existence of these contradictions has become a breakthrough for bilateral relations, when previously the leaders of states preferred to hush up or avoid direct discussion of controversial issues, concentrating mainly around the economy and the humanitarian sphere. The sides found complete mutual understanding on issues of disarmament, the positive role of the CSCE and the UN in ensuring peace and resolving international problems and conflicts. The Yugoslav partners insisted on the status of the Mediterranean and the Balkans as a nuclear-free “zone of peace and cooperation”¹⁵⁹⁴, which was met with understanding by the Soviet prime minister.

Representatives of the two countries also signed the “Plan for the implementation of a long-term program of economic, scientific and technical cooperation between the USSR and the SFRY until 1990”, listing specific measures in the field of bilateral cooperation and acting as a “guarantor of its stability”¹⁵⁹⁵. The interlocutors were “satisfied with the volume of trade, but stated the need for its modernization in new forms: cooperation, specialization, access to third markets”¹⁵⁹⁶. The Soviet government expressed interest in Yugoslavia’s plans for the use of atomic energy, and also made an order for the construction of twenty river ships and four barges at Yugoslav enterprises for a total of \$180 million in order to assist the Yugoslav economy¹⁵⁹⁷. In the decade under review, the practice of ordering heavy industry products from the USSR in the SFRY became common and, as a goal, pursued the support of Yugoslav production and the market, despite the sometimes poor quality and missed deadlines. The Yugoslav leadership saw the deepening of economic cooperation with the USSR as ambiguous: on the one hand, it was necessary and inevitable, on the other, it narrowed the possibilities of entering the Western European market.

Nevertheless, the USSR continued to be the most important trading partner of Yugoslavia: in 1983 alone, the total amount of trade between the countries exceeded \$6.5 billion¹⁵⁹⁸. In total, according to the Agreement on Economic Cooperation between Yugoslavia and the Soviet Union for 1981-1985 the volume of trade by the end of this period was supposed to amount to \$32 billion¹⁵⁹⁹, which would have exceeded the figures for the period from 1976 to 1980. Similar agreements, called protocols on economic and scientific and technical cooperation, were regularly concluded for a period of 1 year in order to more accurately plan the standards and volumes of trade cooperation. Priority in the structure of bilateral trade was the export of non-ferrous metals, engineering and shipbuilding

¹⁵⁹⁴ Суcret Планинц – Тихонов // Политика. 23. март 1983. С. 1.

¹⁵⁹⁵ Ibid.

¹⁵⁹⁶ Ibid.

¹⁵⁹⁷ *Stanković S.* After Tihonov’s visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/74 (Yugoslavia). 8 April 1983. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0eda2325-b914-4abe-a5d3-8339d674550c> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁵⁹⁸ Потврда добрих економских односа // Политика. 20. јануар 1984. С. 4.

¹⁵⁹⁹ Ibid.

products, medicines and consumer goods (furniture, knitwear, shoes, carpets, canned fruits and vegetables, etc.) to the USSR and the import of raw materials (oil, fuel oil, gas, electricity, fertilizers, cellulose, cotton, ferrous metals, etc.) from the USSR. An important place in the economic cooperation between the two countries was occupied by tourism, both Soviet to Yugoslavia and Yugoslav to the Soviet Union.

The death of Yu. V. Andropov caused restrained optimism in the Yugoslav leadership, so the chairman of the Presidium of the SFRY M. Spiljak and the chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY D. Markovic hurried to take the opportunity to visit Moscow and led the delegation of the SFRY at the funeral of the Secretary General¹⁶⁰⁰. The result of negotiations Spiljak and Markovic with the leaders of the CPSU in February 1984 was the expression of “mutual interest in the further development of friendly relations and the expansion of all-round cooperation between the two countries and parties”¹⁶⁰¹.

K. U. Chernenko, unlike Yu. V. Andropov, was treated in Yugoslavia as a temporary and obviously losing figure, after whose departure the USSR would inevitably enter a period of reforms and transformations¹⁶⁰². The Yugoslav leaders expected the “new Khrushchev” to come to power in the USSR, who could apologize to Yugoslavia for the “mistakes of the past” and expected that Chernenko would play a partly similar role. In this regard, it is no coincidence that it was in 1984 that there was visible progress in Yugoslav-Soviet relations¹⁶⁰³.

February 27 - March 1, 1984, at the invitation of the Supreme Soviet of the USSR, a Yugoslav delegation headed by the Deputy Chairman of the Presidium of the SFRY V. Zarkovic¹⁶⁰⁴. In addition to Zarkovic, the delegation included Federal Secretary of Foreign Affairs L. Moisev and member of the FEC Jon Srbovan. From the Soviet side, the negotiations were led by the First Deputy Chairman of the Presidium of the USSR Armed Forces, Acting Chairman V. V. Kuznetsov, General Secretary of the Central Committee of the CPSU K. U. Chernenko and Minister of Foreign Affairs A. A. Gromyko.

During the talks, the parties openly and frankly expressed their mutual concerns and shared their expectations about the future of bilateral contacts. The Soviet leadership assured Zarkovic that Moscow fully supported the Yugoslav peace initiatives and, moreover, advocated “the conclusion of a non-aggression pact between the Warsaw Pact and NATO and demanded that Western countries give up the possibility of the preventive use of nuclear weapons”¹⁶⁰⁵. All the main international problems were discussed at the meeting, and the Soviet side focused on the fact that “recognizes and takes into

¹⁶⁰⁰ Мимоход у Сали стубова // Политика. 12. фебруар 1984. С. 1.

¹⁶⁰¹ Повољни токови сарадње // Ibid. 27. фебруар 1984. С. 3.

¹⁶⁰² *Stanković S.* Belgrade *Komunist* sees Yugoslav-Soviet relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/62 (Eastern Europe). 17 April 1984. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:f27902c2-8609-429b-a3bb-870940eb4047> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁰³ Ibid.

¹⁶⁰⁴ Жарковић у Москви // Политика. 28. фебруар 1984. С. 1.

¹⁶⁰⁵ Сусрет Жарковић – Черњенко // Ibid. 29. фебруар 1984. С. 5.

account the role of Yugoslavia in the Non-Aligned Movement”¹⁶⁰⁶ and considers her participation in the organization “an important factor for strengthening the position of Yugoslavia in the world”¹⁶⁰⁷. Zarkovic, in turn, noted that “we [the SFRY and the USSR – *Author's note*] created and strengthened relations through joint efforts, guided by the interests of our peoples, through mutual respect for the differences in the international position of our two countries and our own paths of socialist development”¹⁶⁰⁸. In fact, this conclusion meant the absence of any fundamental contradictions and unresolved problems between the two countries. Once again, trade and economic agreements were confirmed and a decision was made to increase the volume of mutual imports and exports.

However, the greatest expectations on the part of the SFRY were placed on the Soviet Union after M. S. Gorbachev’s came to power and his announcement of the policy of “perestroika” and “new political thinking”. It was assumed that political contradictions would finally remain in the past, and economic assistance to Yugoslavia from the USSR would increase. The attitude towards “perestroika” in the SFRY was positive and expectant. The Yugoslav leadership closely followed its economic consequences, as well as the very process of democratization and liberalization in the Soviet Union¹⁶⁰⁹. Despite the negative economic results, local politicians were impressed by the course of democratic reforms and Gorbachev’s determination. At the 13th Congress of the LCY in June 1986, V. Zarkovic, who by that time had taken the post of chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY, in his speech even advised the communist parties of Eastern Europe to revise their programs and begin to adopt the experience of the USSR¹⁶¹⁰.

The first meeting of the Yugoslav leaders with the new general secretary took place in Moscow in March 1985 during the days of farewell to K. U Chernenko. The Yugoslav delegation then, according to the established tradition, was headed by the chairman of the Presidium of the SFRY and the chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY – V. Djuranovic and Ali Shukria, respectively¹⁶¹¹. In general, Gorbachev made a favorable impression on his Yugoslav colleagues as a leader of a “new type”, with whom it was possible to conduct a constructive dialogue and who was able to compromise. It was assumed that a new milestone awaits the history of Yugoslav-Soviet relations¹⁶¹².

In June 1985, in Belgrade, at the 23rd meeting of the mixed Yugoslav-Soviet committee, chaired by Deputy Chairman of the FEC Borislav Srebric and First Deputy Chairman of the Council of

¹⁶⁰⁶ *Stanković S.* Belgrade *Komunist* sees... P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:f27902c2-8609-429b-a3bb-870940eb4047> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁰⁷ *Ibid.*

¹⁶⁰⁸ Здравнице на ручку у Кремљу // Политика. 29. фебруар 1984. С. 6.

¹⁶⁰⁹ Шеварнадзе код Мојсова // *Ibid.* 21. јун 1987. С. 1.

¹⁶¹⁰ *Perestroika and the Party. National and Transnational Perspectives on European Communist Parties in the Era of Soviet Reform.* New York, 2019. P. 107.

¹⁶¹¹ Добра основа за већу размену // Политика. 20. јун 1985. С. 2.

¹⁶¹² See: *Perestroika and the Party...*

Ministers of the USSR I. V. Arkhipov, another agreement was signed on economic, scientific and technical cooperation for a period of five years – from 1986 to 1990¹⁶¹³. In accordance with it, it was planned to expand cooperation in the production of “microprocessors, automation equipment, energy, development of new materials and biotechnologies”¹⁶¹⁴, mechanical engineering, shipbuilding, construction, as well as production and trade in consumer goods. The trade exchange was supposed to reach the amount of \$40 billion by the end of 1990¹⁶¹⁵ or even exceed it, as was the case with the figures for the previous five-year period. It was within the framework of this agreement that, for example, in 1986, the Belgrade agricultural plant signed a contract worth \$60 million for the construction of three packaging plants and one confectionery factory in the Krasnodar Region, as well as several agricultural production facilities in the Moscow Region¹⁶¹⁶. As a few more specific examples of the implementation of the agreement, one can cite a contract between the Rijeka shipyard “Third May” and the Moscow “Sudimport” for the supply of a floating crane; supplies of equipment that were carried out by the Yugoslav enterprises “Bele” and “Chempro” for Soviet production for the processing of fish raw materials and the manufacture of fruit juices¹⁶¹⁷, as well as agreements between the Yugoslav firm “Monteks” and the USSR for the construction of hotels in Moscow and Leningrad in the amount of about \$100 million¹⁶¹⁸.

The agreements signed in June 1985 were consolidated at a higher level on July 3-7 of the same year, when the chairman of the FEC, M. Planinc, arrived in Moscow to discuss the tasks of Yugoslav-Soviet cooperation and the current international agenda with N. A. Tikhonov and M. S. Gorbachev¹⁶¹⁹ and invited them to visit Yugoslavia on a return visit. Thus, the parties, both in word and deed, demonstrated their desire to intensify all-round – but, first of all, economic – cooperation, which, of course, was more in the interests of Yugoslavia, which was faced with an acute problem of marketing products and expected to use this factor as a lever impact on Western creditors.

A kind of manifesto of Yugoslav-Soviet relations for the period up to 1991 was the joint message of the USSR and the SFRY following the official visit of Planinc, which emphasized “the importance of traditional meetings and exchanges of views between the leaders of the two countries in determining the main directions and prospects for the development of relations between the SFRY and the USSR”; it was stated that “the two countries stand for the elimination of the nuclear threat, the cessation of the arms race, a general and sufficient disarmament under strict and effective international control and support bilateral and multilateral negotiations aimed at achieving these goals”; “Yugoslavia and the USSR consider the process of Soviet-American negotiations significant”, as well as “updating the

¹⁶¹³ Добра основа за већу размену // Политика. 20. јун 1985. С. 2.

¹⁶¹⁴ Ibid.

¹⁶¹⁵ Ibid.

¹⁶¹⁶ ПКБ гради четири фабрике у Кубану // Ibid. 11. април 1986. С. 1.

¹⁶¹⁷ Потписан пословни уговор СФРЈ – СССР // Ibid. 7. јун 1986. С. 2.

¹⁶¹⁸ “Монтекс” ће градити хотеле у Москви и Лењинграду // Ibid. 8. мај 1988. С. 2.

¹⁶¹⁹ Сусрет Горбачова и Милке Планинц // Ibid. 5. јул 1985. С. 1-2.

process of detente in Europe, radically reducing the level of military confrontation, strengthening confidence and security”: “the importance of the CSCE in maintaining stability and peace on the European continent” was confirmed, “ positive attitude towards the initiative to create nuclear-free zones”, “the role of the Non-Aligned Movement in the struggle for peace ... disarmament and reduction of international tension, against imperialism, colonialism, neo-colonialism, racism, apartheid, as well as all types of aggression, interference, hegemony in the political and economic areas and the establishment of a new economic order”¹⁶²⁰ etc.

In the next few months, Yugoslavia was visited by the Chairman of the Council of Ministers of the RSFSR and a member of the Politburo V. I. Vorotnikov and other Soviet officials, which confirms the thesis about the increased activation of Yugoslav-Soviet relations, which took place against the backdrop of improving relations between the USSR and the USA, with great optimism and hope accepted in Yugoslavia.

On January 9, 1986, the chief of Yugoslav diplomacy, R. Dizdarevic, arrived in the USSR at the invitation of the Soviet side¹⁶²¹. In Moscow, he talked with the Minister of Foreign Affairs of the USSR, E. A. Shevardnadze, and the Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet, A. A. Gromyko. The first meetings of Dizdarevic and Shevardnadze took place back in 1985 in Helsinki during the signing of the Protocol on the Reduction of Sulfur Emissions, and then at a meeting of the UN General Assembly in New York and were marked by an expression of mutual sympathy, respect and understanding¹⁶²². An important result of the Moscow negotiations in 1986 was the signing of another three-year program of cultural and educational cooperation. Such programs were signed every three years and were based on the Agreement on Cultural and Educational Cooperation between the USSR and the SFRY of May 29, 1974. Within the framework of the new program, about 130 cultural institutions of both countries were involved in cooperation, and an “extensive exchange” was planned in the field of music, theater, fine arts, language learning, publishing, etc¹⁶²³. The general conclusion on the results of the meeting duplicated all the main postulates on which bilateral relations were based, i.e. adherence to the principles of the Belgrade Declaration of 1955 and the Moscow Declaration of 1956 (the 30th anniversary of which was celebrated in 1985 and 1986 respectively), recognition and respect for differences in the paths of socialist development and place in the system of international relations, focus on deepening all-round cooperation, especially – economic. The negotiations between Dizdarevic and Gromyko were carried out in the same spirit.

On December 9, 1986, the chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY,

¹⁶²⁰ Из југословенско-совјетског саопштења // Политика. 8. јул 1985. С. 2.

¹⁶²¹ Разговори Шеварнадзе – Диздаревић // Ibid. 9. јануар 1986. С. 1.

¹⁶²² Ibid.

¹⁶²³ Добри и стабилни односи // Ibid. 10. јануар 1986. С. 2.

Milanko Renovica, arrived in Moscow¹⁶²⁴. In Moscow and Belgrade, negotiations at the highest party level were given special importance, since “both countries were in conditions immediately after the congresses, when both parties made great efforts to overcome difficulties in internal development”¹⁶²⁵. Obvious parallels in the internal political situation in the SFRY and the USSR made the mutual exchange of experience particularly relevant and valuable. Moreover, according to the Yugoslav side, the Soviet Union, “recently recognizing the independence of the socialist paths”¹⁶²⁶, would benefit from an exchange of views with Yugoslav colleagues, who “have long followed this principle and have rich experience of cooperation in the international labor movement”¹⁶²⁷. Under the conditions of “perestroika”, Yugoslav statesmen could finally feel completely equal in relation to the Soviet leadership, and sometimes even advise it on certain issues, relying, for example, on their experience of interaction with Western states and organizations. Of course, such an alignment at the dawn of Gorbachev’s “perestroika” contributed to the fact that the Yugoslavs sought to strengthen and deepen contacts with Moscow in every possible way.

However, “perestroika” also gave rise to negative trends in Yugoslav-Soviet relations regarding the economic side of cooperation: the question of the need to “equalize the mutual trade balance” was on the agenda¹⁶²⁸, reducing Yugoslavia’s dependence on the export of goods and services to the Soviet Union, which was on the verge of a deep social crisis, and the search for new “modern and high-quality types of economic cooperation between enterprises of the two countries”¹⁶²⁹. The Soviet Union repeatedly offered to increase the supply of its goods in order to overcome the trade imbalance, which was rejected time after time by Yugoslavia.

On June 20, 1987, E. A. Shevardnadze’s working visit to Belgrade began, during which he held talks with R. Dizdarevic, M. Renovica, B. Mikulic and L. Moisev¹⁶³⁰, where he frankly informed the Yugoslav side about the course of “perestroika”, its positive and negative results; acknowledged Moscow’s past mistakes in relations with Belgrade “due to attempts to interfere in someone else’s experience”¹⁶³¹, and also announced the firm intention of M. S. Gorbachev to visit Yugoslavia before the end of this year. The talks confirmed the decision to open a Yugoslav cultural and information center in Moscow; readiness to further expand economic cooperation, scientific and technical cooperation with an orientation towards direct cooperation between the workers’ organizations of the two countries; the need to reduce the high level of the Yugoslav surplus in bilateral trade, etc. Traditionally, the talk turned to the process of disarmament, the situation of non-alignment, the

¹⁶²⁴ Повољни токови сарадње // Политика. 9. децембар 1986. С. 1

¹⁶²⁵ Ibid.

¹⁶²⁶ Ibid.

¹⁶²⁷ Ibid.

¹⁶²⁸ Како смањити југословенска потраживања од СССР-а // Ibid. 15. мај 1987. С. 2.

¹⁶²⁹ Ibid.

¹⁶³⁰ Разлике обогаћују социализм // Ibid. 20. јун 1987. С. 1.

¹⁶³¹ Ibid.

situation in the Middle East, Afghanistan, Kampuchea and Southern Africa – on all these issues the parties expressed solidarity and full agreement. A separate conversation concerned the Mediterranean and its demilitarization: Shevardnadze showed the readiness of the USSR to withdraw the 5th squadron of naval ships from the waters of the Mediterranean Sea, which was perceived by the Yugoslav leadership as a kind of diplomatic victory¹⁶³². At the end of his visit, the Soviet Foreign Minister gave an extensive interview to the “Tanjug” news agency, in which he noted that “contacts between the Soviet Union and socialist Yugoslavia are developing evenly and steadily in accordance with mutual benefit and on the basis of the principles of equality and mutual respect”¹⁶³³.

The long-awaited official visit of M. S. Gorbachev to Yugoslavia eventually took place on March 14-18, 1988. This event was given “extreme importance”, therefore it was covered more than widely and in detail both in the Yugoslav and Soviet, and in the foreign press. In total, more than 700 journalists from around the world received accreditation to cover the event, of which 60 were Soviet alone, and 290 were Yugoslav¹⁶³⁴. “Politika” daily gave several pages for the description of the negotiations. A qualitative understanding of the visit is contained in numerous publications of Russian and foreign researchers¹⁶³⁵, therefore, in this work, the author did not consider it necessary to dwell too much on its consideration and analysis.

So, the main expectations of the public from the visit of M. S. Gorbachev to Yugoslavia were associated with the signing of a joint Yugoslav-Soviet declaration, which, based on the principles of the Belgrade and Moscow declarations, was supposed to “modernize the views of the two countries on mutual relations and the most pressing long-term substantive issues from the field of international relations”¹⁶³⁶. Based on the exceptionally friendly attitude with which Gorbachev arrived in the SFRY, the Yugoslavs drew premature conclusions about the readiness of the USSR and the Secretary General to personally provide both moral and real support to Yugoslavia in the future. The similarity and, in some ways, even the commonality of the processes taking place in the two countries should have opened up new opportunities for bilateral cooperation: the experience of Yugoslav self-government, previously ignored in the Soviet Union, suddenly became extremely popular and vital.

During Gorbachev’s talks with Chairman of the Presidium of the SFRY L. Moisev, Chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY Bosko Kronic, Chairman of the FEC B. Mikulic and Minister of Foreign Affairs B. Loncar, a thorough exchange of views took place on a wide range of issues that can conditionally be divided into three groups: international relations, economic

¹⁶³² Разлике обогаћују социализм // Политика. 20. јун 1987. С. 1.

¹⁶³³ Интервју Едуарда Шеварнадзеа Тањугу // Ibid. 22. јун 1987. С. 1.

¹⁶³⁴ Акредитовано 660 извештача // Ibid. 15. март 1988. С. 2.

¹⁶³⁵ For example, *Guskova E. Yu.* Serbia was waiting for support // *New and Contemporary History*. 2019. No. 5. pp. 128-144; *Edemsky A. D.* On the visit of M. S. Gorbachev to Yugoslavia in March 1988 // *Slobodan Milosevic: put ka vlasti*. Osmo sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice, Beograd, 2008; *Polynov M. F.* Gorbachev's foreign policy in 1985-1991. Saint-Petersburg, 2014. [in Russian]

¹⁶³⁶ Програм боравка Горбачова у Југославији // Политика. 12. март 1988. С. 2.

cooperation between the SFRY and the USSR and inter-party relations between the LCY and the CPSU.

The first group of issues included the topics of disarmament, settlement in the Middle East, Central Asia and Southern Africa, the situation in the Balkan Peninsula and the Mediterranean region, the role of the Non-Aligned Movement, the significance of the pan-European process within the CSCE, etc. Based on the results of their consideration, it was emphasized that “the assessment of the modern world by the Soviet Union and Yugoslavia coincides”¹⁶³⁷, and “their policy on the international arena is similar”¹⁶³⁸.

Issues of economic cooperation between the USSR and the SFRY were discussed, the need to create new forms of cooperation was emphasized, incl. in the form of joint ventures. Concern was expressed about the decline in trade turnover, which had been steadily declining since 1986 and should have amounted to only \$5.9 billion at the end of 1988, as well as the Yugoslav surplus in its structure, which amounted to about \$1.4 billion¹⁶³⁹. Thus, an atypical situation developed in which the USSR owed Yugoslavia more than \$1 billion, which was mainly due to the fall in oil prices, in conditions when 85% of Soviet exports to the SFRY were precisely natural resources¹⁶⁴⁰. As a measure to overcome this disproportion, it was proposed to reduce imports from Yugoslavia, which naturally aroused the objections of the latter. Such close attention to the issues of economic contacts was not accidental: in the list of trade partners of Yugoslavia in 1988, the USSR ranked first¹⁶⁴¹. Of the 140 trading partners of the USSR, Yugoslavia, if not taking into account the six Eastern European member countries of the Warsaw Pact, ranked second¹⁶⁴².

Inter-party contacts B. Krunić and M. S. Gorbachev were assessed as “quite developed and very successful”¹⁶⁴³. Krunić separately expressed sympathy for Gorbachev’s policy of “perestroika”: “We wish the fraternal Soviet people success in perestroika, which will make it possible to fully reveal the creative abilities, material and spiritual potential of society. This would be of great importance for the growth of the authority and attractiveness of socialism”¹⁶⁴⁴. They also articulated their readiness to further develop ties between the LCY and the CPSU, to intensify free dialogue and jointly solve global international problems. In turn, Gorbachev expressed absolute respect for the independent socialist course of Yugoslavia.

On March 15, joint Yugoslav-Soviet documents were signed, including the Declaration, the

¹⁶³⁷ Visit of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M. S. Gorbachev to the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, March 14-18, 1988. Moscow, 1988. P. 5. [in Russian]

¹⁶³⁸ Ibid.

¹⁶³⁹ Горбачов данас у Београду // Ibid. 14. март 1988. С. 1.

¹⁶⁴⁰ Ibid.

¹⁶⁴¹ Ibid.

¹⁶⁴² Ibid.

¹⁶⁴³ Разговори Крунић – Горбачов // Ibid. 16. март 1988. С. 1.

¹⁶⁴⁴ Visit of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M. S. Gorbachev to the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, March 14-18, 1988. Moscow, 1988. P. 15. [in Russian]

Program for Economic Cooperation until 2000, an agreement on the information and cultural center of the SFRY in Moscow and an agreement on the mutual recognition of documents on education and academic degrees¹⁶⁴⁵, and on March 16, M. S. Gorbachev spoke to the Federal Assembly of the SFRY, in which he outlined his vision of the history of Soviet-Yugoslav relations, the fate and problems of world socialism, modern international relations, the “all-Balkan” process: “The Soviet Union wholeheartedly supports the new initiatives of Bulgaria, Romania, Yugoslavia and Greece related to the reduction of military activity; agrees with the withdrawal of foreign troops and military bases from the peninsula; I am ready to provide all the necessary guarantees if a decision is made to create a nuclear-free zone in the Balkans”¹⁶⁴⁶. In his speech, Gorbachev also confirmed the readiness of the USSR to withdraw its navy from the Mediterranean Sea and outlined specific measures and deadlines for the implementation of this decision.

The conversation between the Soviet leader and the Serbian leadership represented by Petar Gracanin, Chairman of the Presidium of the Socialist Republic of Serbia, and S. Milosevic, Chairman of the Presidium of the Central Committee of the League of Communists of Serbia, S. Milosevic, was very detailed. “It would be great if the Russian and Serbian peoples set a good example for our other republics”¹⁶⁴⁷, Gorbachev said, assessing the level of bilateral Russian-Serbian relations. Since the time of Ivan Stambolic, there has been a widespread point of view in the Serbian leadership that the future of Yugoslavia is more dependent on the USSR, since it “is somehow able to help the Serbs solve the issue of Albanian nationalism in Kosovo”¹⁶⁴⁸. In this regard, it is no coincidence that Gracanin and Milosevic attached importance to Gorbachev’s visit and how attentively they received him in the New Palace. Gorbachev was even awarded the gold commemorative medal of the city of Belgrade by the mayor of Belgrade, Aleksandar Bakocevic, which was a sign of special respect for the distinguished guest. However, despite outward friendliness, S. Milosevic, according to the Russian historian S. A. Romanenko, was very prejudiced against the personality of Gorbachev and the transformation he was carrying out¹⁶⁴⁹.

As part of his visit, Gorbachev also visited Ljubljana and Dubrovnik, where he met with the leadership of Slovenia and Croatia, which was much more sympathetic to M. S. Gorbachev and his reforms.

The assessment that after the talks was given to the head of the Soviet state by the Chairman of

¹⁶⁴⁵ Разговори Крунић – Горбачов // Политика. 16. март 1988. С. 1.

¹⁶⁴⁶ Снага социјализма је у богатству и разноврсности искустава // Ibid. 17. марта 1988. С. 2.

¹⁶⁴⁷ Разговор Горбачова и Милошевића // Ibid. 17. март 1988. С. 4.

¹⁶⁴⁸ Yugoslavia – USSR: Can Gorbachev Lure Belgrade back? EUR 87-10031L. December, 1987. P. 8. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08s01350r000300910001-4> (Accessed 24.08.2022). V. Kadievich in his memoirs reports that the Soviet military leadership as a whole is ready to support the plans of the generals of the JNA to reveal the collapse of the SFRY served as an organization for a military coup. Kadijević V. D. Counter-attack (My view on the collapse of Yugoslavia). Book II. P. 91. [in Russian]

¹⁶⁴⁹ Romanenko S. A. Between “proletarian internationalism” and “Slavic brotherhood”. Russian-Yugoslav relations in the context of ethno-political conflicts in Central Europe (beginning of the 20th century - 1991). Moscow, 2011. [in Russian]

the Presidium of the Central Committee of the LCY B. Kronic: “Gorbachev left the impression of a fairly sociable and direct politician. It is obvious that he is a man of a wide range of interests and is quite informed. A man with great experience and broad education, a man who knows how to listen to his interlocutor”¹⁶⁵⁰. Kronic described the negotiations themselves as follows: “They were completely open and friendly. It was not a series of monologues, but a continuous dialogue that contained the exchange of opinions and ideas, the search for better solutions”¹⁶⁵¹. The Chairman of the Presidium of the SFRY, L. Mojsov, spoke in a similar way: “There was not a single issue, both related to our relations and international in principle, that we would not have touched upon in this wide and open exchange of views”¹⁶⁵².

From all of the above, it follows that after March 1988, relations between the USSR and the SFRY were to reach a new historical level. In reality, there was no significant intensification of ties for the reason that by the end of the decade both countries faced the prospect of their disintegration. Under these conditions, bilateral cooperation faded into the background compared to the establishment of relations with the capitalist countries. The weakening USSR could not provide Yugoslavia with the necessary support, and Yugoslavia in the eyes of the USSR was presented as a small state, the relationship with which could not bring benefits to it and secure its place in the updated configuration of European and world powers.

In the sphere of economic cooperation, the problems were not at all unresolved, but were exacerbated: by the summer of 1989, the Soviet clearing debt to the SFRY amounted to \$2.1 billion¹⁶⁵³, which was the reason for the introduction by the Soviet Union from June 1, 1989 of licenses for the import of Yugoslav goods and services. One of the measures to reduce the Soviet debt was the signing of an agreement on a consortium for the construction and financing of high-pressure gas pipelines in Yugoslavia between the Soviet company “Mashinoimport” and the Belgrade “Invest-Import” in the amount of about \$140 million¹⁶⁵⁴. It was assumed that this decision would avoid a reduction in the volume of Yugoslav imports to the USSR. In 1990, another Agreement on economic, scientific and technical cooperation was signed for a five-year period, according to which the amount of trade exchange by the end of 1995 was to be only \$30 billion¹⁶⁵⁵, which is \$10 billion less than in a similar agreement signed in 1985, and the structure of the exchange of goods did not change – natural resources in exchange for equipment, technologies and consumer goods. So, for example, in 1991, the Soviet Union undertook to supply Yugoslavia with two to three million tons of oil in exchange for the construction of several woodworking plants and confectionery factories, as well as the repair of

¹⁶⁵⁰ Крунић: Дијалог, а не монолози // Политика. 19. марта 1988. С. 2.

¹⁶⁵¹ Ibid.

¹⁶⁵² Мојсов: Нове перспектива односа // Ibid. С. 2.

¹⁶⁵³ Брига југословенских привредника // Ibid. 5. јун 1989. С. 4.

¹⁶⁵⁴ Подписан споразум о изградњи гасовода у нашој земљи // Ibid. 14. јуна 1989. С. 1.

¹⁶⁵⁵ Робна размена вредна тридесет милијарди долара // Ibid. 20. јануар 1990. С. 2.

compressor stations and oil wells¹⁶⁵⁶.

It is worth noting that despite the deep economic crisis and the problems of Yugoslav-Soviet economic relations, Yugoslavia did not remain indifferent to the natural disaster that hit the Armenian SSR in December 1988, sending more than 100 of its specialists in the first days after the earthquake to eliminate the consequences of the tragedy¹⁶⁵⁷, as well as humanitarian aid weighing 150 tons¹⁶⁵⁸ (as of the end of 1988), which included numerous names of medicines, medical materials and equipment. Citizens and work collectives collected more than 200 million dinars for the victims¹⁶⁵⁹.

The tradition of regular meetings between Yugoslav and Soviet leaders was preserved, which, however, did not lead to a qualitative breakthrough in bilateral relations. The difference from previous years was that from now on the negotiations were conducted without mutual fear, in an atmosphere of openness and consent. At the end of 1988, in order to discuss issues of military-economic cooperation, a delegation of the USSR Ministry of Defense headed by Minister D. T. Yazov arrived in Yugoslavia¹⁶⁶⁰. During the visit, Yazov not only talked with the highest ranks of the Yugoslav People's Army Veljko Kadievic, Zarko Vujasinovic and Stane Brovet, but also visited the Aviation Technical Institute in Zarkovo and the Center for Higher Naval Schools "Marshal Tito" in Split. The strengthening of cooperation in the military sphere spoke of the gradual overcoming of the suspicions of the Yugoslav side towards the USSR, and serious progress was made as early as 1985, when Belgrade decided to purchase sixteen MiG-29 fighters for its Air Force¹⁶⁶¹ and in 1987, when it agreed to "limited maintenance of Soviet warships in one of Adriatic ports"¹⁶⁶². The Soviet Union also strongly encouraged the personnel and technical training of Yugoslav officers on the basis of Soviet military educational institutions. It can be assumed that Moscow counted on the fact that the Yugoslav military leadership could play an important role in the event of a serious aggravation of the internal political situation in the SFRY, therefore, it paid special attention to military cooperation.

In November 1989, Yugoslav Foreign Minister B. Loncar visited the Soviet Union. In Moscow, he talked with M. S. Gorbachev and E. A. Shevardnadze, mainly about the ways of renewing socialism and the problems of the socialist world. During the negotiations, the parties came to the conclusion that "Soviet-Yugoslav relations ... are not at all burdened with ideologization and any prejudices and are based on firm and realistic principles"¹⁶⁶³. The main results of the meetings were the signing of a new agreement on cultural cooperation until 1992 and the adoption of a decision to form a special group to

¹⁶⁵⁶ Југославија увозе шест милиона тона нафте из СССР-а // Политика. 3. новембар 1990. С. 5.

¹⁶⁵⁷ Југославија шаље лекове и стручњаке // Ibid. 12. децембар 1988. С. 2.

¹⁶⁵⁸ У Јерменију послато 150 хиљада тона лекова // Ibid. 12. јануар. С. 1.

¹⁶⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁶⁰ Посета совјетског министра одбране // Ibid. 16. новембар 1988. С. 2.

¹⁶⁶¹ Yugoslavia – USSR: Can Gorbachev Lure Belgrade back? EUR 87-10031L. December, 1987. P. 7. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08s01350r000300910001-4> (Accessed: 24.08.2022).

¹⁶⁶² Ibid.

¹⁶⁶³ Сарадња без идеологизације // Ibid. 1. новембар 1989. С. 2.

overcome the Soviet deficit in bilateral trade as soon as possible. Loncar expressed his impressions of the visit in the following comment given to the press: “For quite a long time I have been working in Yugoslav diplomacy, but I can say that the meetings and conversations that I had here are one of my most significant diplomatic trophies”¹⁶⁶⁴. It seems to us that these words more than eloquently characterize the state of Yugoslav-Soviet relations in the late 1980’s. It also seems no coincidence that the first European country that the new Minister of Foreign Affairs of the USSR A. A. Bessmertnykh found it necessary to visit after his appointment in December 1990 was Yugoslavia (the visit itself took place in April 1991)¹⁶⁶⁵. The reason is easily explained – the commonality of the internal processes that took place in the USSR and the SFRY, and the dramatic drop in the indicators of trade cooperation, which was one of the guarantees of the economic stability of the SFRY and was associated, among other things, with Yugoslavia’s unsuccessful attempts to integrate into the Western European space.

As for the position of the USSR regarding the events that flared up in 1991 in the SFRY, it was very clearly expressed by A. A. Bessmertnykh: “The Soviet Union stands for a united Yugoslavia as a country playing an important and active role in Europe, the Non-Aligned Movement and in international relations in general”¹⁶⁶⁶. The Soviet leadership believed that what was happening in Yugoslavia was its internal affair, which would be erroneous to internationalize¹⁶⁶⁷. It is noteworthy that during his visit to Yugoslavia, Bessmertnykh refused to meet with the leadership of the SR of Serbia and the SR of Slovenia, which S. Milosevic and M. Kuchan tried to initiate, justifying this by lack of time¹⁶⁶⁸.

In June 1991, at the invitation of the Yugoslav side, Soviet Prime Minister V. S. Pavlov arrived in Yugoslavia on a two-day visit, the purpose of which was to discuss the increasingly deepening economic problems of bilateral cooperation. The parties acknowledged that it is impossible to find an adequate solution to these problems at the moment, since “both countries are going through a period of rapid development”¹⁶⁶⁹. At the same time, the need to take new measures to overcome the difficulties that have arisen, for example, in the form of creating joint ventures, was articulated. Pavlov once again made it clear to the Yugoslav leaders that the Soviet Union was not going to interfere in the internal affairs of Yugoslavia and sees its present and future only as “united, strong and free”¹⁶⁷⁰ country. Yugoslavia’s strategy regarding the disintegration processes in the USSR was not unified: the federal center only observed the events taking place, but did not dare to give them an unambiguous assessment. Serbia, rather, looked negatively at the process of the collapse of the USSR, while Croatia and Slovenia sympathized with Gorbachev’s activities. Moreover, the nature of the disintegration

¹⁶⁶⁴ Све више отворености // Политика. 3. новембар 1989. С. 2.

¹⁶⁶⁵ Данас долази Бесмертних // Ibid. 8. април 1991. С. 1.

¹⁶⁶⁶ Свет о збивањима у Југославији // Ibid. 20. март 1991. С. 6.

¹⁶⁶⁷ See: *Guskova E. Yu.* Foreign policy of Russia during the Yugoslav crisis (1985-1995). Moscow, 2022. [in Russia]

¹⁶⁶⁸ Свет о збивањима у Југославији // Политика. 20. март 1991. С. 6.

¹⁶⁶⁹ Јачање економске сарадње две земље // Ibid. 9. јун 1991. С. 1.

¹⁶⁷⁰ Ibid.

processes in the two countries was radically different: if the Soviet leadership was ready to endow the republics with special rights and privileges, the Yugoslav one, on the contrary, fought to limit them.

Thus, relations between the USSR and the SFRY during the period under review were not characterized by static character. For reasons of economic benefit, Tito's "heirs" had to turn a blind eye to ideological differences with the USSR, many of which had already begun to lose their relevance altogether. The coming to power of M. S. Gorbachev and the beginning of "perestroika" marked the beginning of a new stage in bilateral relations, expressed primarily in the signing of the Declaration on Soviet-Yugoslav relations in 1988 and Moscow's recognition of its responsibility for the events of 1948, which was not allowed to develop by aggravated economic problems and disintegration processes within the SFRY and the USSR.

Harmonization of relations with Moscow was seen by Belgrade as a diplomatic victory, a means of increasing its own prestige in the "third world", an opportunity to focus on solving internal problems, and also as an instrument of pressure on Western countries. In turn, the leadership of the USSR had no illusions about Yugoslavia's possible abandonment of its foreign policy ambitions related to participation in the Non-Aligned Movement, or from expanding cooperation with the West, especially since the two most economically wealthy republics in this regard were so categorical that in no case would a serious Yugoslav-Soviet rapprochement be allowed to take place. Moscow also hastened to distance itself from internal Yugoslav problems, mindful of the fact that in previous years even unobtrusive Soviet proposals for their solution caused Belgrade sharp indignation and irritation.

2.2. Yugoslavia and Eastern Europe: pragmatic partnership

Relations of the SFRY with the Warsaw Pact Organization (WTO) in the 1980's in general can be called neutral, with the exception of those cases when the organization conducted military maneuvers near the Yugoslav borders and the country had to keep the YPA forces on full alert for reasons of national security. Yugoslavia sought to base its policy with regard to military-political blocs on the basis of the principle of balancing and to prevent the situation from escalating when there was no real need for it. At the same time, as decades earlier, the Yugoslav leadership, which had repeatedly received assurances from the Soviet Union of the friendliness of intentions and the absence of attack plans, still did not rule out the possibility of a direct military invasion of the USSR into the SFRY. This was due not only to fear of the might of the Soviet Union and distrust of it, but also to the problematic nature of bilateral relations with some of the members of the Warsaw Pact, for example, Bulgaria.

In December 1980, a regular meeting of the countries of the Warsaw Treaty Organization took place in Moscow, to which the SFRY reacted very painfully. According to the Yugoslav leadership,

the final joint communiqué contained, in particular, such wording that indicated that “pressure and interference from Moscow and its allies <in the affairs of its immediate members (Poland) and third countries> remain possible¹⁶⁷¹”. In this regard, the role of the YPA in the state and society was given special attention, and the cadre of officers acquired new rights and prerogatives. The size of the army by the beginning of 1981 was about 250 thousand people, of which about half were members of the Communist Party¹⁶⁷². According to an interview given by the Minister of Defense of the SFRY, General Nikola Ljubicic, on the occasion of Army Day on December 22, 1980, shortly before his illness, J. B. Tito drew the special attention of his comrades-in-arms to the fact that “the effective defense of the freedom and independence of the country cannot be guaranteed without a strong and well-organized army and the readiness of the entire population to defend it”¹⁶⁷³. Even earlier, Ljubicic requested from the central leadership 5.8% of the national income for the maintenance of the YPA in 1981, justifying this by saying that “it can be said with confidence that the world has never been so close to a new cataclysm after the Second World War as now”¹⁶⁷⁴. The idea of the need to modernize the armed forces was supported by Admiral of the Navy Branko Mamula, later the new Minister of Defense of the SFRY, at the 15th Plenum of the Central Committee of the LCY in December 1980, who stated that the YPA should be able to “effectively repel any aggression and protect the country from any surprises and potential threats in today’s tense military-political situation”¹⁶⁷⁵. The fact that the words of Mamula found support among the members of the Central Committee suggests that the Yugoslav state and party leadership at this stage seriously considered the threat of an invasion of Yugoslavia, primarily from the WTO.

In 1981, as a result of the Polish events, the fears of the Yugoslav leaders before the invasion of the Warsaw Pact increased significantly: Yugoslavia repeatedly protested against the intervention of the USSR and its satellites in the internal affairs of the Polish People’s Republic (PPR). At the end of September 1982, the Department of Internal Affairs carried out major “Shield-82” maneuvers that covered the territory of Bulgaria (the cities of Varna and Burgas), in which about 60 thousand man of arms from allied armies took part¹⁶⁷⁶. The choice of Bulgaria as a training ground for practicing joint actions caused serious concern in the SFRY. All subsequent exercises of the military-political bloc (and in particular “Druzhiba-84” and “Shield-84”), however, also contributed to the alertness of the

¹⁶⁷¹ *Antić Z.* Yugoslav reactions to the Warsaw Pact summit. RFE-RL Research. RAD Background report/297 (Yugoslavia). 12 December 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:845f1cb5-67af-4e0b-877c-56b84d4c2eee> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁷² *Stanković S.* Yugoslavia’s army: guarantor of the country’s independence. RFE-RL Research. RAD Background report/6 (Yugoslavia). 15 January 1981. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ef5fab3b-da13-40ed-bc02-c300fafa4e32> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁷³ Ibid.

¹⁶⁷⁴ *Stanković S.* Yugoslavia’s army: guarantor of the country’s independence. RFE-RL Research. RAD Background report/6 (Yugoslavia). 15 January 1981. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ef5fab3b-da13-40ed-bc02-c300fafa4e32> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁷⁵ *Komunist.* 28. novembar. 1980. S. 5.

¹⁶⁷⁶ Велики маневри у Бугарској // Политика. 6. септембар. 1982. С. 2.

SFRY, regardless of their numbers and on the territory of which countries they took place. The most complete analysis of WTO's maneuvers in his articles was given by the Yugoslav military expert and the future Serbian ambassador in Russia (2019-2021) Miroslav Lazanski¹⁶⁷⁷.

Considering the Warsaw Pact as its main potential military adversary, the Yugoslav leadership paid considerable attention to the analysis of the processes taking place within the bloc, and in the second half of the 1980's stated with satisfaction that it needs "strengthening of solidity, a common foreign policy, economic integration ..." ¹⁶⁷⁸. At the same time, a wave of attacks on the YPA began in Yugoslavia itself, especially from Slovenia and Croatia, which led to a reduction in its personnel and a significant decrease in funding, which naturally affected the country's defense capability. Under these conditions, the SFRY took advantage of the "perestroika" that began in the USSR, going for a moderate rapprochement with the Soviet Union, which, however, in no way implied integration into the structures of the WTO. Limited military cooperation with the USSR spoke of the gradual overcoming of Belgrade's prejudice towards the military-political bloc. In early 1989, Yugoslavia greeted with great enthusiasm the decision of the Soviet Union to withdraw its divisions from Eastern European countries over the next two years, as well as the announcement by Bulgaria, Hungary, the GDR and Czechoslovakia of reducing the number of their troops and military budgets.

The relations of the SFRY as an associated member with the CMEA were of a more favorable and stable nature and were based on the Agreement signed in 1964 on the participation of the SFRY in the work of the CMEA bodies. Yugoslavia was a member of 23 out of 33 working bodies of the organization, had its own permanent representative (from June 1982 to 1990 this post was held by Mito Pejovski¹⁶⁷⁹, from 1990 to 1991 – Branimir Pajkovic) and by the mid-1980's signed a total of 130 multilateral treaties out of 550 existing at that time¹⁶⁸⁰, mainly in the field of mechanical engineering, energy, woodworking, chemical, metallurgical, oil and gas, nuclear and agricultural industries¹⁶⁸¹. No less active was the participation of Yugoslavia in multilateral scientific and technical cooperation: as of 1985, several hundred Yugoslav scientific organizations cooperated with the CMEA countries in 600 research areas within the framework of 60 special agreements¹⁶⁸². The 32nd meeting of the Committee for Scientific and Technical Cooperation of the CMEA in June 1985 was held in Belgrade, where the delegation of the committee was personally received by M. Planinc, who emphasized the great importance for her country of participation in the scientific projects of the organization¹⁶⁸³.

¹⁶⁷⁷ For example, *Lazanski M.* Kako doći do Bosfora // *Danas*. 28. februar 1984. S. 1.

¹⁶⁷⁸ Заоштравање монолитности // *Политика*. 22. јун 1985. С. 1.

¹⁶⁷⁹ *Directory of Yugoslav officials / Directorate of Intelligence. A Reference Aid.* Washington, DC, 1985. P. 135.

¹⁶⁸⁰ Пораст робне размене // *Политика*. 17. септембар 1984. С. 2.

¹⁶⁸¹ См.: *Saradnja SFRJ-SEV. Principi, aktuelna pitanja, perspektive. Materijali jugoslovenskog naučnostručnog skupa povodom 20 godina saradnje SFRJ-SEV, gl. i odg. ur. Prvulović L.* Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1987.

¹⁶⁸² Добри резултати сарадње Југославије и СЕВ-а // *Политика*. 18. јун 1985. С. 2.

¹⁶⁸³ *Ibid.*

In fact, the CMEA, primarily represented by the USSR and other Eastern European countries, was Yugoslavia's main trade and economic partner¹⁶⁸⁴, although Yugoslav economists drew attention to the negative trends in the development of the organization in the 1980's and understood that attempts to create an integrated socialist market were futile. However, in the conditions of non-competitiveness and disinterest of the Western consumer in Yugoslav products, the Yugoslav leadership saw an increase in the pace of trade with the CMEA as one of the ways to slow down and reduce the scale of the internal economic crisis. Forecasts of multilateral and bilateral trade and economic relations with the CMEA countries until 1990, compiled in Yugoslavia in the early and mid-1980's, were very optimistic. According to them, the USSR should "continue to be Yugoslavia's most important partner"¹⁶⁸⁵ not only within the Council, but also among all other foreign states. It was also expected to intensify trade cooperation with such members of the organization as Bulgaria, Hungary, East Germany, Poland, Romania and Czechoslovakia. In practice, starting from 1986, the total volume of trade exchange between the SFRY and the CMEA began to decline steadily, which was caused both by the economic crisis in the countries of the "Eastern bloc" and by the internal problems of Yugoslavia¹⁶⁸⁶.

Yugoslav economists noted that one of the most positive features of trade with the Eastern European members of the CMEA was their central planning, since it gave Yugoslavia "more elements of confidence than when the question arose of planning trade exchanges with countries with the so-called market economy"¹⁶⁸⁷. On the other hand, the structure and volume of trade of these countries were directly dependent on the domestic and foreign political situation, which did not give Yugoslavia the opportunity to fully rely on its Eastern European economic partners. Trade with them was characterized by the high role of the raw materials and agricultural sectors. So, in the mid-1980's raw materials accounted for about 52% of Yugoslavia's total imports to the CMEA countries and about 74% of the CMEA countries' imports to Yugoslavia. The second place in the Yugoslav exports to the designated countries was occupied by consumer goods (about 35%), the third – industrial equipment (about 13%)¹⁶⁸⁸. In terms of imports, industrial equipment was in the second place (about 16%), and consumer goods were in the third place (about 10%)¹⁶⁸⁹. The task of the Yugoslav leadership in subsequent years was to maintain such a favorable trade structure for it in conditions when the CMEA countries tried to limit the import of raw materials and increase the supply of finished products to

¹⁶⁸⁴ See for more details: *Chernyshev V. V.* Foreign economic relations of the SFRY at the present stage. Moscow, 1980. [In Russian]

¹⁶⁸⁵ Jugoslavija i SEV Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa, gl. i odg. ur. *Adamović L. S.* Beograd, 1985. S. 46.

¹⁶⁸⁶ See: *Životić A.* Politics ahead of the economy. Yugoslavia – Associate Member of Comecon (1964-1991) // Report within the framework of the round table "Economic cooperation of the CMEA countries: motives, resources and challenges of the Cold War. NRU HSE St. Petersburg, January 16, 2020. [in Russian]

¹⁶⁸⁷ Jugoslavija i SEV... S. 44.

¹⁶⁸⁸ Ibid. S. 46.

¹⁶⁸⁹ Ibid.

Yugoslavia. At the same time, the strengthening of economic relations between the Eastern European countries and the developed capitalist states in the 1980's gave Yugoslav producers the problem of increased competition in the CMEA market.

As for the bilateral relations of the SFRY with specific Eastern European members of the Warsaw Pact and the CMEA, here much depended on the fact whether the country had common borders, territorial, historical or political disputes. Thus, the relation between the SFRY and *Bulgaria* were the most problematic and ambiguous, but they began to experience positive impulses after the death of J. B. Tito. However, the fact of the gradual improvement of relations did not mean the final resolution of the contradictions, the main of which was the non-recognition by Bulgaria of the existence of the Macedonian nation and language; claims to the territory of Yugoslav Macedonia, as well as the situation of almost 200,000 Macedonian national minority in Bulgaria. The Yugoslav leadership believed that the leaders of the People's Republic of Bulgaria (PRB) hatched plans to implement the "Great Bulgaria" project and in a number of cases justified the threat of invasion from the Warsaw Pact precisely by the possible and probable pressure of Bulgaria on the USSR, as well as the principle of solidarity of the countries of the organization, a large part of which in this conflict would take the side of their immediate ally – Sofia.

In November 1980, at the invitation of his Bulgarian colleague Petr Mladenov, Bulgaria was visited by the Minister of Foreign Affairs of the SFRY J. Vrhovec¹⁶⁹⁰, and in December 1980, a return visit to Yugoslavia was made by a member of the Politburo of the Central Committee of the Bulgarian Communist Party (BCP) Alexander Lilov¹⁶⁹¹, which marked a new, more conciliatory stage in the development of bilateral contacts. Based on the results of the negotiations, the parties stated that "open issues in bilateral relations should not be an obstacle to the development of cooperation"¹⁶⁹², and also recognized the need to expand contacts between the LCY and the BCP, parliaments, governments and administrative units, expressing readiness to act in this direction. For both Yugoslavia and Bulgaria, the possibility of improving relations in the context of the aggravation of the world political situation seemed attractive.

Assurances by Belgrade and Sofia to the public of their readiness to develop bilateral contacts in a number of areas did not remove from the agenda the main issue – the status of the Macedonian nation and the Macedonian language – the solution of which practically did not advance due to the unwillingness of the countries to compromise. In 1983, in Yugoslavia, authored by the Macedonian historians Pero Korbar and Orde Ivanovsky, the book "Historical Truth" was published in five languages at once (including Russian), in which the views of the so-called "progressive Bulgarian

¹⁶⁹⁰ Врховец у Софији // Политика. 18. новембар 1980. С. 1.

¹⁶⁹¹ Moore P. Bulgarian Politburo member Aleksandur Lilov in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/300 (Bulgaria). 15 December 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:99c2ee0b-1868-4a23-8796-0ee097eabc4c> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁹² Живков задржао Врховца на ручку // Политика. 21. новембар 1980. С. 1.

public” to the Macedonian question from 1896 to 1956 were represented. “Progressive public” were those representatives of the Bulgarian elite who advocated the independence of the Macedonian nation. The existence of other points of view was declared by the authors to be the result of the “falsification” of Bulgarian scientists and politicians. In the same year, the Bulgarians, who refused to recognize the existence of the Macedonian language, sabotaged the International Conference on Compiling a Slavic Linguistic Atlas, which was held in Moscow¹⁶⁹³, which caused a caustic wave of criticism in the Yugoslav press. In the publications of that time, Bulgaria was accused of trying to “wash her hands in the Adriatic Sea, feet in the Black Sea, and head in the Aegean”¹⁶⁹⁴, and the Bulgarian people are almost in slavish obedience: “Bulgarians are now quietly waiting for the Japanese, Lilliputians, Eskimos or anyone else who will come and ask them to become their servants in exchange for the only payment: Macedonia”¹⁶⁹⁵. Needless to say, the use of such militant rhetoric on both sides did not contribute to the resolution of the bilateral conflict.

In July 1984, mainly for the purpose of a constructive discussion of the “Macedonian” problem, M. Planinc arrived in Sofia¹⁶⁹⁶, however, negotiations on this issue ended without any results, which did not prevent come to common denominators for a number of other questions, for example, trade.

In November 1985, a return visit to Yugoslavia of the Bulgarian delegation headed by the chairman of the Ministerial Council Grisha Filipov took place, during which the distinguished guests held conversations with M. Planinc, R. Vlajkovic, V. Zarkovic and the leadership of the SR BiH¹⁶⁹⁷. The central place in the negotiations this time was occupied by the question of the future of the Balkans as a nuclear-free zone of the world and mutually beneficial cooperation, regarding which the parties took a solidarity position. Ensuring security in the Balkans was of mutual interest and became the unifying component that allowed Yugoslavia and Bulgaria, despite a number of contradictions, to successfully cooperate in the all-Balkan process.

In subsequent meetings between Yugoslav and Bulgarian officials, emphasis was placed on the need to build good-neighborly relations despite objective differences and the “legacy of the past”¹⁶⁹⁸. The parties positively assessed the Soviet-American talks, the disarmament process, the peace initiatives of the Non-Aligned Movement and expressed concern about the situation in the developing countries.

However, regular and thorough criticism of Bulgaria did not disappear from the pages of

¹⁶⁹³ *Stanković S.* The Yugoslavs criticize Greece and Bulgaria over Macedonia. RFE-RL* Research. RAD Background report/177 (Yugoslavia). 16 August 1983. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:52240251-d990-485a-b23f-472525727251> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁹⁴ *Stojkovski G.* Bugari nisu makedonci // *Oko*, 9. jun. 1983. S. 4.

¹⁶⁹⁵ *Ibid.*

¹⁶⁹⁶ *Stanković S.* Planinc to visit Sofia: new look at old Yugoslav-Bulgarian quarrell. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (East). 16 July 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:719490d3-3694-415c-b394-078c6a09a680> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁶⁹⁷ Размотрено укупно стање односа // *Политика*. 14. новембар 1985. С. 2.

¹⁶⁹⁸ Сарадња и уз разлике // *Ibid.* 17. новембар 1987. С. 2.

Yugoslav periodicals, which could not but overshadow relations between the two Balkan countries. It should also be noted that the political contradictions between the SFRY and the PRB left their mark on the nature and scope of economic cooperation: among all the CMEA countries, the SFRY had the weakest economic contacts with Bulgaria, despite the fact that in comparison with previous decades in the 1980's they showed significant growth. The annual trade turnover between the countries was only about \$400 million¹⁶⁹⁹. At the same time, the number of Bulgarian tourists in Yugoslavia and Yugoslav students in Bulgaria was consistently decreasing, for which the Yugoslav side blamed Sofia, who, in their opinion, “campaigns against holidays on the Adriatic coast and oppressed Yugoslav, and especially Macedonian, students”¹⁷⁰⁰. Belgrade was also dissatisfied with the fact that in Bulgaria Yugoslav students were forced to study the history of the CPSU and the BCP. Sofia also used special television relay stations for propaganda purposes, the signal of which was distributed to the Yugoslav territories, thanks to which the Yugoslavs gained access to Bulgarian TV¹⁷⁰¹.

It is quite natural that the SFRY, on the whole, positively met the news of the removal in November 1989 of Todor Zhivkov and welcomed further democratic changes in the country. Paradoxically, these changes did not lead to significant progress in bilateral relations, which in the late 1980's - early 1990's entered a period of stagnation. Moreover, the new president of Bulgaria, Zhelyu Zhelev, in the spring of 1991 allowed himself a careless statement about the “probable collapse of Yugoslavia”, which he later had to explain by “an erroneous interpretation of the Bulgarian position on Yugoslavia”¹⁷⁰². The official position of Sofia was to support the integrity and unity of the SFRY and the absence of territorial claims against it¹⁷⁰³.

Thus, the conclusion made in the dissertation research of Strahil S. Todorov that in the 1980's - early 1990's Yugoslav-Bulgarian relations were characterized by two opposite tendencies – “trends aimed at developing and deepening mutually beneficial cooperation, on the one hand, and tendencies of periodic delays and limitations of this cooperation, on the other”¹⁷⁰⁴.

Relations between Yugoslavia and *Hungary*, as between states with a common border, were characterized by great loyalty and intensity, which was confirmed in practice by a series of regular summit meetings. Of fundamental importance for the latter was the question of the position of the Hungarian national minority in Vojvodina and Slovenia. On the whole, Budapest admitted that “Hungarians living in Yugoslavia live much better than Hungarians living in some other communist

¹⁶⁹⁹ Jugoslavija i SEV... S. 44.

¹⁷⁰⁰ Stanković S. Planinc to visit Sofia... P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:719490d3-3694-415c-b394-078c6a09a680> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁰¹ Ibid.

¹⁷⁰² Софији не одговара распад Југославије // Политика. 21. априла 1991. С. 2.

¹⁷⁰³ See: Манчев К. Кървавият край на Югославия. София, 2009.

¹⁷⁰⁴ Todorov S. S. Relations between Bulgaria and Yugoslavia in the 80's and the beginning of the 90's: author's abstract ... cand. hist. sciences. Moscow, 1992. P. 11. [in Russian]

countries”¹⁷⁰⁵. In Hungary, there were also Serbian, Croatian and Slovenian national minorities, whose great contribution to the development of the country was repeatedly noted by the leadership of the republic.

There were also disagreements between the countries, connected both with differences in socio-political systems and in the assessment of the international situation. It must be said that the events in Kosovo in 1981 were very disapprovingly assessed in Hungary. Thus, the Yugoslav mass media sharply criticized the report in the main party newspaper of the Hungarian People’s Republic (HPR) “Népszabadság” (*English*: “People’s Freedom”)¹⁷⁰⁶, in which, according to the Yugoslavs, “a lie was voiced about the unrest in Kosovo”¹⁷⁰⁷.

The controversy between the Hungarian and Yugoslav press preceded the visit of the Yugoslav party delegation headed by L. Mojsov to Budapest on June 3-5, 1981, but did not have a significant impact on the course of bilateral negotiations. Moreover, as a result, the parties came to a joint conclusion that “all communist and workers’ parties, other progressive movements should independently and sovereignly determine their policies, ways and methods for achieving their historical goals, based on socio-economic and political conditions and national characteristics of their countries...”¹⁷⁰⁸. Obviously, this statement directly related to the Polish events and was a rebuke to Moscow.

The official visit of the General Secretary of the Hungarian Socialist Workers’ Party (HSWP) Janos Kadar to the SFRY and his meetings with the chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY D. Markovic and the chairman of the Presidium of the SFRY M. Spiljak in March 1984 revealed “a high level of mutual agreement in the assessments of the most important international events”¹⁷⁰⁹. As a result of the meeting, a joint Yugoslav-Hungarian report was published, which stated that “the two countries positively assess the Yugoslav-Hungarian cooperation in the field of science, technology and culture and consider it possible to further deepen it”¹⁷¹⁰ and “assess economic cooperation as successfully developing”¹⁷¹¹. In 1987, Budapest and founded by the Serbs in the 17th century the city of Szentendre was visited by a delegation of the LCY¹⁷¹². The meeting of M. Renovica, chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY, with J. Kadar, consolidated the results of agreements of 1984. Assessing the international situation, the leaders of the

¹⁷⁰⁵ *Stanković S.* Lazar Mojsov’s visit to Hungary. RFE-RL* Research. RAD Background report/169 (Yugoslavia). 12 June 1981. P. 3. // OSA Archive. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c92f4cfe-bb8f-4a31-8dfa-880356b92390> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁰⁶ Népszabadság. 9 április 1981.

¹⁷⁰⁷ *Stanković S.* Lazar Mojsov’s visit to Hungary... P. 2. // OSA Archive. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c92f4cfe-bb8f-4a31-8dfa-880356b92390> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁰⁸ Кадар: И у будуће ћемо развијати пут пријатељства и тежити још јачој сарадњи // Политика. 3. јун 1981. С. 2.

¹⁷⁰⁹ Завршни југословенски-мађарски разговори. Висок степен узајамне сагласности // Ibid. 9. март 1984. С. 1-2.

¹⁷¹⁰ Ibid.

¹⁷¹¹ Ibid.

¹⁷¹² Задовољство стабилношћу односа // Ibid. 27. фебруар 1987. С. 2.

two parties “came out for the reduction of nuclear and conventional weapons, the strengthening of international security for all and peaceful coexistence, for the free and independent development of any people and the building of democratic relations between countries”¹⁷¹³. In many ways, such a benevolent nature of contacts between countries was based on the Tito heritage and Kadar’s personal attitude towards Tito, whom he highly valued and deeply respected. The next negotiations between the Yugoslav and Hungarian officials, stating that there were no “open problems” between the SFRY and the Hungarian Republic, took place in April 1988 during the visit to Budapest of B. Mikulic¹⁷¹⁴, who in the past was considered one of the main associates of Marshal Tito.

Bilateral economic relations were supervised by a special mixed Commission for economic cooperation between Yugoslavia and Hungary. As of 1983, the amount of Yugoslav exports to Hungary was about \$340 million, and imports were about the same, which together gave about \$700 million¹⁷¹⁵. In subsequent years, these figures remained virtually unchanged. Thus, Hungary ranked fourth in the list of Yugoslavia’s trading partners among all the CMEA countries. Between two states at the end of the 1980’s about 50 industrial cooperation agreements were signed¹⁷¹⁶. Active contacts between the “Rabe” and “Zastava” plants can be cited as an example of close cooperation in the field of mechanical engineering. Hungary actively used transit services through the territory of Yugoslavia, in particular, maritime transport.

As for tourism, since 1978 there has been a tendency to stagnate in the development of this area of cooperation, which “was caused by various kinds of restrictions on both sides”¹⁷¹⁷ (for example, cash deposits for Yugoslav citizens traveling abroad). In order to roughly estimate the tourist flow in both directions, let’s look at the statistics for 1987: then 500 thousand Hungarian tourists visited Yugoslavia, and 2.3 million Yugoslav tourists visited Hungary¹⁷¹⁸.

Among other things, Yugoslavia also developed ties with the Hungarian People’s Republic within the framework of multilateral regional cooperation of the four neighboring countries – Austria, Italy, Hungary and Yugoslavia proper. In November 1989, a meeting of the Deputy Prime Ministers of these states was held in Budapest, at which topics of comprehensive expansion of cooperation (starting with industry and ending with the environment) were discussed, an appropriate agreement was concluded, decisions were made on the formation of joint funds and on the construction of the Vienna – Budapest – Belgrade highway, as well as announced plans for the construction of the Budapest – Balaton – Zagreb highway¹⁷¹⁹. In fact, the decisions made at this meeting became the first concrete joint action of

¹⁷¹³ На познатим принципима. Из заједничког мађарско-југословенског саопштења // Политика. 28. фебруар 1987. С. 2.

¹⁷¹⁴ Микулић данас у Будимпешти // Ibid. 10. април 1988. С. 1.

¹⁷¹⁵ Jugoslavija i SEV... S. 44.

¹⁷¹⁶ Ibid.

¹⁷¹⁷ Ibid. S. 52.

¹⁷¹⁸ Микулић данас у Будимпешти // Ibid. 10. април 1988. С. 1.

¹⁷¹⁹ Чвршћа сарадња четири суседа // Ibid. 13. новембар 1989. С. 1.

the four countries. Similar events were held at the level of foreign ministers.

The position of post-communist Hungary regarding the disintegration processes in the SFRY was to formally support the territorial integrity and unity of the country, which did not prevent it from participating in the illegal supply of weapons to Croatia through the Gorican – Letenje border crossing in 1990. The disclosure of this fact turned into a scandal, not which, however, led to serious consequences for Yugoslav-Hungarian relations. The next precedent, which caused acute discontent in Yugoslavia, was the creation in May 1991 in Hungary on the basis of the armed forces of a special headquarters to monitor the situation in Yugoslavia and intensive consultations with the military structures of Austria and Italy¹⁷²⁰.

Contacts of the SFRY with the *German Democratic Republic (GDR)* in the 1980's can be described as favorable and stable, despite the fact that Belgrade experienced certain political prejudices towards East Germany as the closest ally of the USSR. It is noteworthy that on the pages of the Yugoslav press in the 1980's of all the member states of the Warsaw Pact, the GDR was mentioned the least. One can also say that the prioritization of close ties with the FRG by the SFRY prevented the multilateral intensification of relations with the GDR, the main content of which was the economic component.

In January 1981, the Federal Secretary for Foreign Affairs of the SFRY J. Vrhovec paid an official visit to the GDR¹⁷²¹. As a result of his meetings with the First Secretary of the Central Committee of the Socialist Unity Party of Germany (SED) and the Chairman of the State Council of the GDR, Erich Honecker, and the Minister of Foreign Affairs of the GDR, Oskar Fischer, it was announced that cooperation in the fields of trade, science and technology, culture and education, as well as “jointly promoting the development of socialism, strengthening stability and security in the world”¹⁷²². All subsequent meetings at the highest level ended with similar formal and vague formulations, the most significant of which, in our opinion, was the meeting of the Chairman of the Presidium of the SFRY R. Dizdarevic with E. Honecker in December 1988¹⁷²³. Despite the fact that the meeting took place in a rapidly changing international situation, in an atmosphere of uncertainty about the future of both the GDR and the SFRY, it was not noted for innovative statements and proposals. The countries signed an Agreement on economic, scientific and technical cooperation for a period up to 2000, which assumed an increase in trade volumes, increased cooperation and specialization in the production of equipment for mines, rail transport, ships, ship equipment, industrial machines, etc., as well as a Cooperation Agreement in the field of information¹⁷²⁴. “I can state with pleasure that our positions and points of view – both on bilateral and broader cooperation – are close or

¹⁷²⁰ Специјални штаб за Југославију // Политика. 24. мај 1991. С. 2.

¹⁷²¹ Заједничко саопштење о посети Врховца НДР. Велике опасности за мир // Ibid. 16. јануар. 1981. С. 4.

¹⁷²² Ibid.

¹⁷²³ Диздаревић у Берлину // Ibid. 8. децембар 1988. С. 2.

¹⁷²⁴ Диздаревић и Хонекер потписали споразум о сарадњи до две хиљаде // Ibid. 10. децембар 1988. С. 3.

identical”¹⁷²⁵, – Dizdarevic said after the negotiations.

Economic contacts between the SFRY and the GDR were not entirely equal: in exchange for engineering products, Yugoslavia supplied East Germany with natural resources (aluminum, zinc, copper, cellulose, etc.), agricultural products and consumer goods (mainly textiles and footwear). Moreover, trade with the SFRY accounted for only 2% of the total volume of foreign trade of the GDR¹⁷²⁶, while for Yugoslavia the GDR was the third most important (after the USSR and Czechoslovakia) trading partner among all the CMEA members. In the 1980’s the SFRY repeatedly pressured East Germany to revise trade agreements and the structure of bilateral trade, which, in the opinion of Belgrade, did not take into account its long-term interests. On the other hand, Yugoslavia could not demand much from the GDR, because Berlin provided loans for the development and stimulation of local industrial enterprises. In addition, annually about two thousand Yugoslav workers were involved in construction and installation work on the territory of the republic¹⁷²⁷, which to some extent reduced the burden on the local labor market of the SFRY. By the end of the 1980’s in bilateral economic relations, two problems arose: the Yugoslav surplus of \$39 million¹⁷²⁸, which blocked the possibility of increasing Yugoslav exports, and Yugoslavia’s delays in payments on long-term loan agreements.

The resignation of E. Honecker in October 1989 was perceived in the SFRY as a “forced” measure, due to “the growing discontent of the people and within the party structure due to the idealization of East German socialism and the lack of will to change”, his “personal unpreparedness for political reforms”¹⁷²⁹, and as a result of M. S. Gorbachev’s visit to the GDR. At the same time, Belgrade saw one of the core problems of East Germany in the mass emigration of the population, which seemed to it “the main wound of the nation”¹⁷³⁰. The new head of the party and state, Egon Krenz, was seen here as a “transitional compromise figure – a kind of East German Chernenko”¹⁷³¹. Belgrade reacted positively to the fall of the Berlin Wall and the subsequent unification of Germany, since these events were in line with the concept of a “common European home” supported by Yugoslav diplomacy and the spirit of reducing international tension. The official communication of the Federal Secretariat for Foreign Affairs of November 10, 1989, in particular, read: “Yugoslavia has always stood for the free circulation of people and ideas in Europe and the world, and therefore we assess the decision of the government in Berlin as a step forward in overcoming the restrictions and

¹⁷²⁵ Подударност интереса // Политика. 9. децембар 1988. С. 4.

¹⁷²⁶ Трговина релативно успешна, економска позиција слаби // Ibid. 12. марта 1989. С. 2.

¹⁷²⁷ Диздаревић у Берлину // Ibid. 8. децембар 1988. С. 2.

¹⁷²⁸ Ibid.

¹⁷²⁹ После посете Горбачова и под притиском јавног мњења у НДР Ерих Хонекер поднео оставку // Ibid. 19. октобар 1989. С. 1.

¹⁷³⁰ Ранчић Д. После смене власти у НДР // Ibid. С. 3.

¹⁷³¹ Ibid.

legacy of the cold war”¹⁷³².

The final event in the history of Yugoslav-East German relations proper can be considered the official visit of B. Loncar to Berlin in January 1990, where he met not only with the head of the government of the GDR Hans Modrov, Foreign Minister O. Fischer and other officials of the still existing country, but also by representatives of the opposition movement “New Forum” and the Social Democratic Party in the GDR (SDP in the GDR)¹⁷³³. The talks were mainly devoted to the democratization of East Germany and the process of unification with the FRG.

Yugoslav-Polish relations in the 1980’s were distinguished by a low level of development, the reason for which was first the events of 1981-1983, then the “perestroika” in the Polish People’s Republic (PPR) and, finally, the coming to power of the “Solidarity” movement, for which building ties with the SFRY was not among the priority directions of foreign policy activity. It is important that in the conditions of the violent suppression of the opposition in Poland, Yugoslavia spoke out against interference in the internal affairs of Warsaw and strongly condemned the actions initiated by the USSR aimed at preserving the communist regime in the country through extraordinary measures.

Continuing the theme of the “Polish events” of the early 1980’s, it must be said that in the first weeks of the strikes, Yugoslavia abandoned any criticism of the leadership of the PPR, taking the position of “strict but benevolent neutrality towards him”¹⁷³⁴, which corresponded to the general line of the Yugoslav foreign policy, an important component of which was the principle of non-intervention in the internal affairs of sovereign states. At the end of July 1980, the Minister of Foreign Affairs of the SFRY J. Vrhovec visited Warsaw and Gdansk for the purpose of personal acquaintance with the situation, where he met with his Polish counterpart Emil Wojtaszek¹⁷³⁵. The meeting did not reveal any contradictions in bilateral relations.

However, as the crisis in the country grew, the Yugoslav official periodicals began to moderately criticize the Polish government and the socio-political system that had developed in Poland in general¹⁷³⁶. According to a number of Yugoslav experts, the cause of the crisis in Poland was the “incompetent economic” and “inadequate information” policy of the Polish leadership: “the outdated system of central planning and direct management of the economy is not consistent with the advanced public consciousness of the Polish working class”¹⁷³⁷. Moreover, criticism of the Polish socio-political system began to quickly develop into criticism of the regimes that prevail in the countries of “real

¹⁷³² Београд: Отварање немачке границе – позитиван корак // Политика. 11. новембар 1989. С. 3.

¹⁷³³ Лончар код Модрова // Ibid. 16. јануар 1990. С. 2.

¹⁷³⁴ *Antić Z.* Yugoslav reaction to Polish events. RFE-RL* Research. RAD Background report/265 (Yugoslavia). 5 November 1980. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷³⁵ Јаћење међусобне сарадње // Политика. 31. јул 1980. С. 2.

¹⁷³⁶ For example, Комунист. 29. август 1980; Delo. 30. avgusta 1980, 6. septembra 1980; НИН (Недељне информативне новине), 12. октобар 1980.

¹⁷³⁷ *Antić Z.* Yugoslav reaction to Polish events... P. 6. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4> (Accessed: 21.08.2022).

socialism” in principle. Of course, in contrast to the “bureaucratic” regimes of Eastern European countries, the system of Yugoslav self-government was opposed by local media and politicians as a fair alternative. Yugoslav commentators erroneously attributed to the opposition movement and the Catholic Church in the events taking place in Poland a mediating and peripheral role¹⁷³⁸, believing that their main consequence will be the subsequent “strengthening of socialist democracy”¹⁷³⁹.

The most serious condemnation and caustic comments in Yugoslavia were caused by attempts of external interference in internal Polish affairs and the possibility of military intervention in the country by the USSR, the GDR and the Czechoslovak Socialist Republic (Czechoslovakia). Yugoslav officials opposed any such acts¹⁷⁴⁰, fearing mainly that “Yugoslavia could also become a victim of military intervention carried out under the pretext that “socialism is in danger”¹⁷⁴¹. “Only the Poles, the Polish working class and the PUWP [Polish United Workers' Party – *Author's note*] are called upon to find a solution to the difficulties that the country is experiencing and the path to further socialist development in Poland without any interference”¹⁷⁴², – said the member of the Presidium of the Central Committee of the LCY and the former Minister of Foreign Affairs of Yugoslavia Milos Minic in June 1981, thus expressing the official point of view of the Yugoslav leadership regarding the policy of pressure of the Warsaw Pact on the Polish authorities.

In July 1985, Wojciech Jaruzelski, First Secretary of the PUWP and Chairman of the Council of Ministers of the PPR, Wojciech Jaruzelski, visited Yugoslavia on an official visit, which resulted in the signing of the Agreement on Economic Cooperation until 1990¹⁷⁴³. In accordance with the agreement, within five years it was planned to increase the trade turnover between the countries by an ambitious 60% compared with the period 1981-1985 (up to \$5 billion in monetary terms)¹⁷⁴⁴, which subsequently, despite a number of objective difficulties, was almost implemented. The central events of bilateral relations in 1986 were the visit at the end of March of the Chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY V. Zarkovic to Poland and the conclusion of a three-year agreement on cooperation in the field of culture¹⁷⁴⁵. In 1987, a meeting took place between R. Dizdarevic and the Minister of Foreign Affairs of Poland, Marian Ozhechovsky, at which the special importance of

¹⁷³⁸ For example, *Vjesnik*, 12. novembar 1989; *Borba*, 14. novembar 1980.

¹⁷³⁹ *Antić Z.* Yugoslav reaction to Polish events... P. 4. // OSA Archivum. URL:

<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁴⁰ *Antić Z.* Yugoslavia worried over Moscow's behavior to Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/298 (Yugoslavia). 12 December 1980. P. 1-2. // Ibid. URL:

<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:d5b98e4a-acf6-426a-a07a-47795c97ed31> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁴¹ *Stanković S.* Yugoslav theorists on armed conflicts between communist countries. RFE-RL* Research. RAD Background report/104 (Yugoslavia). 13 April 1981. P. 1. // Ibid. URL:

<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:79183945-20ca-46b2-bd05-8974a1015233> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁴² Cit. on: *Stanković S.* Yugoslav leader against any interference in Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/190 (Yugoslavia). 6 July 1981. P. 1. // Ibid. URL:

<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:eae76896-7147-4e11-b95c-f9c33dc4cb31> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁴³ Данас стиже Јарузелски // Политика. 8. јул 1985. С. 2.

¹⁷⁴⁴ Трговина већа од планиране // Ibid. 8. јул 1985. С. 2.

¹⁷⁴⁵ See: *Stambolija N.* Jugoslovensko-poljski odnosi u 1986 // Jugoslovensko-poljski odnosi u XX veku. Program rada i saopštenja učesnika. Beograd, 27-28. septembar 2018. S. 57.

contacts between the LCY and the PUWP, their “mutual information” and “exchange of experience in building socialism”¹⁷⁴⁶. The parties expressed concern about the decrease in tourist flows and a desire to intensify the work of the joint commission on tourism cooperation, which last met in 1981. R. Dizdarevic expressed full support for the plan for the gradual reduction of armaments in Central Europe by V. Jaruzelsky.

Once again, R. Dizdarevic visited Warsaw in April 1989¹⁷⁴⁷. Following the talks concerning mainly systemic changes in Poland, the head of Yugoslav diplomacy assured Jaruzelski of his benevolent attitude towards them and demonstrated Yugoslavia’s readiness to strengthen relations with Warsaw, regardless of further developments. Yugoslavia reacted approvingly to the practice of organizing “round tables” to “reformat” the Polish political system and reacted positively to the holding of the first multi-party elections in the country in 1990. In turn, Poland spoke out in support of the territorial integrity and unity of the SFRY.

The economic cooperation between the SFRY and Poland was characterized by a medium degree of intensity. In the list of trade partners of Yugoslavia, Poland ranked 4th among the CMEA countries. In 1988, the trade exchange between the countries amounted to about \$1.1 billion¹⁷⁴⁸ and became a record in the history of bilateral trade. The most important Yugoslav imports were coal, sulfur and copper, exports – aluminum, refractory materials and agricultural products. The main areas of industrial cooperation were the production of buses, electronic devices and agricultural equipment¹⁷⁴⁹. Cooperation in the field of energy, automation, computer science, telecommunications, and measuring instruments was successfully developed.

Yugoslav-Romanian relations in the 1980’s characterized by a high intensity of contacts, the frequency of bilateral meetings and consultations at all party and state levels. The first visit after the funeral of J. B. Tito, which became the twelfth in a row over the previous fifteen years, the President of Romania, Secretary General of the Romanian Communist Party (RCP) Nicolae Ceausescu paid to Belgrade in October 1980¹⁷⁵⁰. Subsequently, he visited Yugoslavia also in April 1984 and November 1987. Speaking of other important events in the bilateral relations between the SFRY and the Ceausescu regime, it is worth mentioning the visit of D. Dragosavac, Chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY, to Timisoara in 1982¹⁷⁵¹ and the visit of the chairman of the Presidium of the SFRY R. Dizdarevic to Bucharest in 1988, as a result of which for the first time a joint Yugoslav-Romanian statement was not published¹⁷⁵².

The predominant agreement between the two countries was explained by their independent

¹⁷⁴⁶ Добри односи уз разлике // Политика. 21. јуна 1987. С. 1.

¹⁷⁴⁷ Пољска и Југославија се прилагођавају новим условима // Ibid. 14. април 1986. С. 2.

¹⁷⁴⁸ Све ближи милијарди долара // Ibid. 31. октобар 1988. С. 4.

¹⁷⁴⁹ Југославија и SEV... С. 52.

¹⁷⁵⁰ Николае Чаушеску данас у Београду // Политика. 22. октобар 1980. С. 1.

¹⁷⁵¹ Заједничка жеља за проширењем сарадње // Ibid. 20. март 1982. С. 1.

¹⁷⁵² Са Румунијом није било споразума о враћању избеглица // Ibid. 8. фебруар 1990. С. 5.

approach to assessing foreign policy events and their independent domestic policy. Different national models of socialism and some ideological differences did not interfere with the development of good neighborly relations either under Tito or under his heirs. From the point of view of the Yugoslav leadership, Romania was not only a very convenient, but also a useful neighbor, especially in the conditions of instability that characterized its relations with Bulgaria. One can say that within the Warsaw Pact and the CMEA, represented by Romania, Yugoslavia had a very reliable friend and partner, who was always ready to express political support to her. The unifying motive was the similar foreign policy approaches of the LCY and the RCP, which consisted in the desire to “strengthen and consistently respect the principles of independence, equality and non-interference in relations between communist parties and between all other progressive and democratic parties and movements in the world., respect for differences in points of view , the right of any party to independently build its domestic and foreign policy and choose the path of revolutionary transformation of society in accordance with the characteristics of its country”¹⁷⁵³.

Yugoslavia worked closely with Romania in the framework of the all-Balkan process. In the discussions of the highest government officials of the two countries, the topic of cooperation in the Balkans ran like a red thread, because it was Romania that was one of the first to propose the idea of organizing a conference of the Balkan countries, and also put forward a proposal to create a nuclear-free zone on the territory of the peninsula.

As for the permanent Romanian-Hungarian conflict over the status and rights of the Hungarian national minority in Romania, the SFRY chose to take a neutral and impartial position in it, however, on the pages of official social and political publications, it was Ceausescu’s point of view about “the absence of a national question in Romania”¹⁷⁵⁴ that was often broadcast and the intervention of Hungary in its internal affairs. The reason for such a cautious approach of Yugoslavia to this situation lay not so much in friendly relations with Romania, but in the existence of a similar problem associated with the Albanian national minority and accusations of Tirana of its oppression¹⁷⁵⁵. The topic of Serbian and Croatian national minorities in Romania has not been raised since 1956 after Tito’s visit to this country and the incident in Timisoara, when he, in a conversation with local Serbs, demanded that they be “loyal citizens of Romania”¹⁷⁵⁶. Its energetic discussion was provoked by internal political destabilization and revolutionary events in Romania in 1989.

In general, by the end of the 1980’s more and more often on the pages of Yugoslav publications began to sound criticism of the “orthodox” Romanian state system, the RCP and N. Ceausescu

¹⁷⁵³ Заједничко саопштење о разговору СКЈ и РКП. Потврда проверених принципа // Политика. 23. октобар 1980. С. 4.

¹⁷⁵⁴ Спор Румуна и Мађара // Ibid. 10. фебруар 1988. С. 5.

¹⁷⁵⁵ See: *Durnev V. P.* The problem of national minorities in the foreign policy of Yugoslavia (November 1943 - June 1982): author’s abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 1983.

¹⁷⁵⁶ Како су Срби и Хрвати постали Румуни // Политика. 16. новембар 1989. С. 7.

personally, which was due to his unwillingness to join the democratic processes that had begun in other countries of Eastern Europe¹⁷⁵⁷. In November 1989, there was an unpleasant incident related to the refusal to accredit the journalist of “Tanjug” Dragoslav Markovic, who was supposed to arrive in Bucharest to cover the 14th Congress of the RCP. The fact is that earlier Markovic published several critical notes about the events in Romania. “Tanjug’s” reaction was not long in coming: “...the decision of the authorities in Bucharest is both strange and unacceptable. It cannot contribute either to better mutual acquaintance or to the development of good-neighborly relations¹⁷⁵⁸”.

On December 21, 1989, in response to the bloodshed in Timisoara and Arad, the LCY severed relations with the RCP and withdrew the invitation of the Romanian delegation to its 14th Congress: “The Presidium of the Central Committee of the LCY considers it necessary to stop physical violence and all other undemocratic actions in order to find a path through dialogue and activity of all progressive and democratic forces of the country that will ensure democratic development in accordance with the aspirations of the people¹⁷⁵⁹. The Presidium of the SFRY and the FEC expressed solidarity with the “righteous struggle¹⁷⁶⁰” of the Romanian people, and the Yugoslav media began to denigrate the figures of the Ceausescu spouses in every possible way and denounce the “fascist” regime of the former president. The persecution of the Serbian and other Yugoslav national minorities in the Romanian Banat was called by Serbian journalists “genocide”, part of the blame for which was placed on J. B. Tito and the Yugoslav diplomacy, which was “silent¹⁷⁶¹”. The latter was accused of “dirty and unworthy, inconsistent and incomprehensible conduct of foreign policy towards Romania¹⁷⁶²” and the existence of a secret agreement with Bucharest on the mutual transfer of all fugitives.

In the early days of the Romanian Revolution, Ilija Dzukic, assistant to the Federal Secretary of Foreign Affairs of the SFRY, visited Bucharest in order to establish official relations with the regime of the Council of the National Salvation Front (FSN). Answering a question from journalists on his return to Belgrade about Yugoslavia’s attitude to the murder of the Ceausescu couple, he actually justified him, noting that “this is now the least problem for Romania¹⁷⁶³”.

In May 1990, the new Prime Minister of Romania, Petre Roman, visited Belgrade, where, as a result of his negotiations with the chairman of the Presidium of the SFRY, B. Jovic, it was announced that bilateral trade would switch to an unplanned, market basis¹⁷⁶⁴. Of particular importance were the negotiations between P. Roman and S. Milosevic, which mainly concerned the adoption of measures to

¹⁷⁵⁷ See: *Bianchini S.* Eastern Europe and the challenges of modernity, 1800-2000. London and New York, 2015.

¹⁷⁵⁸ Југословенски новинар непожељан у Румунији // Политика. 20. новембар 1989. С. 2.

¹⁷⁵⁹ СКЈ прекида сарадњу са румунском партијом // Ibid. 21. децембар 1989. С. 1.

¹⁷⁶⁰ Солидарност са праведном борбом румунског народа // Ibid. 27. децембар 1989. С. 6.

¹⁷⁶¹ Зашто је југословенска дипломатија ћутала // Ibid. 28. децембар 1989. С. 11.

¹⁷⁶² Ibid.

¹⁷⁶³ Демократизација и здрава привреда основно задаци нове власти // Ibid. 29. децембар 1989. С. 2.

¹⁷⁶⁴ Упостављање реалне сарадње // Ibid. 10. мај 1990. С. 1.

improve the situation of the Serbian national minority in Romania. On September 3, the President of the Republic, Ion Iliescu himself, arrived in Belgrade, which was his first official visit abroad since his election. “The very fact that my first trip abroad was a visit to neighboring Yugoslavia speaks volumes”¹⁷⁶⁵, Iliescu commented on his decision. Bilateral negotiations consolidated the agreements reached by the Yugoslav and Serbian leadership with Prime Minister P. Roman. The President of Romania also expressed full support for the territorial integrity and unity of the SFRY.

In economic relations with the underdeveloped Romania, Yugoslavia felt more established and successful. In particular, in the conditions of rampant unemployment and the “leakage” of labor resources to the West to work in low-paid positions in the agrarian sector, the Yugoslav side attracted Romanian guest workers, who worked mainly in the Serbian part of Banat. The work of Romanian workers on the territory of Yugoslavia “was not regulated by any legal acts and was of a seasonal nature”¹⁷⁶⁶. Romanian citizens also regularly crossed the Romanian-Yugoslav border for domestic reasons, for example, to buy jeans, blouses, “Vegeta” spices, etc. Yugoslav citizens also crossed the common border for the purpose of illegal trade, while the volume of interstate trade in the 1980’s decreased, which was due to the serious scale of the economic crisis in both countries. Romania occupied only the 6th place in the list of trade partners of Yugoslavia among all the CMEA countries with an annual trade turnover of just over \$400 million¹⁷⁶⁷.

In order to coordinate bilateral trade, a mixed Yugoslav-Romanian committee for economic cooperation operated. The countries interacted most effectively in the field of metallurgy, agriculture, electronics, transport and energy. In 1984, the Djerdap II (Iron Gate II) hydroelectric power station was completed on the border of Serbia and Romania, and in 1988 the Convention on the operation and maintenance of hydropower and navigation systems of the Djerdap I and Djerdap II hydroelectric power stations was ratified¹⁷⁶⁸. The parties also discussed plans for the construction of new hydropower plants on the Danube until 1992.

Relations with *Czechoslovakia* were characterized by general benevolence and practicality. The intensity of meetings between Yugoslav and Czechoslovak officials was rather low, which was largely due to the specificity of the Czechoslovak political regime of the era of the general secretary of the Central Committee of the Communist Party of Czechoslovakia (CPC) and the president of the republic, Gustav Husak; his personal devotion to Moscow and, accordingly, his skeptical attitude towards the experience of Yugoslav self-government, and especially towards the post-Tito leadership. References to Czechoslovakia in the Yugoslav press, as in the case of the GDR, were infrequent.

¹⁷⁶⁵ Данас стиже Илијеску // Политика. 3. септембар С. 2.

¹⁷⁶⁶ Stanković S. Romanian “gastarbeiter” in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/221 (Yugoslavia). 16 September 1983. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:1767e0bf-03cd-4b37-a61f-c9e672807803> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁶⁷ Jugoslavija i SEV... S. 32.

¹⁷⁶⁸ Ускоро ратификација конвенције о Ђердапу // Политика. 20. фебруар 1988. С. 2.

In July 1981, J. Vrhovec paid an official visit to Prague¹⁷⁶⁹. Vrhovec's talks with Husak, Prime Minister Lubomir Strougal, and Foreign Minister Bohuslav Chnoupek revealed a "successful development of bilateral relations", the most important components of which were recognized as inter-party and economic ties.

Czechoslovakia, being a traditional partner of Yugoslavia since the end of the First World War and the existence of the Little Entente, ranked second after the USSR in terms of volume and growth rate of trade with the SFRY among all members of the CMEA¹⁷⁷⁰. Czechoslovakia ranked fifth among all trade partners of the SFRY. Imports from Czechoslovakia to Yugoslavia, as a more industrialized country, accounted for 56% of the total trade, and the remaining 34% accounted for Yugoslav exports to Czechoslovakia¹⁷⁷¹. Yugoslavia supplied to Czechoslovakia mainly non-ferrous metals, while Czechoslovakia supplied coal coke and engineering products to Yugoslavia. The number of Czechoslovak tourists in Yugoslavia was not numerous, which caused concern on the part of the Yugoslav leadership, which gave in the 1980's tourism is one of the main sectors of the economy.

The general benevolence in bilateral relations did not rule out disputes over ideological issues. Thus, in 1984 in Prague, in the official publication of the Communist Party of Czechoslovakia "Tribuna" (Russian: "Tribuna"), an article was published under the heading "Dressing up in pseudo-modernism", in which the authors thoroughly and uncompromisingly criticized the LCY for attempts to modernize the Marxist-Leninist doctrine¹⁷⁷². For the Yugoslav leadership, the article came as a surprise, forcing him to more closely monitor the state of affairs in Czechoslovakia.

Yugoslavia reacted positively to the economic reforms and general democratization that began in Czechoslovakia in 1988. Under these conditions, there was some intensification of Yugoslav-Czechoslovak relations. In April 1989, R. Dizdarevic visited Prague for the purpose of negotiations with President G. Husak, General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Czechoslovakia Milos Jakes, Prime Minister Ladislav Adamec, Foreign Minister Jaromil Johanes and other officials of Czechoslovakia¹⁷⁷³. The chairman of the Presidium of the SFRY was awarded the Order of the White Lion of the first degree with a chain – the highest Czechoslovak state award for foreign citizens. Before him, of all the heads of socialist Yugoslavia, only Tito was awarded this order. As a result of the negotiations, the parties signed an Agreement on Scientific and Technical Cooperation and a Program of Scientific and Technical Cooperation until 2000.

The Velvet Revolution of 1989, the formation of a government of popular consent and the resignation of G. Husak were, on the whole, approved of by the official Belgrade, although they did

¹⁷⁶⁹ Vrhovec отпутовао у Праг // Политика. 1. јул 1980. С. 1.

¹⁷⁷⁰ Jugoslavija i SEV... S. 44.

¹⁷⁷¹ Ibid.

¹⁷⁷² *Kusin*. Prague attacks Yugoslav ideological concepts. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Czechoslovakia). 16 July 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:5ab6bd60-6231-458b-9ef2-c5e39e42b2f0> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁷³ Разговори Диздаревића са Хусаком и Адамецом // Политика. 13. април 1989. С. 1.

not find a wide response and coverage in the Yugoslav media. One of the last significant negotiations between the officials of the SFRY and still Czechoslovakia took place in January 1990 during the visit of B. Loncar to Prague and ended on an optimistic note: “Czechoslovakia is revising the strategy of its economic relations with the world, putting economic relations on a new basis, a completely new situation has been created in the country .., which gives chances for even better and broader cooperation with Yugoslavia”¹⁷⁷⁴, then the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia, Jiri Dienstbier, noted.

So, the relations of the SFRY with individual Eastern European states in the 1980’s are neither identical nor problem-free. And if contacts with Romania were of a friendly close nature, then relations with Bulgaria were marked by a high potential for conflict. Hungary, the GDR, Poland and Czechoslovakia for various reasons and in most cases maintained neutral business contacts with Yugoslavia, the intensity of which directly depended on the internal political situation in these countries and in the USSR. As the Eastern bloc collapsed and the level of interest of the Soviet leadership in creating a single socialist trade and financial space decreased, the degree of interaction between the Eastern European countries, which were increasingly drawn to the West, with the SFRY fell. By the end of the 1980’s they still retained an important component in the structure of the foreign trade of the SFRY, but were actually excluded from the Yugoslav strategic foreign policy planning (with the exception of neighboring Bulgaria and Romania) and were conceived as competitors on the path to European integration.

2.3. Yugoslavia and Albania: bilateral conflicts and attempts for overcoming

The death of J. Broz Tito, contrary to expectations, did not lead to a permanent thaw in Yugoslav-Albanian relations, but, on the contrary, contributed to their aggravation in the future. However, in the 1980’s the emphasis in bilateral conflicts began to shift more and more from their ideological component to the ethnic and territorial ones and was connected mainly with the “Kosovo issue”. Thus, the internal situation in Kosovo could serve as a reliable indicator of Yugoslavia’s relations with Albania”¹⁷⁷⁵.

In the first months after Tito’s death, the relationship underwent one of the most positive stages in its history. In June 1980, an agreement was signed between the two countries on the supply of electricity from Kosovo to the People’s Socialist Republic of Albania (PSRA)¹⁷⁷⁶, as well as other

¹⁷⁷⁴ Завршени разговори Лончара и Динстбира // Политика. 18. јануар 1990. С. 1.

¹⁷⁷⁵ *Artisien P.* A note on Kosovo and the future of Yugoslav-Albanian relations: a Balkan perspective // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 2. P. 267.

¹⁷⁷⁶ *Zanga L.* Albania and Yugoslavia expand electric energy cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/133 (Albania). 3 June 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:29cc67af-b775-42c1-8570-dbb6f9738c71> (Accessed: 21.08.2022).

economic agreements were concluded, according to which the volume of bilateral trade for the period from 1981 to 1985 should have reached \$720 million¹⁷⁷⁷. At the same time, tourist groups from Albania were allowed to visit Kosovo on a permanent basis. Some Albanian tourists tried to carry out anti-Yugoslav propaganda among the locals, but subsequently denied the corresponding attempts so confidently that it turned out to be difficult to prove their guilt¹⁷⁷⁸.

Yugoslav, incl. the Kosovo leadership “recognized the right of the PSRA to its own special path in domestic and foreign policy and expressed its readiness to make mutual compromises, but threatened the Albanian side with a harsh reaction in case of any signs of a new anti-Yugoslav ideological campaign”¹⁷⁷⁹. Nevertheless, such a campaign was not long in coming: already at the beginning of 1981, Albania “began to take steps to deliberately aggravate relations with Yugoslavia, which sometimes took on the form of provocations (for example, organizing anti-Yugoslav rallies and attacks on Yugoslav citizens and journalists abroad – in Geneva, Brussels, etc.)”¹⁷⁸⁰.

The provocative and propaganda activities of Tirana on the Albanian-Yugoslav border served as one of the reasons for the Kosovo riots in the spring of 1981, which dealt a serious blow to the international prestige of Belgrade. The dispersal of demonstrations by the police and the YPA, as well as the repressive actions of the Yugoslav government against the organizers of the riots, led to accusations of Yugoslavia in the oppression of the Albanian minority¹⁷⁸¹ and the activation of anti-Yugoslav sentiment in Albania itself.

Even the world-famous writer Ismail Kadare, whose works were published in Yugoslavia, joined the anti-Yugoslav campaign then. In particular, he criticized any cultural cooperation with the SFRY, stating that “a feverish campaign against Albanian culture, literature and art is being carried out in Yugoslavia”¹⁷⁸², although in reality things were rather the other way around. The fact is that in the previous decade, within the framework of Yugoslav-Albanian cultural cooperation, large quantities of Albanian literature were imported to Kosovo, while Albania in every possible way prevented the supply of Yugoslav literature. Tirana also sabotaged the signing of an official program of bilateral cultural and educational cooperation for more than three decades, the last of which, at the time of the events described, was proposed by the delegation of the SAP Kosovo PSRA in 1979. In 1980, the

¹⁷⁷⁷ *Antić Z.* Yugoslav-Albanian relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/89 (Yugoslavia). 23 April 1980. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9a79fb3a-1260-4665-a89b-bcf7fc9c0db1> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁷⁸ *Antić Z.* Yugoslav-Albanian relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/89 (Yugoslavia). 23 April 1980. P. 3. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9a79fb3a-1260-4665-a89b-bcf7fc9c0db1> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁷⁹ *Katkova E. P.* Balkanskoye napravleniye vneshney politiki SFRY v 1980-1991 gg. [The Balkan direction of the foreign policy of the SFRY in 1980-1991] // *Clio*. 2022. No. 11 (191). P. 86. [in Russian]

¹⁷⁸⁰ Ibid.

¹⁷⁸¹ *Antić Z.* Yugoslav-Albanian polemics over Kosovo escalate. RFE-RL* Research. RAD Background report/122 (Yugoslavia). 30 April 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Accessed: 21.08.2022).; See: *Biberaj E.* Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // *East European Quarterly*. 1983. № 4. P. 173-189.

¹⁷⁸² Идеологија под плаштом културе // *Политика*. 5. јун 1985. С. 15.

Albanian Minister of Culture visited Kosovo, but refused to visit Belgrade, thereby inflicting a serious insult on the receiving party¹⁷⁸³.

On May 14, 1981, the Yugoslav government expressed a sharp protest against the “gross interference of the PSR of Albania in the internal affairs of Yugoslavia”¹⁷⁸⁴, and on the night of May 23, 1981, two explosions sounded on the territory of the Yugoslav embassy in Tirana¹⁷⁸⁵. The Albanian government “completely rejected Belgrade’s accusations of organizing them, but the case itself resulted in a comprehensive criticism of Albania by the SFRY”¹⁷⁸⁶. In fact, the incident with the bombings led to Belgrade’s abandonment of further attempts to overcome tensions in bilateral relations, from existing forms of cooperation and contributed to the start of a tough controversy with Tirana. In particular, from the lips of a member of the Presidium of the SFRY, an ethnic Albanian Fadil Hoxha, then Albania was accused of seeking to “turn the Balkans into a powder keg”¹⁷⁸⁷ and thus “panders to the reactionary forces abroad”¹⁷⁸⁸, which included the Soviet Union. From Hoxha’s point of view, the latter was interested in destabilizing the internal situation in Yugoslavia in order to weaken its influence in the Non-Aligned Movement and, having broken the resistance of the non-aligned countries, to win them over¹⁷⁸⁹. Hoxha also focused the attention of the Albanian public on the fact that the manifestations of Albanian nationalism ultimately threaten precisely the “autonomy and independence of Albania”¹⁷⁹⁰, as they will lead to the “growth of Serbian, Bulgarian and Greek nationalisms”¹⁷⁹¹.

The Yugoslav government imposed restrictions on the cooperation of Radio Pristina with Radio Tirana and Radio Kukes, the broadcasting of Albanian television programs in Kosovo, the interaction between Pristina and Tirana universities; it was decided to reduce the number of students at the University of Pristina by 10% and transfer some of its divisions to more remote areas of the region, which caused strong discontent in Albania and accusations of Belgrade in “chauvinism” and “obscurantism”¹⁷⁹², as well as unprecedented steps to encourage the Kosovo intelligentsia to continue seeking cooperation with Tirana. Albanian students in Kosovo, Macedonia, and Montenegro were offered education through Albanian radio and television, which saw a sharp increase in educational

¹⁷⁸³ Идеологија под плаштом културе // Политика. 5. јун 1985. С. 15.

¹⁷⁸⁴ Оштар протест југословенске владе // Ibid. 15. мај 1981. С. 1.

¹⁷⁸⁵ Zanga L. Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/163 (Albania). 9 June 1981. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁸⁶ Katkova E. P. Balkanskoye napravleniye vneshney politiki SFRYU v 1980-1991 gg. [The Balkan direction of the foreign policy of the SFRY in 1980-1991] // Clio. 2022. No. 11 (191). P. 86. [in Russian]

¹⁷⁸⁷Cit. on: Antić Z. Yugoslav-Albanian polemics... P. 3. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁸⁸ Ibid.

¹⁷⁸⁹ Ibid.

¹⁷⁹⁰ Ibid.

¹⁷⁹¹ Ibid.

¹⁷⁹²Zanga L. Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations... P. 5. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582> (Accessed: 21.08.2022).

programs. On the border with Kosovo, Albania even built a special high-power radio station¹⁷⁹³.

Subsequent events revealed the futility of the Yugoslav-Albanian settlement. Every year, the degree of tension only increased, and mutual accusations and attacks on the pages of official publications became the daily norm. Tirana continued to interfere in the internal affairs of Yugoslavia, carrying out propaganda among the Kosovo Albanians and inciting them to new unrest. In this regard, Albania relied on Kosovar intellectuals and youth.

The Yugoslav leadership, alarmed by the events of 1981, took mirror measures, which had mainly ideological overtones. It should be noted that at this stage, the federal authorities continued to fight not only with the Albanian “irredentists”, but also with the Croatian “Ustashe” and Serbian “Chetniks”, but by the second half of the 1980’s there has been a certain tendency to condone the growth of Serbian nationalist sentiments both in society and in the government and the army. Gradually, the Yugoslav-Albanian controversy transformed into a Serbian-Albanian one, while the rest of the SFRY republics preferred to act as passive observers of the conflict. At the same time, Yugoslavia has never abandoned attempts to normalize bilateral relations, provided that they are based on the principles of reciprocity, respect and equality.

Despite the escalation of the situation in 1981, Belgrade and Tirana tried to avoid a complete break in relations. So, for example, in January 1982, an agreement was even signed between the governments of the two countries, for the first time allowing transit traffic between Titograd (Montenegro) and Ohrid (Macedonia) through Albania¹⁷⁹⁴, which allowed to significantly reduce travel time compared to the traditional bypass route. The agreement provided exclusively for the transit of goods, while passenger traffic was not included in it. In order to indicate its importance for the SFRY, it is enough to say that the standard route through Pristina was 620 km, while through Tirana it was only 310 km. Another question is that, as of September 1982, this route was not used by any Yugoslav firm engaged in cargo transportation¹⁷⁹⁵. At the same time, Albania very actively used the territory of Yugoslavia to transport its goods and establish regular communications with European countries.

On September 15, 1982, in his speech on the occasion of the 40th anniversary of the Democratic Front of Albania (DFA), one of the closest associates of Enver Hoxha, a member of the Politburo of the Party of Labor of Albania (PLA) Ramiz Alija appealed to the Yugoslav Albanians with a call to “continue resistance to the Yugoslav leaders”¹⁷⁹⁶, the purpose of which should be to change the constitution of the SFRY and transform the rebellious region into a republic. Thus, any agreements with the SFRY were perceived by Albania as a kind of formality and did not cancel the general course

¹⁷⁹³Zanga L. Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations... P. 5. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁹⁴ Stanković S. An anomaly in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/196 (Eastern Europe). 28 September 1982. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2d6b98df-2fee-4bda-98dd-cd47c6403ed6> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁹⁵ Ibid.

¹⁷⁹⁶ Ibid. P. 2.

towards ideological and political confrontation. Yugoslavia, which acted in this conflict, rather, from the standpoint of the defending side, was not inferior to its opponent in the harshness and peremptoryness of mutual accusations.

Thus, for example, the celebration of the 40th anniversary of the founding of the internal affairs bodies in the SAP of Kosovo in May 1984 was used by local authorities as an excuse to publish information about “hostile nationalist activities” in the province and abroad. Tirana was accused of being the main instigator and sponsor of anti-Yugoslav activities abroad. In particular, the Kosovo Albanian newspaper “Rilindja” (*English*: “Reborn”) cited the following data: “Currently, 40,000 emigrants of various nationalities are working against Yugoslavia in foreign countries. At the same time, 20,000 Albanian emigrants are active in 20 organizations against our social order. They can be found in the USA, Canada, Austria, Belgium, etc. Of these, 4,000 are Albanians from Yugoslavia... The main organizations are the Bali Kombetar [National Front – *Author’s note*] and the Kosovo League of the Movement for an Albanian Socialist Republic in Yugoslavia (the former Red Front)... Some are funded by the US security services and the PSRA . Their goal is to separate Kosovo from Yugoslavia and create a Greater Albania, either under the leadership of Enver Hoxha, or in the form of a bourgeois state”¹⁷⁹⁷.

The information confrontation itself was not static in terms of its intensity and was accompanied by a softening of accusatory rhetoric, short-term and most often unsuccessful attempts at a peaceful settlement. In particular, in early 1984, negotiations resumed between the parties on the issue of an agreement on cultural cooperation, and Albania compromised, abandoning the requirement that cultural exchanges would be limited only to Kosovo, Macedonia and Montenegro. Negotiations failed already in October of the same year due to Yugoslavia’s principled nature, which emphasizes that “any cooperation should benefit the Yugoslav national minority in Albania”¹⁷⁹⁸. Tirana, in turn, accused Belgrade of sabotaging the negotiations and artificially creating the “Macedonian problem” in the PSRA¹⁷⁹⁹.

Meanwhile, the problem of the Yugoslav national minority, whose number, according to the Yugoslav authorities, reached about 100 thousand people in Albania (60-80 thousand – Macedonians, 20 thousand – Serbs, 15-17 thousand – Montenegrins, 2-3 thousand – Bosnian Muslims)¹⁸⁰⁰, really

¹⁷⁹⁷ Rilindja. 13 mund 1984. Цит по: Zanga L. Yugoslavia concerned about Albanian activities in Kosovo and abroad. RFE-RL Research. RAD Background report/103 (Eastern Europe). 19 June 1984. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c36cd109-4095-4b05-a0eb-b486f0b38345> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁹⁸ Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement. RFE-RL* Research. RAD Background report/31 (Eastern Europe). 26 February 1988. P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁷⁹⁹ Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸⁰⁰ Сто хиљада људи изложено најбруталнијим мерама репресије // Политика. 1. март 1990. С. 17.

existed. Harassment was expressed in the ban on the use of the native language, names, surnames and the popularization of national culture, deportations into the country, expropriation of property, etc.

At the end of December 1984, Stane Dolanc, Minister of the Interior of the SFRY, made a kind of political tour of Kosovo, whose statements about the future of Yugoslav-Albanian relations were of a very conciliatory nature: “We would like, if this is acceptable also for the Albanian side, to establish a political dialogue that is a normal expression of good neighborly relations”¹⁸⁰¹. In addition, literally two months after Belgrade’s breakdown of negotiations on bilateral cultural cooperation, he made a statement that Yugoslavia was “interested in developing cooperation in the field of culture”¹⁸⁰².

In 1985, on the occasion of the 40th anniversary of the end of World War II, the Albanian media began to actively disseminate information about the “internationalist” contribution of the Albanian communists to the defeat of Nazi Germany and the participation of the 5th division of the National Liberation Army of Albania (NLAA) under the leadership of Ramiz Alija in the Liberation of Yugoslavia¹⁸⁰³, which caused great irritation among state and party officials of the latest and another round of mutual criticism. The fact is that after the conflict between Albania and Yugoslavia in 1948, which became a consequence of the Soviet-Yugoslav break, the Yugoslav authorities began to hush up the participation of the Albanian communists in the liberation of Yugoslavia. They reacted just as zealously to reports from the Soviet press devoted to the decisive contribution of the Red Army to the outcome of this military operation.

The death of Enver Hoxha on April 11, 1985, although it gave reason to believe that bilateral relations could improve in the medium term, did not put an end to the ideological polemic between Yugoslavia and Albania. In favor of the thesis about the possibility of progress in Yugoslav-Albanian relations was the fact that in 1986 Tirana, on its own initiative, made an attempt to break the blockade in bilateral cultural relations by inviting the dean of the University of Pristina to the celebration of the 100th anniversary of the first Albanian school and the 30th anniversary of the Tirana University¹⁸⁰⁴. The University of Pristina did not accept such initiatives, saying that it was waiting for the signing of an official state agreement on cultural cooperation.

At the same time, in the information war with Belgrade, the Albanian press began to use a new trick – to reproduce in an abbreviated form the critical articles of foreign publications about Yugoslavia, and also to accuse the country’s collective leadership of departing from the principles of

¹⁸⁰¹ *Stanković S.* Situation report. RFE-RL Research. Yugoslavia/1. 24 January 1985. P. 32. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:78d37fd0-6882-4faa-9112-c62fa96e32e7> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸⁰² *Ibid.* P. 33.

¹⁸⁰³ *Zanga L.* Albania hails its “internationalist” contribution to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/11 (Albania). 19 February 1985. P. 1-2. // *Ibid.* URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:3fc00d83-9f62-4da6-bc68-0ca2a2d857c2> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸⁰⁴ *Zanga L.* The new Yugoslav-Albanian cultural agreement... P. 2. // *Ibid.* URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Accessed: 21.08.2022).

Titoism, as if protecting the Tito's heritage from "unitarian forces" and "Serbian centralism"¹⁸⁰⁵. A convenient reason for criticism of the Yugoslav authorities was the expulsion from the LCY in 1987 on the eve of the Conference of Ministers of Foreign Countries of the Balkan countries, in the past, a close associate of Tito, Fadil Hoxha, which allowed the press organ of the PLA, the newspaper "Zeri i popullit" (*English*: "Voice of the People") to accuse Belgrade of a deliberate attempt to disrupt the first participation of Tirana in such an event¹⁸⁰⁶.

Meanwhile, the "propaganda" war never led to a complete collapse of the Yugoslav-Albanian relations. Both sides tried their best to prevent the criticism from getting out of control and developing into a serious conflict. The Albanian authorities have repeatedly stated that the destabilization of Yugoslavia is not their strategic goal: "Being neighbors of Yugoslavia, we are interested not only in the fate of our Albanian brothers there, but also in peace and security in the Balkans. We do not want any worsening of the situation in Yugoslavia and its destabilization"¹⁸⁰⁷.

In December 1987, Tirana once again tried to initiate the start of negotiations on cultural cooperation, while the Yugoslavs did not show much interest in the proposal until the last moment¹⁸⁰⁸. Its adoption was prompted by the public expression of concern by other Balkan countries about the absence of such an agreement between Yugoslavia and Albania on the eve of the Conference of Foreign Ministers of the Balkan countries. In mid-February 1988, the parties nevertheless signed a cultural agreement, which became an important step forward, even though it was not final, but only determined the principles of future cooperation in the field of science, education and culture. The tentative agreement made a lot of sense, as it marked a way out of a seven-year-long diplomatic stalemate. Being signed just five days before the opening of the Balkan conference, it also had a symbolic meaning, meaning that both sides fully support the initiative to hold the meeting and will take an active part in it¹⁸⁰⁹.

Another unusual and hopeful step in the foreshadowing of the conference was the announcement that a group of more than twenty Yugoslav tourists would embark on a two-day trip to Albania, the first of its kind in years¹⁸¹⁰. Mutual polemics, so prevalent in the past, have also been reduced to a minimum; interest in various forms of cooperation, mainly in trade, began to be actively emphasized.

The Conference of Foreign Ministers of the Balkan countries itself was held on February 24-26,

¹⁸⁰⁵ Zeri i popullit. 27 tetor 1987. Cit. on: *Zanga L.* News media coverage of events in Kosovo. RFE-RL* Research. RAD Background report/223 (Eastern Europe). 20 November 1987. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸⁰⁶ Ibid.

¹⁸⁰⁷ Ibid. P. 4.

¹⁸⁰⁸ Ibid.

¹⁸⁰⁹ *Zanga L.* News media coverage of events in Kosovo... P. 3. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸¹⁰ Тањуг. 16. фебруар 1988. Cit. on: *Zanga L.* The new Yugoslav-Albanian cultural agreement... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement> (Accessed: 21.08.2022).

1988 in Belgrade, becoming the first Balkan conference in which all the countries of the peninsula took part, including Albania, which had begun to emerge from a state of foreign policy isolation, represented at the event by Minister Reis Malile. Having accepted the invitation to participate in it, the new head of the party and state, R. Alija and R. Malile, essentially departed from the principle of E. Hoxha, according to which Albania should not be represented at multilateral Balkan political meetings. A logical continuation of the Belgrade conference was the meeting of the Deputy Foreign Ministers of the Balkan countries in January 1989 in Tirana. Of course, Yugoslavia regarded these developments as promising.

However, this positive momentum did not last long. A new peak of tension in Yugoslav (read: Serbian)-Albanian relations began already in the spring of 1989 and was associated with the abolition of broad autonomy for Kosovo by Belgrade and unrest in the region, in response to which Tirana launched a new large-scale anti-Yugoslav ideological campaign.

At the beginning of the year, R. Dizdarevic commented to American journalists, in which he noted that “Albania is contributing to the aggravation of the situation in Kosovo by encouraging propaganda and spreading untruths about the persecution of Albanians in Yugoslavia, which ... is support for the creation of a Great Albania...”¹⁸¹¹. Similar statements were made in the reports of the Yugoslav leaders at meetings of the Presidium of the SFRY and the Presidium of the Central Committee of the LCY. All these reproaches, according to established tradition, were categorically rejected by Tirana, and in response there were accusations of “denationalization of the Albanian minority in terms of language, culture and Albanian customs”, “the negative opinion of the government in Belgrade about Albanians in Yugoslavia” and that the attitude towards Albanians “opposite to the formal statement of Yugoslav officials”¹⁸¹², which became a reaction to the restoration of sovereignty over Kosovo by Serbia and the beginning of the “anti-bureaucratic revolution” in the region¹⁸¹³.

The Serbian leadership began to sharply criticize the Yugoslav authorities for being too “soft”, “indulgent” and “surrendering”, in his opinion, policy towards Albania; began to demand tougher measures, appealing to the theses about the oppression of the Serbs and the anti-Serb policy of the federal center. Yugoslav-Albanian relations, in accordance with the requirements of the SR of Serbia, were to be strictly based on the principles of international law, including equality, non-interference in internal affairs, mutual respect and mutual benefit¹⁸¹⁴.

The result of the political and informational confrontation on the Kosovo problem was that even

¹⁸¹¹ Албанија доприноси заоштравању проблема на Косову // Политика. 4. јануар 1989. С. 2.

¹⁸¹² Маљиљеове изјаве нетачне и значе грубо мешање у југословенске ствари // Ibid. 8. април 1989. С. 2.

¹⁸¹³ See for more details: *Iskenderov P. A.* The history of Kosovo in the sight of discussions // Questions of history. 2010. No. 3. P. 38-54.; Albania and crises in the post-Yugoslav space // Albanian factor of the crisis in the Balkans: Collection of scientific papers. Moscow, 2003. [in Russian]

¹⁸¹⁴ Маљиљеове изјаве нетачне и значе грубо мешање у југословенске ствари // Политика. 8. април 1989. С. 2.

Yugoslavia and Serbia were blamed for the mass unrest of 1990 in Albania¹⁸¹⁵: “It is clear that there are forces that do not wish Albania well and who do not want to put up with the existence of the Albanian nation”¹⁸¹⁶, – said at a rally in support of the communist regime in Albania, member of the Politburo and secretary of the Central Committee of the PLA Celil Joni.

And yet, the epochal changes taking place on the continent forced the parties to cooperate. In October 1990, B. Loncar visited Tirana for official negotiations with R. Alioa and R. Malile¹⁸¹⁷. This was the first contact between countries at such a high level in the last 48 years¹⁸¹⁸. As a result of the negotiations, which is important, the fact of joint participation in the anti-fascist struggle was stated. Ramil Alija agreed with the need to respect the territorial integrity and sovereignty, non-interference in the internal affairs of other countries, which actually meant respect for the unity of Yugoslavia and Serbia. The talks also touched upon the situation of the Albanian national minority in Yugoslavia and the Yugoslav national minority in Albania. The parties expressed their readiness to further develop bilateral relations “in the spirit of the new times and democratic processes in Europe”¹⁸¹⁹. Less than a year after the meeting, on June 2, 1991, a consular convention between Albania and Yugoslavia was initialed in Tirana, which became the first document of this kind in the entire post-war period and one of the first bilateral treaties after 1948¹⁸²⁰.

Speaking about the economic cooperation between the SFRY and the PSRA, it should be noted that it was the most stable component of bilateral relations and did not stop even during periods of the highest tension. Every year, protocols on trade cooperation were concluded between the countries. In 1981, the trade turnover amounted to about \$120 million¹⁸²¹, while in 1990 it was only \$65 million¹⁸²². In addition, it was characterized by a high Yugoslav surplus, which was associated with the structure of trade: Yugoslavia exported washing machines, televisions, refrigerators, iron alloys, reinforced concrete and car tires to Albania, and imported chromites, propane, butane, gas, chemical products, copper wire, fruits, etc.

So, we can say that Yugoslav-Albanian relations were directly dependent on the internal situation in the SFRY, and specifically in Kosovo. At the same time, the ethnic Albanians living in Yugoslavia did not become a connecting bridge between neighboring countries, which both the Yugoslav leaders and the leaders of other Balkan states, interested in the stable development of the region, hoped for a long time. The spirit of Balkan cooperation in general was jeopardized by the national crisis in

¹⁸¹⁵ See for more details: *Kurbatsky V. A.* Foreign policy of Albania in the late 20th - early 21st centuries: dis. ... cand. hist. Sciences. Moscow, 2017. [in Russian]

¹⁸¹⁶ Тирана оптужује Југославију и Србију // Политика. 15. јул 1990. С. 2.

¹⁸¹⁷ Поштовани интегритет Југославије и Србије // Ibid. 27. октобар 1990. С. 1.

¹⁸¹⁸ Ibid.

¹⁸¹⁹ Ibid.

¹⁸²⁰ Прва конзуларна конвенција СФРЈ и Албаније // Ibid. 3. јун 1991. С. 2.

¹⁸²¹ Jugoslavija i SEV... S. 44.

¹⁸²² Поштовани интегритет Југославије и Србије // Политика. 27. октобар 1990. С. 1.

Yugoslavia and the aggravation of its bilateral relations with Albania.

2.4. Yugoslavia and China: mutually beneficial cooperation

China reacted with sincere regret to the news of the death of J. Broz Tito, but, at the same time, saw in this event new opportunities for themselves, in particular, in the countries of “third world” that were a kind of rivalry zone between the Non-Aligned Movement and the People’s Republic of China (PRC). Carefully analyzing the Yugoslav domestic political agenda, the Chinese leaders realized that the economic and national problems that began to worsen after the death of Tito would inevitably lead to a decrease in the foreign policy activity of Belgrade, which played the role of one of the skeletons of non-alignment. At the same time, Beijing, which was in international isolation, attached special importance to friendship with Yugoslavia and was afraid of a possible change in the political course of Belgrade under Tito’s successors. For Yugoslavia, relations with China “acted as a guarantor of strengthening and asserting its independent international position and were of long-term strategic interest”¹⁸²³.

On the whole, relations between the SFRY and the PRC throughout the 1980’s, with the possible exception of the end of the decade, were characterized by the constant development and expansion of all types of interstate and interparty cooperation. Meetings at the state level were a constant of bilateral contacts. Only in the first three years after the death of Tito, about 40 of them were held¹⁸²⁴. Of particular importance among them was the official visit to Beijing at the beginning of November 1980 by the chairman of the FEC, V. Djuranovic, whose task was to obtain assurances from the Chinese side in the prospective deepening of economic cooperation with the SFRY, which faced a systemic crisis and needed China’s comprehensive support¹⁸²⁵. It is no coincidence that the second person after Djuranovic in the Yugoslav delegation was the Minister of Foreign Trade Metod Rotar.

The Chinese leadership, unlike the Soviet and Western leaders, treated Tito’s heirs with more respect, which brought a bit of equality and mutual sympathy into bilateral relations. The central press organ of the Central Committee of the Communist Party of China (CPC), the “Rénmín Rìbào” (*English*: People’s Daily) newspaper, literally wrote about Djuranovic’s visit that it was “another happy event in the annals of Sino-Yugoslavian relations after the visit of Josip Broz Tito in 1977”¹⁸²⁶.

¹⁸²³ *Arežina, Sanja Z.* Odnosi NR Kine sa Jugoslavijom i Srbijom od 1977. do 2009. godine. Doktorski rad. Beograd, 2013. S. 171.

¹⁸²⁴ *Stanković S.* Chinese foreign minister visits to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸²⁵ *Ibid.*

¹⁸²⁶ Југословени привржени несврставању // Политика. 7. новембар 1980. С. 1.; *Antić Z.* Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 19 November 1980. P. 2. // *Ibid.* URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102> (Accessed: 21.08.2022).

The Yugoslav press, for its part, noted that both states have in common that they fight against “all forms of hegemony”¹⁸²⁷, for “state sovereignty, territorial integrity and non-interference in the internal affairs of other states”¹⁸²⁸. Thus, both Yugoslavia and China strongly criticized the actions of the Soviet Union in Afghanistan.

The economic relations that had developed between the two countries by 1980 could not be called cloudless: Yugoslavia was not satisfied with the volume of trade, and China was not satisfied with Yugoslavia’s unwillingness to increase imports of Chinese goods. Moreover, Yugoslavia by this time regularly exported tractors, ships, engines, agricultural machinery to China, i.e. finished industrial products. Chinese exports to Yugoslavia included mainly natural resources – oil, metal and coal. In the course of bilateral negotiations, it was possible to outline ways to resolve these contradictions: both sides expressed their desire to increase the volume of bilateral trade, as well as to diversify the range of goods supplied to each other, which was achieved over the next few years, and in every possible way to promote the development of trade contacts in the future. The joint Sino-Yugoslav Committee for Economic, Scientific and Technical Cooperation was supposed to play a coordinating role in streamlining and intensifying bilateral trade.

On the issue of the international agenda, the countries expressed absolute solidarity and support to each other, and the Chairman of the CPC Central Committee Hua Guofeng and the Premier of the State Council of the People’s Republic of China Zhao Ziyang focused on “Yugoslavia’s invaluable contribution to the work of the Non-Aligned Movement”¹⁸²⁹, the effectiveness of its “fight against aggression and attempts to establish hegemony”¹⁸³⁰: “China is not a non-aligned country, but she appreciates and supports the importance of the Non-Aligned Movement in the struggle for world peace. We are convinced that Yugoslavia will continue to play an outstanding role in it”¹⁸³¹, Guofeng said. It is obvious that the Chinese leadership with such statements wanted to encourage Yugoslavia to revive its activities in the Non-Aligned Movement and start a more active ideological campaign against Soviet military intervention in various parts of the world.

Chinese leaders have indicated an interest in continuing to study the experience of Yugoslav “self-government” and the practice of Yugoslav nationality policy. China, seeking to modernize its economy and society, was ready to learn from everyone, including the Yugoslavs. However, one should not overestimate his interest in the Yugoslav empiricism: the experience of Yugoslavia could hardly be applied to such a large and complex country as China.

¹⁸²⁷ Југословенско-кинески односи. Ђурановић данас у Пекингу // Политика. 6. новембар 1980. С. 5.

¹⁸²⁸ Ibid.

¹⁸²⁹ *Stanković S.* Yugoslavia’s prime-minister in China. RFE-RL* Research. RAD Background report/272 (Yugoslavia). 17 November 1980. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6dc71a72-8be1-487e-a3d6-ff895cebee75> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸³⁰ Ibid.

¹⁸³¹ *Antić Z.* Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102> (Accessed: 21.08.2022).

Based on the results of V. Djuranovic's visit, the PRC and the SFRY also pledged to continue cooperation in the scientific, technical, cultural and humanitarian fields, including facilitating student exchanges. The Chinese side showed interest in the organization of the Yugoslav police and over the following years turned to Yugoslav colleagues for advice. In 1984, Yugoslavia helped China officially join Interpol¹⁸³².

May 29 - June 2, 1981, in response to the visit of his Chinese colleague Huang Hua to Belgrade in November 1979, the Minister of Foreign Affairs of the SFRY J. Vrhovec visited Beijing¹⁸³³. China saw in this visit not only a contribution to the development of cooperation between the two countries, but also a unique opportunity, a year after the death of J. B. Tito, to receive confirmation from the Yugoslav side of its adherence to the "Tito's path in domestic and foreign policy"¹⁸³⁴. The role of the "Tito's" factor in relations between the post-Tito's SFRY and the PRC should not be treated superficially, on the contrary, it is very symptomatic: the intensification of relations between Yugoslavia and China was a consequence of Belgrade's diplomatic course, independent of the Soviet Union, worked out by Tito and his associates. In this regard, for the PRC, Yugoslavia became, in fact, the only center of influence in Eastern Europe and was important from the point of view of strategic foreign policy planning.

During Vrhovec's conversations with Deng Xiaoping and Zhao Ziyang, the internal political situation in China and Yugoslavia, local armed conflicts, the state of affairs in Europe and the processes of defusing international tension were discussed; the inclusion of China in the dialogue of the global North and South, the prospects for the formation of a new economic order. It was extremely important for Belgrade to enlist the support of the Asian giant in defending the national interests of underdeveloped countries in front of the superpowers and their allies. In turn, China was interested in the actions of Yugoslavia aimed at consolidating the Non-Aligned Movement, which was in a state of crisis and historically played the role of a political counterweight to the USSR.

The state of Yugoslav-Chinese relations, in general, was assessed as favorable, and, according to D. Xiaoping, they were distinguished by "deep mutual trust between countries and parties, which is a kind of quality mark in international relations in general, and even more so in relations between small and large states"¹⁸³⁵.

In May 1983, Hu Yaobang, a leader of the Communist Party of China, visited Belgrade as part of his small Eastern European "tour" that included Yugoslavia and Romania.¹⁸³⁶ His visit was seen as a

¹⁸³² *Antić Z.* Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation... P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸³³ Врховец данас у Пекингу // Политика. 29. мај 1989. С. 3.

¹⁸³⁴ Ibid.

¹⁸³⁵ Веома успешна и корисна посета // Ibid. 1. јун 1981. С. 1.

¹⁸³⁶ *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Accessed: 21.08.2022).

sign of Beijing's desire to increase support for the communist countries¹⁸³⁷. In December 1983, Yaobang received a member of the Presidium of the Central Committee of the LCY from Slovenia, Andrei Marinc, already in Beijing¹⁸³⁸. On the eve of the arrival of Marinc, the "Beijing Review" newspaper published excerpts from an article by the first Ambassador of the PRC to Yugoslavia Wu Xiuchuen¹⁸³⁹ called "Fighting years in the Ministry of Foreign affairs"¹⁸⁴⁰, which stated that China's condemnation of the "Yugoslav path" after the break between J. V. Stalin and J. B. Tito in 1948 as "treason" and "heresy" was wrong, and also that "much of what the Yugoslavs have done will serve as a good guide for us [for China – *Author's note*]"¹⁸⁴¹. The article emphasized that "Yugoslavia avoided the mistake of creating such a cult of personality, which had grave consequences for the Soviet Union, China and the international communist movement as a whole"¹⁸⁴². Wu devoted especially warm words to Tito and his flexible domestic policy, which, in his opinion, was distinguished by a lesser degree of centralization, democracy and the collective principle of decision-making; delegation of powers to executive authorities. Wu believed that "China has much in common with Yugoslavia" and one of the most important common characteristics is the fact that "both countries insisted on equal status with the Soviet Union, developing their own socialist path"¹⁸⁴³.

From March 28 to March 31, 1984, the Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Wu Xueqian, paid an official visit to Yugoslavia¹⁸⁴⁴. It is noteworthy that in Belgrade he held talks not only with high-ranking Yugoslav party and government officials, but also with the US Deputy Secretary of State for Political Affairs, former US Ambassador to Yugoslavia Lawrence Eagleberger. It is paradoxical and at the same time natural that the Yugoslav press, which has always paid great attention to the meetings of the Yugoslav and Chinese leaders, this time ignored Xueqian's visit so as not to arouse additional suspicion on the part of the USSR. Thus, rapprochement with Beijing for Belgrade had its own "red lines" and was possible only in the range that would not jeopardize its relations with Moscow.

In May 1984, D. Markovic, Chairman of the Presidium of the Central Committee of the LCY, visited China, and in August-September 1984, Chinese President Li Xiannian paid a return visit to Yugoslavia¹⁸⁴⁵. The Chinese side once again came out with active criticism of the USSR, but the Yugoslav leaders no longer dared to support it as openly on this issue as they had done before, only

¹⁸³⁷ *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸³⁸ Ibid.

¹⁸³⁹ Held this post from March 1955 to May 1958.

¹⁸⁴⁰ Beijing review. 1983. Vol. 26. To. 49. 5 December. P. 17-23.

¹⁸⁴¹ Cit. on: *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia... P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸⁴² Ibid.

¹⁸⁴³ Ibid. P. 3.

¹⁸⁴⁴ Ibid. P. 1.

¹⁸⁴⁵ Cit. on: Ibid.

expressing agreement with the Chinese delegation regarding the need to return to the origins of Marxism. The geographical proximity of the Soviet Union and the ever-increasing economic dependence obliged Yugoslavia to take a more tactful and prudent position¹⁸⁴⁶.

In subsequent years, the intensity of bilateral ties slightly decreased, which was caused by the aggravation of the internal situation in the SFRY, as well as China's growing doubts about the advisability of intensifying relations with a state whose existence was under threat. Moreover, in a certain sense, China could even benefit from the collapse of a united Yugoslavia and the disappearance of a rival in the "third world", the expansion of Beijing into which continued to grow¹⁸⁴⁷. At the same time, the parties were interested in internal political transformations and foreign policy activity of each other. According to the Yugoslav leadership, Chinese foreign policy brought to international relations "the necessary amount of stability and positive changes for the world", and "the decisive steps that were taken in the matter of internal reform, economic, social and social transformation were a precious contribution to the establishment of a creative approach in the development of socialism in the modern world"¹⁸⁴⁸. Yugoslavia consistently took the side of Beijing on the "Taiwan problem" and in return received support in the "Kosovo issue". Chinese leaders also continued to speak positively both about the role of the SFRY in the Non-Aligned Movement and about the experience of Yugoslav internal political reforms.

For the second half of the 1980's the SFRY signed the following important agreements with China: "On cooperation in the field of health and medical sciences" (1985), "On cooperation in the financial and banking sector" (1985), "On cooperation in customs issues" (1989) and some others¹⁸⁴⁹. Their common feature was that they did not propose unprecedented and large-scale measures and were concluded, rather, out of inertia, rather than out of ambitious aspirations to comprehensively deepen bilateral relations. Nevertheless, the conclusion of economic agreements was followed by a significant but temporary progress in trade and financial cooperation between the two countries, a consistent decrease in the level of the Chinese trade deficit: for example, if in 1984 the ratio of Chinese imports and exports in bilateral trade was 12:1, then in 1985 – 5.7:1, and in 1986 – even 1.6:1¹⁸⁵⁰.

Standing apart was the military-technical cooperation between the SFRY and the PRC, in which, for obvious reasons, Beijing was more interested. In addition to the actual Yugoslav military equipment, the Chinese side showed great interest in cooperation in the production of Soviet-style weapons, to which Belgrade responded with a categorical refusal due to obligations under license

¹⁸⁴⁶ Cit. on: *Stanković S.* Chinese foreign minister's visit to Yugoslavia... P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408> (Accessed: 21.08.2022).

¹⁸⁴⁷ Ibid.

¹⁸⁴⁸ Пријатељство Кине и Југославије има чврсту основу // Политика. 6. јануар 1989. С. 2.

¹⁸⁴⁹ *Arežina, Sanja Z.* Op. cit. S. 201.

¹⁸⁵⁰ Југословенска-кинеска економска сарадња // Политика. 6. јануар 1987. С. 2.

agreements with the USSR¹⁸⁵¹. Military cooperation between Yugoslavia and China was based primarily on the exchange of experience in the field of military industry, education and science.

From bilateral meetings at the top of the second half of the 1980's it is worth noting the visit of the Chairman of the Presidium of the SFRY R. Vljakovic and the head of the Yugoslav diplomacy R. Dizdarevic to China in April 1986, during which they held talks with the Chairman of the PRC Li Xiannian, Premier Zhao Ziyang and Minister of Foreign Affairs Wu Xueqianian¹⁸⁵². The parties noted a record growth in economic cooperation: in the year preceding the meeting, trade exchange between the countries reached a total amount of \$189 million¹⁸⁵³. Chinese leaders expressed particular interest in concluding barter agreements and articulated the possibility of increasing trade volumes to \$400 million by the end of 1987¹⁸⁵⁴ and expanding cooperation in the field of electronics, production of building materials, mechanical engineering, chemical, agricultural and food industries. In July of the same year, after his five-day stay in Romania, Zhao Ziyang¹⁸⁵⁵ visited Yugoslavia on a return visit, during whose meetings with the top leadership of the SFRY, the previous agreements were consolidated.

In April 1988, B. Lonchar paid a visit to China. The main subject of discussions of the new Yugoslav foreign minister with Chinese Premier Li Peng and other Chinese officials were reforms in the socialist countries and communist parties, as well as the changing international agenda. Li Peng made an important statement regarding the value of the Yugoslav experience of development in the spirit of "democratization" and "strengthening of a real, market economy"¹⁸⁵⁶, noting its historical significance, and Chinese Foreign Minister Qian Qichen called Yugoslavia "the pioneer of [democratic – *Author's note*] reform"¹⁸⁵⁷. The Chinese leadership also recognized the important role of the conference of foreign ministers of the Balkan countries, held in Belgrade in February 1988 on the initiative of Yugoslavia. The emphatically benevolent and respectful tone of the negotiators towards each other, a high degree of mutual understanding were the hallmarks of bilateral meetings at high and highest levels in the 1980's.

In January 1989, the Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Qian Qichen, was in the SFRY¹⁸⁵⁸. In Belgrade, at the Center for Strategic Studies, he gave a special lecture on "China's foreign policy in the current international situation", in which he made a predictive statement that "21st century will become the century of Asia and the Pacific region"¹⁸⁵⁹. At the same time, the

¹⁸⁵¹ Југословенска-кинеска економска сарадња // Политика. 6. јануар 1987. С. 2.

¹⁸⁵² Мир брига свих народа // Ibid. 4. април 1986. С. 1.

¹⁸⁵³ Ibid.

¹⁸⁵⁴ Ibid. С. 2.

¹⁸⁵⁵ Суесрет Цао – Микиулић // Ibid. 7. јул 1986. С. 1.

¹⁸⁵⁶ Слични погледи Југославије и Кине // Ibid. 27. април. С. 2.

¹⁸⁵⁷ Ibid.

¹⁸⁵⁸ Пријатељство Кине и Југославије има чврсту основу // Ibid. 6. јануар 1989. С. 2.

¹⁸⁵⁹ Спорови се не могу решавати војском // Ibid. 7. јануар 1989. С. 2.

rhetoric of the Chinese on the issue of the foreign policy role of Yugoslavia has not actually changed since the early 1980's, confirmation of which, in particular, can be found in the text of the aforementioned lecture by Qichen: Beijing still valued Yugoslavia as one of the leaders of non-alignment, recognizing, however, the fact that the Movement itself is in crisis.

Yugoslavia reacted cautiously and prudently to the protest actions on Beijing's Tiananmen Square in April-June 1989. Despite the fact that the events caused deep concern of the leadership and were widely covered in the Yugoslav press, they were not given an unambiguous and specific assessment by the state authorities. On June 9, 1989, at a regular meeting of the Foreign Policy Committee of the Assembly, B. Loncar stressed that the question of what the future of China is is "a field of speculation" and that "regardless of the outcome and which concept of the path of Chinese development will prevail, events in China will inevitably affect international relations"¹⁸⁶⁰, further transferring the topic of his speech to the measures of the Yugoslav embassy and personally Ambassador Zvone Dragan to ensure the safety of Yugoslav citizens and their evacuation from China. In conditions when the main emphasis in bilateral relations was on trade, the Yugoslavs were more concerned about the economic consequences of political instability in the PRC, and from an ideological point of view, the historical mistakes of "socialism with Chinese characteristics." As for the Yugoslav periodicals, the events in China were often interpreted by them as a "tragedy" for which the Chinese regime is responsible to the whole world, and described in pathetic tones, and the protesting students were presented as martyrs and fighters for freedom and democracy¹⁸⁶¹.

China, in turn, followed with concern and dissatisfaction the disintegration events in the SFRY, which by the end of the 1980's had become overwhelming and fatal character. The failure of the Yugoslav political regime, the discrediting of communist ideas and the growth of nationalism as an alternative to socialism provoked China's uncertainty about the prospects for cooperation with the SFRY and negatively affected economic relations between the two countries, which were the basis of the Yugoslav-Chinese friendship: the most serious drop in bilateral trade was in 1990 and the first half of 1991. The Special Economic Agreement of 1985 stated that for 1986-1990 the total volume of trade in both directions should reach the mark of \$400 million annually¹⁸⁶². Meanwhile, the trade turnover for 1990 amounted to \$208 million, and Yugoslav imports accounted for only \$27 million¹⁸⁶³. During the first four months of 1991, Yugoslavia delivered goods to the PRC for a total of \$6.8 million¹⁸⁶⁴. The production and technical cooperation between the two countries also underwent a dramatic decline. For Yugoslavia, the situation was further complicated by the process of gradual lifting of Western economic sanctions against China, which began at the end of 1990 such unfavorable trends in bilateral

¹⁸⁶⁰ Оцена збивања у Кини // Политика. 9. јун 1989. С. 2.

¹⁸⁶¹ For example, *Ранчић Д.* Кинеска драма // Ibid. 10. јун 1989. С. 2.

¹⁸⁶² Велики пад нашег извоза // Ibid. 4. јун 1991. С. 4.

¹⁸⁶³ Ibid.

¹⁸⁶⁴ Ibid.

economic cooperation worried both Belgrade and Beijing. In early June 1991, a five-day visit to Yugoslavia was made by a delegation headed by the Minister of Foreign Economic Relations and Trade of the People[s Republic of China, Li Lanqing, whose goal was to “increase and balance” cooperation with the SFRY¹⁸⁶⁵. The significance of the negotiations and the decisions taken at them was reduced to nothing by the imminent collapse of the SFRY.

Among the examples of successful cooperation between the PRC and the SFRY in the last year and a half of the existence of the latter, it is worth mentioning the signing of an agreement between Sarajevo “Energoinvest” and the city of Baoji on the creation of a mixed enterprise for the manufacture of trucks; the beginning of the production of Chinese traditional medicine preparations in Belgrade by “Galenika Zemun”; an agreement between Belgrade-based “Interexport” and Hong Kong-based “Conica” to establish a joint factory for the production of color TV sets in Novi Sad, as well as an initiative by Ljubljana-based “Smelt” to design a hydroelectric power plant for China¹⁸⁶⁶.

The fact of the collapse of the united SFRY in China, which is fighting the separatism of Tibet, Xinjiang and Taiwan, a priori could not be perceived positively. Meanwhile, the basic principles of Chinese foreign policy obligated its diplomacy to treat the disintegration of Yugoslavia as an irreversible and natural reality, showing respect for the national Yugoslav specificity and the right of its peoples to independently determine their future. In this regard, the cessation of the existence of the SFRY did not cause either a wide political discussion or close public attention in China, however, the further interference of the Western bloc in the internal affairs of the former Yugoslavia, the so-called “humanitarian intervention” of NATO, led to total rejection and condemnation by China. The PRC itself was entering a new phase in its history, characterized by a more active foreign policy, and therefore Yugoslavia ceased to play for it the role of the much-needed “window to Europe”. Chinese pragmatism also manifested itself in the fact that Beijing recognized and hastened to establish diplomatic relations with each of the five nation-states that formed on the territory of the former Yugoslavia. China developed further ties with them in accordance with the formula “a balanced attitude towards everyone”, according to which good relations with one of the former republics should not harm relations with the other¹⁸⁶⁷.

Thus, relations between the SFRY and the PRC in the 1980’s were based on the principles of equality and mutual respect and had a positive impact both on the internal development of the two countries and on their authority in the international political arena. The problems that periodically appeared in relations between Belgrade and Beijing were not of a principled and insoluble nature. Yugoslavia could rely on China in those cases when it came to its disagreements with the USSR and the West, but, of course, could not rely on its help in resolving internal problems. It was the internal

¹⁸⁶⁵ Велики пад нашег извоза // Политика. 4. јун 1991. С. 4.

¹⁸⁶⁶ Ibid.

¹⁸⁶⁷ *Arežina, Sanja Z.* Op. cit. S. 209.

problems of the SFRY that, as a result, became the cause of the all-round decline in Yugoslav-Chinese relations, and, above all, their economic component.

CHAPTER 3. THE NON-ALIGNED MOVEMENT AND DEVELOPING COUNTRIES IN THE FOREIGN POLICY OF YUGOSLAVIA

3.1. General potential of the Non-Aligned Movement in the 1980's

In the 1980's for a number of reasons, the Non-Aligned Movement (NAM) no longer represented the foreign political force that it used to be. Firstly, this was facilitated by the policy of the superpowers, which in the last decade of the Cold War were much more busy with the settlement of bilateral relations and did not attach as much importance to the Movement as before. Secondly, which began in the mid-1980's "perestroika" in the Soviet Union initiated a change in Moscow's foreign policy and led to its refusal to interfere in the internal affairs of not only third countries, but also the countries of the socialist bloc, which naturally led to a temporary drop in US interest in developing countries. Thirdly, the decline in the prestige and authority of the NAM was facilitated by the domestic and foreign policy problems that a number of its members had to face, including Yugoslavia, which was one of the leaders of the organization. Fourthly, conflicts or contradictions between individual non-aligned members, for example, Yugoslavia and Cuba, Yugoslavia and Vietnam, Vietnam and Kampuchea, Iraq and Iran, Pakistan and Afghanistan weakened it from within¹⁸⁶⁸. It became more and more difficult for countries to coordinate their actions and develop a common position on various international issues. Nevertheless, maintaining the Movement's status as a "third force" in the world political arena was vital for those countries that thought of participation in it as the basis for their foreign policy.

In ideological terms, the NAM continued to maintain relative cohesion and firmness in the articulation of the principles on which it was based. The main goals of the organization were listed in the Havana Declaration of 1979 and included the struggle for independence, sovereignty, territorial integrity and security of the "third world" countries, a fair political and economic order; struggle against imperialism, neo-colonialism, racism, all forms of discrimination, hegemony and aggression, as well as bloc thinking¹⁸⁶⁹. For non-aligned countries, mutual assistance was a guarantor of independence, inviolability and equidistance from world powers. In this regard, often the moral support provided by non-aligned members to each other meant no less than real practical assistance.

The actual split of the NAM occurred in 1979 and was associated with the Soviet intervention in Afghanistan. Not all non-aligned states were able to condemn the Soviet Union for interfering in the internal affairs of Afghanistan, which was one of the participants in the movement. The pro-Soviet position of Cuba hit its reputation within the organization, led to active anti-Cuban rhetoric and

¹⁸⁶⁸ See more: *Dmitrieva O. D.* Non-Aligned Movement and Regional conflicts. Moscow, 1990. [in Russian]

¹⁸⁶⁹ *Tuzmukhamedov R. A.* Non-Aligned Movement and International Law. Moscow, 1989. P. 23. [in Russian]; See: *Köchler H.* The Principles of Non-Alignment. The Non-Aligned Countries in the 80's. London, 1988.

contributed to the transfer of real leadership into the hands of India – from 1983 to 1986, Indira Gandhi held the post of chairman of the Movement, and after her death, the sixth and seventh presidents of India, Neelam Sanjiva Reddy and Zail Singh. The actions of Vietnam, which neglected its membership in the organization and launched a full-scale military invasion of Cambodia, as well as the Iran-Iraq conflict, caused no less serious concern among the non-aligned participants. Thus, since the early 1980's one could talk about the beginning of the “fragmentation” and the general “regression” of the movement¹⁸⁷⁰.

The death in 1980 of the Yugoslav leader J. Broz Tito, who acted as one of the founders of the movement and faithful followers of his principles and goals in his foreign policy, was also a big blow for the NAM. Around the same time, active supporters of non-alignment died – the first president of Botswana, Seretse Khama, and the first president of the Socialist Republic of Vietnam (SRV), Ton Duc Thang. It should be recognized that the subjective factor meant a lot for the movement in terms of its effectiveness, consistency and integrity of the course¹⁸⁷¹, although a number of researchers, including, for example, S. A. Krylov, are inclined to believe that the end of the era of “leadership of leaders” in the history of the NAM was a natural and necessary stage, since “the charismatic type of leadership no longer corresponded practical and urgent tasks facing the majority of non-aligned countries”¹⁸⁷².

One of the main activities of non-alignment in the decade under review was the campaign for a new world economic order (NWEO), which meant a more equitable distribution of resources, the active participation of the third world countries in world economic processes and their release from the burden of financial obligations to developed countries and their organizations, i.e. overcoming the problem of debt burden¹⁸⁷³. Members of the NAM believed that imperialism, colonialism and economic confrontation deplete the resources of the world economy, and therefore the efforts of developed and developing countries should be aimed at creating favorable conditions for coexistence and mutually beneficial cooperation, which should be based, in particular, on the following principles: 1) disparity in trade benefits between the underdeveloped and the developed; 2) non-discrimination of countries; 3) unilateral preferential treatment of developed countries in relation to developing¹⁸⁷⁴ and so on. In practice, the calls of the non-aligned countries for the establishment of a new economic order,

¹⁸⁷⁰ See: *Krylov S. A. Non-Aligned Movement: History and Modernity // Obozrevatel – Observer. 2018. №3. pp. 26-43. [in Russian]*

¹⁸⁷¹ See: *Actual problems of the Non-Aligned Movement (from Havana to Delhi): ref. Sat. / USSR Academy of Sciences, INION, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1984. [in Russian]*

¹⁸⁷² *Krylov S. A. Op. cit. P. 28. [in Russian]*

¹⁸⁷³ See, for example: *Trošić S. Jelisavac. The Non-Aligned Movement fight for the new international economic order // The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement. Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. Belgrade, 2021. pp. 193-208; Adamović Lj. The economics of Non-Alignment // The economics of Non-Alignment. Edit by Adamović Lj. Belgrade, 1985. pp. 73-86; Bekić D. The evolution of the political economy of Non-alignment // The economics of Non-Alignment. Edit by Adamović Lj. Belgrade, 1985. pp. 87-92.*

¹⁸⁷⁴ *Trošić S. Jelisavac. Op. cit. P. 197.*

according to the apt remark of Jovan Cavoski, turned out to be “dead in the face of the emerging neoliberal alternative of free markets, foreign investment and private initiatives”¹⁸⁷⁵, which prompted them to seek “individual solutions to their own problems”¹⁸⁷⁶.

In this regard, the non-aligned countries paid considerable attention to the study of national economic problems, for the purpose of which they even created joint analytical centers. Among these centers, a special place was occupied by the International Center for State Enterprises in Developing Countries in Ljubljana, founded back in 1972 and received the status of a specialized agency of the UN in 1978. Considerable efforts were made by the SFRY to expand the activities of the center and attract developing states to it, itself faced with unprecedented economic hardship in the 1980’s.

Another area of the struggle of the NAM for a more just and secure world order was agitation and stimulation of the powers to stop and ban tests of nuclear weapons, as well as to reduce their arsenals and spending on the defense industry in principle¹⁸⁷⁷. At the 38th session of the UN General Assembly, held in 1983, a number of non-aligned countries submitted for consideration a draft resolution on the start of negotiations on an international convention to prohibit the use of nuclear weapons. The NAM has consistently advocated a reduction in military activity and general disarmament, calls for which were heard at each of its official meetings¹⁸⁷⁸ and welcomed the unilateral moratorium on nuclear testing announced by the USSR in August 1985 and January 1986. In 1986, the non-aligned countries appealed to US President Ronald Reagan and Mikhail Gorbachev, General Secretary of the CPSU Central Committee, urging them to take “immediate measures to prevent nuclear war”, to reach “an early agreement on the prevention of an arms race in outer space” and “an agreement on a permanent moratorium on nuclear trials”¹⁸⁷⁹. The Movement welcomed the signing of the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (INF) and the Strategic Arms Reduction Treaty (START-1), as well as the Soviet decision to withdraw troops from Eastern Europe, with enthusiasm and approval.

The NAM considered it its direct duty to fight against hunger, poverty, racism, racial discrimination and segregation, of course, within the limits of its political and economic possibilities. Africa has traditionally been considered the most affected part of the world in this regard, the reasons for which, according to the countries participating in the movement, were not so much adverse climatic conditions or the inability of local governments to fight for the equality of their peoples, but the colonial past of the continent. In this regard, imperialism, colonialism and neo-colonialism in the

¹⁸⁷⁵ Čavoški J. The evolution of the NAM’s role in world affairs during the Cold War decades // The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement. Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. Belgrade, 2021. P. 43.

¹⁸⁷⁶ Ibid.

¹⁸⁷⁷ See for more details: *Bakhareva O. V.* The Non-Aligned Movement as an Important Factor in the Anti-Imperialist Struggle: abstract of the thesis. dis. ... dr. hist. sciences. Moscow, 1983. [in Russian]

¹⁸⁷⁸ See: Čavoški J. Non-Aligned Movement Summits: A History. New York, 2022.

¹⁸⁷⁹ The Review of International Affairs. Belgrade, Vol. XXXVII, No. 875. September 20, 1986. P. 28.

eyes of developing countries were the main obstacles to a more progressive and just world order¹⁸⁸⁰.

In the 1980's meetings of foreign ministers and heads of delegations of non-aligned countries, plenary meetings of non-aligned countries at the level of their permanent representatives to the UN, meetings of the Coordinating Bureau, as well as Conferences (Summits) of the countries of the Non-Aligned Movement at the highest level continued to be held on a regular basis. Three such Conferences were held between 1980 and 1991: March 7-12, 1983 in New Delhi, September 1-6, 1986 in Harare, and September 4-7, 1989 in Belgrade. Meanwhile, the Conferences were more presentational and demonstrative than strategic. As a rule, they did not develop any new ideas and solutions, but only discussed issues on the current international agenda and confirmed the obligations of countries to continue to follow a non-bloc policy. Let us characterize the most significant, in our opinion, pages in the history of non-alignment in the 1980's, taking as a basis the chronology of the movement's official events.

Among the landmark meetings of foreign ministers and heads of delegations of non-aligned countries, one should highlight the meeting held on February 9-13, 1981 in New Delhi¹⁸⁸¹, during which Indira Gandhi delivered an inspiring keynote speech in which she called on members of the movement to unite and prevent splits. It was then that the participants decided to declare September 1 as Non-Aligned Day and recommended its annual celebration. The meeting condemned the Camp David Accords, called for the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan, expressed concern about the situation in Southeast Asia, and acknowledged that the Iran-Iraq war had caused significant damage to the Movement. The complexity of this situation for the NAM was also that Iran and Iraq demanded that it take a clear position on the war, i.e. speak on one side or another¹⁸⁸².

At a meeting on October 4-9, 1982, held in New York during the 37th session of the UN General Assembly, the Movement demanded the complete withdrawal of Israeli troops from Lebanon and reaffirmed its unconditional support for this Middle Eastern country in ensuring its sovereignty and territorial integrity¹⁸⁸³. The United States was also sharply criticized for military, political and financial support for Israel in the war against the Arab peoples, and Great Britain for military aggression against Argentina in the Falkland Islands. At the same time, the meeting participants discussed the situation in South Africa, condemning the measures of the racist regime of South Africa to build up its military potential and the cooperation of a number of Western countries with it, and in Central America, whose peoples were under heavy pressure from the United States¹⁸⁸⁴.

¹⁸⁸⁰ See: *Alimov Yu. I.* Non-alignment: history, theory, problems. Moscow, 1990; *The Non-Aligned Movement as an Important Factor in Modern International Life.* Moscow, 1985. [in Russian]

¹⁸⁸¹ Данас свећано отварање // Политика. 9. фебруар 1981. С. 1.

¹⁸⁸² Ibid.

¹⁸⁸³ *Panova I. A.* The non-aligned movement is an important factor in world politics in the 20th century // *Bulletin of the Moscow State University of Printing Arts.* No. 11, 2012, pp. 82-83; See: *Utegenova D. K.* UN and the Non-Aligned Movement. Moscow, 1991. [in Russian]

¹⁸⁸⁴ Ibid.

7th Conference of the Non-Aligned Movement March 7-12, 1983 in New Delhi¹⁸⁸⁵ was held in a friendly atmosphere, despite the growing conflict of interest within the organization. India managed to reduce the intensity of passions by directing significant efforts to achieve consensus by excluding from the agenda and final documents “any radical proposals”¹⁸⁸⁶ and at the same time maintaining “a firm position on the most fundamental questions”¹⁸⁸⁷. This was the essential personal merit of Indira Gandhi.

The countries came to the conclusion that it was necessary to continue cooperation despite many differences and themselves recognized that the conference was not a conference of “new answers”, but a conference of the development of “mutual responsibility”¹⁸⁸⁸ and strengthening ties. It is important that the talks did not end solely with a statement of joint successes, but also exposed the problems and contradictions of development. The main problem was “the sphere of practical application of one’s own principles in one’s own policy and behavior”¹⁸⁸⁹, as well as the presence of conflicts between individual participants, which were becoming “chronic”¹⁸⁹⁰ and became a sore point for the movement in principle insofar as they provoked the pressure of the blocs on it. First of all, here they had in mind the case of Kampuchea, whose place at the conference this time was empty, and the Iran-Iraq war, which was one of the centers of attention in the course of bilateral and multilateral negotiations of non-aligned leaders. The theme of the racist regime of South Africa also sparked a heated discussion: the non-aligned countries categorically condemned the policy of apartheid, the persecution of freedom fighters for the black population, the actions of the Republic of South Africa to destabilize the Kingdom of Lesotho, Zimbabwe and the Seychelles¹⁸⁹¹. The participants also reaffirmed the resolutions of the 6th Conference concerning other centers of world tension – Western Sahara, the Caribbean, Cyprus, Korea, Latin America, Lebanon, Palestine, Southeast, Southwest Asia, etc. The main cause of tension, conflicts and violence in the world at the same time declared “unbearable inequality and exploitation established by colonialism and imperialism”¹⁸⁹².

Traditionally, great importance was given to issues of disarmament and peaceful development, as well as to the economic agenda, which has become more relevant than ever because of the deepening crisis in the economies of most of the non-aligned countries. Thus, the Conference called on the great powers to immediately stop the arms race and “drift” in the direction of nuclear conflict.

On April 19-21, 1985, an extraordinary ministerial meeting of the NAM Coordinating Bureau on

¹⁸⁸⁵ Initially planned to be held in Baghdad.

¹⁸⁸⁶ Čavoški J. The evolution of the NAM’s role in world affairs... P. 45.

¹⁸⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸⁸ Завршни документ Делхијске конференције. Путокази за бољи свет // Политика. 13. март 1983. С. 1.

¹⁸⁸⁹ Ibid.

¹⁸⁹⁰ Ibid.

¹⁸⁹¹ Ibid.

¹⁸⁹² Shadly H. Ali. Non-Aligned Movement and decolonization. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in political science. Aligarh, 1990. P. 98.

the Namibia issue was held in New Delhi, as a result of which practical measures were developed to support the liberation struggle of the South West African People's Organization (SWAPO) against South Africa, which were included in the special Declaration and Program of Action¹⁸⁹³, which provided for the rupture of diplomatic relations, the oil embargo, the ban on the circulation of coins minted in South Africa; cultural and sports boycott and ratification of the international convention "On the Suppression and Punishment of the Crimes of Apartheid"¹⁸⁹⁴.

The next emergency meeting of the Coordinating Bureau was held on February 6, 1986 in New Delhi and dealt with the situation around Libya, or rather, the US threats to the Jamahiriya. The non-aligned countries warned against possible "illegal" and "provocative" actions not only by the United States, but also by Israel¹⁸⁹⁵, recalling to him the attack of fighters of the Air Force on the plane of the "Libyan Arab Airlines" in February 1973, which claimed the lives of 108 people.

The ministerial meeting of the Coordinating Bureau on April 16-19, 1986, among others, considered issues related to Antarctica and expressed hopes for its exceptional peaceful development in the future¹⁸⁹⁶. At the same time, a special section on international terrorism was included in the NAM Declaration, characterizing it as a threat to peace, security and stability. Non-alignment expressed its readiness to prevent such activities in every possible way and called on Western countries to ban the recruitment, financing and training of mercenaries¹⁸⁹⁷. The US bombing of Libya on April 15, 1986, and interpreted as a violation of Libyan sovereignty, was strongly condemned.

The 8th Conference in Harare on September 1-6, 1986, which fell on the year of the 25th anniversary of the existence of the NAM, acquired a special, symbolic meaning. Despite the fact that the participants recognized this conference as "one of the most successful in the history of the movement"¹⁸⁹⁸, in practice, it was again not marked by the development of truly new approaches. The parties only reaffirmed the decisions of previous conferences, expressed their resolute readiness to fight against the racism and militarization of South Africa, which they condemned for the illegal occupation of Namibia, and emphasized "the legitimacy of the struggle of the Namibian people for self-determination by all available means, including armed confrontation"¹⁸⁹⁹. The movement also pledged to take measures to strengthen collective self-reliance and decolonization, to contribute to the establishment of a just economic order¹⁹⁰⁰, in an environment where the economic potential of its members was becoming increasingly weak and doubtful.

At the same time, the Conference in Harare clearly highlighted the internal and external crisis of

¹⁸⁹³ See: Non-Aligned Movement in Documents and Materials. Moscow, 1985. [in Russian]

¹⁸⁹⁴ *Shadly H. Ali*. Op. cit. pp. 100-101.

¹⁸⁹⁵ *Ibid.* P. 103.

¹⁸⁹⁶ *Ibid.* P. 105.

¹⁸⁹⁷ *Ibid.*

¹⁸⁹⁸ Осми самит несврстаних у Харареу // Политика. 7. септембар 1986. С. 1.

¹⁸⁹⁹ The Review of International Affairs. Belgrade, Vol. XXXVII, No. 875. September 20, 1986. P. 45.

¹⁹⁰⁰ *Ibid.*

the movement: it was not marked by the entry of new members into its composition, it was attended by far fewer heads of state than the previous ones, and the superpowers almost completely ignored the event¹⁹⁰¹. Moreover, for the first time in history, the venue for the next conference has not been announced.

At an extraordinary meeting of the Ministers of Foreign Affairs on June 10-13, 1987¹⁹⁰² in Pyongyang, the possibilities of increasing economic cooperation along the lines of South-South and North-South were considered; the beginning of bilateral and multilateral negotiations between creditors and their debtors on the introduction of interest-free deferrals on payments by developing countries until they are able to pay: as the financial situation in such countries deteriorated, this topic began to take center stage on the agenda of the movement. The Minister of Foreign Affairs of Yugoslavia, R. Dizdarevic, even stated at the meeting that “debts are no longer just a problem of debtors, but a global problem, not only economic, but also political”¹⁹⁰³. At the same time, a decision was made on the prospective formation of a currency “solidarity fund” of developing countries “Bank of the South”¹⁹⁰⁴.

On May 26-31, 1988, an extraordinary meeting of the Coordination Bureau was held in Havana¹⁹⁰⁵, dedicated to the problem of disarmament, and on July 4-7 of the same year – a meeting of the Committee for Economic Cooperation of Non-Aligned and Developing Countries in Harare, which discussed the possibility of introducing a moratorium on paying debts on loans from debtor countries and changes in the “largely unfair and negative international economic system”¹⁹⁰⁶, which consisted, in particular, in unjustifiably low prices for raw materials – the main export item of developing countries – and the unequal nature of economic cooperation between developed and developing countries.

The meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the NAM on September 5-10, 1988 in Nicosia is significant in that for the first time there was a serious discussion about the need to “modernize” the NAM, which was “at a crossroads”, in order to increase its effectiveness¹⁹⁰⁷. The “modernization” of the movement was to be expressed not only in a change in its tactics and strategy, but also, importantly, in the creation of permanent governing bodies and working groups; reduction in the volume of final documents of joint meetings and even simplification of their protocols (for example, in the rejection of the “welcome” declaration of the goals and principles of the NAM) – it was generally supposed to begin a gradual disposal of the obsolete legacy of the 1960’s - early 1980’s. In Nicosia, it was also decided to hold the next NAM conference in Belgrade, which had not originally nominated itself as the venue, but was unanimously proposed by the non-aligned countries as such, placing the SFRY in a

¹⁹⁰¹ Čavoški J. The evolution of the NAM’s role in world affairs... P. 46.

¹⁹⁰² Сарадња Југ – Југ угаони камен несврставања // Политика. 10. јун 1987. С. 1.

¹⁹⁰³ Ibid.

¹⁹⁰⁴ Реалност уместо илузија // Ibid. 14. јун 1987. С. 1.

¹⁹⁰⁵ Ванредна министарска конференција несврстаних // Ibid. 8. мај 1988. С. 2.

¹⁹⁰⁶ Заједнички мењати међународни економски систем // Ibid. 4. јул 1988. С. 2.

¹⁹⁰⁷ Несврстаност на нов начин // Ibid. 5. септембар 1988. С. 2.

delicate and difficult situation. The Yugoslav leaders took the proposal in two ways: on the one hand, as a sign of extraordinary trust and high international prestige of the country, a kind of “act of symbolism”¹⁹⁰⁸, and on the other hand, as an additional political and economic burden in conditions of internal instability.

At the 9th Belgrade Conference in 1989, the nature and significance of which will be discussed in more detail in the next paragraph, the process of rethinking the place and role of the NAM in the world began, in fact, the presence of “stagnation” phenomena in its development was recognized, which was, first of all, an achievement SFRY, which was a supporter of a deep reform of the organization. The conference set two strategic tasks for the non-aligned countries: “to create better conditions for their development on the eve of the 21st century” and “to influence the world more actively”¹⁹⁰⁹. To do this, it was necessary to integrate into the emerging world order, as well as to update the political, social, economic, humanitarian and environmental paradigm of the movement. If we talk about the main provisions included in the updated concept of the NAM, then we should name “strengthening the solidarity of the countries of the ‘third world’”, “interpretation of universal values from the point of view of the interests of developing countries”, “expansion of the movement at the expense of other states, including European ones”, “recognition of the primacy of economic problems in the NAM politics”¹⁹¹⁰, etc.

The Belgrade summit became the apotheosis of the activity of the movement in the 1980’s, after which, in 1990-1991, it, along with the frequency of fundamentally important meetings, fell. Among the latter, it is necessary to single out the trilateral meeting of the Foreign Ministers of Algeria (Sid Ahmed Ghazali), India (Inder Kumar Gujral) and Yugoslavia (Budimir Loncar) on the situation in the Persian Gulf on September 11-12, 1990¹⁹¹¹. The adoption by the UN Security Council of Resolution No. 660 condemning the Iraqi invasion of Kuwait, the non-aligned countries considered, first of all, their merit. At the meeting, the ministers agreed to continue to pursue a policy of strict blockade against Iraq.

The coverage of the most significant meetings of the non-aligned countries, in our opinion, was important from the point of view of understanding the problems that caused anxiety and concern of the movement; their reactions to these problems and proposals for their resolution. As we have seen, fundamentally new approaches to resolving the world NAM crises in the 1980’s was not proposed, and it was limited at best to boycotts, and often to mere peace appeals. Moreover, the statements of the Non-Aligned Movement in the 1980’s were, rather, declarative and recommendatory in nature.

¹⁹⁰⁸ Несврстани у Европи // Политика. 12. септембар 1988. С. 2.

¹⁹⁰⁹ NAM and Contemporary World / Ed. By Govind N. Shrivastava. New Delhi: Indian Institute for Non-Aligned Studies, 1990. P. 11.

¹⁹¹⁰ *Ali Mohamed Salem Ba-Saad*. The non-aligned movement in the second half of the 80’s – early 90’s: author. dis... cand. hist. sciences. Kyiv, 1993. P. 12. [in Russian]

¹⁹¹¹ Тројни састанак несврстаних // Политика. 11. септембар 1990. С. 2.

According to J. Cavoski, the movement “began to lag behind major world events, failing to formulate a decisive and coordinated response to various conflict situations”¹⁹¹². In fact, it did not have a single budget, a clear organizational structure and professional personnel, as well as its own armed forces; included in its composition underdeveloped and economically failed states; lost in the 1980’s the most charismatic and authoritative leaders, the organization could hardly really oppose the imperialist policies of the superpowers. At the same time, the principle of “non-bloc nature” was doctrinal for the movement, so it would be theoretically incorrect to draw parallels between it and military-political blocs.

In the conditions of the end of the Cold War, the relevance of the Non-Aligned Movement, whose significant shortcomings were the lack of initiative and pessimism of its many members regarding the future of the organization, decreased. It did not have sufficient authority even among the non-aligned countries themselves, some of which in the late 1970’s-1980’s repeatedly violated its most important postulates. At the same time, the movement did not have real levers of pressure on such members, as well as opportunities to resolve emerging conflicts. Following the principle of non-intervention in the internal affairs of states was so dogmatic and literal that it paralyzed the NAM. Its mechanism was more or less effective in conditions when it was necessary to repulse the superpower and the military-political bloc or reduce tension in relations between them, but it turned out to be absolutely unclaimed in the conditions of the growing conflict between the participants themselves. The collapse of the USSR and the socialist bloc deprived the existence of the movement of practical meaning – in turn, the collapse of the SFRY actually beheaded it. Turned into a “relic of the bipolar world”¹⁹¹³, the Non-Aligned Movement was literally on the verge of survival: “the historical need to unite the non-aligned countries has exhausted itself”¹⁹¹⁴, as a result of which the optimistic hopes that a renaissance of the movement would come after the Belgrade Conference did not come true.

3.2. The Non-Aligned Movement in the foreign policy of Yugoslavia

During the period under review, Yugoslavia tried hard to retain the status of one of the leaders of the Non-Aligned Movement, which would guarantee it a special position in Europe and in the world. At the same time, Belgrade began to lack the economic and political potential to maintain such a responsible role within the split and stagnating NAM. The sharply changed foreign policy situation in the second half of the 1980’s cast doubt on the expediency of such aspirations.

Participation in the movement until the end of the 1980’s remained a priority in the foreign policy of the SFRY, but, above all, in theoretical and declarative terms. In practice, in the second half of the

¹⁹¹² Čavoški J. The evolution of the NAM’s role in world affairs... P. 46.

¹⁹¹³ Krylov S. A. Op. cit. P. 29. [in Russian]

¹⁹¹⁴ Kostiuk R. V. The Non-Aligned Movement in the Cold War Era // Clio. 2011. No. 4. P. 37. [in Russian]

1980's it began to trample on the principles of equidistance and non-alignment, increasingly gravitating towards the capitalist countries both economically and politically. Such a reorientation was explained by opportunistic reasons and became largely forced, since the level of Yugoslavia's cooperation with the non-aligned countries did not correspond to either its economic interests or its political prestige. By the beginning of the 1990's the Yugoslav leadership fully realized the futility of their initiatives to reform the movement and, as a result, the futility of participating in it.

The absence of a single and strong head of state like J. B. Tito somewhat diminished the significance of the SFRY in the eyes of other members of the organization, for whom, as representatives of the "third world", the factor of a strong personality played a special and in some ways even sacred significance. Meanwhile, the reduction of the role of Yugoslavia in the activities of the NAM was first discussed in different countries during Tito's lifetime, so it would be fundamentally wrong to attach decisive importance to the subjective factor in this process. The fall in the prestige of the SFRY, which the politicians of some non-aligned states began to look at not as the most developed and successful among them, but as an equal, and sometimes lagging behind, was facilitated by the presence of internal problems, disintegration tendencies and separatist sentiments¹⁹¹⁵. The purely pragmatic and prudent foreign policy of Yugoslavia was perceived as opportunistic and was another reason for the transfer of real leadership in the movement into the hands of "new", "young", "revolutionary" and "radical" forces¹⁹¹⁶.

In the first months after Tito's death, the "new" leadership was quick to declare itself the successor to his foreign policy, to express absolute agreement and solidarity with the goals and objectives of the policy of non-alignment, and to confirm their intention to intensify their activities within the movement. "The strength of our influence has always been based on the principle of our policy, our points of view on every international issue, our always accurately expressed assessments of the main trends in world development, on the realism and practical expediency of initiatives, proposals and opinions. If we can continue to maintain these abilities, we will retain our former role in the Non-Aligned Movement, which we have never considered as a leader, but as one of its most active members. We belonged and now belong to the number of countries that, through their initiatives and actions, strengthen the movement. I am deeply convinced that there will be no changes in the role of Yugoslavia in the Non-Aligned Movement and on the international stage as a whole"¹⁹¹⁷, – in this statement of the former Minister of Foreign Affairs of the SFRY Milos Minic, made by him in December 1980, in our opinion, the position of the Yugoslav leadership on the issue of the role and future of Yugoslavia in the NAM is most fully reflected. It is only worth noting that Minic's

¹⁹¹⁵ See: *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. 1983. Vol. XX. No. 4. S. 29-37.*

¹⁹¹⁶ Несврстани покрет не одустаје пред тешкоћама // Политика. 18. децембар 1980. С. 2.

¹⁹¹⁷ Ibid.

unwillingness to name Yugoslavia one of the leaders of the movement, in our opinion, was nothing more than diplomatic courtesy, while in practice the Yugoslavs assessed the status of the SFRY within the organization in precisely this way.

The most important thing in confirming the commitment to the policy of non-alignment was the message about the independence of foreign policy views and the sovereignty of the SFRY, addressed to the USSR and the USA. The Yugoslav leadership did not change its point of view on the question of the intervention of the Soviet Union in Afghanistan, considering it an act of aggression and hostility towards the movement in principle and appealing to the right of the Afghan people to independently determine their present and future¹⁹¹⁸. Consistent and irreconcilable condemnation of the entry of Soviet troops into Afghanistan at first helped Yugoslavia win international positions, as well as sympathy from the capitalist countries¹⁹¹⁹. Thus, the position of the SFRY on this issue brought it both obvious at first consideration and latent dividends.

Criticism of the actions of the Soviet Union and its attitude towards the Non-Aligned Movement as a hypothetical ally was one of the defining features of Yugoslavia's policy as a non-aligned country. However, this criticism has always been cautious and prudent. What, for example, cannot be said about the criticism of the pro-Soviet countries within the movement: the Yugoslav-Cuban conflict was one of the main reasons for the political and ideological split of the organization and the developing crisis of the policy of non-alignment. The painful reaction of the SFRY to the pro-Soviet sympathies in the NAM was due to the fact that they shook the very foundations of Belgrade's foreign policy, just like the movement, which Yugoslavia regarded as its own brainchild. Cuba, after the 6th Conference of Non-Aligned Countries in Havana, was perceived by the SFRY as a natural adversary in the struggle for leadership in the organization¹⁹²⁰.

In a similar way, Yugoslavia also assessed the foreign policy actions of the United States aimed at expanding spheres of influence and having an inherently imperialist nature, for example, in Latin America and the Caribbean region¹⁹²¹. Belgrade strongly condemned the assistance that Washington provided to Israel in the war against the Palestine Liberation Organization (PLO), as well as the US military operation against Libya in April 1986. It should be added that the SFRY was also actively criticized for the policy of "state terrorism" unaligned Libya itself.

¹⁹¹⁸ *Stanković S.* Initial Yugoslav reaction to Soviet invasion of Afghanistan. RFE-RL* Research. RAD Background report/2 (Yugoslavia). 4 January 1980. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:36fdd911-d592-4d34-b75e-236b8780cda8> (Accessed: 22.08.2022).

¹⁹¹⁹ See: *Bogetić D.* Yugoslavia and the Non-aligned movement // The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement. Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. Belgrade, 2021. p. 239-255.

¹⁹²⁰ *Stanković S.* Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/9 (Yugoslavia). 19 September 1986. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:e35a2908-628e-40a4-beda-f91b527b9649> (Accessed: 22.08.2022).

¹⁹²¹ See: *Tadić B.* Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nesvrstanosti. Beograd, 1982.; *Niebuhr R.* Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // Journal of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, No. 1. p. 146-179.; *Jakovina T.* Treća strana hladnog rata. Zagreb, 2011.

In 1981, the 20th anniversary of the Non-Aligned Movement was solemnly celebrated in Yugoslavia. The wide scope of events dedicated to the anniversary of the movement should once again emphasize its key importance for the country's foreign policy. However, pessimistic forecasts and assessments of the future of the NAM darkened the atmosphere of the holiday and prompted the Yugoslav leadership to rethink its role in it, which it did very reluctantly out of fear of the need for comprehensive changes and revision of the Tito legacy. Aware of the existence of objective problems, Yugoslav politicians, nevertheless, tried hard to convince the public of the viability and durability of the Non-Aligned Movement: "The Movement cannot be killed, since the policy of non-alignment is indestructible,"¹⁹²² – said at a meeting of the Federal Public Council for International Affairs in December 1980, its chairman, the former Minister of Foreign Affairs of the SFRY M. Minic.

Among the most acute internal problems of the functioning and development of the NAM, Yugoslav diplomacy attributed the multiplication of disputes and conflicts between its participants; limited opportunities, lack of efficiency and dynamism in dealing with international crises; difficulties in the practical implementation of the developed solutions, the low level of bilateral and multilateral economic relations of the participants in the movement, etc¹⁹²³.

The emergence of more and more problems and contradictions between the participants in the movement was of particular concern to Yugoslavia, which considered the unity of the non-aligned countries to be its strategic goal¹⁹²⁴. At the same time, the unity in the understanding of the Yugoslav leadership was by no means in unrealistic homogeneity and not in a uniform approach to all international problems, but in equality and "community of long-term interests"¹⁹²⁵.

In order to resolve existing disputes between non-aligned countries, Yugoslav diplomacy back in the late 1970's proposed the creation of an appropriate mechanism in the form of special groups to provide advisory services to conflicting countries, and in 1981, at the session of the meeting of foreign ministers in New Delhi, she came up with her own project on conflict resolution¹⁹²⁶, based on the principle of unquestioning adherence to the norms of international law. The SFRY also put forward proposals for the creation of special committees on conflict situations (following the example of the Committee on the Palestinian Question) and a code that would contribute to the peaceful settlement of contradictions between non-aligned countries¹⁹²⁷. The efforts of the SFRY in this direction were not crowned with success.

The Soviet intervention in Afghanistan, the Vietnamese occupation of Kampuchea, the Iran-Iraq conflict, the Algerian-Moroccan conflict in Western Sahara, the military confrontation between

¹⁹²² Несврстани покрет не одустаје пред тешкоћама // Политика. 18. децембар 1980. С. 2.

¹⁹²³ Ibid.

¹⁹²⁴ See: *Tadić B., Damian A. Pokret nesvrstanosti i sukobi među nesvrstanim zemljama*. Beograd, 1987.

¹⁹²⁵ *World Socialism and the Non-Aligned Movement*. Moscow, 1988. P. 171. [in Russian]

¹⁹²⁶ Ibid. P. 174.

¹⁹²⁷ Ibid.

Ethiopia and Somalia, the Libyan military campaigns in Central Africa actually broke the former solidity of the NAM¹⁹²⁸. Belgrade took the increase in tension in these countries at its own expense, at the same time realizing its helplessness and inability to contribute to their real settlement. Tough controversy with Cuba did not contribute to the strengthening of the international authority of Belgrade: not a single member of the collective leadership of the SFRY could compare in terms of his level of influence with Fidel Castro. Active anti-Cuban rhetoric, rather, on the contrary, led to an increase in prejudice against the movement of Latin American countries, for which Cuba was closer and more understandable in every sense, rather than securing the status of an undisputed leader for Yugoslavia. The accusatory criticism of Libya and the policy of Muammar Gaddafi, who had a recognized authority among the Arab and African states, had similar consequences.

In the context of the increasingly aggravated confrontation within the NAM, Yugoslavia saw the UN as the main opportunity for realizing its interests, while noting that it, too, was experiencing a certain crisis¹⁹²⁹. It should be noted that Belgrade opposed a fundamental change in the UN Charter and the existing institutional forms of organization and was convinced that it was the NAM that, through its peacekeeping and mediation, did a lot to preserve it. Yugoslavia attached great importance to coordinating the activities of the non-aligned countries within the framework of the world organization. In particular, she took the initiative to form a working group on the problems of strengthening the role of the UN in the Coordinating Bureau of Non-Aligned Countries, and to create a department of non-aligned policy at the UN University¹⁹³⁰. The relevant working group was established in 1986¹⁹³¹.

The NAM itself, in the opinion of the Yugoslav leadership, against the background of objective problems and contradictions in the camp of the non-aligned countries, should have adopted the “policy of small steps”¹⁹³², which would help to reduce general international tension and could prevent ideologization, radicalization, and the movement’s closure solely on the resolution of internal conflicts, or even its collapse.

Yugoslavia has been a consistent supporter of the democratization of relations and the development of a system of consensus in the NAM; intensification of cooperation between the non-aligned countries, both on a multilateral and bilateral basis, and above all in the field of trade and economic relations. Belgrade considered the last point as a strategic one, since it believed that the strengthening of economic ties with non-aligned countries would guarantee the preservation and strengthening of the independence of Yugoslavia itself, which was stated, in particular, by the policy

¹⁹²⁸ See more: *Tadić B., Damian A.* Op. cit.

¹⁹²⁹ World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 171. [in Russian]

¹⁹³⁰ Ibid.

¹⁹³¹ Ibid.

¹⁹³² Ibid. P. 173.

documents of the 13rd Congress of the LCY in 1986¹⁹³³. The intensification of economic cooperation between developing countries was also conceived by Belgrade as a necessary component of the new international economic order, the content of which has already been revealed above.

Yugoslavia paid great attention to assisting the peoples' national liberation struggle for independence: "The SFRY has always placed at the forefront of its foreign policy the struggle for self-determination and the liberation of peoples, for the elimination of colonialism, racial discrimination and apartheid"¹⁹³⁴. In the 1980's she continued to provide them not only with moral and diplomatic support, but also with personnel, material and humanitarian, including the supply of food, clothing, medicines and medical equipment, vehicles; transportation of seriously wounded participants in the national liberation struggle for their further treatment in Yugoslavia¹⁹³⁵, etc., and the activities of the Socialist Union of the Working People of Yugoslavia (SSRNJ) occupied a special place in this regard. Every year, the SSRNJ held Weeks of Solidarity with the Liberation Movements, during which the results of work in this direction were summed up and comprehensive information was provided to citizens about the amount of assistance provided¹⁹³⁶. Once every few years, SSRNJ held special scientific round tables devoted to the problems of anti-colonial revolutions and emancipation movements (for example, in Kumrovec in 1983 and in Skopje in 1985)¹⁹³⁷. SSRNJ also made a significant material contribution to the opening of political representations of the people's liberation movements in the country.

Among the main recipients of Yugoslav support, it is necessary to single out the Pan Africanist Congress of Azania (PAC), Zimbabwe and the Zimbabwe African National Union (ZANU), the Polisario Front, the South West African People's Organization (SWAPO) and the Palestine Liberation Organization (PLO)¹⁹³⁸.

In addition to the already mentioned new international economic order, Yugoslavia assigned an important role in the activities of the movement to the struggle for the establishment of a new international information order and against the imposition of alien cultural patterns and criteria of values on developing countries: for developing countries, the acquisition of independence in the field of information represented "a condition for independent and equal internal development"¹⁹³⁹. In 1986, at the initiative of Yugoslavia, a decision was made to organize an ECO-pool, which would specialize in the exchange of economic information between developing countries¹⁹⁴⁰. The SFRY also provided assistance to developing countries in training personnel for work in the field of information and

¹⁹³³ World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 186. [in Russian]

¹⁹³⁴ Antikolonijalna revolucija, socialna politička i ekonomska emancipacija u svetu. Beograd, 1986. S. 47.

¹⁹³⁵ Ibid. S. 49.

¹⁹³⁶ Ibid.

¹⁹³⁷ Ibid.

¹⁹³⁸ Ibid. S. 43.

¹⁹³⁹ World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 185. [in Russian]

¹⁹⁴⁰ Ibid.

communication.

From everything it follows that in the 1980's Yugoslavia was indeed quite active in the NAM, and therefore expected special treatment from other non-aligned countries and superpowers. The 1983 and 1986 NAM conferences in New Delhi and Harare, despite all Belgrade's attempts to strengthen itself as the locomotive of the movement, did not reveal a clear leader within non-alignment. Moreover, for a number of developing countries, the attraction of the historically closer and economically more prosperous India, which received the status of Chairman of the NAM in 1983, began to grow more and more clearly¹⁹⁴¹.

Yugoslavia, which was experiencing serious economic difficulties, could no longer provide significant financial support to non-aligned countries and was increasingly limited to an expression of diplomatic solidarity. The humanitarian aid that at that time continued to flow from the SFRY to the countries of the "third world" was symbolic and clearly insufficient, especially in the context of the aggravated international situation. Meanwhile, the statements of Yugoslav officials demonstrated the increased attention of the SFRY to the affairs of the movement, designed to convince the non-aligned countries that the European and increasingly Western Yugoslavia is able to understand the problems and aspirations of the post-colonial countries, as well as the specifics of relations between them.

Fully aware of the objective differences between itself and the majority of non-aligned countries representing other continents, Belgrade at all meetings "emphasized the importance of the European component of non-alignment"¹⁹⁴². Defending the point of view that non-alignment is a working mechanism not only "in the conditions of an underdeveloped world"¹⁹⁴³, the SFRY made significant efforts to coordinate the activities of the non-aligned and neutral countries of Europe on issues of ensuring security and cooperation in the region and especially in the Mediterranean. In this regard, it was supported by non-aligned Cyprus and Malta.

In December 1983, Yugoslavia, together with Egypt, Cyprus, Malta, Romania and Tunisia, submitted to the UN General Assembly a draft resolution on the interdependence of security in the Mediterranean and the Balkans, and in September 1984, the first meeting of the foreign ministers of the Mediterranean countries, members of the Non-Aligned Movement, took place in Malta¹⁹⁴⁴. Yugoslavia, of course, became its most active participant, putting security in the Mediterranean inextricably linked with its own national security. Belgrade was seriously concerned about the concentration of armed forces and weapons in the region and insisted on the need to eliminate foreign military bases¹⁹⁴⁵.

In the future, the SFRY methodically advocated the expansion of cooperation between the

¹⁹⁴¹ See: *Shadly H. Ali. Op. cit.*

¹⁹⁴² World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 180. [in Russian]

¹⁹⁴³ Ibid.

¹⁹⁴⁴ Ibid. P. 181.

¹⁹⁴⁵ See more: Диздаревић Р. Од смрти Тита до смрти Југославије: свједочења. С. 121-185.

Mediterranean countries in all areas, including culture and science; development of the concept and specific projects for cooperation. Unfortunately, these Yugoslav initiatives, as a rule, did not lead to any significant results. Meetings of foreign ministers of ten Mediterranean non-aligned countries in June 1987 in Brioni and in March 1990 in Malta also had more presentation than practical value.

Leadership of the SFRY in the 1980's has repeatedly noted that non-alignment is a policy, ideology, concept and practice of relations between states, that it "actively influences the restructuring of international relations on the basis of the liberation of all subjects, which gives a new character to international cooperation"¹⁹⁴⁶. "For us in Yugoslavia, non-alignment implies a rich social and political content, a philosophy of international relations, which is synonymous with such universal human values as freedom, independence, equality of all peoples and states, peace and social progress"¹⁹⁴⁷, – said Nenad Bucin, Chairman of the Union Conference of the SSRNJ, at a meeting of the Federal Assembly in September 1986, dedicated to the 25th anniversary of the NAM Belgrade Conference. Aware of the fact that the movement was in a state of deep crisis, the Yugoslav leaders, through their often grandiloquent statements, tried to remind the non-aligned countries of its historical mission and the need to breathe new life into it. At the same time, the attitude of some Yugoslav politicians towards the movement and its individual participants became more irritable. Thus, in particular, at the Conference in Harare, former Yugoslav Foreign Minister Koca Popovic said: "Those [governments – *Author's note*] that cannot cope with their internal problems do not look particularly convincing when they ask this from others"¹⁹⁴⁸. This critical remark, no doubt, applied to the leadership of post-Tito's Yugoslavia.

On the eve of the 13rd Congress of the LCY on June 25-28, 1986, the executive secretary of the Presidium of the Central Committee of the LCY S. Stojanovic, analyzing the processes in the international communist and workers' movement on the basis of the Yugoslav concept of the development of socialism as a world process, formulated the following position: the Yugoslav orientation towards the policy of non-alignment and contribution The SFRY in the development of this policy are an expression of the class approach and internationalism of the LCY¹⁹⁴⁹. This remark seems to us important insofar as it was clearly aimed at raising the somewhat collapsed prestige of the LCY in the international communist movement.

The Non-Aligned Movement also seemed to Yugoslavia a convenient platform for declaring and defending its foreign policy interests. As one of the mouthpieces of the NAM, Yugoslavia insisted on

¹⁹⁴⁶ World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 169. [in Russian]

¹⁹⁴⁷ Са свећане седнице у Скупштини СФРЈ поводом 25-годишњице Београдске конференције несврстаности. Солидарност у борби. Из излагања Ненада Бућина, председника Савезне конференције ССРЈ // Политика. 2. септембар 1986. С. 2.

¹⁹⁴⁸ Cit. on: *Stanković S.* Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/9 (Yugoslavia). 19 September 1986. P. 6. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:e35a2908-628e-40a4-beda-f91b527b9649> (Accessed: 22.08.2022).

¹⁹⁴⁹ World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 165. [in Russian]

the need for a new world economic order, an end to the arms race, comprehensive disarmament and a reduction in defense spending in the budgets of the great powers; strengthening the interconnection and interdependence of Europe and other parts of the world; strengthening cooperation between developed and developing countries and increasing international assistance to the latter. Demanding from the superpowers all of the above on behalf of the movement, Yugoslavia, in fact, demanded guarantees for itself. The case of Yugoslavia is complex: geographical vulnerability, numerous economic problems, the crisis of federation and the ideas of “Yugoslavism”, coupled with inflated foreign policy ambitions, led to the dual position of Belgrade on the world political stage. Naturally, the diplomacy of the SFRY felt much more confident, being one of the leaders of the world’s largest community of developing states, than just the diplomacy of a peripheral Eastern European country: “Without the declaration of a policy of non-alignment and broad cooperation with a number of non-aligned countries, Yugoslavia would objectively occupy a modest political place on the European periphery”¹⁹⁵⁰. In general, Yugoslavia considered participation in the NAM as a guarantor of its independence and an opportunity for “an active contribution to building stable and honest relations in the world, especially in the difficult conditions of our time”¹⁹⁵¹.

More than others, the SFRY, as one of the founders and leaders of the movement, was concerned about its prospects and future place on the world political arena in the context of a rapidly changing international agenda. Changes in the world, especially in relations between the superpowers, led the non-aligned countries to confusion and hesitation, as they required overcoming bloc thinking, revising the concept of the NAM and its entire historical legacy. The absence of real unity, division into groups on a regional basis, different political orientations and economic motivations, the primacy of national interests in the foreign policy of the non-aligned countries, their unwillingness to assume collective obligations and responsibility stopped the implementation of important conceptual and organizational decisions. According to some of them, non-alignment was “a product of the opposition of great powers and blocs, on the basis of which, in the era of reaching an agreement between them, the basis of the policy of non-alignment disappears”¹⁹⁵², and, therefore, any reformation of it is a priori meaningless and futile.

In this regard, the merit of Yugoslavia and its political leaders is invaluable, who were among the first to openly and sometimes quite sharply declare the need to modernize and increase the effectiveness of the NAM on the principle of “less declarativeness, but more real activity”. So, the expediency of such transformations was pointed out by the Federal Secretary of Foreign Affairs R. Dizdarevic, who mistakenly expected that the Conference in Harare would set the countdown for

¹⁹⁵⁰ *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. 1983. Vol. XX. No. 4. S. 29.*

¹⁹⁵¹ Несврстаност незаменљив израз и ослонац наше независности // Политика. 19. март 1987. С. 1.

¹⁹⁵² World Socialism and the Non-Aligned Movement. P. 167. [in Russian]

the reform of the NAM: “I think that there is reason to believe that the Summit in Harare will open a new stage in the activities of the non-aligned movement his actions have become less declarative, but more energetic”¹⁹⁵³. L. Moisevic repeatedly spoke and wrote about the urgent need for “perestroika” of the NAM, but one of the most influential officials in the federal leadership in 1988-1991, the last head of Yugoslav diplomacy, B. Loncar, became a consistent and resolute supporter and conductor of such transformations.

According to Loncar, decisive importance in the activities of the NAM should have been given to international economic and financial issues, and in the process of discussing them with developed countries, non-aligned countries had to emphasize the interdependence of international economic relations with stability and security, while showing “flexibility”, “pragmatism” and “realism”¹⁹⁵⁴. Only in this way could developing countries reach a compromise with the global North and extract much-needed concessions from it. Assistance in resolving conflicts in hot spots and, first of all, when they were members of the NAM, was to become the second most important area of the NAM activity. The role of NAM in the struggle for human rights, ensuring equal access to the achievements of science and technology for all mankind should have become more active; in the protection of the environment, the fight against terrorism, drug trafficking and deadly diseases¹⁹⁵⁵.

Thus, it was about changing the agenda of the movement, its reorientation from the political to the economic and humanitarian components. At the same time, Loncar noted that Yugoslavia opposed the revision of the fundamental principles and goals of non-alignment. At the same time, he spoke in favor of allowing non-members of the NAM to participate in its work and decision-making, as well as organizing an active dialogue with the permanent members of the UN, EEC countries and various regional organizations. Of course, not all countries participating in the NAM could agree with this approach, most of which still saw their main task in the anti-imperialist struggle, because imperialism as a political reality did not disappear with the end of the Cold War. Some of Yugoslavia’s proposals, such as, for example, an invitation to non-members to participate in NAM meetings, seemed to them “heretical” at all¹⁹⁵⁶. Moreover, other non-aligned countries were frankly annoyed by Yugoslavia’s attempts to integrate into the Western European economic space. To such remarks, Belgrade usually retorted that many members of the movement are also members of their regional economic organizations and this does not prevent their participation in the NAM.

The fact that the innovative aspirations of the SFRY were not understood by all members of the movement does not in the least detract from the progressiveness and far-sightedness of the Yugoslav diplomats, nor from the fact that in the late 1980’s in the conditions of the deepest internal crisis,

¹⁹⁵³ Несврстаност је трајно обележје и потреба савременог света // Политика. 27. јун 1986. С. 5.

¹⁹⁵⁴ Нова доба и за несврстане // Ibid. 7. јул 1988. С. 1.

¹⁹⁵⁵ Ibid.

¹⁹⁵⁶ Несврстани спремају промене за Београд // Ibid. 16. јануар 1989. С. 1.

Yugoslavia expressed its readiness to take on the mission of updating the NAM, as evidenced by the decision of the Presidium of the SFRY to approve the initiative of the non-aligned countries to hold the 9th NAM Conference in Belgrade. Recall that initially Belgrade did not appear in the list of candidate cities to host the event and was proposed as such by the majority of NAM members at the meeting of foreign ministers in Nicosia. The Presidium of the SFRY also approved the platform of action of the Yugoslav delegation at the NAM conference, based on the above initiatives of B. Loncar, which meant the agreement of the collective leadership with the foreign policy pursued by the Federal Secretariat of Foreign Affairs.

On the other hand, the foreign policy ambitions that had been formed under Tito and were completely inconsistent with the realities of the late 1980's, as well as the change in relations between the superpowers and the objective impossibility and inexpediency of continuing the policy of "denunciation" of Western imperialism and expansionism, forced to actively promote the topic of updating the NAM of the SFRY in the context of an approaching unipolar world. The holding of the next NAM conference in Yugoslavia was considered by its leaders as "a great opportunity in conditions when we [Yugoslavia – *Author's note*] are judged only by our troubles, to become an affirmative factor in international relations"¹⁹⁵⁷, i.e. recall their former creative role in international relations and offer a new vision of them to the superpowers and the rest of the world. "We are faced with the task of using the role of one of the most significant members of the movement in the most wise way, both for the benefit of all non-aligned people and for the benefit of our country ... We have a chance to show the world that Yugoslavia is not only Kosovo and the economic problems that, of course, aggravate its international position,"¹⁹⁵⁸ – noted the Deputy Federal Secretary of Foreign Affairs Milivoje Maksic at a joint meeting of the Foreign Policy Committee and the Committee for Economic Relations with Foreign Countries of the Assembly in July 1989.

Yugoslavia, being a supporter of the concept of interdependence of developed and developing states, as well as the indivisibility of security, tried to insist on an invitation to the conference as guests of the EEC representatives, but this proposal was rejected by the other members of the NAM¹⁹⁵⁹. Particular attention was drawn by her diplomacy to the need to include the topic of human rights and freedoms in the work of the conference, which, obviously, was done to please the requirements of European integration associations: "In modern international relations, the issues of protecting and expanding human rights and human freedoms are increasingly coming to the fore plan... There is and cannot be any doubt that there is a visible relationship between the democratic development of each country individually and the democratization of international relations ... We, in the draft documents of the conference, attach the importance of human rights to the issues of what the world cares about and

¹⁹⁵⁷ Нови прилаз несврстаних // Политика. 13. јул 1989. С. 2.

¹⁹⁵⁸ Шта Самит доноси Југославији // Ibid. 25. јул 1989. С. 2.

¹⁹⁵⁹ Ibid.

non-alignment should care about”¹⁹⁶⁰, – B. Loncar noted in his speech in the Federal Assembly of the SFRY on the eve of the Conference of the NAM.

The aspirations of the SFRY to modernize the NAM demonstrated how important a place it occupied in its foreign policy and how many plans were associated with membership in it in the future. Belgrade, at least, was convinced that a) without the direct participation of non-aligned countries and people’s liberation movements, it is impossible to resolve local conflicts; b) without non-aligned and developing countries, it is impossible to make decisions in the UN Security Council; c) without non-aligned and developing countries it is impossible to conclude global treaties on the non-proliferation of nuclear, chemical and missile weapons; d) without the participation of non-aligned and developing countries, it is impossible to solve environmental problems; e) without the consent of the non-aligned and developing countries, it is impossible to deploy military bases on their territory¹⁹⁶¹. All these undeniable arguments contributed to Belgrade’s perception of the NAM as a kind of constant in international relations, within which Yugoslavia must remain in order not to lose the remnants of its foreign policy authority. In this regard, the secondary holding of the NAM conference in the capital of the SFRY acquired a symbolic content, and its successful outcome was directly linked to the well-being of Yugoslavia in the future.

The 9th Conference of Non-Aligned Countries was held in the Belgrade “Sava Center” from September 4 to 7, 1989 and became the most representative in the history of the movement: 172 delegations took part in it, including 102 delegations of non-aligned countries and 50 observer delegations, the remaining 20 – as guests¹⁹⁶². The latter included representatives of 6 WTO countries and 5 NATO countries, whose presence was a truly revolutionary event and duly corresponded to the aspirations of Yugoslavia regarding the future movement. The Yugoslav delegation included Janez Drnovsek, Ante Markovic, Budimir Loncar, Suada Muminagic, Franz Horvat, Aleksandar Simovic and Dragoslav Pejic¹⁹⁶³.

The conference focused on the problems of modernizing the movement, settling regional conflicts, disarmament and peace, the economy and debts of developing countries, protecting human rights, strengthening the UN and multilateral cooperation; ecology and accessibility of achievements of scientific and technological progress. Despite the seriousness of the issues on the agenda, this conference was less confrontational and more pluralistic and constructive in polemics. At the same time, the text of the Final Declaration prepared by Yugoslavia, which was called by the foreign ministers of Tanzania, Laos, North Korea, Vanuatu and Uganda, “too optimistic” and “too idyllic”¹⁹⁶⁴

¹⁹⁶⁰ Косово прва брига југословенске дипломатије. Расправа о спољној политици у Скупштини СФРЈ // Политика. 27. јул 1989. С. 2.

¹⁹⁶¹ Шта могу несврстани данас? // Ibid. 29. август 1989. С. 2.

¹⁹⁶² Од Београда до Београда // Ibid. 4. септембар 1989. С. 2.

¹⁹⁶³ Ibid.

¹⁹⁶⁴ Какве ће бити реформе // Ibid. 3. септембар 1989. С. 2.

due to the fact that he considered confrontation and bloc thinking as a passed stage in the history of international relations. The conference participants basically agreed that non-alignment should become, as far as possible, “more practical” and start doing concrete things, “outside of any big ideology”¹⁹⁶⁵, while rejecting the idea of forming a permanent secretariat. The outcome of the Conference was the adoption of not only the Final Declaration, but also the Declarations on the Arab-Israeli conflict (Yugoslavia opposed such a name), on Afghanistan, Kampuchea, Lebanon, the Iran-Iraq conflict, Chad, the situation in South Africa, etc. – only 21 political documents¹⁹⁶⁶. The approval of these documents was not without problems and controversy.

As for the role of Yugoslavia, which took upon itself the burden of organizing the Conference, according to the newly-made chairman of the NAM, J. Drnovsek, “out of a sense of responsibility towards the movement,” she really acted at it as a kind of “savior”¹⁹⁶⁷ and the engine of progress. Undoubtedly, her contribution to the development of an updated concept of the Non-Aligned Movement and the development of a platform for the actions of this largest interstate political association. It was Yugoslavia who insisted on reducing the volume, de-ideologizing and concretizing the working documents of the conference; deformatization of her work.

With their moderation and at the same time straightforwardness, the speeches of the members of the Yugoslav delegation Drnovsek and Loncar set the tone for the entire Conference and outlined the further paths for the development of the NAM: “In order for the Non-Aligned Movement to keep pace with world processes, it is necessary to join them in a new manner. In addition to the problems of peace, security and disarmament, the non-aligned countries face acute problems of development, immediate interests and human rights. In order for the Movement to be able to respond to all these demands and challenges of today, it is necessary to modernize it, and this is one of the key tasks facing our 9th Conference¹⁹⁶⁸”, – noted in his welcoming speech on September 4, J. Drnovshek. In the speech, he drew the attention of the heads of state to the urgent need to solve the economic problems and debt problems of developing countries, put forward the initiative to hold a special conference for a dialogue between representatives of the global North and South on the issue of debts; spoke about the desirability of the direct participation of non-aligned countries in disarmament negotiations¹⁹⁶⁹. One of the central places in his report was occupied by the topics of protecting human rights and freedoms, ecology, cooperation between developed and developing countries and strengthening the UN.

As the new chairman of the movement, the SFRY assumed obligations to modernize the movement, expand its presence in international relations, search for “new solutions in hot spots” and

¹⁹⁶⁵ Шта треба мењати у покрету // Политика. 3 септембар 1989. С. 2.

¹⁹⁶⁶ Усвојен 21 политички документ // Ibid. 9. септембар 1989. С. 3.

¹⁹⁶⁷ Ibid.

¹⁹⁶⁸ Осавремењавање покрета кључни задатак самита // Ibid. 5. септембар 1989. С. 2.

¹⁹⁶⁹ Ibid.

initiate “new processes”¹⁹⁷⁰ to resolve existing problems. Yugoslavia was faced with the task of protecting the “vital interests of the entire international community”¹⁹⁷¹. At the same time, the high confidence accorded to Belgrade by the non-aligned countries, according to the same Drnovsek and Loncar, should have become an incentive to eliminate internal difficulties and contradictions.

The Belgrade conference of the non-aligned countries seemed to give a new impetus to the movement, however, it turned out to be weak and temporary. Under the conditions of the collapse of the socialist bloc and the end of the Cold War, the movement completely lost the ideological component that justifies its existence, and could not so quickly orient itself in a rapidly changing world, the need for which Belgrade had repeatedly pointed out earlier. Yugoslavia, despite all its initial ambitions to renew the movement, due to a number of internal problems, was not able to fulfill its obligations and began to increasingly withdraw from its activities.

Thus, the place of the Non-Aligned Movement in the foreign policy of Yugoslavia in the 1980's can be defined as ambiguous. Behind Belgrade, as one of the creators and organizers of the movement, formal leadership was retained, while the practical significance of the country's participation in the movement fell both for the non-alignment itself and for the SFRY. Naturally, Yugoslavia began to gravitate towards the European community, capable of providing it with effective assistance in overcoming internal problems. In the context of the decline in the importance of the Yugoslav factor in the Non-Aligned Movement, the civilizational aspect also seems to be important: against the backdrop of inter-African and inter-Asian conflicts, Yugoslavia felt itself alien. Similarly, non-European non-aligned countries treated Yugoslavia as an alien link, incapable of understanding and adequately assessing the essence of their contradictions. However, the participation of the SFRY in the Non-Aligned Movement until the end of the 1980's was conceived by the Yugoslav leaders as an important factor in preserving its independence and preventing attempts to destabilize the country both from outside and from within.

3.3. Bilateral contacts of Yugoslavia with non-aligned and developing countries

Yugoslavia has invariably based its bilateral relations with non-aligned and developing countries on the principles of equality and non-interference in internal affairs. At the same time, if in relations with a number of Arab states and India, the SFRY really acted from an equal position, then with many African republics it had to take on the role of a patron and donor¹⁹⁷².

In the decade under review, Yugoslavia maintained permanent contacts with such “third world”

¹⁹⁷⁰ Осавремењавање покрета кључни задатак самита // Политика. 5. септембар 1989. С. 2.

¹⁹⁷¹ Посебне обавезе Југославије као председавајућег покрета // Ibid. 20. октобар 1989. С. 2.

¹⁹⁷² See: *Mileta V.* Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju // Politička misao. 1986. Vol. XXIII. No. 3. S. 51-57.

countries as Algeria, Angola, Afghanistan, Bangladesh, Venezuela, Egypt, India, Iraq, Iran, Zambia, Zimbabwe, the Democratic People's Republic of Korea (DPRK), Libya, Nigeria, Pakistan, Syria, Somalia, Tanzania, Tunisia, Ethiopia and many others. Relations with Cuba and Vietnam were characterized by a high degree of tension, to which Yugoslavia blamed dependence on the Soviet Union and neglect of the principles of non-alignment. In this paragraph, we will separately consider the bilateral relations of the SFRY only with those of the listed countries with which they were characterized by real importance and intensity.

During the illness and immediately after the death of J. Broz Tito, the Yugoslav leadership made a number of attempts to obtain assurances from the leaders of the non-aligned and developing countries that they would continue to follow the course of non-alignment¹⁹⁷³. This, in particular, is connected with the high intensity of meetings of the Federal Secretary for Foreign Affairs of the SFRY J. Vrhovec with statesmen of the non-aligned states, who managed only in the spring - summer of 1980 to pay visits to Algeria, Bangladesh, India, Indonesia, Iraq, Singapore, Sri-Lanka and several other countries. By comprehensively strengthening bilateral contacts, the collective leadership and the allied secretariat for foreign affairs of Yugoslavia hoped to prevent the strengthening of the positions of the USSR and Cuba in the "third world".

Despite the best efforts of the collective leadership, after Tito's death, Yugoslavia's relations with non-aligned and developing countries gradually declined. In the early 1990's the "third world" took a wait-and-see attitude in relation to the events in the SFRY, preferring to stay away from the Yugoslav crisis, which it was obliged to do, among other things, by the principles of non-alignment.

Arab countries, Israel and Iran

The contacts of the SFRY with the Arab states were the most intensive and friendly among all the developing and non-aligned countries, and this characteristic applied both to political and, in some cases, inter-party interaction, and to economic, scientific, technical and cultural cooperation.

In political terms, with rare exceptions, Yugoslavia did not actually have significant disagreements with the Arab countries. Consistent support for the liberation struggle of the Palestinian people, condemnation of the policy of Israeli expansionism and occupation of South Lebanon, American aggression against Libya were the basis that contributed to the deepening of Yugoslavia's solidarity and cooperation with these states in the 1980's. An important place was occupied by joint efforts to strengthen the position and authority of the Non-Aligned Movement in the world.

The most significant economic partners of Yugoslavia in the regions of the Near and Middle East,

¹⁹⁷³ See: *Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. 1983. Vol. XX. No. 4. S. 29.*

North Africa were Iraq, Egypt, Libya, Sudan and Algeria¹⁹⁷⁴. The main part of Yugoslav exports to the Arab countries accounted for engineering products – tractors and cars “Zastava” – and electrical equipment; Arab exports to Yugoslavia – for natural resources and agricultural products¹⁹⁷⁵. Yugoslav workers were actively involved in the construction of irrigation facilities and ports in Iraq, railways in Libya, ports in Kuwait, gas pipelines in Algeria, etc., where they encountered ever-increasing competition from cheaper labor from Bulgaria, India, Pakistan, Romania, Turkey and etc. The development of economic relations between Yugoslavia and the Arab countries was in charge of special mixed committees for economic, scientific and technical cooperation, the main task of which was to increase the volume of trade, which was the strategic task of the Non-Aligned Movement as a whole.

In the Arab-Israeli conflicts, Yugoslavia consistently took the side of the Arab states, accusing Israel of expansionism, direct aggression and pandering to the interests of the United States and imperialist circles¹⁹⁷⁶. The official position of the Yugoslav leadership was that “a complete resolution of the crisis in the Middle East is impossible without the withdrawal of Israeli troops from all territories occupied in 1967 and later, including Jerusalem, and the formation ... of a Palestinian state”¹⁹⁷⁷. The SFRY expressed full solidarity with the “heroic struggle”¹⁹⁷⁸ of the Palestinian people for freedom, self-determination, independence and their own national state, while recognizing the *Palestine Liberation Organization (PLO)* as its “only legitimate representative” and “an equal partner in all negotiations”¹⁹⁷⁹ on the question of the future of Palestine. Repeatedly in the 1980’s¹⁹⁸⁰ official visits to Yugoslavia were made by PLO leader Yasser Arafat, who was always received with special honor and respect. Every year on November 29, on the Day of International Solidarity with the Palestinian People, the Yugoslav leadership traditionally made political statements that were supposed to show the Palestinians support for the non-aligned SFRY in their struggle. Belgrade also acted as an active supporter of the convening of the International Conference on the Middle East under the auspices of the UN and in general any initiative that “would aim at stable and lasting peace in the region”¹⁹⁸¹, but only if the interests of the PLO are taken into account. Yugoslavia was one of the first to recognize the independence of the State of Palestine proclaimed on November 15, 1988.

In January 1988, the previously tabooed question of the possibility and necessity of a “broad development” of relations between Yugoslavia and *Israel*, which was separately considered at a

¹⁹⁷⁴ Нов изазов већем извозу // Политика. 3. октобар 1980. С. 8.

¹⁹⁷⁵ Mileta V. Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju // Politička misao. 1986. Vol. XXIII. No. 3. S. 55.

¹⁹⁷⁶ Janković S. Sukobi na Bliskom istoku – osnovna obeležja // Međunarodni problemi. 2007. god. LIX. br. 2–3. S. 266–307.; Ortakovski V. Rezultati i posledice izraelsko-arapskih ratova // Ibid. 1989. god. XLI, br. 2–3. S. 221–234.

¹⁹⁷⁷ Порука Председништва СФРЈ ОУН. Подршка Југославије борби Палестинаца // Политика. 1. децембар 1986. С.1.

¹⁹⁷⁸ Ibid.

¹⁹⁷⁹ Све отворенија криза светских односа // Ibid. 3. мај 1981. С. 2.

¹⁹⁸⁰ For example, in October 1980, March 1986, June 1988, December 1988, September 1989.

¹⁹⁸¹ На видуку преокрет на Блиском истоку // Политика. 24. јун 1988. С. 1.

special meeting of the Foreign Policy Council of the Federal Assembly of the SFRY, appeared on the agenda and caused a sharp and lengthy debate¹⁹⁸². Most of the delegates opposed the restoration of diplomatic relations severed in 1967, but spoke in favor of the gradual strengthening of economic, tourist, scientific, cultural cooperation and the expansion of contacts with “progressively oriented forces”¹⁹⁸³ in Israel, at most – for the resumption of consular ties. At this stage, the SFRY’s rhetoric in relation to Israel as a factor in destabilizing the situation in the Middle East did not change, however, the “democratization of international processes” prompted Belgrade to further revise its position for pragmatic reasons. The pioneer in the establishment of a dialogue with Israel was SSRNJ.

As a result, only during 1988 a number of important measures were taken to restore contacts between the two states: air traffic between Belgrade and Tel Aviv was resumed, the number of Yugoslav tourists vacationing in Israel was increased; interviews with well-known Israeli political figures began to be broadcast on Yugoslav television; an initiative was put forward to create a society of Yugoslav-Jewish friendship¹⁹⁸⁴.

In March 1989, the opening of the Israeli-Yugoslav Chamber of Commerce took place in Tel Aviv, which became the first real step towards the resumption of diplomatic relations¹⁹⁸⁵. By the end of the year, Israeli exports to the SFRY reached a figure of \$19 million, and Yugoslav exports to Israel – about \$15 million¹⁹⁸⁶, moreover, Yugoslavia imported from Israel mainly fruit juices, chemical products and synthetic fibers, and Israel from Yugoslavia – wood and furniture¹⁹⁸⁷.

The initiative to immediately restore diplomatic relations, the decision on which was delayed by the federal authorities, was eventually put forward by the republican secretary for relations with foreign states of the SR of Serbia, Aleksandar Prlja: “... the issue of resuming diplomatic relations with the State of Israel can no longer be postponed. This would only harm the unity of the foreign policy of Yugoslavia, and in the long run, we are sure, the overall international interests of Yugoslavia”¹⁹⁸⁸. From May 30 to June 6, 1990, the “Week of Serbia in Israel” was held in Tel Aviv, in which about 200 Serbian enterprises took part¹⁹⁸⁹ and which made a significant contribution to the further development of bilateral Yugoslav (Serbian)-Israeli relations.

The rupture of diplomatic relations in 1967 was ultimately recognized by B. Loncar as a mistake of Yugoslav diplomacy, but their full restoration took place only after the collapse of the SFRY – on January 31, 1992 – in conditions when the FRY was actually in international isolation.

Official Belgrade was wary of Anwar Sadat’s regime in *Egypt*, considering it unreliable and

¹⁹⁸² Каква мера у односима са Израелом // Политика. 20. јануар 1988. С. 2.

¹⁹⁸³ Ibid.

¹⁹⁸⁴ Петковић Р. Југославија и Израел // Ibid. 2. октобар 1988. С. 3.

¹⁹⁸⁵ Основана Израелско-југословенска привредна комора // Ibid. 11. март 1989. С. 2.

¹⁹⁸⁶ In the same year, the total trade turnover of the SFRY with the Arab countries amounted to about \$5 billion.

¹⁹⁸⁷ Основана Израелско-југословенска привредна комора // Политика. 11. март 1989. С. 2.

¹⁹⁸⁸ Захтев за упостављање пуних дипломатских односа са Израелом // Ibid. 12. мај 1989. С. 1.

¹⁹⁸⁹ Како ће се привреда Србије представити Израелу // Ibid. 20. мај 1990. С. 9.

short-lived. Sadat's visit to Jerusalem and his signing of the Camp David Accords caused widespread indignation in Yugoslavia and led to accusations against Egypt of betraying the gains of Gamal Abdel Nasser and the entire Arab cause. The situation was also complicated by the fact that Cairo was traditionally thought of by Yugoslavia as "the closest ally" in the Non-Aligned Movement.

Relations between the two states were restored in full after Hosni Mubarak came to power in the Arab Republic, who took a targeted course to bring Egypt out of international isolation. Establishing relations with Yugoslavia as one of the main partners in the Non-Aligned Movement became a matter of principle for him¹⁹⁹⁰.

In a series of bilateral meetings, special attention should be paid to the visit of the Chairman of the Presidium of the SFRY M. Spiljak to Egypt in February 1984, which was marked by lengthy and intensive negotiations with Mubarak in an "atmosphere of openness and understanding". "The two leaders parted as friends, with genuine cordiality"¹⁹⁹¹, and Mubarak made an "unusual" gesture, providing Spiljak with a helicopter that delivered him directly from the presidential residence to the airport. It is noteworthy that Spiljak's visit deserved special attention of the Egyptian media, which dedicated their editorials to him for three days in a row¹⁹⁹². The final communique of the meeting expressed the identical position of the two countries on a number of political issues, satisfaction with the level of economic, technological, scientific and cultural cooperation. Such conclusions became a constant of the Yugoslav-Egyptian negotiations in the 1980's. Mubarak himself visited Yugoslavia in September 1982, June 1983, July 1987, September 1988 and September 1989.

The total trade turnover between Yugoslavia and Egypt amounted to about \$210 million at the end of 1988. As an example of successful economic cooperation, we can cite an agreement between "Crvena Zastava" and "Yugoavto" and the Egyptian "El Nasr" on the sale of cars of the "Zastava 128" model for the amount in \$30 million, concluded in 1989. Under this agreement, by the end of 1989, Yugoslavia was supposed to deliver 9,500 cars to Egypt, and by the end of 1990, already 12,000 cars¹⁹⁹³. At the same time, "Crvena Zastava" was generally the main partner of the largest Egyptian automobile company, "El Nasr". A great contribution to the Yugoslav-Egyptian cooperation was made by the obligations assumed by the countries under the tripartite agreement on expanding trade and economic cooperation between Yugoslavia, Egypt and India.

An important component of the *Yugoslav-Iraqi* relations was the contribution that the SFRY made to the industrial development of Iraq. Thus, by June 1980, about 13,000 Yugoslav workers were working in the country¹⁹⁹⁴, most of which remained here even after the start of the Iran-Iraq war. In

¹⁹⁹⁰ See: *Todorović M.* Srbija i Egipat. Srpsko-egipatski međukulturni odnosi. Beograd, 2021.

¹⁹⁹¹ Пријатељи и партнери // Политика. 28. фебруар 1984. С. 2.

¹⁹⁹² Ibid.

¹⁹⁹³ Египту још 12.000 застава // Ibid. 18. март 1989. С. 2.

¹⁹⁹⁴ И пут је дар пустиње // Ibid. 11. јун 1980. С. 13.

total, about 100 Yugoslav companies were operating in Iraq, engaged in 20 industrial projects¹⁹⁹⁵. As examples of the most significant objects erected in the 1980's with the participation of workers from Yugoslavia, it is worth mentioning the artificial fertilizer plant near El Qaim and the Behme dam on the river Great Zab in northern Iraq. By 1990, about 40% of the total economic cooperation between Yugoslavia and the Arab countries fell precisely on Iraq – annually Yugoslav goods worth from 350 to \$400 million arrived in this country, for which Iraq, as a rule, paid with oil¹⁹⁹⁶.

Among the numerous bilateral meetings, it is necessary to note the official visit to Yugoslavia in February 1984 of the First Deputy Chairman of the Government of Iraq, Taha Yassin Ramadan, which resulted in a joint statement about “concern because of the constant deterioration of the situation in the world”¹⁹⁹⁷ in conditions when Iraq was conducting military operations against Iran; condemnation of Israel for its aggressive policy in Lebanon and the expression of full solidarity and support for the PLO¹⁹⁹⁸. “A cordial welcome”¹⁹⁹⁹ Taha Yassin Ramadan in Belgrade indirectly testified to the moral support of the SFRY to Iraq in the war with Iran. Moreover, relations between the two countries were not interrupted even once during the entire period of the eight-year war. The official position of the SFRY on this matter was to call for an immediate ceasefire and a solution to the conflict through political negotiations on the basis of the Non-Aligned Movement.

Ultimately, Yugoslav diplomacy made an important contribution to the end of the Iran-Iraq war. A great merit in this matter belonged to R. Dizdarevic and B. Loncar, who “worked energetically behind the scenes to end the conflict”²⁰⁰⁰, as well as the commander of the UN military observation mission in Iran and Iraq, military diplomat Major General Slavko Jovic.

In February 1989, in order to negotiate with Saddam Hussein, the chairman of the Presidium of the SFRY, R. Dizdarevic, visited Baghdad²⁰⁰¹. In addition to discussing the international agenda and preparing for the upcoming 9th Conference of the Non-Aligned Movement, Dizdarevic was worried about the possibility of expanding the participation of Yugoslav enterprises in the restoration of the material capacities of Iraq after the end of the war with Iran. Mostly the prospects for economic cooperation were also discussed during the days of A. Markovic's visit to Baghdad in May 1990²⁰⁰².

Huge damage to the Yugoslav economy was caused both by the Iraqi aggression against *Kuwait* in 1990 and the subsequent economic and military blockade of Iraq: most of the companies were forced to freeze the construction of facilities in Iraq and take their workers out of the country²⁰⁰³. The

¹⁹⁹⁵ И пут је дар пустиње // ИПОлирика. 11. јун 1980. С. 13.

¹⁹⁹⁶ Милијарде долара у Заливу у неизвесности // Ibid. 10. септембар 1990. С. 2.

¹⁹⁹⁷ Забринутост због сталног погоршавања ситуације у свету // Ibid. 18. фебруар 1984. С. 4.

¹⁹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹⁹ Ibid.

²⁰⁰⁰ Лончар одиграо кључну улогу // Ibid. 13. август 1988. С. 2.

²⁰⁰¹ Диздаревић у Багдаду // Ibid. 4. фебруара 1989. С. 1.

²⁰⁰² Анте Марковић у Ираку. Разговори са Садамом Хусеином // Ibid. 14. мај 1990. С. 1.

²⁰⁰³ Југославија и међународне санкције против Ирака. Изузетно тешке последице // Ibid. 12. август 1990. С. 1.

occupation of Kuwait by the Iraqi army was strongly condemned by the SFRY, which supported the sovereignty and territorial integrity of the latter and called on Iraq to immediately withdraw its troops from the occupied territory. After the end of the Iraqi occupation, B. Loncar became one of the first world heads of diplomatic departments who visited El Kuwait and offered assistance to the Arab monarchy in restoring destroyed objects²⁰⁰⁴.

With *Iran*, the SFRY maintained fairly close, but at the same time neutral and purely business relations. Being a secular state, Yugoslavia was skeptical about the Islamic revolution in Iran, however, following the principles of mutual respect and non-interference in the internal affairs of other states in foreign policy and partnership in the Non-Aligned Movement did not allow it to make incorrect and critical remarks about Tehran. In the Iran-Iraq war, Belgrade took an extremely diplomatic position, condemning the very fact of a bloody armed clash and calling on both sides to immediately stop it and resolve the dispute by political means. Numerous consultations between Yugoslav diplomats and their Iranian counterparts certainly played a positive role in de-escalating the situation in the Persian Gulf.

In July 1988, Yugoslavia expressed a sharp protest to the United States in connection with the crash of the Airbus A300 airliner, owned by the airline Iran Air, carrying six Yugoslav citizens²⁰⁰⁵. The leadership of the SFRY expressed its full solidarity with Iran on the tragedy and the need for its further investigation.

Deep misunderstanding in Yugoslavia was caused by the public curse and sentencing of the British writer Salman Rushdie by Ayatollah Khomeini to death and the subsequent break in diplomatic relations between Britain and Iran. Against the backdrop of these events, in February 1989, Khomeini's official visit to Yugoslavia took place, culminating in a press conference at which he declared that "an arrow is already flying in the heart of the blasphemer Rushdie and he must be defeated"²⁰⁰⁶. The speech caused a sharp protest of the SR of Slovenia and an unfavorable reaction from the Yugoslav citizens, before whom even the country's leadership and personally the head of the Yugoslav diplomacy B. Loncar were forced to explain. The Assembly of Slovenia, in particular, Khomeini's visit was regarded as "encouragement of terrorism"²⁰⁰⁷, "having consequences for the difficult internal situation, taking into account the multinational composition of Yugoslavia"²⁰⁰⁸.

Ultimately, the leadership of the federation stopped further discussions on this issue with the remark that "the statement of the ayatollah was made on the basis of religious positions and is not essential for our state relations with Iran"²⁰⁰⁹, and the visit itself was described as quite useful and fruitful.

²⁰⁰⁴ Будимир Лончар у Кувајту // Политика. 19. март 1991. С. 2.

²⁰⁰⁵ Протест Југославије САД // Ibid. 8. јул 1988. С. 2.

²⁰⁰⁶ Хамнеи и Диздаревић разговарали о Руждију // Ibid. 24. фебруар 1989. С. 3.

²⁰⁰⁷ Лончар: Изненадила нас изјава Хамнеија // Ibid. 24. фебруар 1989. С. 3.

²⁰⁰⁸ Ibid.

²⁰⁰⁹ Ibid.

Yugoslav-Iranian economic relations developed successfully. The most notable examples of cooperation include a contract on cooperation in the production of buses between the Yugoslav “TAM” and the Iranian “Shahab Khodro” in the amount of \$36 million²⁰¹⁰, concluded in 1989, according to which “TAM” was obliged to carry out to the Iranian side not only the production of parts, but also the transfer of technology.

Belgrade’s relations with Damascus were characterized by significant progress in a number of areas of cooperation. In July 1980, within the framework of the project of the non-aligned countries on the formation of a new international information order, Yugoslavia signed an agreement with *Syria* on a two-year cooperation in the field of information, which provided for the expansion of cooperation, the exchange of personnel and participation in cultural and information events of the two countries²⁰¹¹. The political cooperation between the two countries was distinguished by a high degree of trust and solidarity. Party ties between the LCY and the Arab Socialist Ba’ath Party were developing very actively. The SFRY also advocated the return of the Golan Heights to Syria.

Relations between Yugoslavia and *Libya*, which included not only close political and economic cooperation, but also military-technical cooperation, were distinguished by mutual interest and high potential. On issues of the international agenda, the two countries, as a rule, showed complete solidarity, especially when it came to the situation in the Middle East and the “expansionist” policy of Israel.

The proximity of Yugoslavia and Libya in the decade under review was determined, among other things, by the financial strength of the Libyan regime. So, back in 1984, negotiations were held in Tripoli between Yugoslavia and a number of Arab countries on the creation of a mixed Yugoslav-Arab bank, whose authorized capital would be \$30 million and which would be based in Belgrade. The purpose of its establishment was declared to be “strengthening the financial cooperation of the SFRY with the Arab countries, and especially with Libya”²⁰¹². It was assumed that through this bank, among other things, Libya would be able to provide direct assistance to the Yugoslav economy. Belgrade also unequivocally condemned the US military operation against Libya in 1986, declaring support for Muammar Gaddafi and the Libyan Arab Jamahiriya.

The contradictions between Belgrade and Tripoli concerned, first of all, three issues: a) Libya’s sponsorship of international Islamic terrorism, which Yugoslavia considered as one of the main threats to peace and stability; b) Libyan interference in the internal affairs of Chad; c) the modernization of the Non-Aligned Movement promoted by Yugoslavia, which the Libyan leader considered unnecessary and unpromising.

Among the important, in our opinion, events in the history of relations between the SFRY and the

²⁰¹⁰ Техеран купио аутобусе за 36 милиона долара // Политика. 18. март 1989. С. 2.

²⁰¹¹ Споразум у Дамаску // Ibid. 14. јул 1980. С. 4.

²⁰¹² Ускоро југословенско-арапска банка // Ibid. 28. фебруар 1984. С. 4.

Arab world in the 1980's it is also worth mentioning the establishment of diplomatic relations with *Qatar* in August²⁰¹³ and *Bahrain* in September 1989²⁰¹⁴.

Africa South of the Sahara

Yugoslavia maintained active contacts with the countries of Tropical Africa, providing them with all possible military and economic assistance and supporting the liberation movements on the continent. Here the country was a supporter of the peaceful resolution of conflicts, the struggle against colonialism, racism and apartheid.

In the 1980's, in particular, the SFRY supplied military assistance to the South West African People's Organization (SWAPO), which fought for the liberation of Namibia; the African National Congress (ANC) and the Pan-Africanist Congress of Azania (PAC), which fought for "liberation" from apartheid in South Africa, as well as the People's Movement for the Liberation of Angola – the Labor Party (MPLA) and the Mozambique Liberation Front (FRELIMO).

In addition to direct military and economic assistance, Yugoslavia provided these movements with ideological and political support, which consisted in opening their representative offices on its territory, as well as in their international recognition. Yugoslav military and civilian specialists, including engineers, doctors and teachers, stayed in African countries on a permanent basis. African students en masse studied in Yugoslav universities²⁰¹⁵.

At that time, bilateral relations between the SFRY and Zambia, Zimbabwe, Nigeria, Tanzania, and Ethiopia were most intense.

Literally a month after the death of J. B. Tito in June 1980, a delegation of the Federal Assembly of the SFRY headed by its chairman D. Markovic went on an African tour, which included visits to *Zambia* and *Tanzania*. The tour showed "the closeness and identity of points of view on all international issues..., in assessing the achieved degree of bilateral relations, as well as agreement on what can and should be done to ensure that economic cooperation corresponds to a high level of political relations"²⁰¹⁶ and was rated as very "successful" and "useful". Markovic confirmed Yugoslavia's readiness to expand economic and food aid to African countries. So, for example, already in June 1980, Yugoslavia transferred 23 tons of food and other humanitarian aid to Somalia²⁰¹⁷, and Uganda in August of the same year – humanitarian aid in the amount of \$300 thousand²⁰¹⁸.

In September 1980, with a six-day return visit to Yugoslavia, during which he visited a number of

²⁰¹³ Успостављени дипломатски односи између СФРЈ и Катара // Ibid. 25. август 1989. С. 1.

²⁰¹⁴ Успостављени дипломатски односи са Бахреином // Ibid. 1. септембар 1989. С. 2.

²⁰¹⁵ See: *Радонић Н. Р.* Слика Африке у Југославије (1941-1991). Докторска дисертација. Београд, 2020.

²⁰¹⁶ Потврђена блискост и идентичност гледишта // Политика. 17. јун 1980. С. 1.

²⁰¹⁷ Помоћ Југославије Сомалији // Ibid. 17. јун 1980. С. 2.

²⁰¹⁸ Помоћ Југославије Уганди // Ibid. 8. август 1980. С. 4.

industries and became more familiar with the experience of Yugoslav self-government²⁰¹⁹, was the President of Zambia, Kenneth Kaunda. At the talks with the top officials of the SFRY, they discussed the prospects for cooperation within the framework of the Non-Aligned Movement and the further strengthening of economic ties. Kaunda also visited Yugoslavia in April 1986²⁰²⁰, when he was awarded the title of honorary doctor of political sciences from the University of Belgrade, and in September 1989 during the 9th Conference of the NAM.

Economic contacts between the two countries, of course, were not equivalent and included mainly the design and construction by Yugoslavia of agricultural enterprises and enterprises for the processing of raw materials (for example, copper, phosphates, cotton) in Zambia.

With *Zimbabwe*²⁰²¹ Yugoslavia was distinguished by perhaps the strongest relations of all the states of the continent, which was determined, among other things, by the subjective factor of the chairman of the Zimbabwe African National Union (ZANU), Prime Minister and President Robert Mugabe. Yugoslavia provided significant material assistance to the people of Zimbabwe during their war of liberation and the restoration of the republic after it ended. In April 1981, the chairman of the Presidium of the SFRY, C. Mijatovic, paid a visit to the country, which resulted in the signing of agreements on trade and economic, scientific, technical, educational and cultural cooperation²⁰²². The talks also showed the closeness and identity of points of view on a number of political issues, which became a constant in bilateral relations in the 1980's. R. Mugabe himself repeatedly visited Yugoslavia, where he was always cordially and warmly received by the Yugoslav leadership.

Economic relations between the two countries did not correspond to a high level of political interaction. So, for example, in 1987 the total trade turnover amounted to only \$9.3 million, of which Yugoslav exports – \$409 thousand²⁰²³. The structure of Yugoslav exports to Zimbabwe was dominated by pharmaceuticals and automotive parts, while Zimbabwean exports to Yugoslavia were dominated by asbestos fiber, cotton, tobacco, nickel, etc. As successful examples of investment cooperation in the 1980's it is worth mentioning the construction by the Yugoslav "Energoproekt" of a conference center and a hotel in Harare, eight regional hospitals and the reconstruction of the residence of President Mugabe and the building of the Central Committee of ZANU; participation of the working organization "Partisan Way" in the construction of sections of the road network, etc²⁰²⁴.

Quite close relations connected Yugoslavia with *Nigeria*. In October 1980, in addition to the already functioning Yugoslav-Nigerian "Necho", another joint construction company "Yugobrod –

²⁰¹⁹ Каунда у Новом Саду // Политика. 6. септембар 1980. С. 1.

²⁰²⁰ Нове акције несврстаних // Ibid. 13. април 1986. С. 1.

²⁰²¹ Diplomatic relations between the SFRY and Zimbabwe were established in April 1980.

²⁰²² Слаби безбедност света // Политика. 17. април 1981. С. 4.

²⁰²³ Мугабе данас у Београду // Ibid. 23. јануар 1989. С. 2.

²⁰²⁴ Ibid.

PIM – West Africa – Lagos” was founded²⁰²⁵, engaged in the development of projects and the implementation of construction work on all types of hydraulic facilities in Nigeria and West Africa. The Yugoslav companies “Ingra”, “Rade Koncar”, “Mingl”, “Elektromontazh”, etc. were also involved in investment projects in this country. Cooperation was carried out in the areas of electrification, energy, construction, agriculture and tourism. With *Ethiopia*, the SFRY developed mainly military-technical cooperation, on which the leader of the Ethiopian revolution and head of state Haile Mariam personally insisted.

The racist regime of *South Africa* was subjected to irreconcilable and systematic criticism and denunciation by the SFRY. Yugoslavia has consistently opposed apartheid, all forms of oppression, discrimination and segregation, and welcomed Nelson Mandela’s release from prison in February 1990. In the same month, he gave a brief telephone interview to the newspaper “Politika”, in which he stated the following: “I highly value and respect Yugoslavia ... Conveying greetings to her and her citizens, I would like to advise them: protect and strengthen your unity, because only as a single country, Yugoslavia can make its contribution to ensuring peace and progress”²⁰²⁶. In April 1991, almost three decades after the rupture of all relations between Yugoslavia and South Africa, the first official Yugoslav-South African contacts were established – Cape Town and Johannesburg were paid an official visit by the Federal Secretary of Foreign Affairs Assistant Branko Lukovac²⁰²⁷. For the first time, the media spoke openly about the Yugoslav community in South Africa, which, as of 1991, numbered approximately 30 thousand people²⁰²⁸.

Latin America

In the first half of the 1980’s the LCY condemned various right-wing authoritarian regimes in a number of states of South and Central America, morally supporting the local leftist and democratic movement, which resulted in the insufficient intensity of Yugoslavia’s bilateral ties with the countries of the continent. Their real consolidation was associated with the fall of the military regimes here and began no earlier than the autumn of 1987, when the chairman of the Presidium of the SFRY, Lazar Moiso, made a Latin American tour, which included visits to Argentina, Mexico, Peru and Cuba. This tour of L. Moiso, without exaggeration, became one of the most important events in the foreign policy life of Yugoslavia in the second half of the 1980’s.

Among the most important events in relations between the SFRY and *Argentina* in the 1980’s it is worth mentioning the conclusion of bilateral agreements on the abolition of visas, cultural cooperation and sanitary and veterinary protection, the signing of which took place during the official visit of

²⁰²⁵ Ново југословенско-нигеријско предузеће // Политика. 2. октобар 1980. С. 3.

²⁰²⁶ Ексклузивни интервју Нелсона Менделе “Политици” // Ibid. 22. фебруар 1990. С. 1.

²⁰²⁷ Кораџи према сарадњи // Ibid. 12. април 1990. С. 2.

²⁰²⁸ Ibid.

L. Moisev to Buenos Aires in October 1987²⁰²⁹, which became the first visit of the immediate leader of Yugoslavia to this country. Of course, this visit was not without anti-Yugoslav provocations organized by local pro-Ustasha Yugoslav émigrés. The abolition of the visa regime was seen by the SFRY as a necessary measure, taking into account the fact that about 250 thousand citizens of Yugoslav origin lived in Argentina²⁰³⁰. Belgrade and Buenos Aires were also linked by common internal problems – high external debt and inflation – which became the main subject of mutual consultations. At that time, it was no coincidence that quite often one could hear opinions that “Yugoslavs are European Argentines”, and “Argentines are South American Yugoslavs”²⁰³¹.

Bilateral relations between Yugoslavia and *Cuba* began to undergo negative changes after the latter’s refusal to condemn the Soviet military intervention in Afghanistan. Moreover, Yugoslavia “protested against the actions of Cuba itself in Angola and Ethiopia”²⁰³². Despite the active controversy, the countries, even during the period of the highest tension in their relations, never once interrupted official relations and did not abandon attempts to establish contact and overcome contradictions. These contradictions consisted in different approaches to the development of the world communist movement, its policy and international relations in general. And if interstate contacts during this period were characterized by comparative neutrality, then interparty relations reached their historical minimum. The Yugoslav-Cuban relations were also complicated by the struggle for influence and leadership in the Non-Aligned Movement, the role and future of which Belgrade and Havana also looked at differently. At the same time, on the issue of following the basic principles and values of the non-aligned policy, the countries remained unanimous.

The problems of bilateral relations, anti-Cuban propaganda in the Yugoslav mass media could not seriously affect the authority of Fidel Castro, who in Yugoslavia was considered one of the main leaders of the communist movement. In September 1986, Castro arrived in Belgrade at the invitation of the Presidium of the SFRY and the Central Committee of the LCY and was met in a friendly and solemn atmosphere²⁰³³. This visit was Castro’s first official visit to Yugoslavia since 1976, i.e. for ten years. The very fact that the Yugoslav side invited the chairman of the Central Committee of the Communist Party of Cuba (PCC) meant Belgrade’s reconsideration of its irreconcilable position and readiness to normalize relations in the new world political realities. The conversations, as noted by the newspaper “Politika”, were held in a “friendly and cordial atmosphere”²⁰³⁴, and Castro himself was

²⁰²⁹ Прва југословенска посета на највишем нивоу у Аргентини. Нове везе Југа // Политика. 26. октобар 1987. С. 2.

²⁰³⁰ Ibid.

²⁰³¹ Ibid.

²⁰³² *Stanković S.* Yugoslav-Cuban struggle over Nonaligned leadership revived. RFE-RL* Research. RAD Background report/54 (Yugoslavia). 3 March 1982. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=Yugoslav-Cuban+struggle+over+Nonaligned+leadership+revived> (Accessed: 22.08.2022).

²⁰³³ Разговор Кастра и Мојсова // Политика. 2. новембар 1987. С. 1.

²⁰³⁴ Разговори Реновица – Кастро // Ibid. 14. септембар 1986. С. 1.

awarded the Order of the Yugoslav Star.

The further development of Yugoslav-Cuban relations followed the path of intensification – with the proclamation by M. S. Gorbachev of the concept of “new political thinking”, the former contradictions lost their meaning. In November 1987, a Yugoslav delegation headed by L. MoisoV paid an official visit to Cuba as part of a Latin American tour²⁰³⁵. Cuban Vice-President Juan Almeida Bosque during the talks noted that “the relations between Yugoslavia and Cuba are developing in an atmosphere of understanding and trust, and they are characterized by mutual respect and acceptance of different views on the same international issues, which stems from the specificity of our countries”²⁰³⁶. A sign of reconciliation between the two non-aligned states was the awarding of MoisoV with the Order of José Martí. Subsequently, the SFRY welcomed Cuba’s decision to withdraw its troops from Angola, whose presence in the country since 1975 was one of the stumbling blocks in bilateral relations.

Despite temporary political differences, economic cooperation between the two countries developed continuously and steadily throughout the decade. Yugoslavia condemned the American blockade of Cuba and provided the country with all possible economic support. So, in 1980, she provided Cuba with a loan of \$40 million “in order to revive Cuban purchases, especially industrial goods and equipment”²⁰³⁷. The SFRY bought sugar, coffee, honey, molasses, citrus fruits, tobacco, rum and nickel from Cuba, while Cuba preferred to import equipment and technologies from Yugoslavia mainly for agricultural enterprises producing fruit juices and canning fruits. The countries also cooperated in the markets of third countries, mainly African ones.

Mexico was Yugoslavia’s traditional partner on the continent. One of the most important and productive in bilateral relations was the visit of L. MoisoV to Mexico in November 1987, which he assessed as follows: “This visit made a strong impression on me ... through its entire program one could see and feel how Yugoslavia is valued in Mexico, as evidenced by the opening of a monument to comrade Tito. Mexico counts on Yugoslavia not only as a friend, but also as a country that has opened new paths and views on international relations...”²⁰³⁸. The talks between L. MoisoV and Miguel de la Madrid were mainly devoted to the economic problems of the “third world”. The parties also stated the closeness of approaches to fundamental issues of international relations. At the same time, as a sign of solidarity with the Mexican people, one of the streets in Belgrade was named after Lazaro Cardenas, a famous Mexican politician and statesman²⁰³⁹.

Friendly relations linked the SFRY with *Venezuela*, *Nicaragua*, and *Peru*.

In July 1986, the Minister of Foreign Affairs of *Venezuela*, Simon Consalvi, was in Belgrade on a

²⁰³⁵ Разговор Кастра и Мојсова // Политика. 2. новембар 1987. С. 1.

²⁰³⁶ Осведоћена блискост Кубе и СФРЈ // Ibid. 2. новембар 1987. С. 2.

²⁰³⁷ Бољи изгледи него исходи // Ibid. 25. новембар 1980. С. 4.

²⁰³⁸ Интервју Лазара Мојсова на крају путовања у Латинску Америку // Ibid. 2. новембар 1987. С. 2.

²⁰³⁹ Ibid.

visit²⁰⁴⁰, and in June 1988 the President of Venezuela, Jaime Lusinchi, visited the Yugoslav capital for the first time²⁰⁴¹. The result of the Yugoslav-Venezuelan negotiations was the signing of a protocol on trade cooperation, which implied strengthening ties in the field of agriculture and tourism, and the decision to establish a Commission for Economic Cooperation, as well as the conclusion of an agreement on cultural and educational cooperation for a three-year period.

In November 1980, a Yugoslav delegation headed by the Deputy Chairman of the Presidium of the SFRY S. Kraiger paid an official visit to *Peru* and *Nicaragua*²⁰⁴². Kraiger became the first world guest of this level to visit Peru after the second coming to power of Fernando Belaunde Terry²⁰⁴³. The result of bilateral negotiations was a decision to conclude an agreement on cooperation in the field of tourism. Subsequently, during his Latin American tour, Peru was also visited by Lazar Moisevic, who was awarded the Order of the Sun of Peru by President Alan Garcia.

Yugoslavia reacted positively to the results of the Sandinista revolution, and the meeting of S. Kraiger in November 1980 with the new leadership of Nicaragua represented by Sergio Ramirez, Rafael Cordova and Daniel Ortega was the first Yugoslav-Nicaraguan meeting at such a high state level²⁰⁴⁴. As a result, an agreement on scientific, technical, cultural and educational cooperation was concluded.

Political reasons did not allow any productive development of relations between Yugoslavia and *Brazil*. In 1981, the SFRY even had to close its trade office in Rio de Janeiro. The first steps towards the restoration of contacts were made no earlier than 1988, when a cooperation agreement was signed between the University of Belgrade and the Federal University of Rio de Janeiro, which included mutual visits of teachers and students, joint research and the exchange of scientific papers and journals²⁰⁴⁵.

East and Southeast Asia

Among the non-aligned and developing countries of East and Southeast Asia, the SFRY maintained the most friendly contacts with the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and the Mongolian People's Republic (MPR). Yugoslavia's relations with *Vietnam*, which was accused by Belgrade of a pro-Soviet political position, trampling on the foundations and principles of non-alignment and unjustified intervention in Kampuchea, became conflicting. Ultimately, Yugoslavia welcomed the decision taken in 1989 on the complete withdrawal of Vietnamese troops from Kampuchea, which, however, at this stage did not entail the restoration of the previous level of interaction. During the period under review, the intensity of ties with *Indonesia* decreased, which

²⁰⁴⁰ Диздаревић разговарао са Консалвом // Политика. 14. јул 1986. С. 1.

²⁰⁴¹ Лусинчи у Београду // Ibid. 10. јун 1988. С. 1.

²⁰⁴² Крајгер почасни грађанин града Куска // Ibid. 17. новембар 1980. С. 1.

²⁰⁴³ Први високи гост нове владе // Ibid. 20. новембар 1980. С. 2.

²⁰⁴⁴ Сергеј Крајгер у Никарагви // Ibid. 18. новембар 1980. С. 1.

²⁰⁴⁵ Први споразум о научној сарадњи Југославије и Бразила // Ibid. 7. август 1988. С. 2.

subsequently, unlike most non-aligned countries, in the Civil War in the former Yugoslavia, took the side of not the FRY, but Bosnia and Herzegovina. The establishment of diplomatic relations with the Republic of Korea at the end of 1989 was a breakthrough in foreign policy.

One of the most active and stable relations was between Yugoslavia and the *DPRK*. The SFRY expressed its full support for the peace-loving initiatives of North Korea in the cause of uniting the country and the Korean people. “No one has the right and can not interfere with the natural aspiration of a single people with a common, more than a thousand-year history, culture and civilization”²⁰⁴⁶, – expressing the position of Yugoslavia on the Korean issue, said the representative of the SFRY at a meeting of the Executive Committee of the International Committee for the Peaceful Democratic Unification of Korea held in Belgrade in January 1981, a member of the Union Conference of the SSRNJ and the Central Committee of the LCY Zivan Vasiljevic.

In August 1980, at the invitation of J. Vrhovec, the Minister of Foreign Affairs and Deputy Prime Minister of the Administrative Council of the DPRK Ho Dam paid an official visit to Yugoslavia, who gave the following assessment of the state of Yugoslav-North Korean relations: Yugoslavia is an example of relations between socialist and non-aligned countries fighting for the realization of common goals and ideals”²⁰⁴⁷. In October 1980, the Yugoslav state and party delegation, headed by Petar Stambolic, attended the 6th Congress of the Workers’ Party of Korea (WPK) as a guest²⁰⁴⁸, where it was cordially and warmly received by Kim Il-sung. In March 1982, an agreement was signed between the SFRY and the DPRK on the abolition of visas for citizens on business trips.

In June 1984, Kim Il-sung visited Yugoslavia and was awarded the title of honorary citizen of Belgrade. In March-April 1986, the chairman of the Presidium of the SFRY R. Vljakovic paid a return visit to the DPRK²⁰⁴⁹. The outcome of the Yugoslav-North Korean talks at the highest level was a statement of the high level of bilateral political relations, the similarity of points of view on a number of international relations, and a very modest level of economic cooperation. The DPRK followed the disintegration processes in Yugoslavia with concern, consistently advocating the unity and territorial integrity of the SFRY and providing the federal leadership with appropriate diplomatic and moral support.

Relations between the SFRY and *Mongolia*, despite their general benevolence and the gradual rapprochement of Ulaanbaatar with the Non-Aligned Movement, were characterized by rather mediocre intensity and developed mainly in the field of economic, technical and cultural cooperation. In 1985, the governments of the two states signed an agreement on providing the SFRY with economic and technical assistance to the MPR. At the same time, speaking of such a phenomenon as the

²⁰⁴⁶ СФРЈ за самоопредељење корејског народа // Политика. 31. јануар 1981. С. 2.

²⁰⁴⁷ Хо Дам: Несврстани морају бити јединствени // Ibid. 8. август 1980. С. 2.

²⁰⁴⁸ Петар Стамболић отпутовао у Пјонгјанг // Ibid. 8. октобар 1980. С. 1.

²⁰⁴⁹ Две далеке земље истих тежњи // Ibid. 31. марта 1986. С. 1.

Yugoslav-Mongolian economic cooperation, it should be borne in mind that the annual trade turnover between the countries was only about \$9 million²⁰⁵⁰. In the same 1985, an agreement on cultural cooperation was concluded between Yugoslavia and Mongolia, supplemented in 1989 by a concretizing program of measures in this area for 1989-1991.

Diplomatic relations between the SFRY and the *Republic of Korea* were established on December 27, 1989, and in November 1990 the first Yugoslav-South Korean summit took place in Seoul²⁰⁵¹. Thus, the chairman of the Presidium of the SFRY B. Jovic became the first leader of Yugoslavia to visit South Korea. The result of joint negotiations with President Roh Tae-woo was the signing of agreements on cultural cooperation and air traffic. As for economic cooperation, it existed before: in 1989, bilateral trade amounted to about \$170 million of which only \$10 million accounted for Yugoslav exports to South Korea²⁰⁵². The main South Korean exports to Yugoslavia were, of course, consumer electronics and automobiles. One of the objectives of his visit to Seoul B. Jovic, who suggested that South Korean businessmen make Yugoslavia “the base for their advancement in Central Europe”²⁰⁵³, considered in attracting investments in the SFRY. However, already in 1991, Yugoslavia began to express dissatisfaction with the “aggressive strategy” of South Korean business and began to take a number of administrative measures to reduce the colossal imbalance in bilateral trade.

South Asia

With the countries of South Asia, Yugoslavia sought to develop benevolent and partnership relations, while relying on the authority of one of the founders and leaders of the Non-Aligned Movement. The closest ties distinguished the relations of the SFRY with Bangladesh, India and Pakistan.

Belgrade preferred to ignore the illegitimate regimes of Babrak Karmal and Mohammad Najibullah in *Afghanistan*, which, in its opinion, did not completely break off contacts with Kabul and continued to interact with it in a limited way within the framework of the Non-Aligned Movement. The Yugoslav diplomatic representation in Afghanistan acted only at the level of chargé d'affaires. Bilateral high-level visits in the 1980's were not applied, however, in 1988 Belgrade was visited by the Minister of Foreign Affairs of Afghanistan, Abdul-l-Vakil, whom Raif Dizdarevic, having previously denied him traditional diplomatic honors, met very dryly²⁰⁵⁴.

Cooperation between Yugoslavia and *Bangladesh* was characterized by many facets and included contacts in the political, economic, scientific, technical and cultural spheres. The issues of its

²⁰⁵⁰ Jugoslavija i SEV Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa, gl. i odg. ur. *Adamović L. S.* Beograd, 1985. S. 42.

²⁰⁵¹ Југословенско-корејски самит. Борисав Јовић у Сеулу // Политика. 8. новембар 1990. С. 1.

²⁰⁵² Ibid.

²⁰⁵³ Брзо ширење веза // Ibid. 9. новембар 1990. С. 1.

²⁰⁵⁴ *Jakovina T.* The active coexistence of non-aligned Yugoslavia // *Yugoslavia from a historical perspective.* Belgrade, 2017. P. 500.

development were in charge of the mixed committee on economic, scientific and technical cooperation, which developed specific projects in accordance with the five-year development plans of the two countries. Yugoslavia's relations with Pakistan developed in a similar way, an important point of contact between which was a sharp criticism of the actions of the Soviet Union in Afghanistan and Cuba's position regarding the future of the Non-Aligned Movement. The appointment of Benazir Bhutto to the post of head of the government of Pakistan caused wide public approval in Yugoslavia.

Relations with *India* were extremely favorable, distinguished by the absence of fundamental contradictions, characterized by regular meetings at the state level and "based on real understanding and trust, equal cooperation and mutual respect, solidarity in the preservation of peace and the progress of mankind"²⁰⁵⁵.

In June 1980, an official visit to New Delhi for the purpose of negotiations with the Minister of Foreign Affairs of India, Narasimha Rao, was paid by J. Vrhovec²⁰⁵⁶. The main subject of discussion between the two ministers was the situation in Afghanistan, and Vrhovets tried to get Rao to express his readiness to join Yugoslavia and categorically condemn the Soviet intervention, which was refused. In September of the same year, the chairman of the FEC, V. Djuranovic, visited India with the aim of a more substantive discussion of Yugoslav-Indian cooperation²⁰⁵⁷. The result of negotiations between Djuranovic and Indira Gandhi was the conclusion of an agreement on economic cooperation for a period of five years, which proposed a number of measures to overcome the Yugoslav deficit in the structure of bilateral trade, which, as of 1980, amounted to \$62 million²⁰⁵⁸.

Indeed, bilateral economic ties were important for both countries, and especially for Yugoslavia, which was interested in increasing the volume of its imports. The SFRY acted as a high-tech partner for India and was a supplier of electronics, technology and plastic, but in the first two positions it could not compete on an equal footing with South Korea and Japan. From India to Yugoslavia, mainly medicines, textile products, coffee, tea, spices and other food products were supplied. In 1987, bilateral trade reached a record figure of almost \$202 million²⁰⁵⁹, after which its volumes began to decline. The problem of Yugoslavia's trade deficit, mentioned above, was never solved – by 1988 it amounted to \$70 million²⁰⁶⁰.

In a series of subsequent bilateral visits and meetings at the state level, Branko Mikulic's visit to New Delhi in July 1986²⁰⁶¹, the visit of Rajiv Gandhi to Belgrade in July 1988²⁰⁶², the visit of

²⁰⁵⁵ Микулић отпутовао у Делхи // Политика. 28. јун 1986. С. 1.

²⁰⁵⁶ Врховец у Делхију // Ibid. 12. јун 1980. С. 1.; See more: *Jazić Ž. Moj pogled na diplomatiju (1957-2005)*. Beograd, 2011.

²⁰⁵⁷ Веселин Ђурановић отпутовао у Индију // Ibid. 28. септембар 1980. С. 1.

²⁰⁵⁸ Ibid.

²⁰⁵⁹ Рекорд са сенкама // Ibid. 24. фебруар 1988. С. 2.

²⁰⁶⁰ Ibid.

²⁰⁶¹ Микулић отпутовао у Делхи // Ibid. 28. јул 1986. С. 2.

²⁰⁶² Ганди отпутовао из Југославије // Ibid. 16. јул 1988. С. 6.

Budimir Lonchar to New Delhi in May 1989²⁰⁶³ and the visit of Rajiv Gandhi to Belgrade in September 1989 on the occasion of the Conference of Non-Aligned Countries should be singled out. The main topics of discussion during each of these visits were economic cooperation between the two countries and the prospects for its development, as well as the state of affairs within the Non-Aligned Movement.

In general, relations with the countries of the “third world” for Yugoslavia seemed especially important in the context of its struggle against imperialism, colonialism and neo-colonialism. However, one should not exaggerate their significance: as the internal political situation in Yugoslavia and some of these countries worsened, Belgrade’s interest in maintaining contacts with them fell. This remark concerns, to a greater extent, the underdeveloped African and Asian countries and, to a lesser extent, the Middle Eastern states, with which Yugoslavia, for mercantile reasons, sought to maintain ties at the same high level until its collapse.

²⁰⁶³ Дијалог Лончар – Рао // Политика. 3. мај 1989. С. 2.

CHAPTER 4. YUGOSLAVIA AND THE CAPITALIST WORLD

4.1. Problems of Yugoslav-American relations

As the 1980's the interest of the SFRY in strengthening ties with developing countries and the Non-Aligned Movement was falling, its desire to intensify cooperation with the United States of America (USA) was growing, which, however, did not imply reciprocity; did not eliminate the risk of new and aggravation of old problems in bilateral relations.

Yugoslavia continued its policy of equidistance from both superpowers and criticized the United States for its imperialist foreign policy, interference in the internal affairs of third states, armed interventions, building an unjust economic order and exploiting the global South²⁰⁶⁴. However, as in the case of the USSR, Belgrade never crossed safe and reasonable boundaries in its criticism of the United States. Washington was loyal to such remarks addressed to it, taking them for granted and acceptable. At the same time, ideological contradictions did not prevent the development of economic, scientific, technical and cultural ties between two states.

The United States looked at the SFRY as a natural rival of the USSR in the socialist world and for this reason preferred not to destabilize the Yugoslav system, but to support it to the extent that it was consistent with the American vision of the future of Eastern Europe²⁰⁶⁵. By the end of the 1980's the factor of Yugoslavia has lost its practical significance in the eyes of the United States, and the presence of a socialist state in the center of Europe, even if it is ready for comprehensive democratization, reforms and concessions, turned out to be undesirable. The SFRY acquired the role of a "rudiment" and a relic of the Cold War²⁰⁶⁶, which had no place in the new system of international relations.

In the last years of the life of J. B. Tito, Yugoslav-American relations reached the peak of their development, the basis for which was laid by the "warm and cordial" reception of the Yugoslav President in Washington in 1978 and the established friendly relations between him and President Jimmy Carter: the leaders of the two countries even had personal correspondence. As a result, the United States became even more tolerant of the Yugoslav policy of non-alignment: "The United States saw in Yugoslavia not only a counterbalance to the malicious influence of Cuba, but also a useful intermediary in the third world"²⁰⁶⁷. Another positive impulse to strengthen contacts was the intervention of the Soviet Union in Afghanistan. The drift of Yugoslav foreign policy towards the United States at that time was caused by the conviction that Washington would take on the role of a kind of guarantor of the stability of Yugoslavia in the face of an objective deterioration in the

²⁰⁶⁴ See more: *Petković R.* Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992.

²⁰⁶⁵ *Kovrig B.* Of Walls and Bridges: The United States & Eastern Europe. New York, 1991.

²⁰⁶⁶ *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu – odnosi sa velikim silama 1945-1955. Zagreb, 1988.

²⁰⁶⁷ *Lazić M.* Unmaking detente. Yugoslavia, the United States, and the Global Cold War, 1968-1980. London, 2022. P. 239.

international and domestic situation in the country.

It is worth noting that Carter was one of the few world leaders who did not come to Tito's funeral, justifying his decision with the situation in Iran and the unsuccessful attempt to free the American hostages on April 24²⁰⁶⁸. The gossip and rumors that flared up in connection with this in the media forced the American president to include Yugoslavia in his European tour²⁰⁶⁹.

J. Carter's official visit to Yugoslavia on June 24-26, 1980²⁰⁷⁰ became one of the most significant events in the history of bilateral relations in the 1980's. On the eve of his arrival in Belgrade, he gave an interview to the Yugoslav newspaper "Politika" and the TV channel "Beograd", in which he emphasized that the basic component of American policy towards Yugoslavia remains "maintaining its independence, territorial integrity and unity"²⁰⁷¹. Upon arrival in the Yugoslav capital, Carter, who was very cordially received by the people of Belgrade, first of all paid tribute to the memory of Tito by visiting the House of Flowers, and also made a number of respectful statements regarding the personality of the marshal and his contribution to international relations: "He was a giant, one of the greatest personalities of the 20th century. He was one of the few statesmen about whom it can be said with certainty that they shaped the modern world and even more than a few who changed it for the better..."²⁰⁷². The US President also received a positive assessment of the Yugoslav policy of non-alignment: "Yugoslavia continues the authentic policy of non-alignment, which has won the respect of the whole world. Especially now, when there is a threat to the principles of equality, non-intervention and territorial inviolability, Yugoslav firmness in defending the principles of the United Nations and the Non-Aligned Movement takes on a new meaning"²⁰⁷³.

During his visit, Carter held talks with a number of Yugoslav officials, among whom were C. Mijatovic, L. Kolisewski, V. Djuranovic, J. Vrhovec, S. Hasani, M. Maksic and M. Jaric²⁰⁷⁴. At that time, the SFRY Ambassador to the USA, B. Loncar, was invariably present at them. It was mainly about topical issues of detente, relations between the superpowers, disarmament processes, local armed conflicts, "anti-Yugoslav terrorist activities" in the United States, and various aspects of bilateral relations. In general, the visit was not marked by any breakthrough agreements, but pursued, rather, a certain symbolic and demonstrative nature, designed to emphasize the role of Yugoslavia and the Non-Aligned Movement in US foreign policy planning, as well as send a certain signal to the USSR and Cuba²⁰⁷⁵.

²⁰⁶⁸ *Mocnik J.* United States-Yugoslav Relations, 1961-80: The Twilight of Tito's Era and the Role of Ambassadorial Diplomacy in the Making of America's Yugoslav Policy: History Ph. D. Dissertation. Bowling Green State University, 2008. P. 202.

²⁰⁶⁹ *Ibid.*

²⁰⁷⁰ Картер у Београду // Политика. 25. јун 1980. С. 1.

²⁰⁷¹ Никад бољи односи с Југославијом // *Ibid.* 24. јун 1980. С. 1.

²⁰⁷² Изјава председника Картера // *Ibid.* 24. јун 1980. С. 2.

²⁰⁷³ Никад бољи односи с Југославијом // *Ibid.* 24. јун 1980. С. 1.

²⁰⁷⁴ *Ibid.*

²⁰⁷⁵ *Petković R.* Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992. S. 120.

1981 was marked by the celebration of the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the United States and Serbia and a visit to Yugoslavia in connection with this event by the US Secretary of State Alexander Haig, who in his welcoming speech highly appreciated the Yugoslav “strong tradition of freedom and independence”²⁰⁷⁶, as well as her “leadership role in the Non-Aligned Movement”²⁰⁷⁷. During Haig’s meetings with Yugoslav leaders, all major issues on the international agenda were discussed: Soviet intervention in Afghanistan, the situation in Poland, the Middle East crisis, North-South dialogue and disarmament talks between Moscow and Washington. In some cases, the parties agreed with each other.

It is curious that Haig, in one of his toasts, stated the following: “... we (Americans) admire the Yugoslav sons and daughters who, already American Yugoslavs, contributed to the wealth and diversity of our own country”²⁰⁷⁸. The Yugoslav diaspora in the United States, indeed, was distinguished by its large number and influence. Meanwhile, the problem of “anti-Yugoslav exiles” and their provocative activities in the United States remained one of the most serious in relations between Belgrade and Washington. The Yugoslav leadership feared, not unreasonably, that their propaganda activity could stir up separatist sentiments in the SFRY. Washington, on the other hand, was dissatisfied with Belgrade’s repressive methods against the organizers of the Kosovo riots in the spring of 1981, as well as some Croatian dissidents. Already in the early 1980’s the collective leadership of the SFRY was aware of the destructive role that the United States could play in popularizing the separatist movements inside Yugoslavia.

Upon his return to Washington, Haig noted that the Reagan administration, like its predecessors, would continue the traditional American policy of substantial support for “Yugoslav independence, territorial integrity, and national unity”²⁰⁷⁹: “We believe that an independent, truly non-aligned Yugoslavia is a positive factor in ensuring European security and peace throughout the world”²⁰⁸⁰. These words, perhaps, contain the essence and content of the American policy towards the SFRY. According to Haig, different assessments of some international events did not negate the fact that both the United States and Yugoslavia pursue the same fundamental goals, sharing “the desire for peace, freedom and progress” as fundamental human values²⁰⁸¹. For Tito’s heirs, Haig’s words were a good sign: they meant that the United States was ready to continue lending to the weak Yugoslav economy in exchange for “pulling” its potential allies in the “third world” countries from Moscow.

²⁰⁷⁶ *Stanković S.* The US Secretary of State visits Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 28 September 1981. P. 2. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:7d9d27ac-c713-4f46-a879-05ed1c97c482> (Accessed: 23.08.2022).

²⁰⁷⁷ Ibid.

²⁰⁷⁸ Ibid.

²⁰⁷⁹ *Stanković S.* The US Secretary of State... P. 2. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:7d9d27ac-c713-4f46-a879-05ed1c97c482> (Accessed: 23.08.2022).

²⁰⁸⁰ Ibid.

²⁰⁸¹ Ibid.

In September 1982, the National Security Decision Directive 54 “United States Policy Toward Eastern Europe” was approved by the White House²⁰⁸². The document concerned relations with Bulgaria, Hungary, East Germany, Poland, Romania and Czechoslovakia. Yugoslavia, on the other hand, was to be the subject of a separate directive, which emphasized the US attitude towards the SFRY as a state of particular importance for American foreign policy. Such a directive, called the “United States Policy Toward Yugoslavia” (NSDD 133)²⁰⁸³ and based on secret CIA reports on the state of affairs in the country, was signed by President Ronald Reagan in March 1984. It argued that a sovereign, unified, economically developed and militarily strong SFRY serves the national interests of the United States and the West insofar as it is “an obstacle to Soviet expansion in southern Europe”²⁰⁸⁴ and “a positive example of friendly relations with the West for the countries of Eastern Europe”²⁰⁸⁵. In other words, “preserving the independence and territorial integrity of Yugoslavia, promoting its gradual liberalization and integration with the West”²⁰⁸⁶ was in the strategic interests of the United States.

In late May - early June 1985, M. Planinc paid an official visit to the United States²⁰⁸⁷, accepted in the country “with great respect”²⁰⁸⁸. During the two days she spent in Washington, all the leading officials of the American administration, including President R. Reagan, met with her. Yugoslav publications noted that “this is not common here and only happens for a small number of foreign visitors”²⁰⁸⁹. Summing up the results of the talks, which concerned mainly economic issues and the debts of Yugoslavia, Secretary of State George Shultz praised the importance that the United States attaches to Yugoslavia, calling it “a source of stability and influence in world affairs”²⁰⁹⁰, and the meetings themselves – “open, informative and held in an atmosphere of friendship and cooperation”²⁰⁹¹. Speaking personally about Planinc, he added that she “became one of the most interesting interlocutors he met on the world stage”²⁰⁹².

In July 1987, Washington, New York and St. Louis were visited by a Yugoslav government delegation headed by Milos Milosavlevic, Deputy Chairman of the FEC, long-term chairman of “Yugobank”. Here he held talks with Secretary of State G. Schultz, Secretary of the Treasury James

²⁰⁸² National Security Decision Directive 54 «United States Policy Toward Eastern Europe». September 2, 1982. // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²⁰⁸³ National Security Decision Directive 133 «United States Policy Toward Yugoslavia». March 19, 1984. // Ibid. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm> (Accessed: 28.08.2022).

²⁰⁸⁴ Ibid.

²⁰⁸⁵ Ibid.

²⁰⁸⁶ Yugoslavia – Considerations of Assistance Measures. Secret/ sensitive discussion paper. 82-12423. November 5, 1982. P. 6. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83M00914R000500110012-6.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²⁰⁸⁷ Посета са отвореним дијалогом // Политика. 2. јун 1985. С. 1.

²⁰⁸⁸ Ibid.

²⁰⁸⁹ Ibid.

²⁰⁹⁰ Ibid.

²⁰⁹¹ Ibid.

²⁰⁹² Ibid.

Baker, Secretary of Commerce Malcolm Baldrige, Minister of Agriculture Richard Ling, representatives of the World Bank and the IMF, American commercial banks, the results of which he assessed as follows: “In frank conversations with representatives of the US government and high-ranking representatives of the IMF and the World Bank expressed a high degree of understanding of our difficulties and full readiness to cooperate in solving the problem of our debt in this and the coming years in order to contribute to a faster and more stable development of the Yugoslav economy²⁰⁹³.”

In May 1988, at the invitation of R. Reagan, a Yugoslav delegation headed by J. Vrhovec, a member of the Presidium of the SFRY, visited the United States for a short visit²⁰⁹⁴. Vrhovec’s talks with high-ranking US officials took place in a “friendly”, “sincere” and “constructive” atmosphere. Secretary of State J. Schultz, among the achievements of bilateral relations in recent years, mentioned an agreement on dual citizenship, a consular convention, a significant increase in trade, a successful negotiation process on the fight against terrorism²⁰⁹⁵ and drug trafficking. The decision of the SFRY to conclude an agreement on debt restructuring with the IMF was positively assessed. The head of the Bureau of European and Canadian Affairs of the US State Department, Thomas Simon, in particular, stated the following on this score: “We respect the political courage that was necessary to enter the IMF program. For its implementation, new money will be needed. The US, as well as other creditors, will be invited to participate. We are ready”²⁰⁹⁶.

As before, in the 1980’s the most tangible financial assistance to Yugoslavia came from the United States, despite the fact that a number of party theorists warned the leadership that this could lead to “undesirable consequences”²⁰⁹⁷. In 1984, R. Reagan expressed his intention to participate in refinancing the debts of the SFRY, which at that time fully met the national interests of the United States²⁰⁹⁸. Washington not only provided money loans to Belgrade, but also allowed Yugoslav products to enter its market, despite their notoriously uncompetitive nature. The most famous example of a Yugoslav product on the American market was the “Jugo-55” model car, manufactured at the “Crvena Zastava” plant in Kragujevac. An agreement on the import of products from the Yugoslav

²⁰⁹³ Висок степен разумевања // Политика. 9. јул 1987. С. 2.

²⁰⁹⁴ Разговори Шулиц – Врховец // Ibid. 7 мај. 1988. С. 1.

²⁰⁹⁵ The United States has repeatedly expressed demarches to Yugoslavia, accusing it of supporting radical Palestinian terrorist groups. Their result was the expulsion from Belgrade in the mid-1980’s employees of the combat unit of the Khawari Group of the Movement for the National Liberation of Palestine (Fatah). In response to Washington’s displeasure at the “illegal” use of Yugoslav territory by North Korean agents on the eve of the explosion of a South Korean airliner, after November 1987, the official presence of the DPRK in the SFRY began to be reduced.

See: Yugoslavia: status and outlook. EUR M 89-20114. July 21, 1989. P. 9. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP90T00103R000400060002-9.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²⁰⁹⁶ Разговори Шулиц – Врховец // Политика. 7 мај. 1988. С. 1.

²⁰⁹⁷ Antić Z. Western banks willing to help Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/20 (Yugoslavia). 27 January 1983. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:efb72f98-47c8-401a-a84b-7a815cdd1251> (Accessed: 23.08.2022).

²⁰⁹⁸ See: Lebovic J. H. National Interests and US Foreign Aid: The Carter and Reagan Years // Journal of Peace Research. Vol. 25, Issue 2. 1988. pp. 115-135.

automobile industry, according to which it was expected that 35,000 cars would be delivered to the United States annually²⁰⁹⁹ was concluded in 1984.

On a regular basis, twice a year, meetings of the American-Yugoslav Economic Council were held, which included about 150 companies from the two countries and was designed to expand the limits of bilateral trade cooperation. In practice, the activities of the Council did not always meet the stated goals, and the position of the American representatives and their attitude towards the SFRY as a junior partner periodically caused acute dissatisfaction on the Yugoslav side.

The main dissatisfaction of the SFRY was provoked by the chronic Yugoslav trade deficit in trade with the United States. The fact is that, for example, in 1986, American exports to Yugoslavia exceeded Yugoslav exports to the United States by \$107 million²¹⁰⁰, which was the basis for Belgrade to accuse Washington of unequal trade, especially since a little earlier the US administration introduced strict conditions for the import of Yugoslav furniture into the United States²¹⁰¹. It was proposed to solve the problem by a sharp increase in Yugoslav imports to the United States and a decrease in American imports to the SFRY by as much as 20%²¹⁰². The difficulty lay in the fact that the Americans were not interested in the supply of goods other than “Yugo” cars, while the Yugoslav Federal Secretariat for Finance proposed to include tractors, modular houses, products of the forest and woodworking industries, textiles, wines, food, etc. However, the situation nevertheless managed to be energetically and quickly corrected – already in 1988, the American deficit in trade with Yugoslavia amounted to \$391 million²¹⁰³, which led to new, even more sensitive difficulties in bilateral relations.

In May 1987, for the first time in seven years, a mission of private investors from the United States visited Yugoslavia²¹⁰⁴. The purpose of the visit organized by the Overseas Private Investment Corporation (OPIC)²¹⁰⁵ was to discuss opportunities for joint investment between American and Yugoslav firms, and Yugoslavia prepared about 210 such proposals for American partners, of which the main part was in the field of agriculture, chemical industry and electronics²¹⁰⁶. As a result of the negotiations, American investors expressed their readiness to supply their high technologies and computers to the Yugoslav market, while warning colleagues that the existing inflation rate and political risks could become an obstacle to further cooperation²¹⁰⁷. Yugoslavia, on the other hand, took

²⁰⁹⁹ “Југо-55” у Америци // Политика. 11. септембар 1984. С. 5.

²¹⁰⁰ Протекционизам штети свима // Ibid. 2. јун 1987. С. 1.

²¹⁰¹ Ibid.

²¹⁰² Пораст нашег извоза // Ibid. 27. новембар 1986. С. 1.

²¹⁰³ САД ограничувају извоз из Југославије? // Ibid. 3. мај 1989. С. 1.

²¹⁰⁴ Мисија приватних инвестора САД у нашој земљи // Ibid. 19. фебруара 1987. С. 2.

²¹⁰⁵ *Overseas Private Investment Corporation* is an agency under the US Government, whose goal is to assist American businesses in investing in new and emerging markets by providing loans and guarantees. The cooperation agreement between OPIC and the SFRY was signed in January 1973 and was the first such agreement between the United States and a communist country.

See more: Investing in Yugoslavia with OPIC Assistance. Overseas Private Investment Corp. Library of Congress. 1973.

²¹⁰⁶ Мисија приватних инвестора САД у нашој земљи // Политика. 19. фебруара 1987. С. 2.

²¹⁰⁷ Најсигурније путем “југо” // Ibid. 30. мај 1987. С. 2.

upon itself the obligation to multiply the numbers of receiving American tourists.

By the end of 1988, the number of American tourists visiting Yugoslavia had reached 300,000²¹⁰⁸. Compared with 1986, the growth in the flow of tourists from the United States amounted to as much as 74%²¹⁰⁹. The number of travel companies involved in organizing the recreation of American tourists in Yugoslavia increased; there was an increase in interest in historical monuments and especially monasteries, and the Herzegovinian village of Mezdugorje became a favorite place for US citizens, where in the 1980's apparitions of the Virgin Mary were recorded. However, Yugoslavia objectively lacked the opportunity to further increase the flow of rather demanding tourists from the USA, especially since in the late 1980's the American press increasingly published critical notes about the SFRY, which served as anti-advertising for resort and sightseeing trips to this country.

The first wake-up call in Yugoslav-American relations rang in December 1988, when Bahrudin Bijedic, Consul General of Yugoslavia in Chicago, and Vinko Mir, director of the New York branch of the Ljubljana Bank, were detained on charges of money laundering and spying for the Eastern Bloc²¹¹⁰. The Yugoslav Embassy in Washington said its officials were "deeply appalled by the arrest of Yugoslav Consul General in Chicago, Mr. Bahrudin Bijedic"²¹¹¹, to which the State Department replied that the case was against a specific person and had no basis for accusing the Yugoslav government of anything. The official statement from the SFRY Embassy in the United States on this matter read: "The State Department made it clear that the actions were directed exclusively against the persons named in the indictment, and not against the diplomatic and consular missions of Yugoslavia in the United States and the Yugoslav government"²¹¹². However, the situation itself provoked massive insinuations from the media against the good name of Yugoslav diplomats in the US, as well as the image of Yugoslavia in principle.

In May 1989, the US government published an official document called "Barriers to Foreign Trade", in which it announced a list of 34 countries including Yugoslavia that, in its opinion, create "unjustified" obstacles to the import of American goods, but at the same time enjoy preferences in the American market. The reason for this was the above-mentioned American deficit in bilateral trade, which arose by the end of 1988. Yugoslavia, in particular, was blamed for the fact that by introducing customs tariffs, the state "increases its revenues and protects domestic producers"²¹¹³. Belgrade was also accused of imposing quantitative quotas on a number of American agricultural products and of not adequately protecting patent owners under the relevant law of 1981. All this threatened Yugoslavia with imposing restrictions on the import of its products into the United States and required

²¹⁰⁸ Наше туристичке шанце у САД. Како привући Американце // Политика. 6. марта 1989. С. 2.

²¹⁰⁹ Ibid.

²¹¹⁰ Наш генерални конзул оптужен за криминал // Ibid. 3. децембар 1988. С. 2.

²¹¹¹ Federal "Sting" Nets Yugoslav Consul, Banker: Money - Laundering Plan Involved Drugs, Possible Spying, Officials says // Los Angeles Times. December 2, 1988.

²¹¹² "Прање" за милион долара // Политика. 4. децембар 1988. С. 1.

²¹¹³ САД ограничувају извоз из Југославије? // Ibid. 3. мај 1989. С. 1.

amendments and additions to the federal law on the protection of inventions and intellectual property. At the same time, the United States continued to assure the Yugoslav side that “an economically strong Yugoslavia is in the interests of the United States”²¹¹⁴.

The activity of A. Markovic’s cabinet, which abolished a number of obstacles to foreign trade and investment, and expressed readiness to further remove barriers to the transition of the Yugoslav economy to a market basis, evoked great approval from the Americans. It is noteworthy, but at a regular meeting of the American-Yugoslav Economic Council in Cavtat on May 30, 1989, the US Deputy Secretary of Commerce Richard Johnston even stated that “Yugoslavia is not on any black list”²¹¹⁵: Markovic’s willingness to make concessions had a positive effect on bilateral relations. However, by this point, the volume of Yugoslav-American trade had actually stopped growing and had stalled at a “solid, but still modest \$1.5 billion”²¹¹⁶, which was far from the goal of doubling them by the end of 1990, set at a meeting of the council in 1987 in the same Cavtat. “There are two main reasons for the fears of American businessmen. The first is the political climate. Businessmen who follow the huge demonstrations on television must ask themselves what the business climate will be like in Yugoslavia. Another concern is the dizzying rate of inflation”²¹¹⁷, – said at the meeting the chairman of the board and deputy head of the American “Pratt & Whitney”²¹¹⁸ Richard Chapman. And the US Undersecretary for Economic Growth Richard T. McCormack added: “Some other countries, notably Hungary, Poland, and to some extent the USSR, are exploring the ground for new economic and political thinking. If Yugoslavia does not accelerate, progress in these countries may deprive Yugoslavia of the role of “window to the East...”²¹¹⁹. Such unambiguous hints and remarks caused irritation and confusion on the Yugoslav side. The American partners also accused the Yugoslav colleagues of lack of punctuality, regular failure to meet deadlines for contracts, making unexpected changes to business contracts after they came into force, negligence in paperwork, neglect of business correspondence, i.e. such as the lack of a well-formed business culture.

On June 14, 1989, another Albanian demonstration took place in Washington in front of the Congress building, in which about 100 people took part²¹²⁰. The demonstration was held under the slogans “freedom of Kosovo” and “freedom of Azem Vlasi” and calls for a “long and hard struggle”²¹²¹. This rally would be no different from all the previous ones, if not for one detail: six American congressmen were present and spoke, and another one – an influential leader of the Republican minority in the Senate, Robert “Bob” Dole – sent a letter of support. All of them

²¹¹⁴ Протекционизам штети свима // Политика. 2. јун 1987. С. 1.

²¹¹⁵ Смели и нови кораци доносе успех // Ibid. 30. мај 1988. С. 2.

²¹¹⁶ Ibid.

²¹¹⁷ Ibid.

²¹¹⁸ Pratt & Whitney is an American manufacturer of aircraft engines for civil and military aviation.

²¹¹⁹ Смели и нови кораци доносе успех // Политика. 30. мај 1988. С. 2.

²¹²⁰ Демонстрације у режији пропалог конгресмена // Ibid. 20. јун 1989. С. 2.

²¹²¹ Ibid.

condemned the “trampling” of human rights in Yugoslavia, called for the imposition of sanctions against the Yugoslav government, motivating this by the resolution “Expressing the grave concern of the Congress in connection with human rights violations in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia”, submitted to Congress on June 13 by Tom Lantos. At the same time, Joseph DioGuardi, a former congressman from New York and an employee of the American-Albanian Civil League, developed the most active activity, seeking from George W. Bush and James Baker an official speech against the “repressive actions of the Yugoslav government”²¹²².

It is worth noting that in 1989 alone, the US Congress considered about a dozen resolutions on the problem of human rights violations in Yugoslavia, mainly the Albanian national minority, as well as political prisoners²¹²³. Moreover, in July, at the suggestion of South Dakota Senator Larry Pressler, an amendment was adopted to the foreign aid bill, which condemned the domestic policy of the Yugoslav government²¹²⁴. The leadership of the SFRY explained such excesses by ignorance of history and poor awareness of the Americans about the situation in Yugoslavia and saw in what was happening “a contradiction with the current friendly state of bilateral relations”²¹²⁵. The meeting of the Foreign Policy Council of the Assembly of the SFRY, convened specifically to discuss the amendment, issued the following verdict: “The amendment ... is anti-Yugoslav, unfair and harmful to relations between the SFRY and the USA”²¹²⁶. It was stated that the reason why the West did not talk about the situation in Kosovo in 1981 was the recent death of J. B. Tito, while he is using the current aggravation for strategic purposes of putting pressure on Yugoslavia. As a way to combat anti-Yugoslav propaganda, it was proposed to disseminate truthful information about Kosovo and invite American congressmen to the republic to personally familiarize themselves with what was happening, as well as the formation of a Yugoslav delegation to speak in the American Congress.

On July 15, Chairman of the Presidium of the SFRY J. Drnovsek in Paris, where he was among those invited to the festive events on the occasion of the bicentennial anniversary of the French Revolution, had meaningful conversations with George W. Bush, before whom he directly raised the issue of the mentioned amendments. Bush’s answer was that “the issue is not yet in his competence”²¹²⁷ and he is generally satisfied with the process of lifting the emergency measures in Kosovo. However, subsequent events, such as, for example, the adoption by Congress of a resolution on Dobroslav Paraga, made the Yugoslav leadership doubt the sincerity of the American president. Never before in the history of Yugoslav-American relations have so many anti-Yugoslav attacks been

²¹²² Демонстрације у режији пропалог конгресмена // Политика. 20. јун 1989. С. 2.

²¹²³ См.: Congress. gov. URL: <https://www.congress.gov/search?q=%7B%22source%22%3A%22legislation%22%2C%22search%22%3A%22yugoslavia%22%2C%22congress%22%3A101%7D> (Accessed: 28.08.2022).

²¹²⁴ Амандман о Косову и у Сенату // Политика. 14. јул 1989. С. 2.

²¹²⁵ *Petković R.* Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. Beograd, 1992. S. 129.

²¹²⁶ Амандман Сената САД штети односима са СФРЈ // Политика. 15. јул 1989. С. 2.

²¹²⁷ Буш изразио задовољство развојем догађаја на Косову // Ibid. 16. јул 1989. С. 1.

observed and so many resolutions have been adopted as in 1989 alone. The question arose on the agenda: why have relations with Yugoslavia become so unimportant that no one on the American side is trying to oppose the anti-Yugoslav provocations in Congress? The American administration was accused of a policy of double standards towards Belgrade²¹²⁸.

From October 9 to October 14, 1989, Ante Markovic, chairman of the FEC, was on an official visit to the United States, whose mission was to seek another foreign “support” in the amount of more than a billion dollars for “entering a new cycle of development based on an updated structure that will much more effective and differently oriented in terms of quality and involvement in world processes”²¹²⁹. Bilateral talks were also to cover such issues as the transfer of US technology to Yugoslavia, the introduction of measures to facilitate Yugoslav imports to the US, and US assistance to train Yugoslav managers²¹³⁰.

Undoubtedly, the visit of the Yugoslav Prime Minister to the United States became one of the central events in the foreign policy of the SFRY in 1989 and attracted considerable attention from the world media. Serious hopes were placed on him by the Yugoslav public, counting on real help from Washington, especially after the fact that M. S. Gorbachev’s visit to Yugoslavia in 1988 was fruitless and “indifferent”. In an interview given on the eve of his visit to the American newspaper “The New Times”, Markovic described the current state of bilateral Yugoslav-American relations as follows: “Our relations have been very good for many years. This is expressed not only in close interstate and political cooperation, military cooperation, but also in technology transfer, strong cooperation in the financial sector, growth in trade. Our assessment is that recently there has been a decline in US interest in Yugoslavia, which probably stems from the opinion that in some other parts of the world processes are taking place more intensively than in our country. It seems to us that this is an erroneous assessment”²¹³¹. Explaining the purpose of his trip, Markovic always focused on the fact that “Yugoslavia is not looking for help from anyone, but only support in solving the problems of its development”²¹³².

In New York and Washington, the Yugoslav Prime Minister was expected to have a very dense and intensive program, which included meetings with employees of Yugoslav firms in the United States, former Secretary of State Henry Kissinger, IMF Executive Director Michel Camdessus and World Bank President Barber Conable, Chairman of the Federal Reserve System (FRS) Alan Greenspan, Speaker of the House of Representatives Tom Foley, Secretary of the Treasury Robert Mosbacher, Secretary of Commerce Nicholas Brady, Secretary of State James Baker, Secretary of

²¹²⁸ Двострука политика САД према Југославији // Политика. 16. август 1989. С. 2.

²¹²⁹ Југославији потребна подршка од милијарду долара // Ibid. 9. октобар 1989. С. 2.

²¹³⁰ Марковић у Њујорку // Ibid. 10. октобар 1989. С. 2.

²¹³¹ Ibid.

²¹³² Марковић: “Тражимо подршку, не помоћ” // Ibid. 11. октобар. 1989. С. 1.

Defense Dick Cheney, and finally President George W. Bush²¹³³. For the American leadership, Markovic's visit served two purposes: on the one hand, it was supposed to contribute to a more accurate and deeper understanding of the development of Yugoslavia and the scale of its political and economic crisis. On the other hand, it was important from the point of view of realizing the need for further support for the Yugoslav reforms based on considerations of foreign policy benefits and expediency. In other words, the possibilities for providing support directly depended on how much Yugoslavia, in its internal development, kept pace with changes in Europe and the world²¹³⁴.

So, at all meetings of Markovic with representatives of the American establishment, the main attention was paid to the peculiarities of the reform program of the Yugoslav government. The debate, as a rule, concerned the methods, priorities and pace of their implementation. At the same time, the Americans agreed in their readiness to provide "vigorous support to the efforts to modernize the Yugoslav economy"²¹³⁵ under the condition of deepening economic reform, a new devaluation of the national currency, cutting costs, freezing wage growth, etc. – "favorable economic relations with the United States could not replace reliable and effective... measures, initiated by the country itself"²¹³⁶.

In the talks, the American side emphasized not only the need for the mentioned economic measures, but also the immediate implementation of political reform, which consisted, first of all, in the formation of a multi-party system. Markovic, in response to these recommendations, retorted that he was afraid of the formation of parties on a national basis and, as a result, an increase in ethnic tensions, but his remarks were essentially ignored. An unpleasant conversation about the violation of human rights in Yugoslavia, the case of Dobroslav Paraga and constitutional reform in the SR of Serbia awaited the head of government with the chairman of the Foreign Affairs Committee of the House of Representatives, Dante Fassel, and a group of eleven congressmen. At the same time, the final report of the White House on Ante Markovic's visit stated that the United States expresses "strong support for the independence, unity and sovereignty of Yugoslavia"²¹³⁷, which actually meant recognition of the legitimacy of the federal government's actions to disperse Albanian protests in Kosovo and an expression of readiness to provide the requested investment support. At the same time, the Americans did not hide the fact that their assistance to Yugoslavia comes from the national interests of the United States in the Balkans and the Mediterranean²¹³⁸.

In the future, the degree of US involvement in the Yugoslav events, and with it the number of

²¹³³ Марковић: "Тражимо подршку, не помоћ" // Политика. 11. октобар. 1989. С. 1.

²¹³⁴ *Lampe J. R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

²¹³⁵ Сусрет Буш – Марковић // Политика. 14. октобар 1989. С. 1.

²¹³⁶ *Lampe J. R., Prickett R. P., Adamović L. S.* Yugoslav-American Economic Relations Since World War II. Durham: Duke University Press, 1990. P. 204.

²¹³⁷ Мање резерви према Југославији // Политика. 13. октобар 1989. С. 1.

²¹³⁸ *Lees L. M.* Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. University Park: Pennsylvania State University, 1997.

visits by Yugoslav officials of various levels to Washington, and by American high-ranking officials to Belgrade, began to increase manifold. As early as January 1990, a group of fifteen American congressmen arrived in Yugoslavia to get acquainted with the progress of political and economic reforms²¹³⁹. In February, Vice Chairman Zivko Pregl went to Washington for consultations. An interesting detail, but the Deputy Prime Minister already spoke with journalists, as the Yugoslav press approvingly noted, in “quite good English”²¹⁴⁰. In the same month, Deputy Secretary of State and former US Ambassador to the SFRY Lawrence Eagleburger visited Yugoslavia, during his visit he met with the heads of “alternative” parties from all parts of Yugoslavia, but at the same time once again reminded the federal leadership of support for unity, territorial integrity and sovereignty Yugoslavia by the United States: “We continue to support a united Yugoslavia”²¹⁴¹. In October 1990, in New York, on the sidelines of a meeting of the UN General Assembly, official talks were held between Jovic – Bush and Loncar – Baker.

In October 1990, in New York, on the margins of a meeting of the UN General Assembly, official talks were held between Jovic – Bush and Loncar – Baker²¹⁴², in which the US President and Secretary of State again expressed support for Yugoslav unity. The American representatives repeated this memorized formula over and over again, while the real actions of Washington came into conflict with the formal statements.

As for economic reality, at the 16th meeting of the American-Yugoslav Economic Council on May 28, 1990 in Opatija, the Yugoslav side was forced to state that, in accordance with the data obtained by applying the Yugoslav method of calculation, as of the end of 1989, bilateral trade decreased by 3%²¹⁴³. At the same time, Yugoslav imports to the United States fell by 9.7%, while American imports to Yugoslavia grew by 4.3%²¹⁴⁴. Thus, the situation of a short-term Yugoslav surplus in trade was again replaced by a deficit of \$60 million²¹⁴⁵. American investment, amounting to 12.7% of total foreign investment in the Yugoslav economy, also turned out to be very modest²¹⁴⁶. In 1990, the IMF froze its agreement with the SFRY, according to which it was supposed to lend it in the amount of \$600 million²¹⁴⁷. The example of the IMF was followed by the World Bank and the Paris Club. The United States effectively stopped providing any serious financial assistance to Yugoslavia. On the other hand, the first mixed American-Yugoslav bank was opened in the same year, founded by “Yugobank” in Belgrade and “City Corporation” in New York.

²¹³⁹ Источна Европа не претиче Југославију // Политика. 4. јануар 1990. С. 9.

²¹⁴⁰ Прегл: Југославија се суштински мења // Ibid. 23. фебруар 1990. С. 2.

²¹⁴¹ Иглбергер: Пуна подршка југословенској реформи // Ibid. 28. фебруар 1990. С. 2.

²¹⁴² Подршка демократској Југославији // Ibid. 3. октобар 1990. С. 2.

²¹⁴³ Зашто опада размена // Ibid. 29. мај 1990. С. 2.

²¹⁴⁴ Ibid.

²¹⁴⁵ Ibid.

²¹⁴⁶ Ibid.

²¹⁴⁷ Помоћи практично није било // Ibid. 22. мај 1990. С. 1.

Political relations in 1990 were also marked by several unpleasant incidents. For example, in May, US Congressman Tom Lantos came to Kosovo on his own initiative and subsequently made resonant anti-Serb statements²¹⁴⁸. The problem was that he made this visit accompanied by an employee of the American embassy in the SFRY, who also provided him with a diplomatic car and bodyguards. Similar sharp attacks against Serbia and Yugoslavia in the same year were noted by the Albanian-born American Senator Robert Dole, who stated, in particular, in an interview with Croatian television that the situation in Kosovo was “unworthy of Europe”²¹⁴⁹. At the same time, leaders of opposition parties, who do not hide their separatist intentions, began to receive in Washington. So, for example, in September, Franjo Tudjman, personally received by President Bush, paid a long visit to the United States²¹⁵⁰.

The regular trips of US congressmen to Yugoslavia eventually began to irritate the Yugoslav, and especially the Serbian, Montenegrin and Macedonian public. In August 1990, the Macedonian Party of Yugoslavs filed an official appeal to the Presidium of the SFRY, in which it asked the question of the basis on which American congressmen visit different republics of the SFRY, while acting as “wardens” and “guardians”. “The Party of Yugoslavs asks for an explanation of the following: are these visits carried out on the basis of agreements with any allied or other official body of Yugoslavia, or are they “the result of official American requests?”²¹⁵¹, – was said in the text of the appeal. The signatories were also interested in why US congressmen publish their reports on the results of their trips to Yugoslavia, but mainly to Serbia and Kosovo, in Zagreb, and not in Belgrade or Pristina. Such behavior, in their opinion, had a negative impact on the traditionally friendly relations between the SFRY and the United States.

On October 24, 1990, the US House of Representatives by a majority (362 to 55) voted against consideration of a resolution that condemned the situation in Kosovo and requested direct US political intervention in the affairs of Serbia and Yugoslavia. The submission of the resolution for consideration was regarded as a “product of the Albanian lobby”, which “does not correspond to the interests of the United States”²¹⁵². However, already in November, the House of Representatives, at the suggestion of Senator Don Nickles, passed an anti-Yugoslav amendment to the Law on the Allocation of Funds for Operations Abroad, which prohibited any assistance to Yugoslavia, with the exception of those Yugoslav republics in which democratic elections were held and human rights are not violated²¹⁵³. The procedure for the entry into force of the amendment involved a six-month observation period during which a final decision was to be made. At the same time, an ultimatum from the US State Department

²¹⁴⁸ Лантош није говорио у име владе САД // Политика. 31. мај 1990. С. 2.

²¹⁴⁹ Срамна изјава америчких конгресмена // Ibid. 1. септембар 1990. С. 21.

²¹⁵⁰ Демантује и Буша // Ibid. 3. октобар 1990. С. 2.

²¹⁵¹ Ко позива “супервизоре” из Америке // Ibid. 1. септемар 1990. С. 21.

²¹⁵² Одбачена резолуција против Југославије // Ibid. 25. октобар 1990. С. 1.

²¹⁵³ Изгласан антијугословенски и антисрпски амандман // Ibid. 26. октобар 1990. С. 2.

on multi-party elections in the SFRY followed, demonstrating “the insincerity of the US official policy”²¹⁵⁴. Supporters of a united Yugoslavia, this act was regarded as an obvious encouragement of right-wing and nationalist forces on the ground: “It looks like the United States, contrary to all its previous statements, does not care about the unity and stability of Yugoslavia, but, on the contrary, they are pushing Yugoslavia into a fratricidal war and disintegrate”²¹⁵⁵.

At the same time, the number of journalistic and academic studies predicting the end of the SFRY has increased dramatically in the United States²¹⁵⁶. “Knowing history, can the advent of pluralistic democracy linked to national statehood overcome both nationalist and communist aspirations for centralism and unitarism?”²¹⁵⁷, one of the main experts on Yugoslavia in America, Yale University professor of Croatian origin, Ivo Banac, asked rhetorically. A peculiar point in these arguments was put by the CIA, which prepared a solid analytical report on Yugoslavia²¹⁵⁸, which predicted the collapse of the country within two years²¹⁵⁹. This report had a direct impact on the further policy of the White House towards Belgrade. In the new conditions, the United States was faced with the task not so much to preserve the unity of the SFRY as to skillfully take advantage of its disintegration in its national interests.

On May 6, 1991, the Nickles Amendment already mentioned above came into force – the George W. Bush administration suspended economic assistance to Yugoslavia, including support from international credit organizations. State Department spokeswoman Margaret Datwyler explained the decision as follows: “The problem with Yugoslavia lies in the policy of the leadership of the Republic of Serbia, which uses repressive measures in Kosovo, which did not hold sufficiently free elections and is now acting in the direction of destabilizing the Yugoslav presidium...”²¹⁶⁰.

The US Ambassador to the SFRY, Warren Zimmermann, even directly stated that the condition for receiving American assistance was the election of Stipe Mesic to the post of chairman of the Presidium of the SFRY, which was perceived by members of the collective leadership as interference in the internal affairs of Yugoslavia. At the same time, there were discussions in Congress about the need and possibility of providing assistance to Croatia and Slovenia, “opposing Serbian Bolshevism”, bypassing the federal government: “The Soviet Union and Yugoslavia need to stop any assistance and provide it only to those forces that are fighting against communist power in these countries”²¹⁶¹,

²¹⁵⁴ Грубо мешање у унутрашње послове Југославије // Политика. 14. новембар 1990. С. 15.

²¹⁵⁵ Ibid.

²¹⁵⁶ See: *Bakić J.* Jugoslavija: razaranje i njegovi tumači. Beograd, 2011.

²¹⁵⁷ *Banac I.* Political Change and National Diversity // *Daedalus*. 1990. Vol. 119, No. 1. P. 143.

²¹⁵⁸ National Intelligence Estimate 15-90 «Yugoslavia Transformed». October 18, 1990. // Office of the Director of National Intelligence. URL: http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub34_NIE_15-90.pdf (Accessed: 28.08.2022).

²¹⁵⁹ See more about the CIA analysis of the state of affairs in the SFRY: *Kasalo B.* Međunarodni pogledi na krizu u Jugoslaviji. Doktorski rad. Zadar, 2017.

²¹⁶⁰ Два лица једне политике // Политика. 22. мај 1991. С. 2.

²¹⁶¹ Америчка расправа о Југославији // Ibid. 13. јун 1991. С. 2.

suggested Congressman Dana Rohrabacher. The deputy chairman of the FEC of the SFRY, Alexander Mitrovic, called everything that was happening “the stupidity of American politics”²¹⁶².

On June 20, 1991, Secretary of State J. Baker arrived in Belgrade as part of his European tour, whose visit in diplomatic circles was characterized as “anything but not routine” and was associated with the upcoming secession of Slovenia and Croatia from the SFRY and the evolution of Washington’s position on the Yugoslav crisis. In Belgrade, Baker held talks not only with A. Markovic and B. Loncar, but also with the presidents of all six Yugoslav republics, during which M. Kucan and F. Tudjman were unsuccessfully called upon to refuse or at least suspend the secession process. The overall outcome of the negotiations was the confirmation of the American traditional diplomatic line towards the SFRY and its political future: “We made it clear to the Prime Minister and the Federal Foreign Secretary that the United States is ready in any way to help Yugoslavia become more democratic, ensure respect for human rights and preserve the unity of the country”²¹⁶³. However, from now on, as you can see, the principle of the territorial integrity of the SFRY for the United States played a secondary role – the main requirement for the federal leadership was the democratization of Yugoslavia by any means and at any cost, therefore it is no coincidence that Baker was categorically against the preservation of Yugoslavia with the help of military force. In fact, the Secretary of State made it clear to republican leaders that their attempts to secede would meet no real opposition and resistance from the United States²¹⁶⁴.

So, despite the rather intensive economic cooperation, relations between the SFRY and the USA in the 1980’s difficult to call truly friendly. R. Reagan’s tough stance towards the socialist world did not make an exception for Belgrade, respectively, the US plans to destabilize and “democratize” the Eastern bloc also extended to Yugoslavia²¹⁶⁵. It is important to note that after the arrival of J. Carter in 1980, the SFRY did not receive a single visit by American presidents, which meant a decrease in its role in the strategic planning of Washington in practice or, as the Serbian historian Predrag J. Markovic aptly put it, “marginalization” Belgrade in bilateral relations²¹⁶⁶. With the beginning of “perestroika” in the Soviet Union and a series of “velvet revolutions” in the countries of Eastern Europe, Yugoslavia, which previously served as a “positive example of alternative communism”, lost the status of the “favorite” of the United States in the socialist world: the emergence of competitors in the face of Hungary, Poland and Czechoslovakia were forced out Yugoslavia on the margins of American foreign policy.

²¹⁶² “Вашингтон пост”: Југословени се ујединили // Политика. 24. мај 1991. С. 2.

²¹⁶³ Одлучна пордшка очувању јединства Југославије // Ibid. 22. јун 1991. С. 1.

²¹⁶⁴ Paquin D. Understanding US Foreign Policy Toward Emerging Secessionist States: a Close Look at the Balkan Regional Context. P. 26. URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Paquin.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²¹⁶⁵ Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. Београд, 1995. С. 77.

²¹⁶⁶ Марковић П. Ј., Антић Ч. Алтернативна историја Србије. Београд, 2021. С. 184.

4.2. Yugoslavia and Western countries: cooperation and disagreement

The non-bloc position of the SFRY and its military neutrality contributed to the active strengthening of Belgrade's ties with Western and Southern European capitals, which perceive Yugoslavia as an obstacle to Soviet influence on the continent. In the 1980's Yugoslavia maintained regular relations with all countries of the region, paying special attention to contacts with Austria, Belgium, Great Britain, Greece, Italy, France and the FRG. Their intensity was not the same and depended on a number of factors. The disagreements between Yugoslavia and the states of Western Europe mainly concerned ideological issues, issues of struggle against hegemony and neo-colonialism, as well as NATO's actions in the countries of the "third world".

During the decade under review, Yugoslavia also maintained systematic contacts with such Western countries as Australia and Canada. In the same paragraph, we consider it possible to consider the relations of the SFRY with such "non-Western" geographically, but included in the orbit of influence of the West, states such as Turkey and Japan.

With *Austria*, the SFRY was brought together by military neutrality and freedom from obligations to military-political blocs. Thus, Yugoslavia and Austria "formed a bridge between the neutral countries of Europe and the Non-Aligned Movement"²¹⁶⁷. At a meeting with V. Djuranovic in April 1981, the Austrian Chancellor Bruno Kreisky noted: "Yugoslavia plays a huge integrating role in this part of Europe [meaning the neutral and non-aligned countries of Europe – *Author's note*], especially given its federal nature, united in within one society of peoples. It is in the interests of Austria that this society continue to develop stably"²¹⁶⁸.

A separate issue in bilateral relations was the issue of the situation of the Croatian and Slovenian national minorities in Austria, which were supposed to play a positive role "a bridge for strengthening mutual understanding between the two countries and peoples and a significant factor in the development of good neighborly relations"²¹⁶⁹. The SFRY expressed all possible support for the demands of the Yugoslav national minorities, keeping the issue of their legal status, which had been the cause of disagreements between the two countries in previous decades, under special control. The same applied to the situation of the Yugoslav workers in Austria, whose number by the end of 1988 reached about 120 thousand people²¹⁷⁰, and 70% of them had no savings, 62% lived in unsatisfactory conditions²¹⁷¹. The issue of protecting the rights and organizing the leisure time of such guest workers was dealt with by the Yugoslav club "Jedinstvo", which also provided extensive financial and

²¹⁶⁷ Детант није мртав // Политика. 4. април 1981. С. 3.

²¹⁶⁸ Ibid.

²¹⁶⁹ Мањине – мост јачања узајамног разумевања // Ibid. 5. април 1981. С. 2.

²¹⁷⁰ Визе забринуле Беч // Ibid. 12. март 1989. С. 3.

²¹⁷¹ Мимозе стижу у Београд // Ibid. 12. октобар 1988. С. 17.

humanitarian support to the SFRY itself²¹⁷².

Economic cooperation included, mainly, direct trade, production and investment cooperation²¹⁷³. The imbalance in the import-export line, which resulted from the abolition of import preferences for Yugoslavia by Vienna back in 1977, was only partially overcome by the remittances of Yugoslav citizens from Austria and the spending of Austrian tourists on the Adriatic coast, representing a significant problem of bilateral trade. For example, as of 1986, Austrian exports to Yugoslavia amounted to \$396 million, while Yugoslav exports to Austria amounted to \$224 million, i.e. the export-to-import coverage ratio was only 56.8%²¹⁷⁴. It is no coincidence that the complexities of economic cooperation were the main subject of all bilateral negotiations at the state level.

The SFRY supplied Austria with fuel, non-ferrous and ferrous metallurgy products, cement, food products, refrigerators, electric furnaces and washing machines. Austria imported industrial equipment, vehicles, pulp, iron and steel products to Yugoslavia. By the end of 1988, the total Yugoslav-Austrian trade turnover had exceeded \$1 billion²¹⁷⁵. “Precious impulses”²¹⁷⁶, according to the remark of the Austrian Chancellor Franz Vranitzky, cooperation within the working community of the Alps – Adriatic gave bilateral relations²¹⁷⁷. One of the most ambitious joint projects in the future was to be the construction of the Sentil – Maribor – Zagreb highway, which was discussed separately during B. Mikulic’s visits to Austria in September 1988²¹⁷⁸ and Vice-Chancellor and Minister of Foreign Affairs of Austria Alois Mock to Belgrade in March 1989²¹⁷⁹.

The processes of internal destabilization of Yugoslavia and the prospects for a civil war in this country caused Austria’s justified concern, since, at a minimum, they threatened it with a wave of refugees. Assessing the state of affairs in the SFRY, the Austrian Chancellor F. Vranitsky, in one of his television interviews in October 1990, noted that “the peoples living in Yugoslavia had a need to rebuild their relations and abandon the centrally controlled state”²¹⁸⁰. Thus, the Austrian leadership considered the best option for the development of events to be a confederal reorganization of the SFRY. At the same time, formally, it continued to support the territorial integrity and unity of Yugoslavia. Speaking about Austrian-Yugoslav relations, Vranitzky guaranteed: “We will do everything... to be a stable and reliable neighbor of **Yugoslavia**”²¹⁸¹.

²¹⁷² See more: *Dragišić P.* Emigriranje iz Srbije od šezdesetih godina XX veka do danas: kvantitativni pregled // *Tokovi istorije*. 2013. № 3/4. S. 233-249.; *Dragišić P.* Jugoslovenski ekonomski migranti u Austriji od početka 60-ih godina od raspada Jugoslavije // *Tokovi istorije*. 2009. № 1/2. S. 55-65.

²¹⁷³ See: *Urban W.* Austrijsko-jugoslavenski privredni odnosi // *Politička misao*. 1986. No. 3. S. 58-82.

²¹⁷⁴ Сусрет суседа на Бледу // *Политика*. 11. фебруар 1987. С. 1.

²¹⁷⁵ Ши́ра сарадња са Аустријом // *Ibid.* 30. март 1989. С. 2.

²¹⁷⁶ Подршка нашим реформама // *Ibid.* 30. септембар 1988. С. 3.

²¹⁷⁷ See more: *Vukadinović R.* Jugoslovensko-austrijski odnosi: od napetnosti do razumijevanja // *Politička misao*. Vol. XXVI. No. 4. 1989. S. 123.

²¹⁷⁸ Подршка нашим реформама // *Политика*. 30. септембар 1988. С. 3.

²¹⁷⁹ Ши́ра сарадња са Аустријом // *Ibid.* 30. март 1989. С. 2.

²¹⁸⁰ Немешање и добросуседство // *Ibid.* 22. октобар 1990. С. 2.

²¹⁸¹ *Ibid.*

At the beginning of 1991, Austria at the federal level and in the border areas of Carinthia and Styria formed several crisis headquarters in order to monitor the situation in Yugoslavia, and in May brought its armed forces to a state of high alert²¹⁸². Defense Minister Werner Fasslabend at about the same time expressed satisfaction that “Slovenia, remaining out of the bloody events, provided Austria with a buffer zone”²¹⁸³. Some Austrian politicians and journalists started talking about the “unsuccessful policy of the federal government that supported the united Yugoslav state”²¹⁸⁴ and the need to recreate the project of the Danube Federation²¹⁸⁵.

Official Vienna was increasingly on the side of the northwestern republics of the SFRY, urging the federal government to accept their project of transforming Yugoslavia into a union of sovereign states, but at this stage it expressed its readiness to recognize the independence of Slovenia and Croatia only “in tandem with Rome”²¹⁸⁶. One of the most active supporters of more active and decisive assistance to the separatist intentions of Slovenia and Croatia in Austria was President Kurt Waldheim²¹⁸⁷ and Minister of Foreign Affairs Alois Mok.

Relations between the SFRY and *Belgium*, despite their general neutrality, were complicated by regular anti-Yugoslav speeches and provocations by Albanian and Croatian emigrants in this country. So, for example, in 1980-1981 attacks were organized on the representative office of the Yugoslav airline “JAT Airways”²¹⁸⁸ and Yugoslav clubs in Brussels; arson was committed on the building of the club of Yugoslav citizens of Albanian origin “Abdulah Krasnici” in the city of Namur²¹⁸⁹. In July 1981, the embassy of the SFRY was attacked, as a result of which two employees were seriously injured²¹⁹⁰. In August, a firebomb was thrown into the window of the “House of Yugoslavia” folk art and delicatessen store²¹⁹¹. In the same month, an armed man in a restaurant shot dead the accountant of the Yugoslav embassy Stojan Djerić²¹⁹². With high frequency, anti-Yugoslav rallies were held in the Belgian capital, accompanied by the burning of the state flags of the SFRY.

The Belgian official authorities each time assured Belgrade that they would take “appropriate effective”²¹⁹³ measures to protect Yugoslav citizens, missions and other institutions, while the number

²¹⁸² С прстом на пулсу догађаја // Политика. 13. мај 1991. С. 2.

²¹⁸³ Ibid.

²¹⁸⁴ Ibid.

²¹⁸⁵ This refers, for example, about the governor of Carinthia and the head of the Austrian Freedom Party Jörg Haider and a number of representatives of the Austrian People’s Party.

²¹⁸⁶ Беч би признао Словенију само у договору са Римом // Политика. 9. јун 1991. С. 2.

²¹⁸⁷ Austrian President Kurt Waldheim (1986-1992) had a Nazi past and took part in hostilities in Yugoslavia, as well as crimes against the Yugoslav population during the Second World War, which was the reason that the officials of the SFRY refrained from any direct contact with him.

²¹⁸⁸ ЈАТ – Jugoslovenski Aerotransport (*English*: Yugoslav Air Transport).

²¹⁸⁹ Уништена зграда удружења “Абдулах Краснићи” // Политика. 9. јул 1981. С. 2.

²¹⁹⁰ Оштар протест југословенске владе // Ibid. 13. јул 1981. С. 2.

²¹⁹¹ A gunman shot and killed a member of the Yugoslav Embassy staff // UPI.com. URL: <https://www.upi.com/Archives/1981/08/04/A-gunman-shot-and-killed-a-member-of-the/6937365745600/> (Accessed: 28.08.2022).

²¹⁹² Убијен службеник амбасаде Стојан Ђерић // Политика. 5. август 1981. С. 1.

²¹⁹³ Уништена зграда удружења “Абдулах Краснићи” // Ibid. 9. јул 1981. С. 2.

of such incidents only increased. Belgrade, in turn, accused the Belgian side of inaction: “I don’t remember that in any other European capital it came to such dramatic terrorist actions against officials of another country, as now in Belgium against the Yugoslavs... What else should happen for the Belgian authorities to take measures to which they are obligated not only by internal, but also by international law?”²¹⁹⁴.

At the same time, Belgium supported Yugoslavia in its aspirations to be included in the processes of European economic and technical integration. Thus, during a meeting with B. Loncar in April 1989, Belgian Prime Minister Wilfried Martens announced Brussels’ readiness to support the granting of Yugoslavia a special status in the EEC and EFTA, as well as the EFTA proposal to create a joint financial support fund with the EEC for the restructuring of the Yugoslav economy²¹⁹⁵. For his part, Loncar promised to deepen democratic processes in the SFRY, and especially in Kosovo, the state of affairs in which was of particular interest to Belgium.

Relations between the SFRY and *Great Britain* in the 1980’s can be described as “traditionally good”²¹⁹⁶ and friendly, despite the factor of Prime Minister Margaret Thatcher, who was uncompromisingly related to world socialism, and different approaches to assessing international reality. It should be noted that Britain consistently supported the territorial integrity, unity and independence of Yugoslavia, in solidarity with the position of the United States on this issue, and prevented the implementation of anti-Yugoslav activities on her territory. Yugoslavia, in turn, reacted with restraint to the actions of Britain in the Falkland Islands. Both countries collided in the 1980’s with an unprecedented economic crisis, carefully studied each other’s experience in dealing with overcoming its negative consequences.

The official visit of M. Thatcher to Yugoslavia, which included, in addition to Belgrade, a visit to Smederovo, Skopje and Dubrovnik, took place from September 24 to 26, 1980 and became the first official visit of the British Prime Minister to Yugoslavia in the history of bilateral relations²¹⁹⁷. Upon arrival in Belgrade, the head of the British government expressed recognition of the SFRY, which, in her opinion, was “a strong, united and non-aligned country that is respected by people of different convictions and is sincerely admired by Great Britain”²¹⁹⁸. The dialogue between M. Thatcher and the Chairman of the Presidium of the SFRY V. Djuranovic took place in an emphatically respectful atmosphere, to which the head of Yugoslavia paid special attention: “... more often it is much more important how countries interact when their views differ, whether there is respect and trust, as well as understanding that only coexistence and joint efforts can ensure common interests...”²¹⁹⁹. The result of

²¹⁹⁴ Убијен службеник амбасаде Стојан Ђерић // Политика. 5. август 1981. С. 1.

²¹⁹⁵ Ibid.

²¹⁹⁶ Ђурановић у Лондону // Ibid. 23. март 1988. С. 2.

²¹⁹⁷ Посета изражава успон сарадње // Ibid. 23. септембар 1980. С. 1.

²¹⁹⁸ Маргарет Тачер у Београду // Ibid. 25. септембар 1980. С. 1.

²¹⁹⁹ Дијалог уз поштовање и поверење // Ibid. 26. септембар 1980. С. 1.

the talks was an expression of readiness to create conditions for a faster and more dynamic development of bilateral relations, primarily economic ones, with the current state of which both sides were dissatisfied.

The main problem of economic cooperation was the Yugoslav deficit in bilateral trade. So, for example, in 1981, the total trade turnover amounted to about \$660 million, of which \$102 million accounted for Yugoslav exports to Britain, and \$452 million for British exports to Yugoslavia²²⁰⁰. Thus, the trade deficit of Yugoslavia amounted to \$352 million, and the coverage of imports by exports was only 22%²²⁰¹. The SFRY exported to Britain mainly textiles, furniture, wine, shoes, medicines, cars, but such factors as high prices and, in some cases, poor-quality packaging made these goods uncompetitive in the British market²²⁰². Yugoslavia and Britain also actively interacted in the markets of third countries, in the areas of industrial cooperation and technology transfer. Yugoslav resorts were popular among the British – for example, in 1981 more than 350 thousand British tourists visited Yugoslavia²²⁰³. Britain also provided financial support for the economic stabilization program adopted by the Yugoslav leadership.

The countries maintained rather vigorous ties in the field of culture and science. In 1981, a Yugoslav cultural and information center and the Union of Yugoslav Citizens' Clubs were opened in London, whose tasks included assisting and maintaining ties between emigrants from the SFRY with their homeland²²⁰⁴. British and Yugoslav scientists cooperated especially closely in the field of medicine, carrying out joint research, in particular, on the basis of the Medical Faculty of the University in Novi Sad²²⁰⁵.

Among the most important bilateral meetings, it is worth mentioning the visit of J. Vrhovec to London in 1981, the British Foreign Secretary Francis Pym to Belgrade in July 1982²²⁰⁶, M. Planinc's visit to London in November 1983²²⁰⁷, the visit of British Foreign Secretary Geoffrey Howe to Belgrade in March 1986²²⁰⁸, B. Loncar's visit to Britain in May 1987 on the occasion of the celebration of the 150th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Serbia and Great Britain²²⁰⁹; V. Djuranovic's visit to London in March 1988²²¹⁰, B. Loncar's visit to London in April 1989²²¹¹. Negotiations, as a rule, did not reveal "controversial political problems"²²¹² and dealt

²²⁰⁰ Шта продати Енглезима // Политика. 15. март 1982. С. 1.

²²⁰¹ Ibid.

²²⁰² Ibid.

²²⁰³ Ibid.

²²⁰⁴ Основан савез Југословена у Великој Британији // Ibid. 8. јун 1981. С. 1.

²²⁰⁵ Европски научни центар у Новом Саду // Ibid. 16. августа 1990. С. 7.

²²⁰⁶ Пим данас у Београду // Ibid. 5. јул 1982. С. 1.

²²⁰⁷ Милка Планинци данас у Лондону // Ibid. 15. новембар 1983. С. 1.; It is curious that at that time Planinc and Thatcher were the only women holding prime ministerial posts in Europe.

²²⁰⁸ Садржајан и отворен дијалог // Ibid. 25. март 1987. С. 1.

²²⁰⁹ Чаша за економско здравље // Ibid. 13. мај 1987. С. 2.

²²¹⁰ Прилике у Југославији у првом плану // Ibid. 22. април 1989. С. 1.

²²¹¹ Ibid.

with the issues of further intensification of economic relations, the internal situation in Yugoslavia, especially in Kosovo; activities of the Non-Aligned Movement and the international agenda. The British side expressed particular interest in the processes of democratization and liberalization in the SFRY.

On the issue of disintegration and separatist intentions of individual republics of the SFRY, Great Britain took a fairly clear position during this period of time, which consisted in supporting the territorial integrity and unity of the country and the dogma of the equal blame of Serbia, Slovenia, Croatia and Bosnia and Herzegovina in the events taking place. It is no coincidence that it was in London that peaceful demonstrations against the collapse of Yugoslavia became possible, which for several months were held daily by the Yugoslav artist Marko Stepanov in front of the building of the SFRY embassy²²¹³. One of the motives of the pragmatic Great Britain could be the desire to maintain friendly relations with Serbia as the most important political and economic part of the former Yugoslavia.

The SFRY had good neighborly relations with *Greece*, based on a “similar historical fate”²²¹⁴ and mutual interest in maintaining a stable situation in the Balkan and Mediterranean regions. Together, Belgrade and Athens acted as the initiators of strengthening the multilateral cooperation of the Balkan countries and organizing regular meetings and consultations of their representatives.

The SFRY was a consistent champion of a peaceful solution to the Cyprus problem, which would ensure the independence, territorial integrity, sovereignty, unity and policy of non-alignment of the *Republic of Cyprus*. The identical vision of the future of Palestine as an independent state was another unifying motive in relations between Yugoslavia and Greece. With a high degree of respect and recognition, Athens treated the activities of the Non-Aligned Movement and the role played by Belgrade as one of its founders and leaders. In the late 1980’s Greece supported the SFRY in its quest for rapprochement with the EEC.

Of the most important bilateral meetings at the state level in the 1980’s it is worth mentioning the visit of the President of Greece Konstantinos Karamanlis²²¹⁵ in the SFRY in November 1980, which confirmed the importance of the impetus given to Yugoslav-Greek relations by J. Broz Tito and the readiness to continue to work on their development. The talks revealed a rapprochement between the parties on the Non-Aligned Movement, about which the Greek president had previously spoken unflatteringly, which caused the natural dissatisfaction of Yugoslavia²²¹⁶.

In January 1986, R. Vljakovic received in Belgrade the Greek Prime Minister, the leader of the

²²¹² Пим данас у Београду // Политика. 5. јул 1982. С. 1.

²²¹³ Штрајк глађу због могућег распада домовине // Ibid. 6. јун 1991. С. 2.

²²¹⁴ Отпутовао Караманлис // Ibid. 8. новембар 1980. С. 1.

²²¹⁵ Дијалог разумевања // Ibid. 7. новембар 1980. С. 1.

²²¹⁶ *Stanković S.* After Karamanlis’s visit to Belgrade. RAD Background Report/273 (Yugoslavia), 17 November 1980. P. 3. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:be70feec-4aa2-420a-8531-dec2a32328ed> (Accessed: 23.08.2022).

Panhellenic Socialist Movement (PASOK), Andreas Papandreou²²¹⁷, awarded by the chairman of the Presidium of the SFRY with the Order of the Yugoslav star with a ribbon “for contribution to the development of friendly cooperation”²²¹⁸. At the same time, A. Papandreou met with the chairman of the Central Committee of the LCY V. Zarkovic, which revealed “the need for further comprehensive strengthening of the traditionally good relations between the LCY and PASOK”²²¹⁹. In October 1987, R. Dizdarevic visited Athens, participating here in negotiations with President Christos Sartzetakis, Prime Minister A. Papandreou, and Foreign Minister Karolos Papoulias²²²⁰. They talked not only about the state of bilateral relations, but also about the upcoming meeting of foreign ministers of the Balkan countries, called by Papoulias “a historical stage in the Balkans”²²²¹. B. Loncar met repeatedly with K. Papoulias and other Greek leaders. Since April 1990, the Prime Minister of Greece and the leader of the “New Democracy” party, Konstantinos Mitsotakis, with whose coming to power Yugoslav-Greek relations began to deteriorate rapidly due to the intensification of the “Macedonian problem”, paid an official visit to Belgrade in February 1990²²²².

Economic cooperation between the two countries can be called acceptable and sufficient. So, for example, by the end of 1990, the total trade turnover amounted to about \$400 million²²²³, moreover, Greece was one of the few European countries to which Yugoslavia imported more goods than it exported²²²⁴. Of great importance for the Greek economy was also the tourist flow from the SFRY – every year from 300 to 700 thousand Yugoslav tourists rested here²²²⁵. In general, for Greece, the SFRY was the most important economic and financial partner among all the Balkan countries²²²⁶.

Despite the general good-neighbourly nature of relations between the two countries, they also had sore spots. One of them was the status of Macedonia and the Macedonian nation, as well as the position of the Yugoslav minority in Greece, the existence of which was denied by official Athens. Greece did not recognize either its name or the Macedonian Yugoslavs’ appeals to historical Macedonia for Yugoslav Macedonia, insisting that “no Slavic nation can bear the Macedonian name”²²²⁷. Questions also remained open about the possibility of abolishing the visa regime, which was called for by the Yugoslav side, which considered the established procedure for issuing visas to be unequal²²²⁸. The fact is that Yugoslavia issued visas to Greek citizens directly at the border, while

²²¹⁷ Пријатељство дуге традиције // Политика. 17. јануар 1986. С. 2.

²²¹⁸ Ibid.

²²¹⁹ За свестрану сарадњу СКЈ и ПАСОК-а // Ibid. 17. јануар 1986. С. 2.

²²²⁰ Диздаревић у Атини // Ibid. 19. октобар 1987. С. 1.

²²²¹ Ibid.

²²²² Подршка југословенској политици на Косову // Ibid. 21. фебруар 1990. С. 2.

²²²³ Суседи јачају везе // Ibid. 17. април 1991. С. 2.

²²²⁴ Југославија предлаже политички дијалог са ЕЗ // Ibid. 18. новембар 1998. С. 2.

²²²⁵ За улаз у Грчку хиљаду долара // Ibid. 18. јун 1990. С. 5.

²²²⁶ Суседи јачају везе // Ibid. 17. април 1991. С. 2.

²²²⁷ Сусрет министара доведен у питање // Ibid. 26. мај 1990. С. 2.

²²²⁸ The fact is that Yugoslavia issued visas to Greek citizens directly at the border, while Yugoslav citizens were required to obtain Greek visas in advance, before the trip.

Yugoslav citizens were required to receive Greek visas in advance, before the trip; the functioning of transit communication between Greece and Western Europe through the territory of Yugoslavia and the restoration of the Serbian monastery Hilandar located on the city of Athos.

Serious tension in the Yugoslav-Greek relations arose in 1988 and was associated with the prospect of an ecological catastrophe on Lake Doyran, from which Greece continued to pump water in excess of the established norm, despite repeated requests from Yugoslavia to follow the agreements reached earlier²²²⁹. In 1990, Greece introduced restrictive measures against Yugoslav tourists, obliging them to have at least a thousand dollars in cash when passing through border control²²³⁰. Greece insisted that this measure was in response to a similar demand by Yugoslavia, adopted two days earlier, on June 14, 1990. Belgrade denied such innovations on its part. In fact, a misunderstanding arose between the countries due to the fault of the Yugoslav passport control officer at the Yugoslav-Greek border. These restrictions even extended to veterans of the Thessaloniki Front on their way to the allied Zeitenlink cemetery in Thessaloniki. At the same time, Yugoslavia drastically reduced the number of transit permits issued for trucks traveling from Greece to Western European countries and stopped issuing visas to Greek citizens. The interstate border actually turned out to be under a mutual blockade²²³¹.

The position of Athens on the Kosovo issue was that “Yugoslavia has done a lot in terms of granting freedoms to the Albanian minority”²²³², and therefore the demands of the Kosovo Albanians are excessive and inadequate. In the inter-republican conflict in the SFRY, Greece took the side of Serbia. While Yugoslav-Greek relations were going through hard times, Serbian-Greek relations intensified, which was clearly demonstrated by S. Milosevic’s official visit to Greece in April 1991²²³³. In this regard, it is quite logical that Athens supported the efforts of Serbia to preserve the unity and territorial integrity of Yugoslavia.

Relations with *Italy* were mainly based on cultural cooperation and the cultural influence of Rome on Belgrade. In the eyes of the Yugoslav citizens, Italy appeared as a role model and a kind of “window” to Europe²²³⁴. From this point of view, it can be considered one of the most important neighbors of Yugoslavia. The positive image of the country in the SFRY, despite the existence of territorial and political differences, was created through films, music and tourism.

On the main problems of international relations in the 1980’s the parties occupied “more and less

²²²⁹ Порука Лончара Папуљасу // Политика. 30. август 1988. С. 1.

²²³⁰ За улаз у Грчку хиљаду долара // Ibid. 18. јун 1990. С. 5.; Greece insisted that this measure was in response to a similar demand by Yugoslavia, adopted two days earlier, on June 14, 1990. Belgrade denied such innovations on its part. In fact, a misunderstanding arose between the countries due to the fault of the Yugoslav passport control officer at the Yugoslav-Greek border.

²²³¹ Све мање Југословена // Ibid. 22. јун 1990. С. 2.

²²³² Подршка југословенској политици на Косову // Ibid. 21. фебруар 1990. С. 2.

²²³³ Односи Грчке и Србије у новој фази // Ibid. 17. април 1991. С. 1.

²²³⁴ See: *Dragišić P. Šta smo znali o Italiji?: pogledi iz Beograda na Italiju 1955-1978.* Beograd, 2019.

similar or even identical positions”²²³⁵, attaching particular importance to peace initiatives and the disarmament process. The national minorities – Slovene in Italy and Italian in Yugoslavia – and joint efforts to ensure their rights played a closer role in bilateral relations. Traditionally, the LCY maintained good relations with the Italian Communist Party (PCI) and the Italian Socialist Party (PSI).

In a series of regular and numerous bilateral meetings and consultations at all levels, we will single out only a few of the most important ones, in our opinion. J. Vrhovets visited Italy in July 1980²²³⁶, where he was received not only by President Sandro Pertini and other senior officials, but also by Pope John Paul II. In a conversation with Vrhovec, the Pope emphasized the “positive role of the policy of non-alignment in the world” and Yugoslavia in international relations, expressing unconditional support for its unity and stability²²³⁷. In a joint Yugoslav-Italian report on the results of the visit of Vrhovec, it was stated that “relations between Yugoslavia and Italy are developing quite successfully in the spirit of friendship and good neighborliness, mutual respect and understanding”²²³⁸ and are based on the Treaty of Ozim, which secured the division of the Free Territory of Trieste between the two states.

On December 17-19, 1980, the chairman of the Presidium of the SFRY, C. Mijatovic, visited Italy²²³⁹. During the talks, the sides paid primary attention to the issue of security in the Mediterranean and the Cyprus problem. On January 28, 1988, the visit of the Prime Minister of the SFRY B. Mikulic to Rome began, which became the first official visit of the Yugoslav Prime Minister to Italy for two whole decades²²⁴⁰. On the eve of this historic event for bilateral relations, Italian Foreign Minister Giulio Andreotti noted that “the Italian government is fully aware of the importance of Yugoslavia’s role in Europe and in the world. In this regard, it intends to advocate for even greater strengthening of relations with the neighbor and help him overcome the current difficulties”²²⁴¹. The result of Mikulic’s negotiations with his Italian counterpart Giovanni Goria was the signing of a Memorandum of Economic Cooperation for a period of three years, which involved the provision of financial assistance by Italy to Yugoslavia and the issuance of loans on favorable terms for a period of 20 years at a symbolic 1.75%; investment support for the Yugoslav economy, as well as the transfer of technology and the transfer of technical equipment²²⁴².

On September 17, 1989, G. Andreotti arrived in Croatian Umag on an official visit in the new status of Italian Prime Minister²²⁴³. His talks with A. Markovic were mainly devoted to the integration

²²³⁵ Разговор о приликама у свету // Политика. 19. децембар 1980. С. 1.

²²³⁶ Сарадња на чврстој основи // Ibid. 11. јул 1980. С. 1.

²²³⁷ Јосип Врховец код папе // Ibid. 14. јул 1980. С. 1.

²²³⁸ Југославија и Италија желе даље унапређење односа и сарадње // Ibid. 13. јул 1980. С. 2.

²²³⁹ Разговор о приликама у свету // Ibid. 19. децембар 1980. С. 1.

²²⁴⁰ Микулић данас у Риму // Ibid. 28. јануар 1988. С. 1.

²²⁴¹ Ibid.

²²⁴² Ibid.

²²⁴³ Сусрет Марковића и Андреотија // Ibid. 18. септембар 1989. С. 2.

processes in Europe and the results of the Belgrade conference of the Non-Aligned Movement. At the same time, a declaration of intent was signed to strengthen cooperation, called the “Adriatic Initiative”. As part of the initiative, the parties pledged to create a joint plan for the environmental protection of the Adriatic Sea, to intensify cooperation in the areas of transport, tourism, infrastructure, science and technology.

Economic relations included active commercial, industrial (especially in the field of fishing), financial and border cooperation. For many years, economic cooperation was complicated by the absence of an agreement regulating fishing in border waters. Ultimately, an agreement on fisheries in the Gulf of Trieste was concluded in 1983 and ratified in 1987, which became “a point in one of the last controversial pages in relations between the two countries”²²⁴⁴. In 1989, bilateral trade amounted to about \$3.6 billion²²⁴⁵ and was marked by a Yugoslav surplus in the amount of \$520 million²²⁴⁶. Yugoslavia was also a favorite destination for Italian tourists. In order to increase the tourist flow in 1990, the Yugoslav leadership even allowed Italian citizens to enter the SFRY using internal identification documents²²⁴⁷.

Several factors complicated Yugoslav-Italian relations. Firstly, the status of the Slovenian national minority in Italy was a problematic place. Yugoslavia insisted on the adoption of a special law on the global protection of Italian Slovenes, but Rome for years postponed this decision, to which it was obliged by the Ozim Treaty of 1975. Yugoslavia also delayed the implementation of its obligations under this agreement regarding the construction of a highway on its side of the Ferneti and Rabuese passes and Pesek.

Secondly, the problem of Yugoslav migrants in Italy was significant, approximately 80% of which were illegal²²⁴⁸. According to statistics from 1987, about 30 thousand Yugoslav citizens lived in Italy on a temporary basis, and 75% of them were of gypsy origin²²⁴⁹. A large number of Yugoslav gypsies were engaged in criminal activities there. The Yugoslavs, in principle, among all foreigners living in Italy, were in the lead in terms of the number of crimes committed, which negatively affected the image of the SFRY²²⁵⁰ among Italians.

Thirdly, Belgrade was not satisfied with the position taken by *Vatican* in relation to the internal processes taking place in Yugoslavia, and was inclined to accuse him of trying to “implant” Catholicism in Slovenia and Croatia. In 1984, for this reason, the visit of Pope John Paul II to Yugoslavia planned on the occasion of the 1300th anniversary of the adoption of Christianity by

²²⁴⁴ Утврђене рибарске зоне // Политика. 19. фебруар 1988.

²²⁴⁵ Капитал притиче, уговори се множе // Ibid. 4. април 1990. С. 4.

²²⁴⁶ Ibid.

²²⁴⁷ Италијани у Југославију уз личну карту // Ibid. 11. мај 1990. С. 1.

²²⁴⁸ Близу 80 одсто илегалци // Ibid. 9. фебруар 1987. С. 3.

²²⁴⁹ Ibid.

²²⁵⁰ Ibid.

Slovenes and Croats was canceled²²⁵¹. The official reason for canceling the visit was “protocol difficulties”. The fact is that the Yugoslav government insisted on determining the route of John Paul II and laying a wreath on the grave of Tito, which was an obligatory part of the protocol for visiting Yugoslavia by the heads of foreign states, which was “unthinkable” for the pope²²⁵². The visit of the Pope, according to the requirements of the Yugoslav side, also should not have included an open visit to the grave of the Croatian cardinal Aloysius Stepinac, who was convicted in 1946 for collaborating with the German occupation authorities during the Second World War. Difficult relations between the Catholic and Serbian Orthodox Church (SOC) became another insurmountable obstacle to his arrival, which once again put on the agenda the issue of the involvement of the Catholic episcopate in Croatia in the massacres in the Jasenovac concentration camp. The main reason for canceling the visit was “the government’s concern that the meeting of the pope with thousands of Croatian Catholics would create conditions for the manifestation of Croatian nationalism”²²⁵³. For comparison, it is worth noting that in October of the same 1984, a delegation of the Russian Orthodox Church (ROC) headed by Patriarch Pimen, received by L. Moisev and other Yugoslav officials, visited Yugoslavia without hindrance²²⁵⁴.

Over time, certain Yugoslav politicians and the media accused Rome of supporting separatism in the above-mentioned northwestern republics of the SFRY: the Italian capital became the site of regular visits by M. Kucan and F. Tudjman. At the same time, on June 16, 1991, a few days before the declaration of independence by Slovenia and Croatia, Italian Minister of Foreign Affairs Gianni De Michelis, in an interview with Yugoslav journalists, stated: “Our position, and this is the position of other European countries, especially bordering Yugoslavia is to support a united and democratic Yugoslavia. No other interpretations are justified... Italy and the EEC have from the very beginning an identical point of view on Yugoslavia... The Italian position remains unchanged after all the visits of the representatives of Croatia and Slovenia... We are against unilateral decisions and unitarian tendencies. We are not for this or that republic, but for a peaceful solution that the Yugoslavs themselves will take...”²²⁵⁵.

In the 1980’s official contacts between Yugoslavia and *Spain* were at an early stage of their development, since diplomatic relations between the states were established only on January 27, 1977, a little more than a year after the death of caudillo Francisco Franco. Meanwhile, by the beginning of the period we are considering, the two countries already had a solid history of economic cooperation,

²²⁵¹ Antić Z. Pope John Paul II’s visit to Yugoslavia canceled. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-599, 22 March 1984. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:723240bc-09b8-47ce-8495-41cf55b7760f> (Accessed: 23.08.2022).

²²⁵² Ibid.

²²⁵³ Ibid.

²²⁵⁴ Antić Z. Patriarch Pimen of Russia visits Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-602, 11 October 1984. P. 1. // Ibid. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9e1be416-d3d9-458a-aaef-1a641ee8a08f> (Accessed: 23.08.2022).

²²⁵⁵ Де Микелис: Нисмо за распарчавање // Политика. 17. јун 1991. С. 1-2.

and the LCY permanently maintained close and friendly relations with the Spanish communists – the Communist Party of the Peoples of Spain (PCPE) and the Spanish Socialist Workers' Party (PSOE). A positive role in the subsequent strengthening of bilateral ties was played by the activities of the Commonwealth of Yugoslav Volunteers of the Spanish Republican Army in 1936-1939, which actively supported the process of democratization in Spain and was engaged in educational work in Yugoslavia itself²²⁵⁶.

Despite the different foreign policy status, the two countries expressed similar views on many problems of international relations, such as the Arab-Israeli wars and the insufficiency of the Camp David Accords, the need to decolonize South Africa and solve the debt problem of the “third world” countries, the process of détente and disarmament, the creation of a zone of peace and stability in the Mediterranean, etc. Constructive factors were also the sympathy of Spain, which received observer status in 1979, for the activities of the Non-Aligned Movement and its critical attitude towards F. Castro's attempts to bring him closer to the Warsaw Pact²²⁵⁷.

In May 1980, Spanish Prime Minister Adolfo Suarez attended the funeral of J. B. Tito, which was the first visit by the head of the Spanish government to the SFRY²²⁵⁸. The short conversations that Suarez had with V. Djuranovic focused on the forthcoming Madrid meeting of the CSCE participating states.

On May 22, 1985, the Spanish King Juan Carlos and Queen Sofia arrived in Belgrade on a visit – the first official negotiations at the highest level in the history of Yugoslav-Spanish relations began²²⁵⁹, which, according to the newspaper “Politika”, were “the missing element in the mosaic of dynamic relations between the two countries over the past eight years”²²⁶⁰. The arrival of Juan Carlos was accompanied by only 54 Spanish journalists, which emphasized its historical significance²²⁶¹. The topics for discussion between the Spanish king and the Chairman of the Presidium of the SFRY R. Vljakovic were not only bilateral relations, but also a complex of international problems, as well as joint efforts towards reducing tension in the world.

On April 5, 1988, the first visit of the head of the SFRY L. Moisev to Spain began in the history of bilateral relations²²⁶². Moisev's talks with Prime Minister Felipe Gonzalez, which revealed the “identity” of points of view on a number of issues²²⁶³, first of all, concerned the “untapped opportunities” of Yugoslav-Spanish relations, the need for “their expansion and qualitative

²²⁵⁶ *Мамућ Д.* Дипломатски односи између Шпаније и Југославије (1975-1980). Београд, 2021. С. 89.

²²⁵⁷ *Ibid.* С. 155.

²²⁵⁸ *Ibid.* С. 165.

²²⁵⁹ Допутовао шпански краљ // Политика. 23. мај 1985. С. 1.

²²⁶⁰ *Ibid.*

²²⁶¹ *Ibid.*

²²⁶² Мојсов данас у Мадриду // *Ibid.* 5. април 1988. С. 1.

²²⁶³ Веома успешна посета // *Ibid.* 8. април 1988. С. 1.

development”²²⁶⁴ and the general state of affairs in Europe and the Mediterranean.

The degree of interest of Yugoslavia in strengthening contacts with Madrid increased with the increase of the international prestige of Spain, which became a member of the EEC in 1986 and in the same year was elected as the host of the 1992 Summer Olympic Games. In turn, Spain expressed its readiness to provide assistance to Yugoslavia, which was facing a systemic crisis strong support. “Spain has already done enough in terms of supporting Yugoslav aspirations towards the European Community. Spain, as you know, is not Germany, but we are determined to continue to seriously support the development of your relations with the European Community and contribute to easing your economic situation and the problem of external debt²²⁶⁵, – said the Minister of Foreign Affairs of Spain, Francisco Ordonez, in an interview with the “Politika” newspaper during the days of Mojsov’s visit.

The existing “symbolic”²²⁶⁶ the level of economic and trade relations did not suit either side. The total exchange of goods as of, for example, at the end of 1987 amounted to only \$97 million and was characterized by a Yugoslav surplus²²⁶⁷. Yugoslavia exported mainly firewood, meat products, bauxites and cement to Spain, and Spain to Yugoslavia – ships, non-ferrous metals, car tires, textile fibers, oils, citrus fruits, etc. Tourism was an important component of economic cooperation. So, for example, in 1987, 45 thousand Yugoslavs visited Spain, and 80 thousand Spaniards visited Yugoslavia²²⁶⁸. At the same time, the SFRY was extremely interested in the experience of the “Spanish economic miracle” and the possibility of investing Spanish public and private capital in the Yugoslav economy.

Madrid closely followed the processes that took place in Yugoslavia at the turn of the 80’s and 90’s, speaking in support of “democratic, European and stable development”²²⁶⁹ of the country and considering the preservation of the unity and territorial integrity of the SFRY as an important condition for stability in the Mediterranean region.

Despite a number of political²²⁷⁰ and ideological differences, relations between Yugoslavia and *Turkey* in 1980-1991 in general can be called friendly. The parties adhered to close positions on a number of international issues and advocated the active development of multilateral cooperation in the Balkans. Thus, they expressed solidarity with each other regarding the state of affairs in the Middle East, the Palestinian and Iraqi problems; the need to establish a “new world economic order”. Turkey was sympathetic to the activities of the Non-Aligned Movement in the late 1970’s even showed

²²⁶⁴ Веома успешна посета // Ibid. 8. април 1988. С. 1.

²²⁶⁵ Мојсов срдечно дочекан у Мадриду // Политика. 6. април 1988. С. 1.

²²⁶⁶ Интерес за шпанска улагања у Југославију // Ibid. 25. фебруар 1990. С. 2.

²²⁶⁷ Мојсов данас у Мадриду // Ibid. 5. април 1988. С. 1.

²²⁶⁸ Ibid.

²²⁶⁹ Интерес за шпанска улагања у Југославију // Ibid. 25. фебруар 1990. С. 2.

²²⁷⁰ SFR Yugoslavia took a very clear position on the Cyprus problem, supporting the independence, territorial integrity, sovereignty and policy of non-alignment of the Republic, as well as the negotiation process between Greek Cypriots and Turkish Cypriots, aimed at achieving peace and stability.

interest in obtaining observer status in the organization. Ankara also supported Yugoslavia in its aspirations for full membership in the Council of Europe²²⁷¹. The Turkish national minority in Yugoslavia and immigrants of Yugoslav origin in Turkey played a positive role as a “bridge of friendship” in bilateral contacts.

At the same time, Yugoslav-Turkish contacts were not distinguished by sufficient intensity and developed mainly in the economic and technological planes. The parties cooperated in the field of industry, energy, oil refining, shipbuilding and transport communications. The annual trade turnover was about \$100-150 million²²⁷² and was characterized by a constant Yugoslav surplus.

Among the most important meetings at the state level, it is worth highlighting the visits to Yugoslavia of Turkish Foreign Minister İter Türkmen in June 1981²²⁷³, which confirmed the absence of serious contradictions between the countries, and Turkish President Kenan Evren in September 1982²²⁷⁴. In August 1990, B. Loncar visited the Turkish capital²²⁷⁵, and in April 1991, the Chairman of the Presidium of the SFRY B. Jovic²²⁷⁶. As a result of the latter’s negotiations with President Turgut Ozal and Prime Minister Yildirim Akbulut, decisions were made to organize cooperation in the fields of tourism and construction activities in the countries of the “third world”²²⁷⁷. From Turkey, Yugoslavia also received an offer to become a member of the regional Black Sea cooperation initiative. President Ozal expressed confidence that “Yugoslavia will successfully overcome its current problems and remain as a single country that is important not only in relations in the Balkans²²⁷⁸, but also wider”.

An extraordinary event in the history of bilateral relations was the assassination of the Turkish ambassador to the SFRY Galip Balkar, committed on March 9, 1983 in Belgrade, organized by the Fighters for Justice in relation to the Armenian genocide. When catching the criminals, several Yugoslav citizens showed heroism, for which the Turkish side expressed gratitude to the SFRY: “A large number of Turkish citizens called the embassy to express gratitude and sympathy for Yugoslavia, its government and people”²²⁷⁹. According to the Serbian historian Nenad Z. Petrovic²²⁸⁰, Belgrade was not chosen by chance for political assassination by Armenian terrorists. Firstly, on the same days the Conference of the Non-Aligned Movement was held, one of the leaders of which was the SFRY, so

²²⁷¹ Турска и СФРЈ против употребе силе // Политика. 8. август 1990. С. 3.

²²⁷² Размена већа од сто милиона долара // Ibid. 5. август 1980. С. 2.

²²⁷³ *Antić Z.* Turkish head of State Kenan Evren visits Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background Report/203 (Yugoslavia) 30 September 1982. P. 1. // OSA Archivum. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:570344dd-86a9-4ba4-8c93-c8cdb7bb41f6> (Accessed: 23.08.2022).

²²⁷⁴ Ibid.

²²⁷⁵ Турска и СФРЈ против употребе силе // Политика. 8. август 1990. С. 3.

²²⁷⁶ Јовић допутовао у Анкару // Ibid. 11. април 1991. С. 1.

²²⁷⁷ Договор Турске и Југославије // Ibid. 12. април 1991. С. 2.

²²⁷⁸ Ibid.

²²⁷⁹ See: *Petrović N. Ž.* Ubijstvo turskog ambasadora u Beogradu 1983. godine i jugoslovensko-turski odnosi // Istorija 20. veka, 2/2017. S. 119-133.

²²⁸⁰ Ibid. S. 130.

the murder in Belgrade was supposed to draw special attention of the world community to the problem of the Armenian genocide. Secondly, the murder could have been caused by the dissatisfaction of the Armenians with K. Enver's visit to Belgrade in 1982, as well as the high potential of Yugoslav-Turkish relations.

Of fundamental importance for the SFRY were relations with *France*, which can be described as friendly and partner-like, but not idyllic²²⁸¹. Despite the similarity of the positions of the two countries on a number of international issues, sometimes they ran into contradictions in their assessments²²⁸². At the same time, Yugoslavia acted from the position of a state representing the socialist world and the Non-Aligned Movement, and France – the capitalist camp, which in principle excluded the possibility of absolute harmony and mutual understanding. Thus, Paris and Belgrade had different points of view on the situation in the Middle East and in certain regions of Africa, where France, according to Belgrade, “continued attempts to pursue a neo-colonial policy”²²⁸³. The SFRY also protested against the anti-Yugoslav actions of Albanian and Croatian dissidents that took place in France. The issue of the visa regime was quite acute, which was reintroduced by France for Yugoslav citizens in 1986 and Belgrade insisted on the abolition of which, while Paris tried to avoid this topic in every possible way²²⁸⁴.

In 1981, the victory of François Mitterrand and the coming of the socialists to power were welcomed in Belgrade²²⁸⁵. From December 13 to 16, 1983, the French president made an official visit to the SFRY and was cordially received by the Yugoslav leadership²²⁸⁶, which, among other things, was evidenced by the conferment of the title of honorary citizen of Belgrade on him. During his stay in the capital of the SFRY, Mitterrand gave an interview to Yugoslav television, in which he expressed respect for the Yugoslav people and their foreign policy, as well as the role played by the SFRY in the Non-Aligned Movement; he also emphasized in a special way the importance of developing bilateral relations in trade, banking and humanitarian spheres.

In November-December 1988, B. Loncar paid an official visit to France, whose negotiations with French Foreign Minister Roland Dumas and President F. Mitterrand concerned the most important international issues, including the reduction of tension between West and East, disarmament, the processes of modernization of the Non-Aligned Movement and Balkan cooperation, as well as the internal situation in Yugoslavia, the foundations of bilateral cooperation and the prospects for

²²⁸¹ See more: Југословенско-француски односи. Зборник радова / одг. ур. Терзић С. Београд, 1990.

²²⁸² See: *Sretenović S.* Francusko- srpski odnosi u XIX i XX veku // *Međunarodni problemi*. 2009. № 2. S. 536-558.

²²⁸³ See: *Petković D.* Francusk-srpski odnosi, 1800-2010. Beograd, 2011.

²²⁸⁴ On July 1, 1990, the visa regime between France and Hungary, as well as between France and the Czech Republic and Slovakia was cancelled which caused a painful reaction in Yugoslavia, which had stubbornly sought its abolition for its citizens over the previous four years.

²²⁸⁵ Задовољство због победе француске левице // *Политика*. 9. јул 1981. С. 1.

²²⁸⁶ See for more details: *Kostiuk R. V., Katkova E. P.* Franco-Yugoslav relations in the context of the evolution of world politics in the 1970-80's. Questions of history. Moscow: 2020. No. 10 (4). pp. 53-67. [in Russian]

Belgrade's participation in European integration projects²²⁸⁷. Dumas and Mitterrand pointed out the importance that France attached to the development of cooperation with Yugoslavia as a non-aligned country with a special geopolitical position. Once again, the Yugoslav side raised the issue of the situation of the Yugoslav guest workers in France, whose number at that time was about 100 thousand people²²⁸⁸. Loncar also noted that Yugoslavia sees the further development of cooperation, first of all, in strengthening long-term industrial cooperation, investments and joint promotion in the markets of third countries²²⁸⁹.

In the context of a systemic crisis and large-scale internal changes, Yugoslavia was visited in December 1989 by French Prime Minister Michel Rocard²²⁹⁰, which unequivocally hinted to Belgrade that "in order to receive French financial assistance, it needs to take new steps towards democracy"²²⁹¹: by the end of the Cold War, this condition became mandatory for Yugoslavia to receive loans from the capitalist countries. At the same time, Rocard noted that "his country supports Yugoslavia in trying to overcome the difficulties in which it is located," expressed "full support to the Yugoslav government in implementing deep reforms"²²⁹² and the efforts of the country in obtaining the status of a member of the Council of Europe.

Yugoslav-French economic relations were based on trade, industrial, technological and financial cooperation. The two countries cooperated most closely in the fields of agriculture, energy and transport. In the list of France's trading partners, Yugoslavia occupied a modest 43rd place, while for Yugoslavia it was the third largest and most important partner in Western Europe²²⁹³. From France, Yugoslavia imported machinery and vehicles, chemical products and raw materials, while exporting furniture, vegetables and fruits, aluminum, automobiles, textiles and footwear²²⁹⁴. Bilateral trade was characterized by a constant Yugoslav deficit. So, for example, in 1986, the coverage of imports by exports was approximately 69%²²⁹⁵. The total volume of trade also did not meet the capabilities and desires of the two countries²²⁹⁶. In this regard, in 1987, in addition to the Yugoslav-French mixed economic committee, a Yugoslav-French economic council was created, whose tasks included increasing and balancing bilateral trade²²⁹⁷. The result of his work was that, as of the end of 1988, the

²²⁸⁷ Француска даје велики значај односима са Југославијом // Политика. 1. децембар 1988. С. 1.

²²⁸⁸ Ibid.

См. подробнее о југославској емиграцији во Францији: *Čačić J., Kumpes J. Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku)* // Migracijske teme. 1989. № 5. S. 287-306.

²²⁸⁹ Француска даје велики значај односима са Југославијом // Политика. 1. децембар 1988. С. 1.

²²⁹⁰ Мишел Рокар у Београду // Ibid. 7. децембар 1989. С. 1.

²²⁹¹ *Kostiuk R. V., Katkova E. P. Franco-Yugoslav relations in the context of the evolution of world politics in the 1970-80's. Questions of history. Moscow: 2020. No. 10 (4). P. 64. [in Russian]*

²²⁹² Подршка укључивању Југославије у Европу // Политика. 8. децембар 1989. С. 1.

²²⁹³ Приближавање које обећава // Ibid. 9. мај 1987. С. 1.; After the FRG and Italy.

²²⁹⁴ Незадовољавајуће треће место // Ibid. 8. мај 1990. С. 2.

²²⁹⁵ Подршка укључивању Југославије у Европу // Ibid. 8. децембар 1989. С. 1.

²²⁹⁶ Приближавање које обећава // Ibid. 9. мај 1987. С. 1.

²²⁹⁷ Ibid.; In comparison: in 1979 this figure was \$938 million.

exchange of goods reached the mark of \$1 million²²⁹⁸. As for cooperation in the field of tourism, things were very modest here: the tourist flow from France to Yugoslavia reached its maximum in 1985, amounting to 450 thousand people²²⁹⁹, while in 1987 the figure fell to 400 thousand people²³⁰⁰ and continued to decrease subsequently.

An important component of bilateral relations were contacts in the field of culture, education, science and technology. Once every three years, agreements on scientific, technical and cultural cooperation were concluded, which included an extensive program of joint cultural and scientific events. A new word in this regard was the agreement of 1986, which assumed closer contacts between the French regions and the Yugoslav republics and institutions, bypassing the federal center²³⁰¹.

In relation to the disintegration events in the SFRY, France took the position of “providing full support to efforts to preserve the integrity of Yugoslavia”²³⁰², which B. Loncar was assured during negotiations with M. Rocard in February 1990²³⁰³ and A. Markovic during his official visit to Paris in May 1991²³⁰⁴. President of the Fifth Republic F. Mitterrand personally supported this approach. At this stage, Paris believed that the future of Yugoslavia should be determined by the Yugoslavs themselves in the course of a “democratic dialogue”²³⁰⁵ and without any outside interference.

Of paramount importance for Yugoslavia were relations with the *Federal Republic of Germany (FRG)*, which were generally friendly and constructive. Bonn respected the role in international relations that Yugoslavia played as a non-aligned state. Both sides in the world political arena spoke from the standpoint of the need to ensure peace and stability, continue the processes of reducing international tension and disarmament, and more effective cooperation along the North-South line. The FRG was interested in the political and economic stability, unity and territorial integrity of Yugoslavia and its independent foreign policy position, which were an important condition for maintaining pan-European security, and “used its influence in the EEC to encourage other members of the Community to help the Yugoslavs”²³⁰⁶.

High frequency in the 1980’s interstate contacts between Yugoslavia and the Federal Republic of Germany differed, negotiations and consultations were held at regular intervals at the level of ministers and heads of government, less often – heads of state. In February 1981, an official visit to the Federal Republic of Germany with the aim of holding talks with Chancellor Helmut Schmidt was paid by the

²²⁹⁸ Ел Ниш гради фабрику телефонских централа // Политика. 6. децембар 1989. С. 1.

²²⁹⁹ Чекајући пола милиона Француза // Ibid. 4. јул 1988. С. 3.

²³⁰⁰ Ibid.

²³⁰¹ Француски циклотрон за Винчу // Ibid. 28. април 1986. С. 1.

²³⁰² Сепаратистичко деловање на Косову је против демократског развоја Југославије // Ibid. 2. фебруар 1990. С. 2.

²³⁰³ Ibid.

²³⁰⁴ Париз подржава наше реформе // Ibid. 24. мај 1991. С. 2.

²³⁰⁵ Ibid.

²³⁰⁶ Western Europe and Post-Tito Yugoslavia. EUR M-83 10193. 12 July 1983 P. 7. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000501700001-0.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

chairman of the FEC V. Dzuranovic²³⁰⁷. The meeting discussed the prospects for further bilateral cooperation both at the federal and regional levels. Schmidt expressed his approval that Yugoslavia continued to follow “the path of Tito”; confidence that she will go through the current economic difficulties and the recognition of her “key” role in the Non-Aligned Movement²³⁰⁸.

Many times during the 1980’s R. Dizdarevic²³⁰⁹ and B. Lonchar²³¹⁰ met with German Foreign Minister Hans-Dietrich Genscher, who paid close attention to the problems of economic cooperation and European integration in joint negotiations. Prime Ministers of Yugoslavia M. Planinc²³¹¹ and B. Mikulic²³¹² also repeatedly met and negotiated with their West German counterpart Helmut Kohl.

In early December 1989, J. Drnovsek, Chairman of the Presidium of the SFRY, paid an official visit to the FRG²³¹³. Drnovsek’s talks with FRG President Richard von Weizsäcker and Chancellor G. Kohl were devoted to integration processes on the European continent and Yugoslavia’s relations with the EEC; the state of affairs in the Non-Aligned Movement, the internal situation in Yugoslavia and bilateral cooperation. In a conversation with the head of the SFRY, Weizsacker remarked: “Our desire is that Yugoslavia be a strong, centralized country”²³¹⁴. G. Kohl promised that the FRG would remain “a devoted defender of Yugoslavia”²³¹⁵ in the EEC, while positively evaluating the course of the Yugoslav economic and political reforms.

More than anything else, the Yugoslav side was interested in the economic assistance that Bonn could and did provide to Yugoslavia in exchange for guarantees of stability in the Balkan Peninsula. In January 1981, in Frankfurt, between the People’s Bank of Yugoslavia and a consortium of German banks led by Deutsche Bank, another loan agreement was concluded in the amount of DM 500 million²³¹⁶. Thus, taking into account the commercial loan granted at the same time and the loan for the purchase of equipment, the total amount of German investments in the stabilization program of the Yugoslav government only at the beginning of 1981 amounted to a record 1.4 billion marks²³¹⁷: no other European country could comparable in terms of lending to Yugoslavia with Germany. In the future, one of the most important conditions for lending to the Yugoslav economy from the FRG, as

²³⁰⁷ Политички разговори Ђурановић – Шмит // Политика. 11. фебруар 1981. С. 1.

²³⁰⁸ Гост Штутгарта и хиљада Југословена // Политика. 14. фебруар 1981. С. 1.

²³⁰⁹ R. Dizdarevic and H.-D. Genscher met officially in February 1985 in Belgrade, in January 1986 in Bonn, etc.; Сусрет Диздаревић – Геншер // Политика. 1. фебруар 1985. С. 1.; Сарадња, препреке и обећања // Ibid. 21. јануар 1986. С. 1.

²³¹⁰ B. Lonchar from 1973 to 1977 was the SFRY ambassador to Germany. See more in the biography of B. Lonchar: *Jakovina T. Budimir Lončar – od preka do vrha svijeta*. Zaprješić, 2020.

²³¹¹ M. Planinc and H. Kohl met during the official visit of the latter to Yugoslavia on June 4-6, 1985; Кол сутра у Београду // Политика. 3. јун 1985. С. 2.

²³¹² B. Mikulic and H. Kohl officially met in March 1987 in Bonn and in April 1988 at the opening of an industrial exhibition in Hannover, where Yugoslavia, among other countries, presented the products of its largest manufacturers in its pavilion; Уважавање и подршка // Политика. 28. март 1987. С. 1.; Бон подржава потребу Југославије за “свежим новцем” // Ibid. 21. април 1988. С. 1

²³¹³ Стабилна Југославија је значајна за читаву Европу // Ibid. 6. децембар 1989. С. 2.

²³¹⁴ Ibid.

²³¹⁵ Ibid.

²³¹⁶ Стабилизациони кредити СР Немачке Југославији // Ibid. 22. јануар 1981. С. 1.

²³¹⁷ Ibid.

well as Bonn's support for the SFRY's requests for debt restructuring to the Paris Club and the IMF, was its market reorientation and liberalization. In this regard, the FRG welcomed the Yugoslav economic reform and the undertakings of A. Markovic.

Among the Western European economic partners of Yugoslavia, the FRG invariably occupied the first place. The annual trade turnover usually amounted to more than \$11 billion, of which approximately 6 billion accounted for West German exports to Yugoslavia and 5 billion for Yugoslavian exports to the FRG²³¹⁸. Thus, bilateral trade was characterized by a permanent Yugoslav deficit, which caused Belgrade serious concern and the initiation of attempts, mostly unsuccessful, to partially overcome it. The parties also intensified industrial, investment and technological cooperation, with Belgrade traditionally acting as a recipient within its framework. Bonn invested in the tourism industry in Yugoslavia and encouraged its tourists to visit the Yugoslav resorts: for many years, West Germans ranked first among all tourists in the SFRY; in the construction of highways and infrastructure facilities. In 1989, a year later than in the United States, Yugoslav cars of the Zastava brand appeared on the West German market, the price of which here ranged from 12 to 19 thousand marks²³¹⁹ depending on the model²³²⁰.

An important component of Yugoslav-West German relations was the issue of the situation of Yugoslav labor migrants and their families in the FRG, whose interests Belgrade tried to protect²³²¹. Despite the fact that in their speeches West German politicians always emphasized respect for those Yugoslav workers who worked in Germany, in reality their life in the country was not distinguished by prosperity and tranquility. The countries created a special Mixed Commission on the issues of Yugoslav citizens in the FRG, which repeatedly records violations of their rights. Basically, they consisted in the risks of the Yugoslavs losing their jobs without explanation, as well as temporary restrictions on staying in the territory of the Federal Republic of Germany, which did not allow them to plan their lives for the long term. For this reason, about 20 thousand workers and their families were forced to return to Yugoslavia, often against their will, every year, which destabilized the labor market in the country and increased the unemployment rate²³²². In total, as of 1987, more than 590 thousand Yugoslav migrants and members of their families lived and worked in Germany, of which only about 35% had permission to permanently reside in the country²³²³. In 1990, the FRG and the SFRY signed an agreement on cooperation in the field of professional reintegration of Yugoslav citizens who were or are temporarily employed in the FRG and who wish to open private enterprises in Yugoslavia, under which Belgrade received DM 2.5 million for retraining in the same year workers and the

²³¹⁸ Подршка Бона нашим захтевима // Политика. 26. новембар 1987. С. 2.

²³¹⁹ Only cars of the "Lada" and "Skoda" brands were cheaper.

²³²⁰ "Југо" наступа у Франкфурту // Политика. 15. септембар 1989. С. 1.

²³²¹ See more: *Ilić A. Socialno in ekonomsko življnje migrantov iz nekdanje SFRJ v Berlinu pred padcem zidu in po tem. Diplomaska naloga.* Berlin, 2010.

²³²² Све више несигурности // Политика. 18. јул 1987. С. 2.

²³²³ Ibid.

creation of new jobs²³²⁴.

The crisis event was the internal German discussions that began at the end of 1988 about the need for a unilateral introduction of a visa regime with Yugoslavia²³²⁵, which, according to Belgrade, “did not correspond to the overall development and the achieved level of bilateral relations”²³²⁶. At the same time, the position of Chancellor G. Kohl was that this measure would not harm the cooperation of the two countries, and Belgrade, if it wants to prevent its introduction, must itself impose restrictions on the illegal migration of its citizens in the FRG²³²⁷. The determination of the West German leadership in this direction aroused great concern in the SFRY and provoked almost panic among both the federal authorities and the public²³²⁸.

At the same time, relations were complicated by the next activation of the anti-Yugoslav movement in Germany, which consisted mainly of representatives of the Croatian and Albanian diasporas: attacks on Yugoslav clubs and pro-government Yugoslavs became more frequent – such terrorist acts had previously been one of the most serious problems in bilateral relations²³²⁹. Belgrade regularly protested that “Bonn is tolerant of nationalist and anti-communist émigré groups”²³³⁰ and does not interfere with their activities.

The SFRY, in accordance with the right of the Germans to self-determination, welcomed the unification of Germany, considering it a logical act deepening the integration processes on the European continent. It must be emphasized that the SFRY was the only country in Europe that managed to maintain good relations with both the FRG and the GDR. Yugoslav diplomacy believed that Germany, “for a long time being the object of the Cold War, got a chance to become the subject of overcoming its²³³¹ consequences”. Belgrade also expected that the unification would bring economic benefits, opening up access for Yugoslav firms to participate in the construction, reconstruction and modernization of industrial and infrastructure facilities in East Germany²³³². At the same time, the unification of Germany caused new complications in bilateral relations, caused by the fact that the Federal secretariat for foreign affairs raised the issue of German reparations in favor of Yugoslavia,

²³²⁴ Немачки кредити за југословенске повратнике // Политика. 1. јул 1990. С. 12.

²³²⁵ The visa regime between the two countries was abolished back in 1968. Discussions about the re-introduction of visas were caused by the influx of citizens of the SFRY in the FRG, who were mainly of Gypsy and Kosovo-Albanian origin and, according to Bonn, abused the right to receive political refugee status – in 1988, the status of political refugees in Germany was requested by about 10 thousand citizens of the SFRY, most of whom did not meet the requirements for obtaining it. The initiative came from the German Ministry of the Interior and its head, Friedrich Zimmermann, while the Foreign Ministry opposed the introduction of such a measure, referring to the importance of the strategic partnership between the FRG and the SFRY.

²³²⁶ Порука Лончара Геншеру о визама // Политика. 7. јануар 1989. С. 2.

²³²⁷ Кол: Пријатељски разговор о визама за Југословене // Ibid. 12. јануар 1989. С. 3.

²³²⁸ See more: *Pavlica B.* Izbeglice azilanti iz Jugoslavije u SR Nemačkoj // *Strani pravni život.* 2005. Br. 3. S. 85-102.

²³²⁹ See more: *Ivanović V.* Ekstremna emigracija u SR Nemačkoj i Jugoslavija // *Istorija 20. veka.* 2009. Br. 1. S. 139-147.

²³³⁰ Western Europe and Post-Tito Yugoslavia. EUR M-83 10193.12 July 1983. P. 8. // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000501700001-0.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²³³¹ Разговори о процесу немачког уједињења // Политика. 17. јануар 1990. С. 2.

²³³² Шансе веће од ризика // Ibid. 27. септембар 1990. С. 2.

which became the subject of almost “angry”, according to the Yugoslavs, reaction of the FRG²³³³.

The FRG took an ambivalent position on the issue of disintegration processes in Yugoslavia. On the one hand, in the first half of 1991, Germany declaratively supported the unity and territorial integrity of the SFRY, which is confirmed by the statements of a number of German politicians. In particular, the German Ambassador to Yugoslavia, Hansjorg Eiff, in an interview with the newspaper “Nedjeljna Dalmacija”, given in the first half of March, answered a direct question about Germany’s official position on the present and future of Yugoslavia: “In all spheres, Yugoslavia is one of our most important partners among non-member countries of the European Community. My country stands for the preservation of Yugoslavia and the development of new forms of joint life of its peoples and republics on the basis of democracy, the principles of the rule of law and a peaceful non-violent dialogue in which the rights of peoples, individuals and minorities are respected”²³³⁴.

On the other hand, according to a number of researchers of the Balkan crisis, the real actions of Bonn testified otherwise. American political scientist Susan L. Woodward points out that from “the very beginning of the Yugoslav crisis, Germany secretly supported and encouraged Slovenian and Croatian separatist aspirations”²³³⁵. Vesna Stankovic-Pejnovic believes that the objective West German strategy was to provoke conflicts in Yugoslavia by promoting economic and political reforms, which would later become a pretext for open intervention²³³⁶. In her opinion, in relation to the states of Eastern Europe, Germany deliberately “used the slogan of “self-determination” for the sake of restoring the status of a superpower”²³³⁷. Russian specialists E. Yu. Guskova²³³⁸, E. N. Gross²³³⁹, E. G. Ponomareva²³⁴⁰, E. G. Entina²³⁴¹ and others adhere to similar points of view.

On June 18, 1991, the deputies of the Bundestag adopted two documents directly related to Yugoslavia – “On the crisis in Yugoslavia”²³⁴² and “On the situation in Kosovo”²³⁴³. The main message of the first document was that only a democratic and plurastic Yugoslavia, as a state governed by the rule of law, in which human rights and national minorities are guaranteed, in accordance with

²³³³ Оштри напади на Југославију // Политика. 27. фебруар 1990. С. 2.

²³³⁴ Немачка се залаже за очување југославије // Ibid. 14. март 1991. С. 14.

²³³⁵ Woodward S. Balkanska tragedija: kaos i raspad posle hladnog rata. Beograd, 1997. S. 159.

²³³⁶ Станковић-Пејновић В. Утицај САД и Немачке на распад Југославије // Српска политичка мисао. 2009. Бр. 3. С. 111-137.

²³³⁷ Ibid. С. 124.

²³³⁸ For example, Guskova E. G. Yugoslavia. undeclared war. NATO aggression and the peace process. Saint-Petersburg, 2020.; History of the Yugoslav Crisis. Moscow, 2001. [in Russian]

²³³⁹ For example, Gross E. N. Germany and the Balkan crisis at the turn of the 20th and 21st centuries: dis. ... cand. hist. sciences. Tula, 2007. [in Russian]

²³⁴⁰ For example, Ponomareva E. G. Political development of the post-Yugoslav space (internal and external factors). Moscow, 2007.; The collapse of the Yugoslav model of federalism: author. dis. ... cand. polit. sciences. Moscow, 1995. [in Russian]

²³⁴¹ For example, Entina E. G. Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the post-Yugoslav space): dis. ... dr. polit. sciences. Moscow, 2020. [in Russian]

²³⁴² Drucksache 12-795 – Antrag: Zur Krise in Jugoslawien, 18.06.1991 // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200795.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²³⁴³ Drucksache 12-797 – Antrag: Zur Lage im Kosovo, 18.06.1991 // Ibid. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200797.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

the strategic interests of the European Community, can count on support for inclusion in European integration processes. In it, the Bundestag confirmed the desire for a peaceful, non-violent solution to the Yugoslav crisis and asserted the right of the Yugoslav peoples to independently control their own destiny. The document stated that the former form of government of the SFRY does not satisfy its peoples and therefore the conclusion of a new agreement is inevitable, in which the unity of Yugoslavia can be based solely on the free will of the peoples living in it. The second document insisted on the need for an “impartial investigation of violations of rights”²³⁴⁴ of both Albanians and Serbs in Kosovo and the beginning of the Serbian-Albanian dialogue mediated by European institutions for agreement with the government of the SFRY and the government of the Republic of Serbia. In practice, immediately after the declaration of independence by Slovenia and Croatia, Germany became the most active lobbyist for their recognition as sovereign subjects of international relations²³⁴⁵.

Yugoslav-Swedish relations were of a benevolent nature. Giving them a general assessment, Swedish Prime Minister Thorbjorn Falldin in 1980 noted that he “does not see a single area in which there would be special difficulties between... the two countries”²³⁴⁶. Nevertheless, bilateral relations periodically ran into certain problems and open questions, the main of which were the anti-Yugoslav activities of Croatian and Albanian emigrants in Sweden and the permanent Yugoslav trade deficit, which, however, did not prevent their comprehensive development. Being a neutral European country, Sweden sympathized with the Non-Aligned Movement and highly appreciated the role of Yugoslavia as one of the leaders of the organization.

In September 1980, FEC Chairman V. Djuranovic paid an official visit to Sweden²³⁴⁷. An important place in the business program of the Yugoslav Prime Minister was occupied by a meeting with the Swedish Minister for Migration Karin Andreson, in which representatives of Yugoslav societies and clubs took part for the first time²³⁴⁸ – about 40 thousand Yugoslav citizens worked in Sweden²³⁴⁹, a significant part of which went through hard adaptation to the local mentality²³⁵⁰. Djuranovic also met with the leaders of the Social Democratic Workers’ Party of Sweden (S/SAP) and the Left Communist Party of Sweden – Olof Palme and Lars Werner, respectively²³⁵¹, with which the SFRY maintained traditionally friendly relations.

It is worth noting that O. Palme’s visit as Prime Minister of Sweden to Belgrade in 1975 was the

²³⁴⁴ Drucksache 12-797 - Antrag: Zur Lage im Kosovo, 18.06.1991. P. 2. // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200797.pdf> (Accessed: 28.08.2022).

²³⁴⁵ Mesić S. The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. Budapest, 2004. P. 31.

²³⁴⁶ Односи са Југославијом одлични // Политика. 2. септембар 1980. С. 2.

²³⁴⁷ Ђурановић данас у Шведској // Ibid. 4. септембар 1980. С. 1.

²³⁴⁸ Разговори о положају наших радника // Ibid. 6. септембар 1980. С. 1.

²³⁴⁹ Повратак с пензијом // Ibid. 25. октобар 1980. С. 1.

²³⁵⁰ Ibid.

²³⁵¹ Разговори о положају наших радника // Ibid. 6. септембар 1980. С. 1.

last official visit of the head of the Swedish government to the SFRY – in the 1980's no such visits were made. A peculiar shock for the Yugoslav public was the assassination of the Swedish Prime Minister and leader of the Social Democratic Party in February 1986, in which some of the world's media saw the trace of the Ustashe organizations in Sweden²³⁵².

In relation to the Yugoslav crisis, official Stockholm took a constructive position, which consisted in supporting the unity and territorial integrity of the SFRY and providing investment assistance to its economy²³⁵³.

Yugoslav relations with *Australia* throughout most of the 1980's remained underdeveloped and significantly complicated by the anti-Yugoslav activities of the Croatian emigration²³⁵⁴. A short impetus was given to them by the visits of the federal secretary of foreign affairs L. Moisov to Australia in February 1984²³⁵⁵ and Australian Prime Minister Robert Hawke in the SFRY on October 24-26, 1987²³⁵⁶. In February 1988, a Yugoslav parliamentary delegation headed by the chairman of the Federal Assembly, Marjan Rozic, visited Australia, the purpose of which was to discuss the prospects for cultural, educational, scientific, technical and informational cooperation²³⁵⁷. However, in the same 1988, a diplomatic crisis erupted in relations between the two countries.

On July 4, four Molotov cocktails were thrown onto the territory of the Yugoslav cultural center in Adelaide, which led to a serious fire²³⁵⁸. The chairman of the Center, Momir Dacic, then noted that “this is not an attack on Yugoslavia, but on Australia, and more precisely, on the Australians of Yugoslav origin, whose “sin” is only that they preserve the traditions of their Yugoslav ancestors and thus contribute to the construction Australian multicultural society”²³⁵⁹. A year earlier, a Yugoslav cultural center in Canberra was subjected to a similar attack, and the Australian police could not find its organizers and performers²³⁶⁰. The actions mentioned were not something isolated and extraordinary – in the period from 1971 to 1988, extremists organized 15 attacks on Yugoslav missions in Australia²³⁶¹.

On November 27, 1988, two days before the Day of the Republic of Yugoslavia, the Croatian diaspora held an anti-Yugoslav demonstration in front of the SFRY consulate in Sydney, during which

²³⁵² Штампa оптужује усташе // Политика. 8. март 1986. С. 2.; First of all, it was about the involvement in the crime of the Croatian nationalist Miro Baresic, one of the organizers of the murder of the Yugoslav ambassador in Sweden Vladimir Rolovic in 1971.

²³⁵³ Југословени добри партнери // Ibid. 7. јануар 1989. С. 4.

²³⁵⁴ By 1988, about 400 thousand citizens of Yugoslav origin lived in Australia. Supporters of ultra-right views, followers of the Croatian Ustashe and Serbian Chetniks, united in anti-Yugoslav organizations, the most numerous and influential of which were the “Croatian Revolutionary Brotherhood”, “Croatian Revolutionary Organization”, “Croatian Youth”, “Serbian Youth Movement for the Motherland” and others.

²³⁵⁵ Лазар Мојсов код премијера Хока // Политика. 18. фебруар 1984. С. 4.

²³⁵⁶ Заједно за праведнији свет // Ibid. 24. октобар 1987. С. 2.

²³⁵⁷ Марјан Рожић у Сиднеју // Ibid. 15. фебруар 1988. С. 2.

²³⁵⁸ Запаљен део Југословенског центра у Аделаиду // Ibid. 5. јул 1988. С. 3.

²³⁵⁹ Ibid.

²³⁶⁰ Ibid.

²³⁶¹ Терористи са маском // Ibid. 3. децембар 1988. С. 2.

several young people tried to rip off the national flag of Yugoslavia and enter the building²³⁶². In response to these actions, Zoran Matjas, a consular security officer, fired a shot, injuring one of the provocateurs, Josef Tokic. The Australian authorities delivered an ultimatum to the Yugoslav government and demanded the extradition of Matjas by December 1, to which they received a negative response from Belgrade.

On December 2, Australian Foreign Minister Gareth Evans issued an order to close the Yugoslav consulate in Sydney, as a result of which all Yugoslav diplomats and their families were forced to leave Australia²³⁶³. The government of the SFRY expressed a sharp protest in connection with the events, demanding from Canberra “to put an end to terrorist activities that are directed against Yugoslavia and good relations between the two countries”²³⁶⁴, accusing her of insufficient protection of diplomatic missions²³⁶⁵ and the acceptance of “unreasonable”²³⁶⁶ solutions. Belgrade’s retaliatory measure was the expulsion of three Australian diplomats from the SFRY²³⁶⁷. The Minister of Foreign Affairs of the SFRY B. Loncar reacted to the events as follows: “The incident is harmful both for Yugoslav-Australian relations and for the reputation of the Australian government in terms of its attitude to international normative documents, especially when it comes to international terrorism”²³⁶⁸. These days, the pages of the Yugoslav press were also full of critical remarks about the Australian authorities: “Regardless of how the situation develops further, the arrogance and extremely insincere attitude of the Australian side to this incident is very obvious, which confirms that good relations between our countries was the result of a movement from one country – from ours”²³⁶⁹.

The decision to reopen the SFRY consulate in Sydney was made by the Australian authorities almost two years after the incident – in July 1990²³⁷⁰. Despite the fact that economic cooperation between the countries for this period was not interrupted²³⁷¹, political contacts were actually suspended.

On the problem of disintegration events in the SFRY, according to the Croatian researcher Albert Bing²³⁷², who analyzed in detail the materials of the local press for 1990-1991, were treated very “superficially” in Australia²³⁷³, which was justified, among other things, by the geographical remoteness of the two countries. At the same time, the blame for the escalation of the situation was

²³⁶² Аустралија одговорна за терористе // Политика. С. 2.

²³⁶³ Australia shuts Yugoslav mission in dispute // The New York Times. December 4, 1988. P. 33.

²³⁶⁴ Аустралија одговорна за терористе // Политика. 3. децембар 1988. С. 2.

²³⁶⁵ Сви службеници конзулата напустили Сиднеј // Ibid. 5. децембар 1988. С. 1.

²³⁶⁶ Аустралија одговорна за терористе // Ibid. 3. децембар 1988. С. 2.

²³⁶⁷ Непожељна три аустралијска дипломата у Београду // Ibid. 6. децембар 1988. С. 1.

²³⁶⁸ Сви службеници конзулата напустили Сиднеј // Ibid. 5. децембар 1988. С. 1.

²³⁶⁹ Лончар: Професионално и патриотски обављен посао // Ibid. 6. децембар 1988. С. 2.

²³⁷⁰ Конзулат СФРЈ у Сиднеју // Ibid. 3. јул 1990. С. 2.

²³⁷¹ The annual trade between the two countries amounted to about 90 million dollars and was characterized by a permanent Yugoslav deficit. See: Лазар Мојсов код примијера Хока // Ibid. 18. фебруар 1984. С. 4.

²³⁷² Bing A. “Croatia down under”: australski tisak o izbijanju rata u Hrvatskoj i raspadu Jugoslavije 1990.-1991. // Časopis za suvremenu povijest. 2003. Vol. 35. No. 3. S. 769-802.

²³⁷³ Ibid. S. 770.

imputed to both Croatian and Slovenian, and Serbian nationalists and political extremists, however, as the situation worsened, the sympathies of the Australian public shifted towards the northwestern republics. To a greater extent, the course of events in Yugoslavia was of interest to Yugoslav emigrants, who, depending on their ethnic origin, supported one side or another in the outbreak of conflict. A large number of Australian Yugoslavs, mostly Croats, in the wake of a patriotic upsurge, decided to repatriate.

Yugoslavia's relations with *Canada* were benevolent, however, from time to time, they were complicated by the anti-Yugoslav activities of individual representatives of the Yugoslav emigration, the total number of which was about 120 thousand people²³⁷⁴.

In June 1982 Canadian Prime Minister Pierre Elliott Trudeau visited Yugoslavia²³⁷⁵, and in November 1984 – Foreign Trade Minister James Kelleher²³⁷⁶, who devoted their negotiations with M. Planinc mainly to the economic aspects of cooperation. One of the most significant developments in bilateral relations in the 1980's was the visit of B. Mikulic to Canada in February 1988²³⁷⁷, marked by thorough and fruitful negotiations between the Yugoslav Prime Minister and his Canadian counterpart Brian Mulroney. It is worth noting that the visit of Mikulic was the first ever official visit of the Prime Minister of the SFRY to Canada²³⁷⁸. According to Mulroney, this event played a special role for him and “for personal reasons” – his wife Mila was of Yugoslav origin and emigrated with her family to Canada from Bosnian Mostar at a young age. He also noted that he “believes that their four children are making their modest contribution to the spread of Yugoslav culture in Canada”²³⁷⁹ and paid tribute to the Yugoslav community, which “enriched and strengthened the cultural character”²³⁸⁰ of Canada.

Both Mikulic and Mulroney focused on “the similarities between the two countries in terms of the federal organization of power, multiculturalism and equality of peoples and languages, as well as points of view on many international issues”²³⁸¹. During the meeting, it was proposed to establish a mixed Yugoslav-Canadian economic committee, and the Yugoslav side expressed its readiness to take part in the construction of a hydrotechnical complex as part of the James Bay project in Quebec²³⁸².

Economic ties included trade, financial, industrial, technological and investment cooperation.

²³⁷⁴ Премијери позивају привреднике // Политика. 12. фебруар 1988. С. 1.

²³⁷⁵ Званични разговори Милке Планинц, председника СИБ-а, са канадским премијером Пјером Елиот Трудоом, Палата Федерације, Београд, 11. јун 1982. // Архив Југославије, 377, ЗФ / СР. http://www.arhivyu.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/izlozbe/izlozbe_arhiva/iyl_yu_can.html

²³⁷⁶ Zabeleška o razgovoru predsednika Saveznog izvršnog veća Milke Planinc sa ministrom spoljne trgovine Kanade James Kelleher-om na dan 15. novembra 1984. g.u 12.15 čas // Arhiv Jugoslavije. 803-823-505. Br. 320/84. S. 1. http://www.arhivyu.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/izlozbe/izlozbe_arhiva/iyl_yu_can.html

²³⁷⁷ Микулић у Квебеку // Политика. 13. фебруар 1988. С. 1.

²³⁷⁸ Ibid.

²³⁷⁹ Ibid.

²³⁸⁰ Ibid.

²³⁸¹ Ibid. С. 2.

²³⁸² Ibid.

Yugoslavia supplied Canada with agricultural and food products, while purchasing industrial equipment, technologies and air transport (for example, CL-215 amphibious aircraft designed to extinguish forest fires). Bilateral trade was characterized by a constant Yugoslav deficit²³⁸³, which was recognized as a significant problem that prevented the deepening of cooperation.

In the disintegration events in the SFRY, Canada supported Slovenia and Croatia and, according to the Canadian historian Nicholas Gammer, “abandoned strict adherence to the inviolability of state sovereignty, adopting a more interventionist approach to conflict resolution”²³⁸⁴, which he associates with the foreign policy ambitions of Ottawa and personally Prime Minister Mulroney.

Relations between Yugoslavia and *Japan*, unencumbered by serious political differences, were characterized by general friendliness and stability. Tokyo has repeatedly stressed that it highly appreciates the policy of non-alignment and the contribution that Belgrade makes to maintaining peace and stability. Belgrade, in turn, had great respect for the economic, scientific and technological successes of Japan. At the same time, the intensification of bilateral relations, according to the Serbian Japanese scholar Dragan Milenkovic²³⁸⁵, the illiterate personnel policy of the SFRY²³⁸⁶ and the objective difference in mentalities could interfere.

In May 1981, J. Vrhovec paid an official visit to Japan²³⁸⁷. His talks with Foreign Minister Sunao Sonoda, Finance Minister Michio Watanabe and Prime Minister Zenko Suzuki were mainly devoted to expanding economic cooperation between the two countries, primarily financial²³⁸⁸. In January 1987, Japanese Prime Minister Yasuhiro Nakasone visited Belgrade, which was the first event of this kind in the history of bilateral relations²³⁸⁹. It is noteworthy that in conversations with S. Hasani and B. Mikulic, the Japanese prime minister expressed a desire that “Yugoslavia become a “bridge” for Japan’s cooperation with developing countries, especially non-aligned ones”²³⁹⁰.

In October 1989, B. Lonchar was in Tokyo, received by Prime Minister Toshiki Kaifu²³⁹¹ and Emperor Akihito²³⁹². The Japanese side expressed wide interest in the Yugoslav economic reform, as well as readiness to support the appeals of the SFRY to world financial institutions and organizations. Once again, topics were raised about the prospects for opening a direct airline between Belgrade and Tokyo, an obstacle to which was the limited capacity of the Tokyo airport, and about increasing the

²³⁸³ Zabeleška o razgovoru predsednika Saveznog izvršnog veća Milke Planinc sa ministrom spoljne trgovine Kanade James Kelleher-om na dan 15. novembra 1984. g.u 12.15 čas // Arhiv Jugoslavije. 803-823-505. Br. 320/84. S. 1. http://www.arhivyu.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/izlozbe/izlozbe_arhiva/iyl_yu_can.html

²³⁸⁴ *Gammer N.* From Peacekeeping to Peacemaking: Canada’s Response to the Yugoslav Crisis. McGill-Queen’s Press - MQUP, 2001. P. 3-14.

²³⁸⁵ *Milenković D.* 136 godina odnosa Srbije i Japana // <http://www.japanorama.rs/2018/01/13/136-godina-odnosa-srbije-japana/> (Accessed: 7.08.2022)

²³⁸⁶ For example, as D. Milenkovic writes, none of the Yugoslav ambassadors in Japan spoke Japanese.

²³⁸⁷ Разговори о унапређењу економских односа // Политика. 24. мај 1981. С. 1.

²³⁸⁸ Ibid.

²³⁸⁹ Успешни разговори у Београду // Ibid. 16. јануар 1987. С. 1.

²³⁹⁰ Ibid.

²³⁹¹ Истурни разговори Лончара у Токију // Ibid. 25. октобар 1989. С. 2.

²³⁹² Цар Акихито примио Лончара // Ibid. 26. октобар 1989. С. 2.

tourist flow from Japan to the SFRY²³⁹³.

In May 1990, Japanese Foreign Minister Taro Nakayama visited Yugoslavia²³⁹⁴, whose negotiations with B. Loncar were marked by particular specifics. It was about the abolition of double taxation, investments by Japanese firms²³⁹⁵ in the Yugoslav economy, Japan's support for Yugoslavia in a number of financial institutions, Japan's technical assistance to Yugoslavia, incl. personnel; increasing the number of scholarships for training Yugoslav specialists in Japan, etc²³⁹⁶. Nakayama also highly appreciated the efforts of the Yugoslav government undertaken in the framework of "modern economic processes in the world"²³⁹⁷.

Of paramount importance in economic relations was trade cooperation, which was characterized by a permanent Yugoslav deficit in trade, explained by the Japanese by the low level of quality and design of products from the SFRY²³⁹⁸. Yugoslavia exported to Japan mainly raw materials, semi-finished products and wine, while many Yugoslav-made consumer goods simply did not find use among Japanese citizens. The volume of trade exchange remained very modest – for example, in 1986 it amounted to only \$168 million²³⁹⁹, which did not suit either side.

In order to resolve the current difficulties of cooperation in May 1987, a Japanese state economic delegation arrived in the SFRY²⁴⁰⁰, which visited all the Yugoslav republics and got acquainted on the spot with the operation of a number of enterprises. The tasks of the Japanese mission were to consider the possibility of "increasing Yugoslav exports to Japan, activating Yugoslav industry through Japanese capital and knowledge... assistance in entering third markets"²⁴⁰¹, while the Yugoslav tourism industry, as well as free customs zones on the Adriatic and Danube, aroused particular interest of the Japanese. At a meeting of the Committee for Economic Cooperation between Yugoslavia and Japan on May 24, 1987, the successful results of the work of the delegation were stated²⁴⁰². In 1989, bilateral trade already amounted to \$275 million²⁴⁰³, however, there was no stable progress in resolving the problem of the Yugoslav deficit – the coverage of imports by exports in the same year was only 17%²⁴⁰⁴.

The sides cooperated very closely in the fields of culture, science and education. In 1989, the

²³⁹³ Despite the constant discussions of this topic in bilateral negotiations, the number of Japanese tourists in Yugoslavia remained constant and amounted to about ten thousand during the year

²³⁹⁴ Јапан спреман да инвестира у Југославију // Политика. 5. мај 1990. С. 1.

²³⁹⁵ Such, for example, as Mitsubishi, Sony, Toshiba, Kanematsu and Toyota. Meanwhile, the heads of these corporations were not ready to make significant investments in the Yugoslav economy.

²³⁹⁶ Јапан спреман да инвестира у Југославију // Политика. 5. мај 1990. С. 1.

²³⁹⁷ Ibid.

²³⁹⁸ Понуђена 72 програма // Ibid. 19. мај 1987. С. 1.

²³⁹⁹ Ibid.

²⁴⁰⁰ Ibid.; The previous time such a delegation visited Yugoslavia in 1972.

²⁴⁰¹ Ibid.

²⁴⁰² Понуђена 72 програма // Ibid. 19. мај 1987. С. 1.

²⁴⁰³ У центру пажње економска сарадња // Ibid. 28. април 1990. С. 2.

²⁴⁰⁴ Тржиште, па инвестиције // Ibid. 6. септембар 1990. С. 4.

Yugoslav-Japanese Friendship Society was established²⁴⁰⁵, the first president of which was the former SFRY Ambassador to Japan, Ilja Topalovski. During the decade under review, Japan also provided money to Yugoslavia free of charge for the purchase of equipment for the Universities of Belgrade and Novi Sad. The universities of Belgrade and Tokyo cooperated closely with each other.

Official Tokyo was a supporter of the unity and territorial integrity of the SFRY, in which, in particular, Prime Minister Toshiki Kaifu personally assured the Chairman of the Presidium of the SFRY B. Jovic, who visited Japan in November 1990 on the occasion of the coronation of Emperor Akihito²⁴⁰⁶. The independent Japanese media strove for an unbiased and balanced description of the conflicts in Yugoslavia and the refusal to demonize one of its sides.

From the foregoing, it follows that in the 1980's Yugoslavia continued its traditional line of building friendly and partnership relations with Western states. In most cases, they did not encounter any insurmountable and fundamental difficulties. Among the factors somewhat complicating them are the anti-Yugoslav activities of the Yugoslav emigration, the problem of Yugoslav labor migration and the tacit support of a number of such countries for the separatist aspirations of Slovenia and Croatia. The increasingly deepening economic dependence of Yugoslavia on its Western partners made these relations unequal.

4.3. Yugoslavia and European integration processes: EEC and EFTA

A vector aimed at developing and deepening relations with European integration associations, and primarily with the EEC, in the 1980's becomes one of the central in the foreign policy of the SFRY. This was mainly due to the multiple economic problems in the country, as well as the constant search by the Yugoslav leadership for sources of new credit loans. It was the EEC, which was interested in maintaining political stability in the region, that was one of the largest creditors of the SFRY. At the same time, with the weakening of the Yugoslav regime, the expansion of disintegration phenomena in the country, and the collapse of the socialist camp, the interest of the European community in a united Yugoslavia fell, and it began to make ever higher demands on Belgrade, related to the need for large-scale reform and democratization of society.

On the part of the SFRY, interest in the EEC, on the contrary, only increased from year to year until the desire to obtain the status of an associated member, which was justified by the desire to solve their internal difficulties at the expense of an economically and politically strong and stable partner, and also not to remain on the periphery of integration processes in Europe, especially – taking into

²⁴⁰⁵ У центру пажње економска сарадња // Политика. 28. април 1990. С. 2.

²⁴⁰⁶ Јовић разговарао са премијером Каифуом // Ibid. 12. новембар 1990. С. 1.

account the beginning in the late 1980's rapprochement between the EEC and the CMEA countries²⁴⁰⁷. Relations between the SFRY and the EEC as a whole cannot be called problem-free and equal.

By the end of 1979, Yugoslavia's debt to the EEC had crossed a psychologically comfortable mark. The balance of payments deficit forced the country to take more and more loans from the Community. This was also prompted by unorganized and thoughtless spending of funds already taken on credit. In order to overcome the impressive imbalance in bilateral trade, on April 2, 1980, another, third trade agreement was concluded between the parties²⁴⁰⁸, which was preferential and provided for the gradual abolition of import duties on certain Yugoslav products²⁴⁰⁹.

Despite the fact that by 1981 the Yugoslav deficit in trade turnover was reduced by 20%²⁴¹⁰, exports to the EEC countries continued to fall and in 1982 amounted to only 17% of the total exports of the SFRY²⁴¹¹. Admission to the EEC of Greece in 1981, which, replacing Yugoslavia, became the main supplier of agricultural products to the Community countries, had a negative impact in this regard. The accession to the EEC of Spain and Portugal in 1986 completely deprived him of the need to import agricultural products from the SFRY. In the future, the repayment of Yugoslav loans to the EEC was precisely due to a decrease in Yugoslav, often low-quality, exports to the community countries, which negatively affected the development of industry in the country, because deprived it of an incentive to improve the quality of its products.

The entry into force in April 1983 of the Agreement concluded in 1980 between the SFRY and the EEC led their economic relations to some revival. In 1984-1985 there was a positive trend in bilateral economic contacts, associated with an increase in the volume of Yugoslav exports to the EEC and an insignificant decrease in the trade imbalance, which still remained high. In 1984, Yugoslav exports to the EEC amounted to 24%, and imports from the EEC – about 30% of the total²⁴¹². Yugoslavia covered the high trade deficit with a positive balance in the market of services, money transfers and loans. At the same time, the protectionist policy of the EEC, which included the frequent use of anti-dumping measures against Yugoslav enterprises, prevented a qualitative breakthrough in relations between the Community and the SFRY.

Tourism played an important role in economic relations with the Community countries for Yugoslavia. In 1983-1985 the number of tourists from Western European countries accounted for 65% of their total number²⁴¹³, despite the fact that the quality of services provided by the Yugoslav resorts was rapidly declining. Their main consumers were low-income citizens of Germany, Austria, Italy and

²⁴⁰⁷ See more: *Kovač O., Popović T.* Yugoslavia and the European Union: the past and the future. Belgrade, 1996.

²⁴⁰⁸ The agreement was based on the Belgrade Declaration of 1976.

²⁴⁰⁹ *Entina E. G.* Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the post-Yugoslav space): dis. ... dr. polit. sciences. Moscow, 2020. [in Russian]

²⁴¹⁰ Први резултати споразума Југославија – Европска заједница // Политика. 16. јануар 1981. С. 4.

²⁴¹¹ *Adamović L. S.* Jugoslavija i EEZ. Beograd, 1988. S. 53.

²⁴¹² Делегација Скупштине СФРЈ отпутовала у Стразбур // Политика. 16. јануар 1984. С. 2.

²⁴¹³ *Adamović L. S.* Op. cit. S. 55.

Great Britain, who valued cheapness in local resorts. Of course, on the Yugoslav coast, tourists spent much less money in one day of their stay than in Greece, Italy or Spain.

After tourism, the largest influx of foreign exchange from the EEC came from transportation, due to the fact that some members of the Community, such as Greece and Italy, were forced to use the Yugoslav railways. The use of railway, air, sea and river Yugoslav transport by European countries could bring in many times more income for the SFRY if it were engaged in its modernization and regular repairs. Low efficiency and productivity, as well as poor service, forced the European states to gradually abandon the exploitation of the Yugoslav transport networks for trade purposes.

A promising component of relations between Yugoslavia and the EEC was scientific, technical and research cooperation, the intensification of which Belgrade always insisted on and the scale of which never satisfied him. Yugoslavia participated only to a limited extent in the EUREKA²⁴¹⁴ and expressed fair annoyance with this fact: “Beautiful speeches about the openness of its [EES – *Author’s note*] programs for our companies remained... on paper”²⁴¹⁵. Within the framework of the program, Yugoslav initiatives were often completely blocked, and the inclusion of the country in new projects was delayed. By the end of the 1990’s Yugoslavia, with the support of Germany, participated in only three EUREKA projects – on environmental protection through control over the troposphere, on the protection of coastal waters of European seas and on the correlation of the Yugoslav data transfer system (JUPAK²⁴¹⁶) with a similar European one. As reasons for this state of affairs, the Yugoslav side named not only economic, but also political prejudices.

The parties have repeatedly stressed the importance and necessity of close contact and systematic consultations for the development of cooperation and the solution of emerging difficulties and problems. For this purpose, meetings of the Council for Cooperation between the EEC and the SFRY were held annually; frequent guests in Belgrade were commissioners of the Commission of the European Communities. Meetings of delegations of the Federal Assembly of the SFRY and the European Parliament, which the Yugoslav side attached exceptionally high importance to, were held on a regular basis, involving an exchange of views on a wide range of issues.

One of the most important of these meetings took place in January 1984 in Strasbourg²⁴¹⁷ and dealt more with the political than with the economic agenda. Official representatives of the EEC positively assessed the foreign policy of the SFRY, drawing attention to the fact that the position of non-alignment “became an integral part of the Yugoslav nature and fully confirmed the justification of Yugoslavia’s orientation towards pursuing an active, independent and peaceful policy in the

²⁴¹⁴ European Research Coordination Agency.

²⁴¹⁵ Отвореност само на папиру // Политика. 11. јануар 1988. С. 2.

²⁴¹⁶ Југословенска пакетска комуникација.

²⁴¹⁷ Нови импулси сарадњи СФРЈ – ЕЗ // Политика. 13. јануар 1984. С. 2.

international arena”²⁴¹⁸, and Yugoslavia itself “made a huge contribution to the cause of peace”²⁴¹⁹. The Chairman of the Commission of the European Communities for Cooperation with Yugoslavia, Enzo Bettiza, emphasized that “Western countries and Yugoslavia share a common destiny, which should stimulate them to deepen mutual understanding”²⁴²⁰. For the Yugoslav leaders, such statements were of fundamental importance, since they demonstrated the readiness of the EEC to build cooperation with the SFRY on an equal footing and support it in its inclusion in the system of the international division of labor (IDL). No less important was the visit of the delegation of the Federal Assembly of the SFRY to Strasbourg in March 1989, during which the Yugoslav and European parliamentarians exchanged their vision of the situation in Kosovo and Slovenia²⁴²¹.

In 1984, the debt of the SFRY to foreign countries amounted to \$19 billion, of which 50% was accounted for by the countries of the EEC²⁴²². Yugoslavia was faced with the difficult task of reducing it by at least 3 billion before 1990. In accordance with the plan for the normalization of external liquidity, adopted in 1985 by the FEC of the SFRY, it was planned to place special emphasis on increasing Yugoslav exports to the EEC countries, as well as the inflow of foreign currency from these countries. This plan was amended by the entry into the EEC on January 1, 1986 of Spain and Portugal, for which there was a high level of unemployment, as a result of which the citizens of these states became natural competitors of Yugoslav migrants in the European labor market. The number of remittances from the EEC countries to the SFRY began to decrease, which led to another increase in the trade imbalance. In addition, the admission of Spain and Portugal to the EEC led to a drop in the attractiveness of the Yugoslav resorts among the citizens of the Community countries.

Naturally, earlier the Yugoslav side repeatedly expressed its concern about the admission of Spain and Portugal to the EEC to Western European partners, for which it received assurances that “it will not come to negative consequences, and, on the contrary, one can count on expanding the export market”²⁴²³. At the third meeting of the Council for Cooperation between the EEC and Yugoslavia, held in Luxembourg in June 1985, the SFRY delegation headed by R. Dizdarevic even raised the issue point-blank, demanding guarantees to increase trade volumes and expand the export regime in order to ensure long-term stability of relations between the Community and Belgrade²⁴²⁴. On June 19, 1985, as part of the meeting, a Protocol on financial cooperation between the EEC and the SFRY was signed for a period of five years, according to which the European Investment Bank (EIB) undertook to provide

²⁴¹⁸ Признање југословенској спољној политици // Политика. 19. јануар 1984. С. 4.

²⁴¹⁹ Ibid.

²⁴²⁰ Ibid.

²⁴²¹ Истина се пробија // Ibid. 26. март 1989. С. 1.

²⁴²² Adamović L. S. Op. cit. S. 57.

²⁴²³ Југославија очекује бољу сарадњу са ЕЗ // Политика. 16. јул 1985. С. 2.

²⁴²⁴ Ibid.

Yugoslavia with a loan in the amount of 380 million ECU (about \$300 million)²⁴²⁵, which was a compromise solution.

However, the problem only worsened: in 1986, the Yugoslav trade deficit in relations with the EEC amounted to \$1 billion 261 million, or 87% of the total trade deficit of the SFRY²⁴²⁶. The share of Yugoslav products in the total imports of the EEC was only 0.4%²⁴²⁷, with 70% sent to the markets of Germany and Italy, another 10% to France, and the remaining 20% were distributed among the remaining nine members of the EEC²⁴²⁸. At the same time, the EEC countries accounted for 2/3 of all Yugoslav debts. The Yugoslav side saw the main reasons for this state of affairs in the unfair export regime of the EEC: about 50% of the exports of the SFRY were covered by various restrictive measures, first of all, this concerned agricultural goods and textiles. In 1987, agricultural products accounted for only 11% of all goods exported from Yugoslavia to the EEC²⁴²⁹, and favorable conditions extended only to the export of wine and, to a limited extent, veal.

In July 1987, the trade protocol to the Agreement of 1980 and the Protocol on financial cooperation until 1991 were updated²⁴³⁰. In accordance with the agreement, the EEC undertook to provide a place for Yugoslav companies in its market, but only if the quality of Yugoslav products improved²⁴³¹. Thus, the Community has agreed to loosen tariff ceilings for imports of 34 sensitive goods, including car tires and trailers, electric motors and generators, textiles, etc.; until 1993, it abolished customs duties on Yugoslav wines and increased the quantitative limit on their imports to 546 hectoliters²⁴³². At the same time, some Yugoslav demands, for example, regarding the increase in the volume of exports of veal, were not satisfied.

In terms of finance, the Council of Ministers of the EEC decided to lend Yugoslavia for \$640 million from the EIB funds for the construction of new and reconstruction of existing highways and railways²⁴³³, which was in the interests of both parties. In general, however, it became more and more difficult for the Yugoslav leadership to seek the allocation of funds: their inefficient spending by the SFRY made the FRG and Great Britain, as the wealthiest members of the EEC, doubt the advisability of their further allocation to Belgrade. The EEC also disapproved on principle of loans to Yugoslavia directly from its own budget.

²⁴²⁵ It should be noted attention that according to the previous protocol for the period from 1980 to 1985 the EIB financed Yugoslavia for a substantially smaller amount of 200 million ECU; Повећани кредити Југославији // Политика. 20 јун. 1985. С. 2.

²⁴²⁶ Yugoslavia exported goods worth \$2.6 million, and imported – \$3.8 billion; Шта смо сад добили од ЕЗ // Ibid. 30. мај 1987. С. 4.

²⁴²⁷ Више простора за наш извоз // Ibid. 12. јул 1987. С. 2.

²⁴²⁸ Ibid.

²⁴²⁹ Ibid.

²⁴³⁰ Нова етапа са ЕЗ // Ibid. 13. јул 1987. С. 2.; Both documents were ratified by the Federal Assembly of the SFRY on December 30, 1987.

²⁴³¹ Више простора за наш извоз // Ibid. 12. јул 1987. С. 2.

²⁴³² Више степен брзине са ЕЗ // Ibid. 27. јун 1987. С. 4.

²⁴³³ Нова етапа са ЕЗ // Ibid. 13. јул 1987. С. 2.

At the same time, a green light was given to Yugoslavia's access to Community technologies and the development of leading modern industries in Yugoslav industry, especially those that would complement similar EEC industries. All together allowed Yugoslavia to interpret what was happening as "the beginning of a new phase in relations with the EEC"²⁴³⁴.

It is worth paying attention to the fact that relations between the SFRY and the EEC cannot be viewed solely through the prism of the economic dimension – they also had obvious political overtones. Thus, the status of Yugoslavia, which defined itself as a "non-aligned", "developing", "Mediterranean" and only then "European" country, was quite sensitive, despite the reverse assurances, for the Western European countries. In addition, some of the bilateral agreements could raise the topic of human rights and their respect in Yugoslavia, which caused a quiet protest from the latter. At a meeting with Jacques Delors, the Chairman of the Commission of the European Communities, who paid an official visit to Belgrade in July 1987²⁴³⁵, Chairman of the Presidium L. Moisev focused on the need to "overcome ideological contradictions and prejudices in the name of creating new prospects for cooperation and progress, for the benefit of all states"²⁴³⁶. Delors then noted that "the EEC has the political will to strengthen cooperation with Yugoslavia"²⁴³⁷.

In January 1988, the European Parliament considered a draft resolution on economic and trade relations between the EEC and the SFR Yugoslavia, which provoked lively debate²⁴³⁸. Most of the deputies participating in them spoke in support of the resolution, expressing understanding both regarding the special status of Yugoslavia as a non-aligned, Mediterranean and European country, and regarding the needs of its economy in a threatening situation. Thus, the Italian communist Giorgio Roseti noted that despite all the difficulties, the Yugoslav authorities "are aimed at correcting the situation", and therefore the EEC cannot remain idle, because it is in its interests to "avoid disorder in the Balkans"²⁴³⁹. On the other hand, a deputy from Germany, a member of the Christian Democratic Union (CDU), Hans Dirgen Zahorka, drew the attention of those present to the fact that the resolution of internal problems depends solely on the Yugoslavs themselves and the SFRY in matters on the issue of Western European integration cannot count on the status of a developing country. He also noted that "one should not entertain illusions that there is new money in the hand extended to Yugoslavia"²⁴⁴⁰. All this indicates the heterogeneity and in some cases even the polarity of views on the future of relations between the EEC and the SFRY within the Community itself.

In December 1988, in Brussels, simultaneously with the regular meeting of the EEC – SFRY Cooperation Council, the first series of official purely political consultations between the EEC,

²⁴³⁴ Нова етапа са ЕЗ // Политика. 13. јул 1987. С. 2.

²⁴³⁵ Приоритет сарадњи са ЕЗ // Ibid. 25. јул 1987. С. 2.

²⁴³⁶ Ibid.

²⁴³⁷ Ibid.

²⁴³⁸ ЕЗ жели јаку Југославију // Ibid. 21. јануар 1988. С. 1.

²⁴³⁹ Ibid.

²⁴⁴⁰ Ibid.

represented by the Council of Ministers, and Yugoslavia took place. Until that moment, the political format of relations between the EEC and the SFRY had never existed. Yugoslav diplomacy, headed by B. Loncar, believed that “the moment has come when the European Community, with greater understanding than in some relatively recent cases, will consider and accept the specific situation and problems of Yugoslavia...”²⁴⁴¹. “We must continue to spread the understanding that it is precisely this European, Mediterranean and non-aligned Yugoslavia that corresponds to the greatest interest of our entire continent and Western Europe... In this sense, we must influence that the non-aligned Yugoslavia is perceived in the West not as a kind of cargo or cause of confrontation, but as an opportunity for new incentives and wide openness”²⁴⁴², Loncar said on the eve of his trip to Brussels.

The Brussels talks between B. Loncar and the Chairman of the Council of Ministers of the EEC Karolos Papoulias touched upon a number of political issues, including the non-aligned position of Yugoslavia, a promising dialogue between the EEC and the Non-Aligned Movement, the problems of southern Europe and the Mediterranean, the aggravation of relations between Yugoslavia and Greece, Yugoslavia and Australia, etc. Their result was the recognition of the specific position of Yugoslavia and its role in reducing tensions on the European continent, which Loncar sought: “We want the greatest possible, constant and rich cooperation with the EEC, but at the same time we can and must remain special”²⁴⁴³.

The Community Council of Ministers also publicly supported the Yugoslav reform and the efforts of the Yugoslav government to overcome the crisis. B. Loncar assessed the importance of closer cooperation stemming from this EEC decision as follows: “In the long-term historical projection, as far as I can foresee, we are facing to some extent the same key problem: the EEC is the problem of not becoming a fortress, surrounded by high walls...; Yugoslavia is faced with the problem of not being pushed to the sidelines of European economic, technological integration processes, thereby becoming condemned to irreparable stagnation in its overall development... Long-term family interests grow out of this historical, but also political field of vision. They are about being open. So that you are open to Europe, which expects this of you, and we to you, to the European Community...”²⁴⁴⁴.

At the same time, the Federal Secretary of Foreign Affairs of the SFRY and the European Commissioner for Mediterranean Policy and the Development of Integration between the North and the South, Claude Chesson, signed an agreement on technological and scientific cooperation between the EEC and Yugoslavia, and for the Community it was the first such agreement concluded with a non-member country. Its main feature was “providing the legal and economic basis for bilateral

²⁴⁴¹ Починье политички дијалог Југославије и ЕЗ // Политика. 19. децембар 1988. С. 1.

²⁴⁴² Ibid.

²⁴⁴³ Односи Југославије са ЕЗ никад нису били ближи // Ibid. 21. децембар 1988. С. 3.

²⁴⁴⁴ Лончар: Одлучни смо да отворимо нашу привреду према Европи и свету // Ibid. 20. децембар 1988. С. 1.

incentives in the search for opportunities to strengthen technological cooperation”²⁴⁴⁵. At a meeting with Loncar, the head of the Commission of the European Communities, J. Delors, focused on the issues of Yugoslavia’s accession to the processes of export standardization and environmental protection.

One can say that the contacts between the EEC and the SFRY have never before been distinguished by such a degree of openness and readiness for further rapprochement and deepening of cooperation. At the same time, the overall positive outcome of the consultations did not solve all the problems of bilateral relations, among which, from Belgrade’s point of view, the most sensitive were the application of anti-dumping measures against a number of Yugoslav enterprises, trade imbalance and the visa policy of the EEC.

In March 1989, the new union government of A. Markovic began a large-scale economic reform, which was aimed at gradually transforming the self-governing model of the Yugoslav economy into a market model along the Western model and its convergence with the EEC. The prospects for the creation of a single economic, political, social and cultural space of the Western European countries, planned for 1992, threatened Belgrade with a number of new problems and prompted more active changes in the internal economic and internal political reality. The question naturally arose of what place the SFRY could take in relations with a united Western Europe: the country could not remain outside the process, since it was of significant importance both for its internal development and for its position in Europe and the Mediterranean.

In the views of B. Loncar, who was one of the most active supporters of European integration in the leadership of the SFRY, Europe after 1992 was thought of as “a large urbanized village, in which there are buildings of various sizes”²⁴⁴⁶. The largest building would be “the building of the European Community, and the keys to its gates, which is logical, would have only members of his family”²⁴⁴⁷. Yugoslavia’s strategy under these conditions was to, as a Mediterranean country, obtain a special status in relations with the Community and, as a result, expand financial cooperation, “awaken the interest of the EU in the construction of infrastructure”²⁴⁴⁸, accede to all Community conventions, deepen cooperation with the European Parliament and join EFTA. Yugoslavia’s tactics towards achieving these goals should have included the creation of a single market and the conversion of the dinar, the modernization of industry, the transition to political pluralism, the liberalization of relations with the outside world, the rejuvenation of diplomatic personnel, etc.

According to the director of the Institute of Economic Sciences in Belgrade and at the same time the head of the Consortium of Yugoslav Economic Institutions, who was preparing an ambitious study

²⁴⁴⁵ Лончар: Одлучни смо да отворимо нашу привреду према Европи и свету // Политика. 20. децембар 1988. С. 1.

²⁴⁴⁶ Пуним једрима у европска кретања // Ibid. 15. фебруар 1989. С. 2.

²⁴⁴⁷ Ibid.

²⁴⁴⁸ Ibid.

“Inclusion of Yugoslavia in structural and institutional changes in Europe”, Professor Tomislav Popovic, Yugoslavia could become part of a single Western European space only by providing for it three conditions on the part of the EEC: 1) liberalization of the labor market, including the free circulation of labor and equal rights for all to employment in the Community countries; 2) liberalization of the capital market; 3) liberalization of the technology market²⁴⁴⁹. The SFRY itself, first of all, had to take care of increasing the competitiveness of enterprises, labor efficiency and the quality of goods. Popovic saw obstacles to Yugoslavia’s rapprochement with the Community not only in the multi-party system of its members (in contrast to the SFRY) or in the fact that the vast majority of them are members of NATO, but also in “serious differences in value systems”²⁴⁵⁰, by which he understood the objective difference between the industrial Western European society and the developing Yugoslav one.

In 1989, B. Loncar openly and directly announced the intention of the SFRY to receive the status of an associated member of the Community²⁴⁵¹. On the part of the EEC, this statement caused a restrained and concerned reaction, since it was objectively not ready to accept new members, especially in the face of a problematic and unstable Yugoslavia. Concrete financial assistance to Belgrade was promised only in return for political and economic reforms – the formation of a pluralistic atmosphere in society, a multi-party system, the privatization of state property, the liberalization of domestic and foreign trade, the “globalization” of the Yugoslav economy, etc. However, the credibility of the Yugoslav government over the past decade so exhausted itself that the European community did not believe Markovic’s assurances of the prospects for successful implementation of the reform, which ultimately contributed to the manifestation of greater rigidity and impatience of the EEC in relation to Yugoslavia.

The economic reform of A. Markovic could not be crowned with success, not only because it was forced by the EEC, but also because of the resistance that it caused on the ground. Thus, S. Milosevic believed that too close cooperation between the government of A. Markovic and the EEC was a preparation for the secession of Croatia and Slovenia and their entry into the European Community. It also aroused similar distrust in Croatia and Slovenia, which were more concerned with the creation of nation-states than with European integration. Thus, the reform exacerbated the distrust of the republican governments to each other and brought Yugoslavia closer to civil war²⁴⁵².

On January 17, 1990, the Federal Assembly adopted the strategic Declaration on European Integration, which caused widespread controversy²⁴⁵³, and on May 8, speaking in PACE, J. Drnovsek quite presumptuously, given the increasingly aggravated situation inside the country, stated that

²⁴⁴⁹ Како закорачити у Европу // Политика. 14. јун 1989. С. 10.

²⁴⁵⁰ Ibid.

²⁴⁵¹ *Никић С.* Југославија жели да се “придружи” // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989. С. 31.

²⁴⁵² *Entina E. G.* Degree. op. P. 135.

²⁴⁵³ Интеграција у Европу – суштинско питање опстанка партије // Политика. 23. јануар 1990. С. 2.

Yugoslavia “through the current pace of economic and political changes within two – three years will provide the conditions that will allow it to claim full membership in the European Community”²⁴⁵⁴. It is worth noting that even simple Yugoslavs no longer believed such overly optimistic assurances.

On the issue of disintegration processes and the aggravation of the situation in the SFRY, the EEC expressed serious concern, since it saw them as a threat to the stability and well-being of the continent. In the first half of 1991 alone, this issue was discussed separately at no less than five meetings of the European Parliament²⁴⁵⁵. The outcome of the meeting on March 14-15, 1991 was an expression of readiness, by signing a new, third financial protocol and starting negotiations on associate membership, to help “such a united Yugoslavia, in which, through respect for human rights, positive democratic solutions to the current crisis would be found”²⁴⁵⁶.

The resolution on the situation in Yugoslavia²⁴⁵⁷, containing the above approach, was signed by deputies from all European parties²⁴⁵⁸, except for the extreme right, the Conservative Party of Great Britain and the Italian Federation of Greens “Rainbow”. It also contained a special section on Kosovo, which noted that resolving the crisis with the use of armed forces would cause significant harm to relations between the SFRY and the EEC. The peoples of Yugoslavia were urged to abandon “hardly reconciled ethnic and national demands”²⁴⁵⁹, since their nomination was contrary to the future of a united Europe, and the republic – to respect for the recognized international and internal borders of the SFRY.

Thus, the parliamentary majority supported the unity and territorial integrity of Yugoslavia, while individual MEPs spoke very radically about the federation in general and about Serbia in particular. For example, the representative of the CDU of the FRG, Gisela Pak, said that “the Serbs want to dominate most of the country”²⁴⁶⁰, and the deputy from the German extreme right, Franz Schönhuber, asked the leftists why they want to keep “this deceitful country in the Balkans”²⁴⁶¹ etc. There were distinct voices in support of the independence of Slovenia and Croatia, but most of the European deputies believed that it was “premature, if not dangerous” to encourage separatist forces in the republics²⁴⁶², and any actions towards their possible recognition by the Community and its individual

²⁴⁵⁴ Говор Јанеза Дрновшека у Парламентарној скупштини Савета Европе. Место Југославије у Европи будућности // Политика. 9. мај 1990. С. 2.

²⁴⁵⁵ *Viola Donatella M.* European Foreign Policy and the European Parliament in the 1990s. An Investigation into the Role and Voting Behavior of the European Parliament’s Political Groups. London, New York, 2019. P. 315.

²⁴⁵⁶ Осуда сваког сепаратизма // Политика. 15. март 1991. С. 1.

²⁴⁵⁷ Resolution on the situation in Yugoslavia, 15.03.1991 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1660748888435&uri=CELEX%3A51991IP0395> (Accessed: 17.08.2022).

²⁴⁵⁸ Socialist, Communist, Liberal, Green, European Democratic Republicans (Degolists) and Christian Democrats.

²⁴⁵⁹ Cit. on: Осуда сваког сепаратизма // Политика. 15. март 1991. С. 1.

²⁴⁶⁰ Европа гласа за Југославију // Ibid. 15. март 1991. С. 1.

²⁴⁶¹ Ibid. С. 2.

²⁴⁶² Опасно признавање појединих република // Ibid. 20. април 1991. С. 2.

members can “only increase the risk of the collapse of the country”²⁴⁶³. At the same time, all subsequent negotiations with Yugoslavia, in their opinion, should have been carried out exclusively in close conjunction with the issues of democratization of the state and ensuring human rights in Kosovo.

In May, J. Delors²⁴⁶⁴, who already at the beginning of June presented a detailed report on the state of affairs in the country at the meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the EEC member countries that took place in Dresden²⁴⁶⁵. The essence of the report was that Yugoslavia found itself in a threatening situation, from which it must find a way out on its own. Delors also informed the participants of the meeting that A. Markovic asked him to provide the Yugoslav government with additional assistance in the amount of \$4-5 billion²⁴⁶⁶.

Following the meeting, the Ministers of Foreign Affairs of the member countries of the Community spoke out in support of the unity and territorial integrity of the SFRY, but warned Belgrade that it would lose international support if it came to the collapse of the country. In addition, four conditions were put forward for Yugoslavia to receive further financial assistance: 1) the need to adhere to the constitution, which also meant the traditional rotation in government; 2) the need to respect human rights and the rights of national minorities; 3) the need for a democratic dialogue that “should not be subject to bargaining”; 4) the need to continue economic reform²⁴⁶⁷.

On June 24, 1991, the day before the unilateral declaration of independence by Slovenia and Croatia, the third financial protocol was signed between the SFRY and the EEC for a period of five years²⁴⁶⁸. The total amount provided by it to Yugoslavia was 807 million ECU (\$910 million), of which 580 million ECU was a loan from the EIB for the construction of transport infrastructure, another 150 million for projects in the field of industry, environmental protection, telecommunications and energy. The remaining 77 million ECU intended for the bonification of interest, the EEC for the first time allocated from its own budget on a gratuitous basis²⁴⁶⁹. In fact, this event was the final one in more than thirty years of relations between the EEC and the “second Yugoslavia”.

The deepening and expansion of cooperation with EFTA was seen by Belgrade as an important step towards integration into the EEC and therefore had a somewhat lesser strategic importance in comparison with relations with the Community. Yugoslavia was the only country outside the European Community with which EFTA had institutional relations, however, real steps towards strengthening ties with the Association of the SFRY began to be taken no earlier than 1988, when its leadership declared joining the organization as a promising goal.

The advantages of the SFRY in relations with EFTA were based on the preferential treatment of

²⁴⁶³ Опасно признавање појединих република // Политика. 20. април 1991. С. 2.

²⁴⁶⁴ Европа за јединствену и демократску Југославију // Ibid. 4. јул 1991. С. 1.

²⁴⁶⁵ ЕЗ условила помоћ Југославији // Ibid. 5. јун 1991. С. 2.

²⁴⁶⁶ Ibid.

²⁴⁶⁷ Ibid.

²⁴⁶⁸ Велики кредит Југославији // Ibid. 25. јун 1991. С. 1.

²⁴⁶⁹ Ibid.

the GATT. It is also important to focus on the political aspect of the SFRY – EFTA partnership: four of the six member countries of the organization were European neutral countries with which Yugoslavia closely cooperated within the group of non-aligned and neutral CSCE countries.

Economic cooperation between Yugoslavia and EFTA was coordinated by a special mixed committee established in 1978, whose task was to increase the volume of trade between the SFRY and members of the Association – Austria, Iceland, Norway, Portugal (until 1986), Switzerland, Sweden, Finland – as well as the intensification of ties in the areas of transport, tourism and industry. As of September 1983, for example, the trade turnover between Yugoslavia and the Association was \$942 million and was characterized by a Yugoslav deficit of \$272 million²⁴⁷⁰. At the same time, Austria, Switzerland and Sweden accounted for 90% of the SFRY trade with the EFTA²⁴⁷¹. The described situation persisted throughout the 1980's, while the amount of Yugoslavia's trade deficit fluctuated up or down, but the very fact of its presence was unchanged.

An important milestone in the development of relations was the signing on June 3, 1983 in Norwegian Bergen of the Declaration on the development of economic cooperation between EFTA and the SFRY, in which the members of the Association expressed support for the Yugoslav economic stabilization program. The declaration also stated the need to strengthen cooperation in the fields of industry, technology, tourism, transport and investment in Yugoslav enterprises in order to jointly enter the markets of developing countries with which Yugoslavia had friendly relations. Further cooperation between Yugoslavia and EFTA was based precisely on the Bergen Declaration.

EFTA recognized the status of a significant partner for Yugoslavia and treated the economic crisis in the country with understanding and delicacy, but, at the same time, could not pay increased attention to relations with it – the main task of the Association in the second half of the 1980's there was a deepening of interaction with the EEC on the way to the formation of a common European market. Nevertheless, on December 12, 1989, EFTA, at the initiative of Switzerland, in order to support market economic reform, established a special Fund for the Development of Yugoslavia with a capital of more than \$100 million²⁴⁷², with which it was planned to lend to Yugoslav small and medium-sized enterprises. In Belgrade, this decision was perceived as “great moral and political support”²⁴⁷³. In addition, EFTA Secretary General Georg Reisch, who visited the capital of the SFRY in September of the same year, promised Yugoslavia additional assistance in developing marketing, improving the quality of goods and technical production standards, which were supposed to increase the competitiveness of Yugoslav enterprises²⁴⁷⁴.

At the next annual, thirteenth in a row, meeting of the joint committee of the SFRY – EFTA on

²⁴⁷⁰ Privredna saradnja Jugoslavija – EFTA // Međunarodna politika. 1983. Br. 808, God. XXXIV. S. 16.

²⁴⁷¹ Велики кредит Југославији // Политика. 25. јун 1991. С. 1.

²⁴⁷² ЕФТА основала Фонд за Југославију // Ibid. 13. децембар 1989. С. 2.

²⁴⁷³ Приближавање Европи // Ibid. 14. децембар 1989. С. 5.

²⁴⁷⁴ Проширење сарадње са ЕФТА // Ibid. 16. септембар 1989. С. 11.

February 20-21, 1990 in Belgrade, the EFTA delegation headed by the chairman of the Council of Ministers Anita Gradin expressed full support for the economic and political course taken by the government of A. Markovic²⁴⁷⁵. “Economic and political reforms in Yugoslavia are the main platform for cooperation between Yugoslavia and the EFTA member countries, especially in economic and social areas – tourism, scientific research, transport”²⁴⁷⁶, Gradin noted. The meeting itself, which took place in the context of large-scale changes both in Yugoslavia and in Europe, in the opinion of the Yugoslav side, should have opened a new, more intense chapter in the history of cooperation between the SFRY and EFTA. Long-term consultations of the members of the EFTA delegation with the heads of Yugoslav enterprises and firms, on the whole, confirmed the readiness of both sides for concrete actions in this direction.

On November 12-13, 1990, negotiations began on concluding an agreement on the entry of Yugoslavia into the EFTA, which, according to the calculations of the parties, should have been completed by the end of 1991²⁴⁷⁷. Answering on the eve of their start to the question of journalists about with whom negotiations will be conducted – with Yugoslavia as a single state or with its separate parts – G. Reisch very clearly and categorically answered that only with Yugoslavia, moreover, whether it be federal or confederate – “is not his business”²⁴⁷⁸.

On February 28, 1991, a meeting of the SFRY – EFTA cooperation committee ended in Geneva, the main subject of which was the future free trade zone agreement between Yugoslavia and the Association. The fundamental importance of this meeting was to confirm the EFTA of its already previously stated position on the events taking place in Yugoslavia, which consists in the readiness to negotiate only with a single SFRY and support for a peaceful, democratic and civilized resolution of its internal conflict. At the same time, EFTA’s uncertainty about the future of Yugoslavia was expressed at least in the absence of any specific agreements following the meeting. In fact, already in March, the negotiation process between EFTA and the SFRY was frozen: it became pointless to continue consultations in the conditions of the collapse of the country.

So, in the 1980’s the SFRY saw a vital need for closer cooperation with European integration associations, primarily with the EEC. At the same time, the main motivation for being included in the integration processes on the continent was the desire to take a stronger and more confident position in the future alignment of forces in Europe, as well as to enlist tangible economic and political support in leading the country out of a protracted crisis, which would guarantee the preservation of its unity and territorial integrity. The main conductors of the updated strategy of Yugoslavia in relation to the EEC and EFTA were the federal leadership represented by A. Markovic and B. Loncar, supporters of the

²⁴⁷⁵ Заседање Комитета ЕФТА – Југославија // Политика. 21. фебруар 1990. С. 2.

²⁴⁷⁶ Добра веза са Европом // Ibid. 22. фебруар 1990. С. 2.

²⁴⁷⁷ Пуно поверење у јединствену Југославију // Ibid. 31. октобар 1990. С. 2.

²⁴⁷⁸ Ibid.

concept of a “single European home”. At the same time, the course towards rapprochement between Yugoslavia and the European Community aroused the resistance of the republican authorities, since it threatened their plans to create independent nation-states. Ultimately, the EEC turned out to be powerless in the face of intra-Yugoslav conflicts and conflicts of interest within its own ranks.

CONCLUSION

The study conducted by the author allowed to come to the following generalizations and conclusions.

The internal political situation that developed in Yugoslavia in 1980-1991 had a direct impact on its foreign policy. The systemic crisis did not allow Belgrade, as in past decades, to position itself as one of the world's political poles of power. The deep economic crisis, the galloping growth of separatist tendencies and the popularity of nationalist ideas led to an inevitable decline in the prestige of the country, doubts about its future and sustainable development in the world community. The inefficient and clumsy mechanism of the collective head of state raised the question of the correctness of the chosen path and the viability of the state political system. Albanian unrest in Kosovo, the activation of Islamists in Bosnia and Herzegovina, as well as Croatian, Slovenian and Serbian nationalists undermined the security of not only the SFRY, but also the Balkan region in principle.

The foreign policy of the SFRY in the period from 1980 to 1991 was not static and naturally reacted to the changes that took place in the world political arena. In the first half of the 1980's it continued to maintain the traditional vector of development inherited from J. Broz Tito, when its basis was the policy of non-alignment. In this capacity, it satisfied both world superpowers. In the second half of the 1980's its pro-Western orientation began to intensify more and more, which was due to a combination of objective and subjective reasons, including the collapse of the socialist bloc, the fall of the authority of the Non-Aligned Movement, the ever-deepening internal political and economic crisis, the deepening of integration processes on the European continent, dependence on Western creditors, as well as the personal convictions and sympathies of the Yugoslav leaders, in particular, A. Markovic and B. Loncar.

Despite the official assurances of the federal leadership in adherence to the Tito legacy in foreign policy and the policy of equidistance, in the second half of the 1980's the diplomatic course of the country began to undergo an increasing tilt towards the West. It was the Western, or rather, the Western European direction that became the highest priority in Yugoslav diplomacy. This was facilitated, first of all, by the economic assistance provided by the EEC to the SFRY, and political and ideological contradictions receded into the background. The second most important direction of Yugoslav foreign policy in the period under review was the country's participation in the Non-Aligned Movement, which became more and more formal and conditional. The third one was the Balkan direction, which played a special role in ensuring the strategic security of the SFRY. Only the next most important vector of Yugoslav diplomacy was the preservation of benevolent and loyal relations with the USSR, non-Balkan members of the socialist camp, China and the United States.

Relations of Yugoslavia with the USSR in 1980-1991 were controversial, but mostly neutral. In the early 1980's the SFRY was still afraid of the military intervention of the Soviet Union, and also

tried to find its trace in the events of 1981 in Kosovo. The Yugoslav leadership was particularly concerned about Moscow's possible support for the "Great Bulgarian" aspirations. Unequivocal criticism from Belgrade was caused by the entry of Soviet troops into Afghanistan, support for the regime of V. Jaruzelski in Poland, the crash of the Korean Boeing 747 over Sakhalin, as well as other actions of the Soviet Union. At the same time, political and ideological contradictions in no way affected the quality and volume of economic cooperation between the two countries. In the 1980's the USSR continued to be the main economic partner of Yugoslavia, which accounted for more than half of Yugoslav exports. It was in the opening of the Soviet market for Yugoslav products that Moscow's main assistance to Belgrade in overcoming its economic problems consisted. With the coming to power in the USSR of M. S. Gorbachev, there was an all-round thaw in relations between the countries, which, however, did not lead to their real intensification.

Belgrade's relations with the socialist countries of Eastern Europe, with some exceptions, can be described as positive. The relations of the SFRY with Romania and Hungary, which are neighboring states for it, were distinguished by high intensity. With the GDR and Czechoslovakia, as with countries more developed in economic and other respects, relations developed on the principle of business partnership and faced some difficulties in the field of trade cooperation. Bilateral contacts with Poland were limited due to the internal political transformations that the latter faced. Relations with Bulgaria have retained their conflict potential associated with the issue of the status of the Macedonian nation and the Macedonian language.

Yugoslavia's relations with Albania were directly dependent on the internal situation in the SFRY, and specifically in Kosovo. Tirana's support for the separatist aspirations of the Kosovo Albanians, an active anti-Yugoslav information campaign in Albania, and anti-Albanian rhetoric similar in principle in Yugoslavia contributed to a multiple escalation in relations between the two countries in the 1980's. At the same time, the ethnic Albanians living in Yugoslavia did not become a connecting bridge between neighboring countries, which both the Yugoslav leaders and the leaders of other Balkan states, interested in the stable development of the region, hoped for a long time.

Yugoslav-Chinese relations in the 1980's were marked by dynamics and a higher level of political, party and economic contacts compared to previous decades. In general, they were characterized by real equality and mutual respect. China refrained from interfering in internal Yugoslav affairs and provided all possible financial assistance to Belgrade, strengthening its economic presence in the region. However, by the end of the 1980's China, like other participants in international relations, has lost interest in maintaining the political stability and territorial integrity of Yugoslavia, which was also a competitor for it in the "third world" countries.

The non-aligned movement and its principles remained the basis on which the entire foreign policy of Yugoslavia was based, therefore, an objective decrease in its role in world politics could not

lead to a revision of the significance of non-alignment in Belgrade's diplomacy. The SFRY continued to be an active participant in the organization, initiating and supporting its modernization. The real contribution of Yugoslavia to the development of the movement became more and more nominal. We can say that in the 1980's the SFRY and the Non-Aligned Movement experienced a simultaneous and interdependent crisis of foreign policy influence.

Relations with the countries of the "third world" for Yugoslavia seemed especially important in the context of its struggle against imperialism, colonialism and neo-colonialism. However, their significance should not be exaggerated: as the internal political situation in Yugoslavia and some of these countries deteriorated, as well as as a result of the futility and fruitlessness of efforts to intensify trade and financial ties, Belgrade's interest in maintaining contacts with them fell.

Bilateral contacts between Yugoslavia and the United States in 1980-1991 also experienced a period of stagnation. In the early 1980's Yugoslavia continued to play an important role in US strategic planning, which aimed to prevent the growth of Soviet influence both in Europe and in the developing world. Under these conditions, Yugoslavia acted as a kind of magnet, attracting potential allies of Moscow. However, as the Eastern bloc collapsed, the existence of a socialist country in the heart of Europe, from the point of view of the United States, became more and more unjustified and unprofitable. By the end of the 1980's the SFRY appeared in the eyes of the United States as a remnant of the Cold War, which had no place in the future unipolar world. Related to this is the increasingly demanding economic policy of the United States towards the SFRY, as well as repeated refusals to provide it with financial assistance. At the same time, Yugoslav-American relations in the decade under review can be characterized on the whole as consistently benevolent.

The SFRY had friendly relations with other Western states, and bilateral contacts with Austria, Italy, France and the FRG were of particular importance for it. These countries were important economic partners of Yugoslavia, as well as the main places of labor emigration of Yugoslav workers, which did not deprive the overall positive potential of their relations of problem areas and contradictions. Such contradictions include the anti-Yugoslav activities of the Yugoslav (mainly Croatian and Albanian) emigration, the problem of the rights of Yugoslav migrants, and the tacit support by some Western countries of the separatist aspirations of Slovenia and Croatia.

Belgrade's relations with European integration associations, the EEC and EFTA, could not be called equal: Yugoslav products not only could not compete in the European market, but were completely undesirable on it. The main subject of relations between the SFRY and the EEC and EFTA was the issues of lending to the Yugoslav economy, the situation of Yugoslav migrants in Western Europe and cooperation in the field of transport routes. At the same time, Belgrade's desire to take a stronger and more confident position in the future alignment of forces in Europe, as well as enlist tangible economic and political support in leading the country out of a protracted crisis, which would

guarantee the preservation of its unity and territorial integrity, was the motivation for inclusion in the integration processes on the continent. .

So, the foreign policy of the SFRY in the last decade of its existence was distinguished by multidirectional trends. On the one hand, the Yugoslav leadership tried to continue the Titoite foreign policy course, while avoiding making significant adjustments and changes to it. On the other hand, these aspirations of the Presidium and the FEC of the SFRY did not correspond to the emerging political situation, when the world entered the final stage of the Cold War and demanded that Yugoslavia change its diplomatic approaches. Under these conditions, the SFRY, which seemed to the leaders of world development to be a relic of bloc confrontation, was losing the rationale for its existence. The interest of the leading world powers in Yugoslavia was falling just as irresistibly as the international prestige of the post-Tito's SFRY.

LIST OF ABBREVIATIONS AND ACRONYMS

ANC – African National Congress
AWP – Albanian Workers’ Party
B&H – Bosnia and Herzegovina
BCP – Bulgarian Communist Party
CC – Central Committee
CDU – Christian Democratic Union of Germany
CFE – Treaty on Conventional Armed Forces in Europe
CIA – Central Intelligence Agency
CMEA, COMECON – Council for Mutual Economic Assistance
CoE – Council of Europe
CPC – Communist Party of Czechoslovakia
CPC – Communist Party of China
CPSU – Communist Party of the Soviet Union
CSSR – Czechoslovak Socialist Republic
DPRK – Democratic People’s Republic of Korea
EEC – European Economic Community
EFTA – European Free Trade Association
EIB – European Investment Bank
EUREKA – European Research Coordination Agency
Fatah – Palestinian National Liberation Movement
FEC – Federal Executive Council
FED – Federal Reserve System
FPÖ – Freedom Party of Austria
FRELIMO – Mozambique Liberation Front
FRG – Federal Republic of Germany
FRY – Federal Republic of Yugoslavia
FSN – National Salvation Front
GATT – General Agreement on Tariffs and Trade
GDR – German Democratic Republic
GSTP – General Support Technology Programme
HDZ – Croatian Democratic Union
HPR – Hungarian People’s Republic
HSWP – Hungarian Socialist Workers’ Party

IMF – International Monetary Fund
INF Treaty – Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty
LCY – League of Communists of Yugoslavia
MFA of the USSR – Ministry of Foreign Affairs of the Soviet Union
MPLA – People’s Movement for the Liberation of Angola – Labour Party
MPR – Mongolian People’s Republic
NAM – Non-Aligned Movement
NATO – North Atlantic Treaty Organization
NDH – Independent State of Croatia
NIDL – New international division of labour
NIEO – New International Economic Order
OECD – Organisation for Economic Co-operation and Development
OPIC – Overseas Private Investment Corporation
OSCE – Organization for Security and Co-operation in Europe
ÖVP – Austrian People’s Party
PAC – Pan Africanist Congress of Azania
PACE – Parliamentary Assembly of the Council of Europe
PASOK – Panhellenic Socialist Movement
PCC – Communist Party of Cuba
PCI –Italian Communist Party
PCPE – Communist Party of the Peoples of Spain
PLA – People’s Liberation Army
PLO – Palestine Liberation Organization
PRB – People’s Republic of Bulgaria
PRC – People’s Republic of China
PRL – Polish People’s Republic
PSI – Italian Socialist Party
PSRA – People’s Socialist Republic of Albania
PUWP – Polish United Workers’ Party
RCP – Romanian Communist Party
ROC – Russian Orthodox Church
RSA –Republic of South Africa
RSFSR – Russian Soviet Federative Socialist Republic
SADR – Sahrawi Arab Democratic Republic
SANU – Serbian Academy of Sciences and Arts

SAP – Socialist Autonomous Province
SDA – Party of Democratic Action
SDP in the GDR – Social Democratic Party of East Germany
SDS – Serb Democratic Party
SED – Socialist Unity Party of Germany
SFRY – Socialist Federal Republic of Yugoslavia
SOC – Serbian Orthodox Church
SR – Social Republic
SRR – Socialist Republic of Romania
SRV – Socialist Republic of Vietnam
SS of the USSR – Supreme Soviet of the Union of Soviet Socialist Republics
S/SAP – Swedish Social Democratic Party (S/SAP)
START I – Strategic Arms Reduction Treaty
SWAPO – South West Africa People’s Organisation
UN – United Nations
UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
UNGA – The United Nations General Assembly
UNSC – United Nations Security Council
USA – United States of America
USSR – Union of Soviet Socialist Republics
WPK – Workers’ Party of Korea
WTO – Warsaw Treaty Organization
WTO – World Trade Organization
YPA – Yugoslav People’s Army
ZANU – PF – Zimbabwe African National Union – Patriotic Front
JYIIAK – Yugoslav packet network

SOURCES AND BIBLIOGRAPHY

Used sources

Materials of digital archives and libraries

Vera and Donald Blinken Open Society Archives
*Documents of Radio Free Europe/Radio Liberty**

1. Antić Z. Drastic decline in Yugoslav standart of living. RFE-RL* Research. RAD Background report (Yugoslavia). 24 July 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:cc34f839-a8d2-478b-a5f2-de80f9c5d678>
2. Antić Z. Further broadening of Yugoslav-Chinese cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 19 Novembar 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c4957624-7dd3-4846-8629-fb9f339ee102>
3. Antić Z. Patriach Pimen of Russia visits Yugoslavia. RFE-RL* Reasearch. RAD X/5 East, F-602, 11 October 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9e1be416-d3d9-458a-aaef-1a641ee8a08f>
4. Antić Z. Pope John Paul II's visit to Yugoslavia canceled. RFE-RL* Research. RAD X/5 East, F-599, 22 March 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:723240bc-09b8-47ce-8495-41cf55b7760f>
5. Antić Z. Turkish head of State Kenan Evren visits Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Backgraund Report/203 (Yugoslavia) 30 September 1982. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:570344dd-86a9-4ba4-8c93-c8cdb7bb41f6>
6. Antić Z. Yugoslav-Albanian polemics over Kosovo escalate. RFE-RL* Research. RAD Background report/122 (Yugoslavia). 30 April 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff0386c8-9cc9-4211-88c7-a45e5304e0e3>
7. Antić Z. Yugoslav-Albanian relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/89 (Yugoslavia). 23 April 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:9a79fb3a-1260-4665-a89b-bcf7fc9c0db1>
8. Antić Z. Yugoslavia's foreign debts. RFE-RL* Research. RAD Background report/58 (Yugoslavia). 10 March 1982. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:dc6533ab-ee1e-45c2-a8ba-5bcf73bdf686>

9. Antić Z. Yugoslav reaction to Polish events. RFE-RL* Research. RAD Background report/265 (Yugoslavia). 5 November 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6499dbf6-2863-4fb3-8aca-f0f035782cf4>
10. Antić Z. Yugoslav reactions to the Warsaw Pact summit. RFE-RL* Research. RAD Background report/297 (Yugoslavia). 12 December 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:845f1cb5-67af-4e0b-877c-56b84d4c2eee>
11. Antić Z. Yugoslavia to receive new foreign credits. RFE-RL* Research. RAD Background report/39 (Yugoslavia). 13 February 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:8decfb0e-2dda-4280-99d0-3031e59fba9b>
12. Antić Z. Yugoslavia worried over Moscow's behavior to Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/298 (Yugoslavia). 12 December 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:d5b98e4a-acf6-426a-a07a-47795c97ed31>
13. Antić Z. Western banks willing to help Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/20 (Yugoslavia). 27 January 1983. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:efb72f98-47c8-401a-a84b-7a815cdd1251>
14. Kusin. Prague attacks Yugoslav ideological concepts. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Czechoslovakia). 16 July 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:5ab6bd60-6231-458b-9ef2-c5e39e42b2f0>
15. Moore P. Bulgarian Politburo member Aleksandur Lilov in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/300 (Bulgaria). 15 December 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:99c2ee0b-1868-4a23-8796-0ee097eabc4c>
16. Stanković S. After Gromyko's visit to Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/91 (Yugoslavia). 8 April 1982. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ff2421fa-4bb5-4ddd-ae21-01d32e7af273>
17. Stanković S. After Karamanlis's visit to Belgrade. RAD Background Report/273 (Yugoslavia), 17 Novembar 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:be70feec-4aa2-420a-8531-dec2a32328ed>
18. Stanković S. After Tihonov's visit to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/74 (Yugoslavia). 8 April 1983. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0eda2325-b914-4abe-a5d3-8339d674550c>
19. Stanković S. An anomaly in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/196 (Eastern Europe). 28 September 1982. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2d6b98df-2fee-4bda-98dd-cd47c6403ed6>
20. Stanković S. Belgrade Komunist sees Yugoslav-Soviet relations improving. RFE-RL* Research. RAD Background report/62 (Eastern Europe). 17 April 1984. [Electronic resource]. // OSA

- Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:f27902c2-8609-429b-a3bb-870940eb4047>
21. Stanković S. Chinese foreign minister visits to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/65 (Yugoslavia). 26 April 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6a89a972-3442-4c95-b652-180b18939408>
 22. Stanković S. Initial Yugoslav reaction to Soviet invasion of Afghanistan. RFE-RL* Research. RAD Background report/2 (Yugoslavia). 4 January 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:36fdd911-d592-4d34-b75e-236b8780cda8>
 23. Stanković S. Lazar Mojsov's visit to Hungary. RFE-RL* Research. RAD Background report/169 (Yugoslavia). 12 June 1981. [Electronic resource]. // OSA Archive. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c92f4cfe-bb8f-4a31-8dfa-880356b92390>
 24. Stanković S. Planinc to visit Sofia: new look at old Yugoslav-Bulgarian quarrell. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (East). 16 July 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:719490d3-3694-415c-b394-078c6a09a680>
 25. Stanković S. Romanian "gastarbeiter" in Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/221 (Yugoslavia). 16 September 1983. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:1767e0bf-03cd-4b37-a61f-c9e672807803>
 26. Stanković S. Situation report. RFE-RL* Research. RAD Background report/1 (Yugoslavia). 24 February 1985. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:78d37fd0-6882-4faa-9112-c62fa96e32e7>
 27. Stanković S. Situation repor. RFE-RL* Research. RAD Background report/9 (Yugoslavia). 19 September 1986. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:e35a2908-628e-40a4-beda-f91b527b9649>
 28. Stanković S. The US Secretary of State visits Belgrade. RFE-RL* Research. RAD Background report/276 (Yugoslavia). 28 September 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:7d9d27ac-c713-4f46-a879-05ed1c97c482>
 29. Stanković S. The Yugoslavs criticize Greece and Bulgaria over Macedonia. RFE-RL* Research. RAD Background report/177 (Yugoslavia). 16 August 1983. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:52240251-d990-485a-b23f-472525727251>
 30. Stanković S. Yugoslav leader against any inerference in Poland. RFE-RL* Research. RAD Background report/190 (Yugoslavia). 6 July 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL:
<https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:eae76896-7147-4e11-b95c-f9c33dc4cb31>

31. Stanković S. Yugoslav theorists on armed conflicts between communist countries. RFE-RL* Research. RAD Background report/104 (Yugoslavia). 13 April 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:79183945-20ca-46b2-bd05-8974a1015233>
32. Stanković S. Yugoslavia's prime-minister in China. RFE-RL* Research. RAD Background report/272 (Yugoslavia). 17 November 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:6dc71a72-8be1-487e-a3d6-ff895cebee75>
33. Stanković S. Yugoslavia's army: guarantor of the country's independence. RFE-RL* Research. RAD Background report/6 (Yugoslavia). 15 January 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:ef5fab3b-da13-40ed-bc02-c300fafa4e32>
34. Stanković S. Yugoslavia's defense minister visits Moscow. RFE-RL* Research. RAD Background report/95 (Yugoslavia). 20 April 1982. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c23af796-05d9-42a7-b4f8-67b0541f851b>
35. Stanković S. Yugoslavia one year after Tito's death. RFE-RL* Research. RAD Background report/127 (Yugoslavia). 6 May 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:0f168cdf-d953-4c51-86ca-1bec383b0bef>
36. Stanković S. Yugoslav-Cuban struggle over Nonaligned leadership revived. RFE-RL* Research. RAD Background report/54 (Yugoslavia). 3 March 1982. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=Yugoslav-Cuban+struggle+over+Nonaligned+leadership+revived>
37. Stanković S. Why has Yugoslavia increased its trade with the Soviet bloc. RFE-RL* Research. RAD Background report/208 (Yugoslavia). 21 July 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:31fb564b-b420-4459-8763-988f310f0858>
38. Zanga L. Albania and Yugoslavia expand electric energy cooperation. RFE-RL* Research. RAD Background report/133 (Albania). 3 June 1980. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:29cc67af-b775-42c1-8570-dbb6f9738c71>
39. Zanga L. Albania hails its «internationalist» contribution to Yugoslavia. RFE-RL* Research. RAD Background report/11 (Albania). 19 February 1985. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:3fc00d83-9f62-4da6-bc68-0ca2a2d857c2>
40. Zanga L. News media coverage of events in Kosovo. RFE-RL* Research. RAD Background report/223 (Eastern Europe). 20 November 1987. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:450b3ef3-f452-4cd3-81ab-ed4f4b8e51c0>

41. Zanga L. Steady deterioration in Yugoslav-Albanian relations. RFE-RL* Research. RAD Background report/163 (Albania). 9 June 1981. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:2845631d-2dcd-4631-b07b-10cc629d1582>
42. Zanga L. The new Yugoslav-Albanian cultural agreement. RFE-RL* Research. RAD Background report/31 (Eastern Europe). 26 February 1988. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=The+new+Yugoslav-Albanian+cultural+agreement>
43. Zanga L. Yugoslavia concerned about Albanian activities in Kosovo and abroad. RFE-RL* Research. RAD Background report/103 (Eastern Europe). 19 June 1984. [Electronic resource]. // OSA Archivum. – URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:c36cd109-4095-4b05-a0eb-b486f0b38345>

*** performs the functions of a foreign agent**

Freedom of Information Act Electronic Reading Room – CIA of the USA

44. Yugoslavia – Considerations of Assistance Measures. Secret/ sensitive discussion paper. 82-12423. November 5, 1982. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83M00914R000500110012-6.pdf>
45. Yugoslavia: Key Questions and Answers on the Debt Crisis. EUR 84-10011. January 1984. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/0005361799>
46. Yugoslavia: Prospects for the Economy. EURM 85-10098. May 1985. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t01058r000202890001-5>
47. Yugoslavia: status and outlook. EUR M 89-20114. July 21, 1989. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP90T00103R000400060002-9.pdf>
48. Yugoslavia – USSR: Can Gorbachev Lure Belgrade back? EUR 87-10031L. December, 1987. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp08s01350r000300910001-4>
49. Yugoslavia's Anti IMF-Tactics. Memorandum, for the record. TS 863522. April 1986. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp87r00529r000100060037-8>
50. Western Europe and Post-Tito Yugoslavia. EUR M-83 10193. 12 July 1983. [Electronic resource]. // CIA FOIA. – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00287R000501700001-0.pdf>

Official documents of international and regional organizations, as well as state and government agencies of individual countries

51. Deklaracija ob neodvisnosti Slovenije [Electronic resource]. // Uradni list Republike Slovenije. – URL:
<https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-list-rs/vsebina/1991-01-0007/deklaracija-ob-neodvisnosti>
52. Document 51990IP1418. Resolution on human rights in Kosovo. OJ C 231, 17.9.1990. [Electronic resource]. // EUR-Lex. Access to European Union law. – URL:
<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A51990IP1418&qid=1661323148063>
53. Doc. 5822. Report on the problems of Yugoslavs migrants and the development of relations between Yugoslavia and the Council of Europe [Electronic resource]. // Paliamentary Assembly. Official documents. – URL:
<https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1987/EDOC5822.pdf>
54. Doc. 5944. Report on the situation of the Church and freedom of religion in Eastern Europe [Electronic resource]. // Paliamentary Assembly. Official documents. – URL:
<https://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/1988/EDOC5944.pdf>
55. Drucksache 12-795 - Antrag: Zur Krise in Jugoslawien, 18.06.1991. [Electronic resource]. // Deutscher Bundestag. – Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200795.pdf>
56. Drucksache 12-797 - Antrag: Zur Lage im Kosovo, 18.06.1991. [Electronic resource]. // Deutscher Bundestag. – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/007/1200797.pdf>
57. Doc. 6096. Need for a Southern expansion of “Economic Europe” – Integration of Cyprus, Malta, Turkey and Yugoslavia into the European economic space [Electronic resource]. // Paliamentary Assembly. Official documents. – URL: <https://pace.coe.int/en/files/6252>
58. Mrak M. Debt conversions in Yugoslavia. OECD/GD(92)27. Technical paper NO. 54. February 1992. [Electronic resource]. // OECD. – URL:
<https://www.oecd.org/development/pgd/1919414.pdf>
59. National Intelligence Estimate 15-90 «Yugoslavia Transformed». October 18, 1990. [Electronic resource]. // Office of the Director of National Intelligence. – URL:
http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub34_NIE_15-90.pdf
60. National Security Decision Directive 54 «United States Policy Toward Eastern Europe». September 2, 1982. [Electronic resource]. // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. – URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf>
61. National Security Decision Directive 133 «United States Policy Toward Yugoslavia». March 19, 1984. [Electronic resource]. // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. – URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm>

62. OECD economic surveys. Yugoslavia, 1980. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1980_eco_surveys-yucs-1980-en
63. OECD economic surveys. Yugoslavia, 1981. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1981_eco_surveys-yucs-1981-en
64. OECD economic surveys. Yugoslavia, 1982. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1982_eco_surveys-yucs-1982-en
65. OECD economic surveys 1982-1983. Yugoslavia, 1983 [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1983_eco_surveys-yucs-1983-en
66. OECD economic surveys 1984-1985. Yugoslavia, 1984. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1985_eco_surveys-yucs-1985-en
67. OECD economic surveys 1986-1987. Yugoslavia, 1987. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en
68. OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en
69. OECD economic surveys 1989-1990. Yugoslavia, 1990. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1990_eco_surveys-yucs-1990-en
70. OECD economic surveys 2001-2002. Federal Republic of Yugoslavia, 2002. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-federal-republic-of-yugoslavia-2002_eco_surveys-srb-2002-en
71. OECD economic surveys 1986-1987. P. 9. Yugoslavia, 1987. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1987_eco_surveys-yucs-1987-en
72. OECD economic surveys 1987-1988. Yugoslavia, 1988. [Electronic resource]. // OECD. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-yugoslavia-1988_eco_surveys-yucs-1988-en

73. Resolution on the situation in Yugoslavia, 15.03.1991. [Electronic resource]. // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1660748888435&uri=CELEX%3A51991IP0395> =

Collections of documents

1. The Albanian factor in the development of the crisis in the territory of the former Yugoslavia. The documents. In 4 volumes. V. 1 (1878–1997) / Responsible. ed. E. Yu. Guskova – Moscow: Indrik, 2006. – 307 p. [in Russian]
2. Anatomy of conflicts. Central and South-Eastern Europe. Documents and materials of the last third of the 20th century. In 2 volumes. V. 1. Early 1970's - first half of the 1980's. V. 2. The second half of the 1980's - the beginning of the 1990's. – St. Petersburg: Aleteyya, 2012-2013. – 602 p., 862 p. [in Russian]
3. Yugoslavia is on fire. Documents, facts, comments (1990-1992). – Moscow: Expertinform, 1992. – 372 p. [in Russian]
4. Visit of the General Secretary of the CPSU Central Committee M. S. Gorbachev to the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, March 14-18, 1988. Documents and materials. – Moscow: Politizdat, 1988. – 94 p. [in Russian]
5. Non-Aligned Movement in Documents and Materials. Comp. Listopadova R. S. – Moscow: Nauka, 1989. – 496 p. [in Russian]
6. Yugoslav crisis and Russia. Documents, facts, comments (1990-1993). – Moscow: Slavic Chronicle, 1993. – 505 p. [in Russian]
7. Od mira do rata. Dokumenta Predsedništva SFRJ 1991. Tom 1 (januar - mart 1991.) / Priredile: Nikolić K., Petrović V. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2011. – 480 str.

Periodicals (newspapers, magazines)

1. Политика. 1980-1991.
2. Beijing review. 1983.
3. Borba. 1989-1991.
4. Komunist. 1980.
5. Los Angeles Times. 1981-1988.
6. The New York Times. 1988.
7. Rilindja. 1984.
8. Tribuna. 1984.
9. Zeri i Popullit. 1987.

Sources of personal origin

1. Dizdarević P. Од смрти Тита до смрти Југославије: свједочења. – Сарајево: Свјетлост, 2000. – 461 стр.
2. Kadijević V. D. Counter-attack (My view on the collapse of Yugoslavia). Book II. – Moscow: Moscow Publishing House, 2007. – 191 p. [in Russian]
3. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. – Београд: Политика, 1995. – 487 стр.
4. Трајановски Д. Дипломатски записи. – Скопје: Студентски збор, 1993. – 270 стр.
5. Jazić Ž. Moj pogled na diplomatiju (1957-2005). – Beograd: Čigoja štampa N. Jazić, 2011. – 243 str.
6. Mesić S. The Demise of Yugoslavia: A Political Memoir. – Budapest: CEU Press, 2004. – 432 p.
7. Milatović A. Pet diplomatskih misija. Knjiga 1. Rim – Sofija – Tirana. Knjiga 2. Bukarešt – Varšava. – Ljubljana-Zagreb: Cankarjeva založba, 1985-1986. – 381 str., 262 str.
8. Zorić N. L. Zapisi jugoslovenskog diplomate. 1948-1983. – Beograd: Službeni glasnik, 2011. – 560 str.

Reference, sociological and statistical materials

1. Directory of Yugoslav officials. Directorate of Intelligence. A Reference Aid. – Washington DC, 1985. – 143 p.
2. Jugosloveni o društvenoj krizi (istraživanje javnog mnjenja 1985. godine). – Beograd: Izdavački centar Komunist, 1989. – 220 str.

Audiovisual sources

1. JRT TV Beograd 1 – Dnevnik 3, 24. februar 1988. [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=k9M-Vw0yiSQ&ab_channel=ArhiVid
2. Slobodan Milošević Ušće 1988. [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=RvXggqKWwUzk&ab_channel=StefanLazarevi%C4%87
3. 600. godina od Kosovske bitke 1389-1989: Proslava i govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=4a5ct7vVcgk&ab_channel=DokumentarneEmisijeBalkan
4. 14 Kongres SKJ + TV Dnevnik 2 (23.01.1990). [Electronic resource]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8ySnqKJKgVw>

5. Dizdarević: Antu Markovića pamtim kao čovjeka vizija. [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=0HL6jN9lxrs&ab_channel=AlJazeeraBalkans
6. Slobodan Milosevic – first TV interview 1989 with Marko Josilo. [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=RWXqFBo7qAU&ab_channel=MarkoJo

References

Monographs, publications in scientific collections and scientific periodicals

1. Actual problems of the Non-Aligned Movement (from Havana to Delhi): ref. Sat. – Moscow: Academy of Sciences of the SSSR, INION, Institute of Oriental Studies, 1984. – 238 p. [in Russian]
2. Alimov Yu. I. The non-aligned movement is an important factor in modern international life. – Moscow: Knowledge, 1985. – 64 p. [in Russian]
3. Alimov Yu. I. Non-alignment: history, theory, problems. – Moscow: Progress, 1990. – 328 p. [in Russian]
4. Bukvić R. Regional problem of socialist Yugoslavia in 1945-1991 // Bulletin of Mordov. university – 2014. – No. 3. – P. 129-146. [in Russian]
5. Volkov V. K. Key problems of the recent history of the countries of Central and South-Eastern Europe. – Moscow: Indrik, 2000. – 367 p. [in Russian]
6. Gumilyov L. N. Geography of the ethnos in the historical period. – Leningrad: Nauka, 1990. – 279 p. [in Russian]
7. Guskova E. Yu. Foreign policy of Russia during the Yugoslav crisis (1985-1995). – Moscow: Vladimir Dal, 2022. – 457 p. [in Russian]
8. Guskova E. Yu. Discussion about personnel policy and the social class structure of the LCY / USSR Academy of Sciences, INION. – Moscow: INION, 1985. – 47 p. [in Russian]
9. Guskova E. Yu. History of the Yugoslav crisis. – Moscow: Rus. nat. fund: A. Solovyov, 2001. – 717 p. [in Russian]
10. Guskova E. Yu. Ideological work of the League of Communists of Yugoslavia: St. Reviews: / USSR Academy of Sciences, INION. – Moscow: INION, 1988. – 176 p. [in Russian]
11. Guskova E. Yu. Undeclared war. NATO aggression and the peace process. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. – 512 p. [in Russian]
12. Guskova E. Yu. From totalitarianism to democracy: the first results of elections on a multi-party basis in Yugoslavia: a review. – Moscow: INION, 1991. – 39 p. [in Russian]

13. Guskova E. Yu. The role of the LCY in the political system of society: Nauch.-analit. review. – Moscow: INION, 1983. – 39 p. [in Russian]
14. Guskova E. Yu. Serbia was waiting for support. M. S. Gorbachev's visit to Yugoslavia in March 1988 // New and recent history. – 2019. – Issue. 5. – S. 128-144. [in Russian]
15. Guskova E. Yu. Yugoslav concept of the party in the conditions of self-government. – Moscow: INION, 1987. – 55 p. [in Russian]
16. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance. – Moscow: Academic project, 2015. – 608 p. [in Russian]
17. Non-Aligned Movement in the Modern World / Ed. ed. Etinger Ya. Ya. – Moscow: Intern. relations, 1985. – 287 p. [in Russian]
18. Dmitrieva O. D. Non-Aligned Movement and Regional Conflicts. – Moscow: IMEMO, 1990. – 42 p. [in Russian]
19. Edemsky A. D. On the visit of M. S. Gorbachev to Yugoslavia in March 1988 // Slobodan Milosevic: put ka vlasti. Osma sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice. – Beograd: Stirling, 2008. – S. 229-256. [in Russian]
20. Edemsky A.D. From the failure of the XIV Congress of the SKJ to the “third Yugoslavia”? // Eastern Europe at a historical turning point (essays on revolutionary transformations, 1989-1990). Rep. ed. Yu. S. Novopashin. – Moscow: Institute of Slavic and Balkan studies of the Academy of Sciences of the USSR, 1991. – P. 269-290. [in Russian]
21. Ivanova Yu. V. Kosovo crisis. – Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, 1999. – 22 p. [in Russian]
22. Iskenderov P. A. The history of Kosovo in the scope of discussions // Questions of history. – 2010. – No. 3. – P. 38-54. [in Russian]
23. Iskenderov P. A. Albania and crises in the post-Yugoslav space // Albanian factor of the crisis in the Balkans: Collection of scientific papers / Answer. ed. E. Yu. Guskova. – Moscow: INION, 2003. – P. 110-124. [in Russian]
24. Kamenetsky V. M. The political system of Yugoslavia (1950–1980). – Moscow: Nauka, 1991. – 116 p. [in Russian]
25. Kandel P. E. Yugoslav self-government and the main directions of the foreign policy of the SFRY (1949-1979). – Moscow: Institute of Economics of the World Socialist System of the Academy of Sciences of the USSR, 1979. – 164 p. [in Russian]
26. *Katkova E. P.* Balkanskoye napravleniye vneshney politiki SFRYU v 1980-1991 gg. [The Balkan direction of the foreign policy of the SFRY in 1980-1991] / E. P. Katkova // *Clio*. – 2022. – No. 11 (191). – P. 84-91. [in Russian]
27. Kudrov V. M. Yugoslavia: a difficult path. – Moscow: Bookplate, 2001. – 76 p. [in Russian]

28. Kudrov V. M. Yugoslavia: a farewell economic and statistical portrait // Social sciences and modernity. – 2002. – No. 1. – P. 90-105. [in Russian]
29. Koloskov E. A. Kosovo myth in the Serbian political discourse (1986-1991) // Slavic world: community and diversity. Abstracts of the youth scientific conference within the framework of the Days of Slavic Literature and Culture / Answer. ed. E. S. Uzeneva, O. V. Khavanova. – Moscow, Institute of Slavic Studies, 2018. – P. 124-128. [in Russian]
30. Komendantov S. V. On the implementation of “exceptions on national security structures” in the practice of GATT / WTO // Education and Law. – 2019. – No. 10. – P. 36-39. [in Russian]
31. *Kostiuk R. V., Katkova E. P.* The development of Soviet-Yugoslav relations in the 1970s. // *Clio*. – 2018. – No. 12. – P. 122-130. [in Russian]
32. *Kostiuk R. V., Katkova E. P.* Franco-Yugoslav relations in the context of the evolution of world politics in the 1970-80's. // *Questions of history*. – 2020. – No. 10 (4). – P. 53-67. [in Russian]
33. Kostiuk R. V. Non-Aligned Movement in the Cold War Era // *Clio*. – 2011. – No. 4. – P. 32-37. [in Russian]
34. Krylov S. A. Non-Aligned Movement: History and Modernity // *Obozrevatel – Observer*. – 2018. – No. 3. – S. 26-43. [in Russian]
35. Kuznechevsky V. D. Evolution of the Yugoslav concept of socialism. – Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies, 1990. – 186 p. [in Russian]
36. Martynova M. Yu. Balkan Crisis: Peoples and Politics. Moscow: Stary Sad, 1998. – 465 p. [in Russian]
37. World Socialism and the Non-Aligned Movement / Ed. Tuzmukhamedov R. A., Kovalenko I. I. – Moscow: International relations, 1988. – 254 p. [in Russian]
38. Nasonova S. A. Ethno-national and political features of Bosnia and Herzegovina within the framework of the SFRY (FPRY) // *Problems of new and recent history of foreign countries*. – 2011. – Issue. 9. – P. 62-72. [in Russian]
39. Nikiforov K. V. Serbia in the Balkans. 20th century. – Moscow: Indrik, 2012. – 176 p. [in Russian]
40. Nikiforov K. V. From Serbia to Serbia. In search of modernization. Late 19th - early 21st century – Moscow: Indrik, 2021. – 280 p. [in Russian]
41. Nikiforov K. V. Yugoslav experiment // *Power – society – reforms: Central and South-Eastern Europe, the second half of the twentieth century*. – Moscow: Nauka, 2006. – P. 347-386. [in Russian]
42. Panova I. A. The non-aligned movement is an important factor in the world politics of the 20th century. // *Bulletin of the Moscow State University of Printing Arts*. – 2012. – No. 11. – P. 65-85. [in Russian]

43. Pivovarenko A. A. Prerequisites for the withdrawal of Croatia from the SFRY. Republican aspect // *Bulletin of Slavic cultures*. – 2014. – No. 3. – P. 50–68. [in Russian]
44. Pivovarenko A. A. Formation of F. Tujman as the leader of the Croatian national movement // *Dissent in the conditions of “real socialism”: The search for a new statehood, the end of the 60’s - 80’s. XX century*. – Moscow: Institute of Slavic Studies, 2014. P. 596-608. [in Russian]
45. Polynov M. F. Gorbachev’s foreign policy 1985-1991. – St. Petersburg: Aleteyya, 2015. – 504 p. [in Russian]
46. Ponomareva E. G. Political development of the post-Yugoslav space (internal and external factors). – Moscow: MGIMO-University, 2007. – 233 p. [in Russian]
47. Romanenko S. A. Between “proletarian internationalism” and “Slavic brotherhood”. Russian-Yugoslav relations in the context of ethno-political conflicts in Central Europe. From the beginning of the twentieth century. until 1991. – Moscow: New Literary Review, 2011. – 1012 p. [in Russian]
48. Romanenko S. A. “Perestroika” and / or “self-governing socialism”. M. S. Gorbachev and the fate of Yugoslavia” // *Slavic Almanac*. 2006. – Moscow: Indrik, 2007. – P. 171-209. [in Russian]
49. Sarajevo'84: XIV Winter Olympic Games / Comp. V. Zhiltsov. – Moscow: Physical culture and sport, 1985. – 191 p. [in Russian]
50. Terzić S. Old Serbia: The drama of one European civilization. – Moscow: Veche, 2015. – 480 p. [in Russian]
51. Toynbee A. J. Civilization before the court of history. – Moscow: Iris-Press, 2002. – 592 p. [in Russian]
52. Tuzmukhamedov R. A. Non-Aligned Movement and International Law. – M.: Nauka, 1989. – 190 p. [in Russian]
53. Utegenova D. K. UN and the Non-Aligned Movement. – Moscow: Nauka, 1991. – 188 p. [in Russian]
54. Huntington S. The clash of civilizations. – Moscow: AST, 2003. – 602 p.
55. Chernyshev V. V. Foreign economic relations of the SFRY at the present stage. – Moscow: Nauka, 1980. – 192 p. [in Russian]
56. Yugoslavia in the XX century. Essays on political history / Answer. ed. Nikiforov K.V. – Moscow: Indrik, 2011. – 888 p. [in Russian]
57. Antikolonijalna revolucija, socijalna politička i ekonomska emancipacija u svetu / Odbor Predsedništva Savezne konf. SSRNJ za pomoć oslobodilačkim pokretima i žrtvama agresije. Ured. odbor. R. Petković. – Beograd: Međunar. politika, 1986. – 230 str.
58. Artisien P. A note on Kosovo and the future of Yugoslav-Albanian relations: a Balkan perspective // *Soviet Studies*. – 1984. – Vol. 36. – No. 2. – P. 267- 276.

59. Bakić J. Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma, 1918-1941: sociološko-istorijska studija. – Zrenjanin: Gradska narodna biblioteka “Žarko Zrenjanin”, 2004. – 599 str.
60. Bakić J. Jugoslavija: razaranje i njegovi tumači. – Beograd: Službeni glasnik, 2011. – 734 s.
61. Banac I. Political Change and National Diversity // *Daedalus*. – 1990. – Vol. 119. – No. 1. – P. 141-159.
62. Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu – odnosi sa velikim silama 1945-1955. – Zagreb: Globus, 1988. – 767 str.
63. Bennett C. Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences. – New York: New York University Press, 1995. – 296 p.
64. Bianchini S. Eastern Europe and the challenges of modernity, 1800-2000. – London and New York: Routledge, 2015. – 270 p.
65. Biberaj E. Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // *East European Quarterly*. – 1983. – № 4. – P. 173-189.
66. Bing A. «Croatia down under»: australski tisak o izbijanju rata u Hrvatskoj i raspadu Jugoslavije 1990.-1991. // *Časopis za suvremenu povijest*. – 2003. – Vol. 35. – No. 3. – S. 769-802.
67. Bjelić P. Svetska trgovinska organizacija. – Beograd: Prometej, 2002. – 259 str.
68. Bilandić D. Jugoslavija poslije Tito. 1980-1985. – Zagreb: Globus, 1986. – 145 str.
69. Bogetić D. Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1990. – 251 str.
70. Calic M. J. A history of Yugoslavia. – Purdue: Purdue University Press, 2019. – 442 p.
71. Calic M. J. The Great Cauldron: A History of Southeastern Europe. – Cambridge/London: Harvard University Press, 2019. – 736 str.
72. Carević M. Jugoslavija između etatizma i samoupravljanja. – Banjaluka: Glas, 1987. – 426 p.
73. Čačić J., Kumpes J. Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku) // *Migracijske teme*. – 1989. – № 5. – S. 287-306.
74. Čavoški J. Non-Aligned Movement Summits: A History. – New York: Bloomsbury, 2022. – 312 p.
75. Dašić D. Đ. Neki unutrašnji i međunarodni aspekti krize i raspada Jugoslavije // 20 godina od razbijanja SFRJ. – Beograd: Institut za uporedno pravo, 2011. – S. 159-183.
76. Dragišić P. Emigriranje iz Srbije od šezdesetih godina XX veka do danas: kvantitativni pregled // *Tokovi istorije*. – 2013. – № 3/4. – S. 233-249.
77. Dragišić P. Jugoslovenski ekonomski migranti u Austriji od početka 60-ih godina do raspada Jugoslavije // *Tokovi istorije*. – 2009. – № 1/2. – S. 55-65.

78. Dragišić P. Odnosi Jugoslavje i Austrije, 1945-1955. – Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2013. – 205 str.
79. Dragišić P. Šta smo znali o Italiji?: pogledi iz Beograda na Italiju 1955-1978. – Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2019. – 319 str.
80. Dimić L. Istoriografski putokazi: Istoriografsko nasleđe o spoljnoj politici Jugoslavije u Hladnom ratu // Spoljna politika Jugoslavije 1950-1961: Zbornik radova. – Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2008. – S. 25-46.
81. Gavrilović D. Zatočenici mitova nacionalizma i komunizma: svet i Jugoslavija. – Beograd: Kairos, 2010. – 141 str.
82. Hayden R. M. The beginning of the end of the Federal Yugoslavia: the Slovenian amendment crisis of 1989. – Pittsburg: REES, 1992. – 37 p.
83. Investing in Yugoslavia with OPIC Assistance. Overseas Private Investment Corporation. – Washington: Library of Congress, 1973. – 77 p.
84. Ivanović V. Ekstremna emigracija u SR Nemačkoj i Jugoslavija // Istorija 20. veka. – 2009. – Br. 1. – S. 139-147.
85. Jakovina T. Budimir Lončar – od preka do vrha svijeta. – Zaprešić: Fraktura, 2020. – 770 s.
86. Jakovina T. The active coexistence of non-aligned Yugoslavia // Yugoslavia from a historical perspective. – Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights in Serbia, 2017. – P. 461-515.
87. Jakovina T. Treća strana hladnog rata. – Zagreb: Fraktura, 2011. – 782 p.
88. Janev I. Spoljna politika Jugoslavije (SCG) prema UNESCO-u. – Beograd: Institut za političke studije, 2009. – 306 str.
89. Janković S. Sukobi na Bliskom istoku – osnovna obeležja // Međunarodni problemi. – 2007. – br. 2–3. – S. 266–307.
90. Jugoslavija i EEZ / gl. i odg. ur. Adamović L. S. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1988. – 258 str.
91. Jugoslavija i SEV. Intenzifikacija ekonomske saradnje Jugoslavije i SEVa / gl. i odg. ur. Adamović L. S. – Beograd: Privredni pregled, 1985. – 197 str.
92. Jugoslavija i Svetska trgovinska organizacija. Uslovi i mogućnosti uključivanja u svetski trgovinski sistem. – Beograd: Institut ekonomskih nauka, 1996. – 227 str.
93. Jugoslavija u svetskoj privredi na pragu XXI veka. – Beograd – Zagreb: Informator, 1986. – 467 str.
94. Gradove smo vam podigli. O protivorečnostima jugoslovenskog socializma / Ur. Kneživic V. – Beograd: Centar za kulturnu dekontaminaciju, 2018. – 315 s.
95. Köchler H. The Principles of Non-Alignment. The Non-Aligned Countries in the 80's. – London: International Progress Organization, 1988. – 281 p.

96. Kovač O., Popović T. Yugoslavia and the European Union: the past and the future. – Belgrade, 1996. – 184 str.
97. Kovric B. End Of Walls and Bridges: The United States & Eastern Europe. – New York: New York University Press, 1991. – 440 p.
98. Lampe J. R., Prickett R. P., Adamović L. S. Yugoslav-American Economic Relations Since World War II. – Durham: Duke University Press, 1990. – 251 p.
99. Lampe J. R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 512 p.
100. Lazić M. Unmaking detente. Yugoslavia, the United States, and the Global Cold War, 1968-1980. – London, 2022. – 304 p.
101. Lebovic J. H. National Interests and US Foreign Aid: The Carter and Reagan Years // Journal of Peace Research. – 1988. – Vol. 25. – Issue 2. – P. 115-135.
102. Lees L. M. Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. – University Park: Pennsylvania State University, 1997. – 268 p.
103. Libal M. The Limits of Persuasion: Germany and the Yugoslav Crisis, 1991-1992. – Westport: Praeger. 1997. – 224 p.
104. Lopandić D., Kronja J. Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu. – Beograd: Friedrich Ebert Stiftung, 2010. – 316 p.
105. Mileta V. Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju // Politička misao. – 1986. – Vol. XXIII. – No. 3. – S. 51-57.
106. NAM and Contemporary World / Ed. By Govind N. Shrivastava. – New Delhi: Indian Institute for Non-Aligned Studies, 1990. – 211 p.
107. Niebuhr R. Nonalignment as Yugoslavia's Answer to Bloc Politics // Journal of Cold War Studies. – 2011. – Vol. 13. – No. 1. – P. 146-179.
108. Obradović S. Stanje i perspektive odnosa MMF i SRJ // Ekonomski horizonti. – 2000. – № 2. – P. 89-96.
109. Ortakovski V. Rezultati i posledice izraelsko-arapskih ratova // Međunarodni problemi. – 1989. – god. XLI. – br. 2-3. – S. 221-234.
110. Paquin D. Understanding US Foreign Policy Toward Emerging Secessionist States: a Close Look at the Balkan Regional Context. – Montreal, 2005. – 249 p.
111. Pavlica B. Izbeglice azilanti iz Jugoslavije u SR Nemačkoj // Strani pravni život. – 2005. – Br. 3. – P. 85-102.
112. Perestroika and the Party. National and Transnational Perspectives on European Communist Parties in the Era of Soviet Reform. – New York: Berghahn Books, – 2019. – 348 p.

113. Petković D. Francusk-srpski odnosi, 1800-2010. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 2011. – 372 str.
114. Petković R. Jedan vek odnosa Jugoslavije i SAD. – Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992. – 172 str.
115. Petković R. Spoljna politika Jugoslavije i njeno mesto u pokretu nesvrstanih // Politička misao. – 1983. – Vol. XX. – No. 4. – S. 29-37.
116. Petković R. Subjektivna istorija jugoslovenske diplomatije 1943-1991. – Beograd: Službeni list SRJ, 1995. – 236 str.
117. Petković R. Novi prioriteti u spoljnoj politici Jugoslavije // Politička misao. – 1990. – Vol. XXVII. – No. 1. – S. 107-114.
118. Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918-1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija 1945-1988. – Beograd: Nolit Beograd, 1988. – 492 str.
119. Petrović N. Ž. Ubijstvo turskog ambasadora u Beogradu 1983. godine i jugoslovensko-turski odnosi // Istorija 20. veka. – 2017. – № 2. – S. 119-133.
120. Popović T., Stamenković S. Ekonomska drama Jugoslavije: Raspad trzista – sankcije – slom monetarnog sistema. – Beograd: Institut ekonomskih nauka, 1994. – 93 p.
121. Ramet S. P. The Three Yugoslavias. State-Building and legitimation, 1918-2005. – Indiana University Press, 2006. – 784 p.
122. Ramet S. P. Balkan Babel: The Disintegration Of Yugoslavia From The Death Of Tito To The Fall Of Milosevic. – London: Routledge, 2002. – 449 p.
123. Saradnja SFRJ–SEV. Principi, aktuelna pitanja, perspektive. Materijali jugoslovenskog naučnostručnog skupa povodom 20 godina saradnje SFRJ–SEV / gl. i odg. ur. Prvulović L. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1987. – 413 str.
124. Singleton F. A short history of the Yugoslav peoples. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 324 str.
125. Sretenović S. Francusko- srpski odnosi u XIX i XX veku // Međunarodni problemi. – 2009. – № 4. – Str. 536-558.
126. Sretenović S. Francuski pogled na uspon Slobodana Miloševića 1987-1989 // Slobodan Milošević: Road to Power. – Belgrade, Institut za savremenu istoriju, 2008. – S. 256- 267.
127. Stambolija N. Jugoslovensko-poljski odnosi u 1986. godini // Jugoslavsko-poljski odnosi u XX veku: Zbornik radova. – Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2015. – P. 57-59.
128. Strugar V. Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavija. – Beograd: Stručna knjiga, 1992. – 368 p.
129. Tadić B., Damian A. Pokret nesvrstanih i sukobi među nesvrstanim zemljama. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1987. – 206 str.

130. Tadić B. Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nesvrstanosti. – Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1982. – 190 str.
131. The 60th Anniversary of the Non-Aligned Movement / Edit by Dimitrijević D., Čavoški J. – Belgrade: Institute of International Politics and Economics , 2021. – 509 str.
132. The economics of Non-Alignment / Edit by Adamović Lj. – Belgrade: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1985. – 230 str.
133. Todorović M. Srbija i Egipat. Srpsko-egipatski međukulturni odnosi. – Beograd: Porta Mundi, 2021. – 206 str.
134. Urban W. Austrijsko-jugoslavenski privredni odnosi // Politička misao. – 1986. – No. 3. – S. 58-82.
135. Viola Donatella M. European Foreign Policy and the European Parliament in the 1990s. An Investigation into the Role and Voting Behavior of the European Parliament's Political Groups. – London, New York: Routledge, 2019. – 364 p.
136. Vukadinović R. Jugoslovensko-austrijski odnosi: od napetnosti do razumijevanja // Politička misao. – 1989. – Vol. XXVI. – No. 4. – P. 117-127.
137. Woodward S. Balkanska tragedija: kaos i raspad posle hladnog rata. – Beograd: Filip Vičnjić, 1997. – 491 str.
138. Божић С. Аустрија и Срби кроз векове – кратак преглед // Казивања о Србима кроз векове: од Светог Стефана Немање и Светог Саве до дана. – Београд: Драслар партнер, 2015. – С. 216–229.
139. Југословенско-француски односи. Зборник радова / одг. ур. Терзић С. – Београд: Историјски институт, 1990. – 415 стр.
140. Костић Ј. М. Спорне територије Срба и Хрвата. – Београд: Досије, 1990. – 318 стр.
141. Манчев К. Кървавият край на Югославия. – София: Парадигма, 2009. – 359 стр.
142. Марковић П. Ј., Антић Ч. Алтернативна историја Србије. – Београд: Laguna, 2021. – 264 стр.
143. Матић Д. Дипломатски односи између Шпаније и Југославије (1975-1980). Младеновац: Литера, 2021. – 195 стр.
144. Миликић Р. Југославија и Савет Европе, 1980-2003. Југославија и Парламентарна скупштина Савета Европе од Титове смрти до нове државе. – Београд: Службени гласник, 2012. – 256 стр.
145. Павловић В. Идеолошки корени Титове спољне политике. Југославија као део совјетске интересне сфере // Два века модерне српске дипломатије. Одг. уред. Д. Т. Батаковић. – Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. – С. 223-265.

146. Силић П. У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. Београд: Филип Вишњић, 1993. – 181 стр.
147. Станковић-Пејновић В. Утицај САД и Немачке на распад Југославије // Српска политичка мисао. – 2009. – Бр. 3. – С. 111-137.

Dissertations

1. Ali Mohamed Salem Ba-Saad. The non-aligned movement in the second half of the 80's - early 90's: author. dis... cand. hist. sciences. – Kyiv, 1993. – 23 p. [in Russian]
2. Bakhareva O. V. The non-aligned movement is an important factor in the anti-imperialist struggle: author. dis... dr. hist. sciences. – Moscow, 1983. – 20 p. [in Russian]
3. Bychkov Yu. E. Yugoslav-American relations in the 80's: author. dis... cand. hist. sciences. – Moscow, 1988. – 18 p. [in Russian]
4. Gross E. N. FRG and the Balkan crisis at the turn of the 20th and 21st centuries: dis... cand. hist. sciences. – Tula, 2007. – 202 p. [in Russian]
5. Durnev V. P. The problem of national minorities in the foreign policy of Yugoslavia (November 1983 - June 1982): author. dis... cand. hist. sciences. – Moscow: DA MFA of the USSR, 1983. – 16 p. [in Russian]
6. Kandel P. E. The Yugoslav system of self-government and the main directions of the foreign policy of the SFRY (1949-1979): author. dis... cand. hist. sciences. – Moscow, 1979. – 24 p. [in Russian]
7. Kurbatsky V. A. Foreign policy of Albania in the late XX - early XXI centuries: dis... cand. hist. sciences. – Moscow, 2017. – 207 p. [in Russian]
8. Martynova M. Yu. Ethnic aspects of the modern Balkan crisis: author. dis... dr. hist. sciences. – Moscow, 1996. – 42 p. [in Russian]
9. Novoseltsev B. S. Foreign policy of Yugoslavia in 1961-1968: dis... cand. hist. sciences. – Moscow, 2013. – 295 p. [in Russian]
10. Ponomareva E. G. The collapse of the Yugoslav model of federalism: author. dis... cand. polit. sciences. – Moscow, 1995. – 20 p. [in Russian]
11. Todorov S. S. Relations between Bulgaria and Yugoslavia in the 80's and early 90's: author. dis... cand. hist. sciences. – Moscow, 1992. – 13 p. [in Russian]
12. Shmelev B. A. The main directions of the foreign policy of the SFRY in the 70's - early 80's: author. dis... cand. history sciences. – Moscow, 1986. – 20 p. [in Russian]

13. Entina E. G. Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the post-Yugoslav space): dis... dr. polit. sciences. – Moscow, 2020. – 498 p. [in Russian]
14. Arežina, Sanja Z. Odnosi NR Kine sa Jugoslavijom i Srbijom od 1977. do 2009. godine: Doktorski rad. – Beograd, 2013. – 543 str.
15. Kasalo B. Međunarodni pogledi na krizu u Jugoslaviji 1980.-1987.: Doktorski rad. – Zadar, 2017. – 249 str.
16. Mocnik J. United States-Yugoslav Relations, 1961-80: The Twilight of Tito's Era and the Role of Ambassadorial Diplomacy in the Making of America's Yugoslav Policy: History Ph. D. Dissertation. – Bowling Green State University, 2008. – 227 p.
17. Shadly H. Ali. Non-Aligned Movement and decolonization: Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Political Science. – Aligarh, 1990. – 467 p.
18. Радонић Н. Р. Слика Африке у Југославије (1941-1991): Докторска дисертација. – Београд, 2020. – 442 стр.
19. Ристановић П. Р. Српска интелектуална елита и косовско питање 1974-1989. Докторска дисертација. – Београд, 2018. – 776 стр.

Electronic resources

1. Архив Југославије [Electronic resource]. – URL: <http://www.arhivyu.gov.rs/>
2. Japanorama [Electronic resource]. – URL: <http://www.japanorama.rs/>
3. UPI. com [Electronic resource]. – URL: <https://www.upi.com/>